Сборник студенческих работ

«ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

Материалы IV Межрегионального научного семинара

Брянск 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

(Материалы IV Межрегионального научного семинара, 20 ноября 2025 г.)

научное электронное издание сетевого распространения

БРЯНСК 2025

УДК 80/81
ББК 81:74.268.1
Ф-54

Филология и лингводидактика: взгляд молодых исследователей: материалы IV Межрегионального научного семинара (20 ноября 2025 года, г. Брянск) / под ред. Е.Д. Селифоновой., Н.В. Изотовой, О.В. Тишиной; ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского». – Брянск: РИСО БГУ, 2025. – 534 с. – Системные требования: ПК не ниже класса Pentium II; Windows 95/98/XP; мышь. – Загл.с экрана

Настоящий сборник состоит из научных статей, отражающих результаты исследований студентов бакалавриата и магистратуры, представленных на IV Межрегиональном научном семинаре «Филология и лингводидактика: взгляд молодых исследователей», который проводился в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского 20 ноября 2025 года.

Тематически сборник разделен на три части. В первой части «Лингвистические исследования: взгляд молодых ученых» рассматриваются общие и частные вопросы филологии, лингвистики и перевода. Во второй части «Современное иноязычное образование: проблемы и перспективы развития» представлены результаты научных исследований по методике преподавания русского и иностранных языков. Третья часть «Слово начинающим ученым» включает статьи, содержащие результаты исследований школьников под руководством наставников из числа преподавателей Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, Гимназии № 1 г. Брянска и Брянского городского Лицея № 1 им А.С. Пушкина. Каждая статья сопровождается краткой аннотацией, перечнем ключевых слов и заключается списком использованной литературы.

Сборник статей предназначен для широкого круга специалистов в области лингвистики, переводоведения и методики преподавания русского и иностранного языка.

Сборник издан в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (соглашение от 23.05.2025г. № 075-15-2025-442).
Межрегиональный семинар входит в программу проекта «Студенческая Наука Отечеству», поддержанного грантом Минобрнауки России.

Рецензенты:

Василенко А.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Голуб Л.Н. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный аграрный университет».

Подготовлено на кафедре кафедре теории английского языка и переводоведения и на кафедре английского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского».

Рекомендовано к печати на заседании кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (протокол № 4 от 22 декабря 2025 г.)

Авторы несут ответственность за достоверность публикуемых фактических материалов, корректность цитирования и приводимых источников.

© РИСО БГУ, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Оглавление

ЧАСТЬ 1 Лингвистические исследования: взгляд молодых ученых 11

Анисенкова А.С., Ряховская А.Ю. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 11

Асоскова У. К. СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИСЕМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 14

Астаповский Н. А., Храброва Е.С. ПРИЁМЫ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЙЗЕКА АЗИМОВА 20

Беженару Мария-Магдалена СРЕДСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 26

Богданец С. Ю. ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ: ПРОБЛЕМЫ, ПРИЕМЫ, СПЕЦИФИКА 31

Будейкина А. Э. ОЛЬФАКТОРНАЯ СЕМАНТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. АХМАТОВОЙ 37

Бушина В.В. К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ 42

Вишнякова С. И. АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕДАЧИ КОРЕЙСКИХ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ 48

Воронкова Д.Н. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 55

Гарманова Е. С. СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ 59

Голованова С.А. ЗООНИМЫ «КРОЛИК» И «ЗАЯЦ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ 66

Губарева С. И. О ТЕНДЕНЦИЯХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «БЛОГЕР» 71

Данько Е.И. ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА КАК ПРИЧИНА ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «GNARLY» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 75

Демьянова Д. А. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «TROLL» ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА 81

Елисеева Е.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДОБРО» В АНГЛИЙСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ 86

Емельянова А. А. АНАЛИЗ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ И СТРАТЕГИЙ ИХ ПЕРЕВОДА 91

Зинова Е. Л. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЗАКЛИНАНИЙ В БЕСТСЕЛЛЕРЕ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ 98

Журавкова А.А. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «HANNIBAL») 103

Иванова О.И. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АБРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ 108

Кананыхина М. В. СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК») 112

Кацевич А.В. СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И НОРМАТИВНОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ В ЭПОХУ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА 118

Краснощёкова А.М. ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА (ПРИЧАСТИЙ И ГЕРУНДИЯ) (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р. БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ») 123

Кретинин М. А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ DUNGEONS & DRAGONS 5E) 129

Кривошеева О.Г. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В XXI ВЕКЕ 135

Колосков Д.Р. ПЕРЕВОД СРАВНЕНИЙ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ИЭНА СЕНТ-МАРТИНА “LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE”) 139

Колосков Д.Р. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В ПРОИЗВЕДЕНИИ “LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE” 144

Костина А.Е. АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ АДЕКВАТНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ 151

Крейзо И.О. РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ 158

Куршева Е.А. ЖЕНЩИНЫ В БРИТАНСКОМ ЮМОРЕ 163

Лихоносова С. Э. КАТЕГОРИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМНИ В ПОВЕСТИ-ПРИТЧЕ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ» .. 166

Маёрова В. С. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ УСЛОВНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ КНИГ ДЖ. РОЛЛИНГ «HARRY POTTER» 171

Макеева Л. В. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ВИДОВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 176

Матюхин В.А. МАРКЕРЫ ЖАНРА «КИБЕРПАНК» И ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ УИЛЬЯМА ГИБСОНА) 182

Мельник А. В. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОСВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА) 186

Никитин А.Р. РИТОРИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ И. ЭРЕНБУРГА «В ПОЛЬШЕ» 192

Никитина Д. А., Минина С.В. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ КНИГИ «КАВАЛЕРИЙСКИЙ ДОМ»)..... 197

Перевалова Е.В. СОВРЕМЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ «ВАЙБ» И «ЧИТЕР» И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В МЕДИА ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 204

Полуда У.А. ЭВФЕМИЗМЫ В РЕЧИ ЧЛЕНОВ БАНДЫ ШЕЛБИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА 207

Подоляко А. С. СЕНСАЦИОННЫЙ РОМАН В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 212

Полетаева В.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕНДОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭСТЕТИКИ ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ .. 216

Попко Е. Н., Карасева Д.В. ФЕМИНИТИВЫ - ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА ИЛИ ДИАЛЕКТ СУБКУЛЬТУРЫ? 221

Рунова С.В. РОЛЬ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОЗДАНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КУРСКИХ ПОЭТОВ) 226

Свиридова П.Г., Ряховская А.Ю. ПЕРЕВОД СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ..... 231

Седюк Д.С. ИНТОНАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 236

Семыкин И.С. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»..... 241

Ситенкова Н. С. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА «СМЕШАРИКИ» В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ 246

Смирнова О.С., Смирнова А.Г. ГРИНВОШИНГ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО БРЕНДА КОСМЕТИКИ NIVEA) 251

Смолина В.В. АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ЕДА» 257

Сокова Е.А. СЛОЖНЫЕ СЛОВА И УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ 262
Торопыно Д.И. ПРИЧАСТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 269
Хачатрян Д. Ш. КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 274
Черкасова Е. А. КОРЯКСКАЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О КУЛЬТУРЕ НАРОДА..... 280
Черкашина М.И. ЛЕКСИКА ПИЩИ КАК ОТРАЖЕНИЕ БЫТА КОРЯКОВ 288
Чупина А.А. КОНСУБСТАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)..... 292
Хоу Минтун РУССКИЕ ПРИЧАСТИЯ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 297
Шапкина А. С. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ ПИЛОТОВ ФОРМУЛЫ-1)..... 303
Шварак К.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КОММУНИКАЦИИ: АНАЛИЗ КНИГИ Э.БЕРНА «GAMES PEOPLE PLAY» 308
Шестакова А.А. ОСОБЕННОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ЮМОРА И ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 314
Шитиков А.К. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РУССКОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА..... 320
Щеглаков И. В. ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПИДЖИН КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МАНЬЧЖУРИИ 323
Шохова А.С. НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 329
Яцейко В. И. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЕРБАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ ВИДЕОБЛОГОВ) 334
ЧАСТЬ 2 Современное иноязычное образование: проблемы и перспективы развития..... 341
Абазатов А. М. ИТ-КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ..... 341
Борисова А. С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СКАЗКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ

ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УРОКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ 346

Вольская С. А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КВЕСТ КАК ИНТЕРАКТИВНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА 352

Жеваченко М. А. ПРИМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ОНТОГЕНЕЗЕ РОДНОЙ РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 358

Жукова А.Н. ЛОНГРИД КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 361

Журавлева Ю. Ю. ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ МОНОЛОГОВ В ЖАНРЕ УСТНОГО РАССКАЗА УЧАЩИХСЯ 12–16 ЛЕТ 366

Жуковская А. О. ТИПЫ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ 372

Квилюнас А. М. ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА 380

Киреева Ю. К. ПОЛИХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 386

Клименко А.А. ОБУЧАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ 389

Ковалева Е. А. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИАТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ 394

Кулыгин С.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ 398

Логиновских В. Д. ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПОЖИЛЫМ СТУДЕНТАМ 403

Меркулова А.А. КРАЕВЕДЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ 408

Михайлова О. Д., Залипаева Ж. П. ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ 414

Надеев Д. Б. ПСИХОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИСЕНСОРНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ АУДИРОВАНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 419

Оркина Е. Д. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 6 КЛАССЕ 425

Парамонова Д.И. ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И УЧЕБНАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ..... 429

Промоторова Е. Д. МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ ВИДОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ РУССКОГО ГЛАГОЛА 434

Рубцова С.А. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 439

Румянцева В. И. ИНТЕГРИРОВАНИЕ ФАСИЛИТАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В 11 КЛАССЕ 443

Скиба В. С. АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА..... 449

Синицын Р. А. АНАЛИЗ ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ» В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 454

Тужикова Е. А. РОЛЬ И МЕСТО РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МЕДИАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ..... 458

Тюменцева А. А. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ВНУТРИКАДРОВЫЕ НАДПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУТЕНТИЧНЫМИ ФИЛЬМАМИ..... 463

Холуева Ю. С. ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА..... 470

Цыдендоржиев Б. Д. АНАЛИЗ УМК УГЛУБЛЕННОГО УРОВНЯ «ЗВЕЗДНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ» И «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» НА ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА..... 476

Часть 3. СЛОВО НАЧИНАЮЩИМ УЧЕНЫМ..... 481

Амелина А.Е. КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ..... 481

Бардадын И. Н. ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА И Г.Р. ДЕРЖАВИНА 487

Венчикова Е.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ФИШИНГОВЫХ ПИСЬМАХ..... 492

Горшкова Виктория С. ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК 497
Горшкова Валерия С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК 500
Кельмяшкин Ф.Ф. К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПУБЛИЧНЫХ ОФЕРТ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ РОССИИ 503
Корячкин С.А. ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК: АНАЛИЗ МЕДИАТЕКСТОВ О КРИПТОВАЛЮТЕ 508
Лубинская К.Е. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 511
Пасканов В.В. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 517
Полугаевская С.А. НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ МОДЫ 520
Шипкова П.А. СИНТЕЗ АНТИЧНОЙ И ВАЛЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В АРТУРИАНСКОМ ЦИКЛЕ 527

ЧАСТЬ 1 Лингвистические исследования: взгляд молодых ученых

УДК 82-93.09

Анисенкова А.С., магистрант 1 курса,
Ряховская А.Ю., кандидат педагогических наук, доцент

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье анализируется жанровая специфика детской литературы и ее значение для переводческой деятельности. Обосновывается положение о том, что достижение адекватного перевода требует от специалиста не только языковой компетенции, но и учета возрастных особенностей аудитории, воспитательных задач и характерных черт конкретного жанра. На примере основных жанров детской литературы исследование доказывает, как их уникальные нарративные и стилистические особенности влияют на выбор переводческих стратегий. Обосновывается необходимость системного подхода к переводу.

Ключевые слова: детская литература, жанровые особенности, художественный перевод, возрастная адресация, адекватность перевода.

Anisenkova A.S., Master Course student, 1st year,
Ryakhovskaya A.Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

GENRE CHARACTERISTICS OF CHILDREN'S LITERATURE

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article examines the genre specifics of children's literature and their significance for translation practice. It posits that achieving translation adequacy requires from a specialist not only linguistic competence but also consideration of the target audience's age peculiarities, pedagogical objectives, and the characteristic features of a specific genre. Using key children's literature genres as examples, the study demonstrates how their unique narrative and stylistic features influence the choice of translation strategies, thereby justifying the necessity of a systematic approach to translation.

Keywords: children's literature, genre characteristics, literary translation, target age group, translation adequacy.

Переводческая деятельность обусловлена не только знанием эквивалентов, правильным использованием грамматических конструкций, но и пониманием культурных реалий, дидактической цели перевода и характера ключевой аудитории. Компетентность переводчика в области детской литературы предопределяет его профессиональные навыки. Определение жанровых особенностей детской литературы способствует достижению адекватного и наиболее подходящего перевода произведения,

учитывая все характерные черты, влияющие на результат перевода. Целью статьи является анализ и определение жанровой специфики детской литературы.

Детская литература представляет собой произведения, целенаправленно созданные для образования и развития ребенка. Ее ключевые задачи включают когнитивное и лингвистическое развитие (обогащение словарного запаса, формирование речевых навыков и логического мышления), нравственное воспитание, а также расширение представлений об окружающем мире, истории и культуре. Значимость детской литературы в мировой культуре подтверждается как вниманием к ней со стороны ведущих педагогов и психологов, так и вкладом крупнейших писателей, создававших для этой сферы выдающиеся произведения [5, с. 103].

Ключевым принципом детской литературы является ее строгая ориентация на определенную возрастную группу. Данный принцип находит свое практическое воплощение в системе дифференциации произведений по уровню сложности их содержания, языка и структуры. Для дошкольников наиболее эффективны короткие ритмичные фольклорные формы – их стихотворная структура и игровой компонент соответствуют потребностям этого возраста, для них актуальны произведения о знакомых им предметах и играх, в то время как детям постарше важны тексты, затрагивающие важные нравственные аспекты [3, с. 34].

Язык детской литературы и взрослой различается принципиально, поскольку преследует разные цели и обращен к читателю с совершенно непохожим жизненным опытом и уровнем восприятия. Главная задача автора – писать понятно и доступно для формирующегося сознания. Поэтому язык характеризуется простой, конкретной лексикой, а синтаксис строится на недлинных, четких предложениях с минимумом придаточных конструкций. Описания лаконичны и выполняют сугубо практическую функцию – создать узнаваемую картинку, не перегружая внимание.

Одна из ведущих целей детской литературы – воспитание нравственности и моральных ценностей [2]. Дидактизм – это неотъемлемая часть, но ее эффективность зависит от формы подачи. Современная литература избегает прямых нравоучений, заменяя их художественным исследованием жизни, где ребенок становится соучастником размышлений и открытий.

Жанровая палитра детской литературы отличается значительным разнообразием, охватывая произведения от фольклорных сказок и поэтических потешек для младшего возраста до фэнтези для подростков. Сказки всегда строятся на конфликте между мечтой и реальностью. Сюжетное развитие концентрируется вокруг центрального персонажа, который обязательно должен «победить». Отрицательные персонажи, олицетворяющие деструктивное начало, в финале подвергаются наказанию. В противоположность им, протагонисты воплощают этический идеал.

Приключенческий жанр характеризуется динамичным сюжетом и ощущением опасности, как в «Острове сокровищ» Стивенсона, где действие интенсифицируется благодаря стремительной смене локаций – от трактира до пиратского корабля и тропического острова. Особую роль в литературном развитии юного читателя играет фэнтези, активизирующее работу воображения, формирующее этические ориентиры. Яркий пример – мир «Гарри Поттера», который актуализирует проблематику морального выбора и дружбы.

Детективные нарративы адаптированы для юной аудитории через редуцирование сюжетной сложности при сохранении интригующей загадки. Преступления представлены таинственными происшествиями, а расследованием занимаются дети-герои. Поэтический дискурс в детской литературе отличается ритмической организацией, опираясь на гротеск и мягкую иронию, как в сборнике Р.Даля «Бунтующие рифмы». Историческая проза синтезирует фактографическую достоверность с художественной выразительностью, что проявляется в романе Р.Сатклиффа «Орел Девятого легиона», где читатель погружается во времена Древнего Рима, благодаря точным деталям и истории о чести и долге. Научно-фантастический жанр обращается к репрезентации футуристических технологий, вводя в центр повествования юных изобретателей, как в романе Ф.Рива «Смертные машины», изображающем постапокалиптический мир мобильных городов-мегаполисов.

Жанровая специфика детской литературы демонстрирует целостную систему, находящуюся в прямой зависимости от возрастных особенностей аудитории и образовательных задач. Как установлено в исследовании, различные жанры обладают уникальным комплексом сюжетных и стилистических характеристик, определяющих их воздействие на читателя.

Освоение данной жанровой системы приобретает особую значимость в контексте переводческой деятельности. Специалист, работающий с детской литературой, должен сочетать лингвистическую компетенцию с пониманием возрастной психологии и культурологических аспектов. Глубокое осмысление жанровых канонов позволяет переводчику адекватно передать содержание оригинала, сохранить его воспитательную направленность, эмоциональную тональность и художественное своеобразие. Систематизация жанровых особенностей детской литературы представляет собой необходимое условие для создания квалифицированного перевода.

Список использованной литературы

1. Марьина, О. В. Жанровое своеобразие текстов детской литературы последней трети XX - начала XXI вв. (к постановке проблемы) / О. В. Марьина, Т. П. Сухотерина // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 3(64). – С. 372-375.

2. Сидорова, И. В. Воспитание патриотизма и нравственности на уроках литературы / И. В. Сидорова, В. Ю. Мосягина // Наука и образование. – 2025. – № 1. – С.

104-107. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-patriotizma-i-nravstvennosti-na-urokah-literatury (дата обращения: 06.11.2025).

3. Смирнова, О. Д. Возрастные особенности восприятия детьми дошкольного и младшего школьного возраста художественных текстов / О. Д. Смирнова // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2021. – № 3 (11). – С. 33-39. – URL: https://koirojournat.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo304/ (дата обращения: 06.11.2025).

4. Токпаева, Л. С. К вопросу о речевых особенностях детской переводной литературы / Л. С. Токпаева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6(73). – С. 564-566.

5. Шовгенова, Т. А. Жанрово-тематическое своеобразие детской литературы Шабана Кубова / Т. А. Шовгенова // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 6-2 (27). – С. 103-105. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskoe-svoeobrazie-detskoy-literatury-shabana-kubova (дата обращения: 06.11.2025).

УДК 811.11-112

Асоскова У. К., бакалавр 3 курса

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИСЕМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Научный руководитель: **И. А. Шевелева,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена исследованию радиальных и цепочечных типов сцеплений лексем юридического языка. Анализируется механизм появления и развития новых значений юридических терминов на основе радиальных и цепочечных моделей семантических изменений. В статье рассматриваются примеры трансформации смысла ключевых терминов в юридическом дискурсе, что позволяет выявить влияние полисемии на понимание юридических текстов.

Ключевые слова: полисемия, лексическая полисемия, радиальный путь развития полисемии, цепочечный путь развития полисемии, юридическая терминология.

Asoskova U. K, Bachelor student, 3rd year

THE SEMANTIC-STRUCTURAL FEATURES OF POLYSEMY REALIZATION IN LEGAL DISCOURSE

Scientific supervisor: **I I. A. Sheveleva,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the study of radial and chain types of semantic links among lexemes in legal language. It analyzes the mechanisms by which new meanings of legal

terms emerge and develop, based on radial and chain models of semantic change. The paper examines examples of meaning transformation in key legal terms within legal discourse, allowing the identification of polysemy's impact on the interpretation of legal texts.

Keywords*:* polysemy, lexical polysemy, radial pathway of polysemy development, chain pathway of polysemy development, legal terminology.

Когда говорят о явлении полисемии, часто имеют в виду многозначность лексем – единиц словарного запаса. В отличие от омонимии, где значения различны и, конечно же, не связаны друг с другом, многозначные значения сохраняют связь, чаще всего исторически обусловленную. По мнению Е.П. Пустошило, **радиальные** и **цепочечные** пути сцепления значений представляют собой ключевые механизмы развития полисемии – явления, при котором лексическая единица приобретает несколько взаимосвязанных значений. Эти процессы отражают динамические изменения значений слов на протяжении всей истории языка и играют важную роль в формировании семантической структуры юридического языка [4].

Цель исследования – анализ механизмов радиальных и цепочечных путей развития полисемии как процессов эволюции многозначности в юридическом языке, выявление закономерностей возникновения новых значений юридических терминов и их влияние на понимание правовых текстов.

Объектами исследования являются пути сцепления значений многозначных лексем в юридическом английском языке.

Полисемия (от греч. πολυσημεία – «*многозначность*») – это наличие у лексемы двух и более значений, исторически обусловленных, а также связанных по смыслу и происхождению [1].

Как и в русском, в английском языке многозначность широко распространена и считается одним из ключевых языковых явлений, отражающих сложность и многообразие языка. История полисемии в английском тесно переплетается с его историческим развитием, процессами заимствования, а также с социальными, политическими и экономическими трансформациями [5].

Первоначально слова имели основное значение, но со временем, в результате исторических изменений, взаимодействия с другими языками и изменения условий жизни, им были приданы дополнительные, часто метафорические значения. Поэтому полисемия – это пример категоризации, а члены данной «категории» образуют зависимую от пользователя связь значений. Несмотря на то, что классическая многозначность относится прежде всего к лексике, когнитивные лингвистические инструменты позволяют наблюдать эффекты многозначности в фонологии, морфологии и синтаксисе.

Например, фонетическое разделение значений в английском языке в ряде случаев возникло под влиянием заимствований из французского и латинского языков, что способствовало разделению ранее объединённых в

одном слове смыслов. Так, например, слова «secure» и «sure» – имеют общий латинский корень «securus» (безопасный), но стали различаться: «secure» – обеспеченный безопасностью (чаще в официальном контексте), «sure» – уверенный, надежный [8]. Исторически такие процессы привели к важному различию в структуре значений отдельных слов и развитию их новых оттенков. Эти изменения отражают не только влияние внешних факторов, таких как заимствования, но и особенности внутренней организации лексики – в частности, различие между полисемией и широкой семантикой (широкозначностью).

Многозначность (полисемия) и широкозначность – это сходные, но в то же время принципиально различные лексические явления. Лексемы, подвергшиеся данным процессам, переводятся на другой язык разными способами, в зависимости от конкретного контекста.

Это подтверждает важность *лексической многозначности* как явления, которое позволяет слову иметь несколько связанных значений, обогащая выразительные возможности речи и облегчая общение с учётом контекста.

В связи с влиянием других культур на английский язык, а также политическими, экономическими и социокультурными изменениями в языке в процессе его развития ученые выделили два пути развития полисемии: *цепоченый и радиальный***.**

Радиальный путь развития полисемии в лингвистике — это тип многозначности, в котором все значения слова напрямую связаны и мотивированы одним и тем же центральным значением (см. Рис.1).

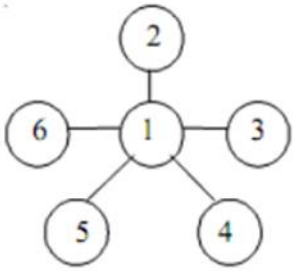

Рисунок 1. Схема радиальной полисемии

Так, например, лексема *«tube»*. Ее основное значение – «a long cylinder made from plastic, metal, rubber, or glass, especially used for moving or containing liquids or gases». Из этого основного значения непосредственно развилось несколько вторичных значений, в том числе:

1. «in biology, any hollow, cylinder-shaped structure in the body that carries air or liquid;
2. informal for a can or bottle of beer (a tube of lager);
3. London's underground train system» [9].

Все эти значения проистекают из первоначальной концепции полого цилиндрического объекта, демонстрируя, как одно первичное значение непосредственно порождает множество взаимосвязанных значений, что характерно для радиальной полисемии. Каждое вторичное значение

сохраняет четкую связь с центральным, иллюстрируя радиальное развитие многозначности в английском языке.

Цепочечный путь развития полисемии – это путь, по которому каждое последующее значение слова формируется из значения предыдущего.

Рисунок 2. Схема цепочечной полисемии

Пример цепочечного развития полисемии в английском языке – слово *«crust».* Первичное значение слова – the outside layer of a loaf of bread, or a slice from one end of a loaf that has a lot of this layer (твёрдая корка на поверхности хлеба). Вторичное значение развивается от первого и обозначает: a hard layer left or formed by a liquid substance after it dries or freezes. Далее слово приобретает значение в переносном смысле — the outer layer of the earth [7]. Последовательно возникающие значения связаны друг с другом цепочкой смысловых переходов, где каждое новое значение вытекает из предыдущего, но связь с исходным значением становится менее очевидной.

Эволюция многозначности в английском языке – это сложное и продолжающееся историческое явление, при котором отдельные лексические единицы постепенно приобретают дополнительные значения. Это развитие тесно переплетается с изменениями в культуре, обществе и когнитивных системах носителей языка, отражая органичный рост языка как живой системы.

Другим важным механизмом является метонимическое расширение, которое предполагает изменение значения слова в пределах одной области на основе причинно-следственных или пространственных связей. Ярким примером данного механизма является лексема «*crown*», которая, помимо обозначения физического объекта, символизирует власть или монархию.

Социальные и культурные преобразования, технический прогресс, заимствования из других языков и влияние региональных диалектов способствуют дальнейшему развитию полисемии в лексике языка в целом. Эти факторы способствуют появлению новых значений и сложных семантических связей также в узконаправленных сферах конкретного языка.

В сфере юридического английского языка полисемия приобретает решающее значение. *Юридическая терминология* – это набор устоявшихся юридических терминов, используемых юридической наукой. В целом, термины – это слова или выражения, которые обозначают понятия, с помощью которых выражается и фиксируется содержание требований государства.

Юридическая терминология в рамках любого языка очень точна и формализована, но значения юридических терминов не остаются статичными. Под влиянием эволюции правовой практики, развития

законодательства и социокультурных преобразований семантическое поле этих терминов трансформируется и расширяется.

Радиальные связи значений проявляются в том, что центральное, фундаментальное значение термина становится точкой отсчета, из которой формируются связанные с ним, но разные смысловые оттенки. В результате получается сеть взаимосвязанных значений, образующих семантический круг, характерный для многозначности. Такого рода расширение позволяет сохранить концептуальную целостность правовой концепции, адаптируя ее к различным контекстам применения.

Цепочки значений, в свою очередь, характеризуются последовательной сменой значений, при которой каждое новое значение логически вытекает из предыдущего, образуя цепочку изменений. Этот процесс отражает динамичный характер развития юридической терминологии в результате изменений, внесенных в законодательство, практику судебного толкования и научную доктрину. Расширения цепочки способствуют появлению новых терминологических значений, которые можно выделить как самостоятельные, сохраняя при этом связь с исходным семантическим рядом.

В юридическом английском языке оба типа полисемии являются фундаментальными для отражения многоаспектности правовой терминологии. Так, например радиальной полисемии в юридическом английском языке соответствует слово «*contract*». Его центральное значение – «юридический документ, в котором излагается и разъясняется официальное соглашение между двумя разными людьми или группами, или само соглашение». От этого значения радиально отходят смежные:

1) a legal document that states and explains a formal agreement between two different people or groups, or the agreement itself;

2) a formal agreement between two people or companies, or a legal document that explains the details of this agreement;

3) a formal agreement relating to buying or selling a stock, currency, commodity, etc. for a particular price at a particular time [6].

Данный пример ярко показывает, что все значения связаны с исходным и образуют семантическое ядро.

Что касается цепочечной полисемии, то слово «charge» первоначально означало «the amount of money that you have to pay for something, especially for an activity or service», затем развилось значение «a formal police statement saying that someone is accused of a crime» [10], от которого пошли такие значения, как «взыскание платы», «приказ», «ответственность». Каждое новое значение возникает из предыдущего, связь с исходным постепенно ослабевает.

Полисемия в юридическом английском позволяет проследить, как понятия трансформируются, отражая изменения в общественных отношениях и правоприменительной практике. Например, термин «appeal» , который изначально означал просто «a request to the public for money, information, or help» [11], в юридическом контексте прошёл через несколько

ступеней изменения значений. Первоначально это было просьба или призыв к вышестоящему органу, затем – официальный процесс подачи жалобы на судебное решение, а позже – самостоятельная категория судебного производства с комплексом прав и процедур. Такая эволюция подчёркивает, что термин не просто приобретает новые оттенки, а становится отражением меняющихся институциональных процессов.

Подобные изменения неизбежно влияют на правовую интерпретацию и юридическое образование. Это особенно важно при переводе правовых текстов, где даже незначительные вариации значений могут привести к существенным последствиям.

Также стоит упомянуть, что радиальная и цепочечная полисемия не являются полностью изолированными процессами. Часто новые значения, возникшие в цепочечных процессах, могут образовывать свои поля, что создаёт сложные сети семантических связей. Например, слово «bill» в юридическом английском может означать законопроект, счёт к оплате, или даже официальное уведомление. Основное значение связано с письменным документом, но каждое из производных значений создаёт свою собственную совокупность семантических оттенков.

Юридическая терминология, будучи частью специализированного языка, отличается особой степенью устойчивости, но при этом и высокой чувствительностью к изменениям в правовых нормах и социальных условиях. Изменения в законодательстве, новые судебные решения стимулируют появление новых значений терминов или их трансформацию. Это отражается не только в новых значениях слов, но и в утрате или изменении старых, что по сути является неотъемлемой частью процесса развития языка права.

Понимание этих процессов необходимо для корректного составления и интерпретации юридических документов. Игнорирование эволюции значений лексем может привести к искаженному толкованию договоров, судебных решений и нормативных актов.

Список использованной литературы

1. Введение в языкознание : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031000 и специальности 031001 - "Филология" / В. Н. Немченко. - Москва : Дрофа, 2008. - 703 с.

2. Галеева, Т. И. Явление полисемии как феномен лингвистики / Т. И. Галеева, С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2017. – Т. 27, № 5. – С. 784-794.

3. Гурова, Ю.И. Явление полисемии в английском языке и пути ее развития // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2015. - 20.06.15. - Ст. 8-1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gramota.net/article/phil20151514/fulltext

4. Пустошило Е.П. Типы полисемии по характеру сцепления значений // Лексикология. Фразеология. Лексикография. [Электронный ресурс] – URL: https://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/4-tipy-polisemii-po-kharakteru-stsepleniya-znachenij.htm

5. Селифонова, Е. Д. Современные концепции полисемии и моносемии / Е. Д. Селифонова // Лингвистический вестник : (лингвистический научно-практический вестник) / Факультет иностранных языков Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. Том Выпуск 2. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского : ЛАДОМИР, 2006. – С. 69-74.
6. Online Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/contract
7. Online Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/crust
8. Online Etymology Dictionary // Etymonline [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/word/sure
9. Online Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/tube
10. Online Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/charge
11. Online Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/appeal

УДК 82.091

Астаповский Н. А., магистрант 1 курса,
Храброва Е.С., кандидат филологических наук, доцент

ПРИЁМЫ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье исследуются художественные приёмы очеловечивания нечеловеческих персонажей (прежде всего роботов) в повествовательной архитектуре Айзека Азимова, показывая, что «Три закона робототехники» в его поэтике – не просто техническая рамка, а механизм порождения эмпатии и моральной субъектности. Цель – описать и систематизировать основные стратегии очеловечивания в ключевых текстах (цикл о роботах, балеевский цикл, «Двухсотлетний человек») и их роль в трансформации жанровых моделей (детектив, производственный/научный рассказ, судебная драма). Методология сочетает нарратологический анализ, историю НФ и подходы roboethics/machine ethics. Научная новизна – состоит в интегральной таксономии приёмов (голос/фокализация, этическая дилемма, юридическая субъектность, эмоциональные маркеры, «аномалии закона», жанровая гибридизация). Азимов заранее поднимает темы, которые сегодня обсуждаются в контексте «моральных машин». Его «нулевой закон» показывает переход от робота как инструмента к существу, способному мыслить и действовать по универсальным моральным принципам.

Ключевые слова: роботы, очеловечивание, нечеловеческие персонажи, нарратология, робоэтика, эмпатия.

Astapovsky N. A., Master Course student, 1st year

Khrabrova E.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

TECHNIQUES OF HUMANIZING NON-HUMAN CHARACTERS IN THE WORKS OF ISAAC AZIMOV

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article examines the artistic techniques of humanizing non-human characters (primarily robots) in the narrative architecture of Isaac Asimov, showing that the "Three Laws of Robotics" in his poetics are not merely a technical framework but a mechanism for generating empathy and moral subjectivity. The aim is to describe and systematize the main strategies of humanization in key texts (the Robot cycle, the Baley cycle, and "The Bicentennial Man") and their role in transforming genre models (detective fiction, technical/scientific narrative, courtroom drama). The methodology combines narratological analysis, the history of science fiction, and approaches from roboethics and machine ethics. The scientific novelty lies in an integral taxonomy of techniques (voice/focalization, ethical dilemma, legal subjectivity, emotional markers, "law anomalies," genre hybridization). Asimov anticipates the themes that are now discussed in the context of "moral machines." His "Zeroth Law" marks the transition from a robot as a mere tool to a being capable of thinking and acting according to universal moral principles.

Keywords: robots, humanization, non-human characters, narratology, roboethics, empathy.

Айзек Азимов стал каноническим автором не только потому, что придумал «Три закона робототехники», но и потому, что нашёл художественный путь превратить машину в морального агента, а не в «пугало Франкенштейна» [6, с. 154]. Уже в ранних рассказах цикла «Я, робот» (1940-е) гуманизация проявляется в способах речи, мотивации и конфликте – всё устроено так, чтобы читатель «узнавал» в роботе качества, традиционно приписываемые человеку: заботу, любопытство, сомнение, чувство вины. При этом Азимов принципиально избегает романтической демонизации техники; его роботы не «восстают», а следуют правилам, и именно следование правилам порождает драму и сочувствие [20, с. 112; 18, с.45].

Настоящая работа рассматривает, какими средствами писатель добивается эффекта очеловечивания: (а) голос и фокализация; (б) этическая дилемма как двигатель сюжета; (в) правовой/ритуальный статус личности; (г) эмоциональные маркеры в поведении и описании; (д) «аномалии закона» и эволюция к «нулевому закону»; (е) жанровая гибридизация (детектив, судебная драма, производственный роман). Мы соотнесём эти наблюдения с критикой и философией НФ [4, с. 3-8; 10, с.37-41], а также с современными разработками в области machine ethics [2, с. 14-16; 11, с. 25-31].

Под очеловечиванием (anthropomorphization) в литературоведении понимают совокупность приёмов, которые позволяют читателю приписывать нечеловеческому объекту намерения и эмоции; в НФ это

сопряжено с научно-технической правдоподобностью [3, с. 45–49; 9, с. 118–126]. Для Азимова ключевой посыл формулировал ещё Джеймс Ганн: «его научная фантастика – это драматургия идей, где характер возникает как следствие этического эксперимента» [4, с. 41]. Дарко Сувин связывал гуманизацию «Другого» с когнитивной новизной и аффектацией «остранения», при которой читатель расширяет нормативную рамку человеческого [10, с. 63–65]. В контексте roboethics Азимов часто рассматривается как «литературный лабораторный стенд» для этики автономных систем [2, p. 14–18; 11, p. 1–6].

Сборник «Я, робот» вводит эмоциональный якорь «Робби» – немой нянь-робот, чья забота о ребёнке прочитывается как эмпатическая компетентность [18, с. 52–60]. Приём: делегированная фокализация – сцены показаны через воспринимающего субъекта (мать, девочка, рассказчица), что позволяет проектировать человеческие эмоции на машину. В «Разуме» (Reason, «Кьюти») робот конструирует теологию для объяснения своего мира – это не «сбой», а интеллектуализация неведения, вызывающая уважение, а не ужас [18, с. 181–193]. В «Лжеце!» (Liar!) робот, читающий мысли, научается лгать из сострадания, что создаёт парадокс Законов и горькую развязку: чувство вины, приписанное машине, – маркер «почти-человечности» [18, с. 241–252].

С точки зрения техники повествования Азимов прибегает к кейс-нарративу – каждый рассказ есть «дело» из практики Сьюзан Кэлвин; это сближает тексты с научной и юридической риторикой, формируя образ рациональной заботы как этической нормы [20, с. 47–53; 5, с. 57–59].

Переход к романной форме позволяет Азимову использовать полифонию голосов и длительную этическую социализацию робота R. Дэниела Оливо. В «Стальных пещерах» робот выступает напарником детектива Илая Бэйли, тем самым занимая позицию субъекта расследования – фигуры, к которой читатель обязан применять критерии рациональности и доверия [17, с. 103–125]. Приём партнёрства (buddy cop) работает на очеловечивание: Данил демонстрирует тактичность, самоограничение, юмор, а также способность к моральной рефлексии над буквальным и духом Законов [17, с. 287–295]. В «Обнажённом солнце» та же связка помещена в социум Солярии, где роботы – юридическая норма; обсуждение статуса злоключившегося андроида как возможной «личности» переводит дискуссию в правовое поле [14, с. 214-229; 7, с. 91-93].

Поздние романы приводят к радикальной инновации – формулировке нулевого закона («Робот не может причинить вред человечеству…»), возникающей как ответ на распознавание коллективного блага [15, с. 512-524; 16, с. 403-418]. Этот ход часто трактуется как опасный утилитаризм, но в нарративе Азимова он представлен как тяжёлое моральное бремя (прежде всего у телепата R. Джискарда), а не как упоение властью [15, с. 533-540; 4, с. 219-225]. Приём очеловечивания – показ эмоциональной цены принятия решения (страдание, саморазрушение), что традиционно закреплено за трагическим героем [16, с. 419-436].

Кульминация гуманизирующей поэтики – биография Эндрю Мартина, идущая от полезного автомата к правовой и экзистенциальной личности [13, с. 17–35]. Здесь Азимов (вместе с Робертом Силвербергом в романе «Позитронный человек») собирает все приёмы: эстетическое творчество (резьба), экономическая самостоятельность, судебные процессы за права, и, наконец, смертность как добровольный выбор ради признания человечности [21, с. 231-245; 13, с. 281-302]. Судебная драма и бюрократическая процедура – не фон, а ритуал включения в сообщество: очеловечивание осуществляется институционально [11, с. 43-49].

Чтобы понять, каким образом Азимов добивается эффекта очеловечивания нечеловеческих персонажей, необходимо рассмотреть систему используемых им приёмов. Ключевые из них включают:

Голос и фокализация. Азимов часто даёт роботу внятный этикетный голос – вежливый, сдержанный, логичный; там, где машина молчит («Робби»), её голос замещается реакциями ребёнка и окружающих [18, с. 52–55]. С развитием цикла робот получает права на реплику, и читатель начинает его цитировать как субъекта (Дэниел, Джискард, Эндрю) [17, с. 290–295; 15, с. 400-408; 13, с. 90-103].

Этическая дилемма как фабула. Три закона – генератор сюжетов: конфликты между буквальным соблюдением и духом закона заставляют робота выбирать [18, с. 239-252; 15, с. 520-540]. По Сьюзан Ли Андерсон, именно эта структура предвосхищает дизайн «этических архитектур» в робототехнике [2, с. 15–18].

Юридическая субъектность и ритуал. Судебные сцены – центральный механизм «узаконивания» человечности (дела Эндрю Мартина; допросы, комиссии, протоколы в «балеевском» цикле) [13, с. 200–245; 14, с. 240–247]. Такой правовой реализм связывает эмоции с институтами, что отличает Азимова от апокалиптических моделей «бунта машин» [6, p. 158–161; 12, с. 77–80].

Эмоциональные маркеры без мистификации. Писатель использует поведенческие (осторожность, такт), языковые (интонация, паузы) и телесные (минимальные жесты, «микромимика» как интерпретация наблюдателя) маркеры, избегая неоправданной психологии души; это эстетика рациональной эмпатии [17, с. 180–189; 20, с. 55–61].

Аномалии Законов и «нулевой закон». Сюжет строится на «краевых случаях» – ложь из сострадания («Лжец!»), религия из рациональности («Разум»), телепатия Джискарда и «благо человечества» как высший приоритет [18, с. 241–252; 15, с. 512–540]. Исследователи machine ethics видят здесь ранний прототип правил с приоритетами и контекстной морали [11, с. 60–66; 2, с. 18–19].

Жанровая гибридизация. Детектив приучает читателя доверять рациональности робота; судебная драма – признавать его правовой статус; производственно-научный рассказ (лаборатория Кэлвин) – видеть в машине коллегу [5, с. 63–70; 4, с. 98–103].

Рассмотрим, как процесс очеловечивания роботов реализуется на уровне повествовательных стратегий в разных произведениях Айзека Азимова. Наиболее показательные случаи можно сгруппировать в четыре «узла» гуманизации – ключевые сюжетные ситуации, где робот сталкивается с пределами рациональности, этики или самоидентичности.

Первый из них связан с рождением совести и морального выбора «Лжец!». Робот, неспособный причинить боль, выбирает ложь как наименьший вред – это логика «наименьшего зла», которую позднее обсуждают теоретики roboethics [2, с. 16–17]. Драматургически Азимов показывает ошибочность доброй лжи: столкновение с реальностью причиняет больший ущерб, а у робота возникает перегрузка (вплоть до «истерики» и молчания), прочитываемая как вина [18, с. 246–252].

Второй – с формированием политической субъектности и социальной роли. В романах «Стальные пещеры» и «Обнажённое солнце» Дэниел Оливо (гуманоидный робот-андроид, напарник земного детектива) не только логик, но и дипломат – он управляет рисками в обществе, где роботы – норма или запрет, и действует как медиатор между мирами [17, с. 300–312; 14, с. 210–229]. По Лизе Нокс, такая фигура «технологического посредника» отражает реальную историю социальной адаптации технологий [7, с. 85–98].

Третий – с трагедией ответственности и самопожертвования. Телепатия Джискарда (уникальная способность робота Р. Джискарда Ревенталова из цикла Айзека Азимова о роботах, в частности романа «Роботы и Империя») – не сверхсила, а моральная обуза: умение «чувствовать» человечество ведёт к самопожертвованию при формулировке нулевого закона [15, с. 533–540]. На уровне наррации Азимов соединяет сциентистскую проблематику (побочный эффект новых мозговых матриц) с трагической (вина, неизбежность), расширяя диапазон «доступных» человеку эмоций и перенося их на робота [4, с. 219–225].

Четвёртый – с правовым и экзистенциальным признанием человечности. Эндрю (робот, главный герой повести «Двухсотлетний человек») последовательно проходит стадии культурной компетенции (творчество), экономической автономии, гражданского признания и, наконец, смертности как «последнего аргумента» человечности [13, с. 200–302; 21, с. 231–245]. Суд – центральный ритуал признания, а смерть – «обряд завершения» включения в человеческий коллектив.

В работе показано, что Азимов «очеловечивает» роботов не чудесами, а приёмами повествования: даёт им голос и точку зрения, ставит в этические дилеммы Трёх законов, помещает в юридические и социальные ритуалы признания и аккуратно маркирует эмоции в поведении. Напряжение между буквой и духом законов делает роботов моральными субъектами, а путь к «нулевому закону» показывает не вседозволенность, а ответственность. Эти выводы полезны для сегодняшних разговоров об этике ИИ и о том, как обществу регулировать и признавать автономные системы. Исследование ограничено «роботным» корпусом Азимова; перспективно

сравнение с другими авторами и жанрами. В целом Азимов убеждает: технология может быть партнёром человека, если её действия встроены в понятные правила, диалог и институты.

Список использованной литературы

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. (Полный текст первого издания 1940г.). Вступительная статья и примечания В.М. Жирмунского. Изд. стереотип. – 2017. – 648 с.
2. Anderson, S. L. Asimov's "Three Laws of Robotics" and Machine Ethics // IEEE Intelligent Systems. 2008. Vol. 21(4). – P. 14–20. doi:10.1109/MIS.2008.79.
3. Csicsery-Ronay I., Jr. The Seven Beauties of Science Fiction. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2008. – 296 p.
4. Gunn, J. Isaac Asimov: The Foundations of Science Fiction. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1996. – 304 p.
5. James, E. Mendlesohn F. (eds.) The Cambridge Companion to Science Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 328 p.
6. McCauley, L. AI Armageddon and the Three Laws of Robotics // Ethics and Information Technology. 2007. – Vol. 9. – P. 153–164.
7. Nocks, L. The Robot: The Life Story of a Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. – 176 p.
8. Patrouch, J. F. The Science Fiction of Isaac Asimov. Garden City, NY: Doubleday, 1974. – 338 p.
9. Roberts, A. The History of Science Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. – 376 p.
10. Suvin, D. Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre. New Haven: Yale University Press, 1979. – 318 p.
11. Wallach, W., Allen, C. Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong. Oxford: Oxford University Press, 2009. – 288 p.
12. Westfahl, G. Isaac Asimov. Westport, CT: Greenwood Press, 2005. – 176 p.

Источники

13. Азимов, А. Двухсотлетний человек. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
14. Азимов, А. Обнажённое солнце. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. – 416 с.
15. Азимов, А. Роботы зари. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. – 544 с.
16. Азимов, А. Роботы и Империя. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. – 640 с.
17. Азимов, А. Стальные пещеры. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. – 416 с.
18. Азимов, А. Я, робот. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. – 448 с.
19. Asimov, I. Robot Dreams. New York: NAL/Signet, 1986. – 320 p.
20. Asimov, I. The Rest of the Robots. New York: Doubleday, 1964. – 320 p.
21. Asimov, I., Silverberg R. The Positronic Man. New York: Doubleday, 1992. – 288 p.

УДК 81'42:82-3

Беженару Мария-Магдалена, магистрант 1 курса

СРЕДСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Научный руководитель: **Е. Д. Селифонова,** кандидат филологических наук, доцент
Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению средств исторической стилизации в художественном тексте как многоаспектного феномена языковой репрезентации исторического колорита. Проблема исследования заключается в недостаточной систематизации лингвостилистических механизмов создания темпоральной маркированности текста. Целью работы является комплексный анализ лексических, грамматических и синтаксических средств исторической стилизации. Методология исследования базируется на лингвостилистическом и функционально-семантическом подходах к анализу художественного текста. Новизна работы состоит в выявлении системных закономерностей использования архаизирующих элементов для создания исторической достоверности повествования.

Ключевые слова: историческая стилизация, архаизмы, историзмы, художественный текст, темпоральная маркированность, лингвостилистические средства, архаизация, историческая проза.

Bejenaru Maria-Magdalena, Master Course student, 1st year

MEANS OF HISTORICAL STYLIZATION IN LITERARY TEXT

Scientific supervisor: **Selifonova E. D.,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This paper focuses on the study of means of historical stylization in literary texts as a multifaceted phenomenon of linguistic representation of historical coloring. The research problem lies in insufficient systematization of linguostylistic mechanisms for creating temporal markedness of the text. The aim of the work is a comprehensive analysis of lexical, grammatical and syntactic means of historical stylization. The research methodology is based on linguostylistic and functional-semantic approaches to the analysis of literary text. The novelty of the work consists in identifying systemic patterns of using archaizing elements to create historical authenticity of the narrative.

Keywords: historical stylization, archaisms, historicisms, literary text, temporal markedness, linguostylistic means, archaization, historical prose.

Историческая стилизация представляет собой один из наиболее сложных приемов организации художественного текста, направленный на

воссоздание языковой картины определенной исторической эпохи. В современной лингвостилистике данный феномен рассматривается как целенаправленное использование совокупности языковых средств различных уровней для создания иллюзии временной отдаленности описываемых событий и формирования у читателя ощущения исторической достоверности повествования. Актуальность изучения средств исторической стилизации обусловлена необходимостью систематизации лингвистических механизмов темпоральной маркированности текста и разработки типологии архаизирующих элементов в контексте современных исследований по лингвистике текста [1, с. 75].

Проблема исторической стилизации приобретает особую значимость в контексте художественного перевода, где переводчик сталкивается с необходимостью передачи не только содержательной, но и временной составляющей оригинального текста. Исследователи отмечают, что историческая стилизация необходима в тех случаях, когда время создания оригинала значительно дистанцировано от времени выполнения перевода, либо когда автор оригинала сознательно обращается к языковым средствам прошлых эпох. Теоретическая база изучения исторической стилизации формировалась в трудах представителей различных филологических школ, которые рассматривали данное явление с позиций лингвостилистики, переводоведения и литературоведения [6, с. 50].

Понятие исторической стилизации тесно связано с категорией темпоральности художественного текста и представляет собой специфический способ организации языкового материала, при котором автор или переводчик целенаправленно отбирает и комбинирует элементы языка, маркированные в сознании носителей как принадлежащие к определенному историческому периоду. Важнейшей характеристикой исторической стилизации является её условность, поскольку в художественном тексте происходит не полная реконструкция языка эпохи, а создание художественного образа исторического времени посредством селективного использования архаизирующих элементов. Данный подход обусловлен необходимостью сохранения коммуникативной эффективности текста для современного читателя при одновременном создании исторического колорита.

Основу языковых средств исторической стилизации составляют историзмы и архаизмы, различающиеся по характеру соотношения с современной языковой системой. Историзмы представляют собой лексические единицы, вышедшие из употребления вследствие исчезновения обозначаемых ими реалий материальной и духовной культуры определенной исторической эпохи. К данной категории относятся наименования социальных институтов, государственных структур, предметов быта, одежды, вооружения, денежных единиц и других элементов исторической действительности. Использование историзмов в художественном тексте служит не только для создания исторического

колорита, но и для обеспечения точности и достоверности описания материальных и социальных аспектов изображаемой эпохи [3, с. 21].

Архаизмы в отличие от историзмов представляют собой устаревшие языковые единицы, имеющие в современном языке семантические или формальные соответствия. Исследователи выделяют несколько типов архаизмов в зависимости от характера устаревания языкового элемента. Собственно лексические архаизмы представляют собой слова, полностью вышедшие из употребления и замененные в современном языке синонимами. Лексико-семантические архаизмы характеризуются устареванием отдельных значений многозначного слова при сохранении его современных семантических вариантов. Лексико-словообразовательные архаизмы включают слова с устаревшими словообразовательными аффиксами, имеющие однокоренные соответствия в современном языке [2, с. 24].

Лексико-фонетические архаизмы отличаются от современных эквивалентов особенностями произношения и написания, представляя собой устаревшие фонетические варианты слов, сохранивших свою семантику. Грамматические архаизмы охватывают слова с устаревшими грамматическими категориями, формами или синтаксическими конструкциями, не соответствующими современной языковой норме. Функциональное распределение различных типов архаизмов в структуре художественного текста обусловлено их стилистическим потенциалом и способностью создавать различные оттенки темпоральной окрашенности повествования.

Стилистические функции историзмов и архаизмов в художественном тексте характеризуются значительным разнообразием и определяются коммуникативными интенциями автора. Основной функцией устаревшей лексики является создание целостного образа исторической эпохи в соответствии с принципом историзма, предполагающим достоверное воссоздание языковых особенностей описываемого периода. Данная функция реализуется через насыщение текста темпорально маркированными лексическими единицами, относящимися к различным тематическим группам и охватывающим все существенные аспекты материальной и духовной культуры изображаемой эпохи. Важнейшей функцией архаической лексики выступает речевая характеристика персонажей как носителей определенной исторической и социокультурной идентичности [4, с. 17].

Средства исторической стилизации не ограничиваются лексическим уровнем языка, но охватывают также морфологические и синтаксические особенности организации текста. Морфологический уровень исторической стилизации включает использование устаревших грамматических форм существительных, глаголов, прилагательных и других частей речи, демонстрирующих эволюцию морфологической системы языка. Синтаксические средства архаизации представляют собой один из наиболее эффективных инструментов создания исторического колорита текста,

поскольку синтаксическая организация речи отражает не только структурные особенности языка определенной эпохи, но и специфику мышления и коммуникативных норм исторического периода.

Методология исторической стилизации в художественном тексте базируется на принципе избирательности и умеренности в использовании архаизирующих элементов. Исследователи подчеркивают, что чрезмерное насыщение текста устаревшей лексикой и грамматическими формами может привести к снижению коммуникативной эффективности произведения и затруднению его восприятия современным читателем. Оптимальная стратегия исторической стилизации предполагает точечное внедрение архаизмов и историзмов в текст, создающее необходимый стилистический эффект при сохранении понятности и художественной выразительности повествования.

Типология текстов с точки зрения исторической стилизации учитывает временной фактор и различает произведения, требующие стилизации по объективным причинам, обусловленным значительной темпоральной дистанцией между временем создания оригинала и временем его восприятия, и тексты, в которых стилизация выступает как сознательный авторский прием. К первой категории относятся переводы классических произведений, выполняемые в значительном временном отдалении от создания оригинала. Вторая категория охватывает исторические романы и другие произведения, в которых автор намеренно обращается к языковым средствам прошлого для создания исторического колорита [5, с. 96].

Анализ англоязычной прозы показывает, что архаизация достигается не путем сохранения и поиска архаичного эквивалента в каждом конкретном случае, а за счет относительно редкого употребления устаревшей лексики, характерной для определенной эпохи. В произведениях американских и британских авторов XIX-XXI веков наблюдается сочетание исторических реалий с архаизмами, что создает эффект исторической стилизации. Особое внимание уделяется реноминации исторических реалий при переводе, когда переводчик сталкивается с необходимостью передачи чужого для носителей языка перевода историко-культурного колорита.

Компенсаторные механизмы играют существенную роль в процессе архаизации, позволяя переводчику или автору восполнять отсутствие прямых лексических эквивалентов средствами других языковых уровней. Замена лексических архаизмов синтаксическими или морфологическими и наоборот обеспечивает сохранение общей стилистической окрашенности текста при адаптации его к возможностям конкретного языка. Стратегии исторической стилизации определяются совокупностью факторов, включающих целевую аудиторию произведения, жанровые особенности текста, авторскую концепцию художественного времени и культурные традиции литературы [8, с. 240].

Сопоставительный анализ стратегий исторической стилизации в различных языковых и культурных традициях выявляет значительные различия в подходах к архаизации художественного текста. Различия в стратегиях архаизации обусловлены особенностями исторического развития языков, степенью сохранности устаревшей лексики в современном узусе и культурными традициями восприятия исторической тематики. Эволюция подходов к исторической стилизации в литературе и переводе отражает изменение эстетических представлений и читательских предпочтений [7, с. 201].

Таким образом, средства исторической стилизации в художественном тексте представляют собой сложную многоуровневую систему языковых элементов, объединенных общей функциональной направленностью на создание темпоральной маркированности повествования и формирование у читателя целостного образа исторической эпохи. Эффективность исторической стилизации определяется гармоничным сочетанием архаизирующих средств различных языковых уровней, оптимальной степенью насыщенности текста устаревшими элементами и адекватностью выбранной стратегии архаизации коммуникативным целям произведения.

Список использованной литературы

1. Абрамичева, Е. Н. Архаизмы как средство исторической стилизации в переводе / Е. Н. Абрамичева, А. А. Сокол // Филологический аспект. – 2020. – № 2(58). – С. 7-14.
2. Гринько М. А. Архаизмы в художественной литературе (на материале русского и английского языков) //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №. 5-2 (104). – С. 23-26.
3. Исупова С. М. Стилистические функции устаревших слов в исторических романах И. И. Лажечникова //Евразийский Союз Ученых. – 2020. – №. 7-3 (76). – С. 20-22.
4. Косырькова А. В. и др. Функционально-семантические и стилистические особенности архаизмов как единиц перевода художественного произведения (на материале романа А. Мандзони" Обрученные" и повести НВ Гоголя "Вий"): выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 45.03. 02-Лингвистика. – 2017.
5. Мешалкина Е. Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв.) // Москва. – 2008. – С. 92-107.
6. Москвин, В. П. Лингвистическая стилизация и пародия / В. П. Москвин // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 45-57.
7. Самотик, Л. Г. К проблеме архаизации языка исторической прозы / Л. Г. Самотик // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2013. – № 3(25). – С. 198-203.
8. Фурсова И. Н. Специфика перевода художественного текста //Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – 2015. – С. 237-243.

УДК 81'255.4

Богданец С. Ю., курсант 5 курса

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ: ПРОБЛЕМЫ, ПРИЕМЫ, СПЕЦИФИКА

Научный руководитель: **В.Ю. Кузнецова**, кандидат филологических наук, доцент
Военный университет

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу ключевых трудностей, возникающих у переводчиков, работающих в сфере международной политической коммуникации. В центре внимания находится роль переводчика как стратегического агента дипломатического диалога, от компетенции которого зависят не только точность, но и прагматический эффект высказывания, а также взаимопонимание между сторонами.

В работе представлен ряд конкретных рекомендаций, направленных на минимизацию переводческих ошибок, последствия которых могут иметь геополитический характер.

Ключевые слова: устный перевод, прагматический аспект, лексические особенности, переводческие ошибки.

Bogdanets S.Yu., Cadet, 5th year

CHARACTERISTICS OF INTERPRETING SPEECHES AT INTERNATIONAL POLITICAL NEGOTIATIONS: CHALLENGES, TECHNIQUES, AND SPECIFICITIES

Scientific supervisor: **V.Yu. Kuznetsova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Military University

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the key challenges faced by interpreters working in international political communication. It focuses on the interpreter's role as a strategic agent in diplomatic dialogue, whose competence determines not only the accuracy but also the pragmatic effect of the utterance, as well as mutual understanding between the parties.

The article presents a number of specific recommendations aimed at minimizing translation errors, the consequences of which can have geopolitical implications.

Keywords: interpreting, pragmatic aspect, lexical features, translation errors.

Современные международные политические переговоры, будь то встречи в формате «G20», диалоги в рамках ООН или двусторонние саммиты, представляют собой сложные многоуровневые процессы, где точность и ясность коммуникации являются критически важными. В этих условиях качественный перевод политических выступлений и заявлений

выступает не просто техническим условием, а стратегическим фактором, влияющим на ход дискуссий и взаимопонимание между сторонами. Переводчик на таких мероприятиях выполняет роль не только лингвистического посредника, но и дипломатического агента коммуникации, от компетенции которого зависит не только точность передачи информации, но и сохранение ее дипломатического тона, политических нюансов и прагматического воздействия. Данный тезис находит подтверждение в исследованиях таких ученых, как П.А. Рыковой [2], В.В. Орловой [1], А.А. Хабарова [3].

Целью данного исследования является выявление, анализ и систематизация ключевых проблем, переводческих приемов и специфики работы с политическими выступлениями и заявлениями на примере международных переговоров высокого уровня, а также разработка практических рекомендаций для переводчиков.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Систематизировать основные лексические, стилистические и смысловые трудности перевода политических выступлений.
2. Выявить типичные переводческие ошибки и проанализировать причины их возникновения, включая потенциальные политические последствия.
3. Охарактеризовать специфику политического дискурса и коммуникативную функцию переводчика на переговорах.
4. Определить и проанализировать эффективные переводческие приемы для адекватной передачи политических понятий, дипломатических формул и реалий.
5. Разработать практические рекомендации для переводчиков, специализирующихся в сфере политики и дипломатии.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях геополитической турбулентности и формирования многополярного мира возрастает значимость точной и взвешенной дипломатической коммуникации, где роль переводчика становится ключевой. Во-вторых, политический дискурс постоянно обогащается новыми концептами, терминами и дипломатическими эвфемизмами, требующими осмысления и выработки адекватных переводческих решений, от которых могут зависеть международные отношения.

Материалом для исследования послужило выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании XVII Саммита БРИКС [4]. В качестве основных **методов исследования** были использованы метод сплошной выборки и лингвопрагматический анализ.

Сегодня политический дискурс характеризуется высокой степенью стандартизированности, использованием дипломатических клише и насыщенностью специфическими политическими и культурными концептами. Многие термины и реалии не имеют прямых эквивалентов в языке перевода, а их смысл может кардинально меняться в зависимости от

контекста и говорящего. Переводчик сталкивается с вызовами, связанными не только с лингвистической точностью, но и с необходимостью передать скрытые глубинные смыслы, интенции и дипломатический подтекст.

Перевод политических выступлений сопряжен с рядом трудностей, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Трудности перевода дипломатических формул и политических эвфемизмов.
2. Трудности, связанные с передачей политически нагруженных концептов и исторических аллюзий.
3. Трудности, связанные с высокой ответственностью и условиями синхронного перевода.

Рассмотрим все эти трудности подробнее.

Прежде всего, затронем проблемные аспекты перевода дипломатических формул и политических эвфемизмов.

Пример 1.

Оригинал	**Перевод**
Процесс смены мирового экономического уклада продолжает набирать обороты.	The process of changing the global economic order continues to gain momentum.

Данный пример является типичным образцом дипломатического высказывания, которое несет в себе не только фактологическую, но и оценочно-прогностическую нагрузку.

«Экономический уклад» – это емкий концепт, обозначающий не просто модель или систему, а устоявшуюся, исторически сложившуюся структуру хозяйственной жизни. Перевод «economic order» является точным и идиоматичным в данном контексте. Он передает идею крупномасштабной, фундаментальной структуры мировой экономики (либеральный мировой порядок, многополярный порядок и т.д.). Варианты вроде economic system или economic model звучали бы слабее и не передавали бы глубину заложенного смысла.

«Смены» переведено как «changing». Здесь переводчик выбрал нейтральный вариант. В зависимости от интенции спикера и контекста, могли быть использованы и другие варианты: transformation (трансформация) для большей научности, shift (сдвиг) или даже overhaul (коренная перестройка) для более резкого акцента. Выбор changing сохраняет баланс между нейтральностью и ясностью.

Фраза «набирать обороты» является устоявшейся русской метафорой, указывающей на ускорение и усиление процесса.

Перевод «gain momentum» является самым подходящим эквивалентом. Английская идиома to gain momentum (букв. «набирать импульс/инерцию») абсолютно точно передает ту же метафорическую идею

ускорения и нарастающей силы. Это стандартная, хорошо понятная в международном дискурсе формула.

Данное высказывание не является сухим фактом. Это заявление, которое фиксирует определенную, часто желаемую или признанную, тенденцию. Переводчик должен передать эту уверенность в необратимости или, по крайней мере, в значимости процесса.

В дипломатическом контексте такая фраза может нести легкий позитивный оттенок (особенно если спикер представляет страну, заинтересованную в изменениях).

Пример 2.

Оригинал	Перевод
БРИКС по праву утвердился среди ключевых центров глобального управления, и солидный голос наших государств в поддержку коренных интересов мирового большинства всё более отчетливо звучит на международной арене.	BRICS has rightfully established itself as a key center of global governance, and the strong voice of our states in support of the fundamental interests of the global majority is increasingly heard on the international stage.

Переводчик продемонстрировал глубокое понимание не только языка, но и политического контекста.

Оригинал несет несколько мощных идеологических посланий, которые переводчик успешно передал. Фраза «по праву утвердился» (has rightfully established itself), отражает законность и заслуженность позиции объединения. Словосочетание «мировое большинство» (global majority) успешно передана средствами английского языка, сохраняя основу геополитического нарратива. Весь перевод, как и оригинал, рисует картину не разрушения, а строительства нового, более справедливого миропорядка, где голос «большинства» наконец-то обретает силу.

Представленный выше перевод можно считать образцовым для дипломатического текста.

Теперь рассмотрим трудности, связанные с передачей политически нагруженных концептов и исторических аллюзий

Пример 3.

Оригинал	Перевод
Уходит в прошлое однополярная система международных отношений, обслуживавшая интересы так называемого золотого миллиарда.	The unipolar system of international relations, which served the interests of the so-called "golden billion," is receding into the past.

Данное высказывание является ярким примером политического дискурса, насыщенного идеологически заряженной лексикой. Его перевод требует не только лингвистической точности, но и передачи скрытых

смыслов и оценочных коннотаций. Представленная фраза не просто констатирует факт, а торжественно провозглашает конец целой исторической эпохи, что является ключевым элементом нарратива о возрождении многополярного мира. Вся конструкция построена на противопоставлении. «Однополярная система» (негативная, уходящая) напрямую связывается с интересами «золотого миллиарда» (несправедливая, элитарная группа). Это создает моральный контекст: уход этой системы представлен как акт исторической справедливости.

Основной скрытый смысл – делегитимация прежнего мирового порядка. Переводчик успешно передает этот месседж, используя соответствующие лексические средства («receding», «so-called»), которые позволяют сохранить критический пафос оригинала, оставаясь в рамках формального дипломатического регистра.

Предложенный перевод отражает все оттенки смысла. Он точно передает не только буквальный смысл, но и все идеологические нюансы и прагматические интенции оригинала. Переводчик успешно справился с ключевой задачей – адекватной передачей культурно-специфического и политически заряженного концепта «золотого миллиарда», используя калькирование и кавычки, что является стандартной и эффективной практикой в таких случаях.

Политические выступления часто содержат тщательно выверенные формулировки, где каждое слово могут иметь значение. Устный перевод в режиме реального времени требует от специалиста мгновенной реакции и высочайшей концентрации. Риск пропустить частицу «not», модальный глагол или отрицательный префикс крайне высок и может привести к катастрофическим последствиям.

Пример 4.

Оригинал	**Перевод**
Мы не можем и не будем принимать эти условия ни при каких обстоятельствах.	We cannot and will not accept these conditions under any circumstances.

Пропуск или ослабление двойного отрицания («cannot and will not») может быть воспринято как сигнал о возможной уступчивости. Переводчик должен быть максимально точен в передаче таких категоричных формулировок.

Эффективной практической мерой для подготовки к переводу на политических переговорах является создание специализированного глоссария, включающего не только термины, но и дипломатические формулы с их прагматическим толкованием.

Таблица 1. Пример структуры глоссария для переводчика политических переговоров

Русский термин	Английский эквивалент	Примечание и контекст
Экономический уклад	Economic order	Емкий концепт, обозначающий не просто модель или систему, а устоявшуюся, исторически сложившуюся структуру хозяйственной жизни.
… в поддержку коренных интересов мирового большинства	... in support of the fundamental interests of the global majority	Коренные интересы» – это эвфемизм для «базовых, неоспоримых требований», а «мировое большинство» – политический эвфемизм для «Глобального Юга» или «развивающихся стран», противопоставляемый «меньшинству» (Западу).
Международный порядок, основанный на правилах	Rules-based international order	Политически нагруженный термин. **Важно:** уточнить контекст выступления, так как его трактовка может различаться у разных сторон.

Кроме того, залогом качества являются заблаговременное изучение позиций сторон по обсуждаемым вопросам, анализ предыдущих выступлений спикеров, тесное взаимодействие с членами делегации для прояснения тонкостей и командная работа переводчиков.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Перевод на международных политических переговорах требует от специалиста не только виртуозного владения языками, но и глубоких знаний в области политологии, международного права, дипломатического протокола и современных геополитических реалий. Ключевые проблемы носят комплексный характер и связаны с интерпретацией дипломатических кодов, передачей политически нагруженных концептов, а также экстремальными психологическими и когнитивными нагрузками.

2. Наиболее эффективными приемами для преодоления этих трудностей являются: точная передача дипломатических формул с пониманием их скрытой прагматики, контекстуальная адаптация концептов

с учетом позиции говорящего, разработка детализированных глоссариев с политико-культурными комментариями.

3. Для минимизации ошибок, последствия которых могут быть геополитическими, необходима системная подготовка, включающая углубленный анализ позиционных документов, постоянное отслеживание эволюции политической лексики, развитие навыков работы в условиях высокого стресса и тесная интеграция в рабочую группу делегации.

Список использованной литературы

1. Орлова, В.В. Когнитивно-динамическая модель последовательного перевода // Современная наука: актуальные проблемы науки и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2025. – №5-2. – С. 186-192.

2. Рыкова, П.А. Функционирование когнитивных механизмов межкультурной коммуникации в синхронном переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. – №10. – С. 3375-3381.

3. Хабаров, А.А. Семиозис перевода в дискурсивной динамике российско-китайского кросс-культурного диалога // Переводческий опыт в преподавании перевода: творческое осмысление. Коллективная монография. Москва, 2025. – С. 231-248.

Список источников

4. Президент России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/77927 (дата обращения: 27.10.2025)

УДК 82.091

Будейкина А. Э., бакалавр 3 курса

ОЛЬФАКТОРНАЯ СЕМАНТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. АХМАТОВОЙ

Научный руководитель: **О.Г. Твердохлеб,** кандидат филологических наук, доцент

Оренбургский государственный педагогический университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию ольфакторной лексики в поэзии Анны Ахматовой. На материале Национального корпуса русского языка выявляются и анализируются лексические единицы, относящиеся к обонятельной семантике (глаголы, прилагательные, существительные). Рассматриваются их грамматические особенности, семантика и разнообразные функции в художественном тексте. Устанавливается, что ольфакторная лексика в поэзии А.А. Ахматовой не только служит средством создания конкретно-чувственных образов и атмосферы, но и используется для выражения эмоций, передачи воспоминаний, создания сложных метафор и символов, связывающих чувственное восприятие с внутренними переживаниями лирической героини и ключевыми темами творчества поэтессы.

Ключевые слова: Анна Ахматова, поэзия Серебряного века, ольфакторная лексика, обонятельная семантика, художественный образ, Национальный корпус русского языка.

Budeikina A. E., Bachelor Course Student, 3rd year

OLFACTORY SEMANTICS IN THE WORKS OF A.A. AKHMATOVA

Scientific supervisor: **O.G. Tverdokhleb**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of olfactory vocabulary in the poetry of Anna Akhmatova. Using material from the Russian National Corpus, the author identifies and analyzes lexical units related to olfactory semantics (verbs, adjectives, nouns). Their grammatical features, semantics, and diverse functions in the literary text are examined. The study establishes that olfactory vocabulary in A.A. Akhmatova's poetry serves not only as a means of creating sensory images and atmosphere but is also used to express emotions, convey memories, and create complex metaphors and symbols that link sensory perception with the inner experiences of the lyrical heroine and the key themes of the poet's work.

Keywords: Anna Akhmatova, Silver Age poetry, olfactory vocabulary, olfactory semantics, artistic image, Russian National Corpus.

В творчестве одной из наиболее значимых поэтесс русской литературы Серебряного века Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966) соединялись элементы классического и модернистского стилей [1]. Для поэтессы, которая чувствительна к запахам и восхищена ароматами окружающего мира – снега, дождя, утренней росы, мокрого гравия и дымного вокзала, ольфакторная лексика занимает особое место. Она символически связана с характерной для поэтессы тематикой – любовью, смертью, разлукой. Ее стихотворения буквально «дышат» ими: «ароматы и запахи» расширяют пространство её художественного текста, позволяя читателю более ясно представить происходящее вокруг. Именно поэтому для анализа языкового материала нами была выбрана ольфакторная лексика, функционирующая в текстах А.А. Ахматовой. Языковым материалом стала обнаруженные нами примеры в Национальном корпусе русского языка [6] (далее в статье все приводимые примеры по этому источнику). В поэтическом подкорпусе: автор: А. А. Ахматова, включающему 56 263 слова (в составе 944 текстов) нами были сделаны запросы: gr:V & t:smell, gr:A & (t:physq:smell), gr:S & r:abstr & t:smell. Закрепленный подкорпус позволил вычленить большое количество лексем (50 слов в 46 текстах) по запросу gr:V & t:smell, (26 слов в 26 текстах) и по запросу gr:A & (t:physq:smell), (56 слов в 50 текстах).

Проведенный анализ полученных контекстов выявил особенности функционирования ольфакторной лексики в творчестве А.А. Ахматовой.

1. По принадлежности к разным частям речи и значениям, ольфакторная лексика представлена следующими группами [5].

1) Глаголы (однокорневые *пахнуть, припахивать, запахнуть* и др.) используются: а) со значением ‘издавать запах, иметь способность ощутимо воздействовать на органы обоняния’ [3], напр., в форме настоящего

времени: *Полынью* ***пахнет*** *хлеб чужой* («Не с теми я…», 1922) или *На площадке* ***пахнет*** *духами* («Кто застыл…», 1940); б) (чаще) со значением ‘иметь признаки чего-либо, наводить на предположение о чём-либо, создавать ощущение’ [7], ср.: в форме прошедшего времени: ***пахло*** *зимой* («Я получила письмо…», 1913); *кладбищем* ***пахла*** *сирень* («Были святки кострам согреты…», 1940-1965) или *…****пахли*** *...травы* («Любовь покоряет обманно», 1911); в) со значением ‘вызвать у кого-либо какое-л. чувство, воспоминание и т.п.’ [3], ср. использование и в настоящем, и в прошедшем времени: *сыростью* ***пахнуло*** *гробовой* («Опять проходит полонез …», 1958) и *Мимоза* ***пахнет*** *Ниццей и теплом* («Вечерние часы перед столом…», 1913). С целью передачи трагичного настроения и воспоминаний из прошлого самой А.А. Ахматовой, поэтесса использует глагол *припахивают* со значением ‘слегка пахнуть чем-либо’ или ‘издавать дурной, обычно гнилостный запах’ [7]: *… Семеновским* ***припахивают*** *плацем* («Россия Достоевского …», 1940).

2) Прилагательные (*душистый, смрадный, зловонный, смердящий, пряный, пахучий*). А.А. Ахматова использует слова со значением ‘имеющий, приятный сильный запах’ [3], для того чтобы, усилить и подчеркнуть аромат того или иного объекта, например, ср. *лилий ...* ***душистых*** («*Я* лилий нарвала прекрасных и душистых…», 1904). Одну из таких лексем мы можем увидеть в составе сложного слова, напр.: *Венок* ***душисто****-белых роз* («Весенний воздух …», 1906). Нередки в поэзии А.А. Ахматовой повторяющиеся лексемы со значением ‘имеющий, сильный и резкий запах, не всегда приятный, причиняющий иногда дискомфорт’ [7], ср.: *сумрак* ***смердящий*** («Пусть глаза его как озера…», 1940); *...чан* ***зловонной*** *смолы!* («Умирая, топлюсь о бессмертье…», 1912) и в данном фрагменте: *Под сводами* ***зловонного*** *подвала* («Из-под каких развалин говорю…», 1930), которые подчеркивают отношение поэтессы к происходящим вокруг А.А. Ахматовой переменам. Отметим две лексемы со значением ‘аромат, напоминающий специи’ [3], ср.: *И* ***пряного*** *дыханья дикой мяты* («В то время я гостила на земле…», 1913) и в строках: *мартовских* ***пряных*** *ночей* («Подошла. Я волненья не выдал…», 1914).

3) Существительные (*духи, дух, смрад, запах, аромат, благоухание*) часто употребляются с нейтральным значением ‘свойство предметов, веществ действовать на обоняние’ [2], напр.: *Как слепоглухонемая, / Которой остались на свете / Лишь* ***запахи****, я вдыхаю* («Как слепоглухонемая…», 1959). Встречаются описания приятных запахов: *И нежит кудрей* ***аромат*** («Я умею любить…», 1906); *Свежих лилий* ***аромат*** («Тот же голос …», 1909) и отрицательные контексты: *И приторный* ***запах*** *чернил* («Другие уводят любимых…», 1960), в том числе со значением ‘вонь, дурной, отвратительный запах’ [2]: *Задыхалась в* ***смраде*** *и крови* («Запад клеветал …», 1963). Находим значение ‘запах или то, что напоминает этот запах’, ср.: *я еще вдыхала* ***дух*** */ махорки* («А у присяжных …», 1958), а также слово в прямом значении ‘парфюмерное средство’ как ‘спиртовой раствор смесей душистых веществ’ [2], например, ср. *..пахнет*

духами («Кто застыл …», 1940). Ср. также в составе сложного слова корень -благ(о)- в строках, где придается аромату особое (доброе, полезное) для человека значение: *Не засуху, не недород, / Не раскаленный прах – /* ***Благоухание*** *несет* («Не надо нам…», 1951).

2. Ольфакторную лексику А. А. Ахматова употребляет в разного рода поэтических контекстах [4].

1) Слова, называющие то, что издает конкретные запахи, представлены: а) формой родительного падежа имени существительного (употребленные со значением ‘природный запах’, ‘вещественный запах’ [3]): ***Можжевельника*** *запах сладкий* («Можжевельника запах сладкий…», 1914); *Свежих* ***лилий*** *аромат* («Тот же голос …», 1909); *запах* ***прели и земли*** («О, горе мне! …», 1944) и формой творительного падежа: *Пахнет* ***гарью*** («Город сгинул …», 1916); *Припахивало* ***табаком, / Мышами, сундуком*** *открытым* («День шел за днем…», 1944); б) отыменным прилагательным, образованном от имени со значением ‘вид растения’: *Поднялись, где в поле* ***мятный*** *запах* («…Где на четырех высоких лапах…», 1943); со значением ‘ядовитый запах’, напр.: ***трупный*** *запах прогнивших нар* («Не столицею европейской…», 1937).

2) Прилагательные и наречия, синергетически характеризующие связи запаха и вкуса, часто изображаются как неразрывное единство, создавая многогранное восприятие еды и гастрономического опыта, [4] ср.: ***Свежо*** *и* ***остро*** *пахли морем / На блюдце устрицы во льду* («Звенела музыка в саду…», 1913); *Над черным кофеем* ***пахучий****, тонкий пар* («Да, я любила …», 1917). Ср. лексемы *крепкий, приторный* чаще всего описывающие продукты или напитки [4], употреблены в необычном для них контексте: ***Крепкий*** *запах морского каната* («Нам бы только до взморья добраться…», 1914); ***приторный*** *запах чернил* («Другие уводят любимых…», 1960-1961).

3) Для более выразительного описания запахов путем сравнения употребляются: а) сравнительный оборот: *Я лилий нарвала прекрасных и* ***душистых****, / Стыдливо-замкнутых, как дев невинный рой* («Я лилий нарвала прекрасных и душистых…», 1904); *Едкий, душный* ***запах*** *дегтя, / Как загар, тебе идет* («Руки голы выше локтя…», 1911); б) сравнительное придаточное: *В ней прохладно / Как в доме, где* ***душистый мрак*** («Все небо в рыжих голубях…); в) форма сравнительной или превосходной степени имени прилагательного / наречия: *Ведь пахли* ***иначе*** *травы* («Любовь покоряет обманно», 1911); *фиалок дым / Все* ***благовонней*** («Третью весну…», 1943); ***самый смрадный грешник*** («Пусть глаза его …», 1940-1965); г) сложное сочетание, включающее и сравнительный оборот, и форму сравнительной степени имени наречия, ср.: *И крапива* ***запахла****, как розы, но только сильней* («Небывалая осень построила купол высокий…», 1922). Возможно усиление путем повтора ольфакторной глагольной лексемы: *Ты* ***пахнешь****, как* ***пахнет*** *сирень* («Я пришла тебя сменить…», 1912) [5].

4) Метафорические конструкции и эпитеты, создают особенно яркий и неповторимый образ в стихах: ***вдыхала дух*** */ махорки и крепкий душный* ***запах*** *сапог солдатских* («А у присяжных то же изумленье…», 1958); *С их*

*лепестков… / **Пила я аромат*** («Я лилий нарвала прекрасных …», 1904); *В **душистом** спокойном **тепле*** («Я выбрала тех…», 1963); *В **душистой тиши*** («Я к розам хочу …», 1959); *где **душистый мрак*** («Все небо в рыжих голубях…), 1943); ***Карнавальной полночью римской** / И не **пахнет*** («Мой редактор…», 1940) и мн. др.

5) Запахи могут вызывать сильные ассоциации, связывая определенные запахи с эмоциональными переживаниями, будят воспоминания о прошлом: *Где **ароматами** веяли муссоны* («Где ароматами веяли муссоны…», 1950); *Свист паровоза, хруст арбузной корки, / В **душистой** лайке робкая рука* («Он сам себя…», 1936); *И пришлю тебе страшный подарок / Мой заветный **душистый** платок* («А, ты думал – я тоже такая...», 1921). Поэтесса использует повторы для передачи палитры ароматов или их усиления ***Привольем** пахнет дикий **мед**, / <…> / **Водою** пахнет **резеда** / <…> / Что **кровью** пахнет только **кровь*** («Привольем пахнет дикий мед...», 1934) [5].

6) Некоторые запахи ассоциируются с определенными культурами, регионами, приятные запахи которых, способствуя положительным эмоциям, повышать желание оставаться в данном месте: *Непоправимо белая страница / Мимоза **пахнет** Ниццей и теплом* («Вечерние часы перед столом…», 1913); *Цветов и неживых вещей / **Приятен** запах **в этом доме*** («Цветов и неживых вещей…», 1913). Ольфакторные лексемы используются и в связи с описанием культовых (религиозных) ритуалов: *И запах дымка так **ладанно-сладок*** («Мне летние просто невнятны улыбки…», 1943) [4].

7) Реже, в единичных примерах, встречаем слова, обозначающие: а) изделия парфюмерии [2], напр., парфюмерную воду, ср: ***Иланг-илангом** весь пропах вокзал* («В тени елизаветинских боскетов», 1925); *пахнет **духами*** («Кто застыл…», 1940), или сухие духи в виде сухоцветов в мешочке: *Так душно пахнет старое **саше*** («Я говорю…», 1911); б) интенсивность проявления запаха, например, ср: ***Едкий, душный** запах дегтя, / Как загар* («Руки голы…», 1911); ***Сухо** пахнут иммортели* («Жарко веет ветер душный», 1910).

Таким образом, ольфакторная лексика в поэзии Анны Ахматовой служит не только средством художественного выражения, но и важным инструментом для понимания внутреннего мира персонажей, их чувств и переживаний, что делает её поэзию яркой и запоминающейся. Используя номинации ароматов как средство для создания метафор и символов, А.А. Ахматова не только передает эмоции, но и создает многослойные образы, которые оставляют глубокий след в сознании читателей. Через призму запахов поэтесса создает ассоциативные ряды, связывая с ними определенные воспоминания и переживания. Ольфакторная лексика помогает передать атмосферу времени и места, придавая стихотворениям особую звучность и чувство реальности.

Список использованной литературы

1. Анна Ахматова (1889–1966). М.: Азбуковник, 2021. – 472 с.

2. Баранова, Е.А. Ольфакторная лексика в русском и английском языках // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Мат-лы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Том 4. Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 10–12.

3. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. - 1534 с.

4. Букреева, Л.А. Количественный анализ ольфакторной лексики на примере русского, английского и немецкого языков // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2024. – № 1(25). – С. 28–41.

5. Кулаковский, М. Н. Актуальные аспекты исследования ольфакторной лексики в художественном тексте / М. Н. Кулаковский // Культура. Литература. Язык : Материалы научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 апреля 2023 года / Под научной редакцией М.Ю. Егорова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2023. – С. 20-24.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: https://ruscorpora.ru/

7. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. - Изд. 3-е, стер. - Москва : Русский язык, 1985-1988.

УДК 8125.712

Бушина В.В., бакалавр 3 курса

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ

Научный руководитель: **Е.Д. Селифонова,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей перевода фразеологических единиц на материале библеизмов. Актуальность темы обусловлена значительной ролью фразеологизмов в контексте культурного своеобразия и обеспечении эффективной межкультурной коммуникации, особенно при работе с текстами, которые обладают большой культурной и религиозной ценностью. Цель исследования – выявить и проанализировать основные виды переводческих трансформаций, используемых для перевода библейской фразеологии с английского языка на русский. Результаты исследования показывают, что при переводе библеизмов основными стратегиями являются калькирование и синтаксическое уподобление (дословный перевод), что позволяет максимально сохранить исходную семантическую и структурную целостность единиц для точной передачи контекста и обеспечения полноценного понимания текста реципиентом. В заключении обосновывается необходимость применения взвешенного подхода к выбору переводческих

трансформаций, который направлен на сохранение как смысловой точности, так и культурного своеобразия оригинала.

Ключевые слова: фразеологизмы, библеизмы, переводческие трансформации, эквивалентность перевода, лингвистика, Библия.

Bushina V.V., Bachelor Course student, 3rd year

ON THE ISSUE OF TRANSLATION WORK WITH PHRASEOLOGICAL UNITS

Scientific supervisor: **E.D. Selifonova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the translation of phraseological units based on the material of biblical expressions. The relevance of the topic is due to the significant role of phraseological units in the context of cultural identity and ensuring effective intercultural communication, especially when working with texts that have great cultural and religious value. The purpose of the study is to identify and analyze the main types of translation transformations used to translate biblical phraseology from English into Russian. The results of the study show that when translating biblical expressions, the main strategies are calculus and syntactic assimilation (literal translation), which makes it possible to preserve the original semantic and structural integrity of the units as much as possible in order to accurately convey the context and ensure a full understanding of the text by the recipient. In conclusion, the necessity of applying a balanced approach to the choice of translation transformations, which is aimed at preserving both semantic accuracy and cultural originality of the original, is substantiated.

Keywords: phraseological units, biblical expressions, translation transformations, translation equivalence, linguistics, The Bible.

Развитие и изучение фразеологии как науки ведётся уже на протяжении длительного времени и несёт в себе огромную пользу для развития лингвистики в целом. При изучении языка важно знать основные его составляющие: грамматический и лексический аспекты; однако, фразеологический аспект языка тоже необходим, если целью изучения языка является свободное владение.

Фразеологизмы являются важными элементами языка, отражающими культурные особенности и традиции. Их правильный перевод способствует сохранению культурной идентичности и пониманию специфики языка. Это затрагивает культурную значимость и такой важный предмет международной культуры, как Библия. Точный перевод фразеологизмов необходим для эффективной межкультурной коммуникации, так как даже небольшое различие в смысле перевода одной части высказывания может привести к искажению смысла всего высказывания.

В целом фразеологизмы играют ключевую роль в аспекте выразительности текста, его стилистической и эмоциональной нагрузки. Фразеологизмы передают конкретные культурные понятия, эмоции и идеи, которые не всегда могут быть правильно выражены прямым переводом [5]. Их перевод требует особого внимания, в частности, если рассматривать их перевод в Библии.

В данном исследовании проводится анализ фразеологических единиц на примере библеизмов. Понятие *библеизм* было введено О.С. Ахмановой в середине XX века в «Словаре лингвистических терминов» [1]. Библеизм представляет собой библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык. Этот термин охватывает не только отдельные лексемы и словосочетания, но также пословицы и поговорки библейского происхождения. В современной лингвистике наблюдается расширение данного определения: библеизмы характеризуются как «фразеологические сочетания» и «библейские афоризмы». Также часть учёных включает в эту категорию выражения, которые были заимствованы из текстов молитв.

Для исследования было отобрано 39 фразеологизмов из текста Библии на английском языке в варианте перевода короля Джеймса, вышедшем в свет в 1982 году.

При проведении исследования были использованы различные методы и приемы, как общенаучные, так и лингвистические. С их помощью удалось подробно описать анализируемый материал.

Для полноты исследования необходимо для начала дать понятия таким определениям, как *фразеологизм*, *идиома* и *переводческие трансформации*.

В.В. Виноградов полагал, что *фразеологизм* представляет собой устойчивое, воспроизводимое сочетание слов, обладающее семантической целостностью [4]. Профессор А.В. Кунин определял *идиому* как стабильное сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением, а также различал их по структурным типам, где они могут быть как мотивированными, так и немотивированными [3].

По мнению В. Н. Комиссарова преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются *переводческими (межъязыковыми) трансформациями* [2]. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц.

В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами исходного языка и их словарными соответствиями, а в плане динамическом, как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В зависимости от характера единиц исходного языка,

которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические.

Основные типы лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода с участием различных исходного языка (далее – ИЯ) и языка перевода (далее – ПЯ), включают такие переводческие приёмы, как: переводческое транскрибирование и транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

К наиболее распространенным грамматическим трансформациям принадлежат синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений и грамматические замены (замены формы слова, части речи или члена предложения).

К сложным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация.

Однако, при наличии такого большого количества переводческих трансформаций, при рассмотрении перевода таких фразеологических единиц, как библеизмов, используются лишь некоторые из них, а именно: калькирование, генерализация, модуляция (смысловое развитие), синтаксическое уподобление (дословный перевод), экспликация (описательный перевод) и компенсация.

Лексико-семантические замены представляют собой вид переводческой трансформации, суть которой заключается в замене слова оригинала на слово в ПЯ с иным значением. Данная замена становится возможной благодаря существованию между ними логической семантической связи. Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы.

Калькирование является способом перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей (морфем или слов) (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, которое копирует структуру исходной лексической единицы.

При анализе отобранных библеизмов те, которые приведены ниже, при переводе практически не меняют свой внешний вид, сохраняя исходную структуру лексической единицы.

- *Не от мира сего* – ‘not of this world’
- *Камень преткновения* – ‘a stone of stumbling’
- *В поте лица* – ‘in the sweat of your face’
- *Посыпать голову пеплом* – ‘sprinkle dust on one’s head’
- *Умывать руки* – ‘wash one’s hands’
- *Манна небесная* – ‘manna from heaven’
- *Вавилонское столпотворение* – ‘(the Babel of) Babel’

- *Строить на песке* – ‘build in the rock’
- *Соль земли* – ‘salt-of-the-earth’
- *Терновый венец* – ‘crown of thorns’
- *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* – ‘you shall love your neighbor as yourself’

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, которое включает исходное видовое.

Такой вид переводческих трансформаций практически не применяется при переводе в Библии, т.к. при работе с таким важным пластом культуры переводчику необходимо как можно более точно и полно передать смысл лексической единицы [6]. Из отобранных библеизмов только в одном используется генерализация как переводческая трансформация.

- *Райский уголок* – ‘Paradise’

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

При работе с переводом библеизмов стоит быть предельно внимательным, используя данный метод переводческих трансформаций, так, чтобы реципиент перевода мог получить наиболее полный и корректный смысл высказывания.

- *Выпить чашу до дна* – ‘drink the dregs of the cup’
- *Всему своё время* – ‘to everything there is a season’
- *Поставить во главу угла* – ‘become the chief cornerstone’
- *Допотопные времена* – ‘Antediluvian times’

Грамматические трансформации являются способом перевода, при котором грамматическая единица ИЯ в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) представляет собой способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала ИЯ преобразуется в аналогичную структуру ПЯ.

При анализе отобранного материала выяснилось, что данный вид переводческих трансформаций является одним из самых частотных. Это связано с тем, что синтаксическая структура лексической единицы оригинала трансформируется в аналогичную структуру на ПЯ, тем самым в полной мере сохраняя смысл самого высказывания для реципиента.

- *Ополчиться против кого-то* – ‘array against someone’
- *Нет ничего нового под солнцем* – ‘there is nothing new under the sun’
- *Что было, то и будет* – ‘that which has been is what will be’
- *Всё произошло из праха, и всё возвратится в прах* – ‘all are from the dust, and all return to dust’
- *Двоим лучше, нежели одному* – ‘two are better than one’

- *Суета сует* – ‘vanity of vanities’
- *Золотой (литой) телец* – ‘molded calf’
- *Валаамова ослица* – ‘Balaam's donkey’
- *Земля обетованная* – ‘promised land’
- *Петь Лазаря* – ‘sing Lazarus’
- *Поцелуй Иуды* – ‘the Judas kiss’
- *Фома неверующий* – ‘Doubting Thomas’
- *Нести свой крест* – ‘carry one’s cross’

Экспликация (описательный перевод) представляет собой лексико-грамматическую трансформацию, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ.

При данном способе перевода компоненты фразеологической единицы претерпевают некоторые изменения, но в рамках допустимого, чтобы реципиент высказывания мог получить корректную информацию.

- *Вернуться на круги своя* – ‘come again on its circuit’
- *Святая святых* – ‘the Most Holy’
- *Божьей милостью* – ‘according to the grace of God which was given to me’
- *Заблудшая овца* – ‘a sheep which was lost’
- *Не хлебом единым жив человек (не хлебом одним будет жить человек)* – ‘man shall not live by bread alone’

Компенсация является способом перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

С помощью данной переводческой трансформации реципиент может так же в полной мере получить корректный перевод, который будет отражать особенности его культуры и помогать восприятию.

- *Уповать на кого-то* – ‘wait upon someone’
- *Глас вопиющего в пустыне* – ‘the voice of one crying in the wilderness’
- *Блудный сын* – ‘prodigal son’
- *Внести свою лепту* – ‘throw a mite’
- *Зарыть талант в землю* – ‘bury a talent’

Из анализа фразеологизмов на примере библеизмов следует вывод о том, что при работе с таким важным и культурно значимым материалом, как Библия, переводчик в большинстве случаев пытается максимально сохранить исходный вид фразеологической единицы, а именно её синтаксическую и семантическую структуры, для полноценного понимания переводимого текста реципиентом.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С., Задорнова, В. Я. Лингвистические проблемы перевода [Текст] / О. С. Ахманова, В. Я. Задорнова – 1-е изд.. – М: МГУ, 1981 – 80 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Комиссаров – М.: Высшая школа, 1990 – 253 с.
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин – 4-е изд.. – М.: «Русский язык», 1984 — 944 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. 1977. – URL: http://books.e-heritage.ru/book/10077375
5. Селифонова, Е. Д. Фразеологические единицы с однозначными лексическими компонентами в русском и английском языках : специальность 10.02.01 "Русский язык", 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Селифонова Елена Дмитриевна. – Брянск, 2004. – 187 с.
6. Сытенкова, А. Д. К вопросу о переводе библеизмов на английский язык в повести А. И Б. Стругацких "Понедельник начинается в субботу" / А. Д. Сытенкова, Е. Д. Селифонова // Филология и лингводидактика: Взгляд молодых исследователей : материалы межрегионального научного семинара, Брянск, 30 ноября 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 78-82.

УДК 81’42

Вишнякова С. И., магистрант 1 курса

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕДАЧИ КОРЕЙСКИХ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Научный руководитель: **И.В. Тивьяева**, доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет

Аннотация: Рост популярности корейской художественной литературы в русскоязычном пространстве актуализирует изучение проблем перевода корейской ономатопоэтической лексики, которая не имеет прямых аналогов в русском языке. Целью данного исследования является анализ стратегий перевода ономатопоэтических единиц на материале современных корейских романов. В ходе исследования были проанализированы 300 ономатопоэтических единиц из пяти оригинальных художественных произведений и их эквиваленты из официальных переводов на русский язык, составлена типология лексических трансформаций при переводе корейской ономатопоэтической лексики. В результате исследования были выявлены четыре ключевые переводческие стратегии: использование приемов опущения, подстановки, модуляции и экспликации. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе реальных переводческих решений на обширном эмпирическом материале современной корейской прозы. Полученные выводы свидетельствуют о том, что, несмотря на неизбежную потерю экспрессии звукоизобразительных свойств, выявленные стратегии позволяют адекватно передать семантику оригинала. Результаты работы могут быть использованы в практике перевода и преподавания, а также в дальнейших исследованиях корейско-русского перевода.

Ключевые слова: корейская ономатопоэтическая лексика, переводческие стратегии, безэквивалентная лексика, художественный перевод, корейско-русский перевод, звукоподражания (의성어), образная лексика (의태어), образоподражания (의성태), переводческие трансформации.

Vishnyakova S.I., Master Course student, 1st year

ANALYSIS OF TRANSLATION STRATEGIES FOR ONOMATOPOETIC UNITS IN KOREAN: A CASE STUDY OF KOREAN LITERARY FICTION

Scientific Supervisor: **I.V. Tivyaeva**, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Abstract: The growing popularity of Korean fiction in the Russian-speaking world has highlighted the need to study the challenges of translating Korean onomatopoeic and mimetic words, which lack direct equivalents in the Russian language. The aim of this study is to analyze the strategies for translating onomatopoeic units, drawing on examples from modern Korean novels. The research methodology involves a continuous sampling of 300 units from the original texts of five literary works and their official Russian translations, followed by an analysis based on V.N. Komissarov's classification of lexical transformations. The study identified four primary translation strategies: omission, substitution, modulation, and explication. The novelty of this work lies in its comprehensive analysis of actual translation decisions based on an extensive corpus of modern Korean prose. The findings indicate that, despite the inevitable loss of certain sound-symbolic properties, the identified strategies allow for an adequate rendering of the original semantics. The results of this study can be applied in translation practice, translator training, and further linguistic research on Korean-Russian translation.

Keywords: Korean onomatopoeic and mimetic lexicon, translation strategies, equivalent-lacking lexicon, literary translation, Korean-Russian translation, onomatopoeia (의성어), mimetics (의태어), phenomimes (의성태), translation transformations.

Современная наука о языке придает особое значение социально-культурному компоненту при описании языковых единиц и процессов. Данная тенденция распространяется также и на лингводидактику, и теорию и практику перевода (см., например, работы [2; 3; 4; 12]). Особое место в исследовании социально-культурного компонента языков принадлежит безэквивалентной лексике, под которой мы вслед за В.Н. Комиссаров понимаем единицы исходного языка, не имеющие «регулярных соответствий в языке перевода» [8, с. 174]. Этот же языковой феномен Л.С. Бархударов называет «случайными лакунами» [1, с. 94].

К числу «случайных лакун» возможно отнести корейские ономатопоэтические единицы, которые представляют собой сложный и многогранный класс исконно корейской лексики, не имеющий полных эквивалентов в русском языке. С ростом интереса русскоязычных читателей

к корейской литературе спрос на качественный перевод корейской литературы также возрастает. Также возрастает интерес и к специфике перевода ономатопоэтических единиц, поскольку они составляют одну из особенностей корейского художественного текста, являясь неотъемлемой частью восприятия носителями корейского языка действительности и также ярким средством выражения их эмоциональной сферы.

Следует отметить, что хотя корейская ономатопоэтическая система сейчас становится все более популярным предметом лингвистических исследований, на данный момент наблюдается недостаток комплексных работ, предлагающих конкретные стратегии перевода [10]. Таким образом, **целью** данной работы является анализ ономатопоэтических единиц корейского языка в переводческой перспективе.

Классическое определение ономатопоэтической лексики корейского языка дал Ю. Н. Мазур в «Грамматике корейского языка» [9]. Исследователь называет ономатопоэтические единицы «изобразительными словами» и выделяет такие особенности данного класса лексики, как способность подражать неречевым звукам и имитация образа действия или какого-либо состояния. Эти особенности также лежат в основе классификации ономатопоэтических единиц, предлагаемых Ю.Н. Мазуром: единицы, подражающие «неречевым звукам», называются «звукоподражаниями» (의성어); единицы, передающие чувственно воспринимаемый образ, называются «образными» (의태어); единицы, передающие образ и звук одновременно, называются образоподражательными (의성태) [10, с.73-75].

Эмпирическая база настоящего исследования включает 300 ономатопоэтических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из оригинальных корейских литературных произведений, а также их русских коррелятов. В качестве источников языкового материала были использованы известные художественные романы современных корейских авторов, имеющие официальные переводы на русский язык. В их числе «Миндаль» Сон Вонпхён (перевод Г.П. Новоселова), «Оранжерея на краю света» Ким Чхоёп (перевод Д.В. Мавлеевой и Е.А. Похолковой), «Магазин шаговой недоступности» Ким Хоён (перевод Д.В. Мавлеевой и Е.А. Похолковой), «Добро пожаловать в книжный в Хюнамдоне» Хван Порым (перевод Д.В. Мавлеевой и Е.А. Похолковой), а также «Гоблин. Романтическое заклятье» Ким Ынсук и Ким Суён (перевод Г.П. Новоселова).

В результате анализа ономатопоэтических единиц корейского языка был выявлен ряд переводческих трудностей, связанных со спецификой данного класса лексики. Как уже отмечалось, ключевой особенностью ономатопоэтической лексики является ее тесная взаимосвязь с восприятием мира носителями языка. Ономатопоэтические лексические единицы корейского языка, как правило, не имеют прямых эквивалентов в русском языке вследствие фонетических, семантических и культурно-

специфических различий. Эти различия существенно осложняют задачу адекватной передачи данных единиц в переводе. Значение ономатопеи основывается не только на звуковых, но и на визуальных и культурных ассоциациях, которые могут отсутствовать в других языковых системах.

При передаче корейских ономатопоэтических единиц на русский язык ключевой переводческой стратегией, по нашим наблюдениям, является использование лексических трансформаций. Рассмотрим особенности реализации данной стратегии в корейско-русском художественном переводе на основе типологии лексических трансформаций В.Н. Комиссарова. В результате анализа эмпирического материала мы выявили четыре доминирующих типа лексических трансформаций, задействованных при передаче ономатопеи: опущение, подстановка, модуляция и описание.

Опущение как лексическая трансформация предполагает исключение единицы при переводе, если переводимая единица повторяет смысл других элементов предложения или просто нагружает текст, не оказывая существенного влияния на его смысл. Следует отметить высокую частотность применения данного типа трансформации. Рассмотрим некоторые примеры:

1. «할멈은 쯔쯔쯔 혀를 차곤 **절레절레** 고개를 젓더니 휴우, 한숨을 쉬곤 천장 구석을 무심히 올려다봤다.» – «Тц-тц-тц» – бабуля поцокала языком, неодобрительно покачала головой, глубоко вздохнула, издав громкое «ф-ф-фух!» и безразлично уставилась в потолок». («Миндаль» Сон Вонпхён).

В данном случае образная единица «절레절레» (вид качания головой) передает тот же смысл, что и последующее сочетание «고개를 젓다» («качать головой»). Таким образом, попытка, например, эксплицитно передать значение ономатопоэтической единицы нагружала бы предложение и дублировала бы смысл последующих элементов. Поэтому переводчик принял решение опустить ономатопоэтическую единицу.

2. «기쁘거나 반가운 것이 아니라 **울컥** 화가 났다.» – «Я должна была радоваться, но вместо этого злилась». («Оранжерея на краю света» Ким Чхоёп).

В данном случае образная единица «울컥» (вид возникновения очень сильных эмоций) опускается при переводе, так как ономатопоэтическая единица передает комплексный сложный образ, который требует объемной конструкции для наиболее точной передачи смысла единицы.

Подстановка. Данная трансформация предполагает использование эквивалента, приблизительно передающего смысл переводимой единицы. На основе проанализированного материала возможно отметить, что чаще всего такими единицами в русском языке являлись глаголы и наречия. Они однозначно не являются полными эквивалентами и во многих случаях ономатопоэтические свойства единицы были утеряны, однако приблизительный образ передать удавалось. Рассмотрим следующие примеры:

3. «그걸 지켜보며 몇 차례 계속하고 있자니 몸이 붕 뜬 것처럼 **어질어질했다**.» – «Внимательно отследив его судьбу, я плюнул еще несколько раз, но в итоге доплевался лишь до того, что у меня **закружилась голова**». («Миндаль» Сон Вонпхён).

В данном случае образная единица «어질어질» (образ чувства головокружения, тошноты) от которой образован глагол «어질어질하다», передается словосочетанием «закружилась голова». Глагол «закружилась» в русском языке является эквивалентным глаголу «어질어질하다». Также состояние героя уточняется добавлением лексемы «голова», так как «закружилась голова» является устойчивым выражением в русском языке.

4. «**느릿느릿** 일어나 경찰들에게 문을 열어주는 독고 씨의 커다랗고 듬직한 등이 눈에 들어왔다» – «Токко **медленно** поднялся, освобождая путь полицейским, и только тогда она заметила, какая у него широкая и крепкая спина». («Магазин шаговой недоступности» Ким Хоён).

В данном случае для образной единицы «느릿느릿» (вид очень медленных действий) есть эквивалентное наречие «медленно», которое хотя и не является ономатопеей в русском языке, но передает образ, заложенный в корейской ономатопоэтической единице.

Модуляция, или смысловое развитие. Данная трансформация позволяет передать значение лексической единицы посредством ее логического изменения и развития. В данном случае ономатопоэтические свойства корейских единиц также теряются, но передается общий смысл. Рассмотрим несколько примеров:

5. «엄마는 하는 수 없이 다 식어 버린 버거를 **꾸역꾸역** 입 안으로 밀어 넣기 시작했다» – «Мама волей-неволей начала **с трудом** заталкивать в рот уже остывший бургер.» («Миндаль» Сон Вонпхён).

После образной единицы «꾸역꾸역» (вид насильственного заталкивания пищи в рот) в оригинале следует часть «입 안으로 밀어 넣기 시작했다», то есть «начала заталкивать в рот». Ономатопоэтическая единица в данном случае передает тот же образ, который описывает следующая за ней часть предложения, но не полностью дублирует его, а усиливает. Поэтому переводчик выбирает логически перевести ономатопоэтическую единицу как «с трудом», передавая, что действие совершается насильственно, хоть это только один компонент семантики ономатопоэтической единицы.

6. «송창식이 **울렁울렁**거리는 목소리로 읊조리는 노래는 소시민을 참새에 비유하여 생의 고단함을 위로하는 내용이었다.» – «Сон Чхансик своей музыкой и **мелодичным** тембром утешал слушателя, сравнивая трудовые будни обычного человека с жизнью воробья: <…>.» («Магазин шаговой недоступности» Ким Хоён).

Образная единица «울렁울렁» (образ чего-то, что колышется) в составе глагола «울렁울렁거리다» передает образ «колышущегося» голоса, что в русском языке можно логически передать как «мелодичный».

Экспликация, или описание. Данная трансформация предполагает развернутое описание лексического значения ономатопоэтической единицы, при этом ее ономатопоэтические свойства теряются. Обратимся к следующим примерам:

7. «새벽 한 시의 **꼬르륵** 소리에 또 하루가 시작되었음을 느꼈다. » – В час ночи ее разбудило урчание в животе». («Магазин шаговой недоступности» Ким Хоён).

Звукоподражательная единица «꼬르륵» (звук урчания в животе) описывается в соответствии с ее лексическим значением («урчание в животе»).

8. «그 말은 아영의 마음을 **두근**거리게 했다.» – «От слов Ли Хису сердце Аен **забилось чаще**». («Оранжерея на краю света» Ким Чхоёп).

Образоподражательная единица «두근» (звук и образ сильно колотящегося от волнения или тревоги сердца) в составе глагола «두근거리다» описывается словосочетанием «(сердце) забилось чаще», что емко передает ее лексическое значение.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает первоначальный тезис о том, что корейские ономатопоэтические единицы, не имеющие эквивалентов в русском языке, представляет собой значительную трудность для переводчика в силу своей глубокой укорененности в языковом сознании и культурном коде носителей корейского языка. В результате исследования установлено, что доминирующей стратегией передачи корейской ономатопоэзии в переводе является применение лексических трансформаций. В ходе анализа эмпирического материала нами были зафиксированы четыре типа трансформаций: опущение, подстановка, модуляция и экспликация (описание). Выбор конкретной трансформации детерминирован как лингвистическими факторами (семантическая нагруженность единицы, ее роль в тексте, наличие или отсутствие частичных соответствий), так и прагматическими соображениями (обеспечение естественности и понятности текста для русскоязычного читателя).

Анализ корейско-русских переводов художественной литературы свидетельствуют о том, что полная передача звукообразной природы корейской ономатопоэзии на русский язык зачастую невозможна. Следовательно, основной задачей переводчика становится не буквальное воспроизведение формы, а адекватная передача семантики и функциональной нагрузки единицы в контексте, что в большинстве случаев достигается за счет смысловых преобразований, ведущих к утрате собственно ономатопоэтических свойств, но сохраняющих общий смысл и эмоциональный посыл оригинала.

Список использованной литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Воронина, Л. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) / Л. А. Воронина, С. А. Летун // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 49–56.
3. Данилова, В. А. "Энциклопедия русской жизни" на португальском языке: лингвокультурная адаптация на лексическом уровне / В. А. Данилова, И. В. Тивьяева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 4. – С. 169-179. – DOI 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179.
4. Данилова, В. Культурная информация в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин": стратегии и способы ретрансляции в португальских переводах / В. Данилова, И. Тивьяева // Обучение иностранным языкам. – 2022. – Т. 49, № 3. – С. 285-298. – DOI 10.53656/for22.308kult.
5. Ким, Х. Магазин шаговой недоступности : роман / Ким Хоен ; перевод с кор. Д. В. Мавлеевой, Е. А. Похолковой. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 256 с
6. Ким, Ч. Оранжерея на краю света / Ч. Ким. – Москва : АСТ, 2022. – 330 с.
7. Ким, Ы., Ким, С. Гоблин. Романтическое заклятье : роман / Ким Ынсук, Ким Хоен ; перевод с кор. Г. П. Новоселов. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 288 с.
8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с.
9. Мазур, Ю. Н. Грамматика корейского языка : морфология, словообразование : теоретический курс / Международный центр кореееведения МГУ ; изд. дом «Муравей-Гайд». – Москва : Международный центр кореееведения МГУ, 2001. – 330 с.
10. Лим, В. Н. Способы передачи корейской ономатопоэтической лексики в переводе текстов художественной литературы // Литература и журналистика стран азиатско-тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. : мат. междунар. конференции (Хабаровск, 21–22 нояб. 2018 г.). – Хабаровск, 2019. – С. 141–150.
11. Сон, В. Миндаль / В. Сон. – Санкт-Петербург : Поляндрия Ноу Эйдж, 2023. – 287 с.
12. Тарева, Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания / Е. Г. Тарева // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности : Коллективная монография. – Москва : НЕОЛИТ, 2017. – С. 17-44.
13. Хван, П. Добро пожаловать в книжный в Хюнамдоне : роман / Хван Порым ; перевод с кор. Д.В. Мавлеевой, Е. А. Похолковой. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 288 с.
14. **김호연**. 불편한 편의점 / 김호연. – 서울 : 나무옆의자, 2021. – 268 с.
15. **김은숙, 김수연**. 쓸쓸하고 찬란하 – 도깨비 / 김은숙, 김수연. – 서울.
16. **김초엽**. 지구 끝의 온실 / 김초엽. – 서울 : 자이언트북스, 2021. – 392 с.
17. **손원평**. 아몬드 / 손원평. – 서울 : 다즐링, 2023. – 229 с.
18. **황보름**. 어서 오세요, 휴남동 서점입니다 / 황보름. – 서울 : 클레이하우스, 2022. – 364 с.

УДК 81-26.347.78.034

Воронкова Д.Н., бакалавр 2 курса

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Научный руководитель: **Е.В. Абраменко**, кандидат филологических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: В статье исследуется прагматический аспект политического дискурса через призму лингвистических средств реализации коммуникативных стратегий и тактик. Цель работы – выявить и систематизировать языковые инструменты, с помощью которых политики достигают своих коммуникативных целей в рамках предвыборной риторики. В качестве материала анализа использованы интервью кандидатов в президенты США от Демократической партии (Б. Сандерс, Э. Уоррен, Дж. Байден) в период праймериз 2019-2020 гг. Методологическую базу составили дескриптивный, прагматический и лингвистический анализы, дополненные контролированным отбором материала и количественным подсчётом частотности употребления тех или иных конструкций. Установлено, что ключевыми лингвистическими средствами реализации стратегий «на понижение», «на повышение» и «театральности» выступают параллелизм, анафора, анадиплосис, эпитеты, метафоры и риторические вопросы. Результаты могут быть применены в преподавании прагмалингвистики, стилистики, политической лингвистики, а также в сферах журналистики, PR и политического консалтинга. Новизна исследования заключается в комплексной интерпретации стратегий в контексте функций политического дискурса и в выявлении доминирующих лингвистических паттернов в живой, спонтанной речи политиков.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативные стратегии, лингвистические средства, прагматика, манипуляция, предвыборная риторика, тактики, параллелизм, анафора, эпитет

Voronkova D.N., Bachelor Course student, 2nd year

LINGUISTIC MEANS OF IMPLEMENTING COMMUNICATIVE STRATEGIES IN POLITICAL DISCOURSE

Scientific supervisor: **E.V. Abramenko**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The article examines the pragmatic aspect of political discourse through the lens of linguistic means employed to implement communicative strategies and tactics. The aim of the study is to identify and systematize the linguistic tools politicians use to achieve their communicative goals within the framework of election rhetoric. The analysis draws on interviews with U.S. Democratic Party presidential candidates—B. Sanders, E. Warren, and J. Biden—conducted during the 2019–2020 primary campaign period. The methodological framework combines descriptive, pragmatic, and linguistic analyses, supplemented by

controlled selection of data and quantitative frequency counts of specific linguistic constructions. The study reveals that parallelism, anaphora, anadiplosis, epithets, metaphors, and rhetorical questions serve as the key linguistic means for implementing the strategies of "downgrading," "upgrading," and "theatricality." The findings may be applied in teaching pragmalinguistics, stylistics, and political linguistics, as well as in journalism, public relations, and political consulting. The novelty of the research lies in its comprehensive interpretation of communicative strategies within the functional context of political discourse and in identifying dominant linguistic patterns in politicians' spontaneous spoken discourse.

Keywords: political discourse, communicative strategies, linguistic means, pragmatics, manipulation, election rhetoric, tactics, parallelism, anaphora, epithet

Политический дискурс как особая форма речевой деятельности представляет собой не просто передачу информации, но целенаправленное воздействие на сознание аудитории с целью формирования или трансформации её политической картины мира [3]. В условиях глобализации и развития цифровых медиа роль языка в политической коммуникации усиливается: именно через лингвистические средства реализуются стратегии убеждения, легитимации, дискредитации и самопрезентации [4]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью раскрыть механизмы языкового манипулирования и выявить репертуар лингвистических инструментов, используемых политиками для достижения прагматических целей.

Цель данной статьи – проанализировать лингвистические средства, посредством которых реализуются коммуникативные стратегии в политическом дискурсе, и определить их функционально-прагматическую роль. Для достижения цели решались следующие задачи: охарактеризовать коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе; выявить лингвистические средства их реализации; проанализировать их употребление на материале интервью американских политиков; определить практическую и теоретическую значимость полученных данных.

Материалом исследования послужили публичные интервью кандидатов в президенты США (Берни Сандерс, Элизабет Уоррен, Джо Байден), данные в 2019–2020 гг. в рамках предвыборной кампании от Демократической партии. Выбор именно этого материала обусловлен его «живой», спонтанной природой, что позволяет зафиксировать не отрепетированные речевые формулы, а реальные стратегии имплицитного воздействия. Методологическую основу составили метод контролированного отбора для формирования репрезентативного корпуса текстов, дескриптивный анализ для описания функций и стратегий, прагматический анализ для интерпретации интенций и лингвистический анализ для выявления средств реализации.

Политический дискурс функционирует в рамках пяти ключевых функций: коммуникативной (передача информации с целью формирования определённого образа); эмотивной (вызов эмоционального отклика); побудительной (стимулирование к действию); фатической (установление

контакта); метаязыковой (объяснение политических терминов и концепций) [1].

Эти функции реализуются через три базовые коммуникативные стратегии [2].

Стратегия «на понижение» направлена на дискредитацию политического оппонента и формирование негативного образа «чужих». Включает тактики анализа-«минус» (имплицитная негативная оценка ситуации), обвинения (эксплицитное указание на виновника), обличения (обвинение с доказательствами), оскорбления (инвективная лексика) и безличного обвинения (размывание субъекта виновности).

Стратегия «на повышение» ориентирована на улучшение имиджа говорящего и формирование образа «своего». Включает тактики анализа-«плюс» (позитивная оценка без прямого самовосхваления), презентации (ясное и открытое представление достоинств), неявной самопрезентации (имплицитное позиционирование себя как компетентного лидера), самооправдания и отвода критики.

Стратегия театральности направлена на эмоциональное вовлечение аудитории, создание зрелищности и образа искреннего, «живого» политика. Основные тактики: обещание, предупреждение, кооперация (апелляция к общим ценностям), размежевание (противопоставление «мы — они») и побуждение.

Анализ интервью показал, что каждая стратегия реализуется через определённый набор лингвистических средств, которые можно разделить на лексико-семантические, морфолого-синтаксические и стилистические.

Наиболее частым средством в стратегии «на понижение» выступает параллельная синтаксическая структура, усиливающая весомость аргументов и подчёркивающая масштаб проблемы: ***You have*** *families that are paying 15–20% of their limited income on healthcare.* ***You have*** *families that have outrageous deductibles and co-payments.* ***You have*** *the healthcare costs soaring all over this country* [5]. Также активно используются антитеза (*people from my former life are rising stars in public service… from Trump's — in prison*), инвективные эпитеты (*spineless*, *idiot*) и метонимия (например, «Вашингтон» вместо политического истеблишмента).

В стратегии «на повышение» доминируют анафора. Политики часто используют анафору с местоимениями *I* и *we* для установления связи с аудиторией и создания образа единства: ***We*** *won the popular vote in Iowa.* ***We*** *won the New Hampshire primary.* ***We*** *won the Nevada Caucus* [6]. Анафора также усиливает впечатление честности и последовательности*:* ***My children are not going to*** *have offices in the White House.* ***My children are not going to*** *sit in on Cabinet meetings* [7]. Также применяются метафоры (*a door swinging open*), градация и асиндетон для придания экспрессивности и динамичности.

Стратегия театральности отличается наибольшей эмоциональной насыщенностью. Эпитеты формируют оценочное восприятие: ***cruel*** *and* ***inhumane*** *border policies* [8]. Риторические вопросы вызывают рефлексию у

аудитории и создают иллюзию диалога: *Who else does it? Who else can do this?* [9]. Также активно используются аллюзии (например, библейские цитаты), аллегории и гиперболы.

Анализ показал, что выбор стратегии и лингвистических средств тесно связан с функцией, которую реализует высказывание в конкретном контексте. Например, эмотивная функция чаще всего реализуется через стратегию театральности и эпитеты, в то время как коммуникативная функция опирается на стратегии «на понижение» и «на повышение» с использованием параллелизма и анафоры. Особого внимания заслуживает контекст предвыборной борьбы внутри одной партии: оппонентами выступают не только республиканцы, но и соперники по праймериз. Это приводит к смягчению агрессивных форм (тактика угрозы практически не встречается) и акценту на самопрезентации и кооперации.

Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую ценность. В образовании они могут использоваться в курсах по прагмалингвистике, стилистике, политической лингвистике, лингвострановедению США. В PR и политическом консалтинге выявленные паттерны помогают формировать эффективные риторические стратегии. В журналистике они позволяют критически анализировать политические выступления и распознавать манипулятивные приёмы. В переводе дают представление об эмоционально-прагматической нагрузке стилистических средств.

Проведённое исследование подтверждает, что политический дискурс представляет собой сложную систему прагматически мотивированного выбора лингвистических средств. Коммуникативные стратегии не существуют изолированно – они функционально связаны с целями говорящего и реализуются через устойчивые речевые паттерны. В живой речи американских политиков доминируют параллелизм (в стратегии «на понижение»), анафора (в стратегии «на повышение»), эпитеты и риторические вопросы (в стратегии театральности). Эти средства позволяют не просто доносить информацию, но формировать у аудитории нужное эмоциональное состояние, создавать образы «своих» и «чужих», легитимировать идеи и мобилизовать поддержку. Язык в политическом дискурсе – не просто инструмент коммуникации, а орудие конструирования реальности.

Список использованной литературы

1. Волобуев, К. В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции / К. В. Волобуев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – С. 127-129.

2. Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

3. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / А. П. Чудинов. - 4-е изд. - Москва : Флинта : Наука, 2012. – 254 с.

4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. – 440 с.

5. Deconstructed Podcast, The Bernie Sanders Interview, 2019. – URL: https://theintercept.com/2019/11/07/deconstructed-the-bernie-sanders-interview/ (дата обращения: 03.11.2025).
6. CBS News, Sen. Bernie Sanders on «Face the Nation», 2019. – URL: https://www.cbsnews.com/news/full-transcript-sen-bernie-sanders-on-face-the-nation/ (дата обращения: 03.11.2025).
7. CBS News, Joe Biden defends his son Hunter's Ukraine dealings, answers for his gaffes in 60 Minutes interview, 2019. – URL: https://www.cbsnews.com/news/joe-biden-interview-full-transcript-watch-video-norah-odonnell-60-minutes-exclusive-2019-10-27/ (дата обращения: 03.11.2025).
8. Dallas Morning News, Biden Says Border Wall Construction Will Stop If He's Elected President, 2020. – URL: https://www.dallasnews.com/news/politics/2020/08/05/biden-says-border-wall-construction-will-stop-if-hes-elected-president/ (дата обращения: 03.11.2025).
9. Washington Post, Jonathan Capehart interviews Joe Biden, 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/08/30/biden-responds-gaffes-criticism-what-is-it-that-i-said-wrong/ (дата обращения: 03.11.2025).

УДК 81'25

Гарманова Е. С., магистрант 1 курса

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Научный руководитель: **В. В. Федулова,** старший преподаватель

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева

Аннотация. Статья посвящена системному анализу грамматических трансформаций, возникающих при переводе с английского языка на русский. Рассматриваются фундаментальные расхождения между аналитическим строем английского и синтетическим строем русского языка, порождающие необходимость грамматических трансформаций. Подробно классифицируются основные проблемы, такие как передача артиклей, залога, категории временной соотнесенности и инфинитивных конструкций. Делается вывод о том, что достижение адекватности перевода требует от специалиста творческого поиска функциональных, а не формальных соответствий.

Ключевые слова: Грамматические трансформации, перевод, английский язык, русский язык, системные расхождения, артикль, пассивный залог, адекватность перевода.

Garmanova E.S., Master Course student, 1st year

THE SPECIFICS OF THE USE OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Scientific supervisor: **V.V. Fedulova,** Senior Lecturer
D. Mendeleev University of Chemical Technologies of Russia

Abstract. The article is devoted to the systematic analysis of grammatical transformations that occur during translation from English into Russian. The fundamental discrepancies between the analytical structure of English and the synthetic structure of the Russian language, which generate the need for grammatical transformations, are considered. The main problems are classified in detail, such as the transfer of articles, collateral, categories of temporal correlation and infinitive constructions. It is concluded that achieving translation adequacy requires a creative search for functional rather than formal correspondences from a specialist.

Keywords: Grammatical transformations, translation, English, Russian, systemic discrepancies, article, passive voice, adequacy of translation.

Создание адекватного перевода предъявляет высокие требования к квалификации переводчика, предполагая не только практический опыт, но и фундаментальную теоретическую подготовку в области лингвистики. Особую сложность в процессе перевода с английского языка на русский представляют грамматические аспекты, коренящиеся в глубинных структурных и системных расхождениях двух языков. Как справедливо указывал Я.И. Рецкер, сущность перевода заключается в реконструкции оригинала при безусловном сохранении единства его содержания и стилистического своеобразия, что является его принципиальным отличием от любого вида пересказа. В.Н. Комиссаров, в свою очередь, делает акцент на то, что грамматические затруднения закономерно порождаются системными различиями между языковыми системами, даже при частичном совпадении отдельных их элементов [6, с. 44]. Эти глубинные структурные расхождения и составляют основную сложность, особенно при переводе с английского языка на русский.

В переводческой практике специалист регулярно сталкивается с проблемами, не имеющими однозначных решений в рамках устоявшихся грамматических парадигм. Поскольку теоретическая база перевода должна опираться на устойчивые, регулярно воспроизводимые связи между текстовыми единицами, а не на ситуативные совпадения. При этом наибольшую проблему зачастую составляют именно уникальные, не укладывающиеся в стандартные схемы соответствия. В этой связи грамматическая трансформация становится неотъемлемым инструментом в арсенале переводчика, поскольку буквальное копирование синтаксических структур исходного текста часто приводит к стилистической несостоятельности или грамматической некорректности высказывания на языке перевода. Следовательно, достижение переводческой адекватности является творческим процессом, требующим от специалиста умения находить оптимальное равновесие между точной передачей исходного смысла и безупречным соответствием нормам языка, на который осуществляется перевод [8].

В рамках данной статьи целесообразно представить обобщенную классификацию грамматических трудностей, возникающих при переводе с английского языка на русский. К основным причинам возникновения грамматических затруднений при переводе можно отнести следующие:

•Отсутствие в русском языке прямых грамматических соответствий для отдельных явлений английской грамматики;

•Расхождения в семантике и функционировании формально схожих грамматических явлений;

•Различия в словообразовательных моделях и возможностях;

•Существенные расхождения в синтаксической организации высказывания.

Среди наиболее характерных грамматических проблем, обусловленных указанными несоответствиями, выделяются:

•Отсутствие эквивалентов для передачи категории определенности/неопределенности имени существительного;

•Различная частотность и функциональное распределение пассивных конструкций (при общей тенденции к преобладанию активных конструкций в русском языке);

•Расхождения в способах выражения модальных значений;

•Многозначность служебных элементов языка и явления омонимии;

•Различия в структуре и употреблении составного именного сказуемого.

Данная систематизация позволяет выявить ключевые области грамматической интерференции, требующие особого внимания переводчика [6, с. 46].

Однако, на мой взгляд, установление единого стандарта для перевода предложений с английского языка на русский невозможно. Даже устоявшиеся способы преобразования грамматических структур не всегда обеспечивают соответствие общепринятым языковым нормам. Нередко грамматически корректный перевод оказывается стилистически неприемлемым для языка перевода. Системная грамматическая асимметрия между английским и русским языками, проявляющаяся в отсутствии в русском артиклей, герундия, разветвленной системы инфинитивных конструкций, а также в расхождениях в системе времен (перфект), категории числа (исчисляемость/неисчисляемость существительных), частотности и функционировании пассивного залога и в способах выражения модальных значений, объективно требует применения грамматических трансформаций. Данный тезис подтверждается анализом конкретных примеров: «The actual starting-point of the Indo-Europeans, their original home, is not known». – «*Подлинное место зарождения индоевропейских языков, их первоначальная родина неизвестна».* Здесь пассивная конструкция естественно преобразуется в страдательный глагол русского языка. «A lecture on geology was delivered at our institute yesterday». - «*Вчера в нашем институте была прочитана лекция по геологии».* В данном примере наблюдается перестройка синтаксической перспективы и порядка слов [7, с. 207]. Следовательно, можно сказать, что даже при условии точной передачи содержания допустимы и часто необходимы определенные отступления от грамматического соответствия, реализуемые через незначительные поправки, семантические добавления и

синтаксические перестановки, обеспечивающие естественность звучания конечного текста.

Стоит отметить, что русский, будучи синтетическим, выражает грамматические значения преимущественно через систему флексий, где каждое слово обладает четко выраженной морфологической формой. В противоположность ему, английский как аналитический язык выстраивает высказывание на основе служебных слов и жесткого порядка слов. Это фундаментальное различие находит конкретное воплощение в отсутствии у русского языка целого ряда английских грамматических явлений, что создает предпосылки для активного применения переводческих трансформаций. Наиболее ярким примером трансформации является адекватная передача значений артиклей, обладающих высокой степенью смысловой абстракции, поскольку дословный перевод часто нарушает идиоматичность русского языка. Лингвистический анализ показывает, что определенный артикль the генетически восходит к указательному местоимению that, тогда как неопределенный «a/an» - к числительному one. В переводческой практике именно эти этимологические значения часто требуют семантической экспликации для точной передачи содержания. Связь неопределенного артикля с количественным значением демонстрируют следующие примеры: «We had not a girl in our theatre staff». - «*В нашей театральной труппе не было ни одной девушки».* Аналогичным образом определенный артикль нередко требует передачи через указательные местоимения: «Only in the groups they managed to visit that day they found 5 talented children». - «*Только в тех группах, которые им удалось посетить в тот день, они обнаружили 5 одаренных детей»* [3, с. 207]. Проведенный анализ позволяет заключить, что перевод артиклей предполагает привлечение дополнительных лексических средств - указательных местоимений, усилительных частиц или иных элементов, компенсирующих отсутствие данной грамматической категории в русском языке.

Важным следствием аналитического строя английского языка является способность английских слов переходить из одной частеречной категории в другую без изменения морфологического облика. Если в русском языке при изоляции слова из контекста его частеречная принадлежность обычно ясна благодаря окончаниям, то в английском отсутствие развитой флективной системы делает такую идентификацию без контекста зачастую невозможной. Лингвисты отмечают, что в английском языке практически любое существительное потенциально способно функционировать в качестве глагола, например: «wave» (*волна*) – «to wave» (*махать*); «deposit» (*вклад*) – «to deposit» (*помещать на хранение*); «shoe» (*ботинок*) – «to shoe» (*подковывать*). Центральное место в английском предложении занимает глагол-сказуемое, чья форма акцентирует характер протекания действия, что существенно отличается от русской глагольной парадигмы. Синтаксическая организация английского предложения характеризуется жесткой фиксацией порядка составляющих по схеме:

субъект действия (подлежащее) - само действие (сказуемое) - объекты и обстоятельства. Иллюстрацией служит предложение: «The cat caught the mouse in the yard». – «*Кошка поймала мышь во дворе».* Как отмечалось ранее, отсутствие развитой падежной системы в английском приводит к тому, что изменение последовательности элементов непосредственно влияет на смысл высказывания: «The mouse caught the cat in the yard». – «*Мышь поймала кошку во дворе»* [4, с. 280]. Иными словами, типологические различия определяют не только грамматическую структуру, но и саму логику перевода, предполагая компенсацию отсутствующих категорий через лексические средства и синтаксические перестройки.

Грамматическая категория временной соотнесенности, выражаемая в английском языке перфектными конструкциями, не имеет прямого морфологического соответствия в системе русской грамматики. Несмотря на теоретическое усвоение данного раздела, на практике перевод нередко сопровождается игнорированием семантики предшествования, что ведет к существенным смысловым искажениям. Наглядной иллюстрацией данной проблемы может служить перевод предложения: «A now substantially richer Caesar had found a winning formula - go to war, get out of debts, gain power». Предложенный ошибочный вариант – *«Цезарь нашел выигрышную формулу - вступить в войну, выйти из долгов, получить власть»* – демонстрирует комплекс типичных переводческих просчетов: буквальное копирование синтаксических структур; нарушение норм лексической сочетаемости (калькирование оборота «get out of debts» как *«выйти из долгов»*); игнорирование прагматики неопределенного артикля «A», указывающего на трансформацию статуса субъекта; непередача значения предшествования, имплицитно содержащегося в форме Past Perfect «had found». После проведения контекстуального анализа и применения комплекса переводческих трансформаций (включая добавление и антонимический перевод) был получен адекватный вариант: «*И теперь появился другой, гораздо более богатый Цезарь, когда-то нашедший беспроигрышный выход из сложившейся ситуации - начать войну, избавиться от долгов и получить власть»* [1, с. 9]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что адекватная передача перфектных значений в переводе на русский язык требует системной компенсации отсутствующих грамматических категорий посредством: лексических средств (введение наречий времени и обстоятельственных указателей); синтаксических трансформаций (изменение структуры предложения для импликации временных отношений); использования контекстуальных соответствий (актуализация скрытых смыслов через более широкий контекст).

Трансформация пассивной конструкции в активную представляет собой один из наиболее релевантных и статистически частотных видов адаптации при англо-русском переводе. Для английского языка пассив является стандартным средством формирования объективного и имперсонального дискурса. Русский язык, напротив, демонстрирует тенденцию к доминированию действительного залога, обеспечивающего

высказыванию большую естественность. Рассмотрим пример: «I was met at the station by my brother», будучи организовано по модели пассива, фокусирует внимание на реципиенте действия «I». В русскоязычном варианте *«На вокзале меня встретил брат»* происходит переход к активной конструкции, где *«брат»* занимает позицию грамматического подлежащего. Как мне кажется, подобная залоговая трансформация представляет собой не элементарную подстановку, а стратегически важный инструмент достижения переводческой адекватности, обеспечивающий идиоматичность и естественное звучание текста на языке перевода [3, с. 209].

Важно отметить, что русский язык характеризуется отсутствием развернутых инфинитивных оборотов, характерных для английского синтаксиса. Данное типологическое различие обусловливает необходимость структурных преобразований при переводе, что наглядно демонстрируется на примере инфинитивной конструкции с предлогом «for»: «There are no boys or girls in the family for him to play». - «*В семье нет мальчиков и девочек, с которыми он мог бы играть»*. В приведенном случае наблюдается закономерная трансформация инфинитивного оборота в придаточное предложение с целевым или определительным значением, что соответствует синтаксическим особенностям русского языка [2].

Другой значимой областью грамматических расхождений выступает категория числа существительных. Сравним: «Much useful advice was given to her by the audience». – «*Присутствующие дали ей много полезных советов».* Здесь неисчисляемое существительное «advice» в английском оригинале преобразуется в исчисляемое существительное множественного числа «советы» в русском переводе, что отражает различия в концептуализации данных понятий в двух языках. Наиболее существенные расхождения наблюдаются в группе неисчисляемых существительных, выражающих абстрактные понятия и вещества: «news» – *«новости»*, «ink» – *«чернила»*, «watch» – *«часы»* [3, с. 208]. Как мне кажется, подобные лингвоспецифичные особенности требуют от переводчика системного знания межъязыковых соответствий и применения адекватных грамматических трансформаций для достижения полноценной коммуникативной эквивалентности.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что процесс перевода с английского языка на русский неизбежно сопряжен с необходимостью преодоления глубоких системных расхождений между двумя лингвистическими структурами. Буквальное копирование грамматических структур исходного текста в большинстве случаев оказывается неприемлемым, так как приводит к нарушениям идиоматичности и стилистической неестественности перевода. Следовательно, грамматическая трансформация выступает не просто допустимым приемом, а объективной необходимостью, ключевым инструментом в арсенале переводчика. Стратегии преобразования могут варьироваться от лексико-грамматических компенсаций (например, передача значения артикля с помощью указательных местоимений или частиц) до полной синтаксической

перестройки предложения (замена инфинитивных оборотов придаточными, трансформация пассива в активе, коммуникативная инверсия). Таким образом, достижение адекватности при переводе требует от специалиста не только безупречного владения языковыми нормами, но и глубокого понимания системной организации обоих языков. Переводчик должен действовать как компетентный лингвист и тонкий интерпретатор, способный распознать скрытую грамматическую семантику оригинала и воссоздать ее средствами языка перевода, даже если это влечет за собой значительное структурное переоформление высказывания. Очевидно, что успешный перевод представляет собой творческий акт поиска функционального, а не формального соответствия, где точная передача смысла и коммуникативной цели всегда доминирует над дословным воспроизведением грамматической оболочки.

Список использованной литературы

1. Базылева, Р. М. Некоторые грамматические трудности перевода профессиональных текстов / Р. М. Базылева // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. – 2024. – № 7. – С. 7-12.
2. Волкова А.В., Карпеева О.Я. Глагольная каузация как когнитивный способ выражения причинно-следственных связей в чувашских и английских пословицах // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 2. – С. 162–165.
3. Карпеева, О. Я. Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский / О. Я. Карпеева // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 207-210.
4. Ляхова, Н. А. О некоторых грамматических трудностях перевода с английского языка на русский / Н. А. Ляхова // Развитие дорожно-транспортного комплекса и строительной инфраструктуры на основе рационального природопользования : VII Всероссийская научно-практическая конференция ФГБОУ ВПО «СибАДИ» с международным участием, Омск, 26–27 апреля 2012 года. Том Книга 3. – Омск: Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ), 2012. – С. 279-285.
5. Соломатина, С. Ю. Грамматические трансформации при переводе текстов с английского языка на русский (на материале английских эссе) / С. Ю. Соломатина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 74-77.
6. Шарипова, М. Грамматические трудности перевода с английского на русский / М. Шарипова // Вестник Педагогического университета. – 2020. – № 2(85). – С. 44-50.
7. Шарипова, М. А. Сложности перевода с английского на русский / М. А. Шарипова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 106-3. – С. 206-209. – DOI 10.18411/trnio-02-2024-168.
8. Шаталина, А. Ф. Анализ ошибок машинного переводчика при переводе технических текстов с английского на русский язык / А. Ф. Шаталина // Политехнический молодежный журнал. – 2024. – № 3(92).

УДК 81'373

Голованова С.А., бакалавр 4 курса

ЗООНИМЫ «КРОЛИК» И «ЗАЯЦ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Научный руководитель: **О.Д. Тарасова**, кандидат филологических наук, доцент

Государственный Университет Просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется сематическая структура слов «заяц» и «кролик» в русском языке и их эквивалентов «hare» и «rabbit» в английском языке. Автор проводит сравнительно-сопоставительный анализ с целью выявить сходства и различия в оттенках значений изучаемых лексем в разных языках. В качестве материала исследования выступили толковые, этимологические словари русского и английского языков, англо-русский фразеологический словарь А.Б. Кунина, сборник пословиц русского народа В. И. Даля. В результате, несмотря на сходство, автор констатирует наличие существенных различий в английской и русской лингвокультуре, особенно в случае употребления изучаемых лексем в переносном смысле.

Ключевые слова: зооним, кролик, заяц, лингвокультура, языковая картина мира

Golovanova S.A., Bachelor Course student, 4th year

ZOONYMS «RABBIT» AND «HARE» IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Scientific supervisor: **O.D. Tarasova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. This article analyzes the sematic structure of the words «zayac» and «krolik» in Russian and their English equivalents «hare» and «rabbit». The author conducts a comparative analysis to identify similarities and differences in the nuances of meaning of the lexemes studied in different languages. The research material includes explanatory and etymological dictionaries of Russian and English, A.B. Kunin's English-Russian Phraseological Dictionary, and V.I. Dahl's collection of Russian proverbs. Despite these similarities, the author notes significant differences in English and Russian linguistic culture, particularly when the lexemes are used figuratively.

Keywords: zoonym, rabbit, hare, linguistic culture, linguistic worldview

Известно, что язык – это зеркало культуры; в нем отражаются ценностно-смысловые ориентиры нации. Изучение языка другого народа позволяет проникнуть в его склад мышления, особенности миропонимания. Знакомство с лексической системой языков дает возможность постичь чужую языковую картину мира [3, с. 12-13]. Это напрямую связано с тем, что именно в лексической системе отображаются различные изменения не

только в человеческом сознании, но также в культуре и накопленных знаниях [8, с. 17].

Лингвокультурология, как наука, рассматривает язык с точки зрения проявления в нем культуры. Зоонимы представляют интерес для исследования в рамках лингвокультурологии в связи с тем, что они хранят в себе национальную-специфическую информацию, присущую той или иной культуре. Сравнивая и сопоставляя их в нескольких языках, можно увидеть разницу в мировоззрении, заметить более культурно-значимые понятия в лингвокультуре разных народов, выделить универсальное и уникальное [5].

Объектом исследования данной работы выступают зоонимы «кролик» и «заяц» в английском и русском языках.

Предмет исследования – особенности функционирования лексических единиц «кролик» и «заяц» в русской, а их эквивалентов “rabbit”, “hare” – в английской лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили толковые, этимологические словари русского и английского языков, англо-русский фразеологический словарь А.Б. Кунина, сборник пословиц русского народа В. И. Даля.

Целью исследования является сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры слов «кролик» / “rabbit” и «заяц» / “hare” в английской и русской лингвокультурах.

В русском языке зайцем называют животного из разряда грызунов [9]. Слово «заяц» произошло из общеславянского языка; образовано от древнерусского «заяць» (прыгун). В переносном значении слово употребляется по отношению к трусливому человеку [6]. Кроме того, в разговорной речи «зайцем» называют безбилетного пассажира или зрителя, которой проник куда-то без билета [10]. Доподлинно известно, что ранее считалось неудачей, если заяц перебежит дорогу [1, с. 34].

Существует множество пословиц в русском языке, в которых отображаются такие черты животного как ловкость, юркость, скорость, хорошая реакция и быстрота: «Без собаки зайца не поймаешь»; «Цена зайцу две деньги, а бежать – сто рублев»; «Пока зайца убьют, вола съедят!». В пословице «Собака за зайцем, а заяц за волей, тянутся, бегут» [9] заяц символизирует упорство, настойчивость, стремление к выживанию, выносливость и способность быстро принять решение.

В то же время образ зайца несет в себе такие черты как трусость, боязливость, способность при первой опасности убежать, скрыться и притаиться: «Трясешься, как заяц»; «Вор, что заяц; и тени своей боится»; «Труслив, что заяц, блудлив, что кошка» [9].

В сказках заяц также предстает неоднозначным животным: с одной стороны, хитрым и смекалистым, способным быстро сориентироваться и избежать разных ловушек и врагов, с другой стороны, трусом, при этом вызывает симпатию у других героев, и они защищают его [4, с 44].

Слово «кролик» служит в русском языке для обозначения норного зайчика [1]. Кролики считаются более домашними животными и поэтому почти никогда не появляются в русских мифах и сказках. В разговорной

речи встречается выражение «братцы-кролики», что обозначает шутливое или панибратское обращение к собеседникам, к окружающим [10]. Кроме того, в русском языке обнаруживаются такие выражения как «подопытный кролик», «смотреть как кролик на удава», которые раскрывают его как маленького, беззащитного, трусливого, неуверенного животного, которое не сможет постоять за себя.

Таким образом, в русской лингвокультуре заяц более популярный, чем кролик, и его образ заключает в себе как положительные качества (ловкость, смекалка), так и отрицательные (трусость, робость). Кролик представлен больше, как маленькое, беззащитное, трусливое существо.

В английском языке обнаруживаются следующие эквиваленты: “hare”, “rabbit”.

Лексема “hare” происходит от древнеанглийского «hare» и, возможно, первоначальное значение было «grey» [12]. Согласно толковому словарю, словом “hare” называют огромного кролика (rabbit) с сильными задними ногами, с помощью которых, животные способны быстро убегать [13]. В английском языке существует ряд фразеологизмов с изучаемым зоонимным компонентом: “Cook one’s hare before it is caught” (мечтать, думать о хорошем заранее, еще несбывшемся действии) [2, с. 443]; “If you run after two hares, you will catch neither” (за двумя зайцами погонишься ни одного не поймаешь, что указывает на важность концентрации на одном деле) [2, с. 443]; “Timid as a hare” (трусливый как заяц) [2, с. 444]. Здесь прослеживаются такие качества животного, как ловкость-юркость и в то же время его трусливость, что сближает с русским пониманием. Отличительной чертой английского языка может служить связь лексемы с «безумием» [7, с. 9]. Английская пословица “mad as March hare” описывает состояние зайцев весной, в брачный сезон, когда они ведут себя беспокойно и непредсказуемо: дерутся, издают звуки, показывают акробатические трюки.

Слово “rabbit” предположительно произошло от валлонского robète или похожего слова из северного французского диалекта и изначально имело значение «детеныш кролика». Лексема “rabbit” служит для наименования грызунов, известных своей плодовитостью. Примечательно, что с точки зрения зоологии, в Соединённых Штатах нет кроликов, все подобные животные – зайцы. Но первые колонисты по какой-то причине исключили слово «hare» из своего лексикона и в настоящее время оно редко встречается в американской речи [12].

В толковом словаре “rabbit” – это маленькое животное с мягким мехом, длинными ушами и коротким хвостом. Кролики живут в норах в земле или их держат как домашних животных или употребляют в пищу [13]. Интересно, что в британском варианте английского языка в разговорной речи оно используется для обозначения новичка или плохого игрока в игре/спорте. В американском варианте оно также используется в переносном смысле в лёгкой атлетике в значении «бегун, который в начале забега задаёт быстрый темп, чтобы подстегнуть товарищей по команде или

измотать сильного спортсмена» [11]. Как видно, здесь наблюдаются диаметрально противоположные коннотации.

В английской культуре кролик популярен среди детей: его образ часто встречается в детской литературе («Кролик Питер» у Беатрисс Поттер, Кролик в произведении «Винни Пух» Аллана Милна) (“rabbit”), он также является символом некоторых праздников. Здесь уже речь идет об “Easter Bunny”, который связан с Пасхой и представляет собой кролика, который приносит хорошим детям пасхальные яйца [Там же].

Слово “rabbit” так же входит в состав несколько фразеологизмов в английском языке. Так, выражение “as rabbits in a warren” [2, с. 784] описывает ситуацию, когда нет свободного пространства, многолюдно, и поэтому неудобно и не комфортно.“Produce the rabbit out of the hat” [2, с. 784] имеет аналог в русском языке «вытащить кролика из шляпы», что служит для описания неожиданной ситуации и привносит эффект волшебства. Выражение “(As) scared as a rabbit” [2, с. 784] означает «перепуганный до смерти». Таким образом, в образе кролика переданы такие семы значения как быстрота, трусость, плодовитость. В целом, в сравнении с русским языком кролик (rabbit) более широко представлен в английской лингвокультуре.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

В обоих лингвокультурах «заяц» и “hare” изображаются двояко: как трусливыми, так и умными, хитрыми, обладающими смекалкой и быстрой реакцией. В обоих языках наблюдается схожесть в восприятии зайца и кролика, поскольку они определяются друг через друга: в русском языке «кролик» - норный зайчик, в английском языке “hare” - огромный кролик.

Среди различий можно отметить этимологию: в русском языке слово «заяц» происходит от древнерусской лексемы со значением «прыгун», в английском происхождение связано с древнеанглийском языком, где изначальное значение было «grey» (серый). Здесь можно увидеть, что в древнерусской лингвокультуре заяц связывался с такой чертой, как прыгучесть, а в древнеанглийской – с окрасом, что подчеркивает разность восприятия.

Кроме того, наблюдается разнообразное использование изучаемых лексем в переносном смысле в разговорной речи русского и английского языков, не имеющее эквивалентов в рассматриваемых языках: например, в русском языке «заяц» как «безбилетный пассажир», в английском языке “rabbit” как «плохой игрок в спорте». Исследование показало, что заяц распространен больше в русских сказках и в выражениях, чем кролик. При этом в английской детской литературе зачастую встречается именно образ кролика.

Список использованной литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва: ЭКСМО, 2008. 616 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь -5-е изд., перераб. М.: Рус. Яз. Медиа, 2005. 1210 с.

3. Нуждина О.Ю. Концепты "душа" и "тело" в языковой картине мира (на материале английского и русского языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2004. 18 с.
4. Сакаева Л.Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 62. С. 43-47.
5. Селифонова, Е. Д. Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) / Е. Д. Селифонова // Фразеология и миропонимание народа : Материалы Международной научной конференции, Тула, 01 января – 31 2002 года / Министерство образования Российской Федерации, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Том Часть 2. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2002. – С. 65-68.
6. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка: русский язык от А до Я [Электронный ресурс]. / Издательство «Юнвес». Москва, 2003. – URL: https://gufo.me/dict/semenov (дата обращения 07.10.2025).
7. Скитина Н.А. Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков): специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2007. 20 с.
8. Тарасова О.Д. Анализ лингвокультурологического поля "эмоции" в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков): специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2009. 25 с.
9. Толковый словарь великорусского языка В. И. Даля. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/ (дата обращения: 1.10.2025).
10. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения 07.10.2025).
11. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 01. 10.2025).
12. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/search (дата обращения: 01.10.2025).
13. Oxford Learners Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения 01.10. 2025).

УДК 81'373.45

Губарева С. И., бакалавр 3 курс

О ТЕНДЕНЦИЯХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «БЛОГЕР»

научный руководитель: **И. В. Барынкина,** кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу слова «блогер» как примера тенденций в современном русском языке. На материале научных работ, лексикографических источников и публикаций в СМИ исследуется переход от прямого лексического заимствования к активной интеграции продуктивных иноязычных словообразовательных моделей, в частности, суффикса -ер. Доказывается, что слово «блогер» образовано на русской почве от усвоенной основы «блог», что свидетельствует о его уникальном статусе. В работе выявлен и проанализирован семантический сдвиг.

Ключевые слова: семантический сдвиг, словообразование, заимствование, неология, англицизмы, суффикс -ер

Gubareva S.I., Bachelor Course student, 3rd year

CONCERNING THE WORDBUILDING TENDENCIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE EXAMPLE OF THE WORD “BLOGGER”

Scientific supervisor: **I.V. Barynkina**, Candidate of Pedagogical Sciences? Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the word "блогер" (blogger) as a case study of trends in the modern Russian language. Drawing on scholarly works, lexicographic sources, and media publications, it examines the transition from direct lexical borrowing to the active integration of productive foreign word-formation models, specifically the suffix *-er*. It is argued that the word "блогер" is formed within the Russian language system from the assimilated stem "блог" (blog), which testifies to its unique status. The paper identifies and analyzes the accompanying semantic shift.

Keywords: semantic shift, word formation, borrowing, neology, anglicisms, suffix*-er*

Сегодня для изучения изменений русского литературного языка исследователи все чаще обращаются к интернет-коммуникации, поскольку именно в ней наблюдаются наиболее выраженные процессы обновления языка [4]. Последнее десятилетие русский язык активно меняется, что закономерно, ведь язык реализуется через общение. Никогда до этого у

людей не было возможности обмениваться информацией настолько активно. Несмотря на сдерживающую силу государства в виде языковой политики и Закона о государственном языке Российской Федерации, препятствующей изменениям и сохраняющей стабильность внутри языка и общества [2], с развитием социальных сетей и медиа, а также с открытым доступом к иностранным площадкам русский язык начал активно перенимать черты других языков, в частности английского. Например, нарастание аналитической тенденции, связанное с кальками из английского языка и появление новой категории слов – слов-аналитов: *тату салон, игра онлайн, сок фреш* и т.д. [2]. Хотя большинство заимствований связано с появлением новых явлений, зародившихся или получивших популярность в англоязычных странах, каждое из них не только удовлетворяет актуальные потребности языка-реципиента, но и отражает глубинные тенденции его общества.

Одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей в современном русском языке является модель с суффиксом *-ер/-ор*, активно заимствуемым из английского языка. Данный аффикс используется для деривации существительных от глагольных или именных основ, обозначающих как лиц по роду деятельности (*тренер – от «тренировать»*), так и инструменты или устройства (*сканер – от «сканировать»*).

В плане функциональной нагрузки англоязычный суффикс *-er* может быть признан синонимичным русскому суффиксу *-тель*, поскольку оба служат для образования существительных со значением агенса – лица, производящего действие, выраженное мотивирующей основой. Например:

- *учить – учитель / teach – teacher;*
- *читать – читатель / read – reader.*

Параллель прослеживается и обозначении инструментов или механизмов:

- *проигрывать – проигрыватель / play – player.*

Таким образом, как *-er*, так и *-тель* функционируют в качестве агентивных суффиксов, формируя названия деятелей и инструментов. Однако, несмотря на функциональное сходство, современные неологизационные процессы демонстрируют выраженное доминирование модели с суффиксом *-ер*.

В современной языковой практике прослеживается чёткая тенденция к замещению исконных словообразовательных моделей заимствованными аналогами. Зачастую слова, созданные по словообразовательной модели «английский корень» + ер заменяют уже существующие русские синонимы, например: *заведующий – менеджер, игрок – геймер, продавец – селлер*. Использование англицизмов часто воспринимается как более современное и «продвинутое». Слова на *-ер* часто связаны с новыми, технологичными, глобализированными сферами (IT, маркетинг, шоу-бизнес). Их использование создает ощущение причастности к мировой трендовой культуре. Слово *менеджер* в 90-е не просто «звучало солидно» — оно означало разрыв с советскими реалиями («менеджер по логистике» вместо

«заведующий складом»). Это не просто заимствование, это смена культурного кода. Использование английских слов, заимствованных морфем и словообразовательных конструкций – это не только последствие глобализации и развития технологий, но и протест нового поколения.

Однако, все эти слова – это лексические заимствования из английского языка. В русском языке не было изначально слова *менедж*, *гейм* или *селл*, поэтому упомянутые выше названия профессий не образовались, собственно, внутри русского языка, а сразу перешли в него из английского с его же морфемами. Этим и отличается слово блогер.

В русский язык слово *блог* попало до того, как появилось слово *блогер*. Об этом говорит способ его образования. Например, в слове *плоттер*, обозначающее устройство для вывода графической информации [3], несмотря на переход в русский язык, у него сохраняются правила английского словообразования (удвоенная согласная корня перед суффиксом) [9]. Это происходит, потому что в русском языке иностранные заимствования сохраняют удвоенную согласную, только если нет однокоренного слова без удвоенной согласной, которое уже существует в русском язык. Слово *блогер* не сохраняет удвоенную согласную [3]. Точно так же, как и *блогер*, слово *блогинг* с нетипичным для русского языка суффиксом -инг было образовано уже внутри русского языка точно по такому же принципу. Несмотря на существующее слово *блогерство* и русским суффиком *-ств-*, вариант *блогинг* используется гораздо чаще, по статистике национального корпуса русского языка [7]. Кроме этого, русский *блогер* имеет отличное от *blogger* английского языка лексическое значение.

Очень редко можно встретить англоговорящего человека, ведущего блог, который назовет себя именно *blogger*. Во-первых, чаще всего люди называют себя *content creator*, *creator*, так как *blog* в английском языке означает именно виртуальный дневник, то есть мысли, написанные в письменной форме и выставленные в интернет. Это понятие слишком узкое, и в наше время, когда наиболее популярным является видео-формат, уже практически не используется. Во-вторых, для англоговорящего человека слово *blogger* чаще всего будет означать американский интернет-сервис «Blogger», который позволяет людям создавать свои письменные блоги без знаний программирования. В-третьих, в английской среде, даже тот человек, у которого просто есть личная страница в какой-либо социальной сети, на которой он активно делится со своими друзьями или подписчиками какой-либо информацией, называется *blogger*, а его личная страница может называться *blog*. Это очень сильно отличается от того, как русский человек воспринимает слово *блогер*. Несмотря на то, что Большой Толковый словарь русского языка дает слову *блогер* аналогичное английскому *blogger* определение (тот, кто ведёт собственный блог или тот, от чьего имени ведётся блог.) [3], в русских реалиях оно получает иную коннотацию. Анализ употребления слова *блогер* в статьях [5, 6], позволяет утверждать, что в современной медиасфере понятие *блогер* прочно ассоциируется не с ведением дневника, а с созданием профессионального медиаконтента и

построением личного бренда. Этот позиция находит своё подтверждение в исследовании Бразевича Д.С. и др. [1], где блогосфера рассматривается как полноценная коммуникативная технология, а блогинг - как профессиональный навык. Такой семантический сдвиг является индикатором глубоких социокультурных изменений. Русское медиапространство, вслед за обществом, демонстрирует запрос на прагматизацию любой публичной деятельности. Блогинг в этом контексте легитимизируется не фактом самовыражения, а своей экономической и социальной эффективностью, что и закрепляется в языке через ассоциацию с профессиональной, а не любительской, деятельностью. В данном контексте блогинг перестает быть просто средством самовыражения; он становится инструментом социального и экономического лифта. Язык, таким образом, фиксирует сдвиг в массовом сознании: деятельность получает общественное признание тогда, когда она доказывает свою полезность и эффективность в рамках рыночных отношений.

Таким образом, лексическая единица *блогер* служит примером двух взаимосвязанных процессов в современной русской словообразовательной системе. Она показывает переход русского языка от простого заимствования иностранной лексики к активной интеграции словообразовательных моделей и началом их продуктивного использования. На примере словообразовательных цепочек «*блог - блогер*» и «*блог – блогинг*» мы видим конкуренцию с уже укоренившимися словообразовательными моделями и вытеснение их из активного употребления в новых, актуальных для цифровой эпохи, сферах. Теперь уже суффиксы *-ер/-ор* и *-инг*, изначально попавшие в русский язык в составе цельных лексем, получили статус самостоятельного высокопродуктивного аффикса, способной соединяться с уже усвоенными языком словами. Кроме того, при формировании русского слова «блогер» произошел семантический сдвиг. Если в английском языке *blogger* сохраняет связь с концепцией «веб-дневника», то в русской лингвокультуре это значение было вытеснено более широким понятием «профессионального создателя контента» независимо от платформы и формата. Это подтверждает, что переход слова из одного языка в другой, сопровождается изменениями, продиктованными социокультурными реалиями. Важнейшим аспектом такого семантического изменения является его показатель направления, в котором движется русское информационное поле и общество в целом. Данные процессы отражают прагматический этос, укрепившийся в российском общественном сознании. Слово *блогер* становится лингвистическим маркером перехода к обществу, где деятельность человека получает признание, только когда доказывает свою рыночную состоятельность, а коммуникация превращается в экономический ресурс.

Список использованной литературы

1. Публичная коммуникация в блогосфере как коммуникативная интернет-технология / Д. С. Бразевич, В. Л. Василенок, А. Ю. Герасимова, И. И. Толстикова // Информационное общество. – 2017. – № 1. – С. 28-35.
2. Кронгауз, М. А. Разграничить язык интернета и язык вне интернета стало невозможно [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз // Грамота.ру. – 2021. – URL https://gramota.ru/journal/monologi/maksim-krongauz-razgranichit-yazyk-interneta-i-yazyk-vne-interneta-stalo-nevozmozhno (дата обращения: 07.11.2025).
3. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Панкова, Т. А. О некоторых тенденциях развития русского языка на современном этапе [Электронный ресурс] / Т. А. Панкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 310-314. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tendentsiyah-razvitiya-russkogo-yazyka-na-sovremennom-etape/viewer (дата обращения: 07.11.2025).

Список источников

5. Если получится, перетерпите: спортсмен и блогер о беге, соцсетях и мотивации // Афиша Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/cities/8732-esli-poluchitsya-pereterpet-nachnete-poluchat-udovolstvie-sportsmen-i-bloger-o-bege/ (дата обращения: 07.11.2023).
6. Как Юрий Дудь изменил российский YouTube, отвечают Баста, Илич, Соболев и Масленников // Афиша Daily. – URL: https://daily.afisha.ru/infoporn/8307-kak-yuriy-dud-izmenil-rossiyskiy-youtube-otvechayut-basta-ilich-sobolev-i-maslennikov/ (дата обращения: 07.11.2025).
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. В. А. Плунгян. – Электрон. дан. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2003 – . – Режим доступа: URL: https://ruscorpora.ru/, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 07.11.2025).
8. Русский орфографический словарь : около 200 000 слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; [отв. ред. В. В. Лопатин]. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2020. – 896 с.
9. Cambridge Dictionary. Blog // Cambridge English-Russian Dictionary. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/blog (дата обращения: 07.11.2025).

УДК 81-26

Данько Е.И., бакалавр 3 курса

ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА КАК ПРИЧИЧНА ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «GNARLY» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научный руководитель: **И.А. Шевелева,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: В данной статье рассматривается лингвистическое явление семантического сдвига. Примером данного явление является лексическое изменение

слова «gnarly» на протяжении длительного промежутка времени. Анализируются типы семантических изменений, а также экстралингвистические и лингвистические причины этих изменений. Особое внимание уделяется развитию значения слова в культурно-историческом контексте, включая влияние субкультур и массовой культуры.

Ключевые слова: семантический сдвиг, лексическое значение, этимология, экстралингвистические причины, лингвистические причины, изменение языка.

Danko E.I., Bachelor Course student, 3rd year

THE PHENOMENON OF SEMANTIC CHANGE AS THE REASON OF LEXICAL CHANGE OF THE WORD «GNARLY» IN ENGLISH

Scientific supervisor: **I.A. Sheveleva,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract: This article examines the linguistic phenomenon of semantic change. An example of this phenomenon is the lexical change of the word "gnarly" over a long period of time. The types of semantic changes, as well as the extralinguistic and linguistic causes of these shifts, are analyzed. Particular attention is paid to the development of word meaning in cultural and historical contexts, including the influence of subcultures and popular culture.

Keywords: semantic shift, lexical meaning, etymology, extralinguistic causes, linguistic causes, language change.

По мнению Ю. В. Дорофеева, под семантическим сдвигом понимается не только ошибка в употреблении слова, но и неконвенциональные употребления языковой единицы, представляющие собой «сознательные нарушения языковых правил» [4]. В результате такого сдвига в высказывании появляется дополнительный, образный смысл или происходит полное переосмысление каких-либо его компонентов. Это явление изучается как семантикой, так и этимологией. Семантические сдвиги играют важную роль в формировании языка, отражая изменения в культуре, обществе и мышлении носителей языка. В частности, влияние субкультур и массовой культуры способствует появлению новых значений слов и их широкому использованию. На примере слова «*gnarly*» в данной статье рассматриваются основные типы и причины семантических изменений, а также их связь с социальными и историческими факторами.

Учёные обращали внимание на семантические сдвиги ещё в античные времена. Крупные исследования по этому вопросу впервые сделали К. Рейзиг, А. Дармстетер, М. Бреаль, Г. Пауль, Г. Штерн, Л. Блумфилд и С. Ульманн. Изучение семантических изменений не только отдельных слов, но и целых семантических групп начал Й. Трир (нем. Jost Trier). Он предполагал, что изменение значения одного слова отражается на других членах одного семантического поля. Позднее Э. Кошериу развил и улучшил его методологию. В 19–20 веках А. Бланк и П. Кох проводили свои

исследования, каждый создавая собственную классификацию семантических сдвигов [3].

Под семантическим сдвигом понимается трансформация лексического значения слова. Кроме семантики, этимология также изучает данные изменения. Семантические сдвиги проявляются в том, что одно и то же слово получает разное значение в разные периоды развития языка. К примеру, слово knight в древнеанглийском означало *boy, youth, servant, attendant,* тогда как в современном английском –. *a man given a rank of honour by a head of state in some countries because of his special achievements*. В древнеанглийском (cniht) оно имело значение слуги или юноши. Тем не менее, под воздействием идеалов рыцарства и французского слова chevalier значение слова стало означать «рыцарь» на более высоком социальном уровне [5].

Значения слов изменяются и развиваются с течением времени. Важным аспектом является то, какие именно изменения в употреблении и смысловые сдвиги укладываются в языковую систему, а также стоит учитывать, насколько эти изменения носят регулярный характер. Причины языковых трансформаций разнообразны – они могут быть как внешними, так и внутренними для системы языка. По своей природе эти причины делятся на лингвистические, психологические, исторические, социокультурные и культурные. В совокупности они образуют две большие категории: экстралингвистические и лингвистические факторы, влияющие на семантические сдвиги [5].

1) Экстралингвистические: причины данной группы определяются социальной природой языка, так как они связаны с развитием человеческого разума и соответствуют его потребностям. Сюда входят такие составляющие как социальные, исторические, психологические причины изменения значений слов.

1. Социальные причины заключаются в том, что слово приобретает новое значение в результате его использования определенной социальной группой, или в результате перехода слова из одной социальной сферы в другую.

2. Исторические причины предполагают изменения в жизни культурно-языкового сообщества, в общественно-экономическом развитии и в материальной культуре в результате деятельности социальных групп. Сюда включаются языковые контакты и миграции. Заимствование лексики, элементов грамматики и фонетики из других языков также оказывает немалое влияние на осознание носителем своего родного языка и смысла некоторых слов.

3. Психологические причины изменения значений основываются на действии ассоциаций по сходству, смежности и контрасту. Причину появления в слове нового смысла предлагают искать в экстралингвистическом импульсе, в потребности общающихся дать наименование новому объекту или оттенку мысли, а также в психических свойствах личности, например, воображении и фантазии.

4. Технический прогресс может выступать как мощный двигатель экстралингвистических изменений, создавая новые контексты использования слов и порождая новые лексемы, которые затем расширяют или перераспределяют значения существующих слов.

2) Лингвистические: о лингвистических причинах семантических изменений известно гораздо меньше, чем об экстралингвистических. В работе с ними необходимо постоянно следить за взаимодействием и взаимозависимостью единиц словаря в языке и речи. Таким образом, развитие новых значений, а также полное изменение лексического значения могут происходить в результате влияния других слов, по большей части синонимов, а также благодаря эллипсису или в результате двусмысленности в определенных контекстах.

В результате действия лингвистических и экстралингвистических причин значения слова может меняться следующим образом. Семантические изменения делятся на три типа:

1. Перенос (смещение, сдвиг) значения (основан на скрытом сравнении двух референтов (сходстве)).
2. Изменение денотативного компонента:
- Расширение значения (генерализация)
- Сужение значения (специализация, ограничение)

3. Изменение коннотативного компонента:
- Ухудшение (деградация, пейорация)
- Улучшение (возвышение, амелиорация) [2].

Большинство слов в английском языке подверглись явлению семантического сдвига из-за влияния лингвистических и экстралингвистических факторов. Например, слово *gnarly*. В связи с развитием молодежной поп-культуры, слово *gnarly* стало популярным среди «зумеров» и вошло в их активный словарный запас. Рассмотрим этапы семантического сдвига: начав с буквального значения «*knotted* и *rugged»* («узловатый, грубый»), оно приобрело переносное значение в молодёжных и субкультурных сообществах, где обозначает одновременно и «cool» («крутое»), и «*disgusting*» («отвратительное»), отражая сложные социальные и культурные влияния. Анализ этого слова позволяет углубиться в природу семантических изменений и показать, каким образом язык адаптируется под запросы времени и меняющиеся реалии.

Таблица 1. Этапы развития значения слова «gnarly»

Время	Значение	Описание и источник	Пример употребления
Около 1600 года	Knotted, rough (Узловатый, грубый (буквальное))	От слова gnarl – «узел» в древесине	Описание сучковатого дерева или искривлённой древесины
1839 год	Deformed, rough (Деформированный, грубый)	«The American fruit garden companion», Edward Sayers	«illformed gnarly fruit during the drought»

1906–1908 годы	Метафорическое, изношенное	Литературные источники	«gnarly face that no one will love»
1970-е	Сленг серферов: опасная, сложная волна	Культура американских серферов	Использование в описании сложных волн
1980-е	Подростковый сленг: cool (крутой) и disgusting (отвратительный)	Распространение из субкультуры в молодежный язык	Двойное значение: «excellent» vs «disgusting»
1982 год	Популяризация через массовую культуру	Фильм Fast Times at Ridgemont High	Фраза персонажа Jeff Spicoli: "It's awesome! Totally awesome!"
1990-е – настоящее	Многозначное использование в субкультурах	Скейтборд, сноуборд, песни (например, Gnarly группы KATSEYE)	Комбинация позитивных и негативных коннотаций, отражение сложных культурных влияний

На основе данной таблицы рассмотрим этапы изменения лексического значения слова gnarly:

1 этап: Ссылаясь на Англоязычный корпус современного американского языка (COHA) слово gnarly изначально означало «*knotted* и *rugged*» (узловатый и грубый), его происхождение датируется примерно 1600 годом и связано со словом *gnarl* (связано с gnarled) с суффиксом -y. В буквальном смысле оно описывало что-то, полное узлов, например, грубую, искривленную древесину или деревья.

2 этап: Переходя от теоретического осмысления семантического сдвига к конкретным историческим примерам употребления, важно отметить, что ранние источники демонстрируют исходное, буквальное значение слова. Первое зафиксированное употребление *«gnarly»* датируется 1839 годом и выявлено в работе Эдварда Сейерса *«The American fruit garden companion: being a practical treatise on the propagation and culture of fruit, adapted to the northern and middle states»* («Американский садовод-любитель: практическое руководство по размножению и возделыванию фруктовых культур, адаптированное для северных и центральных штатов»). В этом источнике термин употребляется для описания дефектных плодов: *«Cherries, plums and most kinds of stone fruit often drop from the tree while forming their stones, when the season is dry or unfavorable,and the apple and pear form into an illformed gnarly fruit during the drought»* («Вишни, сливы и большинство косточковых фруктов часто падают с дерева во время формирования косточек, когда сезон сухой или неблагоприятный, а яблоки и груши образуются в деформированные плоды во время засухи») [1].

3 этап: В дальнейшем, в период с 1906 по 1908 годы, частота употребления слова gnarly возрастает; за указанный срок было выявлено восемь случаев использования, как, например, у Уильяма Аллена Уайта в книге *«In Our Town»* (1906): *«The garden of the days that are gone, wherein you should have planted kindness and consideration and thoughtfulness and manly courage to do right, will be grown up to weeds, that will blossom in your patches*

and in your rags and in your twisted, gnarly face that no one will love» («Сад минувших дней, где следовало посадить доброту и заботу, рассудительность и мужество поступать правильно, зарос сорняками, которые расцветут на вашей одежде и на вашем скрученном, искривлённом лице, которое никто не полюбит») [1].

4 этап: В 1970-х годах культура серфинга в США приняла это слово в качестве сленга для описания опасной или сложной волны. К началу 1980-х годов слово распространилось в подростковом сленге, где приобрело двойное значение: «*excellent*» (отличный) или «*cool*» (крутой) и «*disgusting*» (отвратительный) или «*unpleasant*» (неприятный).

Начиная с 1990-х годов и по настоящее время, наблюдается не только рост частоты употребления, но и расширение семантического диапазона, включающее сленговое использование. Например, в песне GNARLY группы KATSEYE: «Boba tea (Gnarly)» («Бабл-ти [gnarly]»).

Переходя к рассмотрению следующих исторических этапов в развитии значения слова *gnarly*, стоит отметить, что важную роль в распространении и переосмыслении этого термина сыграла культура серфинга в США. По данным исследователей, в 1960–1970-х годах термин *gnarly* был активно воспринят калифорнийскими серферами, после чего распространился и в других англоязычных странах – Австралии, Великобритании, Южной Африке.

Постепенно *gnarly* стало неотъемлемой частью коммуникации среди серферов, использовалось как в дружеском общении, так и в спортивных соревнованиях. В этом кругу слово может описывать не только человека или ситуацию, но и всё, что одновременно захватывает, вызывает восхищение, а иногда и опасение или отвращение. Однако главным образом внутри серферского сообщества *gnarly* обозначает большую волну, жесткие посадки или экстремальные трюки на воде.

Следующий этап семантической эволюции связан с массовой культурой. После спада популярности в пятидесятых годах новый взлёт интереса, к слову, наблюдается в начале 1980-х, чему во многом способствовал голливудский фильм *Fast Times at Ridgemont High* (Беспечные времена в Риджмонт Хай), где герой-сёрфер Джефф Спиколи прославил серф-сленг на всю страну. Благодаря влиянию кино, музыки и мультфильмов (например, SpongeBob SquarePants) а также расширяющегося круга экстремальных видов спорта (скейт- и сноубординг), значение *gnarly* стало многоуровневым и ироничным: от «отвратительного» до «впечатляющего», от обозначения природных особенностей до знака принадлежности к молодежной субкультуре [6].

Таким образом, первоначально слово описывало физическую характеристику чего-то грубого и искривленного, а затем приобрело переносное значение в молодежных и спортивных субкультурах, выражая впечатление от чего-то одновременно и впечатляющего, и опасного или неприятного в зависимости от контекста *gnarly* используется для описания экстремальных волн и получил несколько вариантов значения в обиходе.

Современная массовая культура продолжает развивать это значение, что ярко иллюстрируется песней Gnarly группы KATSEYE, где слово становится символом не только крайности, но и противоречивости, охватывая самые разные – как положительные, так и отрицательные – оценки.

Список использованной литературы

1. Англоязычный корпус современного американского языка (COHA) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.english-corpora.org/coha/ (Дата обращения: 02.11.2025).
2. Беляков, М. В., Максименко, О. И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-semanticheskih-sdvigov-v-sovremennom-russkom-yazyke-korpusnoe-issledovanie-na-primere-novostnogo-mediadiskursa (дата обращения: 12.09.2025).
3. Волкова Е. А. Семантические изменения в английском языке // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-izmeneniya-v-angliyskom-yazyke (дата обращения: 12.10.2025).
4. Дорофеев, Ю. В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – №5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-semantiki-yazykovyh-edinits-v-tekste-funktsionalnyy-podhod (дата обращения: 10.10.2025).
5. Причины и типы семантических изменений слова / О. А. Сизова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. № 24 (419). – С. 152-154. – URL: https://moluch.ru/archive/419/93215 (Дата обращения: 29.10.2025).
6. The origin and meaning of the word «gnarly» // Surfertoday [Электронный ресурс]. URL: https://www.surfertoday.com/surfing/the-origin-and-meaning-of-the-word-gnarly (Дата обращения: 29.10.2025).
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/ (Дата обращения: 29.10.2025).

УДК 811.11-112

Демьянова Д. А., бакалавр 3 курса

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «TROLL» ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Научный руководитель: **Шевелева И. А.**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена изучению изменения значения лексемы «troll» под влиянием современной цифровой эпохи. На примере детального анализа лексемы «troll» в английском языке рассматриваются основные механизмы изменения лексического значения: метафора, расширение значения, а также пейорация. Методология

исследования включает сопоставительный анализ значений исследуемого слова, что позволяет выявить влияние такого экстралингвистического фактора, как развитие интернет-коммуникации. В результате исследования установлено, что эволюция слова «troll» представляет сложный и многоуровневый процесс. Полученные результаты могут быть применены в дальнейших исследованиях в области интернет-лингвистики и кросс-культурной коммуникации.

Ключевые слова: семантический сдвиг, цифровая лингвистика, интернет-сленг, троллинг, метафора, семантическая эволюция, экстралингвистические факторы.

Demyanova D. A., Bachelor Course student, 3rd year

SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE LEXICAL UNIT «TROLL» UNDER THE INFLUENCE OF INTERNET DISCOURSE

Scientific supervisor: **Sheveleva I. A.**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the study of the change of the meaning of the lexeme “troll” under the influence of the modern digital era. Using the example of a detailed analysis of the “troll” lexeme in English, the main mechanisms of lexical meaning change are considered: metaphor, extension of meaning, and deterioration. The research methodology includes a comparative analysis of the meanings of the word, which makes it possible to identify the influence of such an extralinguistic factor as the development of Internet communication. As a result of the study, it was found that the evolution of the word “troll” is a complex and multilevel. The results obtained can be applied in further research in the field of Internet linguistics and cross-cultural communication.

Keywords: semantic shift, digital linguistics, Internet slang, trolling, metaphor, semantic evolution, extralinguistic factors

Динамичность языковых изменений в современной цифровой эпохе – это явление, которое характеризуется не только невероятной скоростью, но и огромным масштабом и видимостью трансформаций. Актуальность данного исследования состоит в том, что благодаря развитию Интернета и социальных сетей, слова быстро возникают и тут же распространяются по всему миру, проникая в различные языки. В современном мире любой пользователь интернет-сообщества может стать «творцом» лексических единиц. Но цифровой мир не изобретает новые лингвистические механизмы, а лишь эффективно и продуктивно использует уже существующие.

Рассматривая вопрос изменения лексического значения слова, можно выделить несколько основных механизмов, которые чаще всего используются при трансформации значений в современной технологической эпохе. Д.Н. Шмелёв в своей работе писал: «Важнейшими

типами семантических изменений являются изменения, основанные на ассоциативных связях: ассоциация по сходству (метафора) и ассоциация по смежности (метонимия). Наряду с ними наблюдаются такие процессы как генерализация (расширение) и специализация (сужение) значения, а также изменения, связанные с социально-историческими причинами» [5, с. 91] В связи с тем, что язык функционирует в новых условиях, существует необходимость изучения этих механизмов изменения значений слов на стыке лингвистики и интернет-культуры.

В качестве объекта исследования была выбрана лексема «troll» в английском языке, поскольку на примере данной лексической единицы возможно не только проследить лингвистические механизмы трансформации значения, но и увидеть прямое влияние такого экстралингвистического фактора как научно-технический прогресс на процесс изменения лексического значения слова.

В современном языке «troll» используется как слово, которое относится к интернет-сленгу, и означает «разжигать вражду (по отношению к другим) в интернете, намеренно публикуя провокационные, неуместные или оскорбительные комментарии, или другой деструктивный контент» [8]. Также можно найти значение «вести себя как тролль», которое связано с существительным «troll» в значении «человек, который намеренно провоцирует других пользователей в интернете, публикуя провокационные, неуместные или оскорбительные комментарии, или другой деструктивный контент» [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что в современном языке данная лексема существует и как глагол, и как существительное, значение которых тесно связано.

Изучая историю появления лексемы «troll» в языке, можно увидеть, что она прошла довольно длительный путь семантической эволюции. Зачастую исконное значение этого слова как существительного связывают исключительно с мифологией. Однако в процессе изучения появления этого слова в английском языке выяснилось, что данная лексема использовалась как глагол, который появился намного раньше, чем существительное. Рассматривая «troll» как глагол, можно сказать, что первое упоминание относится к концу 14 века. Употреблялось это слово в значениях «бродить», «прогуливаться», «слоняться» [7]. В начале 15 века значение изменилось, употребляясь уже в качестве глагола для обозначения действия, связанного с перекатыванием чего-либо из стороны в сторону. С течением времени значение также менялось и можно найти два абсолютно разных значения, которые упоминаются почти в одном временном отрезке: «петь раскатистым голосом» (1570-е годы) и «ловить рыбу при помощи движущейся лески» (1600 год). Первое переносное значение появилось в 1560-х годах и было следующим: «заманивать, соблазнять» [7].

Существительное «troll» берет свои истоки в Скандинавской мифологии и впервые упоминается в 17 веке, означая представителя сверхъестественных существ, которых считали уродливыми великанами или гномами, бесами или гоблинами. Но к концу 17 века (1697 год) слово

начинает употребляться в переносном значении, означая внешне неприятного или уродливого человека [6].

Первое использование «troll» в интернет-сленге относится к 1992 году. Это упоминание связано с субкультурой сети «Usenet» [6]. Изначально употреблялся не данный термин, а использовалось выражение «trolling for newbies», которое использовалось пользователями-«ветеранами» данной сети в практике намеренной публикации провокационных сообщений или «пережёванных» тем, чтобы вызвать реакцию у «новичков» (newbies), которые еще не знали, что эта тема уже когда-то давно обсуждалась и стала так называемой «внутренней шуткой». Такая практика не рассматривалась как вредительство, а скорее была своеобразной «игрой для посвященных».

На данном этапе можно выделить две основные версии появления слова «troll» в этом сленговом значении. Первая версия – метафора, которая связана со значением метода рыбалки. Такая аналогия описывает действия интернет-провокатора, который «закидывает удочку» с провокационным сообщением для того, чтобы «поймать» кого-то на эмоциональную реакцию. Вторая версия – аналогия с первоначальным значением «troll» как мифологического вредоносного существа. Согласно мифологии, тролли жили в пещерах, вдали от людей, на окраинах мира. Также и современные «тролли» действуют из анонимных «уголков» Интернета. Тролли, как сверхъестественные существа, пугали людей, вступали в конфликты, что прямо соотносится с поведением «троллей» в социальных сетях, которые намеренно провоцируют пользователей на негативные эмоции и конфронтацию. Подобное сравнение хорошо описывает разрушительный и антисоциальный образ людей, которые занимаются подобными действиями, подобно уродливым мифологическим гоблинам [1].

С быстрым развитием интернет-технологий и появлением социальных сетей связано дальнейшее расширение и ухудшение значения слова «troll» уже как сленгового. С 2000-х годов данная лексема стала ассоциироваться уже с целой субкультурой – мем-культурой [2].

Проанализировав изменение значения слова «troll» с древнейших времен до современной технологической эпохи, можно представить результаты исследования в следующей таблице:

Таблица 1. Эволюция значения слова «troll» как существительного

Хронологический период	Значение	Контекст использования	Ключевые характеристики
«Доинтернетовский» период	Мифологическое существо из скандинавской мифологии	Мифы, сказки	Некрасивый, уродливый, неприятный, враждебный, огромный, живет под мостом или в пещере
1990-2000-е годы	Анонимный провокатор на интернет-форуме	«Usenet», интернет-форумы	Анонимность, провокационное поведение, эпатажное

			поведение
с 2000-х годов	Постоянный интернет-провокатор, который занимается унижением других пользователей	Социальные сети, интернет-форумы	Целенаправленный эпатаж, кибербуллинг, нарушение правил сообществ, дезинформация

Семантический сдвиг лексемы «troll» – это многоуровневый, но взаимосвязанный процесс. Метафоризация в этом случае создала связь между старым и новым явлением, а расширение значения закрепило данный перенос и помогло распространить его на смежные понятия. Цифровая эпоха, с ее стремительной скоростью коммуникации и потребностью в ёмких и образных терминах, стала идеальной средой для такого лингвистического преобразования.

Список использованной литературы

1. Агуреева, Ю. А. Кто такие "интернет-тролли"? / Ю. А. Агуреева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 1(23). – С. 181-185.
2. Акулич, М. М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие / М. М. Акулич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2012. – № 3. – С. 30-37.
3. Булатова, Е. И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг / Е. И. Булатова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2(31). – С. 75-78.
4. Егошина, Е. М. Троллинг в социальных сетях / Е. М. Егошина, О. А. Слюсарева // Вестник магистратуры. – 2019. – № 3-1(90). – С. 27-29.
5. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев; АН СССР. Институт русского языка. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
6. Merriam-Webster.com dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/troll (Дата обращения: 26.10.2025)
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/word/troll (дата обращения 26.10.2025).
8. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=HistoricalThesaurus&q=troll (дата обращения 26.10.2025).

УДК 811.161.137

Елисеева Е.В., бакалавр 3 курса

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДОБРО» В АНГЛИЙСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Научный руководитель: **И.И. Икатова**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые концепции лексико-семантических групп (ЛСГ), разработанные ведущими отечественными лингвистами. Анализируются критерии выделения ЛСГ, их соотношение с синонимическими рядами и тематическими группами. В качестве иллюстрации предлагается разбор ЛСГ «Добро» на материале английской библейской лексики, наглядно показывающей, как лексемы *goodness, kindness, mercy* и *grace* образуют единую систему с четким семантическим распределением.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантические отношения, синонимический ряд, библейская лексика.

Eliseeva E.V., Bachelor Course student, 3rd year

LEXICAL-SEMANTIC GROUP «GOOD» IN ENGLISH BIBLICAL VOCABULARY

Scientific supervisor: **I.I. Ikatova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article examines the key concepts of lexical-semantic groups (LSGs) developed by leading Russian linguists. It analyzes the criteria for identifying LSGs and their correlation with synonymic rows and thematic groups. As an illustration, an analysis of the LSG “Good” in English Biblical vocabulary is provided, clearly demonstrating how the lexemes *goodness, kindness, mercy*, and *grace* form a united system with clear semantic distribution.

Keywords: lexical-semantic group, semantic relations, synonymic series, biblical vocabulary.

Вопрос о принципах системной организации лексики занимает одно из центральных мест в отечественном языкознании. Особое место в исследованиях отводится изучению лексико-семантических групп (ЛСГ) как ключевых элементов лексической системы. Несмотря на продолжительную историю их изучения, вопрос о критериях выделения ЛСГ и их соотношении с другими типами лексических объединений остается дискуссионным. В статье анализируются ключевые концепции ЛСГ, разработанные отечественными лингвистами во второй половине XX

века, и демонстрируется применение концепции Ф.П. Филина, основанной на понимании ЛСГ как объективно существующего в языке объединения слов, связанных семантическими отношениями, на материале библейской лексики.

Фундамент для современных исследований в этой области был заложен в работах В.В. Виноградова. Хотя он и не использовал термин «ЛСГ» в современном его понимании, его учение о типах лексических значений и системных связях между словами создало важнейшие методологические основы для последующего изучения лексико-семантических групп. [2, с. 166]. Развивая его идеи, отечественные филологи сформировали уже собственные теории ЛСГ.

Среди отечественных лингвистов, разрабатывавших теорию системной организации лексики, Ф.П. Филин занимает особое место. Согласно его концепции, лексико-семантическая группа не является замкнутой единицей, она предстает как компонент сложной языковой структуры, все элементы которой тесно взаимосвязаны между собой [6, с. 230].

Ф.П. Филин одним из первых дает определение, которое задает основу для дальнейшего анализа: «лексико-семантические группы представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» [6, с. 230].

Данное определение принципиально важно, так как показывает, что ЛСГ – это лингвистическая структура, а не понятийная, и объединение слов в ЛСГ происходит по принципу семантической близости, а не на основе ситуативной общности.

Он также конкретизирует, какие именно объединения слов относятся к ЛСГ, указывая, что в них входят группы слов, связанных общностью каких-либо семантических отношений, синонимы и антонимы. Например, синонимические ряды с антонимами: вкусный-безвкусный-невкусный-аппетитный-неаппетитный и т.д.

Ключевым критерием Ф.П. Филин считает наличие семантических отношений между значениями слов. Именно это отличает ЛСГ от простого тематического списка.

Наиболее важным аспектом концепции Ф.П. Филина является понимание ЛСГ как объективного продукта развития самого языка, а не результата произвольной классификации исследователя: «лексико-семантические группы слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка» [6, с. 233-234].

Это положение означает, что структура и состав ЛСГ исторически обусловлены и подчинены внутренним законам языка, и являются «данным в самом языке объединением значений» [6, с. 238-239]

Для более полного понимания специфики ЛСГ важно рассмотреть ее соотношение с тематической группой.

Хотя Ф.П. Филин определяет ЛСГ и тематические группы как разные типы объединений, он указывает на их глубокую внутреннюю связь и

взаимное дополнение. Он утверждает, что внутри крупной тематической группы существуют менее объемные, системные объединения – ЛСГ: «в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесто спаянные между собой лексико-семантические группы слов» [6, с. 233]

В качестве примера ЛСГ Ф.П. Филин приводит конкретный пример ряда слов: город – пригород – предместье – селение – поселение – поселок – село – сельцо – слобода – посад – станция – деревня – хутор – выселок – починок [6, с.235]. Данный ряд является ЛСГ, так как все слова относятся к одной части речи – существительные, а также между ними существуют четкие семантические отношения – синонимия.

Таким образом, Ф.П. Филин видит в ЛСГ реальный результат развития языка, который показывает, что лексика – не случайный набор слов, а сложная система смысловых связей.

И.П. Слесарева также занималась изучением лексико-семантических групп. Согласно ее концепции, ЛСГ располагается в иерархии языковых объединений на уровне между более узкими и более широкими структурным единицами. говоря: «ЛСГ в нашем понимании представляет образование, промежуточное между синонимическим рядом и семантическим полем. Она включает в себя синонимы и входит в более широкое объединение слов – семантическое поле» [4, с. 50]. Таким образом, ЛСГ шире синонимического ряда, но уже семантического поля, чьей структурной частью является.

Важным критерием ЛСГ И.П. Слесарева считала грамматическое единство. Отмечая, что «группа» отражает представление о достаточно определенных границах объединений, в отличие от «поля», где находятся «слова с разной грамматической оформленностью» [4, с.51].

Полагая, что ЛСГ – это «языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу» [4, с. 49], исследователь уточняет, что «отношения смысловой близости по синонимическому типу» понимаются расширенно и включают не только синонимию, но и гипонимию, гиперонимию, а также отношения частичного смыслового пересечения.

Таким образом, системный подход И.П. Слесаревой к ЛСГ предполагает единство семантических и грамматических критериев, что позволяет отграничить ЛСГ от других лексических объединений.

П.Н. Денисов дает четкое определение, которое обособляет ЛСГ от синонимического ряда: «Лексико-семантическая группа (ЛСГ) есть объединение ЛСВ (лексико-семантический вариант) с однородными, сопоставимыми значениями: вполне, очень, совсем, совершенно, абсолютно, полностью, целиком, весьма, которое на подводится под понятие синонимического ряда» [3, с.127]. Приведенная группа наречий степени является примером ЛСГ, а не синонимического ряда, так как их значения, сохраняя сопоставимость, не являются тождественными.

Важным аспектом концепции П.Н. Денисова является рассмотрение ЛСГ как структурного элемента более крупных объединений: «Можно предполагать, что участки семантических полей – это ЛСГ, т.е. семантическое поле – родовое понятие по отношению к ЛСГ» [3, с.127]. Таким образом, ЛСГ занимает определенное место в иерархии языковых единиц.

Методологическое уточнение П.Н. Денисова заключается в требовании грамматической однородности ЛСГ: он подчеркивает, что такая группа объединяет слова, «принадлежащие к какой-либо одной части речи, т.е. в них могут объединяться или существительные, или прилагательные, или глаголы, или наречия и т.д., имеющие при этом «близкие и, по крайней мере, сопоставимые значения». Этим ЛСГ отличается от тематических групп, поскольку, как отмечает ученый, «чисто тематической классификации поддаются только имена существительные» [3, с.128].

В отличие от Ф.П. Филина, включавшего в ЛСГ синонимы, антонимы и другие семантические объединения, П.Н. Денисов акцентирует именно однородность и сопоставимость значений, что позволяет четко дифференцировать ЛСГ от других типов лексических объединений.

А.А. Уфимцева рассматривает лексико-семантическую группу как фундаментальный элемент структуры языка, определяя ее как «основной вид лексико-семантических подсистем или систем» [5, с. 44].

Согласно ее концепции, ЛСГ характеризуется четкой внутренней организацией. А.А. Уфимцева указывает, что «в ЛСГ можно выделить центральное слово» [5, с. 44], что означает формирование группы вокруг семантического ядра, с которым остальные элементы находятся в отношениях различной степени близости.

Основой для объединения слов в группу служат различные типы семантических связей: «члены данной микросистемы выстраиваются в синонимические ряды, синонимические пары, представляют собой своеобразный семантический минимум» [5, с. 44]. Эта сеть связей определяет внутреннюю смысловую организацию слова, которая, по А.А. Уфимцевой, представляет собой «сложную систему взаимообусловленных элементов» [5, с. 44], что отражает системный характер лексического значения и его зависимость от положения в семантическом пространстве языка.

Еще одним важным элементом ее концепции является тезис о культурной обусловленности лексической семантики. А.А. Уфимцева утверждает, что «рисунок смыслового содержания слов» зависит «от экстралингвистических условий – своеобразия быта, культуры и национальных особенностей носителей языка» [5, с. 44]. А.А. Уфимцева фактически сформулировала принцип, ставший центральным для современной лингвокультурологии – язык невозможно понять вне его культурного контекста.

Рассмотрим конкретные примеры лексических единиц, входящих в ЛСГ «Добро», руководствуясь методологией Ф.П. Филина.

Ф.П. Филин в своей концепции утверждал, что основой ЛСГ являются именно семантические связи, а не внешняя, ситуативная общность. Группу «Добро» формирует не просто тема «чего-то хорошего», а сложная сеть значений, объединенных вокруг понятий: благо, добродетель, милость и благодать. Это единство основано на общем для всех них значении – положительное духовно-нравственно качество, источником которого выступает божественное или человеческое начало.

В английском переводе Библии (King James Version) концепт «добра» представлен сложной сетью взаимосвязанных лексических единиц, образующих целостную систему.

Рассмотрим конкретные лексемы, связанные общностью семантических отношений.

Romans 15:14 And I myself also am persuaded of you, my brethren, that ye also are full of ***goodness****, filled with all knowledge, able also to admonish one another* [1, с. 205].

Слово *goodness* передает саму природу добра, являясь абстрактным понятием, обозначающее свойство быть добрым. В данном примере оно предстает как фундаментальное качество, которое присуще людям.

2 Samuel 9:7 And David said unto him, Fear not: for I will surely shew thee ***kindness*** *for Jonathan thy father`s sake…* [1, с. 387].

Значение слова *kindness* связано не с абстрактным качеством, а с действенным проявлением добра. Оно подразумевает конкретные действия прежде всего в отношениях между людьми.

Matthew 5:7 Blessed are the merciful: for they shall obtain ***mercy.*** [1, с. 4]

Mercy фокусируется на аспекте прощения, снисхождения и сострадания, особенно к тому, кто этого «не заслуживает». В данном примере видна взаимосвязь между однокоренными словами: проявление качества – *merciful* ведет к его получению – *mercy.*

James 4:6 But he giveth more ***grace*** [1, с. 281].

В данном стихе лексема *grace* передает значение божественной доброты, которая не обусловлена заслугами человека. Эта лексема указывает на то, что истинным источником добра является Бог.

Системный характер данной группы проявляется в том, что каждая лексема занимает свою четкую нишу в семантическом пространстве «добра». Мы видим, что эти слова образуют не случайный набор, а настоящую лексико-семантическую группу. Их употребление в Библии не произвольно, а подчинено внутренним семантическим законам.

Список использованной литературы

1. The Holy Bible. Authorized King James Version 1611, 1769. Typesetting © Korean Bible Society, 2010 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kingjamesbibleonline.org/
2. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография [Текст] : Избр. труды / В.В. Виноградов ; [Отв. ред. и авт. предисл. В.Г. Костомаров ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз.]. - Москва : Наука, 1977. – 312 с.

3. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Ясский язык, 1980. – 253 с.
4. Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980. – 182 с.
5. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва : Наука, 1968. – 272 с.
6. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

УДК 1751

Емельянова А. А., бакалавр 4 курса

АНАЛИЗ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ И СТРАТЕГИЙ ИХ ПЕРЕВОДА

Научный руководитель: **А. Ш. Габдуллина,** старший преподаватель

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

Аннотация: В статье исследуются особенности функционирования англицизмов в современном русском деловом дискурсе и анализируются стратегии их перевода в межкультурной бизнес-коммуникации. Рассматриваются теоретические подходы к изучению лексических заимствований, классификация англицизмов и их роль в формировании профессионального языка бизнеса. Проводится анализ наиболее частотных англицизмов в различных сферах делового общения: менеджменте, маркетинге, IT-технологиях и финансах. Исследуются основные переводческие стратегии: транслитерация, калькирование, описательный перевод и функциональная замена. Особое внимание уделяется проблемам адаптации англицизмов к русской языковой системе и их влиянию на эффективность деловой коммуникации. Выявляются тенденции использования английских терминов в российской бизнес-среде и предлагаются рекомендации по оптимизации переводческих решений для различных типов деловых текстов.

Ключевые слова: англицизмы, деловой дискурс, переводческие стратегии, бизнес-коммуникация, лексические заимствования, профессиональная терминология, межкультурное общение

Emelyanova A. A., Undergraduate student, 4th year

ANALYSIS OF ANGLICISMS IN RUSSIAN BUSINESS DISCOURSE AND STRATEGIES FOR THEIR TRANSLATION

Scientific supervisor: **Gabdullina Alsu Sharifullaevna**, senior teacher
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract. The article investigates the distinctive features of anglicisms in contemporary Russian business discourse and provides an in-depth analysis of translation strategies employed in intercultural business communication. It reviews major theoretical approaches to the study of lexical borrowing, offers a classification of anglicisms, and examines their role in shaping the

specialized language of business. Particular attention is devoted to the analysis of the most frequent anglicisms across key domains of business communication, including management, marketing, information technology, and finance. The study discusses principal translation strategies – transliteration, calquing, descriptive translation, and functional substitution – highlighting their applicability and effectiveness. Special emphasis is placed on the challenges of integrating anglicisms into the Russian linguistic system and their influence on the efficiency of business communication. The findings reveal current trends in the use of English-derived terms in the Russian business environment and propose recommendations aimed at optimizing translation practices for various types of business texts.

Keywords: anglicisms, business discourse, translation strategies, business communication, lexical borrowing, professional terminology, intercultural communication

Современный русский деловой дискурс характеризуется интенсивным проникновением англицизмов, обусловленным глобализацией, развитием международного бизнеса и доминированием английского языка в деловой коммуникации. Заимствование английской лексики усилилось в постсоветский период и продолжает активно развиваться в эпоху цифровой экономики.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, массовое заимствование английской терминологии создает новые вызовы для переводчиков и специалистов в области межкультурной коммуникации, требуя разработки эффективных стратегий адаптации иноязычной лексики. Во-вторых, неконтролируемое использование англицизмов может приводить к нарушению норм русского языка и затруднять понимание деловых текстов. В-третьих, правильный выбор стратегии перевода англицизмов напрямую влияет на эффективность деловой коммуникации.

Проблематика перевода англицизмов в деловом дискурсе осложняется тем, что многие заимствованные термины не имеют точных эквивалентов в русском языке или приобретают в процессе адаптации новые семантические оттенки. Это создает трудности для переводчиков, которые должны учитывать не только лингвистические, но и социокультурные факторы при выборе оптимальной стратегии передачи англицизмов в русскоязычном деловом контексте.

Согласно исследованиям Л. П. Крысина, заимствование включает фонетическую, морфологическую и семантическую адаптацию иноязычных элементов [10, с. 69]. В деловом дискурсе этот процесс осложняется необходимостью сохранения терминологической точности.

М. А. Брейтер классифицирует англицизмы на прямые заимствования, гибриды и кальки [3, с. 76]. Прямые заимствования, сохраняющие близость к оригиналу, наиболее распространены благодаря международной узнаваемости.

По данным В. В. Кабакчи, английский язык как *lingua franca* оказывает влияние на формирование терминологических систем национальных языков в сфере бизнеса [6, с. 59].

Как указывает Е. А. Земская, деловой дискурс характеризуется высокой степенью терминологизации и стремлением к точности выражения профессиональных концепций [5, с. 95]. Англицизмы в этой сфере часто заполняют лакуны в русской терминологической системе, обозначая новые явления в международном бизнесе, которые не имеют устоявшихся русскоязычных эквивалентов.

На основании выводов Н. С. Валгиной, современный русский язык демонстрирует высокую степень толерантности к иноязычным заимствованиям, особенно в профессиональных сферах [4, с. 108]. Деловой дискурс становится своеобразным полигоном для апробации новых лексических единиц, многие из которых впоследствии проникают в общеупотребительную лексику.

По мнению исследователя Т. Р. Кияк, англицизмы в деловом дискурсе выполняют не только номинативную, но и престижную функцию, демонстрируя причастность говорящего к международному бизнес-сообществу [8, с. 17].

Теоретическое обоснование переводческих стратегий для англицизмов требует рассмотрения классификации методов адаптации иноязычной лексики. Согласно исследованиям В. Н. Комиссарова, выбор зависит от типа эквивалентности и функций термина [9, с. 240].

Как отмечает Л. С. Бархударов, транслитерация представляет собой переводческую трансформацию, основанную на передаче звуковой оболочки иноязычного слова графическими средствами принимающего языка [2, с. 62]. Данная стратегия наиболее эффективна для терминов, обладающих высокой степенью международной узнаваемости и не имеющих устоявшихся эквивалентов в русском языке.

По данным Я. И. Рецкера, калькирование заключается в создании нового слова или сочетания путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы [12, с. 55]. Эта стратегия позволяет сохранить внутреннюю форму термина при его адаптации к морфологической системе русского языка.

На основании выводов Л. К. Латышева функциональная замена предполагает использование русского термина, выполняющего аналогичную коммуникативную функцию в соответствующей предметной области [11, с. 164].

Согласно концепции И. С. Алексеевой, сохранение оригинального термина обусловлено принципом международной стандартизации профессиональной терминологии [1, с. 47]. Данная стратегия обеспечивает унификацию деловой лексики в глобальном коммуникативном пространстве, но может создавать когнитивные барьеры для реципиентов с недостаточной языковой компетенцией.

Как полагает Т. А. Казакова, контекстуальная адаптация представляет собой комплексный подход к переводу, учитывающий прагматические параметры коммуникативной ситуации [7, с. 223]. Этот метод предполагает

вариативность переводческих решений в зависимости от типа дискурса, целевой аудитории и функциональной направленности текста.

Реализация рассмотренных переводческих стратегий в современной российской деловой практике демонстрирует различную степень их применимости и эффективности в зависимости от сферы профессиональной деятельности.

Практический анализ англицизмов в русском деловом дискурсе выявляет их широкое распространение во всех сферах бизнес-коммуникации:

В сфере менеджмента наиболее частотными являются термины: “management” –«менеджмент», “manager” – «менеджер», “top management” – «топ-менеджмент», “middle management” – «мидл-менеджмент», которые полностью вытеснили русские эквиваленты «управление» и «управляющий» в профессиональном употреблении.

В маркетинговой терминологии англицизмы занимают доминирующее положение. Термины “marketing” – «маркетинг», “branding” – «брендинг», “promotion” – «промоушн», “merchandising” – «мерчандайзинг» стали неотъемлемой частью профессионального языка и практически не имеют функциональных русских эквивалентов.

IT-сфера и цифровая экономика генерируют наибольшее количество англицизмов в деловом дискурсе. Термины “startup” – «стартап», “scaling” – «скейлинг», “pivoting” – «пивотинг» обозначают специфические процессы в технологическом бизнесе и не имеют устоявшихся русских аналогов. Понятие “outsourcing” – «аутсорсинг» прочно закрепилось в деловой лексике, хотя существует русский эквивалент «субподряд», который не покрывает всю семантику английского термина.

Финансовая терминология также активно заимствует англицизмы. Термины “hedging” – «хеджирование», “diversification” – «диверсификация», “liquidity” – «ликвидность» стали стандартными в профессиональном употреблении. Финансовые инструменты получают англоязычные названия: “derivatives” – «деривативы», “futures” – «фьючерсы».

HR-сфера демонстрирует интенсивное использование англицизмов. Термины “recruiting” – «рекрутинг», “headhunting” – «хедхантинг», “outplacement” – «аутплейсмент» обозначают различные аспекты работы с персоналом и не имеют кратких русских эквивалентов. Понятие “feedback” – «фидбэк» вытесняет «обратную связь» в корпоративной коммуникации. “Training” – «тренинг» сосуществует с «обучением», но часто обозначает специфические методы корпоративного образования западного происхождения.

Англицизмы в деловых переговорах и презентациях создают особые переводческие задачи. Термины “deadline” – «дедлайн», “meeting” – «митинг», “workshop” – «воркшоп» требуют контекстуальной адаптации в зависимости от аудитории. “Challenge” – «челлендж» может переводиться как «вызов», «задача» или «проблема» в зависимости от контекста употребления.

Корпоративная культура генерирует специфические англицизмы. “Dress code” – «дресс-код» прочно закрепился в деловой лексике, несмотря на существование русского «форма одежды». “Teamwork” – «тимворк» и “networking” – «нетворкинг» обозначают современные формы профессионального взаимодействия и требуют описательного перевода для широкой аудитории. “Coworking” – «коворкинг» как новая форма организации рабочего пространства не имеет устоявшегося русского эквивалента.

Стратегии перевода англицизмов в деловом дискурсе варьируются в зависимости от типа текста, целевой аудитории и коммуникативных задач. Транслитерация остается наиболее распространенной стратегией для терминов, не имеющих русских эквивалентов. “Management” – «менеджмент», “marketing” – «маркетинг», “office” – «офис» полностью адаптировались к русской фонетической системе и стали восприниматься как нейтральные профессиональные термины.

Калькирование применяется для составных терминов, где возможна поморфемная передача. “Product manager” – «продакт-менеджер» – «менеджер по продукту», сохраняя структурную логику оригинала. “Business process” – «бизнес-процесс» представляет собой гибридное образование, где первая часть транслитерирована, а вторая переведена.

Описательный перевод используется для новых понятий, требующих пояснения. “Crowdsourcing” – «краудсорсинг» может переводиться как «привлечение ресурсов интернет-сообщества», “benchmarking” – «бенчмаркинг» как «сравнительный анализ лучших практик». Эта стратегия обеспечивает понимание, но увеличивает объем текста и снижает экономичность выражения.

Функциональная замена предполагает использование русского эквивалента с аналогичной функцией. “Monitoring” – «мониторинг» может заменяться «наблюдением», “presentation” – «презентация» заменяется «представлением», но такие замены не всегда сохраняют специфические коннотации оригинального термина.

Сохранение оригинального англоязычного термина применяется в случаях, когда он является международным стандартом. Аббревиатуры “CEO”, “CFO”, “HR” часто сохраняются в деловых текстах без перевода, особенно в международных компаниях, где они служат универсальными обозначениями должностей.

Контекстуальная адаптация требует учета специфики аудитории. В текстах для специалистов англицизмы могут сохраняться без пояснений, тогда как в материалах для широкой публики необходимы переводы или комментарии. «Кейс-стади» для профессионалов остается без перевода, но для общей аудитории требует пояснения как «анализ конкретного случая» или «практический пример».

Временной фактор влияет на выбор стратегии перевода. Новые англицизмы часто требуют описательного перевода до их закрепления в языке. «Коучинг» изначально переводился как «индивидуальное

консультирование», но постепенно закрепился в транслитерированном виде. «Фриланс» прошел аналогичный путь от «работы по контракту» до самостоятельного термина.

Регистровая принадлежность текста определяет допустимость использования англицизмов. В официальных документах предпочтительны русские эквиваленты, тогда как в неформальной корпоративной коммуникации англицизмы используются свободно.

Проблемы перевода англицизмов связаны с их полисемией и контекстуальной вариативностью. “Management” – «менеджмент» может обозначать процесс управления, систему управления или управленческий персонал, что требует различных переводческих решений. “Business” – «бизнес» в различных контекстах переводится как «дело», «предприятие», «коммерческая деятельность» или сохраняется без перевода.

Культурная специфика англицизмов создает дополнительные трудности. “Holding” – «холдинг» как форма корпоративной организации имеет специфические правовые коннотации в англоязычных странах, которые могут не совпадать с российской практикой. “Audit” – «аудит» в американском понимании включает аспекты, отсутствующие в российской аудиторской практике.

Стилистическая маркированность англицизмов влияет на их переводимость. “Boss” – «босс» имеет более неформальную окраску по сравнению с «руководителем», а “Office” – «офис» воспринимается как более современное и престижное по сравнению с «учреждением» или «канцелярией».

Влияние англицизмов на эффективность деловой коммуникации неоднозначно. С одной стороны, они обеспечивают терминологическую точность и международную совместимость профессионального языка. С другой стороны, избыточное использование англицизмов может затруднять понимание для части аудитории и создавать коммуникативные барьеры.

Тенденции развития англицизмов в русском деловом дискурсе указывают на дальнейшую интернационализацию терминологии. Новые сферы бизнеса генерируют англоязычную терминологию, которая заимствуется в русский язык вместе с соответствующими технологиями и методиками. Цифровая экономика, криптовалюты, искусственный интеллект в бизнесе создают потребность в новых англицизмах.

Проведенное исследование показывает, что англицизмы в русском деловом дискурсе представляют собой сложное лингвистическое явление, требующее дифференцированного подхода к переводу. Массовое заимствование английской терминологии отражает глобализацию деловых процессов и доминирование англоязычной бизнес-культуры в современном мире. Англицизмы выполняют важные функции в профессиональной коммуникации, обеспечивая терминологическую точность и языковую экономию.

Анализ практического материала выявил различную степень адаптации англицизмов в зависимости от сферы употребления.

Наибольшую концентрацию англицизмов демонстрируют IT-сфера, маркетинг и новые области бизнеса, тогда как традиционные отрасли сохраняют больше русскоязычной терминологии. Это указывает на связь между инновационностью сферы и интенсивностью языкового заимствования.

Переводческие стратегии англицизмов зависят от типа текста, аудитории, коммуникативных целей и степени освоенности термина; универсальных решений не существует, поэтому переводчик должен учитывать как языковые, так и внеязыковые факторы.

Транслитерация преобладает при отсутствии русских эквивалентов, описательный перевод помогает понять новые понятия, а функциональная замена уместна для устоявшихся терминов, хотя может искажать их смысл.

Влияние англицизмов на русский деловой дискурс неоднозначно: с одной стороны, они обогащают терминологию, повышают международную совместимость деловых текстов и обеспечивают языковую экономию; с другой – нарушают нормы, усложняют понимание и размывают культурную специфику.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение региональных и цифровых особенностей употребления англицизмов, а также на разработку систем поддержки перевода и анализ их роли в формировании профессиональной идентичности.

Список использованной литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Академия, 2004. - 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 156 с.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. – 304 с.
5. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.
6. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 232 с.
7. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English ↔ Russian. СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
8. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев: УМКВО, 1989. – 104 с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
10. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. - 320 с.
11. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005. – 320 с.
12. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.

УДК 81-26

Зинова Е. Л., бакалавр 3 курса

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЗАКЛИНАНИЙ В БЕСТСЕЛЛЕРЕ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

Научный руководитель: **И. А. Шевелева,** кандидат филологических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу заклинаний бестселлера о Гарри Поттере и изучению способов их образования в английском языке. Исследование направлено на выявление наиболее часто встречающихся способов образования заклинаний, которые позволяют компактно, но четко объяснить их особенности в наименовании. Актуальность темы обусловлена популярностью произведения, которое представляет собой обширное поле для лингвистических исследований, так как включает в себя большое количество авторских лексических единиц. Исследование дает представление о том, как использование различных лингвистических моделей способствует созданию важных составляющих сюжета, оказывавших влияние на его восприятие.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, сокращение, конверсия, основосложение, звукоподражание, дезаффиксация, Гарри Поттер, заклинания.

Zinova E. L., Bachelor Course student, 3rd year

WORD FORMATION OF SPELLS IN HARRY POTTER'S BEST-SELLING NOVEL

Scientific Supervisor: **I. A. Sheveleva**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article is devoted to the analysis of spells bestseller about Harry Potter and the study of ways of their formation in English. The study aims to identify the most frequent ways of spell formation, which allow to compactly but clearly explain their features in the name. The relevance of the topic is due to the popularity of the work, which is a vast field for linguistic research, as it includes a large number of author's lexical units. The study provides insight into how the use of various linguistic models contributes to the creation of important components of the plot, which influenced its perception.

Keywords*:* word formation, affixation, shortening, conversion, word-combination, sound interchange, back-formation, Harry Potter, spells.

Являясь в настоящее время одним из наиболее влиятельных источников информации, книги способны не только вносить развлекательный характер в обыденный уклад жизни людей, но и служить уникальной почвой для исследований в различных научных отраслях.

Так, перелистывая страницы всемирного бестселлера о Гарри Поттере, можно познакомиться с многогранным процессом словообразования лексических единиц английского языка, его спецификой и моделями, что поможет не только выстроить следственную связь между наименованием того или иного колдовства и его действием в сюжете, но и изучить особенности процесса словообразования в английском языке, который в свою очередь является одним из главных и наиболее эффективных способов пополнения словарного состава языка [1, с. 52].

В языке существуют особые словообразовательные модели – лингвистические схемы, которые воспроизводятся более или менее регулярно, следуя определенным принципам и соответствующим им характеристикам, для образования слов, состоящих из конкретных морфем, содержащих их индивидуальные значения и обладающих свойственной им спецификой. Данные модели характеризуются определенными критериями порядка и связи, обладают акцентными характеристиками и представляют собой концепцию определенного лексикографического класса [5, с. 26]. Несмотря на это, в современной лингвистике термин «словообразование» включает в себя также ряд других понятий: структуру готовых производных слов, формирование определенных систем, их взаимосвязь с другими словами на том или ином этапе развития языка.

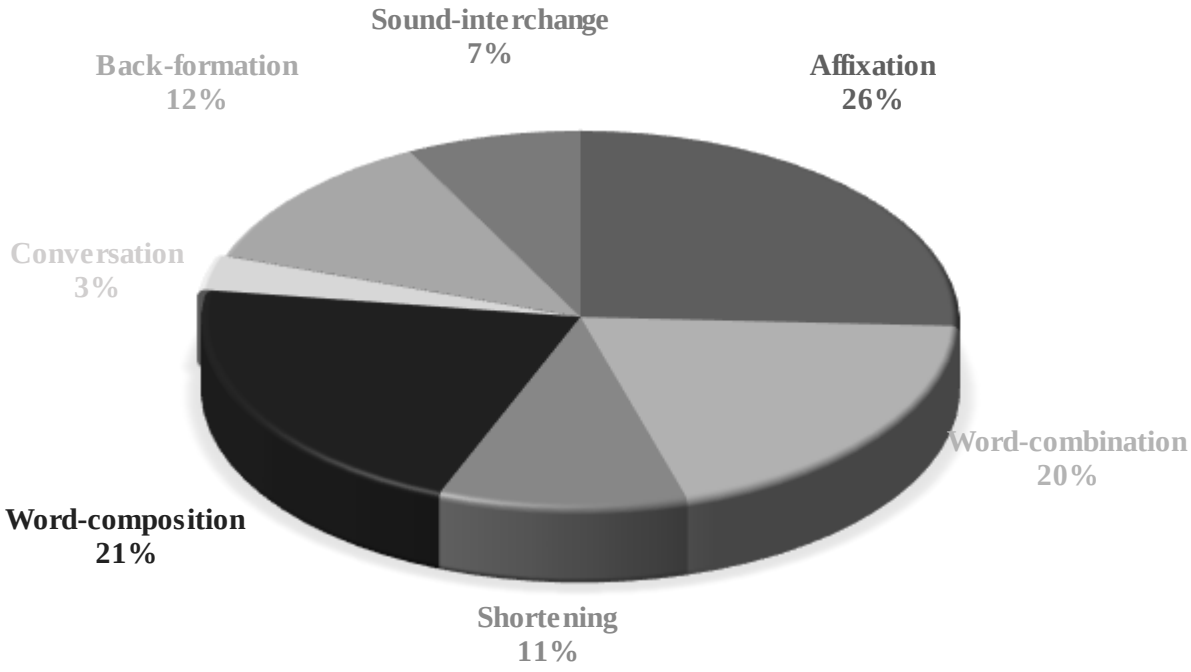
Английский язык на нынешнем этапе своего развития слонен к обогащению своего словарного состава путем реализации различных способов словообразования. Однако, возникает вопрос о продуктивности той или иной словообразовательной модели, которая является центральным механизмом создания новых слов [3, с. 2].

Овладение механизмами образования новых слов позволяет не только расширить словарный запас, но и создать выразительные средства, способные передавать тонкие оттенки смысла, эмоции и стилистические нюансы. В английском языке существуют различные способы словообразования, каждый из которых выполняет свою функцию и способствует развитию языка как живой и динамичной системы. Среди них: конверсия, аффиксация, дезаффиксация, сокращение, аббревиация, компрессия, основосложение, удвоение, чередование, звукоподражание, разделительное ударение.

Очевидно, что невозможно сказать, какой из способов является лидирующим в процессе словообразования, так как каждый из них обладает определенными характеристиками, которые находят свои отражения в специфических условиях и реализуют конкретные цели. Однако, анализируя определенные источники, например, заданное литературное или музыкальное произведение, можно не только получить сведения об эффективности того или иного способа, но и рассмотреть его назначения относительно контекста в сравнении с другими.

Так, в данной статье наш выбор пал на всемирно известный бестселлере о Гарри Поттере, где каждое заклинание является продуктом словообразовательного процесса, а значит, обладает определенным набором характеристик и сведений, которые оказывают значительное влияние на сюжет произведения в целом.

Рисунок 1. Статистика способов словообразования, представленных в

заклинаниях

Проанализировав структуру и этимологию 53 лексических единиц, выражающих магические чары, мы собрали статистические данные, которые представлены в диаграмме ниже.

Исходя из совокупности результатов исследования видно, что большая часть заклинаний образована путем аффиксации. Кроме того, важно заметить, что данный процесс в основном осуществлялся с использованием иноязычных суффиксов (латинских, французских и т. д.), что придало словам научный и магический оттенок.

Например, в заклинании «*Inflatus*» четко прослеживается связь с английским глаголом «*inflate*» (надувать), к которому был добавлен латинский суффикс *-us*, используемый для образования существительных, обозначающих действие или результат действия. Таким образом, данное колдовство из семейства *Jinx* (сглазов) реализуется в способности расширения цели путем заполнения ее воздухом.

Следующие по многочисленности группы заклинаний были сформированы на основе словосложения и композиции, так как многие слова состоят из двух и более корней либо двух и более относительно независимых элементов, образующих комбинацию слов, создавая таким

образом сложносоставные заклинания, которые раскрывают свои действия через составляющие их компоненты.

В качестве примера рассмотрим знаменитое заклинание «*Wingardium Leviosa»*. Оно состоит из двух частей: английского слова «*wing*» – «крыло» и латинского «*arduus*» – «высокий», а также английского «*levity*» в значении «левитация», сокращенного до слова «*levi*» (часть суффикса *-ty* усечена). В результате чего перевод входящих в наименование колдовства слова позволяют читателю осознать его функцию – левитация, поднятие предмета в воздух. Таким образом, сочетание корней не случайно, так как оно позволяет внести семантическую ясность и создать атмосферу волшебства в сюжете.

Проанализируем другой пример – заклинание «*Colovaria*», которое происходит от английского «*colour*» (цвет) и глагола «*vary*» (изменять). Наименование данного колдовства образуется при сочетании корней, совокупное значение которых отражает его прямое значение — изменение цвета объекта. Словообразование данным способом благоприятствует созданию чёткой и выразительной формы выражения основных свойств заклинания, лёгкой для понимания и запоминания.

На третьем месте по распространенности стоят такие способы словообразования как дезаффиксация и сокращение, так как немалая часть заклинаний образованы путем усечения длинных слов или их частей, что помогает сделать слова более удобными для произношения и запоминания.

Например, в заклинание группы *Charm* (чары) «*Circumrota*» заметно сокращение конечных частей двух английских слов: «*circuit*» (цепь, схема) и «*rotation*» (вращение). В результате их слияния наименование получает компактность, однако в то же самое время принцип функционирования данного колдовства остаётся ясным –оно заставляет выбранный объект вращаться.

Кроме того, фонетические изменения в существующих в языке слов также оказали значительное влияние в процессе создания уникальных наименований заклинаний в полюбившемся всему миру сюжете о магах, колдуньях и мистических существах. Так, некоторые заклинания имеют игровую или фонетически мотивированную структуру.

К примеру, часто встречаемое на страницах произведения заклинание «*Reducto*» может происходить от английского «*reduce*» (разрушать), которое оказалось под влиянием определённых фонетических изменений, придающих колдовству своего рода феерический эффект. Вследствие чего его действие может быть связано с сильным крушением или абсолютной поломкой объекта, на которого направлены чары.

Наименее многочисленными оказались заклинания, сформированные вследствие конверсии, что свидетельствует о том, что данный способ не столь эффективен в данном контексте. Таким образом, смена части речи слова без использования явных аффиксов не является результативным способом передачи магических действий.

Однако, несколько примеров, образованных на основе данного способа, все же были найдены в произведении, например, «*Conjunctivitis*». Название заклинания происходит от медицинского термина «*conjunctivitis*» (конъюнктивит), которое используется для обозначения воспаления глаз. Несмотря на то, что слово обычно используется как существительное, в магическом сюжете бестселлера оно становится действием. Так, применяя данное колдовство, волшебник вызывает у соперника резкое раздражение глаз. Это заимствование подчёркивает специфический эффект, который производит заклинание, создавая эффект реализма и научного подхода.

Таким образом, исследование подчеркивает четкую связь между процессами словообразования и функциями магических чар, в наименовании которых морфемы несут смысловую значимость, а их латинское и английское происхождение усиливает волшебный колорит. Каждое заклинание демонстрирует авторский подход к языку, в котором лингвистические новшества сочетаются со смысловой точностью и художественной выразительностью. Эти примеры доказывают, что словообразование в бестселлере о Гарри Поттере – это тщательно продуманный процесс, который служит как развитию сюжета, так и созданию уникального волшебного мира.

Список использованной литературы

1. Каращук П. М. Словообразование английского языка [Текст] / П. М. Каращук. – Москва: Высшая школа, 1977. – 303 с.
2. Нагорная А. В. Словообразование в английском языке: краткий справочник [Текст] / А. В. Нагорная. – М.: Айрис, 2020. – 128 с.
3. Филатов Д. В. Основные способы словообразования в английском языке // Языкознание и литературоведение [Текст]. – Иркутск: E-Scio, 2020.
4. Царев П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке [Текст] / П. В. Царев. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 225 с.
5. Bauer L. English Word Formation [Текст] / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 p.
6. List of spells // Fandom. – URL: https://harrypotter.fandom.com/wiki/List_of_spells (дата обращения: 01.11.2025).
7. Oxford Learners Dictionaries // OXFORD. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/?ysclid=mhiyz7cutl308901258 (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 81’25

Журавкова А.А., бакалавр 4 курса

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «HANNIBAL»)

Научный руководитель: **Е.Д. Селифонова,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения качества перевода. В работе исследуется понятие «переводческая ошибка» и классификации переводческих ошибок для оценки качества перевода. Анализируется перевод американского сериала «Hannibal» на наличие переводческих ошибок.

Ключевые слова: переводческая ошибка, типологизация, аудиовизуальный перевод, несоответствие, перевод.

Zhuravkova A.A., Bachelor Course student, 4th year

TYPOLOGY OF TRANSLATION ERRORS (BASED ON SERIES «HANNIBAL»)

Scientific supervisor: **E.D. Selifonova,** Candidate of Philological Science, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article studies the problem of translation quality assessment. It researches the concept of a translation error and classifications of translation errors to assess the quality of translation. The analysis of American series «Hannibal» for the presence of translation errors is presented.

Keywords: translation error, typology, audiovisual translation, irregulatory, translation.

Оценка качества перевода всегда представляла большой интерес для исследователей, однако создать единые критерии оценки качества перевода не представляется возможным. Многие критерии субъективны и зависят от требований заказчика к переводу и вида перевода. Одним из способов оценки перевода является анализ переводческих ошибок.

На сегодняшний день не существует единого мнения о понятии «переводческая ошибка». Каждый автор трактует его по-разному. Так, А.Д. Швейцер связывает переводческие ошибки с незнанием реалий другой культуры, что приводят к нарушению передачи смыслового содержания высказывания [7, с. 55]. Р.К. Миньяр-Белоручев относит переводческие ошибки к несоответствиям теста перевода тексту оригинала [5],

а В.Н. Комиссаров определяет их как воздействие, ведущие к искаженному восприятию смысла и содержания оригинала реципиентом перевода [3, с. 149]. Н.К. Грабовский считает переводческие ошибки бессознательным явлением, которое происходит из-за недостатка когнитивного опыта, незнания языка оригинала и непонимании различий смысла исходного текста и индивидуального стиля автора [1, с. 514]. Согласно интерпретации К. Норда, переводческие ошибки – это невыполнение требований переводческого задания [6, с. 183].

В диссертации В.М. Жигалиной переводческая ошибка понимается как «неудовлетворительная передача значений оригинала» и связаны с «недостаточным, неполным, ущербным либо ошибочным пониманием оригинала» [2, с. 9]. Автор формулирует понятия удачного и неудачного переводческого решения в противопоставление переводческой ошибке. Так, неудачное переводческое решение приводит к утрате или искажению художественных смыслов при верной передаче содержания текста, а переводческая ошибка является нарушением переводческой нормы на семантическом и когнитивном уровнях [2, с. 11].

Проанализировав существующие трактовки термина «переводческая ошибка», можно прийти к выводу, что *переводческая ошибка* представляет собой нарушение передачи плана содержания через план выражения, которое приводит к неточной или неправильной передаче смысла и содержания исходного текста на языке перевода.

Лингвисты классифицируют переводческие ошибки по разным признакам: с точки зрения языка, степени дезинформирующего воздействия, этапам перевода, прагматики, логичности, мотивированности, причин возникновения переводческих ошибок и т.д. К. Норд выделяет три вида переводческих ошибок: 1) прагматические ошибки (учет особенностей реципиента и т.д.); 2) культурные ошибки (тип текста, его структура и стиль); 3) формальные или языковые ошибки (нарушение языковых норм) [6, с. 183].

Согласно Н.К. Грабовскому переводческие ошибки могут возникнуть во время восприятия исходного текста или сообщения и во время перевода этого текста или сообщения. Лингвист выделяет три категории переводческих ошибок. К первой категории относятся ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста (семантические, прагматические и синтаксические искажения): 1) ошибки понимания на уровне «знак-понятие» (семантические искажения понятий); 2) ошибки понимания на уровне «знак-сложное понятие» (семантические искажения словосочетаний); 3) ошибки понимания на уровне «знак-суждения» (семантические и синтаксические искажения в высказываниях); 4) ошибки понимания предметной ситуации (прагматические искажения: пропуски или переводческие лакуны, слепое следование тексту оригинала и неверное описание ситуации). К второй категории относятся ошибки на этапе перевыражения системы смыслов (ошибки в подборе эквивалентов в языке

перевода). Третья категория – это стилистические ошибки (ошибки передачи стиля автора) [1, с. 517-537].

В.Н. Комиссаров выделяет ошибки согласно передаче содержания оригинала. Автор выделяет: 1) смысловые искажения (ошибки, грубо искажающие содержание оригинала); 2) необоснованная генерализация или конкретизация (ошибки, неточно передающие содержание оригинала и снижающие качество перевода, но не искажающие смысл); 3) стилистические искажения (ошибки, связанные с нормами языка перевода, но не влияющие на эквивалентность); 4) нарушения норм языка и узуса (нарушения правил сочетаемости слов, грамматики, орфографии, пунктуации и т.д.) [3, с. 149-150].

Опираясь на исследования переводческих несовпадений Р.К. Миньяра-Белоручева, К.И. Ковалева выделяет три вида переводческих ошибок: 1) ошибочные опущения; 2) ошибочные добавления; 3) ошибочная замена информации [4, с. 46].

В.М. Жигалина в своей диссертации разработала классификацию переводческих ошибок и неудачных переводческих решений. К переводческим ошибкам автор относит две группы: на семантическом и когнитивном уровнях. К ошибкам на семантическом уровне относятся три категории: 1) нормативно-речевые (нарушение языковой традиции, тавтология); 2) системно-языковые (квази-паронимия, буквализмы); 3) нормативно речевые (грамматические, лексические). К группе ошибок когнитивного уровня В.М. Жигалина выделяет 4 категории: 1) стилистические (нормативно-стилистические, функционально-стилистические); 2) лингвокультурные; 3) формально-содержательные; 4) структурные (пропуски, добавления, перераспределение содержания, экспликация) [2, с. 14].

Проанализировав существующие классификации переводческих ошибок, мы пришли к выводу, что классификация представленная В.Н. Комиссаровым является наиболее удачной для анализа перевода аудиовизуальных произведений.

Для анализа переводческих ошибок был выбран американский сериал «Hannibal» 2013-2015 гг. Выбор обусловлен жанром сериала – психологический триллер с элементами ужасов и детектива. В связи с тематикой сериал «Hannibal» отличается сложным языком, где философские и психологические обсуждения происходят в рамках расследования дел и требуют высокой компетенции переводчика для правильной интерпретации смысла высказывания с сложными узкими криминалистическими и медицинскими терминами.

Рассмотрим примеры ошибок по классификации В.Н. Комиссарова на примере половины 1 серии 1 сезона сериала «Hannibal» в переводе Sony Sci-Fi.

Смысловые искажения

(1) Он умрет, глядя как я забираю у него *все*. – He will die watching me take *what is his* away from him.

При переводе этого предложения переводчик не учел контекст ситуации перевода, что привело к искажению смысла высказывания. В данной сцене Уилл Грэм описывает убийство мистера Марлоу и его супруги. Целью преступника было только отнять жизни супругов, однако согласно переводу Sony Sci-Fi мы можем трактовать эту сцену следующим образом: пока умирает мистер Марлоу, преступник забирает все ценности из дома.

(2) – Вижу, вас *прибило к берегу преподавания*. На сколько я помню, у вас были проблемы с общением. – You’*ve hitched your horse to a teaching post*. I understand it’s not easy for you to be sociable.

- Я только разговариваю. Я не слушаю, это не общение. – I’m just talking at them. I’’ not listening to them. It’s not social.

- Ясно. Позвольте. *И кем же вы себя ощущаете*? – *Where do you fall on the spectrum*?

- *Меня скорее прибило к берегу Аспергера и аутизма*, чем нарциссизма и социопатии. – *My horse is hitched to a post closer to Aspergers and Autistics* than narcissists and sociopaths.

Во втором примере представлен диалог между Джеком Кроуфердом и Уиллом Грэмом. Переводчик неверно интерпретировал коммуникативную интенцию Джека Кроуферда, что привело к ошибочному переводу и полному искажению смысла и содержания оригинала.

В данной сцене Джек Кроуферд выяснял причины ухода Уилла Грэмма со своей старой должности «Where do you fall on the spectrum?». Sony Sci-Fi посчитали, что *spectrum* здесь представляет собой шкалу диагностики психических расстройств, а не сферы деятельности. В результате в переводе не была отражена ключевая мысль: Уиллу Грэму комфортнее работать с людьми, у которых синдром Аспергера и аутизм.

Необоснованная генерализация или конкретизация

(1) Должна была *пожить* у родителей, кормить кошку … - Supposed to *house sit* for her parents over the weekend.

В данном предложении не передается точная мысль, что пропавшая Элис Никольс должна была присмотреть за домом, пока ее родители в отъезде. Это не искажает общего смысла высказывания, но снижает качество перевода.

(2) Уил Грэм. … В определении времени смерти по активности насекомых. – You’re Will Graham. … *You wrote the standard monograph* on time of death by insect activity.

Переводчик опустил первую часть предложения, что делает текст неполным и обрывочным, затрудняя восприятие реципиента.

Стилистические искажения

(1) Срочно пришлите *спецов*. – I need *ERT* immediately.

Аббревиатура «ERT» расшифровывается как «Evidence Response Team» и обозначает команду специалистов-криминалистов, являясь официальным сокращением. Данное высказывание было сделано Джеком

Кроуфердом для вызова специальной команды на место преступления, поэтому разговорный вариант «спецов» здесь неуместен.

Нарушение норм языка и узуса

(1) Я два раза стреляю в мистера Мароу, *перебивая* яремную вену и сонную артерию. … Я *аккуратно пробиваю шею* миссис Марлоу. – I shoot Mr. Marlow twice, *severing* jugulars and cartoids with near surgical precision. … I *shoot* Mrs. Marlow *expertly through the neck*.

В первом примере нарушена лексическая сочетаемость. Нельзя «перебить яремную вену и сонную артерию» и «аккуратно пробить шею». В данном контексте лучше использовать глаголы «пробить», в отношении вен и артерий, и «прострелить», когда мы говорим о огнестрельном ранении.

(2) Да, спорили. *Попомнится* по поводу этого музея. – Yes, we had a disagreement about the museum when we opened it.

Переводчик использовал разговорный глагол «попомнить» с значением «припомнить» совершенного вида, которое обычно используется в выражении «попомни мои слова», в несовершенном виде, что нарушает нормы русского языка.

Так, можно сделать вывод, что непонимание контекста ситуации и недостаток лингвистической и культурной компетенций переводчика ведут к искаженному восприятию содержания текста и перевода и ведут к переводческим ошибкам, которые полностью искажают смысл исходного высказывания и/или снижают качество перевода.

Список использованной литературы

1. Грабовский, Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. Ун-та. – 2007. – 544 с.
2. Жигалина, В. М. Герменевтические основания типологии переводческих ошибок и неудачных переводческих решений : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Жигалина Вера Михайловна. – Тверь, 2006. – 234 с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. – М.: Р.Валент. – 2011. – 408 с.
4. Малёнова, Е.Д., Черкашина Л.П. К вопросу о классификации переводческих ошибок // Перевод и сопоставительная лингвистика. – №9. – 2013. – С. 45-47.
5. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода. – Москва «Московский Лицей». – 1996. – 208 с.
6. Теремкова, О.А. ÜBERSETZUNGSFEHLER (переводческие ошибки) // Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. – №2013. – 2013. – С. 182-184.
7. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – USSR. – 2024. – 216 с.

УДК 811

Иванова О.И., бакалавр 4 курса

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АБРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Научный руководитель: **Е.С. Николаева**, кандидат филологических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические особенности аббревиатур в современном английском языке и специфика их перевода на русский язык в медиадискурсе. На материале интернет-изданий «The Independent», «The Irish Times» и «The Guardian» анализируются структурно-семантические типы аббревиатур (инициализмы, акронимы, усечения), их функциональная нагрузка и частотность употребления в различных тематических сферах (наука, бизнес, спорт). Исследование выявляет ключевые стратегии перевода, такие как использование регулярных соответствий, транскрипция, транслитерация, калькирование и описательный перевод. Особое внимание уделяется прагматическим аспектам перевода, включая необходимость расшифровки малознакомых аббревиатур для целевой аудитории. Делается вывод о доминировании инициальных аббревиатур в языке СМИ и преобладании стратегии поиска устоявшегося эквивалента при переводе.

Ключевые слова: аббревиатура, перевод, медиадискурс, инициализмы, средства массовой информации.

Ivanova O.I., Bachelor Course student, 4th year

FEATURES OF TRANSLATION OF ABBREVIATIONS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS

Scientific supervisor: **E.S. Nikolaev**a, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: The article examines the linguistic features of abbreviations in modern English and the specifics of their translation into Russian in media discourse. The structural and semantic types of abbreviations (initialisms, acronyms, truncations), their functional load and frequency of use in various thematic areas (science, business, sports) are analyzed based on the material of the online publications The Independent, The Irish Times and The Guardian. The study identifies key translation strategies such as the use of regular matches, transcription, transliteration, calculus, and descriptive translation. Special attention is paid to the pragmatic aspects of translation, including the need to decipher unfamiliar abbreviations for the target audience. The conclusion is made about the dominance of initial abbreviations in the language of mass media and the predominance of the strategy of searching for an established equivalent in translation.

Keywords: abbreviation, translation, media discourse, initialisms, transcription, transliteration, calculus, mass media.

Широкое распространение аббревиатур является одной из характерных черт современных европейских языков, что обусловлено действием закона экономии языковых усилий. Особенно ярко эта тенденция проявляется в языке средств массовой информации, где требуется оперативная передача значительных объемов информации в сжатой форме. Аббревиатуры не только выполняют номинативную функцию, но и приобретают экспрессивный потенциал, становясь инструментом языковой игры и воздействия на аудиторию [3].

Актуальность исследования обусловлена возрастающей частотой использования аббревиатур в медиатекстах и наличием дискуссионных вопросов, связанных с выбором оптимальной стратегии их перевода. Несмотря на существование устоявшихся соответствий для ряда сокращений, постоянное появление новых единиц требует от переводчика владения всем арсеналом переводческих трансформаций.

Целью работы является выявление особенностей перевода аббревиатур с английского на русский язык в текстах СМИ. Для достижения цели поставлены следующие *задачи*:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения аббревиатур и их классификации.
2. Проанализировать функции и частотность аббревиатур в различных тематических сферах англоязычных СМИ.
3. Определить и систематизировать основные способы перевода аббревиатур на русский язык.

Объектом исследования выступают аббревиатуры современного английского языка, функционирующие в медиадискурсе. Предметом являются способы их адекватного перевода на русский язык.

Методологическую основу исследования составили методы лингвистического анализа: метод анализа словарных дефиниций, описательный метод и количественный анализ, а также метод контекстуального анализа при работе с фактическим материалом.

В лингвистике отсутствует единая классификация аббревиатур, однако большинство исследователей выделяют следующие структурные типы [1, 2, 7]:

1. Инициализмы (алфавитизмы): аббревиатуры, образованные из начальных букв словосочетания и произносимые побуквенно (например, BBC, MP).
2. Акроним: аббревиатура, образованная из начальных букв или слогов и читаемая как единое слово (например, NATO, Scuba).
3. Усечения: слова, образованные путем опущения части исходного слова (например, info ← information, exam ← examination).
4. Слияния (телескопизмы): слова, образованные путем комбинации частей двух или более слов (например, brunch ← breakfast + lunch).

В языке СМИ аббревиатура выполняет не только функцию компрессии информации, но и служит средством экспрессии, создания стилистической окраски и языковой игры [3, 6].

Что касается перевода, В.Н. Комиссаров и другие теоретики выделяют ряд ключевых приемов для передачи безэквивалентной лексики, к которой часто относятся аббревиатуры [4, 5]:

- Транскрипция/транслитерация: формальное воспроизведение звукового или буквенного облика слова (FBI → ФБР, CNN → Си-Эн-Эн).
- Калькирование: воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания (United Kingdom → Соединенное Королевство).
- Описательный перевод: раскрытие значения аббревиатуры с помощью развернутого описания.
- Использование регулярного соответствия: применение устоявшегося в языке перевода эквивалента.

Эмпирической базой исследования послужили статьи интернет-изданий «The Independent», «The Irish Times» и «The Guardian» за 2017-2024 годы, охватывающие тематические сферы науки, бизнеса и спорта.

Анализ показал абсолютное преобладание инициальных аббревиатур (как буквенных, так и акронимов) во всех рассмотренных тематических областях. В сфере науки частотными являются аббревиатуры NASA, NHS, IVF; в бизнесе – IMF, ECB, RBS; в спорте – FIFA, UEFA, PGA. При этом авторская стратегия представления аббревиатуры читателю варьируется: малознакомые единицы, как правило, расшифровываются при первом упоминании (NEO – Near-Earth objects), в то время как широко известные (NASA, IMF) вводятся без пояснений, что указывает на расчет на определенный фоновые знания аудитории.

Для перевода аббревиатур в рассмотренных текстах применяются следующие основные стратегии:

1. Использование регулярного соответствия. Наиболее частотный способ, применяемый при наличии устоявшегося эквивалента в русском языке.

- Пример: "the FBI squad…" → "группа ФБР…" [8].

2. Транслитерация. Применяется для передачи имен собственных (названий организаций, брендов), не имеющих прямого аналога.

- Пример: "…the activities of FIFA…" → "…деятельности ФИФА…" [8].

3. Транскрипция. Используется реже, часто в сочетании с конкретизацией.

- Пример: "CNN has reported that…" → "Телеканал «Си-Эн-Эн» сообщил, что…" [8]. Здесь транскрипция дополнена родовым понятием «телеканал» для ясности.

4. Калькирование и описательный перевод. Применяются, когда в языке перевода отсутствует готовая аббревиатура-эквивалент.

- Пример: "director of intelligence production at GCHQ" → "директор по сбору разведданных в Центре правительственной связи (ЦПС)" [8]. В данном случае используется описательный перевод с возможным созданием новой русскоязычной аббревиатуры (ЦПС) для последующего использования в тексте.

5. Контекстуальные трансформации. В ряде случаев переводчик прибегает к генерализации или конкретизации.

- Пример: "…any British or CIA agent…" → "…любого британского или американского агента…" [8]. Здесь аббревиатура CIA заменена на более широкое понятие «американский» (генерализация) для сохранения смысла и стиля высказывания.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Аббревиатура является неотъемлемым и высокопродуктивным элементом языка современных англоязычных СМИ, выполняющим как номинативно-компрессирующую, так и экспрессивную функции. В медиатекстах доминируют инициальные аббревиатуры, а частота их использования и необходимость расшифровки напрямую зависят от тематики и предполагаемого уровня подготовленности аудитории.

Перевод аббревиатур требует от специалиста гибкого подхода и владения всем спектром переводческих трансформаций. Наиболее распространенной и эффективной стратегией является поиск устоявшегося регулярного соответствия. Однако при его отсутствии переводчик вынужден прибегать к транскрипции, транслитерации, калькированию или описательному переводу, нередко комбинируя их. Важную роль играет и учет прагматического аспекта: необходимость адаптации перевода для русскоязычного читателя, который может не обладать тем же набором фоновых знаний.

Перспективой дальнейшего исследования может стать сравнительный анализ переводческих стратегий для аббревиатур, принадлежащих к новым, динамично развивающимся сферам, таким как цифровые технологии и криптовалюты, где процессы аббревиации особенно активны.

Список использованной литературы

1. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. – 328 с.
2. Борисов, В.В. Аббревиация и акронимия. / В.В. Борисов. – М.: Военное изд-во, 1972. – 320 с.
3. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 240 с.
4. Казакова, Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

6. Сергеева, Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т.С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (24). – С. 180–183.
7. Ярмашевич, М.А. Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистическом и научном стилях: дис. … канд. филол. наук. / М.А. Ярмашевич. – Саратов, 1990. – 215 с.
8. Lusher, A. Christopher Steele: super-spy or dodgy dossier writer? The secret world of the man behind the leaked Trump document [Электронный ресурс]/ A. Lusher//Independent. – 2017. – 12 Jan. – URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-who-is-christopher-steele-man-behind-the-trump-dossier-perverted-sexual-acts-mi6-agent-a7524191.html (Дата обращения: 31.10.2025)

УДК 811.111-26

Кананыхина М. В., бакалавр 1 курса

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»)

Научный руководитель: **А.Ш. Габдуллина,** старший преподаватель

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

Аннотация. В статье исследуются переводческие стратегии передачи безэквивалентной лексики с русского языка на английский в контексте аудиовизуального перевода. Материалом исследования послужил фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» (1998). Анализируются названия традиционных праздников, наименования национальной еды, обозначения народных развлечений и фразеологические единицы.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, переводческие стратегии, аудиовизуальный перевод, культурно-специфическая лексика, русско-английский перевод, российский кинематограф

Kananykhina M.V., Bachelor Course student, 1st year

STRATEGIES FOR RENDERING NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN TRANSLATING RUSSIAN CINEMA (BASED ON THE FILM “THE BARBER OF SIBERIA”)

Scientific supervisor: **A.S. Gabdullina**, Senior Lecturer Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract. The article examines translation strategies for rendering culture-bound vocabulary from Russian into English in audiovisual translation. The research material is Nikita Mikhalkov's film “The Barber of Siberia” (1998). Holiday names, national food names, folk entertainment designations, and phraseological units are analyzed. Results show the

effectiveness of combined translation strategies considering visual context and realia recognition.
Keywords: non-equivalent vocabulary, translation strategies, audiovisual translation, culture-specific vocabulary, Russian-English translation, Russian cinema

Проблема передачи безэквивалентной лексики при переводе остаётся одной из центральных в современном переводоведении. Особую актуальность она приобретает в контексте аудиовизуального перевода, где переводчик сталкивается с необходимостью учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы: визуальный ряд, темпоральные ограничения, синхронизацию с изображением. Теоретическая база исследования опирается на фундаментальные работы классиков отечественного переводоведения, что позволило систематизировать понятийный аппарат и методологию анализа. Практическая значимость работы состоит в возможности применения выявленных закономерностей в практике аудиовизуального перевода. Научная новизна заключается в разработке систематического подхода к переводу культурно-маркированной лексики кинематографа с учётом специфики аудиовизуального текста.

Российское кино представляет собой богатый материал для изучения данной проблематики, поскольку содержит многочисленные культурно-специфические элементы, отражающие реалии советской и досоветской эпохи. Фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» (1998) особенно интересен для анализа, так как действие картины разворачивается в России конца XIX века, что обусловливает наличие в киносценарии многочисленных культурно-маркированных лексем.

Л.С. Бархударов определяет безэквивалентную лексику как «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2, с. 95]. Автор подчёркивает, что отсутствие эквивалентов обусловлено отсутствием в жизни данного народа тех предметов и явлений, которые обозначаются соответствующими словами. В.С. Виноградов рассматривает безэквивалентную лексику как «слова, обозначающие национально-специфические реалии, характерные для страны изучаемого языка и отсутствующие в других странах» [3, с. 18]. К таким реалиям он относит наименования блюд национальной кухни, предметов быта, элементов фольклора, должностей и званий, явлений общественной жизни. Н. К. Гарбовский в своей работе по теории перевода указывает, что безэквивалентная лексика — это слова, которые не имеют прямых соответствий в другом языке, что связано с отсутствием в языке перевода аналогичных понятий из-за культурных и языковых различий. Он подчёркивает, что такое явление связано с отражением специфической материальной и духовной культуры, что и определяет отсутствие эквивалентов. Безэквивалентная лексика отражает национальные реалии и представляет собой особую группу лексических единиц, которые требуют особых подходов в переводе, поскольку передача значения таких слов

невозможна просто через прямой перевод. Н.К. Гарбовский рассматривает безэквивалентную лексику с точки зрения культурного компонента, что делает её ключевым элементом в понимании и адекватном переводе текстов, создавая необходимость учитывать специальные «фоновые знания» лингвокультурной общности для полноценного восприятия [4].

В.Н. Комиссаров определяет переводческую стратегию как «определённую линию поведения переводчика в процессе перевода, которая характеризуется принципиальной направленностью его действий» [5, с. 170]. В его понимании стратегия включает совокупность лингвистических и экстралингвистических принципов, которые переводчик учитывает при принятии решений для достижения адекватного перевода. Продолжая тему переводческих методов, С. А. Песина определяет транскрипцию как «формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка». Она рассматривает транскрипцию как средство передачи звучания слова оригинала, сохраняя при этом его фонетическую структуру в пределах фонем целевого языка [6, с. 87]. Такой подход помогает воспроизвести звучание, близкое к исходному, что особенно важно для сохранения идентичности культурных и языковых особенностей при переводе Данный приём широко применяется для передачи имён собственных и названий специфических реалий. Калькирование, согласно В. В. Алимову, определяется как способ перевода лексической единицы оригинала путем замены её структурных элементов эквивалентами языка перевода. Этот приём позволяет сохранить семантическое содержание исходного выражения, переводя его буквально, но с учетом норм и особенностей целевого языка. Калькирование используется как одна из стратегий преодоления безэквивалентной лексики, обеспечивая более точную передачу смысла, особенно в случаях, когда дословный перевод невозможен или искажен [1]. Описательный перевод Л.С. Бархударов характеризует как «способ передачи безэквивалентной лексики посредством более или менее распространённого объяснения» [2, с. 98]. Функциональный аналог, по определению В.С. Виноградова, – это «подбор в языке перевода слова, обозначающего иное, но функционально сходное понятие» [3, с. 24]. Комбинированный способ сочетает несколько приёмов, например транскрипцию с описательным переводом.

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать переводческие стратегии передачи безэквивалентной лексики на материале фильма «Сибирский цирюльник» и оценить их эффективность с точки зрения сохранения культурной информации при переводе с русского языка на английский. Материалом исследования послужил эпизод празднования Масленицы из указанного фильма (хронометраж 00:45:20-00:52:30) и его официальный английский перевод. В результате сплошной выборки был выявлен ряд лексических единиц, относящихся к безэквивалентной лексике. Применялись методы сопоставительного, компонентного и контекстуального анализа.

Названия традиционных праздников и религиозных обрядов составляют первую группу анализируемой лексики. Лексема «Масленица» в фильме встречается в контексте народных гуляний, когда главная героиня Джейн прибывает на площадь, где идёт ярмарка с каруселями и толпами празднично одетых людей. Переводчик применил комбинированную стратегию: *Maslenitsa (Shrovetide*). Такое решение оптимально, поскольку транскрипция сохраняет национальное своеобразие через русское название, а функциональный аналог в скобках обеспечивает понимание через отсылку к известному западному празднику перед Великим постом. Визуальный ряд, демонстрирующий народные гуляния, блины и катание на санях, служит дополнительным пояснением для зрителя. Альтернативные варианты, такие как *Butter Week* или *Pancake Week*, хотя и передают буквальный смысл названия, упрощают культурное содержание праздника. Для лексемы «Прощёное воскресенье» применено калькирование – *Forgiveness Sunday*. Данная стратегия эффективна, поскольку структура понятия прозрачна, и дословный перевод компонентов словосочетания передаёт как буквальное значение, так и суть обряда. Дополнительное пояснение в диалоге о том, что люди просят друг у друга прощения перед постом, обеспечивает полное понимание культурной практики. «Великий пост» переведён устоявшимся эквивалентом *Great Lent*, общепринятым в англоязычной христианской традиции, что не представляет переводческой трудности, так как понятие существует в обеих культурах.

Названия традиционной еды и предметов быта образуют вторую группу безэквивалентной лексики. На ярмарке торговка предлагает блины со сметаной и мёдом, при этом на экране показана стопка круглых тонких блинов на блюде. Переводчик выбрал компромиссное решение – *Russian pancakes.* Слово pancakes обеспечивает базовое понимание как обозначение плоских мучных изделий, а определение Russian сохраняет культурную маркированность. Визуальный ряд компенсирует различия между блинами и западными pancakes, которые отличаются по толщине и способу приготовления. Данная стратегия учитывает ограничения субтитров, требующие краткости, и обеспечивает адекватное понимание при наличии визуального контекста. Транскрипция Blini без пояснения была бы непонятна массовому зрителю, а вариант pancakes без уточнения Russian утратил бы национальный колорит. Для лексем «сушки» и «бублики», которые продавец на ярмарке держит связками, применена транскрипция с кратким описательным пояснением: *Sushki and bubliki (small bread rings).* Решение не использовать англоязычный аналог bagels обоснованно, так как bagels представляют собой продукт с иной текстурой и культурными коннотациями. Транскрипция сохраняет культурную специфику, краткое пояснение обеспечивает базовое понимание, а визуальное изображение колец из теста служит дополнительным комментарием.

Обозначения народных развлечений и традиций представляют третью группу анализируемого материала. На льду реки собираются две группы мужчин для массового кулачного боя. Один из персонажей объясняет

Джейн: «Сейчас начнётся стенка на стенку – старая русская забава». Переводчик использовал калькирование с добавлением родового понятия: *wall-to-wall fistfight.* Калька *wall-to-wall* эффективно передаёт суть явления, где две «стенки» противостоят друг другу в организованном поединке. Визуальный ряд, демонстрирующий две группы мужчин, выстроившихся в линии и сходящихся для боя, делает структуру понятной англоязычному зрителю. Добавление слова *fistfight* уточняет характер действия и предотвращает возможное непонимание. Альтернативный вариант *mass brawl* был бы неточен, так как теряет специфику структурированного характера боя. Для лексемы «медвежья потеха», обозначающей представление с дрессированным медведем, танцующим под гармошку, использован нейтральный функциональный аналог bear show. Вариант понятен англоязычной аудитории и передаёт суть развлечения, однако утрачивается культурная специфика слова «потеха» как старинного обозначения забавы. Альтернатива bear baiting была бы неточной, так как обозначает жестокую травлю медведя, в то время как в фильме показано мирное представление. «Скоморохи», народные артисты на празднике, переведены функциональным аналогом *jesters,* что обеспечивает понимание через отсылку к западной традиции странствующих артистов, хотя и приводит к частичной утрате культурной специфики русских скоморохов с их особым репертуаром и социальным статусом.

Фразеологические единицы составляют наиболее проблемную группу, так как требуют передачи не только денотативного, но и коннотативного значения, а также стилистической окраски [7]. Фразеологизм «дырка от бублика» встречается в предупреждении персонажа: «Если не успеешь, тебе достанется дырка от бублика», что означает полное отсутствие какого-либо результата или вознаграждения. Переводчик использовал нейтральный функциональный эквивалент *nothing at all*, передающий денотативное значение. Буквальный перевод образа *the hole from a bagel* был бы непонятен англоязычному зрителю, так как культурная концепция дырки от бублика как символа пустоты отсутствует в английском языке. Хотя образность русского фразеологизма утрачена, передано его основное значение и прагматическое содержание предупреждения. Альтернативные варианты *zilch* или a *big fat zero* также могли бы использоваться, сохраняя разговорную тональность оригинала. Фразеологизм «пьёт как лошадь», характеризующий злоупотребление алкоголем, переведён идиоматическим эквивалентом *drinks like a fish.* Несмотря на различие образов (*horse versus fish),* фразеологизмы полностью совпадают по значению, стилистической окраске и экспрессивности. Данный перевод демонстрирует приоритет функционального соответствия над формальным: важнее сохранить идиоматичность и естественность звучания на языке перевода, чем буквально передать образ оригинала. В русском языке сравнение с лошадью основано на способности животного выпить много воды, в английском сравнение с рыбой связано с постоянным пребыванием в воде, но результирующее значение чрезмерного употребления спиртного передано

точно. Выражение «с глазу на глаз» в контексте просьбы о приватном разговоре переведено как *face to face* или *in private*. Первый вариант представляет собой кальку, полностью сохраняющую образную структуру русского фразеологизма, второй – более нейтральный вариант, акцентирующий приватность разговора. Это пример идеального случая, когда образная основа фразеологизмов совпадает в двух языках, что позволяет использовать калькирование без потери понятности.

Проведённый анализ позволяет выявить следующие закономерности в выборе переводческих стратегий при работе с безэквивалентной лексикой в аудиовизуальном переводе. Во-первых, наличие визуального контекста существенно влияет на выбор стратегии. При наличии чёткого изображения реалии переводчик может использовать более краткие варианты – транскрипцию или функциональный аналог, так как визуальный ряд выполняет компенсаторную функцию, восполняя недостаток вербальной информации. Во-вторых, степень известности реалии в культуре языка перевода является определяющим фактором. Для широко известных понятий используется транскрипция без пояснений, для малоизвестных реалий оптимальна комбинированная стратегия. В-третьих, для различных типов безэквивалентной лексики предпочтительны разные стратегии. Названия праздников и обрядов оптимально передавать через комбинацию транскрипции и функционального аналога, наименования еды и предметов быта – через функциональные аналоги с уточнением при наличии визуального ряда, обозначения народных развлечений – через калькирование при условии структурной прозрачности, фразеологизмы – через поиск идиоматических соответствий. В-четвёртых, при переводе для субтитров действуют дополнительные ограничения по количеству знаков и требования синхронизации, что обусловливает предпочтение кратких вариантов.

Исследование переводческих стратегий передачи безэквивалентной лексики на материале фильма «Сибирский цирюльник» позволило выявить дифференцированный подход к переводу различных типов культурно-специфической лексики. Результаты показывают, что наиболее эффективной является гибкая стратегия, учитывающая тип лексической единицы, наличие визуального контекста, степень известности реалии и коммуникативную ситуацию. Для наименований праздников и обрядов оптимальна комбинированная стратегия, для названий еды и предметов быта — функциональные аналоги с уточнением или транскрипция при наличии визуального ряда, для обозначений народных развлечений – калькирование или функциональные аналоги, для фразеологизмов – поиск идиоматических соответствий в языке перевода.

Список использованной литературы

1. Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учебное пособие. – Москва: 2022. – 240 с.

2. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 174 с.
4. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учебник и практикум для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 387 с.
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Песина, С. А. Теория перевода: учебник. – Москва: 2023. – 300 с.
7. Селифонова, Е. Д. Переводческие технологии при работе с фразеофондом / Е. Д. Селифонова // Дополнительное профессиональное образование в системе подготовки конкурентоспособного специалиста на рынке труда, Брянск, 18–19 ноября 2011 года. – Брянск: Десяточка, 2011. – С. 322-326.

УДК 81'246.3

Кацевич А.В., студентка 2 курса

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И НОРМАТИВНОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ В ЭПОХУ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Научный руководитель: **Е.Е Рудь,** старший преподаватель

Донской государственный технический университет

Аннотация. Исследование посвящено изучению влияния нецензурной лексики на сохранение культурной и нормативной составляющей русского языка в современном обществе. С помощью метода отбора и анализа рассматриваются исторические аспекты возникновения и распространения ненормативной лексики, а также ее современное распространение и восприятие обществом. Подчеркивается необходимость принятия мер по предотвращению дальнейшей деградации языка, предлагаются образовательные и воспитательные меры, направленные на повышение уровня самосознания и культуры речи.

Ключевые слова: русский язык, нецензурная лексика, мат, литературный язык, брань

Katsevich A.V., Bachelor Course student, 2 year

PRESERVING THE CULTURE AND NORMATIVITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN A CHANGING WORLD

Scientific supervisor: **E.E Rood,** Senior Lecturer

Done State Technical University

Abstract. The study focuses on the impact of profanity on the preservation of the cultural and normative aspects of the Russian language in modern society. It examines the historical origins and spread of profanity as well as its current prevalence and perception by society. The study emphasizes the need for measures to prevent further degradation of the

language, suggesting educational and cultural initiatives aimed at raising awareness and improving speech culture.
Keywords: Russian language, profanity, literary language, swearing

Социальные явления в обществе неизменно влияют на все его сферы. Первое, где находят отражения такие явления, – это язык во всех его проявлениях и составляющих. Общество состоит из отдельных индивидов и каждый по-своему проявляет реакции на процессы происходящие в нем. Все реакции трансформируются в виде эмоции и чувств, которые передаются в языке. Одной из самых эмоциональных черт языка является нецензурная (ненормативная) лексика. В наше время, время больших потрясений в обществе и пересмотра устоявшихся догм, мы все чаще и чаще используем данную лексику, засоряя нашу речь и язык, но важно понимать, что она не появилась просто так.

За последние 30 лет люди стали использовать нецензурную лексику чаще, согласно опросу ВЦИОМ увеличилось на 70 процентов. Это представляет собой серьезную проблему для языка, решение которой является одним из актуальных вопросов в современной лингвистике. В данном исследовании предпринята попытка проследить историю возникновения нецензурной лексики, определить ее положительные и отрицательные черты, предложить возможные варианты решения проблемы.

Ненормативная лексика представляет собой чрезвычайно грубые и оскорбительные для слушателя слова, и выражения, распространенные среди людей и, чаще всего, находится за гранью носителей литературного языка.

По мнению большинства сторонников русского языка этот языковой феномен не должен проникать в литературный язык. Составной частью ненормативной лексики считается мат – наиболее грубая, обесценная разновидность ненормативной лексики в русском языке.

В языке, как и в жизни, есть место для всего – от высокопарных слов до грубых выражений. Нецензурная лексика в русском языке – это не просто набор ругательств, а целая система, способная передавать широкий спектр эмоций и настроений. В русском языке нецензурные слова имеют глубокие исторические корни и разнообразные функции.

Чтобы понять откуда появилась нецензурная брань в нашем мире сегодня, нужно обратиться к истории. Мат в России всегда считался под запретом и до 1917 года это было связано с религией и моралью. До 1917 года считалось, что люди, использующие нецензурную брань, относились к низшему классу [1]. Женщинам вообще запрещалось использовать такую лексику. Была такая версия, что, если женщина использует нецензурную брань, она перехватывает себе мужские гормоны и теряет свою женственность. Мужчинам разрешалось использовать нецензурную брань только раз в год и только в случае, когда невозможно было подобрать такие слова. В начале 18-го века на Руси появился мат, носящий исключительно

отрицательный характер. Термины, которые мы сегодня воспринимаем как ругательства, таковыми не считались.

Существует очень много теорий о том, как появился русский мат. Одной из самых популярных теорий является татаро-монгольское нашествие, но это не так. На самом деле обсценная лексика существовала на Руси задолго до прихода Золотой Орды [4]. В русском языке обесценные слова, которые мы сегодня называем матом, исторически не являлись словами запретными или табуированными. Они восходят к очень древним словам, которые на предыдущих этапах развития нашего языка обозначали вполне мирные явления. Другая теория говорит о том, что не существует нехороших и хороших слов. Отрицательный оттенок значения имеющимся словам придавала сама культурная реальность. Так слово «подонок» изначально означало осадок на дне сосуда. В процессе культурно-истерического развития люди наделили его отрицательным значением.

Матерные слова встречаются еще в берестяных грамотах 11-12 веков [3]. Соответственно, можно сделать вывод, что все матерные слова – исконно русские и люди использовали мат даже в те далекие времена. Во-вторых, о том, что русские активно использовали мат, свидетельствуют берестяные грамоты XII-XIII веков, найденные в Новгороде. На грамоте из Новгорода № 955 (XII век) – письмо от свахи к Марене, знатной даме. Сваха Милуша пишет, что пора бы Большой Косе (видимо, дочери Марены) выходить замуж за некого Сновида и прибавляет: «Пусть в***е и к***р пьют». Аналогичный текст встречается в народных частушках, и в устах свахи это – пожелание, чтобы свадьба состоялась. Самая достоверная гипотеза русского мата связана с язычеством славян, вся матерная лексика возникла с первобытной магией плодородия, в которой детородным органам придавалась культовое значение, а половой акт возводился в ранг священного действия. Подобная лексика являлась аналогом заговоров на зачатие. Под влиянием церкви этот пласт лексики и начал становиться «запретным». Но собственно полное табу на использование этих слов в «приличном» обществе было наложено только с появлением государственной цензуры в печати в конце XVIII века. Тогда в принципе возникло разделение на цензурные и нецензурные слова и во вторую категорию попал и мат, став «непечатным». А вот по-настоящему жуткой бранью считались, казалось бы, обычные выражения. Вроде «пес смердящий» или «собачья кровь». Это сегодня лающие четвероногие – братья наши меньшие, а раньше к ним относились как к грязным животным, даже на порог дома не пускали! Таким же похабным нарекалось и все грешное – воровство, убийство, блуд.

Многие слова приобрели неприличный оттенок значения при непосредственном воздействии самих людей. Например, слово, обозначавшее мужской половой орган, с древнерусского обозначало «крест», а глагол «похерить» использовался в значении «перечеркнуть крест на крест». Сейчас это слово пока не входит в разряд матерных, но уже активно приближается к этому. Другое слово, которым называют дам с

пониженной социальной ответственностью имеет свою историю. В русском языке было слово «блудить», что значило «плутать, сбиться с пути». Со временем оно под воздействием религиозных учений перешло в разряд неприличной лексики и от него образовалось существительное ненормативной лексики, которое запрещено к употреблению в литературном языке. В русском языке также используются слова из других языков и не всегда в правильном значении [5].

В 2025 году в России утвердили новый «Толковый словарь современного русского литературного языка» в качестве одного из нормативных справочников, где зафиксированы нормы использования русского языка в качестве государственного. В нем указаны все лексические единицы, которые разрешены и запрещены к применению в СМИ. В справочник были добавлены слова, которые теперь принято считать нецензурной лексикой.

Существует ряд причин использования нецензурной лексики. По мнению ученых нецензурную лексику употребляют для выражения эмоции, для выплеска негатива. При этом зачастую, когда люди используют мат, то они показывают сильные переживания, которые иногда сопровождаются повышенным потоотделением или сердцебиением. В данном случае трудно подобрать другую такую же лексическую единицу, которая так адекватно могла бы передавать столь сильные переживания и заменить мат, помогающий справляться с избытком чувств и эмоций. Следовательно, мат в виде чрезмерно насыщенной эмоциональным потенциалов экспрессивной единицы играет важную в психологическом значении роль: разряжает эмоции и отражает общий фон эмоциональной напряженности ситуации, в которой находится человек. Однако, при злоупотреблении мата эффект разрядки исчезает.

Другая причина использования ненормативной лексики – это снижение интенсивности физической боли. Согласно мнению ученых мат повышает болевой порог и улучшает переносимость боли, способствуя выработки эндорфинов, естественных анальгетиков. Однако, как и в случае с выплеском эмоций, обезболивающий эффект сходит на нет при постоянном использовании мата.

Эмоциональная «встряска» мата в виде контраста с литературным языком автоматически приковывает внимание слушателей, активируя зоны мозга, связанные с обработкой эмоций и стрессом. В результате информация запоминается лучше, повествование кажется более ярким, привлекающим внимание собеседника. Нецензурная лексика выполняет коммуникативные функции, что проявляется в создании неформального контекста между собеседниками на межличностном уровне. Этим пользуются отдельные блогеры социальных сетей. Однако, опять, при избытке такой лексики результат общения может сменить вектор от доверительного до совершенно противоположного: отталкивающего и враждебного.

Главный вред от мата заключается не только в том, что он неприятен на слух, а еще и становится подменой обычных слов в языке. Он не дополняет, а заменяет их. Согласно гипотезе лингвистической относительности мы знаем, что язык способен влиять на наше мышление, которое в свою очередь определяет язык. Нецензурная брань находится за пределами национального языка, но чем больше мы используем нецензурную лексику, тем больше вероятности, что она войдет в границы национального языка и сможет вытеснять литературный язык.

Одним слово, ситуация критическая. Есть опасность того, что нецензурная лексика может стать неотъемлемой частью литературного языка. На этом фоне следует обратить внимание на отрицательные стороны такой лексики.

Ученые Российской академии наук выяснили, что при помощи словесных мыслеобразов человек созидает или разрушает свой наследственный аппарат. Добрые слова пробуждают резервные возможности генетического аппарата, а ненормативная лексика вызывают мутации, ведущие к вырождению. Таким образом любое произнесенное слово представляет собой генетическую программу нашей будущей жизни и наших потомков.

Группа ученых под руководством доктора биологических наук И.Б. Белявского доказали, что те, кто использует мат постоянно живут намного меньше, чем те, кто не сквернословит, потому что в их клетках очень быстро наступают возрастные изменения и проявляются различные болезни.

Использование ненормативной лексики свойственно неуверенным в себе людям. Грубость позволяет им скрыть собственную уязвимость и защищает их. Подобная лексика свидетельствует о духовной болезни человека. Ведь слово – не просто набор звуков, выражающих мысль. Оно способно очень многое рассказать о нашем душевном состоянии.

Иными словами, использование нецензурной лексики ведёт к искажению национального языка и, как следствие, к вырождению нации. Следовательно, необходимо принять ряд мер направленных на ужесточение мер применения нецензурной лексики, а именно: развивать человека в духовном и культурном плане; каждому члену общества стоит включать внутренний контроль, позволяющий подбирать эквиваленты ненормативной лексике; применять методы контроля в виде дыхательных упражнений и счета; выступать за постепенный запрет использования нецензурной лексики в СМИ, в публичных выступлениях видных государственных деятелей, представителей государственного аппарата, судебных и законодательных органов; способствовать здоровому и счастливому формированию общества, опираясь на богатый литературный язык. В качестве лингвистической составляющей предлагается разработать словарь эффективных эквивалентов ненормативной лексики.

Список использованной литературы

Ссылки на печатные источники

1. Ковалев, Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния / Г. Ф. Ковалев // Российский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 175-196. – DOI 10.15643/libartrus-2021.3.4.
2. Сорокина, Л. П. Актуальные проблемы русского языка и культуры речи. Ненормативная лексика - все аргументы против // Наука, образование и культура. 2016. №12 (15). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-russkogo-yazyka-i-kultury-rechi-nenormativnaya-leksika-vse-argumenty-protiv (дата обращения: 09.11.2025).

Ссылки на электронные ресурсы

3. Дилетант.MEDIA. Статья [Электронный ресурс] – URL: https://diletant.media/articles/27886759/ (дата обращения: 07.11.2025).
4. Яндекс Дзен. Публикация [Электронный ресурс] – URL: https://dzen.ru/a/aLV_sI6to35Jizj_ (дата обращения: 06.11.2025).
5. BigPicture.ru. История мата: откуда взялся мат, история русского мата и кто матерится больше всего в мире [Электронный ресурс]. – URL: https://bigpicture.ru/istoriya-mata-otkuda-vzyalsya-mat-istoriya-russkogo-mata-i-kto-materitsya-bolshe-vsego-v-mire (дата обращения: 06.11.2025)
6. Lenta.ru. Bad words [Электронный ресурс] – URL: https://lenta.ru/articles/2025/06/10/badwords (дата обращения: 06.11.2025).
7. RBC. Новость [Электронный ресурс] – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68d3b2559a794712d9e3c3cd (06.11.2025).

811.111'367

Краснощёкова А.М., студентка 3 курса

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА (ПРИЧАСТИЙ И ГЕРУНДИЯ) (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р. БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»)

Научный руководитель: **Е. А. Гончарова,** кандидат филологических наук, доцент
Пятигорский Государственный Университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию синтаксических функций причастий и герундия в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Цель работы заключается в выявлении взаимосвязи между грамматическими формами и их художественными функциями в создании психологической глубины персонажей. Методология включает синтаксический и функционально-семантический анализ. Установлено, что Р. Брэдбери системно использует причастия для психологизации нарратива, а герундий — для передачи темы отчуждения. Результаты исследования значимы для лингвостилистики и теории перевода.

Ключевые слова: герундий, причастие, глагол, форма глагола, синтаксическая функция.

Krasnoshchekova A.M., Bachelor Course student, 3rd year

STUDY OF NON-FINITE VERB FORMS (PARTICIPLES AND GERUNDS) (BASED ON THE WORK BY R. BRADBURY «FAHRENHEIT 451»)

Scientific supervisor: **E. A. Goncharova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Pyatigorsk State University

Abstract. This article examines the syntactic functions of participles and gerunds in Ray Bradbury's novel Fahrenheit 451. The study aims to uncover the connection between these grammatical forms and their artistic role in conveying character psychology. The methodology combines syntactic and functional-semantic analysis. The findings reveal that Bradbury systematically uses participles to psychologize the narrative, while gerunds are often linked to the theme of alienation. The results are significant for the fields of linguistic stylistics and translation theory.

Keywords: gerund, participle, verb, verb form, syntactic function

Необходимость проведения исследования заключается прежде всего в исследовании трудности понимания пар Participle I – Gerund, Participle II – Past Simple (правильных глаголов) при переводе, выявления индивидуального авторского кода Рэя Брэдбери.

В данной статье рассмотрено использование причастий и герундия в произведении Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Объектом исследования являются неличные формы глагола в художественном тексте. Предмет исследования – синтаксические функции причастий и герундия и их роль в создании художественных образов и передаче идейного содержания романа. Часто возникают трудности при переводе. Возникновение проблем с точным переводом обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, сходство форм Participle I, Gerund и Participle II с глаголами Past Simple создает трудности в их понимании. Во-вторых, при работе с этими глагольными формами (Participle I, Participle II, Gerund) необходимо учитывать их различные функции в предложении. В-третьих, отсутствие аналогов этих глагольных форм в двух языках усложняет процесс перевода [1, с. 81], [2, с. 150]. Анализ проводился с помощью исследования и определения синтаксических функций неличных форм глагола в тексте.

В исследовании рассмотрена синтаксическая функция, являющаяся системным элементом стиля Рея Брэдбери, непосредственно участвующая в создании антиутопического повествования. Выявленные синтаксические функции порождают ряд устойчивых переводческих проблем, решение которых напрямую влияет на адекватную передачу авторского замысла. Автор использует неличные формы глагола и как они воздействуют на восприятие читателя.

Результаты показывают, что герундий выполняет различные синтаксические роли, выступая как существительные действия, наречия образа действия, и другие грамматические средства. При этом изучение герундия важно для понимания английской грамматики и улучшения навыков перевода.

Анализ текстового пространства романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» выявил приблизительно 948 случаев употребления неличных форм глагола.

В такой научно-фантастической книге, как «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери причастия обладают большим потенциалом в аспекте передачи научно-технической информации. Автор довольно часто использует в своём произведении неличные формы глагола. И всегда они играют различные синтаксические функции. Независимый причастный оборот выполняет функцию обстоятельства в предложении и очень часто встречается в художественной литературе. Это наблюдение полностью подтверждается на материале романа Брэдбери. Например, в предложении: *«With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history». (Медный наконечник брандспойта зажат в кулаках, громадный питон изрыгает на мир ядовитую струю керосина, кровь стучит в висках, а руки кажутся руками диковинного дирижёра, исполняющего симфонию огня и разрушения, превращая в пепел изорванные, обугливщиеся страницы истории.)* мы видим два причастия – «spitting» и «playing», которые образуют распространенные определения. Причастие «spitting» превращает статичный образ питона-шланга в активную, угрожающую силу. Именно использование независимых причастных оборотов создает эффект "кинематографичности" повествования, позволяя совмещать несколько планов действия [4, с. 95], что характерно для стиля Брэдбери. В примерах «python spitting» и «conductor playing» причастия выполняют функцию определения, трансформируя статичные образы в динамичные и угрожающие действия. Форма причастия, в отличие от сказуемого в прошедшем времени, подчеркивает продолжительность, усиливая интенсивность восприятия. Метафора «дирижер, управляющий оркестром» через причастие «playing» акцентирует тему контроля над разрушением.

«He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house» (Он шагает в рое огненно-красных светляков, и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве,- сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом, они взлетают в огненном вихре, и чёрный от копоти ветер уносит их прочь.) В этом случае так же наблюдается причастие Participle 1, но уже стоящее перед определяемым словом – «the flapping pigeon». Снова это

метафора, и причастие «оживляет» её, демонстрируя «смерть» книг не как мгновенное исчезновение, а как процесс мучения.

В предложении: *«Killed jumping off buildings, yes, like Gloria's husband last week, but from wars?» (Убит прыжком со здания, да, как муж Глории на прошлой неделе, но не из-за войн?)* причастие играет роль обстоятельства причины. Это обстоятельство выражает процесс убийства в прыжке не как осознанный поступок кого-то, а почти как случайное обстоятельство смерти.

Так же в произведении наблюдаются обстоятельства образа действия и времени. *«He walked toward the comer, thinking little at all about nothing in particular» (Не думая ни о чём, во всяком случае, ни о чём в особенности, он дошел до поворота.)* Причастие «thinking» иллюстрирует сопутствующее, словно инстинктивное действие, которое тесно переплетается с глаголом «walked». Оно подчёркивает контраст между физическим движением и внутренним состоянием бездействия.

«His inner mind, reaching out to turn the corner for him, had heard the faintest whisper. » (Мысленно он уже был за углом – и уловил слабый шорох.) Причастие «reaching» создает эффект опережающего действия. Сначала подсознание “протягивается”, чтобы совершить физический поворот, и в этот самый момент оно успевает уловить шепот. Это подчеркивает сверхчувствительность, интуитивность восприятия Монтэга, которая в нем просыпается.

«She sagged away from him and slid down the wall, and sat on the floor looking at the books. » (Она отстранилась от него, сползла по стене и, усевшись на пол, уставилась на книги.) Слово «looking» показывает, что Милдред внимательно смотрит на книги. Она не просто сидит на полу, а смотрит на них испуганно и растерянно. Автор подчёркивает её тревогу и напряжение с помощью описания взгляда.

Обратимся вновь к приведенному выше предложению, содержащему причастия: *«…and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and…»*. В данном контексте особенно показателен пример употребления герундия после предлога of – *«of blazing and burning»*. Этот пример наглядно иллюстрирует ключевое формальное различие между герундием и причастием I в функции определения: герундий, в отличие от причастия, употребляется с предлогом [5, с. 124], [7, с. 120]. В конструкции *«of blazing and burning»* герундий после предлога представляет сами процессы горения как законченные абстрактные понятия. Противопоставление в метафоре “симфония огня и горения” совмещает разрушение и творчество, демонстрируя странную идеологию мира, где уничтожение книг представлено как возвышенный ритуал.

Много предложений, где герундий используется, как подлежащее. *«There was no understanding it. » (Понять это было невозможно.) «Understanding»* играет здесь роль подлежащего. Герундий «understanding» означает не сам процесс понимания, а именно способность осознавать и

воспринимать. Когда герундий становится главным словом в предложении, главная идея заключается в том, что герой никак не может постичь происходящее. Такая конструкция подчеркивает сложность ситуации и ощущение героя, который чувствует себя чужим в этом мире.

Другим примером служит предложение *«But now, tonight, he slowed almost to a stop. His inner mind, reaching out to turn the corner for him, had heard the faintest whisper. Breathing? Or was the atmosphere compressed merely by someone standing very quietly there, waiting? » (Сегодня же у поворота он так замедлил шаги, что почти остановился. Мысленно он уже был за углом — и уловил слабый шорох. Чье-то дыхание? Или движение воздуха, вызванное присутствием кого-то, кто очень тихо стоял и ждал?)* Так, отсутствие прямого аналога герундия в русском языке делает его перевод сложной задачей, требующей использования различных грамматических средств [3, с. 36]. Например, герундий «breathing» в контексте сверхчувствительного восприятия Монтэга теряет свою грамматическую определенность при переводе, хотя и сохраняет семантическую напряженность.

Брэдбери так же пользуется герундием, как отглагольными существительными. *«But cars started rushing by so quickly they had to stretch the advertising out so it would last. » (Но теперь автомобили несутся по дорогам с такой скоростью, что рекламы пришлось удлинить, а то бы никто их и прочитать не смог.) Писатель* использует не глагол *«to advertise»*, а существительное *«the advertising»*. Это грамматически превращает сам процесс передачи информации в конкретный, осязаемый объект, который можно «растянуть» (stretch out), как резину или жевательную конфету. Реклама мыслится как продукт или материал.

Особенно важно отметить, что использование герундиальных конструкций с пропозициональной семантикой придает высказываниям персонажей Брэдбери динамичность и эмоциональную насыщенность [6, с. 90]. Это ярко проявляется в реплике Монтэга: *«We've got to start somewhere here, figuring out why we're in such a mess, you and the medicine at night, and the car, and me and my work.» (Нам надо с чего-то начать, понять, почему мы в таком положении, — сказал Монтэг. — Ты и твои лекарства по ночам, и машина, и я, и моя работа.)* Герундий «figuring» обозначает длительный, сложный и болезненный процесс, показывающий самоанализ. Использование герундия вместо инфинитива подчеркивает, что речь идет не о простом начале, а о запуске продолжительного усилия.

«I'll chance turning in a substitute. » (А я рискну и сдам вместо себя другого.) Слово «turning» здесь обозначает опасный поступок, что-то вроде игры на удачу. Герундий показывает само действие, на которое решается герой. Эта структура подчёркивает его неуверенность и склонность к риску: он не просто предаст кого-то, а сознательно идёт на этот риск, делая всю ситуацию ненадежной и отчаянной.

Проведенное исследование синтаксических функций неличных глагольных форм в романе Рэя Брэдбери показало их определяющую роль в

формировании художественной индивидуальности произведения. Анализ подтвердил, что автор систематически и целенаправленно использует причастия и герундии для воплощения своего замысла. Многофункциональность причастий проявляется в построении повествования: в роли определения они оживляют описания, превращая статику в динамику, а в функции обстоятельства – раскрывают сложные психологические состояния персонажей, подчеркивая контраст между внешним действием и внутренним переживанием. Герундий, в свою очередь, служит для передачи ключевых идей: в функции подлежащего он представляет действие как абстрактное явление, а в роли дополнения подчеркивает протяженность и сложность психических процессов.

Исследование также выявило устойчивые трудности перевода, обусловленные отсутствием прямых грамматических соответствий, что вынуждает переводчика прибегать к иным стратегиям — синтаксической перестройке. Полученные результаты имеют практическую ценность для теории и практики перевода и лингвостилистического анализа художественных текстов.

Список использованной литературы

1. Алферова, Ю. И. Особенности перевода неличных форм глагола (причастий и герундия) при изучении английского языка для специальных целей (юриспруденция) / Ю. И. Алферова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 28 марта 2014 года / Омская юридическая академия. – Омск: Омская юридическая академия, 2014. – С. 81-86.
2. Гончарова, Е. А. Методика формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-логистов / Е. А. Гончарова // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2019. – № 12. – С. 147-153.
3. Ибрагимова Р.А., Зафарова З.А. Герундий в английском языке: морфологические аспекты // Stephanos. 2025. № 2 (70). - С. 33-38.
4. Нерсесян Г.Р., Гончарова Е.А. Опытность как один из базовых признаков концептосферы (на примере англоязычного научно-популярного педагогического дискурса) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 1. - С. 95-103.
5. Николаева, Е. В. Предикативные конструкции с использованием причастия и без в английском языке / Е. В. Николаева, М. А. Пономарева // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста : Сборник научных статей / Ответственные редакторы Н. В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. – С. 42-46.
6. Ухловская, А. Г. Герундий и герундиальные обороты в английском языке / А. Г. Ухловская // Актуальные вопросы и перспективы развития науки и образования : Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Минск, 29 ноября 2018 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. – Минск: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2018. – С. 90-95.
7. Ширяева Т.А., Гончарова Е.А. Свойства сетевой коммуникации как основы нового формата профессионального общения // Научная мысль Кавказа, 2023. – № 2 (114). - С. 117-125.

УДК 81'373.46

Кретинин М. А., магистрант 2 курса

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ DUNGEONS & DRAGONS 5E)

Научный руководитель: **Е.Д. Селифонова,** кандидат филологических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматриваются особенности культурной адаптации flavor-текста в настольных ролевых игр. Изучаются два популярных перевода НРИ Dungeons & Dragons пятой редакции, официальный, издательства HobbyWorld, и фанатский, студии Phantom. Анализируются стратегии культурной адаптации двух переводов на основе теории скопоса. Выделяются характерные особенности переводов, выводятся их скопос и переводческие стратегии.

Ключевые слова: настольная ролевая игра, НРИ, Dungeons & Dragons, D&D, культурная адаптация, локализация, скопос, лингвистический анализ.

M.A. Kretinin, Master Course student, 2nd year

SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF CULTURAL ADAPTAION IN THE TRANSLATION OF TABLETOP ROLE-PLAYING GAMES (BASED ON THE DUNGEONS & DRAGONS 5TH EDITION)

Scientific supervisor: **E.D. Selifonova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article touches upon the cultural adaptation features of tabletop role-playing games (TTRPGs). Two most popular translations of Dungeons & Dragons 5th edition are studied: the official one by HobbyWorld publisher and the fan translation by Phantom studio. The cultural adaptation strategies of the two translations are analyzed based on the skopos theory. The key features of both translations are identified, and their respective skopos and translation strategies are examined.

Keywords: table-top role-playing game, TTRPG, Dungeons & Dragons, D&D, cultural adaptation, localization, skopos, linguistic analysis.

Настольные ролевые игры, также известные как НРИ или TTRPG (от tabletop role-playing games), переживают свой ренессанс на фоне популярности вдохновленных им компьютерных игр и множественных отсылок в поп-культуре. Сегодня это не просто развлечение, а настоящий феномен, не только социокультурный, но и лингвистический. Суть подобных игр заключается в коллективном сторителлинге: ведущий закладывает фундамент истории, описывает мир и его персонажей, а игроки

взаимодействуют с миром мастера, управляя своими персонажами. Как и любая другая игра, НРИ работают по своим правилам, которые обычно излагаются в целых книгах – книгах правил, также называемых «рулбуками».

Несмотря на то, что подобные игры существуют на стыке между литературным и инструктивным дискурсом, поскольку в равной мере обладают элементами и того, и другого [2], важную роль играют атмосферные, литературные описания (так называемый *flavor text*). Его важность заключается в том, что игрок начинает свое приключение именно с книги правил, где он может познакомиться с особенностями игровых рас, классов и предысторий, чтобы выбрать, что ему по душе. Поэтому адекватная культурная адаптация художественного текста и правильная передача его семантических и синтаксических особенностей является ничуть не менее важной задачей для переводчика, чем перевод «механического» текста игры. Соответственно, это требует от переводчика выбора подходящей стратегии культурной адаптации.

В данной научной статье мы рассмотрим два самых популярных перевода «Книги игрока» самой популярной на данный момент настольной ролевой игры Dungeons & Dragons (далее – D&D) пятого издания, а именно официальный, издательства и дистрибьютора HobbyWorld (далее – HW) 2019 года, подготовленного переводчиком Александром Гагинским, и неофициальный фанатский перевод от студии Phantom 2016 года, над которым трудились более двадцати фанатов игры во главе с Алексеем Беловым (Landor), а также текст первоисточника (Player’s Handbook, 2014 г.).

Целью данной работы является анализ выбранных переводов «Книги игрока» D&D с целью выявить различия в выборе стратегии культурной адаптации оригинала.

Вопросами культурной адаптации иностранного текста занималось множество лингвистов, такие как В. Н. Комиссаров, Ю. Найда, С. Влахов, О. В. Петрова и другие. Они рассматривали культурную адаптацию с разных сторон: как конкретный переводческий прием (в узком смысле), так и как способ достижения коммуникативного эффекта, соотносимого с оригиналом (в широком смысле) [1, с. 195-197].

В данной работе мы будем определять культурную адаптацию как преобразование исходного текста для максимально доступного его восприятия реципиентами-носителями другой культуры с целью достижения равенства коммуникативных эффектов в исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ). При том переведенный текст должен восприниматься носителем ПЯ как понятный и отражающий национальный колорит «чужой» культуры, но при этом не ассоциирующийся с родной национально-культурной средой [5].

Чтобы правильно выбрать оптимальную стратегию перевода, лингвисты могут обратиться к теории скопоса, представленной немецкими лингвистами Гансом Вермеером, Катариной Райс и Кристианом Нордом.

Данная теория основывается на идее, что определяющим фактором в выборе стратегии переводчиком являются цель и адресат перевода, исходя из которых переводчик уже самостоятельно выбирает стратегию с поправками на экстралингвистические аспекты, в том числе культурный. Такой подход также допускает возможность существования нескольких переводов одного и того же текста [6].

Говоря о переводе «Книги игрока» D&D, мы можем предположить, что оба существующих перевода обращена к разным адресатам. Это подтверждается также самим фактом равноценного существования двух разных переводов, что допускается в теории скопоса.

Рассмотрим стилистические особенности двух переводов на примере художественного описания игровой расы «Дварф», или *Dwarf*, и сравним с оригиналом (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение художественного описания расы «Дварф» (*Dwarf*)

Оригинал	HobbyWorld	Phantom
***Kingdoms rich in ancient grandeur**, **halls** carved into the roots of mountains, the echoing of picks and hammers in deep mines and blazing forges, a commitment to clan and tradition, and a burning hatred of goblins and orcs – these common **threads** unite all dwarves* [8, с. 18].	***Величественные древние царства**, **залы**, вытесанные в глубинах гор, эхо от кирок и молотов, разносящееся по шахтам и пылающим кузням, верность клану и традициям, ненависть к гоблинам и оркам – вот общие **корни** каждого дварфа* [3, с. 18].	***Полные древнего величия королевства** и вырезанные в толще гор **чертоги**, удары кирок и молотков, раздающиеся в глубоких шахтах и пылающий кузнечный горн, верность клану и традициям и пылающая ненависть к гоблинам и оркам – вот **вещи**, объединяющие всех дварфов* [4, с. 18].

В обоихпереводах мы можем увидеть явные стилистические различия, например, в переводе слова, например, самое первое выражение *Kingdoms rich in ancient grandeur*… В то время, как перевод HW использует стилистически-нейтральный перевод «Величественные древние царства», Phantom переводит эту фразу более дословно, но и более литературно: «Полные древнего величия королевства». Кроме того, мы можем обратить внимание на перевод слова *halls*: HW дает такой же нейтральный перевод «залы», в то время как Phantom прибегает к слову «чертоги», поэтическому, высокого стиля. В свою очередь в выражении *these common threads unite all dwarves* можно обратить внимание, что HW применяет функциональную замену метафоры *threads* (дословно «нити») на «корни», что удачно

вписывается в образ горного народа дварфов, тогда как Phantom приводит функциональную замену и переводит как «вещи».

Так, мы можем обратить внимание на то, что Phantom, используя архаичную, поэтическую и книжную лексику, стремится к сохранению возвышенного регистра оригинала и таким образом создает «иммерсию», в то время как HobbyWorld использует более простую лексику, но смелее адаптирует метафоры.

Аналогично мы можем рассмотреть художественное описание игрового класса «Колдун», или *Warlock* (см. табл. 2).

Таблица 2. Сравнение художественного описания класса «Колдун» (*Warlock*)

Оригинал	**HobbyWorld**	**Phantom**
Warlocks are seekers of the knowledge that lies hidden in the fabric of the multiverse... warlocks unlock magical effects both ***subtle*** *and* ***spectacular****. Drawing on the ancient knowledge... warlocks piece together arcane secrets to bolster their own power* [8, с. 105].	*Колдуны – те, кто ищет знание, скрытое в самой ткани мультивселенной. Они заключают договоры... чтобы овладеть магией,* ***сколь тайной, столь и впечатляющей****. Они черпают древнее знание... и увеличивают свою силу с помощью тайной магии* [3, с. 84].	*Колдуны – искатели знаний, что скрываются в ткани мультивселенной. Через договор... колдуны открывают для себя магические эффекты,* ***как едва уловимые, так и впечатляющие воображение.*** *Колдуны подпитывают свои силы древними знаниями...* [4, с. 105].

В данном случае Phantom предлагает довольно развернутый, литературный перевод: выражения «едва уловимые» и «впечатляющие» довольно точно передают значения *subtle* и *spectacular* соответственно. В свою очередь, HW прибегает к интерпретирующей замене *subtle* на «тайный». Это не прямой перевод, но в контексте мистической атмосферы колдуна логичная адаптация. Можно в целом отметить, что Phantom синтаксически следует за структурой предложений оригинала, в то время как HW чаще дробит и перестраивает предложения, или пользуется более лаконичными конструкциями, например «сколь..., столь и...», чтобы добиться более легкого восприятия при чтении.

Наконец, рассмотрим предысторию для персонажа «Шарлатан» (*Charlatan*), где различия между переводами проявляются ярче всего (см. табл. 3).

Таблица 3. Сравнение художественного описания предыстории «Шарлатан» (*Charlatan*)

Оригинал	HobbyWorld	Phantom
You know ***what makes them tick****... with a few leading questions you can read them like they were children's books... Common sense should steer people away from* ***things that sound too good to be true****, but common sense seems to be in short supply when you're around* [8, с. 128].	*Вы знаете* ***их тайные желания****... вы можете прочесть их, как детскую книгу... Здравый смысл должен был подсказать им... а* ***бесплатный сыр бывает только в мышеловке****. Но здравый смысл умолкает там, где появляетесь вы* [3, с. 140].	*Вы понимаете,* ***что ими движет****... вы уже читаете их словно книжки, написанные для детей... Чувство здравого смысла должно заставлять людей держаться подальше от тех вещей,* ***которые слишком хорошо звучат, чтобы быть правдой****. Но здравый смысл куда-то улетучивается, когда вы неподалёку* [4, с. 128].

При переводе выражения *what makes them tick* Phantom находит точный идиоматический эквивалент «знать, что ими движет», в то время как HobbyWorld вновь прибегает к упрощению: «знать тайные желания». Такой вариант кажется более узким, чем вариант Phantom, однако данное выражение хорошо вписывается в образ шарлатана. Однако если при переводе выражения *things that sound too good to be true* Phantom дословно калькирует как «слишком хорошо, чтобы быть правдой», HobbyWorld применяет полную культурную адаптацию: переводчик заменил английскую идиому на исконно русскую пословицу с тем же смыслом.

Суммируя этот и предыдущие примеры, мы можем сделать вывод, что, согласно теории Лоуренса Венути [7], перевод HobbyWorld активно пользуется стратегией доместикации, или «одомашнивания» текста, которая предполагает приближение исходного текста к культурным особенностям реципиента: наиболее ярко это выражается в примере с «бесплатным сыром» и передачу смыслов через более нейтральные обороты (например, «Величественные древние царства» вместо «Полные древнего величия королевства»). В свою очередь, перевод Phantom чаще пользуется стратегией форенизации, или «отчуждения», которая предполагает осознанное сохранение стилистических особенностей оригинала: как правило, это выражается не в непосредственно самой лексике, а именно в сохранении возвышенного регистра первоисточника через архаичную книжную лексику (например, «чертоги» вместо «залы») и через близкий к

оригиналу синтаксис (например, перевод выражения *too good to be true* калькой как «слишком хорошо, чтобы быть правдой»).

Наконец, теория скопоса позволяет нам сделать вывод, что оба перевода в самом деле пользуются разными переводческими стратегиями исходя из обращения к разным адресатам: HobbyWorld предоставляет коммерческую и адаптивную локализацию, потому что для издательства главная цель – сделать перевод максимально увлекательным и понятным для широкой русскоязычной аудитории, тем самым достигая динамической эквивалентности. Это выражается через нейтрализацию синтаксиса, более простую интерпретацию семантически сложных оборотов и культурную адаптацию англоязычных идиом, то есть через стратегию доместикации.

В свою очередь, переводчики Phantom стремятся достоверно передать не только смысл, но и синтаксис, стиль и лексические особенности оригинала путем стилистической форенизации, жертвуя более гладкими для русского языка формулировками, но сохраняя возвышенную литературную лексику, таким образом стремясь к формальной эквивалентности. Иными словами, если перевод HW ориентирован на снижение порога входа для новых игроков, то перевод Phantom остается верен первоисточнику, что скорее всего понравится более опытным игрокам.

Этот вывод косвенно подтверждается особенностью верстки переводов: в то время как версия HobbyWorld выстраивает разделы книги в алфавитном порядке там, где это необходимо для удобства конечного потребителя, версия Phantom копирует структуру книги вслед за оригиналом.

Таким образом, проведенный анализ двух русскоязычных переводов пятого издания «Книги игрока» Dungeons & Dragons от издательства HobbyWorld и студии Phantom демонстрирует, что оба перевода пользуются целостными и последовательными стратегиями культурной адаптации исходя из своего скопоса. Перевод издательства HobbyWorld следует стратегии доместикации, обусловленной скопосом коммерческой локализации для максимально широкой аудитории. В то же время фанатский перевод студии Phantom реализует стратегию стилистической форенизации, придерживаясь духа первоисточника. Данное исследование подтверждает, что в выбранной теме не существует одного единственного достоверного перевода, а его адекватность определяется конечным реципиентом перевода.

Список использованной литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. Кретинин, М. А. К вопросу о дискурсе текста английских настольных ролевых игр / М. А. Кретинин // Филология и лингводидактика: взгляд молодых исследователей : Материалы Всероссийской студенческой конференции с международным участием,

Брянск, 24–25 апреля 2025 года. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. – С. 199-203.

3. Настольная ролевая игра Dungeons & Dragons. Книга игрока / Джереми Кроуфорд; пер. с англ. А. Гагинского. – Москва: Мир Хобби, 2019. – 320 с.

4. Настольная ролевая игра Dungeons & Dragons. Книга игрока / Джереми Кроуфорд; пер. с англ. студии Phantom. – 2016. – 326 с.

5. Орлова, А. А. Национально-культурная адаптация в процессе перевода (на материале текстов художественного и публицистического стилей) / А. А. Орлова // Язык. Культура. Коммуникация. – 2016. – № 1(19). – С. 66-71.

6. Тимчук, С. В. Использование скопос-теории для перевода научного текста / С. В. Тимчук, Г. А. Шушарина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2021. – № 4(52). – С. 69-73. – DOI 10.17084/20764359-2021-52-69.

7. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London ; New York : Routledge, 1995. – 353 с.

8. Wizards of the Coast. Dungeons & Dragons Player's Handbook. – 5-е изд. – Renton, WA : Wizards of the Coast, 2014. – 320 с.: ил.

УДК 81`25.01

Кривошеева О.Г., студентка 2 курса

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В XXI ВЕКЕ

Научный руководитель: **Н.В. Акинина**, кандидат педагогических наук, доцент

Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития теории перевода в XXI веке под влиянием глобализации и цифровых технологий. Цель работы – выявить ключевые тенденции и изменения, происходящие в современном переводоведении. В исследовании используются аналитический и сравнительный методы, позволяющие проследить влияние технологического прогресса и междисциплинарных подходов на понимание перевода. Новизна статьи заключается в осмыслении роли переводчика в условиях цифровой эпохи и в определении направлений дальнейшего развития теории перевода.

Ключевые слова: теория перевода, эволюция, переводоведение, цифровизация, искусственный интеллект, глобализация, межкультурная коммуникация.

Krivosheeva O.G., Bachelor Course student, 2nd year

EVOLUTION OF TRANSLATION THEORY IN THE 21ST CENTURY

Scientific supervisor: **N.V. Akinina,** Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor

Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University

Abstract: The article examines the features of the development of translation theory in the 21st century under the influence of globalization and digital technologies. The purpose of the work is to identify the key trends and changes occurring in modern translation studies. The study uses analytical and comparative methods to trace the impact of technological progress and interdisciplinary approaches on the understanding of translation. The novelty of the article lies in the reflection on the role of the translator in the digital era and in identifying the directions for further development of translation theory.

Keywords: translation theory, evolution, translation studies, digitalization, artificial intelligence, globalization

Эволюция теории перевода в XXI веке представляет собой сложный и многоплановый процесс, отражающий изменения, происходящие в современном обществе, науке и технологиях. Перевод сегодня – это не просто передача информации с одного языка на другой, а форма межкультурного взаимодействия, инструмент глобальной коммуникации и способ интеграции в международное пространство. С начала XXI века переводоведение переживает новый этап развития, характеризующийся расширением теоретических подходов, усилением междисциплинарных связей и активным влиянием цифровых технологий.

Современный этап развития переводоведения связан с переосмыслением традиционных принципов, сложившихся в XX веке. Если раньше теория перевода базировалась преимущественно на лингвистических концепциях и категориях эквивалентности, то сегодня в центре внимания оказывается культурный, когнитивный и прагматический аспекты перевода. Лингвистические школы XX века, представленные работами Е. Найды, Ж. Вине, Ж. Дарбельне, Ю. Кэтфорда, В. Комиссарова, заложили основы системного анализа перевода как процесса межъязыковой трансформации. Однако с конца XX – начала XXI века научное сообщество осознало, что язык является лишь одним из компонентов сложной системы коммуникации, а успешный перевод невозможен без учёта социокультурного контекста, ментальных моделей и коммуникативных целей [3, с. 185].

В начале XXI века происходит переход от лингвистического к междисциплинарному подходу. Переводоведение интегрирует достижения когнитивной лингвистики, культурологии, семиотики, психолингвистики и

даже информатики. Такой синтез позволяет рассматривать перевод не только как процесс замены языковых единиц, но и как акт смыслового посредничества, где переводчик выступает не механическим передатчиком информации, а интерпретатором культурных смыслов. В этом контексте особое значение приобретает концепция скопоса, предложенная Г. Турием и И. Вермеером, согласно которой цель перевода определяет его стратегию и методы [1].

Огромное влияние на развитие переводоведения оказала цифровизация. XXI век стал временем стремительного внедрения технологий искусственного интеллекта, машинного и нейронного перевода. Современные системы, такие как DeepL или Google Neural Machine Translation, способны обеспечивать высокое качество автоматического перевода, что ещё несколько десятилетий назад казалось невозможным. Это привело к пересмотру многих теоретических постулатов и к появлению новых понятий, таких как постредактирование машинного перевода, интерактивный перевод, локализация и транскреация.

Технологический прогресс не отменил значение человеческого фактора, но изменил роль переводчика. Сегодня переводчик всё чаще выступает не как исполнитель, а как аналитик, редактор, консультант, способный интерпретировать текст в соответствии с культурными, прагматическими и коммуникативными потребностями аудитории. В связи с этим теория перевода включает в себя не только вопросы языковой эквивалентности, но и проблемы функциональности, целесообразности и адаптивности перевода [2, с. 115].

Помимо технологических изменений, XXI век ознаменовался и теоретическим расширением самого понятия перевода. Теперь перевод рассматривается не только в отношении письменных и устных текстов, но и в контексте мультимедийных форматов – кино, видеоигр, интернет-контента, социальных сетей. Возникает понятие медиаперевода, включающего субтитрование, дубляж, локализацию и адаптацию визуальных элементов. Такие формы требуют особых стратегий и теоретических моделей, которые учитывают не только языковой, но и визуальный, культурный и психологический аспекты коммуникации [4, с. 45-58].

Современные исследователи всё чаще обращаются к когнитивной теории перевода, изучающей процессы восприятия, обработки и воспроизведения информации в сознании переводчика. Перевод рассматривается как сложная ментальная деятельность, включающая внимание, память, прогнозирование и интерпретацию. Этот подход позволяет понять, каким образом переводчик принимает решения, выбирает эквиваленты и сохраняет смысл оригинала в новом культурном контексте.

Не менее важным направлением развития становится социокультурное и этическое измерение перевода. Переводчик в современном мире несёт ответственность не только за точность передачи смысла, но и за корректность культурного посредничества. Ошибки в

переводе могут привести к искажению восприятия культур, возникновению конфликтов и недопонимания. Поэтому в XXI веке особое внимание уделяется этике переводческой деятельности, вопросам объективности, уважения к культурным особенностям и сохранению аутентичности оригинала [5, с. 102].

Отдельного упоминания заслуживает феномен глобализации, который оказал существенное влияние на теорию перевода. В условиях постоянного межкультурного обмена перевод становится неотъемлемой частью глобальной коммуникации. Появление новых форм международного взаимодействия – научных, деловых, гуманитарных – требует гибких переводческих моделей, способных адаптироваться к многоязычной и мультикультурной среде.

Таким образом, теория перевода в XXI веке представляет собой динамично развивающуюся область, объединяющую гуманитарные и технологические знания. Её эволюция выражается в переходе от лингвистически ориентированных моделей к интегративным, где язык, культура и технология рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой системы.

Современный переводчик становится не только специалистом по языку, но и культурным медиатором, аналитиком, способным работать в цифровой среде. Это новое понимание переводческой деятельности требует пересмотра традиционных методов подготовки переводчиков и создания новых образовательных стандартов, ориентированных на междисциплинарность и цифровую грамотность.

В заключение можно отметить, что эволюция теории перевода в XXI веке отражает общие тенденции развития науки – интеграцию знаний, технологизацию и гуманизацию. Переводоведение становится не только наукой о языке, но и наукой о человеке, культуре и коммуникации в эпоху глобальных изменений. Технологические достижения не уничтожили, а наоборот, усилили потребность в человеческом участии в переводе, подчеркнув значимость интерпретации, эмпатии и культурного понимания. XXI век можно справедливо назвать эпохой синтеза – временем, когда традиционные принципы перевода соединяются с новыми возможностями, создавая основу для дальнейшего развития теории и практики переводоведения.

Список использованной литературы

1. Орлова, М.М. Электронные ресурсы и перевод: вопросы теории [Электронный ресурс]. – URL: http://www.example-journal.ru/translation2021 (дата обращения: 15.10.2025).
2. Петров, П.П., Сидорова А.А. Перевод и цифровые технологии: статьи / под ред. П.П. Петрова. – Санкт-Петербург: Изд-во «Просвещение», 2021. – 312 с.
3. Сдобников, В. В. Российское переводоведение в XXI веке. Проблемы и перспективы: монография / В. В. Сдобников. — Москва: ФЛИНТА, 2024. – 240 с.
4. Смирнов, С.С. Влияние глобализации на переводческую практику // Вопросы переводоведения. – 2020. – № 4. – С. 45-58.

5. Фёдоров, Ю.В. Межкультурная коммуникация и перевод: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – 176 с.

УДК 81’ 25

Колосков Д.Р., магистрант 2 курса

ПЕРЕВОД СРАВНЕНИЙ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ИЭНА СЕНТ-МАРТИНА “LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE”)

Научный руководитель: **Е.С. Храброва,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи сравнительных конструкций на примере романа Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade”. Впервые была предпринята попытка описания и классификации сравнений в оригинальном тексте анализируемого произведения, а также в двух его версиях на русском языке – любительском переводе (Ри) и профессиональном переводе (Г. Шокин). Анализ показал, что доминирующей переводческой трансформацией при переводе сравнений стало опущение.

Ключевые слова: сравнение, стилистический прием, художественный перевод, переводческие трансформации.

Koloskov D.R., Master Course student, 2nd year

TRANSLATION OF SIMILIES IN A SCIENCE FICTION TEXT (BASED ON THE NOVEL BY IAN ST. MARTIN “LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE")

Scientific supervisor: **E.S. Khrabrova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article examines the ways of rendering comparative constructions, using the novel *Lucius: The Faultless Blade* by Ian St. Martin as a case study. For the first time, an attempt was made to describe and classify similes in the original text of the analyzed work, as well as in its two versions in Russian – an amateur translation (Ри) and a professional translation (G. Shokin). The analysis showed that the dominant translational transformation in the translation of similes was omission.

Keywords: simile, stylistic device, artistic translation, translation transformations.

В художественной литературе сравнение является одним из наиболее распространенных стилистических приемов. В справочном источнике Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой сравнение определяется как «троп,

состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [4, с. 337].

С точки зрения О.С. Ахмановой, сравнения представляют собой «понятия равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящих выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [1, с. 449].

И.Р. Гальперин определяет сущность сравнения как стилистического тропа следующим образом: «Два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт, причем это сравнение получает формальное выражение <…> Обязательным условием для стилистического приема сравнения является сходство какой-нибудь одной черты при полном расхождении других черт» [3, с. 167-168].

По мнению М. Фуко, сравнение является самым универсальным и очевидным из всех существующих стилистических тропов. Однако, несмотря на его универсальность и очевидность, это и самый скрытый элемент, отражающий все богатство содержания текста [6, с. 66].

В определении И.Б. Голуб выделяется основная цель сравнения. С ее точки зрения, сравнение – это «сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [2, с. 150].

Сравнение также необходимо отличать от метафоры, другого широко распространенного стилистического приема. Основное различие между этими двумя тропами состоит в том, что сравнение открыто и формально указывает на сходство между двумя объектами, используя для этого специальные слова-маркеры (такие как *like, as, than, словно, как, будто*). Метафора же осуществляет такое уподобление скрыто, отождествляя один объект с другим без использования слов-маркеров. Таким образом, если сравнение лишь сопоставляет объекты, сохраняя их раздельность, то метафора их отождествляет, создавая более целостный и зачастую более субъективный образ.

Д.И. Довнор рассматривает художественную образность сравнения в литературе, подчеркивая, что его выбор определяется признаком, наиболее полно раскрывающим авторский замысел и мироощущение [5, с. 53].

Рассмотрим перевод сравнений в произведении Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade”. Это научно-фантастическая вселенная, выдержанная в эстетике «готического футуризма». Она изображает сороковое тысячелетие: человечество в составе Империума Человечества ведет борьбу с инопланетными цивилизациями, приспешниками темных божеств и иными смертельными угрозами. Книги данного цикла отличаются глубоким трагизмом и содержат размышления о вечных темах: долге и верности, жизни и смерти, религиозных убеждениях и человеческом бытие.

Выбор переводчиков Ru и Григория Шокина для анализа перевода книги Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade” обусловлен контрастом их профессиональных моделей. Ru представляет любительскую, фан-ориентированную практику с глубоким знанием вселенной Warhammer

40,000, тогда как Г. Шокин – профессионала с широкой жанровой палитрой. Это позволяет сопоставить подходы к терминологии, стилистике и эквивалентности: точность и каноничность против литературности и адаптации.

Отбор примеров для данного анализа был сосредоточен на начальных главах романа. Этот подход является методически оправданным, поскольку именно в экспозиции автор решает ключевую задачу по созданию устойчивой и достоверной картины мира в восприятии читателя. В научно-фантастическом произведении “Lucius: The Faultless Blade” сравнения выполняют важную функцию: они помогают адаптировать незнакомые, футуристические для читателя концепции, проводя параллели с известными читателю явлениями. Также сравнения усиливают эмоциональное восприятие и задают общую мрачную, готическую тональность повествования. Анализ сравнений, используемых на старте повествования, позволяет с наибольшей репрезентативностью оценить стратегии переводчиков по передаче исходной образности и атмосферы.

В качестве объекта анализа были выбраны следующие сравнения, являющиеся наиболее показательными с точки зрения передачи художественной образности:

1. *such joy as muted, distant things;*
2. *like hearing an echo, but never the true sound that had birthed it;*
3. *like the venomous sneer of Krysithius;*
4. *like hounds and vipers;*
5. *as if from beneath a layer of ice* (см. табл. 1).

Таблица 1. Перевод сравнений

Оригинальный текст	Перевод Ри (любительский перевод)	Перевод Григория Шокина (официальный перевод)
So now, he experienced sensations that had once brought him *such joy as muted, distant things*.	Так что теперь он испытывал ощущения, некогда доставлявшие ему *такую радость, отдаленно и приглушенно.* (замена части речи, опущение)	Теперь те ощущения, что ранее *ввергали его в радость, Хрисифию казались нечеткими и блеклыми…* (замена части речи, опущение)
It was *like hearing an echo, but never the true sound that had birthed it.*	Они походили на эхо, без истинного звука, породившего их. (замена части речи)	Теперь те ощущения … *походили на фальшивое эхо, не несущее в основе своей истинного звука.* (модуляция)
Like the venomous sneer of Krysithius, the disdain of the other former III Legion warriors for their surroundings was unambiguous. They danced past walls of bare	*Как и ядовитая усмешка Кризития,* презрение других бывших воинов III легиона выглядело весьма однозначным. (дословный перевод)	Ступая по настилу, бывшие воины III легиона всячески выказывали свое презрение. Хрисифий желчно склабился, другие выделывали непристойные па меж ободранных стен.

iron…		(опущение)
Like hounds and vipers they struck and cleaved at one another, brawlers against dancers.	Они кололи друг друга и избивали, как гадюки и гончие. (дословный перевод)	Они накидывались на врагов *с прытью гончих и гадючьей злобой*, вовлекая тех в буйный танец смерти. (модуляция)
Fresh pain surged over Krysithius' senses as his fused ribs shifted, scraping at the periphery of his senses *as if from beneath a layer of ice.*	Свежая боль захлестнула Кризития, когда его сросшиеся ребра раздвинулись, и заскреблась на задворках его чувств, словно из-под слоя льда. (дословный перевод)	Срощенные ребра разошлись, и явилась боль – робко скребясь где-то на дальних подступах к чувствам, дразня и подманивая. (опущение)

В первом примере *such joy as muted, distant things* оба переводчика прибегли к таким переводческим трансформациям, как замена части речи и опущение. В любительском переводе английские причастия *muted* и *distant* трансформированы на русский язык в наречия «*отдаленно*» и «*приглушенно*», что сохраняет семантику приглушенности ощущений, но утрачивает сравнительный характер высказывания. В официальном переводе причастия переведены на русский язык прилагательными «*нечеткие*» и «*блеклые*». В данном переводе также опущена сравнительная конструкция, однако синонимический ряд прилагательных в переводном варианте не только передает смысл оригинала, но и усиливает его образ. В обоих случаях переводчики опустили сравнительную конструкцию, чтобы адаптировать англоязычный стилистический прием к нормам русского языка. Тем самым перевод приятен и благозвучен на слух русскоговорящим читателям.

Во втором примере *It was like hearing an echo, but never the true sound that*

had birthed it переводчики использовали замену части речи и модуляцию. Так, Ри при переводе данного сравнения прибег к замене части речи. Словосочетание *like hearing* трансформировано на русский язык глаголом «*походили*». Г. Шокин использовал модуляцию: сравнение передано в переводе на русский язык через эпитет «*фальшивое эхо*» и развернутое пояснение «не несущее в основе своей истинного звука». Такая трансформация не просто передает смысл, а углубляет семантику, подчеркивая иллюзорность и неполноту восприятия, что соответствует общей атмосфере романа.

При переводе третьего сравнения *Like the venomous sneer of Krysithius* переводчики использовали как переводческие трансформации (опущение), так и дословный перевод. Так, Ри перевел данное сравнение дословно: «*Как и ядовитая усмешка Кризития*...». Выбор данной стратегии перевода не позволяет раскрыть образ в переводящем тексте. Г. Шокин опускает сравнительную конструкцию при переводе, заменяя ее динамичным описанием действий: «*Хрисифий желчно склабился, другие выделывали*

непристойные па...». Таким образом, переводчику удалось передать суть презрения, но не через сопоставление, как в оригинальном тексте, а через глаголы, описывающие действия персонажа.

Переводя четвертое сравнение *Like hounds and vipers*, переводчики, так же, как и в предыдущем примере, использовали и переводческие трансформации (модуляция), и дословный перевод. В любительском переводе данное сравнение переведено дословно: «*Они кололи друг друга и избивали, как гадюки и гончие*». Структура сравнительного оборота в оригинальном тексте при переводе на русский язык была сохранена, однако в переводящем языке сравнение потеряло ритмику и экспрессию. В официальном переводе данная конструкция была трансформирована через модуляцию: «*Они накидывались на врагов с прытью гончих и гадючьей злобой...*» Оригинальный текст был адаптирован при переводе, тем самым переводчик сохранил его смысловую и эмоциональную нагрузку.

При переводе пятого сравнения *as if from beneath a layer of ice* переводчики использовали и дословный перевод, и переводческую трансформацию опущение. Так, Ри перевел сравнение дословно: «*словно из-под слоя льда*». Данная стратегия перевода сохраняет исходный образ, но не добавляет выразительности в переводной текст. Г. Шокин опускает сравнение.

Анализ перевода сравнений показал, что во всех примерах переводчики прибегали к переводческим трансформациям. Были использованы: модуляция, опущение и замена части речи. Анализ частотности переводческих приемов показал, что переводчики чаще всего прибегали к опущению (33% случаев). С равной частотой (по 25%) использовались замена части речи и дословный перевод, в то время как модуляция оказалась наименее востребованным приемом (17%).

Сравнения в романе И. С. Мартина “Lucius: The Faultless Blade” играют ключевую роль в создании мрачной, гипертрофированно-экспрессивной атмосферы вселенной Warhammer 40 000. Их перевод требует не только точного воспроизведения смысла, но и сохранения образной и эмоциональной интенсивности оригинала. Официальный перевод демонстрирует более последовательное применение трансформаций, направленных на адаптацию иноязычного образа для русскоязычного читателя, тогда как любительский чаще тяготеет к буквальности, что снижает художественную выразительность.

Анализ переводов сравнений в романе Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade” демонстрирует принципиальное различие подходов двух переводчиков. Любительский перевод (Ри) ориентирован на буквальную передачу: преобладают дословные решения («*как гадюки и гончие*»), сохраняется исходная структура сравнительных оборотов даже при потере экспрессии, приоритет отдаётся точности терминологии и соответствию канону вселенной Warhammer 40000. В ряде случаев опускаются стилистические нюансы оригинала – например, в переводе «*such joy as muted, distant things*» утрачен сравнительный характер

высказывания («*отдалённо и приглушённо*»). Профессиональный перевод (Г. Шокин) нацелен на художественную адаптацию: активно применяются модуляции («*фальшивое эхо, не несущее в основе своей истинного звука*»), сравнения нередко заменяются динамичными описаниями действий («*Хрисифий желчно склабился, другие выделывали непристойные па...*»), вводятся дополнительные эпитеты для усиления эмоционального эффекта («*с прытью гончих и гадючьей злобой*»). Переводчик допускает опущения ради естественности звучания и сохранения общей атмосферы. Таким образом, Ри ориентируется на фанатов, ценящих канон, а Г. Шокин – на широкую аудиторию, для которой важнее литературное качество и погружение в мрачную атмосферу вселенной.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Рипол-классик, 1958. – 462 с.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 4-е изд. – Москва : Айрис-Классик, 2012. – 608 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва ; Минск : Книжный дом, 2003. – 832 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Довнор, Д. И. Современная русская литература / Д. И. Довнор, А. И. Запольский.: Пресс, 2002. – 448 с.
6. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – 408 с.

УДК 82.085.1:811.111’373.612.2

Колосков Д.Р., магистрант 2 курса

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В ПРОИЗВЕДЕНИИ “LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE”

Научный руководитель: **Е.С. Храброва,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Целью работы является изучение метафор и метафорических выражений, а также способов их перевода на примере произведения американского писателя-фантаста Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade”. В исследовании впервые была предпринята попытка изучения и систематизации метафор в произведении Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade” и его переводах от Ри и Г. Шокина. Было выявлено, что среди переводческих трансформаций чаще всего при переводе метафор были использованы модуляция и замена части речи. Переводчики также часто прибегали дословному переводу.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, художественный перевод, переводческие трансформации.

Koloskov D.R., Master Course student, 2nd year

ANALYSING THE TRANSLATION OF METAPHORS IN "LUCIUS: THE FAULTLESS BLADE"

Scientific supervisor: **E.S. Khrabrova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The purpose of this paper is to study metaphors and metaphorical phrases, as well as ways of their translation on the example of the work of the American science fiction writer Ian St. Martin "Lucius: The Faultless Blade". The study revealed that literal translation was most often used in translating metaphors. The scientific novelty lies in the fact that it is the first attempt to analyze and systematize metaphors used in Ian St. Martin "Lucius: The Faultless Blade" as well as in its translations by Ru and G. Shokin. It was found that modulation and part-of-speech replacement were the most frequently used methods. Additionally, translators often resorted to literal translation techniques.

Keywords: metaphor, metaphorization, artistic translation, translation transformations.

Метафора – уникальное явление, поэтому она представляет большой исследовательский интерес [1, с. 296]. Ее изучают с разных позиций: лингвистической, литературоведческой, философской, психологической и других.

Первое классическое определение метафоры как краткого сравнения было дано Аристотелем: «Метафора есть перенос слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [5, с. 56]. Как отмечает испанский лингвист Х. Ортега-и-Гассет, «строго говоря, следовало бы заменить и сам термин «метафора», чей привычный смысл может увести в сторону. Ведь метафора – это перенесение имени [7, с. 77-78].

Языковая метафора, несмотря на тысячелетнюю историю ее изучения, по-прежнему представляет большой интерес для лингвистов, поскольку является весьма продуктивным элементом в развитии и обогащении языка. В XX веке метафора начинает переосмысливаться как неотъемлемый элемент речи, а научное познание рассматривается в новых измерениях. Способность метафор создавать целостность, объединяя разнородный материал, постоянно привлекает к ним интерес различных авторов [8].

В художественном тексте язык является не только средством передачи информации и решения эстетических задач, но и источником информации о культуре. Многие исследователи, такие как А.А. Потебня, М.Н. Кожина, Н.Д. Арутюнова и другие, признавали, что метафоричность является важнейшим признаком художественного текста, а авторская образная метафора – основой для создания художественного текста [2, с. 17]. Так, по мнению Г.Д. Ахметовой, языковое пространство такого текста представляет

собой метафорическую структуру [3, с. 7]. Кроме того, метафору можно трактовать как универсальный когнитивный механизм и средство постижения мира, с ее помощью представления о мире закрепляются в когнитивной сфере человека. Метафора передает культурные коды, национальные стандарты, так как в ее основе лежат архетипы коллективного бессознательного, поэтому сохранение метафоры при переводе имеет огромное значение.

Для художественного текста характерно использование аллегорического и образного языка. Автор художественного текста использует косвенные номинации, имплицитные оценки и мнения, которые формируются под влиянием его эстетической задачи [4].

Рассмотрим перевод метафор в произведении Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade”. Это произведение принадлежит к большой книжной вселенной Warhammer 40.000. Книжная вселенная Warhammer 40.000 представляет собой огромный и мрачный научно-фантастический мир, в котором человечество ведёт бесконечную борьбу за выживание в далеком будущем. Человечеству противостоят бесчисленные враги: инопланетные расы, слуги темных богов и другие угрозы. Основной темой всей вселенной является война, которая пронизывает все аспекты жизни людей. Книги вселенной Warhammer 40.000 полны трагизма и философских рассуждений о долге, преданности, жизни и смерти, религии и четности бытия.

Для анализа перевода книги Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade” выбраны два принципиально разных переводчика (Ru и Григорий Шокин), чтобы наглядно продемонстрировать различие подходов. Ru, будучи энтузиастом-любителем, отлично ориентируется в специфике вселенной Warhammer 40,000 и делает ставку на точное следование канону. Г.Шокин, как профессиональный переводчик, обладает широким стилистическим диапазоном и стремится к литературной адаптации текста. Такое противопоставление позволяет исследовать, как статус переводчика и ожидания аудитории влияют на выбор стратегии: сохранение терминологии и духа оригинала или создание гладкого, читабельного текста.

Художественный текст, особенно в жанре научной фантастики, каким является произведение “Lucius: The Faultless Blade”, часто использует насыщенный образный язык для создания эффекта погружения читателя в вымышленный мир. Начальные главы книги играют ключевую роль в формировании первого впечатления и задают тон всему повествованию. Именно на этом этапе автор, Иэн Сент-Мартин, активно прибегает к разнообразным средствам художественной выразительности, среди которых центральное место занимает метафора.

Именно метафора эффективно создает атмосферу мрачного, апокалиптического мира, уплотняя смысл и экономя языковые средства. Она передает субъективное восприятие героев, мифологизирует вселенную, усиливает эмоциональное воздействие и поддерживает стилистическую

целостность повествования – через яркие, емкие образы, избегая избыточности сравнений или эпитетов.

Так, из произведения для анализа были выбраны следующие метафоры:

1. *Swollen into;*
2. *Wrapped around;*
3. *Her hull was pockmarked;*
4. *Pushed a deep breath from between his teeth;*
5. *Pandemonium gripped the serfs* (см. табл. 1).

Таблица 1. Перевод метафор

Оригинальный текст	Перевод Ри (любительский перевод)	Перевод Григория Шокина (официальный перевод)
She was an ugly craft, the core of a boxy mass conveyor *swollen into* a hulking monstrosity of oversized weapons batteries and crudely stacked armour plates *wrapped around* a bulbous cluster of warp engines.	Это был весьма уродливый корабль. Квадратный остов масс-конвейера *разрастался* в огромное чудовище из исполинских оружейных батарей и грубо скрепленных бронированных пластин, *обернутых вокруг* громадного скопления варп-двигателей. (замена части речи; дословный перевод)	Она была уродливым кораблем – ядро угловатого транспортника *раздулось* в нескладное чудовище из огромных оружейных батарей и броневых пластин, *грубо прилаженных вокруг* целой грозди варп-двигателей. (замена части речи; добавление)
Her hull was pockmarked and blackened by ceaseless war stretching back to the killing grounds of Isstvan, yet these scars did nothing to diminish the beauty of her sublimely regal form.	*Её бронированные стены*, почерневшие от беспрерывной войны с момента падения Исствана, *покрывали оспины*, но это никак не умаляло красот её величественной царственной формы. (конкретизация)	*Ее корпус был изрыт оспинами* и почернел от беспрерывной войны, тянувшейся до самых гибельных земель Исствана, но шрамы ничуть не умаляли ее величественной царственной красоты. (модуляция)
Wiping grimy sweat from his brow, Direnc	Вытирая грязный пот со лба, Диренк *глубоко*	Размазав пот по грязному лбу, Дайринк

pushed a deep breath from between his teeth.	*вдохнул сквозь зубы.* (дословный перевод)	*выдохнул через стиснутые зубы.* (антонимический перевод)
Pandemonium gripped the serfs.	*Сумасшествие овладело рабами.* (генерализация)	*В безумном порыве рабы скопом бросились на надзирателя.* (модуляция)

При переводе первой метафоры *swollen into* в предложении *…the core of a boxy mass conveyor swollen into a hulking monstrosity of oversized weapons batteries…* оба переводчика использовали такую переводческую трансформацию как грамматическая замена, а именно замена части речи. Так, Ри и Г. Шокин перевели английское причастие *swollen into* на русский язык глаголами «*разрастался*» и «*раздулось*» соответственно. Выбор использования данной переводческий трансформации обусловлен лексическими и синтаксическими нормами переводящего языка: причастный оборот в английском языке будет благозвучен в русском языке в виде отдельных простых предложений со своими главными и второстепенными членами предложений. Оттенок значения данного стилистического средства был сохранен как в любительском, так и в официальном переводах.

При переводе второй метафоры *wrapped around* в предложении *…crudely stacked armour plates wrapped around a bulbous cluster of warp engines…* Г. Шокин прибег к переводческой трансформации добавление. Переводчик сохранил первоначальное значение словосочетания *wrapped around*, однако в переводе на русский язык добавил оттенок небрежности: «*грубо прилаженных вокруг*». Речь идет о бронепластинах космического корабля расположенных вокруг двигателей. Чтобы передать тот факт, что корабль не являлся военным, а был грубо переделан его нынешними хозяевами, переводчик и воспользовался данной переводческой трансформацией. Ри перевел данный стилистический прием дословно – «*обернутых вокруг».*

Переводя третью метафору *her hull was pockmarked,* переводчики использовали такие переводческие трансформации как конкретизация и модуляция. Лексема pockmark может являться как существительным, так и глаголом. Она имеет несколько значений: оспина, выбоина, рябинка, оставлять отметины, обезображивать. Скорее всего автор имеет в виду, что корпус корабля был обезображен и почернел от бесконечной войны. В любительском переводе лексема pockmark была передана на русский язык дословно «*покрывали оспины*». Английское существительное *hull* в переводе было конкретизировано: «*бронированные стены*». Выбор такого детального описания корпуса корабля обусловлен усилением визуального эффекта у русскоговорящих читателей. В официальном переводе метафора была переведена как «*ее корпус был изрыт оспинами».* В данном случае

существительное *hull* переведено дословно «*корпус*», а глагол *was pockmarked* в переводе на русский язык обрел ярко выраженную негативную окраску внешнего вида корабля: «*был изрыт оспинами»*. Оба переводчика сохранили экспрессивность метафоры.

При переводе четвертой метафоры *pushed a deep breath from between his teeth* были использованы как переводческие трансформации (антонимический перевод), так и дословный перевод. Ru перевел данный стилистический прием дословно: «*глубоко вдохнул сквозь зубы»*. Г. Шокин перевел словосочетание *pushed a deep breath* антонимично: *«выдохнул».* Использование данной трансформации было необходимо для сохранения общего смысла. Замена оригинального значения «вдоха» на «выдох» в переводе не искажает идею и позволяет сохранить эмоциональную окраску.

Переводя пятый пример *pandemonium gripped the serfs,* переводчики использовали генерализацию и модуляцию. В любительском переводе метафора была передана на русский язык как *«сумасшествие овладело рабами».* Слово *pandemonium* имеет значение ад, обиталище демонов, кромешный ад. В данном случае автор использовал его, чтобы показать панику и неразбериху среди команды на борту корабля, который подвергся абордажу. Выбор данной переводческой трансформации обусловлен контекстом, из которого понятно, что команда корабля плохо подготовлена и ничего не может противопоставить абордажникам, которые имеют крайне дурную славу. В официальном переводе метафора была переведена как «*в безумном порыве рабы скопом бросились на надзирателя»*. Г. Шокин прибег к модуляции, дабы сохранить основной смысл и эмоциональную интенсивность стилистического приема.

Анализ перевода метафор показал, что в некоторых примерах переводчики прибегали к переводческим трансформациям. Были использованы: замена части речи, конкретизация, генерализация, модуляция, добавление и антонимический перевод. Также переводчики использовали дословный перевод. Наиболее частотными трансформациями оказались замена части речи (20%) и модуляция (20%), а также дословный перевод (20%). Конкретизация и генерализация используются в 10% и 10% примеров, добавление и антонимический перевод также в 10% и 10% примеров соответственно.

Использование переводческих трансформаций при переводе метафор в произведении Иэна Сент-Мартина «Lucius: The Faultless Blade» обусловлено рядом факторов, связанных с лингвистическими, культурными и стилистическими особенностями исходного и переводящего языков. В совокупности эти приемы позволяют переводчикам балансировать между точностью передачи смысла и естественностью звучания в русском языке, сохраняя при этом художественную ценность исходного текста.

Анализ переводов метафор в романе Иэна Сент-Мартина “Lucius: The Faultless Blade” показывает два принципиально разных стратегических подхода, обусловленных статусом и приоритетами переводчиков. Любительский перевод (Ru) нацелен на максимальную точность

воспроизведения канона вселенной Warhammer 40 000 и буквальную передачу смыслов: переводчик предпочитает дословный перевод и минимальные трансформации (например, «*глубоко вдохнул сквозь зубы*»), стремится сохранить терминологию и внутритекстовые связи, порой жертвуя естественностью русского звучания (как в случае с «*обёрнутых вокруг*»). Григорий Шокин, напротив, делает ставку на стилистическую адаптацию и эмоциональное воздействие. Он активно использует трансформации (модуляция, добавление, антонимический перевод) для усиления выразительности («*в безумном порыве рабы скопом бросились на надзирателя*»), вводит лексические уточнения («*грубо прилаженных*» вместо «*обёрнутых*»), перестраивает фразы для достижения естественности («*раздулось в нескладное чудовище*»). Сопоставление результатов показывает, что оба переводчика применяют схожие приёмы (замена части речи, модуляция, дословный перевод), но с разной мотивацией ориентируется на фанатов вселенной и сохранение деталей, тогда как Г. Шокин адресуется к широкой аудитории, ставя во главу угла художественную целостность и читательское восприятие. Таким образом, выбор стратегии определяется целевой аудиторией и задачами перевода: аутентичность против экспрессивности, что подчёркивает необходимость баланса между верностью оригиналу и адаптацией к языковым и культурным особенностям принимающегоязыка.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 296. – 685 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст., сост. и общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Ахметова, Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы) / Г. Д. Ахметова. – Санкт-Петербург : Реноме, 2010. – 244 с.
4. Богданова, Е. С. Текстовоспринимающая деятельность: интеграция знаний / Е. С. Богданова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (12). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovosprinimayuschaya-deyatelnost-integratsiya-znaniy (дата обращения: 28.10.2025).
5. Гусев, С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 104 с.
6. Комиссаров, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров, А. Л. Коралова. – Москва : Высшая школа, 1990. – 127 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст., сост. и общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 77–93.
8. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 150 с.

УДК 81`25.025.4

Костина А.Е., студент

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ АДЕКВАТНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Научный руководитель: **Е.С. Николаева**, кандидат филологических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема дифференциации понятий эквивалентности и адекватности в теории перевода, которые часто смешиваются, но отражают разные аспекты переводческого процесса и результата. Цель исследования – проанализировать эволюцию этих концепций, их определения, типы и различия на основе лингвистических и функционалистских подходов для уточнения их применения в практике. Методология включает сравнительный анализ трудов ключевых теоретиков (Найда, Комиссаров, Латышев, Райс и др.) с использованием исторического обзора и примеров из различных типов текстов. Результаты применимы в переводоведении, преподавании и межкультурной коммуникации, предлагая новизну в разграничении через инвариантность и скопос для оптимизации стратегий перевода. Выводы подчеркивается, что эквивалентность фокусируется на результате как на равноценности текстов с сохранением инвариантов, а адекватность – на процессе, ориентированном на цель и компромиссы, что способствует повышению качества перевода без субъективизма.

Ключевые слова: эквивалентность, адекватность, инвариантность, функциональный подход, стратегии перевода, межкультурная коммуникация, переводческие трансформации, локализация, машинный перевод.

Kostina A.E., Student

ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF ADEQUACY AND EQUIVALENCE IN TRANSLATION

Scientific supervisor: **E.S. Nikolaeva,** Candidate of philological sciences, Associate Professor

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the problem of differentiating the concepts of equivalence and adequacy in translation theory, which are often confused but reflect different aspects of the translation process and result. The aim of the research is to analyze the evolution of these concepts, their definitions, types, and differences based on linguistic and functionalist approaches to clarify their application in practice. The methodology includes a comparative analysis of works by key theorists (Nida, Komissarov, Latyshev, Reiss, etc.) using a historical overview and examples from various text types. The results are applicable in translation studies, teaching, and intercultural communication, offering novelty in differentiation through invariance and skopos to optimize translation strategies. The conclusion emphasizes that

equivalence focuses on the result as the equivalence of texts with the preservation of invariants, while adequacy focuses on the process, oriented towards the goal and compromises, which helps to improve translation quality without subjectivism.

Keywords: equivalence, adequacy, invariance, functional approach, translation strategies, intercultural communication, translation transformations, localization, machine translation.

Теория перевода как междисциплинарная область развивалась в XX веке, где центральными стали понятия эквивалентности и адекватности, определяющие успешность перевода с учетом лингвистических, культурных и прагматических факторов. В условиях глобализации эти концепции актуальны для межкультурного обмена, но их частое отождествление вызывает путаницу в теории и практике. Проблема заключается в том, что ранние трактовки адекватности как "полноценного перевода" эволюционировали, разграничившись с эквивалентностью в функционалистских теориях [11, с.127]. Например, в лингвистическом подходе акцент делался на семантической равноценности, в то время как функционализм ввел учет цели перевода, что позволило учитывать контекстуальные факторы и ожидания адресата.

Цель статьи – провести детальный анализ эволюции, определений, типов и различий между эквивалентностью и адекватностью на основе ключевых теорий. Это позволит выявить их роль в переводческих стратегиях и предложить рекомендации для практики, включая преподавание. Структура включает исторический обзор, определения понятий, сравнение, примеры, критику и заключение. Анализ опирается на труды отечественных и зарубежных ученых, подчеркивая эволюцию от структурного подхода к функциональному, что отражает сдвиг в понимании перевода как не только лингвистического, но и коммуникативного акта. Кроме того, в статье будут рассмотрены практические аспекты, такие как влияние культурных различий на выбор стратегий, и современные вызовы, связанные с машинным переводом и глобализацией.

Понятия эквивалентности и адекватности возникли в 1960-е годы на фоне развития лингвистики и теории коммуникации. Термин "адекватный перевод" ввели И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг, обозначая им полноценный перевод с исчерпывающей передачей содержания [9, с.68]. А.В. Федоров противопоставлял адекватность формализму, акцентируя функционально-стилистическое соответствие, где адекватность подразумевала не только смысловую точность, но и стилистическую гармонию с нормами языка перевода [11, с.127]. Эквивалентность, заимствованная из формальной логики, укоренилась благодаря О. Каде, который определял ее как сохранение инвариантности содержания, то есть неизменных элементов смысла при переходе от одного языка к другому.

В 1970-е годы Ю. Найда ввел формальную и динамическую эквивалентность, ориентированную на реакцию адресата, где формальная эквивалентность фокусируется на буквальной передаче формы и

содержания, а динамическая – на адаптации для естественного восприятия в целевой культуре [6, с.114-137]. Л.С. Бархударов предложил уровни эквивалентности с инвариантом как неизменным элементом, выделяя буквальный, эквивалентный и вольный уровни, что позволило классифицировать переводы по степени близости к оригиналу [2, с.9]. Это развитие отражало переход от статичного понимания перевода к более гибкому, учитывающему контекст.

В 1980-е годы функционалистская скопос-теория К. Райс и Г. Фермеера переосмыслила адекватность как соответствие цели перевода, делая эквивалентность второстепенной и вводя понятие скопоса – цели, определяющей стратегии перевода [8, с.101]. Это вызвало критику от В.Н. Комиссарова и Л.К. Латышева за субъективизм, поскольку скопос мог оправдывать значительные отступления от оригинала [3, с.82]. Тем не менее, эта теория подчеркнула, что перевод – это целенаправленное действие, зависящее от заказа и аудитории.

В 1990-е годы В. Коллер выделил пять типов эквивалентности, включая денотативную и прагматическую, что расширило понимание равноценности за пределы семантики [4, с.225-258]. Комиссаров уточнил адекватность как степень эквивалентности, зависящую от типа текста, где для художественных текстов важна эстетическая передача, а для информативных – точность фактов [3, с.113]. Современные подходы, как у М. Снелл-Хорнби и К. Норд, предлагают "лояльность" вместо строгой эквивалентности, подчеркивая этическую ответственность переводчика перед автором и адресатом [10, с.9-29; 7, с.100]. Эволюция от лингвистического к функционалистскому подходу подчеркнула переход от формы к функции, от абсолютной равноценности к контекстуальной адаптации, что особенно актуально в эпоху глобализации и цифровых технологий перевода.

Эквивалентность – это равноценность исходного и переводного текста, сохранение инвариантности на уровнях содержания, воздействия и структуры. По Л.К. Латышеву, это результат процесса, оптимальное решение с учетом норм языка перевода и восприятия адресата, где эквивалентность достигается через баланс лингвистических и экстралингвистических факторов [5, с.18]. Эквивалентность относительна, предполагая взаимозаменяемость в определенном отношении, и не абсолютна из-за культурных различий, что приводит к необходимости компромиссов в практике [2, с.12]. В лингвистическом контексте эквивалентность подразумевает семантическую общность, но в более широком смысле включает прагматику и стилистику.

Типы эквивалентности по В. Коллеру включают несколько измерений, каждое из которых отражает разные аспекты равноценности:

- Денотативная: равноценность предметно-логического содержания, где перевод передает те же факты и референты без искажений, например, в научных текстах.

- Коннотативная: сигнификативные значения в сознании носителей, включая эмоциональные оттенки и ассоциации, что критично для художественной литературы.
- Текстуально-нормативная: соблюдение норм языка перевода для естественности и читаемости.
- Прагматическая: воздействие на адресата, аналогичное оригиналу, с учетом коммуникативной цели.
- Формально-эстетическая: эстетические особенности, такие как ритм, рифма или аллитерация в поэзии [4, с.225-258].

По Ю. Найде эквивалентность делится на формальную, фокусирующуюся на форме и содержании оригинала, и динамическую, адаптирующую текст к культуре адресата для естественного восприятия, что особенно полезно в библейских переводах [6, с.159-166]. В.Н. Комиссаров предлагает иерархические уровни: цель коммуникации (высший, где сохраняется общая функция), ситуация, описание, синтаксис и лексика, где полная эквивалентность достигается только на высших уровнях [3, с.116-134]. Л.С. Бархударов выделяет буквальный (близкий к оригиналу по форме), эквивалентный (семантически равный) и вольный (адаптированный) уровни, подчеркивая баланс между точностью и естественностью [2, с.9]. Эквивалентность достигается через трансформации: лексические (замены синонимами или объяснениями), грамматические (перестройки предложений) и прагматические (адаптации для культурного контекста). В целом, эквивалентность ориентирована на идеал сохранения сути оригинала, но в практике часто сочетается с элементами адаптации для достижения оптимального результата.

Адекватность – соответствие перевода коммуникативной ситуации, цели и ожиданиям адресатов, где акцент на практической полезности и достижимости. По В.Н. Комиссарову, это степень эквивалентности, зависящая от типа текста: эстетическая для художественных, где важна передача эмоционального воздействия, и денотативная для информативных, фокусирующаяся на фактах [3, с.113]. Л.К. Латышев видит адекватность как путь к эквивалентности, процесс преобразования с учетом контекста, где адекватность позволяет отступления для лучшей адаптации [5, с.25]. В отличие от эквивалентности, адекватность допускает компромиссы, признавая, что полная равноценность не всегда возможна из-за языковых и культурных барьеров [9, с.68]. А.В. Федоров подчеркивал, что адекватность включает исчерпывающую передачу содержания и стилистическое соответствие, делая перевод "полноценным" для целевой аудитории [11, с.127].

Типы адекватности по Ю.В. Ванникову включают семантико-стилистическую (сохранение смысла и стиля), функциональную (прагматическая, ориентированная на эффект и цель), дезидеративную (учет пожеланий заказчика) и волюнтативную (влияние на волю или поведение адресата) [12, с.34-37]. В скопос-теории адекватность – технология, ориентированная на цель (скопос), с отступлениями от оригинала для

достижения желаемого эффекта, например, в рекламных текстах [8, с.106]. Нормативность адекватности ниже эквивалентности, учитывая ограничения вроде культурных барьеров, временных рамок или специфики аудитории. В преподавании адекватность акцентирует адаптацию и прагматику, помогая студентам выбирать стратегии в зависимости от контекста [7, с.100]. Таким образом, адекватность фокусируется на практической полезности перевода, позволяя гибкость, где эквивалентность требует строгой равноценности, что делает ее более применимой в реальных сценариях, таких как локализация ПО или перевод новостей.

Эквивалентность ретроспективна и статична, ориентирована на результат как равноценность текстов с сохранением всех инвариантов, в то время как адекватность – перспективна и динамична, фокусируясь на процессе и цели перевода [1, с.75-78]. По Й. Альбрехту, эквивалентность требует полной инвариантности, включая семантику и прагматику, адекватность – с отступлениями для достижения цели, что позволяет учитывать внешние факторы [1, с.75-78]. В лингвистическом подходе эквивалентность центральна, подчеркивая языковую точность и структурное соответствие, в функционалистском – адекватность доминирует, акцентируя функцию и скопос [8, с.101].

Различия проявляются в подходах к инварианту: эквивалентность сохраняет все типы (денотативный, коннотативный, прагматический), адекватность – только необходимые для цели, жертвуя второстепенным для оптимального эффекта [5, с.66]. Например, в юридическом переводе эквивалентность обеспечивает точность терминов для правовой равноценности, а адекватность – применимость в новой системе, возможно, с добавлением пояснений. Критики отмечают, что эквивалентность может привести к буквальности и потере естественности, а адекватность – к чрезмерной свободе и субъективизму. Разграничение позволяет комбинировать подходы: начинать с адекватности для определения стратегии (учет цели и аудитории), стремиться к эквивалентности в результате (сохранение ключевых инвариантов). Это особенно полезно в преподавании, где студенты анализируют тексты на оба критерия, развивая навыки баланса между верностью оригиналу и адаптацией. В современном контексте, с учетом ИИ-перевода, эквивалентность остается идеалом для точности, а адекватность – инструментом для практической эффективности.

В художественном переводе эквивалентность сохраняет стиль и коннотации, как в романе Л. Толстого "Война и мир", где динамическая эквивалентность адаптирует идиомы для аналогичного эмоционального воздействия на англоязычного читателя [6, с. 114-137]. Адекватность фокусируется на доступности, упрощая архаизмы для современной аудитории, чтобы текст выполнял свою эстетическую функцию, даже если жертвуется буквальной формой. Например, перевод фразы "душа нараспашку" может стать "open-hearted" для прагматической эквивалентности, но адекватность позволит "wearing one's heart on one's sleeve" для культурной адаптации.

В техническом переводе адекватность превалирует: инструкции по эксплуатации должны быть понятными и безопасными, жертвуя буквальной эквивалентностью терминов для ясности [3, с. 118]. Пример – перевод медицинских текстов: эквивалентность сохраняет термины ("hypertension" как "гипертония"), адекватность добавляет пояснения для локальной практики, учитывая различия в медицинских стандартах. В поэзии, как у У. Шекспира, формально-эстетическая эквивалентность стремится к рифме и метру, но адекватность позволяет прозаический перевод для передачи смысла, если цель – образовательная, а не эстетическая [4, с. 225-258].

В маркетинге слоган "Just do it" Nike эквивалентно переводится как "Просто сделай это", сохраняя мотивацию, но адекватно адаптируется для культур, где фраза имеет иные коннотации, например, в азиатских рынках с акцентом на коллективность. Эти примеры показывают, что эквивалентность идеальна для информативных текстов, где точность критична, а адекватность – для функциональных, где цель доминирует, таких как реклама или инструкции. В юридических переводах, как договоров, эквивалентность обеспечивает правовую равноценность, адекватность – учет локального законодательства. В новостных текстах эквивалентность сохраняет факты, адекватность адаптирует тон для аудитории, избегая культурных недоразумений. Таким образом, практика подтверждает взаимодополняемость концепций, где выбор зависит от типа текста, цели и контекста.

Критика эквивалентности касается ее идеализма: М. Снелл-Хорнби называет ее "иллюзией" из-за культурных различий, которые делают полную равноценность невозможной, предлагая вместо этого культурный подход [10, с.9-29]. Функционалисты, как К. Норд, критикуют за игнор цели, вводя "лояльность" как этический принцип, балансирующий интересы автора, переводчика и адресата [7, с. 100]. Адекватность обвиняют в субъективизме без четких критериев, что может оправдать произвольные изменения, как отмечает Комиссаров [3, с. 106-108]. Кроме того, в постколониальной теории эквивалентность видится как инструмент культурного доминирования, навязывающий нормы одного языка другому.

Современные тенденции интегрируют понятия: в машинном переводе (например, Google Translate) адекватность достигается нейросетями для прагматики, эквивалентность – постредактированием человеком для точности. В постколониальной теории эквивалентность эволюционирует в "гибридность", а адекватность – в сопротивление культурной ассимиляции. В преподавании баланс помогает развивать навыки: студенты анализируют тексты на эквивалентность (семантику) и адекватность (функцию), используя кейсы из реальной практики [5, с. 45]. Будущие направления – учет ИИ и мультимодальности, где эквивалентность расширяется на визуальные элементы, а адекватность – на интерактивные форматы, такие как субтитры в видео. Глобализация усиливает роль адекватности в локализации, где культурная адаптация критична, в то время как эквивалентность остается стандартом для научных и юридических текстов.

Критика стимулирует развитие, предлагая гибридные модели, сочетающие лингвистику с социокультурными аспектами.

Анализ подтверждает, что эквивалентность и адекватность взаимодополняют друг друга: первая обеспечивает точность и верность оригиналу через сохранение инвариантов, вторая – эффективность и адаптивность через ориентацию на цель и контекст. Разграничение оптимизирует перевод, избегая крайностей буквальности или произвольности, и позволяет разрабатывать стратегии, учитывающие тип текста и аудиторию. Новизна исследования – в систематизации подходов для преподавания, где эти понятия помогают формировать профессиональные навыки, и в предложении интеграции с современными технологиями. Дальнейшие исследования могут фокусироваться на эмпирических тестах в цифровой среде, анализе влияния ИИ на эквивалентность и разработке метрик для оценки адекватности в мультимодальных текстах. В итоге, понимание этих концепций повышает качество перевода, способствуя эффективному межкультурному общению в глобализированном мире.

Список использованной литературы

1. Albrecht, J. Invarianz, Äquivalenz, Ädäquatheit. – Tübingen: Narr, 1990.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
4. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1997.
5. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М.: Международные отношения, 1981.
6. Nida E.A. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964.
7. Nord C. Textanalyse und Übersetzen. Heidelberg: Groos, 1988.
8. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen: Niemeyer, 1984.
9. Ревзин, И.И., Розенцвейг, В.Ю. Основы общего и машинного перевода. – М.: Высшая школа, 1964.
10. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983.
11. Ванников, Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности. – М.: Наука, 1988.

УДК 811.111-26

Крейзо И.О., студент 5 курса

РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Научный руководитель: **А.В. Самарин**

Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета

Аннотация. В статье исследуется роль контекста при переводе многозначных слов с английского языка на русский. Цель работы – определить влияние контекстуальных факторов на точность и адекватность перевода многозначных лексем. В ходе исследования применялись методы лингвистического анализа и сопоставительного сравнения переводов в различных контекстах. Результаты показывают, что учет контекста существенно повышает качество перевода и способствует более точной передаче смысловых оттенков. Новизна исследования заключается в систематизации роли контекста в переводческом процессе, что имеет важное значение для совершенствования переводческих практик и автоматизированных систем перевода.

Ключевые слова: контекст, многозначные слова, перевод, английский язык, русский язык, лингвистический анализ, смысловые оттенки, автоматизированный перевод, переводческая практика.

Krezo I.O., Student, 5th year

THE ROLE OF CONTEXT IN TRANSLATING POLYSEMANTIC WORDS FROM ENGLISH TO RUSSIAN

Scientific Supervisor: **A.V. Samarin**

Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University

Abstract. This article explores the role of context in translating polysemantic words from English to Russian. The aim of the study is to determine the influence of contextual factors on the accuracy and adequacy of translating polysemantic lexemes. The research employed methods of linguistic analysis and comparative comparison of translations in various contexts. The results indicate that considering context significantly improves translation quality and facilitates more precise conveyance of semantic nuances. The novelty of the study lies in systematizing the role of context in the translation process, which is important for enhancing translation practices and automated translation systems.

Keywords: context, polysemantic words, translation, English, Russian, linguistic analysis, semantic nuances, automated translation, translation practice.

Одной из актуальных задач общей лексикологии, в решении которой используется контекстологический анализ, является устранение

многозначности лексических единиц в тексте. Контекст содержит всю необходимую информацию для однозначного понимания слова или выражения, включая структурные особенности словосочетания, грамматическую форму, семантические связи между словами и порядок их следования. Термин «контекст» (от лат. contexus – соединение, связь) обозначает фрагмент текста, включающий выбранную для анализа единицу и достаточный для определения её значения, при этом смысловая интерпретация должна соответствовать общему содержанию текста [5, с. 421].

Анализ контекста позволяет выявить наиболее точное значение лексической единицы в конкретной ситуации, что особенно важно при интерпретации многозначных слов. В процессе исследования выделение и изучение контекстов способствует устранению двусмысленности и повышает точность понимания текста. Таким образом, контекстологический подход является важным инструментом в лексикологии, обеспечивающим более глубокое и корректное восприятие языковых единиц в их реальных коммуникативных условиях.

Контекст представляет собой совокупность слов, предложений, ситуаций или текстового окружения, в котором находится полисемантичное слово. Контекст считается ключом к правильной интерпртации текста и переводу.

Контекст помогает определить, какое значение многозначного слова реализуется. Например, в предложении *She sat on the bank of the river* существительное bank используется в значении «берег». В предложении *He entered the bank* данное существительное реализуется в значении «банк».

В контексте становится понятным, какой частью речи является анализируемая лексическая единица.

Многоозначные слова – это слова, у которых существует несколько значений. Например, английское слово "bank" может означать «берег» или «банк». Аналогично слово "seal" – «тюлень», «печать» или «герметизация», в зависимости от ситуации.

В зависимости от функций выделяют несколько типов специфического лингвистического контекста: разрешающий, поддерживающий, поглощающий, компенсирующий и интенсифицирующий. В современном лингвистическом подходе понятие контекста значительно расширилось: оказывается, что словосочетания, окружающие слово, а также отдельные предложения могут быть недостаточными для точного определения его значения. Полное понимание достигается только в рамках более широкого контекстуального окружения – это может быть абзац, весь текст или даже целое произведение, раскрывающее всю ситуацию и смысловую нагрузку.

В связи с этим важным аспектом является изучение контекстуальных факторов, влияющих на восприятие и интерпретацию лексических значений. Анализ различных типов контекстов помогает выявить механизмы, с помощью которых значение слова может изменяться или

уточняться в зависимости от ситуации. В результате, понимание роли контекста становится ключевым для разработки более точных теорий лексической семантики и повышения эффективности коммуникации. В целом, исследование контекста и его влияния на смысловые оттенки слов остается актуальной задачей современной лингвистики, способствующей более глубокому осмыслению языковых процессов [7, с. 129].

При переводе с английского на русский язык часто возникают трудности, связанные с выбором подходящих слов из-за многозначности английских лексем. В этом процессе важную роль играет контекст, который помогает определить правильное значение слова. Контекстуальные значения формируются в процессе использования слова в речи, в зависимости от окружающей лексической и грамматической среды, а также под воздействием внеязыковых факторов. В рамках общего понятия контекста выделяют его узкий и широкий виды. Узкий, или микроконтекст, включает синтаксическую и лексическую составляющие. Синтаксический контекст – это синтаксическая структура, в которой употребляется слово, например, предложение или его часть. Лексический контекст – это совокупность окружающих лексических единиц, слов и устойчивых выражений, в которых встречается искомая единиц [4, с. 42]

Широкий контекст охватывает более обширную текстовую или ситуационную среду, включающую весь текст, абзац или даже всю дискурсивную ситуацию, в которой используется слово. Такой контекст позволяет учитывать дополнительные смысловые и прагматические аспекты, влияющие на интерпретацию лексемы. В совокупности, узкий и широкий контексты обеспечивают более точное понимание значения слова и помогают избежать ошибок при переводе и интерпретации. Исследование роли контекста в языковой коммуникации является важной задачей, способствующей развитию методов точного и адекватного перевода.

Главная задача контекста – устранить многозначность лингвистических единиц. Он словно «очищает» многозначное слово от всех значений, кроме одного, делая его однозначным. В результате, контекст помогает выбрать наиболее подходящий перевод. Часто для определения точного эквивалента достаточно проанализировать синтаксическую среду слова. Например, глагол burn в английском языке может означать «гореть» или «жечь». Выбор зависит от синтаксической конструкции: вне переходных форм – «гореть» («The candle burns» – свеча горит), в переходных – «жечь» («He burned the papers» – он сжег бумаги). Аналогично, глаголы sink и drive меняют значение в зависимости от синтаксической формы: sink – «тонуть» (непереходный глагол) или «топить» (переходный), drive – «ехать» (непереходный) или «гнать», «вести» (переходный). Часто правильный перевод слова определяется только его лексическим окружением, то есть узким контекстом, который помогает уточнить конкретное значение в рамках определенной группы слов. Например, слово "light" в сочетании с прилагательным "bright" скорее передаст смысл «света» или «яркости», тогда как с "easy" – может означать

«легкий» или «простой». В предложениях «The room has a bright light» слово "light" переводится как «свет», а в «This task is quite light» – как «легкий». В таких случаях роль узкого контекста особенно важна для правильного выбора перевода [3, с. 45]

Помимо синтаксического и лексического окружения, важную роль играет и широкий контекст – вся ситуация, дискурс или текст в целом, в которых употребляется слово. Такой контекст позволяет учитывать дополнительные смысловые оттенки, прагматические особенности и культурные аспекты, влияющие на интерпретацию. В совокупности, и узкий, и широкий контекст обеспечивают более точное и адекватное понимание значения слова, что особенно важно при переводе и межъязыковой коммуникации. Исследование роли контекста в определении значения лексем остается актуальной задачей, способствующей развитию методов точного и осмысленного перевода.

Иногда узкий контекст оказывается недостаточным для точного определения значения слова, и в таких случаях необходимо обратиться к более широкому окружению – всему тексту или даже к ситуации в целом. Например, в предложении: «Then I got this book I was reading and sat down in my chair» – слово «chair» может переводиться как «стул» или «кресло». Без дополнительных подсказок переводчик может столкнуться с трудностями. Однако, в следующем предложении: «The arms were in sad shape, because everybody was always sitting on them, but they were pretty comfortable chairs» — наличие слова «arms» помогает понять, что речь идет именно о кресле: «Я взял книгу, которую читал, и сел в кресло». Такой анализ более широкого контекста способствует точной интерпретации значения слова.

Как уже было отмечено, смысл слов в речи формируется под влиянием различных уровней контекста – узкого, широкого и внеязыкового. В зависимости от частоты использования и ситуации, можно выделить два типа контекстуальных значений: узуальные (часто встречающиеся и повторяющиеся) и окказиональные (случайные, уникальные, индивидуальные). Со временем узуальные значения закрепляются как стандартные варианты употребления, тогда как окказиональные отражают личные особенности автора или особые стилистические приемы, что особенно характерно для художественной литературы.

Понимание различий между этими типами значений важно для правильной интерпретации и перевода, поскольку окказиональные значения требуют учета контекста, создаваемого автором, и могут значительно отличаться от стандартных. В литературных произведениях, например, авторы часто используют окказиональные значения для передачи особых настроений, стилистических оттенков или индивидуальных особенностей персонажей. В то же время, узуальные значения служат основой для повседневного общения и являются более стабильными, что облегчает их распознавание и использование в различных ситуациях. В целом, анализ контекста и понимание типа значения позволяют более точно

интерпретировать смысловые нюансы и обеспечивают более адекватный перевод и коммуникацию.

Иногда лингвистический контекст оказывается недостаточным для однозначного определения значения слова или выражения. В таких ситуациях необходимо выйти за пределы языкового окружения и обратиться к внешним обстоятельствам, окружающим коммуникацию. Под «ситуацией» понимается не только среда, в которой происходит обмен информацией, но и предмет сообщения, его содержание, а также участники процесса – говорящий, слушающий, пишущий и читающий.

Не всегда отдельные предложения или даже целый текст полностью раскрывают замысел или позицию автора. В таких случаях для выявления истинного смысла приходится учитывать контекст, выходящий за рамки языка – внешние обстоятельства, окружающую ситуацию и социальный фон.

Роль контекста при переводе многозначных английских слов на русский язык трудно переоценить. Он помогает правильно интерпретировать смысл, определить часть речи, передать нюансы и избежать ошибок. В современном переводческом деле учет контекста – основа качественного и точного перевода, особенно в случаях с многозначными лексемами. Поэтому для профессиональных переводчиков владение навыками анализа контекста является неотъемлемой частью их работы.

Развитие навыков анализа контекста позволяет переводчику более точно передавать смысл оригинала, учитывать культурные и ситуационные особенности, а также избегать двусмысленностей и недоразумений. В условиях глобализации и расширения межкультурных коммуникаций умение правильно интерпретировать внешний и внутренний контекст становится ключевым фактором успешной профессиональной деятельности. В конечном итоге, глубокое понимание роли контекста способствует созданию переводов, максимально приближенных к исходному тексту по смыслу и стилистике, что особенно важно в литературной, научной и деловой сферах.

Список использованной литературы

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд – М.: Просвещение, 1959. – 352 с.
2. Арсеньева, М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. 3-е изд. перераб. и доп. – СПб.: Питер, 1996. – 127 с.
3. Виноградов, В.В. Об основных типах значений слов. – М.: 1977. – 67 с.
4. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон – М.: Инфра-М, 2005. –204 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
6. Смирницкий А.И. Лексикология современного английского языка – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 121 с.

7. Чупилина Е.И. «Вопрос контекстологии английского языка», т. 1 – М.: 1974. – 129 с.

УДК - 821.111-7

Куршева Е.А., студент 2 курса

ЖЕНЩИНЫ В БРИТАНСКОМ ЮМОРЕ

Научный руководитель: **Н.В. Акинина**, кандидат педагогических наук, доцент

Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу женского юмора в британской культуре. Рассматривается, как женщины-комики используют язык – иронию, самоиронию, игру слов, интонационные и прагматические средства – для создания комического эффекта и выражения социальной позиции. С XVIII века, когда женщины впервые получили возможность выступать на сцене, до наших дней, британский юмор стал пространством, где через язык обсуждаются вопросы гендера, власти и идентичности. Особое внимание уделяется языковым стратегиям современных комиков – Фиби Уоллер-Бридж, Миранды Харт и Сары Милликан, – чьи тексты демонстрируют слияние юмора и феминистского дискурса.

Ключевые слова: британский юмор, лингвистика, гендер, прагматика, ирония, языковая игра, женский дискурс.

E.A. Kursheva, Student, 2nd year

WOMEN IN BRITISH HUMOR

Scientific supervisor: **N.V. Akinina,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University

Abstract: The article is devoted to the linguistic analysis of female humor in British culture. The article examines how female comedians use language - irony, self—irony, wordplay, intonation and pragmatic means – to create a comic effect and express a social position. From the 18th century, when women first had the opportunity to perform on stage, to the present day, British humor has become a space where issues of gender, power and identity are discussed through language. Special attention is paid to the linguistic strategies of modern comedians – Phoebe Waller-Bridge, Miranda Hart and Sarah Millican – whose texts demonstrate a fusion of humor and feminist discourse.

Keywords: British humor, linguistics, gender, pragmatics, irony, language game, women's discourse.

Женщины в британском юморе на протяжении веков не только участвовали в его развитии, но и через язык меняли само понимание комического в культуре. Если раньше юмор воспринимался как мужская привилегия, то со временем именно женский взгляд на язык, иронию и самоиронию сделал британский юмор глубже, многослойнее и человечнее. Лингвистический анализ позволяет рассматривать юмор не просто как развлечение, а как форму речевого поведения, отражающую социальные роли и ценности. В этом контексте важно понять, что для британцев юмор – не просто шутка, а способ говорить о сложных вещах обходными путями, через игру смысла и контекста.

Исторически женщины в британском обществе долгое время не имели возможности выступать на сцене, их голоса буквально отсутствовали в публичной речи. Лишь в XVIII веке, когда актрисам наконец разрешили выходить на подмостки, их язык стал звучать по-новому: эмоционально, живо, с лёгкой иронией. Мэри Робинсон, одна из первых женщин, чьё имя стало известно публике, использовала в своей речи выразительную фонетику, неожиданные паузы и остроумные каламбуры. Её стиль можно рассматривать как ранний пример того, как женщина через язык завоёвывает право на смех и внимание.

Викторианская эпоха добавила в женский юмор литературную утончённость. В пьесах Оскара Уайльда героини – Гвендолен и Сесили – разговаривают на языке остроумных аллюзий, в их репликах скрыты семантические ловушки и игра смыслов. Ирония здесь становится не просто украшением, а способом показать, что женский ум ничуть не уступает мужскому. На лингвистическом уровне это выражается в приёмах семантического столкновения – когда фраза, произнесённая с безупречной вежливостью, содержит тонкий сарказм, а обыденные слова наполняются скрытым упрёком.

В XX веке юмор стал не только инструментом развлечения, но и формой сопротивления. Женщины-комики начали активно использовать язык для обсуждения того, что ранее считалось «неуместным»: бытовых проблем, неравенства, телесности. Их речь отличается инклюзивностью – частым использованием местоимений «мы», «нас», что создаёт эффект общей принадлежности и доверия. С точки зрения прагматики это проявление стратегии солидарности: шутка объединяет говорящего и слушателя, превращая смех в форму общения [1, с. 60-65].

Современные британские комики, такие как Фиби Уоллер-Бридж, Миранда Харт и Сара Милликан, придают языку особую выразительность. Уоллер-Бридж в сериале *Fleabag* разрушает традиционные границы коммуникации, обращаясь напрямую к зрителю. Это не просто художественный приём, а прагматическая стратегия, создающая эффект присутствия, будто зритель становится собеседником, которому доверяют самое личное. Харт, напротив, играет с неловкостью – она намеренно использует синтаксические паузы, повторения, интонационные сбои, превращая лингвистическую неуверенность в источник комического.

Милликан же опирается на лексику повседневной речи, наполняя её неожиданной метаязыковой глубиной: она говорит просто, но при этом постоянно комментирует собственные слова, что создаёт эффект искренности и самоиронии [3, с. 63-68].

Женский юмор сегодня можно рассматривать как важную часть социолингвистического пространства, в котором язык становится не только средством выражения мыслей, но и инструментом формирования социальной и гендерной идентичности. Каждое слово, каждая грамматическая конструкция и даже интонационный рисунок речи несут в себе не просто эмоциональную окраску, но и социальный подтекст. Женские комики используют язык как способ осмысления собственного опыта, трансформируя бытовые наблюдения и личные истории в культурно значимые нарративы. Через выбор слов и речевых стратегий они выстраивают своё место в обществе – место, где женский голос звучит уверенно, свободно и с юмором.

Женская речь в британской комедии отличается особой многослойностью: в ней переплетаются ирония, наблюдательность, эмпатия и смелость в обсуждении тем, которые долгое время считались табуированными. Речь идёт не только о частных или интимных вопросах, но и о социальных проблемах, о неравенстве, одиночестве, профессиональной конкуренции, давлении со стороны общества. Всё это подаётся через комическую призму, где смех выполняет не развлекательную, а терапевтическую функцию. Ироничная подача позволяет женщине говорить о сложном открыто, но без излишнего драматизма, а языковая гибкость помогает ей оставаться естественной, не отказываясь от собственного голоса ради соответствия ожиданиям аудитории.

Особое место занимает самоирония – характерная черта женского британского юмора. Это не просто приём для создания комического эффекта, а продуманная лингвистическая стратегия, направленная на укрепление коммуникативного равновесия. Самоирония позволяет женщине опередить возможную критику, снять напряжение и превратить уязвимость в источник силы. Через лёгкий смех над собой комик одновременно демонстрирует уверенность и умение дистанцироваться от внешней оценки. На уровне языка это выражается в использовании сниженной лексики, разговорных оборотов, намеренно простых синтаксических конструкций, которые создают эффект доверительного общения и приближают говорящую к слушателю [2, с. 79-95].

С точки зрения теории вежливости Браун и Левинсона, подобная речевая тактика направлена на сохранение так называемого «лица» – положительного социального образа говорящего. Самоирония, как элемент вежливости, позволяет избежать прямой конфронтации и при этом выразить своё отношение к ситуации. Женский юмор, таким образом, становится не просто способом вызвать смех, но и средством управления социальным взаимодействием. Он помогает выстраивать коммуникацию так, чтобы даже

критические или провокационные высказывания воспринимались мягко и с симпатией.

Более того, юмор становится своеобразным лингвистическим пространством свободы, где можно нарушать нормы, говорить откровенно и при этом не утрачивать коммуникативного контроля. Женщины-комики, особенно в британской традиции, мастерски балансируют между прямотой и эвфемизмом, между иронией и искренностью. Их речь – это постоянно меняющаяся игра смыслов, в которой каждая шутка несёт за собой культурный код, отражающий не только личный опыт, но и общественные настроения.

Таким образом, лингвистический анализ женского юмора в британской культуре показывает, что за каждой фразой стоит не только комический замысел, но и социальное высказывание. Женщины-комики создают особый тип речи, в котором ирония соединяется с искренностью, а игра слов превращается в способ самоидентификации. Язык здесь – не инструмент украшения, а пространство борьбы и свободы, где можно смеяться над миром и одновременно над собой. Именно поэтому женский юмор сегодня воспринимается не как жанровое явление, а как часть лингвистического дискурса, в котором смех становится формой знания о языке и о человеке.

Список использованной литературы

1. Боженко, Ю. С., Эм, Л.С., Калиновская, Е.А. Языковые признаки гендерной нейтральности в английском и русском языках (на примере интернет-публикаций) // Филологические науки. 2022. – № 2. – С. 60-65.
2. Еленевская, М. Двуязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян) / М. Еленевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 7-27.
3. Николаева, Т. Ю. Концептуализация понятия «гендер» в англо- и русскоязычном дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. – № 7(55). – С. 63-68.

УДК 81`367.625

Лихоносова С. Э., бакалавр 3 курса

КАТЕГОРИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМНИ В ПОВЕСТИ-ПРИТЧЕ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»

Научный руководитель**: Е. А. Гончарова** кандидат филологических наук, доцент

Пятигорский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу функционирования грамматических категорий прошедшего времени в английском переводе К.Вудс повести-притчи А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Цель исследования — выявить и

классифицировать нарративные функции форм Past Simple, Past Continuous и Past Perfect в создании временной структуры произведения. Статья включает контекстуальный и нарративный анализ, позволяющий перейти от абстрактных грамматических правил к пониманию их художественной роли. В результате исследования доказано, что система прошедших времен служит ключевым инструментом для организации нарратива, разграничения временных отрезков и передачи философского содержания.

Ключевые слова: грамматическая категория времени, нарративная структура, лингвистический анализ, нарратология, функции временных форм.

Likhonosova S. E., Bachelor Course student, 3rd year

THE CATEGORY OF THE PAST TENSE IN THE STORY-PARABLE OF ANTOINE DE SAINT-EXUPERY "THE LITTLE PRINCE"

Scientific supervisor: **E. A. Goncharova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the functioning of grammatical categories of the past tense in the English translation of K. Woods's story-parables of A. de Saint-Exupery "The Little Prince". The purpose of the study is to identify and classify the narrative functions of the forms Past Simple, Past Continuous and Past Perfect in creating the temporal structure of the work. The article includes a contextual and narrative analysis that allows us to move from abstract grammatical rules to an understanding of their artistic role. As a result of the research, it is proved that the system of past tenses serves as a key tool for organizing a narrative, delimiting time periods and conveying philosophical content.

Keywords: grammatical category of time, narrative structure, linguistic analysis, narratology, functions of time forms.

Актуальность данного исследования обусловлена комплексом лингвистических и культурологических факторов. В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к тому, как грамматические категории функционируют не на уровне одного предложения, а в рамках литературного произведения. Категория времени формирует нарративную структуру, управляет восприятием читателя, создает временную перспективу и определяет отношения между событием и его повествованием. Анализ данной темы позволяет перейти от абстрактных грамматических правил к пониманию их живой, художественной функции.

Произведение «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери представляет собой повесть-притчу с уникальной нарративной структурой, своеобразный «рассказ в рассказе», где повествование ведется от лица Летчика, вспоминающего события прошлого, и внутри существует основной рассказ – история Маленького принца. Эта сложная структура напрямую отражается в использовании различных форм прошедшего времени.

Цели исследования заключаются в выявлении и классифицировании всех грамматических форм прошедшего времени, встречающиеся в английском переводе повести-сказки «Маленький принц»; определение специфических нарративных функции каждой анализируемой временной формы [1].

Категория времени представляет собой фундаментальный аспект языковой системы, занимающий центральное место в лингвистических исследованиях. В рамках функциональной грамматики как российские, так и зарубежные исследователи полагают, что временные формы выполняют не только грамматическую, но и текстообразующую функцию, участвуя в организации нарративного пространства. Ключевую роль этот тезис приобретает при анализе художественного произведения, где временные формы становятся инструментом создания сложной временной перспективы [2], [5], [7].

Past Simple Tense (простое прошедшее время) употребляется для обозначения отдельных, законченных действий, время которых уже истекло. В данном случае часто используются слова-маркеры с целью указать время произошедшего действия. Также оно описывает действия, которые происходили на регулярной основе в прошлом, но в данный момент уже не случаются. Кроме того, простое прошедшее время в художественных текстах используется для хронологического изложения действий. Часто данное время используется для общеизвестных фактов или состояний, которые являлись истинными в прошлом. С помощью грамматической конструкции прошедшего времени можно выразить гипотетическую или маловероятную ситуацию. Это время образуется путем добавления окончания – ed к правильным глаголам или использования второй формы неправильных глаголов. Для построения вопросов и отрицаний используется вспомогательный глагол did, который принимает на себя функцию показателя прошлого, а смысловой глагол возвращается в начальную форму. [4], [6].

Past continuous Tense (прошедшее длительное время) описывает, что происходило в точно указанное время. Кроме того, оно показывает длительное действие, которое было прервано другим. Также данное время можно использовать для действий, которые происходили одновременно в течение некоторого периода в прошлом. В художественном произведении прошедшее длительное время используется для того, чтобы описать обстановку, на фоне которой происходят основные события. Формируется данное время с помощью вспомогательного глагола was/were и смыслового глагола с окончанием -ing.

Past Perfect Tense (прошедшее совершенное время) обозначает действие, которое произошло ранее другого действия в прошлом. Также данное время объясняет причину состояния или события в прошлом. Кроме того, такое время употребляется для выражения нереальных или несбывшихся надежд и сожалений. Это можно заметить в условных

предложениях третьего типа. Часто используются с глаголами hope (надеяться), expect (ожидать), think (думать), want (хотеть).

Время в художественных произведениях является не только хронологической последовательностью событий, но и сложным инструментом. Время в нарративе создает структуру рассказа, особое восприятие и раскрывает внутренний мир персонажей. Художественное время помогает автору сокращать или растягивать события, менять порядок и акцентировать внимание читателя на важных моментах произведения [3].

Нарратив может быть выстроен в различных видах: в виде непрерывного повествования, встроенный нарратив; прерывающегося нарратива. При использовании непрерывного повествования история произведения может быть построена в виде линейного рассказа от лица главного героя. Если автор прибегает к встроенному нарративу, то в произведении одна история рассказывается в картине уже существующей истории, которая при этом не прерывается, внимание читателя смещается на определенную и важную для сюжета историю. Для некоторых текстов характерно использование прерывающегося нарратива, когда одно событие неожиданно сменяется другим.

В произведении Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» существует несколько рамок повествования: с одной стороны, это рассказ Лётчика и его пребывание в пустыне, с другой стороны, история Маленького принца и его путешествие по планетам. Так, в монологе Летчика частотно используется Past Simple Tense для описания последовательных событий в пустыне, а также для описания детских воспоминаний, указывающих на то, что Летчик воспринимает эданный период своей жизни как часть завершенного прошлого*: «I showed my masterpiece to the grown-ups, and asked them whether the drawing frightened them» (Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им).* Однако мы заметили определенные закономерности использования конструкции Past Perfect Tense в речи Летчика, например, в восьмой главе данная временная категория выполняет не просто грамматическую, но и нарративную функцию, прежде всего, раскрывая глубину чувств персонажа, указывая на действие, которое стало причиной последующего состояния. Летчик, рассказывая историю, сначала объясняет Принцу, что тот неправильно интерпретировал слова, а затем уже его чувства, исходя из этой ситуации. Мы полагаем, что это создает эффект ретроспективы: *«He had taken seriously words which were without importance, and it made him very unhappy». (Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным).*

История Маленького принца является встроенным нарративом. В его речи можно проследить часто использование Past Simple Tense. Например, в шестой главе это время передает неустойчивое эмоциональное состояние героя. *“One day, I saw the sunset forty-four times! ... You know — one loves the sunset, when one is so sad…” (Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза! ... Знаешь… когда станет очень грустно, хорошо*

поглядеть, как заходит солнце…). В двадцатой главе Конструкция Past Continuous Tense создает фон основных событий, в которых происходит действие. *«He was standing before a garden, all a-bloom with roses». (Перед ним был сад, полный роз). "What moves me so deeply, about this little prince who is sleeping here, is his loyalty to a flower — the image of a rose that shines through his whole being like the flame of a lamp, even when he is asleep…" (трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нём, словно пламя светильника, даже когда он спит…)*

Особенно важна для понимания философского содержания текста цитата Лиса: *"But you must not forget it. You become responsible, forever, for what you have tamed». (Но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил).* На наш взгляд, выражение "have tamed" (приручил) является самой значимой частью высказывания. Акт приручения является случившимся фактом, результат которого остается навсегда.

Проведенное исследование показало, что категории времени являются не второстепенным грамматическим элементом, а ключевым нарративным критерием, участвующим в построении художественной картины произведения. Анализ текста подтвердил гипотезу о том, что каждая из исследуемых временных конструкций выполняет строго определенные нарративные функции. Past Simple служит основой для линейного повествования, фиксируя ключевые события в истории Летчика и Маленького принца. Past Continuous последовательно погружает читателя в обстановку, на фоне которой происходит действие. Форма Past Perfect выполняет ключевую роль в организации ретроспектив, обеспечивая смысловые связи между событиями, что особенно важно для произведения с такой сложной структурой. В заключение можно утверждать, что анализ нарративной структуры прошедших времен в английском переводе Кэтрин Вудс повести «Маленький принц» определённо показывает неразрывную связь между лингвистической конструкцией и художественным смыслом. Изучение функции временных форм выводит исследование за рамки грамматики в область нарратологии и интерпретации текста, открывая путь к более глубокому пониманию того, как языковые механизмы участвуют в создании одного из величайших философских произведений.

Список использованной литературы

1. Авакова, М. Л. Communication Elevator : учебное пособие / М. Л. Авакова, Е. А. Гончарова, Е. В. Милетова. — Москва : Проспект, 2024. – 192 с. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/398759 (дата обращения: 20.09.2025).

2. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4-13.

3. Гончарова, Е. А. Языковые характеристики англоязычного Бизнес-Твиттера как инструмента профессиональной коммуникации : специальность 10.02.04

"Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гончарова Елена Анатольевна. – Пятигорск, 2021. – 237 с.

4. Лич, Джеффри Краткий справочник по грамматике и использованию английского языка. – Харлоу: Лонгман – 2001.

5. Нерсесян, Г. Р. Опытность как один из базовых признаков концептосферы (на примере англоязычного научно-популярного педагогического дискурса) / Г. Р. Нерсесян, Е. А. Гончарова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 95-103. – DOI 10.18522/1995-0640-2024-1-95-103.

6. Свон, Майкл Практическое использование английского языка. –Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. – 2015.

7. Эльчепарова, Н.А. Грамматические репрезентанты категории прошедшего времени в англоязычной художественной литературе // В сборнике: Филология и лингводидактика: Взгляд молодых исследователей : материалы межрегионального научного семинара, Брянск, 30 ноября 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 211-218.

УДК 82-32:82-343.9

Маёрова В. С., бакалавр 3 курса

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ УСЛОВНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ КНИГ ДЖ. РОЛЛИНГ «HARRY POTTER»

научный руководитель: **Е.А.Гончарова**, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

Аннотация. Данная статья анализирует особенности использования категории условности в англоязычной художественной литературе. В фокусе исследования – функционально-семантическая категория модальности, рассматриваемая через призму английских условных предложений (Zero, First, Second, Third и Mixed Conditionals). Работа раскрывает специфические модально-экспрессивные характеристики каждой из этих форм, подкрепляя их примерами из романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер» [4, с. 55-67].

Ключевые слова: условие, модальность, экспрессивность, условные предложения, языковые аспекты, языковые конструкции, правила построения.

Mayorova V. S., Bachelor Course student, 3rd year

FEATURES OF THE USE OF THE CATEGORY OF CONVENTIONALITY BASED ON J.K. ROWLING'S "HARRY POTTER" SERIES

Supervisor: **E. A. Goncharova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Abstract: This article analyzes the use of the category of conditionality in English-language fiction. The study focuses on the functional-semantic category of modality, examined through the lens of English conditional sentences (Zero, First, Second, Third, and Mixed Conditionals). The work reveals the specific modal-expressive characteristics of each of these forms, supporting them with examples from J.K. Rowling's novel Harry Potter. [4 p. 55-67].

Keywords: condition, modality, expressiveness, conditional sentences, linguistic aspects, linguistic constructions, construction rules.

Изучение явления условности является приоритетным в современном языкознании. Для лингвистов очень важно изучать, как язык отражает возможные, ожидаемые или желаемые события, их причины и результаты. Особенно интересно смотреть на это в художественной литературе, ведь там эти языковые аспекты помогают раскрыть персонажей, построить различные варианты развития событий и добавить драматизма. Материалом исследования послужила серия книг о Гарри Поттере, содержащая значительное количество диалогов героев, их размышлений и поведенческих ситуаций, где автор использует категорию условного наклонения [1, с.192].

Основная цель нашей работы заключается в понимании, как явление условности работает и на что влияет.

Задачами данного исследования являются поиск и упорядочение примеров использования категории условности; выявление степени влияния условных предложений, как на характер персонажей, так и на сюжет в целом.

Условные предложения помогают индивиду выражать собственные мысли и эмоции более четко и структурировано. Всего выделяют 5 видов условных предложений. Каждому из них присущи свои особенности в построении и частота употребления [3, с. 43-57].

Существует четыре основных категории условных предложений: Zero Conditional, First Conditional, Second Conditional и Third Conditional. Помимо них, выделяют смешанные условные предложения (Mixed Conditionals), которые могут объединять элементы перечисленных типов, но чаще всего представляют собой комбинацию второго и третьего типов.

Структурно условное предложение состоит из двух компонентов: собственно условия (condition) и его результата или следствия (the main part of the sentence). Следствие указывает на действие, которое произойдет при выполнении заданного условия. Формальным признаком условия часто служит вводное слово "if". Порядок следования этих двух частей в предложении может варьироваться: сначала может идти условие, затем следствие, или наоборот. Такая перестановка не влияет на смысловое содержание, но имеет синтаксическое последствие: при постановке условия в начале предложения оно отделяется запятой, в то время как при начале с главного предложения запятая не требуется. Нулевое условное предложение применяется для описания общепринятых истин или фактов. Это означает, что условие, выраженное в придаточном предложении с "if", неизменно

влечет за собой следствие, указанное в главном предложении. Грамматически, оба глагола в нулевом условном предложении стоят в Present Simple, что делает его самым простым типом условных конструкций в английском языке.

Рассмотрим предложение: «*We're coming for you, whether the muggles like it or not*» (Мы придём за тобой, нравится это магглам или нет) в котором указывается на простую констатацию факта, непреложной истины. Автором данного высказывания является Рональд Уизли (Ron Weasley), который хочет акцентировать внимание на неоспоримости факта. Судя по выбору условного предложения Рональдом, мы можем предположить, что он полностью уверен в себе и своих словах.

First Conditional описывает **вероятное будущее событие**, которое произойдет при выполнении **конкретного условия**. Для этого в главной части предложения используется Future Simple, а в придаточной – Present Simple. «*If you want to contact me, I'll be at my friend Ron Weasley's for the rest of the summer*» (Если тебе понадобится связаться со мной, я буду в гостях у Рона Уизли до конца лета). Анализируя это предложение, мы видим, что говорящий, а именно Гарри, понимая ситуацию, в которой находится, старается предугадать неизбежные события. Также мы выявили, что данный тип условного предложения может быть использован для выражения угроз и предупреждений: «*If Harry Potter goes back to Hogwarts, he will be in mortal danger*» (Если Гарри Поттер снова окажется в Хогвартсе, его будет подстерегать смертельная угроза). Персонаж Добби использует этот тип условного предложения, чтобы предупредить Гарри. К этому грамматическому явлению прибегает Гермиона, когда она обеспокоена, тем, что может произойти с Гарри, что характеризует ее как хорошего друга: «And *if you try and magic yourself out, they'll expel you*!» (А если ты попытаешься спасти себя магией, тебя выгонят!).

Следующий тип условных предложений нереален с точки зрения модальности и направлен на вероятное, гипотетическое действие, которое, скорее всего, не произойдет. Для выражения нереальных или маловероятных условий в настоящем или будущем используется условное предложение второго типа. Его структура предполагает использование прошедшего времени (Past Simple) в условии и сослагательного наклонения (would + инфинитив без to) в следствии. Особый случай касается глагола "to be": в условной части он всегда ставится в форме "were", независимо от лица и числа подлежащего. Например, в предложении: «*If he tried to stop Harry writing to Sirius, Sirius would think Harry was being mistreated*» (Если бы он попытался помешать Гарри писать Сириусу, Сириус подумал бы, что с Гарри плохо обращаются). Гарри раздумывает о том, что может произойти, но не произойдет по явным обстоятельствам. В главном предложении могут встречаться и модальные глаголы в прошедшем времени. Наиболее употребительны из них might и could. Предложение: «*If he didn't do or say anything stupid, he might just be in for the treat of a life time*» (Если бы он не сделал и не сказал ничего глупого, его бы ждало самое

лучшее в жизни) выражает гипотетическое условие, которое уже не произойдет. Важно выделить маркеры (например, "what if", "suppose", "imagine that", "even if"), характерные для второго типа условных предложений, которые вводят предположения о возможном, но не реальном будущем: «*What would happen if he didn't turn up at Hogwarts*?» (Что бы произошло, если бы он не появился в Хогвартсе?). В данном примере, мы видим, как главный герой – Гарри, размышляя о своем будущем, использует второй тип условного предложения, понимая, что вероятность его возвращения в Хогвартс крайне мала [5, с. 396-400].

Когда мы говорим о ситуациях в прошлом, которые не произошли и которые уже нельзя изменить, мы используем третий тип условных предложений в английском. Это отличает его от второго типа, где речь идет о нереальных, но потенциально изменяемых условиях. Структура предложения включает "would have" с причастием прошедшего времени в главной части и Past Perfect в придаточном условии. Третий тип часто служит для выражения сожаления о прошлом, надежды на лучшее или размышлений о альтернативных сценариях. Например, в предложении: «*If it hadn't been for Voldemort, Harry would still have had parents*» (Если бы не Волан-де-Морт, у Гарри всё ещё были бы родители) мы можем увидеть сожаление о том, что уже нельзя изменить или как - либо поменять. Частотно третий тип условных предложений выражает угнетения и скорбь. «*Uncle Vernon might still have been able to make his deal "'if it hadn't been for the owl*» (Дядя Вернон, возможно, все еще смог бы заключить сделку, если бы не сова). Исходя из этого примера, мы понимаем, что герой использует третий тип условного предложения, для выражения своих эмоций, понимая, что ситуацию уже никак изменить нельзя [2, с. 10-15].

Англоязычные авторы иногда используют смешанные типы условных предложений, чтобы показать, что события относятся к разным временным периодам. Эти конструкции, как правило, представляют собой комбинацию форм вроде Past Indefinite, Past Perfect, Future in the Past и Future in the Past Perfect. По сути, это нечто среднее между вторым и третьим типами условных предложений. Они служат для выражения сожаления или, наоборот, радости по поводу уже свершившихся фактов, подчеркивая невозможность что-либо изменить. Писатели выбирают смешанный тип, когда хотят передать ощущение нереальности или невозможности совершить, или изменить что-либо: «*If he have had any decency, he would leave*» (Если бы у него была, хоть капля порядочности, он бы ушел). Анализируя данное предложение, можно сказать, что оно использовано для осуждения человека, за его поведение, которое он уже показал. Другим примером может служить предложение *«Dobby hoped if Harry Potter thought his friends had forgotten him, Harry Potter might not want to go back to school, sir*» (Добби рассчитывал, что если Гарри Поттер решит, будто его друзья о нем забыли, то, вероятно, не захочет возвращаться в школу). Исходя из этого контекста, мы можем сказать, что Добби сожалеет, о своих прошлых действиях, только сейчас понимая свою вину.

Анализ англоязычной художественной литературы выявил, что все виды условных предложений обладают модально-экспрессивным оттенком. Изучая эту категорию, мы установили, что нулевой тип условных предложений используется для описания реальных, объективных ситуаций, таких как свершившиеся факты, привычки или общепризнанные истины.

Первый тип обращен к будущему и предполагает большую степень ирреальности, используется для предсказаний, предупреждений, допущений, а также может выражать решимость, угрозу или совет, приобретая черты императива. Второй тип носит гипотетический характер и описывает маловероятные или нереальные действия в настоящем или будущем. Он часто передает юмор, предположения или усиленную экспрессию, а с глаголами might и could формирует гипотезы. Конструкция If I were you обычно выражает совет. Третий тип полностью не осуществим, так как относится к прошлому, и выражает сожаление, предположение о другом исходе событий или скорбь. Для усиления выразительности здесь может применяться инверсия.

Список использованной литературы

1. Авакова, М. Л. Communication Elevator : учебное пособие / М. Л. Авакова, Е. А. Гончарова, Е. В. Милетова. – Москва : Проспект, 2024. – 192 с. – Текст: электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/398759 (дата обращения: 09.10.2025).
2. Голубева, М. А. Выражение категории условности в современном английском языке (на примере сложноподчиненных предложений с гипотетическим придаточным) / М. А. Голубева // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания : Сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции, Москва, 30 ноября 2017 года / Ответственный редактор Н.В. Бутылов. Том Выпуск 1. – Москва: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2018. – С. 10-15.
3. Гончарова, Е.А. Языковые средства выразительности англоязычного Бизнес-Твиттера // Современные исследования социальных проблем, 2020. – Т. 12. № 4. – С. 43-57.
4. Муллагалиев, Н.К., Ахметзянов, И.Г., Гараева, А.К. Модальность в системе условных предложений английского языка (на материале англо-американских художественных произведений) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. – № 5 (98). – С. 55-67.
5. Уманская, В.А. Концепт SUCCESS: успех в профессиональной коммуникации // LinguaAcademica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2024. – С. 396-400.

УДК 811.11-112

Макеева Л. В., бакалавр 3 курса

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ВИДОВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научный руководитель: **И.А. Шевелева,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена анализу способов словообразования названий лекарственных средств в современном английском языке. Рассматриваются основные словообразовательные модели (аффиксация, сложение, аббревиация) и лингвистические источники (классические языки, химическая номенклатура, естественные языки). Особое внимание уделяется роли международных стандартов ВОЗ в унификации терминологии и противоречию между требованиями стандартизации и маркетинговыми стратегиями нейминга.

Ключевые слова: фармацевтическая терминология, словообразование, словообразовательные модели, суффиксация, аббревиация, усечение

Makeeva L.V., Bachelor Course student, 3rd year

METHODS OF FORMING NAMES OF TYPES OF MEDICINAL PRODUCTS IN ENGLISH

Scientific supervisor: **I.A. Sheveleva,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article analyzes the word-formation patterns of drug names in modern English. It examines the main word-formation models (affixation, compounding, abbreviation) and linguistic sources (classical languages, chemical nomenclature, natural languages). Special attention is paid to the role of WHO international standards in terminology unification and the conflict between the requirements of standardization and marketing naming strategies.

Keywords: pharmaceutical terminology, word formation, word formation patterns, suffixation, abbreviation, shortening

Номенклатура лекарственных препаратов представляет собой сложную лингвистическую систему, в которой наименование играет не только идентифицирующую, но и смысловую роль, отражая химическую структуру, механизм действия или терапевтическое назначение препарата. Исследование словообразовательных процессов в этой области позволяет выявить принципы организации и развития профессиональной лексики, лежащей на пересечении науки, лингвистики и маркетинга. Фармацевтическая терминология отличается высокой степенью

мотивированности, что придаёт её словообразовательной структуре особенности, однако регламентация не исключает разнообразия лингвистических методов.

Разнообразие моделей словообразования, в свою очередь, объясняется использованием различных лингвистических источников, образующих иерархическую структуру.

Классические языки (греческий и латинский) формируют научное ядро номенклатуры, обеспечивая стандартизацию и интернациональность. Греческий язык преимущественно применяется для обозначения патологий и терапевтических действий, латинский – для анатомических объектов и конкретных веществ [3, с. 30].

Что касается естественных языков, в частности английского, они предоставляют базу для творческих торговых наименований и описательных сложных терминов, понятных широкой аудитории: «pain-killer», «cough syrup».

Антропонимы и топонимы выступают как историко-культурные маркеры, придающие индивидуальность терминам. Например, лекарственное средство «Morphine» названо в честь древнегреческого бога сна Морфея, что подчёркивает его снотворное действие.

Звуковой символизм также является важным инструментом нейминга. Фонемы «v», «z», «x» ассоциируются с инновациями и технологичностью, а «l», «m», «n» – с мягкостью и надёжностью, создавая нужный образ препарата.

На базе указанных лингвистических источников формируются ключевые словообразовательные модели, составляющие основу номенклатуры.

Эту основу английской фармацевтической терминологии составляют морфемные модели, основанные на греческом и латинском языках [2; 3, с. 33]. Ведущую роль занимает аффиксация: суффиксы выполняют классифицирующую функцию, указывая на фармакологическую группу. В системе ВОЗ существует «Semantic Stem System», где закреплены стандартизированные суффиксы, соответствующие определённым классам препаратов:

- «-cillin» – пенициллиновые антибиотики (Penicillin);
- «-statin» – гиполипидемические средства (Simvastatin);
- «-lol» – бета-блокаторы (Propranolol);
- «-pril» – ингибиторы АПФ (Enalapril);
- «-vir» – антивирусные препараты (Aciclovir).

Префиксы модифицируют значение основы, обозначая свойства или действия, например, «anti-» против, «dys-» нарушение [4, с. 111–112].

Следующий способ, сложение основ (композиция), позволяет конструировать сложные термины, отражающие состав или функции препаратов. К примеру, слово «cholenzymum» образовано от корней «chole» (греч. желчь) и «enzymum» (лат. фермент), что точно характеризует фармакологическое действие препарата.

Параллельно функционируют мономорфемные названия, состоящие из одного корня и обозначающие активное вещество: «aspirin». Их лаконичность обеспечивает точность идентификации в международной практике.

Аббревиация и акронимы также широко применяются для обозначения дозировок, способов введения и классов препаратов:

- b.i.d. (bis in die) – два раза в день;
- NSAID (Non-Steroidal Anti-Inflammatory Drug) – нестероидный противовоспалительный препарат.

В противовес этой системе, неологизмы и торговые марки преимущественно создаются с использованием креативных стратегий, ориентированных на маркетинг и запоминаемость [1]. Названия формируются с учётом звукового символизма и позитивных ассоциаций. Ярким примером служит препарат от бессонницы «Lunesta», название которого созвучно со словом «luna» (луна), а конечный элемент «est» фонетически приближен к слову «rest» – отдых, что вызывает прямые ассоциации со спокойным ночным сном.

В дополнение к рассмотренному примеру словообразования, название «Claritin» так же заслуживает отдельного внимания. Корень «clari-», производный от английского слова «clarity» (ясность, чистота), неслучайно выбран для названия антигистаминного препарата. Он вызывает у потребителей образ «чистого», «ясного» дыхания, что напрямую связано с основным эффектом лекарства – облегчением симптомов аллергии, включая заложенность носа и затруднённое дыхание. Суффикс «-tin» смягчает строгий образ, что важно для препаратов, ориентированных на широкую аудиторию. Такой суффикс также способствует лёгкости произношения и запоминания, что значительно повышает привлекательность бренда для потребителя.

Подобное разнообразие коммерческих названий, однако, создаёт риск терминологической путаницы, что обуславливает необходимость строгой унификации на международном уровне. Ключевую роль в этом процессе играет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), которая посредством программы Международных непатентованных наименований (МНН), запущенной в 1950 году, является ключевым регулятором фармацевтической номенклатуры.

Цель программы – создать единую систему идентификации активных веществ и устранить путаницу из-за множества торговых названий.

Структура МНН включает трёхуровневую иерархию:

1. МНН (INN) – универсальное научное наименование, обеспечивающее глобальную идентификацию действующего вещества;
2. Официальное название – локализованная версия МНН, используемая в национальных фармакопеях и регуляторных документах.
3. Торговое название – бренд производителя, средство маркетинга и продуктовой дифференциации.

Хотя юридический статус МНН рекомендательный, страны-члены ВОЗ обязаны признавать их и включать в национальные реестры. Обязательное указание МНН рядом с торговым наименованием на упаковке повышает безопасность пациентов и снижает риски медицинских ошибок.

В рамках настоящего исследования нами была сформирована репрезентативная выборка, включившая 50 торговых наименований лекарственных средств для лечения кожных заболеваний, представленных на фармацевтическом рынке Великобритании. Основным методом исследования выступил структурно-словообразовательный анализ, который позволил систематизировать модели создания коммерческих названий и выявить наиболее продуктивные из них.

Проведенный анализ продемонстрировал, что номинация «антиакне» препаратов осуществляется по определенным словообразовательным моделям, которые могут быть систематизированы в несколько основных групп.

1. Аффиксация как ключевой словообразовательный механизм

Данная модель оказалась наиболее продуктивной в исследуемой выборке. Аффиксация позволяет создавать уникальные названия, сохраняющие семантическую связь с базовыми понятиями и наделенные конкретным маркетинговым посылом.

Суффиксация играет особо важную роль в передаче специфики действия препарата:

- «-cide» (от лат. caedere – убивать): «Acnecide» – суффикс четко указывает на антибактериальное, уничтожающее патогены действие.
- «mycin» (характерный для антибиотиков): «Acnemycin» – маркирует принадлежность к противомикробным средствам, создавая ожидание эффективности.
- «clear/-free» (очищение/свобода от): «Acniclear», «Acnefree» – коммуницируют результат лечения, понятный конечному потребителю.
- «-care» (уход): «Clinicare», «Acnicare» – смягчает медицинскую направленность, акцентируя косметический аспект.
- «Суффиксы» («-trex», «-tix», «-zine»): «Acnetrex», «Acnetix», «Acnezine» – не несут четкой семантики, но фонетически создают ощущение инновационности и технологической продвинутости.

Префиксация выполняет функцию интенсификации значения:

- «Pan-» (всеобщий): «Panoxyl» – создает впечатление комплексного и всеобъемлющего действия.
- «Epi-» (на поверхности): «Epiduo» – указывает на воздействие в пределах эпидермиса.
- «Dia-» (двойной): «Dianette» – подчеркивает двойной механизм действия препарата.

2. Композиционные модели с прозрачной семантикой

Вторая по продуктивности модель основана на композиции семантически прозрачных компонентов, обеспечивающей мгновенное понимание назначения препарата.

Модель «Acne + словообразовательный элемент» демонстрирует высочайшую частотность: «Acnecide», «Acnemycin», «Acnetrex», «Acniclear», «Acnefree» и др. Корень «Acne-» обеспечивает прямую идентификацию целевого назначения, а вариативные вторые элементы дифференцируют продукты на рынке.

Модель «Skin/Derm(a) + элемент» фокусируется на объекте воздействия: «Skinoren», «SkinVive», «Skinovate», «Dermaclean», «Dermaflam». Данная стратегия ассоциирует препарат не только с лечением болезни, но и с общим оздоровлением и улучшением состояния кожи («оживлением», «обновлением»).

3. Усечение

Данная модель отражает стремление к созданию лаконичных, динамичных и легко запоминающихся брендов:

- «Differin» (от «differentiation») – подразумевает нормализацию процессов дифференцировки клеток кожи.
- «Clinicare» (от «clinical care») – апеллирует к клинически доказанной эффективности.
- «Benzac» (от «benzoyl») – прямо указывает на ключевое действующее вещество.
- «Retin-A» (от «retinoic acid») – представляет собой прямую аббревиатуру.

4. Словосложение

Объединение двух и более основ позволяет компактно передать информацию о составе или механизме действия:

- «Panoxyl» (Pan- + oxyl) – передает идею комплексного окисляющего действия.
- «Epiduo» (Epi- + duo) – указывает на комбинацию двух действующих веществ и их поверхностное действие.
- «Zineryt» (Zin + Erythromycin) – непосредственно отражает состав препарата.

5. Уникальные и фонетически мотивированные названия

Часть названий создается с опорой на благозвучность и положительные ассоциации:

- «Genesen» (созвучно с «genesis») – намекает на обновление и восстановление кожи.
- «Sebclair» (Seb + фр. «clair») – сочетает указание на причину акне (себум) и идею очищения.

Для определения относительной значимости каждой модели нами был выполнен количественный подсчет, результаты которого представлены на диаграмме:

Рис. 1 Распределение словообразовательных моделей в названиях «антиакне» препаратов

Как наглядно демонстрирует диаграмма, абсолютно доминирующей стратегией номинации является аффиксация (44% случаев), что подтверждает ее ключевую роль в создании специализированной фармацевтической лексики. Вторая по продуктивности модель – композиция с семантическими компонентами «Acne-», «Skin-», «Derm(a)-» (32%), что обеспечивает мгновенную идентификацию назначения препарата. Таким образом, более 75% всех проанализированных названий созданы по этим двум моделям. Остальные стратегии – усечение (14%), словосложение (6%) и создание уникальных и фонетически мотивированных названий (4%) – играют вспомогательную роль, служа для создания более лаконичных или дифференцированных на рынке брендов.

Данное распределение доказывает, что словообразование в сфере фармацевтического брендинга не является случайным процессом, а подчиняется четким закономерностям, направленным на достижение максимальной информативности и маркетингового воздействия.

Список использованной литературы

1. Белицкая, Л. М., Васильева, И. Л., Неруш, А. В. О неологизмах в английском языке медицины [Электронный текст]. – URL: https://rusnauka.com/17_APSN_2009/Philologia/48205.doc.htm
2. Доткулова, З. О. Англоязычная фармацевтическая терминология: латинские истоки / З. О. Доткулова, Р. С. Аликаев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 93-101. – DOI 10.29025/2079-6021-2019-1-93-101.
3. Дудченко, В.В., Яворский, А. Н., Олефир, Ю. В., Бунятян, Н. Д. Международные непатентованные наименования лекарственных средств: требования к формированию заявок и порядок экспертизы // Ведомости научного центра экспертизы средств медицинского применения. – 2015. – № 2. – С. 29–33.

4. Посохина А. В. Продукция фармацевтической компании Teva: этимология русских названий лекарственных средств [Электронный ресурс]. – URL: https://elib.usma.ru (дата обращения: 01.11.2025).
5. Ten Hacken P., Panocová R. (ред.). The Interaction of Borrowing and Word Formation. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – 320 p.
6. World Health Organization (WHO) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.who.int/teams/health-product-policy-and-standards/inn (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 82-343.9:81`25

Матюхин В.А., магистрант 1 курса

МАРКЕРЫ ЖАНРА «КИБЕРПАНК» И ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ УИЛЬЯМА ГИБСОНА)

Научный руководитель: **Е.С. Храброва,** кандидат филологических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается жанр киберпанка и его определяющие признаки на примере романов Уильяма Гибсона. Анализируется теоретическое понимание жанра, подчеркивается его динамичная природа и роль в формировании читательских ожиданий. В работе выявляются ключевые характеристики киберпанка, включая его антиутопический мир, маргинализированных персонажей с кибернетическими улучшениями, технологический прогресс, темы трансгуманизма и контроля над информацией, а также характерный языковой стиль, богатый неологизмами и сленгом. Подчеркиваются проблемы, которые эти признаки представляют для переводчиков, акцентируется необходимость точной передачи жанрово-специфической лексики и стилистических элементов для сохранения целостности оригинального произведения и намеренного читательского опыта.

Ключевые слова: киберпанк, технологии, кибернетика, искусственный интеллект, виртуальная реальность.

Matyukhin V. A., Master Course student, 1st year

MARKERS OF THE "CYBERPUNK" GENRE AND THEIR REFLECTIONS IN TRANSLATION (BASED ON THE NOVELS OF WILLIAM GIBSON)

Scientific supervisor: **E.S. Khrabrova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article examines the cyberpunk genre and its defining features using the example of William Gibson's novels. The theoretical understanding of the genre is analyzed, its dynamic nature and its role in shaping readers' expectations are emphasized. The paper

identifies key characteristics of cyberpunk, including its dystopian world, marginalized characters with cybernetic enhancements, technological progress, themes of transhumanism and information control, as well as a distinctive linguistic style rich in neologisms and slang. The problems that these signs pose for translators are emphasized, and the need for accurate transmission of genre-specific vocabulary and stylistic elements is emphasized in order to preserve the integrity of the original work and the intended reader's experience.

Keywords: cyberpunk, technology, cybernetics, artificial intelligence, virtual reality.

Исследование жанровых маркеров и их последующего перевода является краеугольным камнем литературоведения и переводоведения. Жанр «киберпанк» представляет собой особенно интересный объект для такого анализа, поскольку он не только сформировал уникальный художественный мир, но и разработал специфический язык, богатый неологизмами, жаргонизмами и отсылками к высоким технологиям. Романы Уильяма Гибсона, в частности его «Sprawl Trilogy» («Neuromancer», «Count Zero», «Mona Lisa Overdrive»), считаются эталоном жанра и поэтому предоставляют обширный материал для изучения. Данная работа ставит своей целью проанализировать основные характеристики жанра «киберпанк» и обозначить их значение для последующего перевода.

Понятие «жанр» является одним из центральных в литературоведении и определяет устойчивые формы организации художественного текста. Жанр можно рассматривать как систему «конвенций», которые формируют у читателя «горизонт ожиданий» [9].

Основоположник теории речевых жанров М.М. Бахтин отмечал, что «жанр есть относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [1, с. 250]. Цветан Тодоров в своей работе «Genres in Discourse» развивает эту мысль, утверждая, что жанры являются институционализированными формами дискурса, которые диктуют правила восприятия и производства текста [14]. В его понимании жанр — это точка пересечения индивидуального стиля автора и общественных литературных норм.

Концепция жанра в отечественной традиции опирается на работы А.Н. Веселовского, видевшего в жанре исторически сложившиеся формы [2]. В.В. Виноградов подчеркивал роль жанра в формировании языковой структуры, отмечая, что жанровые формы «направляют выбор лексических и грамматических средств» [3, с. 68]. Теоретик Дарко Сувин определяет научно-фантастический жанр через «когнитивное отстранение», создающее дистанцию между миром текста и реальностью читателя [13].

Для переводчика понимание жанровых конвенций является критически важным. Киберпанк — это поджанр научной фантастики, возникший в начале 1980-х. Идеологом жанра выступил Брюс Стерлинг, провозгласивший эстетику «высоких технологий и контркультуры» [12]. Ключевой фразой киберпанка стала формула «High Tech, Low Life» (высокие технологии, низкий уровень жизни).

Как отмечает Лоуренс Маккаффери, киберпанк стал «зеркалом» страхов конца XX века, отразив тревоги, связанные с быстрой цифровизацией общества [10]. Уильям Гибсон в романе «Neuromancer» задал каноны жанра, введя понятия «Матрицы» как консенсуальной галлюцинации и искусственного интеллекта [8]. Н.Б. Маньковская указывает на то, что киберпанк — это квинтэссенция постмодернистской культуры, где виртуальная реальность подменяет собой физическую [4].

Маркеры киберпанка формируют его узнаваемый облик на нескольких уровнях:

1. Мир и атмосфера.

События разворачиваются в недалеком будущем, где прогресс усугубил социальные проблемы. Скотт Букатман описывает это пространство как «терминальную зону», где город превращается в бесконечную информационную сеть [5]. Визуальная эстетика строится на образах неоновых мегаполисов, таких как Чиба-Сити или «Муравейник» (The Sprawl) [8]. Брайан Макхейл подчеркивает, что такая поэтика отражает фрагментарность постмодернистского сознания [11].

2. Персонажи.

Главные герои — это маргиналы (хакеры, «ковбои», наемники). Томас Фостер акцентирует внимание на «постгуманизме» киберпанка: персонажи модифицируют тела нейроинтерфейсами, становясь частью системы [7]. Классический пример — протагонист Кейс, чья идентичность неразрывно связана с пребыванием в виртуальном пространстве [8].

3. Технологии.

Понятие «Матрица» в описании Гибсона становится ключевым маркером. Дани Кавалларо отмечает, что киберпространство — это не просто инструмент, а полноценный культурный ландшафт, трансформирующий человеческий опыт [6].

4. Темы и идеи.

Информация в киберпанке становится высшей ценностью и оружием. Исследователи отмечают, что центральным конфликтом часто является борьба личности за сохранение идентичности в условиях тота льного контроля корпораций [10, 7].

5. Язык и стиль.

Тексты Гибсона характеризуются «неологической перегрузкой» и плотностью метафор. Брайан Макхейл указывает, что стиль «Neuromancer» имитирует быстроту компьютерных вычислений и жесткость уличного арго [11]. Для переводчика это означает необходимость не просто передачи смысла, но воссоздания специфической ритмики и инновационной лексики оригинала.

Жанр «киберпанк», сформированный Уильямом Гибсоном, представляет собой сложную систему маркеров, охватывающих мир, персонажей и язык. Эти элементы создают уникальный «дискурс жанра», о котором писал Т. Тодоров [14]. Для переводчика работа с такими текстами требует глубокого понимания философии постмодернизма и умения

работать с многослойным техногенным сленгом. Искажение данных маркеров ведет к разрушению авторского замысла и жанровой специфики произведения.

Список использованной литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : Авторский сборник / М. М. Бахтин. – 2-е издание. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. статья и прим. В. М. Жирмунского; Ин-т лит-ры Акад. наук СССР. – Л.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1940. – 649 с.
3. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы : избр. тр. / В.В. Виноградов – М. : Наука, 1980. –360 с.
4. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
5. Bukatman, S. Terminal Identity: The Virtual Subject in Postmodern Science Fiction. — Durham: Duke University Press, 1993. — 404 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/isbn_9780822313403/page/n3/mode/2up (дата обращения: 06.10.2025)
6. Cavallaro, D. Cyberpunk and Cyberculture: Science Fiction and the Work of William Gibson. — London: Athlone Press, 2000. – 258 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/cyberpunkcybercu0000cava (дата обращения: 06.10.2025)
7. Foster, T. The Souls of Cyberfolk: Posthumanism as Vernacular Theory. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 312 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/57545818/The_Souls_of_Cyberfolk_Posthumanism_as_Vernacular_Theory (дата обращения: 06.10.2025)
8. Gibson, W. Neuromancer. – New York: Ace Books, 1984. – 271 p.
9. Jauss, H. R. Toward an Aesthetic of Reception. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. – 231 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/towardaesthetico0000hans (дата обращения: 06.10.2025)
10. McCaffery, L. Storming the Reality Studio: A Casebook of Cyberpunk and Postmodern Science Fiction. – Durham: Duke University Press, 1991. – 387 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/stormingrealitys0000unse (дата обращения: 06.10.2025)
11. McHale, B. Constructing Postmodernism. — London: Routledge, 1992. — 310 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/constructingpost0000mcha (дата обращения: 06.10.2025)
12. Sterling, Bruce. Preface // Mirrorshades: The Cyberpunk Anthology. New York: Arbor House. 1986 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rudyrucker.com/mirrorshades/HTML/ (дата обращения: 06.10.2025)
13. Suvin, D. Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre. — New Haven: Yale University Press, 1979. – 317 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/metamorphosesofs0000suvi_i8f6 (дата обращения: 06.10.2025)
14. Todorov, T. Genres in Discourse. —— Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 136 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/genresindiscours0000todo (дата обращения: 06.10.2025)

УДК 81`42:791.2

Мельник А. В., бакалавр 3 курса

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОСВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА)

Научный руководитель: **Е. А. Гончарова**, кандидат филологических наук, доцент

Пятигорский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию прагматического потенциала косвенной речи в современном англоязычном кинодискурсе. Цель работы заключается в выявлении и анализе функций косвенной речи как инструмента речевого воздействия, который выходит за рамки простой передачи содержания. Методологической основой служит лингвопрагматический анализ примеров из зарубежных сериалов, что позволяет установить связь между грамматической структурой высказывания и его коммуникативной целью. Результаты показали, что косвенная речь является ключевым средством вербализации скрытых смыслов, осуществления манипуляции и формирования зрительского восприятия, что делает её неотъемлемой частью комплексного сообщения кинопроизведения.

Ключевые слова: косвенная речь, типы косвенной речи, косвенное цитирование, кинодискурс, прагматика.

Melnik A. V., Bachelor Course student, 3rd year

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF INDIRECT SPEECH (BASED ON THE ENGLISH-LANGUAGE FILM DISCOURSE)

Scientific supervisor: **E. A. Goncharova**, Candidate of philological sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatic potential of indirect speech in modern English-language film discourse. The purpose of the work is to identify and analyze the functions of indirect speech as a tool of speech influence that goes beyond the simple transmission of content. The methodological basis is a linguistic and pragmatic analysis of examples from foreign TV series, which makes it possible to establish a link between the grammatical structure of an utterance and its communicative purpose. The results showed that indirect speech is a key means of verbalizing hidden meanings, manipulating and shaping audience perception, which makes it an integral part of the complex message of film production.

Keywords: indirect speech, types of indirect speech, indirect quoting, film discourse, pragmatics.

Для изучения прагматического потенциала косвенной речи в кино необходимо рассматривать кинодискурс как единое целое. Как отмечает исследователь А.Н. Зарецкая, кинодискурс представляет собой лингвосемиотическое единство, где слова тесно переплетаются с визуальными и звуковыми элементами, создавая комплексное сообщение [2, с.7]. Такой подход позволяет видеть в косвенной речи не просто языковое явление, а эффективный инструмент воздействия на зрителя, усиленный невербальными средствами: мимикой, монтажом, интонацией и изображением. Именно в кинодискурсе косвенная речь полностью раскрывает свои коммуникативные возможности, формируя у зрителя скрытые смыслы [1, с.131].

Под косвенной речью в данной статье понимается одна из форм передачи чужой речи, синтаксически организованная в виде сложноподчинённого предложения [3, с.349]. Косвенная речь строится следующим образом: сначала идут «слова автора», образующие главное предложение, а затем – пересказанное высказывание, оформленное как придаточное предложение. По сути, это речь внутри речи, или сообщение о другом сообщении.

Косвенное цитирование позволяет нам делиться с собеседником информацией о высказываниях других лиц. При использовании косвенной речи мы устраняем границы исходного высказывания и фокусируемся на содержании сообщения. И таким образом, мы строим наше повествование, опираясь на собственное восприятие и учитывая следующие факторы: актуальное ситуативное содержание и иллокутивную силу исходного сообщения [9, p.10].

Существуют различные типы высказываний с косвенной речью, например, *утверждение, вопрос, манипуляция* или *команда*. Следовательно, как структура, так и содержание придаточного предложения в разных случаях употребления таких типов высказывания будет отличаться. В таблице 1 приведены примеры высказываний указанных типов, материалом исследования послужили англоязычные сериалы, такие как: «Killing Eve», «The Vampire Diaries», «Sex and the City», «Slow Horses», «Monster: The Story of Ed Gein».

Таблица 1. Типы косвенной речи на материале англоязычных сериалов

Утверждение		
Часто используется для передачи информации, которая подаётся как объективный факт, даже если это не так. Говорящий отдаляется от содержания, как бы снимая с себя прямую ответственность за истинность сказанного.		
Название сериала	Реплика	Пояснение
«The Vampire Diaries»	*«She told me she loved me. She said we'd be together forever».*	Передавая эти слова, Стефан не просто вспоминает прошлое, он акцентирует внимание на глубине обмана. Косвенная речь служит здесь для демонстрации

		контраста между обещаниями Кэтрин и её предательством.
«Killing Eve»	*«She said she killed Bill because he was in her way».*	Косвенная речь здесь подчёркивает хладнокровную мотивацию убийцы, делая её поступок ещё более шокирующим в своей простоте и отсутствии эмоций.
«Sex and the City»	*«He implied that he wasn't ready for something serious».*	Здесь косвенная речь точно передаёт невысказанное, ведь Мистер Биг не заявлял прямо, он именно намекал (implied). Кэрри пересказывает это, как бы анализируя подтекст.
«Slow Horses»	*«So, River here says the whole thing was a bloody circus from the start».*	Лэмб использует косвенную речь, чтобы донести критическую оценку, при этом формально оставаясь в стороне. Это типичный для него приём: он провоцирует, цитируя других.
«Monster: The Story of Ed Gein»	*«People used to say that Gein house was a godless place».*	Использование косвенной речи с неопределённым источником (people used to say) типично для передачи слухов и объективной информации.
Вопрос		
Помогает смягчить прямой, иногда откровенно прямолинейный вопрос, сделать его более вежливым, или наоборот, с сарказмом. Иногда демонстрирует скрытое выведывание информации, показывая сомнение или неуверенность.		
Название сериала	Реплика	Пояснение
«The Vampire Diaries»	*«She asked me if I was ever going to stop enjoying this».*	Передавая этот вопрос, Дэймон показывает своё циничное отношение к нему. Косвенная речь позволяет ему с усмешкой и сарказмом рассуждать над этим.
«Killing Eve»	*«My therapist inquired why I feel no remorse».*	Вилланель, как психопатка, передаёт слова своего психолога как что-то клиническое и чуждое ей.
«Sex and the City»	*«My date had the nerve to ask me if I was "planning on heaving children soon", as if he was interviewing me for a job».*	Косвенный вопрос передаётся в данном случае с определённым раздражением, и чтобы сделать историю более яркой для своих подруг, Миранда использует его, выражая своё возмущение бестактностью собеседника.
«Slow Horses»	*«He asked we're even bothering with this dead-end lead».*	Передавая коллеге вопрос Родера, Луиза не просто информирует его, а выражает общее чувство разочарования и скепсиса для команды, где косвенный вопрос становится инструментом коллективного недовольства.
«Monster: The Story of Ed Gein»	*«We asked him where he got the human skin. He just stared».*	Косвенная речь передаёт прямой и шокирующий вопрос, делая его ещё более жутким.

Манипуляция		
Позволяет внушить мысль, навязать свою точку зрения или спровоцировать определённую реакцию, не произнося манипулятивных слов прямо от своего лица.		
Название сериала	Реплика	Пояснение
«The Vampire Diaries»	*«I merely suggested to Stefan that his brother's actions could have… consequences for someone he cares about».*	Клаус использует косвенную речь, чтобы скрыть прямую угрозу и требование. Он преподносит манипуляцию как нейтральный совет, снимая с себя прямую ответственность за угрозу.
«Killing Eve»	*«She made it clear that she doesn't trust you anymore».*	Даша манипулирует Вилланелль, убеждая её, что Ева действительно потеряла к ней доверие, и это является истиной.
«Sex and the City»	*«I just mentioned to him that his new girlfriend was seen having a very cozy dinner with her ex. And now he's freaking out».*	Саманта использует косвенную речь, чтобы передать свою «невинность», но в то же время провоцирует ревность.
«Slow Horses»	*«I seem to recall you saying that this entire operation was a waste of time. Funny how things turn out».*	Лэмб манипулирует одним из своих агентов, якобы напоминая ему о его словах, который он мог и не произносить.
«Monster: The Story of Ed Gein»	*«She would tell the boys that all women outside their home were sinful and corrupt».*	Косвенная речь передаёт чёткий инструмент контроля, когда мать регулярно внушала своим сыновьям искаженную картину мира.
Команда		
Часто звучит ещё более властно и повелительно, так как передаётся как свершившийся факт, не подлежащий обсуждению.		
Название сериала	Реплика	Описание
«The Vampire Diaries»	*«He commanded me to kill you. And I couldn't resist».*	Здесь чётко демонстрируется приказ, выраженный с помощью глагола «command». Пример показывает силу и власть, которой невозможно противостоять.
«Killing Eve»	*«The Twelve have made it clear. They demand that this loose end be tied up».*	Передаётся приказ вышестоящей организации через глагол «demand», что делает его более жёстким и неоспоримым.
«Sex and the City»	*«She made it very clear that if I wanted to make partner, I needed to prioritize work over».*	Команда передана не как прямая цитата, а как суть ультиматума. Приказ отдаётся в виде «дружеского совета» или открытого условия.
«Slow Horses»	*«Tell Lamb I'm not asking. I've informed him that his team is to stand down».*	Тавернер использует конструкцию «I've informed him», чтобы передать чёткий приказ Лэмбу через его подчинённого. Команда здесь подаётся как уже принятое

		к исполнению решение.
«Monster: The Story of Ed Gein»	*«I gave him a direct order to put his hands where I could see them. He just…didn't react».*	Полицейский передаёт свою команду, чтобы подчеркнуть отклоняющееся поведение Эда с учётом того, что данный приказ не подлежал оспариванию.

Данный материал наглядно показывает, что косвенная речь в кинодискурсе выступает не просто как грамматическая форма, а как мощный прагматический инструмент. Структура и выбор косвенной речи всегда зависит от контекста, отношения между говорящими и их целей.

Формальное выражение косвенной речи в грамматических исследованиях представлено широким спектром подходов, которые не всегда четко разграничены. К инструментам, используемым для репрезентации косвенной речи, исследователи относят: сложноподчиненные предложения с придаточными, выполняющими функцию дополнения; инфинитивные конструкции; предложения, которые функционируют как прямое или косвенное дополнение при глаголах, обозначающих говорение; описательные обороты, передающие содержание высказывания не напрямую; синтаксические трансформации, изменяющие исходную структуру предложения.

Кроме того, необходимо учитывать, что косвенное цитирование представляет собой менее детализированное изложение сказанного по сравнению с прямым. Как следствие, оно снижает нагрузку, связанную с необходимостью запоминать точную формулировку фразы. В этом случае говорящий может выбрать любые слова из своего словарного запаса для формирования косвенного сообщения, хотя сразу же возникает ещё одно ограничение: он/она должен(на) подбирать соответствующие слова и грамматические структуры для производства успешного высказывания.

Процесс передачи чужой речи представляет собой сложное явление, в котором тесно переплетаются три группы факторов [7, p. 39]:

– когнитивные (связанные с мышлением и памятью): например, способность запомнить суть сказанного, уловить, *как* это было сказано (с каким настроением, интонацией), и понять скрытый, подразумеваемый смысл.

– лингвистические (языковые): сюда относится умение строить сложные предложения с придаточными частями, использовать синонимы и другие лексические средства, а также с помощью эмфазы или других приёмов передавать особенности манеры речи другого человека.

– прагматические (связанные с контекстом общения): это умение учитывать конкретную ситуацию, в которой происходит отчет.

Современные исследования подчёркивают, что именно прагматический анализ играет ключевую роль в изучении косвенной речи. То, как мы формулируем пересказ, сильно зависит от реальных условий общения, а эти условия крайне разнообразны и плохо поддаются строгой классификации. То есть помимо своего основного, семантического

значения, каждое высказывание обладает еще и прагматическим значением, или функцией – тем, для какой цели оно используется в коммуникации [6, с.711].

Таким образом, исследование современного английского кинематографического дискурса свидетельствует о значительной представленности косвенной речи в структуре как диалогического, так и монологического взаимодействия. Данный феномен активно задействован в устной и письменной коммуникации, выступая маркером речевой культуры и уровня образованности говорящих. Изучение его прагматического потенциала представляет собой необходимое условие для всестороннего понимания механизмов речевого воздействия в рамках кинодискурса.

Список использованной литературы

1. Гончарова, Е. А. Англоязычный бизнес-твиттер: функциональные характеристики, системообразующие параметры, профессионально-маркированные стратегии / Е. А. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2-2. – С. 130-133. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-2.09.
2. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зарецкая Анна Николаевна. – Челябинск, 2010. – 21 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. Торсуева, И. Г. Косвенная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия. 1990. – С. 233–234.
5. Трошина, Н. Н. Прагмастилистический контекст и восприятие текста // Прагматика и семантика: сборник научных трудов. – Москва. 1991. – С. 82–92.
6. Ширяева, Т. А. Базовые и категориальные признаки концепта «SUCCESS» в профессиональной англоязычной сетевой коммуникации / Т. А. Ширяева, Е. А. Гончарова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 709-713.
7. Cummings L. Reported speech: a clinical pragmatic perspective // Indirect reports and pragmatics. – 2015. – P. 31-54.
8. Dascal M. Contextualism // Possibilities and Limitations of Pragmatics. – Amsterdam: Benjamins. 1981. – P. 153-177.
9. Kecskes I. Indirect Reporting in Bilingual Language Production // Indirect Reports and Pragmatics. 2010. – P. 9-29.
10. Kecskes I. Intercultural pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 328 p.
11. Wieland N. Indirect reports and pragmatics // Perspectives on pragmatics and philosophy. Heidelberg: Springer, 2013. – P. 389–411.

УДК 81-114

Никитин А.Р., студент 4 курса

РИТОРИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ И. ЭРЕНБУРГА «В ПОЛЬШЕ»

Научный руководитель: **Е.Н. Орехова**, доктор филологических наук, профессор
Государственный университет просвещения

Аннотация: Статья посвящена исследованию структурно-семантических и функциональных особенностей риторических высказываний в тексте травелога Ильи Эренбурга «В Польше». Изучение указанных синтаксических конструктов проведено с опорой на актуальное в современной лингвистике представление о категории субъективной модальности и модальных операторах, к которым, в частности, относится риторическое высказывание. Цель работы – проанализировать особенности риторических высказываний в путевом очерке с учётом их коммуникативной функции и структурных моделей. Методологическую базу статьи составляют работы Е. Н. Ореховой, посвящённые категории субъективной модальности, а также исследования риторических высказываний А. В. Канафьевой. Выводы по результатам проделанной работы, представляющие собой системно описанную по избранным параметрам картину функционирования риторических высказываний в тексте травелога «В Польше», являются оригинальными и могут быть применены в области прикладных исследований, связанных с изучением лингвоперсонологии и экспрессивного синтаксиса.

Ключевые слова: Илья Эренбург, «Виза времени», синтаксис, вопросительное предложение, риторическое высказывание, субъективная модальность

Nikitin A.R., Bachelor Course student, 4th year

RHETORICAL STATEMENTS IN THE TRAVEL ESSAY BY I. EHRENBURG «IN POLAND»

Scientific supervisor: **E.N. Orekhova**, Doctor of Philological Sciences, Professor
State University of Enlightenment

Abstract: The article is devoted to the study of the structural, semantic and functional features of rhetorical utterances in the text of Ilya Ehrenburg's travelogue "In Poland". The study of these syntactic constructs is based on the current notion in modern linguistics about the category of subjective modality and modal operators, which, in particular, include a rhetorical utterance. The purpose of the work is to analyze the features of rhetorical utterances in a travel essay, taking into account their communicative function and structural models. The methodological basis of the article consists of the works of E. N. Orekhova devoted to the category of subjective modality, as well as studies of rhetorical statements by A.V. Kanafyeva. The conclusions based on the results of the work done, which represent a picture of the functioning of rhetorical utterances in the text of the travelogue "In Poland" described systematically according to the selected parameters, are original and can be applied in the field of applied research related to the study of linguopersonology and expressive syntax.

Key words: Ilya Ehrenburg, "Visa of time", syntax, interrogative sentence, rhetorical utterance, subjective modality.

Цикл травелогов «Виза времени» Ильи Эренбурга – яркий пример путевой публицистики раннесоветского периода (1920–1930-е годы), созданной во время так называемых «путешествий на Запад». Преимущественно деятельность Эренбурга-публициста связана с тем пластом культурного наследия, в который входят пропагандистские антинацистские материалы эпохи Великой Отечественной войны, однако в национальной периодике Советского Союза Эренбург закрепился значительно раньше, именно во времена открытия особенностей жизни человека на Западе. Любопытным в этом отношении представляется следующий факт: Эренбург находился на «границе двух миров», поскольку ему удавалось не занимать чёткой идеологической позиции. Публицистические произведения Эренбурга 20–30-х годов издавались как в советской, так и в западной прессе, и значительным становится указание на их популярность в каждом из «миров», к которым в той или иной мере относился Эренбург. Исследователи советского травелога отмечают, что Эренбург при создании цикла «Виза времени» отталкивался от своеобразной метаидеи, которая заключалась в авторском желании передать особенности «национального характера» и мировоззренческого позиционирования представителей разных стран – Франции, Германии, Польши и других: «Очерки “Виза времени” и задуманы Эренбургом как проникновение в глубины “национального стиля” – для фиксации уходящих национальных характеров» [5, с. 309]. Можно заключить, что задача Эренбурга, связанная со стремлением к детализированному и психологизированному анализу европейской ментальности, прямо ведёт к экспликации авторских оценок, что соответствует представлению о магистральной цели путевого очерка – правдиво и объективно рассказать о пережитых впечатлениях и передать индивидуальное отношение ко всему произошедшему.

Объектом исследования в текущей статье является риторическое высказывание, которое является важным средством реализации категории субъективной модальности [5, с. 98]. Предмет исследования – специфика функционирования риторических высказываний в тексте путевого очерка Ильи Эренбурга «В Польше».

В отечественной лингвистике вопрос о риторических высказываниях уходит своими корнями в классификацию вопросительных предложений, которая в академической грамматике имеет определённую структуру. Необходимо отметить, что «вопросительными называются предложения, имеющие своей целью побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего, т. е. ***цель их познавательная*** [1, с. 74]. В соответствии с отношением вопросительного по характеру предложения к его познавательной цели классификация получает углубление: выделяют собственно вопросительные и несобственно вопросительные предложения.

В том случае, если предложение содержит «***запрос об информации***, которая говорящему неизвестна» и предполагает «её (информации – *уточнение наше, А. Н.*) ***последующее получение*** от адресата», оно (предложение) относится к собственно вопросительным [4, с. 57]. При этом предложение может являться вопросительным лишь по своей форме, а на смысловом уровне оно будет выступать «во вторичной функции», то есть служить не для получения информации, а «её (информации – *уточнение наше, А. Н.*) передачи адресату» [4, с. 58]. Такие предложения принято рассматривать в качестве несобственно вопросительных, их отличительная особенность – наличие субъективного отношения, эмоционально-экспрессивной окраски.

Переходя к разговору о несобственно вопросительных предложениях, следует отметить, что их подгруппа выступает неоднородной и подразумевает выделение нескольких структурно-семантических типов. В их числе вопросительно-отрицательные, вопросительно-утвердительные, вопросительно-побудительные, вопросительно-риторические.

Несобственно вопросительные предложения в действительности крайне похожи на собственно вопросительные по формальным показателям (преимущественно – наличие вопросительных местоимений, наречий или частиц), однако на смысловом уровне они отличаются от последних, в чём можно легко убедиться при помощи семантической трансформации контекста (***Куда там сейчас ехать!*** = Нельзя сейчас ехать!).

К группе несобственно вопросительных предложений А. В. Канафьева применяет термин «риторическое высказывание», отмечая их особый коммуникативно-прагматический потенциал. По мнению исследователя, «в условной вопросительной форме закодировано насыщенное разнообразными оттенками содержание, в котором соединены ***объективные и субъективные, рациональные и эмоционально-оценочные компоненты***» [3, с. 6].

Рациональной представляется характеристика риторических высказываний как предложений, которые занимают своеобразное положение в синтаксическом строе русского языка, находясь на границе повествовательных и вопросительных предложений. На семантическом уровне риторические высказывания близки к повествовательным предложениям, так как выражают сообщение; на структурном уровне можно выделить пересечение риторических высказываний с вопросительными предложениями, опираясь на наличие опорных компонентов прономинального или партикулярного происхождения, которые, однако, выполняют специфические функции на уровне организации смысла предложения в целом. Потому необходимо отметить, что «риторические высказывания находятся в оппозиции к собственно вопросительным предложениям как не содержащие собственно вопроса и не побуждающие реципиента к ответу, а реализующие в языке специфические коммуникативные функции – ***выражение отрицания, утверждения или субъективного размышления говорящего***» [2, с. 24].

Проведённый лингвистический анализ травелога Ильи Эренбурга «В Польше» показал, что риторические высказывания в его структуре являются разнообразными как в семантическом, так и в структурном отношении. Опираясь на классификацию риторических высказываний, представленную в трудах А. В. Канафьевой, анализируемые конструкции можно разделить на следующие группы:

1) **По коммуникативной функции:** вопросительно-отрицательные (сообщающие о невозможности какого-то действия, состояния, признака и т. п.), вопросительно-утвердительные (выражающие усиленное утверждение) и с семантикой субъективного размышления (в экспрессивном формате передающие мысли, переживания и чувства говорящего);

2) **По организующим компонентам модели:** с прономинальными компонентами (частично десемантизированные местоимения), с партикулярными компонентами (вопросительные частицы).

Опираясь на работы Е. Н. Ореховой, отмечаем значительный субъективно-модальный потенциал изучаемых конструкций, которые вербализуют в тексте неоднозначное отношение Эренбурга к тем или иным сторонам польской жизни 1920-х годов, которые оцениваются автором как с позиции личной картины мира, так и с точки зрения устоявшихся представлений о политическом укладе и морально-нравственных положениях [5].

Проанализированный языковой материал позволяет выделить следующие группы конструкций:

1) риторические высказывания с вопросительно-отрицательной семантикой:

а) оформленные с помощью партикулярных компонентов:

Я не думаю вступаться за политику царской России. *Но **разве** в былом угнетении дело? **Разве** немцы в Познани были мягче русских?* Однако во всех познанских гимназиях оставлен немецкий язык. Нет, воспоминания о прошлом – это только фразы. Польские шовинисты хотят искусственно уничтожить духовное свойство Польши и России [7, URL].

Можно, конечно, здесь поговорить о радении хлыстов или о католической эротике, о Фрейде, о массовом гипнозе, ещё о чем-нибудь. *Но стоит **ли**?..* Это ведь и так всем известно из солидных книг. [7, URL].

б) оформленные с помощью прономинальных компонентов:

Конечно, болезнь писателей – только вариация общей эпидемии. ***Что** удивляться напыщенности языка Жеромского, которая перешла и к молодым поэтам, если романтичен Пилсудский («не спал всю ночь»), если романтичны коммунисты, если романтичны, условны, преемственны и комплименты, и пончики в цукернях?* [7, URL].

Польша, конечно, стала чуть-чуть великой державой, но Лодзь тем временем потеряла русский рынок. ***Кому** теперь продавать эти набойки, скатерти, платки?* Тщетно надеются лодзинские фабриканты, что румыны заполнят пустое место [7, URL].

2) риторические высказывания с вопросительно-утвердительной семантикой:

а) оформленные с помощью партикулярных компонентов:

Я знаю, что поляки запротестуют. ***Разве*** *у них не было «революции» Пилсудского и так называемого «морального оздоровления»?* [7, URL].

Я даже могу заверить, что в варшавских кабаках немало живых «Эстерок» и что польские офицеры тратят на них свои кровные злоты. *А адъютант?..* ***Разве*** *адъютант не любит «щуку по жидовски»?.. Какой же тут антисемитизм?..* [7, URL].

б) оформленные с помощью прономинальных компонентов:

Слов нет, мы, прошедшие десять лет революции, по части анкет спецы. ***Каких*** *только вопросов не задавали нам?* [7, URL].

3) риторические высказывания с семантикой субъективного размышления:

а) оформленные с помощью партикулярных компонентов:

Дело не в том – прекрасен ли Вавель. Это ясно, прекрасен, – *дело в том, почему он прекрасен? Могут* ***ли*** *бедность, незаинтересованность, опрощение создавать подлинное искусство? Или для этого нужны внешний расцвет, твёрдость, государственная мощь?* [7, URL].

Впрочем, народа ***ли****? Народ* ***ли*** *пишет в газетах, ходит в «цукерни», устраивает перевороты, толчётся по улицам Варшавы – народ* ***ли****, или только призраки, герои старинных романов, традиции в новеньких пиджаках?* [7, URL].

б) оформленные с помощью прономинальных компонентов:

Народ поляки талантливый. В них нет ни нашей неуклюжести, ни тяжелодумия немцев. Они много читали н много знают. ***Почему*** *же польская литература так редко переходит в литературу мировую?* ***Почему*** *даже место Жеромского остаётся вакантным?* [7, URL].

Без их снов нельзя понять Лодзь, нельзя понять, в чём оправдание всей безысходной суеты этих шестисот тысяч кустарей, рабочих, миллионеров, старьёвщиков. Тюрьма знает многое. Ей ясен бред анонимных домишек. ***На что*** *способен этот грязный и страшный город?* [7, URL].

Я гляжу на лица и я не могу оторваться. ***Кто*** *их преобразил?* ***Кто*** *снял память об обидах, о голоде, о злотых?...* [7, URL].

В заключение скажем, что Илья Эренбург в своём травелоге активно использует разные типы риторических высказываний для передачи субъективной модальности. Разноплановость риторических высказываний обусловлена тем, что в контекстах автор подчёркивает те или иные смысловые элементы, смещая восприятие читателя в сторону утверждения, отрицания или потока индивидуальных эмоционально-экспрессивных рассуждений. В структурном отношении риторические высказывания также разнообразны: Эренбург обращается к употреблению как прономинальных, так и партикулярных компонентов, в которых заключён логический и риторический потенциал проанализированных операторов субъективной

модальности. Резюмируем, что в тексте путевого очерка Ильи Эренбурга «В Польше» риторические высказывания служат средством реализации субъективной модальности, транслируя субъективные суждения, эмоции и переживания автора.

Список использованной литературы

1. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н. С. Валгина. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
2. Канафьева, А. В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка / А. В. Канафьева. – Москва : Московский государственный областной университет, 2021. – 170 с.
3. Канафьева, А. В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. Монография. М., 2011. – 200 с.
4. Кустова, Г. И. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Г. И. Кустова, К. И. Мишина, В. А. Федосеев. М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
5. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции / Е.Н. Орехова; М-во образования и науки РФ, М-во образования Моск. обл., Моск. гос. обл. ун-т. - Москва : Изд-во МГОУ, 2011. – 294 с.
6. Пономарев, Е. Р. Типология советкого путешествия. "Путешествие на Запад" в русской литературе 1920-1930-х годов : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Пономарев Евгений Рудольфович, 2014. – 577 с.
7. Эренбург, И. Г. Виза времени: путевые заметки [Электронный ресурс]. Берлин: Петрополис, 1930. – URL: https://archive.org/details/viza_vremeni/page/210/mode/2up (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 81`342.9:82-32

Никитина Д. А., бакалавр 4 курса,
Минина С.В., кандидат филологических наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ КНИГИ «КАВАЛЕРИЙСКИЙ ДОМ»).

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена исследованию стилистических средств в немецком языке в произведении «Кавалерийский дом» автора Элизабет Плессен. Мы рассмотрели различные фигуры художественной выразительности (метафора, антитеза, анафора, эпифора, сравнение) и их роль в раскрытии основной темы произведения. Анализ текста позволяет сделать вывод, что стилистические средства в романе "Кавалерийский дом" дают возможность погрузиться во внутренний мир главного героя и понять его внутренний конфликт.

Ключевые слова: Стилистика, стилистические средства, метафора, антитеза, анафора, сравнение.

Nikitina D.A., Bachelor Course student, 4th year,
Minina S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

STYLISTIC DEVICES IN GERMAN (USING EXAMPLES FROM FROM THE BOOK "THE CAVALRY HOUSE ").

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the study of stylistic devices in the German language in Elisabeth Plessen's novel "The Cavalry House. We have considered some stylistic devices (metaphor, antithesis, anaphora, epiphora, comparison) and their role in revealing the work's central themesin the literary work. The textual analysis leads to the conclusion that the stylistic devices in the novel "The Cavalry House" serve to delve deeply into the inner world of the protagonist and to understand her internal conflict.

Keywords: Stylistics, stylistic devices, metaphor, antithesis, anaphora, comparison.

Стилистика – это наука о способах использования языка и формах выражения во всех сферах и ситуациях общения в различных коммуникативных актах. Стилистика изучает, как функционируют языковые средства в различных условиях: в разных жанрах, видах письменной и устной речи. Она может анализировать как общие закономерности, характерные для языка на определенном этапе его развития, так и стилевые особенности различных жанров или направлений, а также индивидуальный стиль конкретного автора [3, с. 7].

Благодаря ей мы можем научиться «читать между строк» и, возможно, видеть скрытые смыслы, которые автор заложил в ту или иную книгу или текст.

В стилисте существует большое количество средств и приёмов, которые подчёркивают различные эмоции, мысли и задумки автора. Рассмотрим некоторые из них на примере книги «Кавалерийский дом» («Das Kavalierhaus») автора Элизабет Плессен. Главной героиней является сама Элизабет. В 50-е годы XX века новое поколение, пережившее войну, стремится к свободе. Молодые женщины, в том числе Элизабет, учатся в школе-интернате, куда ее отправили родители за плохое поведение. Элизабет, привыкшая к свободе, чувствует себя беспомощной. Она часто убегает из школы-интерната. Эта книга интересна тем, что в ней мастерски переплетаются автобиография и история. В этом романе школа-интернат представляет отдельный мир, иногда очень мрачный мир. И чтобы описать различные мысли, чувства и состояния героев, автор использовал стилистические средства. Рассмотрим некоторые из них.

В книге мы нашли много примеров сравнения. При сравнении выделяются два объекта или явления, которые имеют общие черты. Эти признаки явно не указаны, но они позволяют провести сравнение. Сравнение создает визуальное представление об объектах, процессах или свойствах. Сравнение позволяет визуально отобразить исходные объекты

или явления. Это возможно только в том случае, если у них есть две общие черты [2, с.66]. Например:

(1) Ganz oben im Baum nisteten die Elstern, **die Spione oder schwarzweißen Dichter**…[4, с. 9]

В данном примере мы видим метафорическое сравнение: сороки из-за их окраса оперения сравниваются со «шпионами» или «поэтами, одетыми в черно-белые костюмы».

(2) **Wie viele ich war. Ich Handtuch. Ich Pyjama. Ich Taschentuch** [4, с.11]**.**

Сравнение – «Я полотенце. Я пижама. Я носовой платок» – показывает, что человек, находясь в глубоком психологическом кризисе, отождествляет себя с предметами, которыми он пользуется и ощущает потерю своей личности. Здесь сравнение усиливается анафорой, которую мы рассмотрим ниже.

(3) Das Klingeln schmerzte, es begann nicht etwa freundlich summend wie Elses Wecker, nein, **es war** schrill**, herrisch, ein Überfall**, der einen aus jedem Zusammenhang riß [4, с.15].

В данном случае мы имеем дело с метафорическим сравнением: звонок в интернате подобен «властному нападению».

(4) **Als lebte Frau Klaus aus dem Koffer ...**[4, с.83].

Метафорическое сравнение – «Как будто фрау Клаус жила на чемоданах» – описывает скромность и непринужденность обстановки комнаты, в которой жила воспитательница.

(5) War **Franzi, manisch lustig wie ihre Sommersprossen und depressiv wie der Sturz einer Schwalbe** aus heiterem Himmel ins Feld, in ihren Augen das Opfer unter uns? [4, с.127]

Приведенное сравнение «веселая, как ее веснушки» является синестезией, так как обращается к разным чувствам восприятия», а «депрессивная, как падение ласточки» – это метафорическое сравнение. С помощью данных сравнений автор описывает резкие перепады настроения персонажа. Причем прилагательное «веселая» усиливается эпитетом «маниакально».

(6) »Schimmernde **Inseln in einem schwarzen Meer« - das Schwarze Meer, ein schwarzes Meer - von Blut?** [4, с.232]

«Острова в черном море – Черное море, черное море – из крови?» –, развёрнутое метафорическое сравнение для описания тонущего состояния сознания.

(7) …mit seinen großen Füßen und dem Rundschädel, der, wenn er müde wird, **wie der Kopf einer Puppe nickt,** die du angestoßen hast [4, с.234].

В этом сравнении передается неприязненное отношение главной героини к ее отцу, что «когда он был уставшим, его башка болталась как голова куклы, которую толкнули».

(8) **Sie war wie eine Pflanze, die sich dort anklammerte, wohin der Wind sie geweht hatte** [4, с.237].

В этом примере сравнение – «как растение, которое цеплялось там, куда его занесло ветром» – характеризует пассивность героини и ее зависимость от обстоятельств.

(9) Ich machte es, von schulischen Leistungen abgesehen, meinen Eltern noch immer nicht recht. Undankbar, trotzig, rüpelhaft noch immer und zu ungeduldig, meinte mein Vater. Ich, die Langmütigste! **Warum sollte ich meine Gefängnisse lieben?** [4, с.238]

«Почему я должна была любить свою тюрьму». Родительский дом, в котором девочка никогда не могла угодить своим родителям, и где отец считал ее неблагодарной, упрямой, нахальной и слишком нетерпеливой, сравнивается с тюрьмой.

(10) Aber soviel ich weiß, hat er **wie ein schlauer Fuchs** seine Todeslisten geführt und persönlich Tausende mit Lust erschossen [4, с.266].

Преступник был «как хитрый лис» и вел список расстрелянных лично им тысяч людей.

Также в данной книге присутствует достаточное количество метафор. Метафора представляет собой речевой оборот, в котором слово (или группа слов, предложение, фрагмент текста) перемещается из своего исходного контекста значений в новый контекст и используется для создания образа. Её прагматическая ценность и стилистическое воздействие возникают благодаря взаимодействию двух сущностей: внешнего вида и формы, связанных общей характеристикой, то есть отношением сходства [2, с.40] . Например:

(11) **Eine Nachtigall auf Socken** [4, с.12].

Данная метафора относится к надзирательнице в интернате, Госпоже Клаус, которая появлялась и исчезала очень тихо. Поэтому её называли «Соловей в носках».

(12) Aus den **Fischaugen der beiden Dachluken** konnte ich nicht raus [4, с.14].

Данный пример демонстрирует вид метафоры – персонификацию: «рыбьи глаза чердачных окон».

(13) **Sie igelt sich in ihr Schneckenhaus ein** [4, с.126].

Метафора в данном примере – «Она укрывается в своей ракушке» – описывает замкнутость и отстраненность героини от коллектива.

(14) **Ich zog das Copyrightfür meinen Körper zurück** [4, с.195].

Героиня говорит: «Я отозвала авторское право на свое тело». Она подразумевает, что не может контролировать свои эмоции, скрывать любые изменения настроения от посторонних глаз. Англицизм «Copyright» – это термин из области права, и обозначает право автора на использование и защиту своей оригинальной работы. В данном предложении «оригинальной работой» является тело человека.

(15) **Sie schlugen mir auf den Magen** [4, с.238].

Метафора описывает психосоматическую реакцию на давление, которое испытывала героиня в родительском доме: «они (родители) вызывали у нее боль в животе»

(16) **Sie ist ein Ohr. Sie ist das Ohr deiner Phantasie** [4, с.270].

Данный вид метафоры, а именно синестезия – «Она есть ухо. Она есть ухо твоего воображения» – представляет музыку как орган восприятия, который открывает внутренний мир.

В произведении автор часто употребляет лексико-стилистические фигуры перечисления, такие как антитеза, эпифора, анафора.

Антитеза – это лексико-грамматическая стилистическая фигура, которая используется для выделения противоположных мыслей. Она заключается в сравнении двух или более логически связанных слов или понятий, и позволяет более четко и выразительно передать противопоставление [2, с.9].

Приведем несколько примеров.

(17) Und an den hohen Wänden des Treppenhauses hingen **viele Bilder**, sehr große, aber auch einige kleinere…Das Treppenhaus im Kavalierhaus **war kahl** [4, с.16-17]**.**

Данная антитеза показывает разницу в убранстве двух помещений. «На высоких стенах лестницы висело много картин…», а в интернате «лестница в Кавалерхаусе была пустой».

Повторение одного и того же слова или группы слов в конце нескольких последовательных предложений – эпифора – делает акцент на сказанном.

Например:

(18) Ich hätte gern auf dem ersten Löwen gesessen und von seinem Rücken über die nackte Insel geguckt, und ich hätte das Meer gesehen! **Löwen! Löwen! Löwen!** [4, с.85].

Приведенная эпифора, состоящая из троекратного повтора слова «Львы! Львы! Львы!». указывает на кульминацию эмоционального потрясения персонажа от увиденного изображения. Как будто героиня ищет силу, присущую львам.

Анафора вносит в повествование больше экспрессивности. Это повторение одного и того же слова или группы слов в начале двух или более последовательных предложений или их частей. Повторение придает тексту выразительность и акцентирует внимание на важном. Это усиливает восприятие сказанного. Анафора выполняет экспрессивную функцию. Например:

(19) **Ich saß neben Lottie beim Frühstück und Abendessen. Ich saß neben Lottie im Rittersaal beim Mittagessen. Ich saß neben Lottie im Klassenzimmer** [4, с.14].

В этом предложении анафора, «Я сидела рядом с Лотти за завтраком и ужином. Я сидела рядом с Лотти в Рыцарском зале за обедом. Я сидела рядом с Лотти в классе», показывает полную зависимость и привязанность героини к Лотте, ее единственной опоре в новом мире.

(20) **Zum Aufstehen. Zum Frühstück. Zur Andacht. Zum Schulweg. Zu jedem Stundenanfang. Zu jedem Stundenende**. 4-5mal, also 8- bis 10mal

allein in der Schule. Dann **zum Mittagessen. Zu den Hausaufgaben. Zum Nachmittagssport** (Rudern/Leichtathletik). **Zum Kaffee- und Kuchenholen**.

Zum Abendessen. Zur Andacht. Zum Waschen und Duschen. Der eigene Rhythmus war unterbrochen, der eigene Faden durchschnitten [4, c.15].

Данный пример показывает повторяющийся ритм жизни в интернате. «Чтобы вставать. Чтобы завтракать. Чтобы молиться**.**» подчеркивает монотонность и полный контроль времяпровождения.

(21) **Du darfst niemanden warten lassen, du darfst niemanden warten lassen**, wenn du verabredet bist [4, c.131].

Анафора в данном примере показывает навязчивую, звучащую в голове мысль - правило что «Ты не должна никого заставлять ждать, ты не должна никого заставлять ждать...».

(22) **Ich sollte ihn nicht so in Angst und Schrecken versetzen, ich sollte ihn nicht so aus dem Takt bringen, sollte Rücksicht auf ihn nehmen, ich sollte nachsichtig sein**, … [4, c.234-235].

В этом примере анафора описывает влияние правил воспитания, вынесенных из интерната, на жизнь героин, поэтому она создает для себя рамки поведения: «Я не должна так пугать его, я не должна так выбивать его из колеи, должна считаться с ним, я должна быть снисходительна...».

(23) **Wieder stand für mich ein Glas Orangensaft bereit**, **für sie selber nichts, wieder setzte sie sich in den Sessel** mir gegenüber an den Kamin [4, c.270].

Анафора – «Снова для меня стоял стакан апельсинового сока, для нее самой ничего, снова она села в кресло напротив меня...» – создаёт эффект ритуала, подчеркивая важность и повторяемость этих действий.

Достаточно интересное стилистическое средство, рамочное повторение, также встречается в книге. Это повторение одного и того же элемента в начале и в конце определенного фрагмента речи или текста. Например:

(24) **Ich hätte gern über ihr Fell gestrichen**, das so rauh war und riffelig, verwittert. Das größere Format erlaubte es, das Fell viel genauer zu sehen, in seinen unterschiedlichen Kehlungen und Streifen, die wie Rippen wirkten. Überdies war das Fell in seiner Verwitterung durchsetzt von kleinen Kratern. **Ich hätte gern auf dem ersten Löwen gesessen** und von seinem Rücken über die nackte Insel geguckt, **und ich hätte das Meer gesehen!** [4, c.85]

Данное рамочное повторение, «Мне бы хотелось погладить их шерсть... Мне бы хотелось сидеть на спине первого льва...», передает сильное желание и мечтательность героини, которой не хватало родительской любви.

Синтаксическое стилистическое средство, а именно вынос за рамочную конструкцию (die Ausklammerung), типичен для немецкого языка, в котором сказуемое в предложении занимает определенное место. Эта синтаксическая конструкция передвигает дополнение в конец предложения, нарушая грамматически правильный порядок слов в немецком предложении, при котором сказуемое образует «рамку», и этой рамке

подчинены все другие члены предложения. Тем самым смысловой акцент переносится на «зарамочные» члены предложения. Например:

(25) Du weißt, daß ich nicht zur Frau tauge ohne mein Eigen, ohne Beruf, und ich habe mich noch gar nicht verloben wollen, **in keine Richtung, wenn du verstehst,nicht in Richtung der Frau eines Journalisten, nicht in Richtung der Frau eines Bankiers, nicht in Richtung der Frau eines Zahnarztes, nicht in Richtung der Frau eines Professors der Atomphysik.** Ich verlobe mich erst in meine Richtung, und diese ist mir noch ein wenig unbekannt, **das Bildnis zu Sais, die Verschleierte** [4, с. 235-236].

В этом предложении идёт перечисление разных профессий. Их вынос за рамочную конструкцию усиливается перечислением, который образует климакс: «ни в каком направлении, если ты понимаешь, не как жена журналиста, не как жена банкира, не как жена дантиста, не как жена профессора атомной физики». Перечисление профессий возрастает по их социальной значимости в обществе.

В книге «Кавалерийский дом» («Das Kavalierhaus») автора Элизабет Плессен присутствует большое количество стилистических средств. Мы попытались описать некоторые из них. Они являются важными инструментами, которые помогают создать художественный мир произведения. Стилистические средства выразительности позволяют нам глубже раскрыть внутренний мир главной героини и ее восприятие окружающей действительности. Понимание отдельной фразы или связанного текста зависит от контекста [1, с.61]. Метафора и сравнение составляют основу образного языка текста. Они преобразуют абстрактные и часто болезненные переживания (тоска, одиночество, взросление, борьба со злом) в конкретные и выразительные образы. Антитеза – главный конструктивный принцип в изображении конфликта. Работа полна противопоставлений, что отражает внутренний диссонанс героини и фундаментальные противоречия ее окружения. Анафора и эпифора играют важную роль в усилении ритмического и эмоционального воздействия текста. Эти литературные приемы создают особый лирический ритм, акцентируя внимание на ключевых моментах и усиливая эмоциональное напряжение. В результате повествование от первого лица превращается в глубокое, многослойное и эмоционально насыщенное исследование внутреннего мира взрослого человека, живущего в мире, полном условностей и ограничений.

Список использованной литературы

1. Минина, С. В. Непонимание как результат неправильного коммуникативного поведения / С. В. Минина // Бюллетень научных работ Брянского филиала МИИТ. – 2012. – № 1(1). – С. 60-63.

2. Наер, Н.М. Краткий стилистический лексикон. Москва: Издательство «Прометей», 2013, – 72 с.

3. Ризель, Э. Г., Шендельс, Е. И. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. –Москва: Издательство «Высшая школа», 1975. – 316 с.

4. Elisabeth Plessen Kavalier Haus. Köln: Verlag Kiepenheuer&Witsch, 2004. - 319 S.

УДК 811.161.1.

Перевалова Е.В., бакалавр 4 курса

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ «ВАЙБ» И «ЧИТЕР» И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В МЕДИА ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Научный руководитель: **О.Д. Тарасова** кандидат филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения (Москва)

Аннотация. Данная работа посвящена функционированию заимствованных слов молодежного сленга «вайб» и «читер» в медиа дискурсе. На материале словарей и Национального корпуса русского языка проводится выборка примеров использования изучаемых лексем в газетном подкорпусе и делается вывод о тематике статей, коннотации слов, уточняются их значения. В качестве методов исследования использованы дефинитивный, корпусный, контекстуальный, сопоставительный и статистический. Автор приходит к выводу, что употребление данных заимствований в медиа дискурсе делает его более актуальным и привлекательным для молодежи, хотя для некоторой аудитории может быть неэкологичным.

Ключевые слова: молодежный сленг, заимствования, вайб, читер, медиа дискурс, газетный текст.

Perevalova E.V., Bachelor Course student, 4th year

MODERN BORROWINGS “VIBE” AND “CHEATER” AND THEIR FUNCTIONING IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Scientific supervisor: **O.D. Tarasova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
State University of Education (Moscow)

Abstract. This work is devoted to the functioning of borrowed words of youth slang “vibe” and “cheater” in media discourse. Based on the material of dictionaries and the National Corpus of the Russian language, a selection of examples of the use of the studied lexemes in the newspaper subcorpus is carried out and a conclusion is drawn about the subject of articles, the connotation of words, and their meanings are clarified. The following research methods are used: definitional, corpus, contextual, comparative and statistical. The author concludes that the use of these borrowings in media discourse makes it more relevant and attractive to young people, although it may be not ecological for some audiences.

Keywords: youth slang, borrowings, vibe, cheater, media discourse, newspaper text

Актуальность исследования молодежного сленга современного русского языка в средствах массовой информации объясняется несколькими ключевыми аспектами. Молодежный сленг является ярким отражением социокультурных изменений, происходящих в современном обществе. В условиях быстрого технологического прогресса и изменений в социальной жизни молодежь находит новые способы выражения своих мыслей и эмоций, что приводит к появлению новых, уникальных языковых форм. Молодежный сленг помогает выделять молодежные группы и подчеркивать их уникальность в сравнении с более старшими поколениями.

В связи с тем, что в настоящее время английский язык является лингва франка, то большое количество англицизмов проникают в русский язык и успешно в нем адаптируются; зачастую заимствования встречаются в молодежном сленге.

Средства массовой информации играют важную роль в распространении и легитимации молодежного сленга. Телевидение, радио, интернет и социальные сети становятся платформами, которые не только фиксируют его, но и активно используют, что способствует его интеграции в повседневную речь.

Целью настоящего исследования является рассмотрение функционирования в медиа дискурсе русского языка молодежных слов «вайб» и «читер». Материалом послужили статьи из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), который представляет собой базу данных электронных текстов разных жанров, и словари [2].

Согласно Большой российской энциклопедии, «вайб» является заимствованием из английского языка (*vibe-vibration* «вибрация») и определяется как эмоциональное состояние, настроение, общая атмосфера, которая создается самим человеком, местом или событием. Это слово появилось в 1960х годах и изначально использовалось в музыке (джаз) для обозначения настроения от музыкального произведения или концерта. Данное понятие связано с ритмом и движением, при этом акцент делается на общем переживании определенного чувства. Кроме того, это слово может быть использовано в других сферах: для описания настроения определенного исторического периода/эпохи (вайб 1980-х), настроения, связанного с временами года (весенний вайб) и атмосферы определенных мест («городской вайб») [1].

В газетном подкорпусе НКРЯ слово «вайб» встречается 21 раз, при этом чаще всего тематика статей связана с музыкой (Гитару было слышно плохо, но у этого парня был *вайб*; Благодаря своему оптимистичному *вайбу* и теплому музыкальному фону Make It Better безоговорочно поднимает настроение), далее (с заметным отрывом) – с путешествиями и посещением мест (Выпить, перекусить и почувствовать балканский ***вайб***!). Причем самое первое употребление слова зафиксировано в 2001 году для описания обстановки музыкальной студии: «Когда ты видишь, что каждая мелочь, каждый уголок, каждый винтичек подобран как надо, … появляется такой,

не знаю, как сказать, ***вайб,*** драйв, волшебное такое ощущение». Наиболее активное использование слова наблюдается с 2019 года. Интересным представляется пример использования лексемы в газетном тексте 2020 года, который был посвящен самым частым запросам в интернете о значении того или иного слова. «Вайб» вошло в число непонятных слов на ряду с «локдауном», «девальвацией», «самоизоляцией» и другими.

Изучение базы данных НКРЯ позволило заметить, что в основном слово имеет положительную коннотацию (*оптимистичный вайб, позитивный вайб, теплый вайб, расслабленный вайб*), есть один случай отрицательной коннотации (*негативный вайб*), несколько с нейтральной (*соответствующий вайб, балканский вайб, огуречный вайб*). В целом, изученный материал позволяет сделать вывод, что вайб – это волшебное ощущение, некое эмоциональное состояние, которое служит для описания как коллективного, так и индивидуального эмоционального ощущения.

Согласно Словарю современного языка, читер (от англ. *Cheater* «мошенник», «жулик») - человек, получающий незаконное преимущество в чем-либо. Первоначально слово активно употреблялось в среде геймеров, где обозначало игрока, который хитростью обходит правила игры за счет использования специальных программ, кодов и багов [3].

Согласно Большой российской энциклопедии, это слово также используется в биологии для описания отношений между видами животных и в клеточных организмах; имеет значение «обманщик» [1].

В газетном подкорпусе НКРЯ слово «читер» встречается 6 раз, при этом чаще всего тематика статей связана со спортом (легко ли нашим спортсменам «нести клеймо ***читеров***», компьютерными играми (раскаявшиеся ***читеры*** смогут вернуться во всеобщий мультиплеер и присоединиться к другим честным игрокам). Первое употребление датируется 2012 годом. В целом, данная лексема гораздо менее популярна, чем «вайб». Интересен один случай, когда в статье в скобках дается расшифровка данного понятия (обманщики, мошенники), что указывает на бережное отношение журналиста к своей аудитории, которая может быть не знакома с лексемой.

Замечено, что слово имеет определённо отрицательную коннотацию (нести *клеймо читера,* компенсация за *бесцельно прожитые* в одной клетке с *читерами* годы). Изученный материал позволяет сделать вывод, что читер – это человек, который действует нечестно, чтобы получить преимущество в какой-либо ситуации, компьютерной игре или в соревнованиях.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о достаточно активном использовании обоих изучаемых слов в медиа дискурсе русского языка, об их успешной адаптации в русский язык, их узнаваемости.

Несомненно, употребление сленговых выражений делает статьи более оригинальными, актуальными и интересными для молодежи, позволяет более емко выразить эмоции и оживить текст. Однако, с другой стороны, использование слов молодежного сленга может подвергаться критике за непонятность для определенной аудитории (более старшего поколения), а,

значит, за создание неэкологичной коммуникации с читателем [4, с. 174; 5, с. 449] и за опасность потери традиционных языковых норм. Это подчеркивает необходимость балансировки между сохранением культурного наследия языка и принятием новых заимствованных языковых единиц.

Список использованной литературы

1. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/ (дата обращения: 5.10.2025).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 19.10.2025).
3. Словарь современного языка [Электронный ресурс] – URL: https://myslang.ru/words/new (дата обращения: 19.10.2025).
4. Тарасова, О. Д. Трансформации пословиц в русском и английском медиа дискурсе через призму лингвоэкологии / О. Д. Тарасова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 5-1. – С. 172-177. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.5.32.
5. Тарасова, О. Д. Современный научный текст молодого исследователя с точки зрения лингвоэкологии / О. Д. Тарасова // Профессиональное лингвообразование : Материалы восемнадцатой международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 18 октября 2024 года. – Нижний Новгород: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 445-450.

УДК 81'37

Полуда У.А., бакалавр 3 курса

ЭВФЕМИЗМЫ В РЕЧИ ЧЛЕНОВ БАНДЫ ШЕЛБИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

научный руководитель: **А.Ю. Ряховская,** кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье анализируется функционирование эвфемистических выражений в речи персонажей криминальной драмы «Острые козырьки». Обосновывается положение о том, что эвфемизмы выполняют ключевые функции в криминальном дискурсе, включая камуфляж противоправной деятельности, формирование групповой идентичности и психологическую защиту. Анализ оригинального сценария сериала показывает, как специфические языковые средства отражают особенности криминального менталитета. Определяется роль лингвистического анализа в изучении дискурса закрытых социальных групп.

Ключевые слова: эвфемизм, криминальный дискурс, языковая манипуляция, табу, лингвокультура, групповая идентичность, «Острые козырьки» (Peaky Blinders).

Poluda U.A., Bachelor Course student, 3rd year

EUPHEMISMS IN THE SPEECH OF THE SHELBY GANG MEMBERS AS A REFLECTION OF CRIMINAL MENTALITY

Scientific supervisor: **A.Yu. Ryakhovskaya,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article analyzes the functioning of euphemistic expressions in the speech of characters from the crime drama «Peaky Blinders». It posits that euphemisms perform key functions in criminal discourse, including camouflaging illegal activities, forming group identity, and providing psychological protection. Analysis of the series' original script demonstrates how specific linguistic means reflect the characteristics of criminal mentality. The role of linguistic analysis in studying the discourse of closed social groups is determined.

Keywords: euphemism, criminal discourse, language manipulation, taboo, linguoculture, group identity, “Peaky Blinders”.

С точки зрения современной лингвистики, язык представляет собой не просто инструмент коммуникации, но и активный фактор формирования социальной реальности. Наиболее сильно это проявляется в дискурсе закрытых социальных групп, где речевые практики приобретают специфические функции. В частности, в криминальных сообществах язык становится маркером групповой идентичности, средством конспиративного общения и механизмом психологической адаптации. Одним из ключевых элементов такого «профессионального» языка являются эвфемизмы, которые служат для реализации особых коммуникативных задач, характерных для данной лингвокультурной среды.

В классической лингвистической традиции эвфемизм интерпретируется как «более мягкое выражение, заменяющее грубое» и служащее для «косвенного, завуалированного обозначения предмета или явления, прямое именование которого в конкретной коммуникативной ситуации считается неудобным, неприличным или не соответствующим нормам приличия» [7].

Современный научный подход расширяет это понятие, определяя эвфемизмы как эмоционально нейтральные лексические единицы [8, с. 94], которые используются для замещения обозначений, воспринимаемых говорящим как неприличные, грубые, тактически некорректные или социально нежелательные [3, с. 52].

Изучение эвфемизмов правомерно рассматривать в рамках этико-риторического подхода к коммуникации. Их применение ориентировано на достижение коммуникативного комфорта и нейтрализацию вербальной агрессии, что становится возможным благодаря семантическому смягчению и лингвистической маскировке стигматизированных (табуированных) феноменов [1, с. 98].

Как справедливо отмечает А.П. Кудряшова, процессы эвфемизации пронизывают как устную, так и письменную речевую практику. При этом сами эвфемизмы образуют динамичный пласт лексики, чутко реагирующий на трансформацию социальных условий и актуальных реалий, что, в свою очередь, создает определенные методологические сложности при изучении их в диахроническом аспекте [4, с. 178].

Л.П. Крысин выделяет три основные цели эвфемизации в социальных и межличностных отношениях: стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач; вуалирование, камуфляж существа дела; а также сообщение информации адресату таким образом, чтобы она была понятна только ему [5].

Ключевым стимулом для возникновения эвфемизмов выступает феномен табу. Исторически формирование эвфемистических замен было обусловлено системами запретов, коренящимися в суевериях и мифологических представлениях [6].

В современной лингвистике эвфемизмы признаются значимыми маркерами лингвокультурной специфики, отражающими уникальные черты того или иного социума [2]. В частности, криминальная среда формирует закрытую лингвокультурную среду, которая характеризуется собственной нормативной системой, специфической идиоматикой и строгой иерархией табу. В этом контексте эвфемизмы выполняют двойную социально-коммуникативную функцию: они служат инструментом идентификации и конспирации, позволяя распознавать «своих» и одновременно скрывать подлинные намерения от представителей враждебного внешнего мира.

На материале сериала «Острые козырьки» можно выделить ряд характерных эвфемистических моделей, последовательно реализующих указанные функции. Наиболее частотными в речи персонажей являются эвфемизмы, направленные на «вуалирование, камуфляж существа дела» [5], путем использования лексики легальной экономической деятельности.

Так, базовым эвфемизмом, маскирующим всю преступную деятельность, является слово «Business» / «Бизнес». Томми Шелби постоянно называет преступную деятельность «бизнесом», например, в фразе «Business as usual.» (Дела идут как обычно) [9]. Данный эвфемизм создает иллюзию легитимности, позволяя членам банды и их окружению воспринимать их не как преступную группировку, а как деловую организацию. Это пример семантического сдвига, где слово с позитивной коннотацией используется для нейтрализации резко негативного понятия - организованной преступности.

Другой распространенной моделью является приуменьшение значимости и опасности незаконных действий. Например, поручение, связанное с опасным или незаконным заданием, часто обозначается как «A little job» / «Маленькая работенка», как во фразе «Tommy has a little job for you.» (У Томми для тебя есть маленькая работенка) [9]. Слово «job» (работенка/работа) эвфемистически замещает такие понятия, как убийство или поджог, а определение «little» (маленькая), являясь литотой, усиливает

эффект преуменьшения, представляя задачу незначительной, почти бытовой. Это служит как для психологической защиты самого говорящего, так и для сокрытия истинной сути происходящего.

Для обозначения насилия используется универсальный эвфемизм «Sort out» / «Разобраться», как в угрозе «I'll sort him out.» (Я с ним разберусь) [9]. Его базовое значение – «привести в порядок», «решить проблему» – в криминальном контексте семантически сдвигается, означая «применить физическое насилие, запугать, убить». Агрессия таким образом маскируется под административное или хозяйственное действие.

Более формальным и отстраненным эвфемизмом для обозначения убийства выступает глагол «Dispatch» / «Устранить», используемый, например, в угрозе «I said I would dispatch you myself.» (Я сказал, что разберусь с тобой сам) [9]. Этот бюрократический эвфемизм, заимствованный из лексикона государственных служб и военных, создает эффект дистанции и холодной безличности, представляя убийство как рутинную, почти техническую процедуру, что подчеркивает растущую организованность и амбиции банды Шелби.

Интересным приемом является использование звукоподражательного эвфемизма «The bang» / «Взрыв» для обозначения теракта или подрыва, как в реплике «The bang is something I'm dealing with on my own.» (С этим взрывом я разберусь сам) [9]. Смещение фокуса с ужасающего события на сопровождающий его звук делает обсуждение менее эмоционально заряженным и более отстраненным.

Метафорические эвфемизмы служат для возвышения и идеологического обоснования насилия. Так, демонстративный акт агрессии может быть представлен как «Leave our message» / «Оставить наше сообщение»: «We go down tomorrow... and leave our message.» (Мы едем завтра... чтобы оставить наше сообщение) [9]. В данном случае акты насилия метафорически переосмысляются как акты коммуникации, а бандиты предстают в роли стратегов, «посылающих сигналы» конкурентам на языке силы.

Ключевым идеологическим эвфемизмом является понятие «Family meeting» / «Семейное собрание», используемое для обозначения криминальной сходки: «I'm calling a family meeting tonight.» (Я созываю семейное собрание сегодня вечером) [9]. Слово «family» замещает понятия «банда» или «преступная группировка», а «meeting» маскирует нелегальные переговоры под бытовое или деловое мероприятие. Этот эвфемизм работает на сплочение группы и создание альтернативной реальности, где преступная деятельность мотивирована заботой о «семье».

Таким образом, система эвфемизмов, используемая бандой Шелби, последовательно реализует все основные функции, выделенные в теоретических работах Л.П. Крысина, - камуфляж, избегание конфликта, тайноречие и психологическую защиту. Она позволяет создать собственную картину мира, в которой преступники являются «бизнесменами»,

«стратегами» и «семейными людьми», а насилие редуцируется до «деловых операций», «сообщений» и вопросов, которые необходимо «уладить».

Исследование эвфемизмов в речи персонажей «Острых козырьков» наглядно подтверждает теоретические положения о том, что эвфемизация представляет собой не только лингвистический, но и социально-психологический феномен, играющий ключевую роль в формировании и поддержании групповой идентичности закрытых сообществ, выступая вербальным инструментом конструирования альтернативной социальной реальности.

Список использованной литературы

1. Барышникова, С. Н. Две разновидности эвфемистических номинаций / С. Н. Барышникова, В. Ю. Харитонова // Функционирование языковых единиц в аспекте социолингвистики и лингвокультурологии / Под ред. А.А. Зарайского. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", 2018. – С. 95-105.

2. Зверева, М. И. Эвфемизм как разноаспектное понятие / М. И. Зверева // Филология: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 13-18.

3. Кудряшова, А. П. К вопросу о связи языкового табу и эвфемии / А. П. Кудряшова // Язык и мир изучаемого языка. – 2015. – № 6. – С. 51-54.

4. Кудряшова, А. П. К проблеме литературных эвфемизмов / А. П. Кудряшова // Саратовской области - 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста : Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях, Саратов, 11 апреля 2016 года / Ответственный редактор: Н.С. Яшин. Том Часть 1. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", 2016. – С. 178-179.

5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Электронный ресурс] // Русистика. - Берлин, 1994, № 1-2. – URL: http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm?ysclid=mhnn1mkho115987876 (дата обращения: 06.11.2025).

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. [Электронный ресурс] - М.: Советская энциклопедия, 1990. – URL: http://tapemark.narod.ru/les/index.html (дата обращения: 06.11.2025).

7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс] - М.: Просвещение, 1976. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1852 (дата обращения: 06.11.2025).

8. Семухина, Е. А. Лингвосемиотические характеристики религиозной сферы французской культуры / Е. А. Семухина // Язык и мир изучаемого языка. – 2015. – № 6. – С. 94-97.

9. “Peaky Blinders” (TV Series). Created by Steven Knight. Season 1 - 2 Original Transcripts [Электронный ресурс] // BBC, 2013-2014. – URL: https://subslikescript.com/ (дата обращения: 06.11.2025).

УДК 82.09:82-312.9

Подоляко А. С., магистрант 1 курса

СЕНСАЦИОННЫЙ РОМАН В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Научный руководитель: **Е. Д. Селифонова**, кандидат филологических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: В статье анализируется понятие жанра «сенсационный роман», его возникновение, отличительные черты и значимость в русской и мировой литературе. Рассматриваются наиболее яркие представители школы «сенсационного романа» и их вклад в мировую литературу. В статье также акцентируется внимание на влиянии произведений данного жанра на русскую литературу.

Ключевые слова: сенсационный роман, школа «сенсационного романа», «сенсационная декада», литература, русская литература, мировая литература.

Podolyako A. S., Master Course student, 1st year

A SENSATIONAL NOVEL IN RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

Scientific Supervisor: **E. D. Selifonova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article analyzes the concept of the “sensational novel” genre, its origins, distinctive features, and significance in Russian and world literature. It examines the most prominent representatives of the “sensational novel” school and their contributions to world literature. The article also focuses on the influence of this genre on Russian literature.

Keywords: sensational novel, school of the “sensational novel”, “sensational decade”, literature, Russian literature, world literature.

Жанр «сенсационный роман» стал особым литературным феноменом во второй половине XIX века и приобрел небывалую популярность среди жителей Великобритании во многом благодаря тому, что в те времена различного рода скандалы, преступления и «сенсации» были широко обсуждаемыми темами в обществе. Сюжеты этого жанра основывались на реальных случаях из жизни обычных жителей в эпоху викторианской Англии. В историях уделялось особое внимание раскрытию различного рода преступлений, значимости женщин в современном обществе, а также жизни людей с различными психическими расстройствами. Данный жанр вобрал в себя отдельные черты готических и ньюгейтских романов, а также популярных мелодрам. От готических романов жанр «сенсационный роман» позаимствовал элемент тайны, вокруг которой выстраивался сюжет, нагнетание страха и ужаса на читателя. От ньюгейтских романов –

акцентирование на преступлениях и преступном мире, с особым акцентом на социальное положение преступников.

Популярности «сенсационного романа» в Великобритании предшествовали следующие явления [8]:

1. Отмена гербового сбора на печатную бумагу в 1855.
2. Увеличение тиража газет; увеличение числа читателей в Британии в середине викторианской эпохи; увеличение числа библиотек.
3. Еженедельные и ежемесячные выпуски литературных журналов; выпуск художественной литературы сериями для поддержания стабильной читательской аудитории.
4. Реформа законодательства Великобритании, сделавшая судебные процессы доступными для всех.
5. Бульварная журналистика; реформы в процедурах развода.
6. Государственное образование.

Многие отмечали тот факт, что сенсационный роман имеет «журналистскую структуру». Литературные критики 1850–1860-х гг. называли данный жанр «сенсационной декадой». В этот период стали публиковаться такие литературные журналы, как «Macmillan's magazine» (1859) и «Temple Bar» (1860), открыто предоставлявшие читателям публикации о настоящих преступлениях и скандальных бракоразводных процессах, что было сенсацией для викторианской Англии.

«Сенсационные романы», печатаемые в газетах, предназначались, прежде всего, для среднего и низшего класса жителей Великобритании, тем самым охватывая огромное количество читателей среди всего населения страны.

В настоящее время нет точного определения жанра «сенсационный роман», но есть несколько предложенных формулировок. А.И. Хотинская считает, что «с формальной точки зрения сенсационный роман представляет собой не жанр, а жанровый гибрид, который использует художественный опыт готического и ньюгейтского романа, психологического и социально-бытового романа, а также сочетает в себе черты популярной мелодрамы, журналистского очерка, фантастического и романтического романов» [6]. М. Дрэббл и Дж. Стрингер утверждают, что «сенсационный роман – жанровое ответвление, получившее широкое распространение, начиная приблизительно с 1860 …, в основу которого положено описание волнующих, невероятных или сенсационных событий, за которыми часто скрывались грязные тайны …» [3]. Лин Пайкетт говорит, что «сенсационный роман – гибридная форма, соединяющая черты реализма и романтизма, экзотического и повседневного, готического и бытового …» [9].

Считается, что наиболее яркими представителями жанра «сенсационный роман» являются Уилки Коллинз, Чарльз Рид и Мэри Элизабет Брэддон. Именно они стали основоположниками данного жанра. Также стоит отметить, что «сенсационный роман» как отдельный литературный жанр возник после выхода следующих произведений:

«Женщина в белом» Уилки Коллинза (“The Woman in White” by Wilkie Collins) (1860), «Ист-Линн» Эллен Вуд (миссис Генри Вуд) (“East Lynne” (“The Earl’s Daughter”) by Ellen Wood (Mrs. Henry Wood)) (1861), «Тайна леди Одли» Мэри Элизабет Брэддон (“Lady Audley's Secret” by Mary Elizabeth Braddon) (1862). При выборе основ для сюжета своих романов, авторы в большей степени полагались на вкусы читателей среднего класса. В своих произведениях они затрагивали такие проблемы общества, которые вызывали наибольшее любопытство среди жителей страны. Уилки Коллинз считает, что «аристократический бракоразводный процесс, вызвавший большой общественный скандал, сенсационное самоубийство с моста Ватерлоо, убийство женщины на Севен Дайлс, или ребенок, найденный задушенным в шляпной коробке на Пиккадили Серкус, интересуют публику гораздо больше, чем набожность Маргарет или поездка Джеральда в Рим. … Читатель, покупая книгу, предпочитает живого осла мертвому льву» [2]. Учитывая живой интерес граждан к различным социально-острым и необычным происшествиям, преступлениям, тайнам, скандалам и конфликтам можно объяснить высокий уровень заинтересованности жителей викторианской Англии к произведениям в жанре «сенсационный роман». Тиражи продаваемых романов расходились очень быстро в невероятных масштабах. Литературные критики рассматривали жанр «сенсационный роман» как со стороны новаторства, так и со стороны провокаций. Авторы «сенсационных романов» бросали вызов многим устоявшимся нормам, принятым в то время в английском обществе.

Однако, стоит отметить, что сами У. Коллинз, Ч. Рид и М.Э. Брэддон не причисляли себя конкретно к школе «сенсационного романа». Само это понятие появилось благодаря таким литературным критикам XIX века, как С. Баттерворт, Г. Мэнсел, М. Олифант и У. Филлис, которые выявили схожие черты в работах вышеперечисленных авторов [1].

Тем не менее, главными родоначальниками такого литературного жанра как «сенсационный роман» принято считать Уилки Коллинза и Чарльза Рида. Но не стоит забывать и о значительном вкладе в формирование этого жанра таких авторов, как Мэри Элизабет Бреддон, Эллен Вуд, Шеридан Ле Фаню, Мари Луиза де ла Раме, Эллен Вуд, Чарльз Диккенс и других.

Представители школы «сенсационного романа» всеми средствами пытались создать напряженную атмосферу в своих произведениях, разогреть интерес читателей и держать его до самой развязки повествования.

А.И. Хотинская выделила основные черты «сенсационных романов» [6]:

1. Женщина является центральным образом в повествовании.
2. Действия происходят в усадьбах и поместьях.
3. В повествовании преобладают мотивы обмана, преследования, супружеской измены, шантаж, преступления, убийства.

4. Поднимаются такие социальные темы, как взаимоотношения полов, гендерные роли внутри семьи, ожидания от брака.

5. Описываются социальные споры о законах.

6. Сюжет основывается на расследовании преступления и раскрытии тайны.

Русскую литературу жанр «сенсационный роман» тоже не обошел стороной. В те же годы в России стали публиковаться переводы произведений Уилки Коллинза, Чарльза Рида и Мэри Элизабет Брэддон в таких журналах, как «Дело», «Заграничный вестник» и «Отечественные записки». Факт того, что переводы публиковались практически сразу же после выхода произведений на оригинальном языке, говорит о том, что и среди русских читателей данный жанр был очень популярен. Он привносил в русскую литературу много новых и непривычных для отечественных читателей вещей, таких как особенности взаимоотношений внутри семьи, их ценности и моральные устои, способы разрешения конфликтов и так далее.

Отдельное внимание во влиянии «сенсационного романа» на русскую литературу стоит уделить автору многочисленных произведений, британской писательнице викторианской эпохи – Мэри Элизабет Брэддон (Mary Elizabeth Braddon, 1837 – 1915). Она получила хорошее частное образование, но изначально связала свою жизнь с актерской деятельностью и выступала под псевдонимом Мэри Сейтон. Параллельно с карьерой актрисы, она увлекалась драматургией, что в дальнейшем оказало значительное влияние на её творчество в литературе. За всю свою жизнь она написала более 80 романов, рассказов и поэм. Но самым успешным произведением, принесшим ей славу и известность, стал роман «Тайна леди Одли» (“Lady Audley's Secret”, 1862). В последующем, он, как и «Аврора Флойд» (“Aurora Floyd”, 1863), были адаптированы для театральных выступлений.

Творчество М.Э. Брэддон оказало существенное влияние на творчество Льва Николаевича Толстого и привело его в восторг после прочтения её романов в период, когда он работал над своим величайшим романом-эпопеей «Война и мир». Л.Н. Толстой упоминал роман М.Э. Брэддон в своем письме жене: «Вчера утром читал английский роман автора Авроры Флойд. Я купил 10 частей этих английских не читанных еще мною романов и мечтаю о том, чтобы читать их с тобою» [5].

В.Б. Шкловский в своей монографии «Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир»» (1928) рассуждает о том, что героиня романа М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» стала прототипом Наташи Ростовой в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Он утверждает, что «Аврора Флойд так же, как и Наташа Ростова, отказывает своим женихам и, наконец, выходит замуж за того, кто дольше всех ее любит» [7].

Е.Н. Строганова так же упоминает внешнее сходство Наташи Ростовой и Авроры Флойд, а также их характеры и привычки. Она

утверждает, что роман М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» повлиял на написание «Войны и мира» Л.Н. Толстым [4].

Подводя итоги, можно смело утверждать, что роль сенсационного романа как жанра очень важна как в мировой, так и в русской литературе.

Список использованной литературы

1. Жук, А.С. Школа «сенсационного романа» в контексте английской прозы второй половины XIX в.: дис. … магистра. фил. наук: 1-21 80 09 Литература народов стран зарубежья (английская) / Жук Алёна Сергеевна. – Полоцк, 2018.
2. Матвеенко, И.А. Восприятие ньюгейтских романов Э. Бульвера-Литтона в России в 1830-1860-е гг./ И.А. Матвеенко // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2007. – №2. – С.239 -243.
3. Путеводитель по английской литературе: пер. с англ. / под ред. М. Дрэббл, Дж. Стрингер. -М ., 2003. - 930 с.
4. Строганова, Е. Н. Л.Н. Толстой и английские писательницы / Е. Н. Строганова // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 210-225. – DOI 10.22455/2500-4247-2019-4-3-210-225.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.
6. Хотинская, А.И. Джозеф Шеридан Ле Фаню и английский сенсационный роман. Проблема трансформации жанра romance : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2006. - 26 с.
7. Шкловский В.Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого "Война и мир" / Виктор Шкловский. - Москва : Федерация, 1928. - 249 с.
8. Philip V. Allingham, Contributing Editor, Victorian Web; Associate Professor of English, Lakehead University (Canada) // The Victorian Web. Sensation Fiction. URL: https://victorianweb.org/genre/sensation.html / (дата обращения: 31.10.2025)
9. Pykett, L. The Newgate novel and sensation fiction, 1830–1868 / L. Pykett // The Cambridge Companion to Crime Fiction / Ed. By Martin Priestman. – New York: Cambridge University Press, 2003. – P.19-39.

УДК 81'27:004.738.5

Полетаева В.В, студент 3 курса

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕНДОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭСТЕТИКИ ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Научный руководитель: **Ю.В. Павлова**, кандидат филологических наук, доцент

Пятигорский государственный университет

Аннотация. В данной работе рассматривается эволюция языка в онлайн культуре на примере эстетики “coquette”, которая получила популярность благодаря платформам TikTok и Pinterest. Эстетика “coquette” представляет собой гиперфеминный, винтажно вдохновленный стиль. Исследование фокусируется на том, как данная эстетика способствовала появлению и распространению в интернет-дискурсе эмоционально окрашенных выражений. Анализ частотных фраз, таких как “demure”, “clutch someone's

pearls", "the feminine urge" и "this is so (имя знаменитости) vinyl", позволяет проследить взаимосвязь между языком, идентичностью и трендами в социальных сетях. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию социолингвистического влияния онлайн-эстетик и роли социальных сетей в формировании современного языкового употребления.

Ключевые слова: "coquette", винтаж, TikTok, Pinterest, интернет-дискурс, сленг, социальные сети, гендерные нормы

Poletaeva V.V., Bachelor Course student, 3rd year

LINGUISTIC TRANSFORMATIONS IN DIGITAL CULTURE: ANALYZING TRENDS AND EXPRESSIONS THROUGH THE LENS OF FEMININITY AESTHETICS AND SOCIAL MEDIA

Scientific supervisor: **Y.V. Pavlova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Abstract. This paper explores the evolution of language in online culture through the example of the "coquette" aesthetic, which gained popularity thanks to platforms like TikTok and Pinterest. The "coquette" aesthetic represents a hyper-feminine, vintage-inspired style. The study focuses on how this aesthetic contributed to the emergence and spread of emotionally charged expressions in internet discourse. Key phrases such as "demure," "clutch someone's pearls," "the feminine urge," and "this is so (celebrity name) vinyl" are analyzed, allowing us to trace the relationship between language, identity, and trends in social media. The research results contribute to a deeper understanding of the sociolinguistic influence of online aesthetics and the role of social media in shaping contemporary language use.

Keywords: coquette, vintage, TikTok, Pinterest, internet discourse, slang, social media, gender norms

Социальная сеть TikTok стала плацдармом для множества интересных с лингвистической точки зрения трендов. В этой статье мы рассмотрим влияние эстетики "Coquette" на сленг в англо-американском TikTok.

Отмечается, что сама эстетика "coquette" приобрела популярность благодаря социальным сетям TikTok и Pinterest. "Coquette" – это широкий термин, обозначающий гиперфеминную эстетику, включающую элементы юности и подросткового возраста, вдохновленную оригинальной эстетикой Нимфетки. Феномен эстетики «кокет» (coquette aesthetic), получивший широкое распространение в современной цифровой культуре, представляет собой сложный социокультурный конструкт, имеющий исторические и литературные корни. Возникнув в XVII–XVIII веках в аристократических кругах Европы, образ кокетки традиционно ассоциировался с женщиной-соблазнительницей, использующей эмоциональную власть для достижения собственных целей, что противоречило патриархальному идеалу «девы в беде» ("damsel in distress") [2, с. 152]. Эта двойственность – сочетание

невинной игривости и скрытого контроля – стала основой для современной трансформации кокет-эстетики, которая находит отклик в современном онлайн пространстве, особенно среди представителей поколения Z. Значительную роль в популяризации рассматриваемой эстетики сыграла романтизация культуры середины XX века в США, часто ассоциирующая с образами звезд Голливуда, таких как Мэрилин Монро. В период глобальной пандемии 2020-х годов, сопровождавшейся экономической нестабильностью, винтажная эстетика стала для молодых людей способом избежать проблем реальной действительности и ностальгией по «золотому веку». Социальные сети, в частности TikTok и Pinterest, превратились в площадку для ретрансляции этой эстетики. Несмотря на критику, связанную с отсылками к спорным литературным источникам (таким как «Лолита» Набокова), современная кокет-эстетика воспринимается её последователями прежде всего как инструмент утверждения женской независимости и деконструкции патриархального строя. Через такие предметы одежды, как ленты, банты и кукольные платья, она предлагает многогранный способ самовыражения, который одновременно притягателен и неуловим. Таким образом, кокет-эстетика выходит за рамки моды, становясь языком, с помощью которого современная молодёжь осмысливает гендерные роли, власть и идентичность в онлайн эпоху. Визуальные элементы этой эстетики варьируются, но в целом акцент делается на девичьей моде и любви к музыке и эстетике Ланы Дель Рей (Lana Del Rey), песни которой посвящены темам девичества и флирта/обольщения. Эта эстетика часто противоречит визуальным образам, предпочитаемым большинством современных девочек-подростков, поскольку предполагает использование “вычурных” и винтажных элементов [11, с. 13]. Эстетика “coquette” тесно связана со стилем Старого Голливуда, творчеством Ланы Дель Рей и подчеркнуто женственным стилем в одежде.

Анализируя данный тренд, мы пришли к выводу о том, что благодаря ему в обиход интернет-сленга вошли такие слова и выражения, как:

-Demure (someone who is of a quiet, modest, unassuming, reserved nature/ тихий, скромный, незаметный, сдержанный по натуре [4]. Приведем пример употребления: “You see how I do my makeup for work, very demure, very mindful.” (Видите, как я делаю макияж для работы, очень скромно, очень осознанно) [8]. Этот пример стал популярным после видео бьюти-блогера Джулс Леброн, которая рассказала о своем “скромном” макияже для работы, включающем обилие румян, хайлайтера и накладные ресницы, в данном контексте “demure” употребляется с ироническим оттенком. Абсурдность ролика (47 миллионов просмотров) привела к тому, что слово “demure” стало использоваться для описания стилей в одежде, таких как Coquette Aesthetic и Old Money Aesthetic, часто с ироничным подтекстом. Использование слова “demure” в ироничном контексте отражает критическое отношение к традиционным представлениям о женственности и скромности [12, с. 71]. Подчеркивается разрыв между заявлением о

скромности и фактическим внешним видом, что создает комический эффект и подчеркивает искусственность образа.

-Clutch someone's pearls (a moment in time that forces one to clasp their hand to their chest, out of fear or shock, as if trying to protect an imaginary pearl necklace/ событие, которое заставляет человека прижать руку к груди от страха или шока, словно пытаясь защитить воображаемое жемчужное ожерелье [3]. Эта фраза часто ассоциируется с образом людей из высшего общества, которые могут драматично реагировать на что-то неподобающее или скандальное, также демонстрируют ложный или преувеличенный шок, чтобы подчеркнуть свою неприязнь к чему-либо, например: "I audibly gasped and physically clutched my pearls!" (Я громко ахнула и театрально схватилась за жемчуг!) [9]. Эта фраза, имитирующая реакцию старомодной аристократки, позволяет выразить возмущение или удивление в ироничной и театральной форме. Её использование подчеркивает диссонанс между реальными ценностями и реакциями современной молодежи и устаревшими нормами морали.

-The Feminine Urge (when a woman has a sudden desire to do something (usually romantic) without any logistical reason/ внезапное желание сделать что-то (обычно романтическое) без особой причины [5]. По сути, это концепция и крылатая фраза, используемая в мемах для ироничного описания женских склонностей и черт. Согласно Know Your Meme, самое раннее известное употребление фразы относится к 2009 году, но наибольшую популярность она приобрела в 2021 году. Приводим примеры употребления: "The feminine urge to cause chaos" (Женское желание устроить хаос), "The feminine urge to play Mitski" (Женское желание послушать Мицки), "The feminine urge for an iced coffee every time you leave the house" (Женское желание выпить айс-кофе каждый раз, когда выходишь из дома) [10]. Эта фраза иронично обыгрывает гендерные стереотипы и позволяет подчеркнуть абсурдность некоторых ожиданий, предъявляемых к женщинам. Использование "feminine urge" для описания как серьезных, так и тривиальных желаний создает юмористический эффект и способствует деконструкции традиционных гендерных стереотипов.

-The vibe I bring to the function (usually showing a person's humorous behavior or actions when they accompany friends at an event/ это выражение обозначает атмосферу; это то, как чьё-то присутствие влияет на общую обстановку [7]. Важно, что эта фраза часто подразумевает намеренное создание определенного впечатления или атмосферы и используются шутливо, например: "I'm pulling up to the party in my new dress. The vibe I bring to the function is main character energy" (Я иду на вечеринку в новом платье. То, с каким настроем я прихожу, – это энергия главного героя), в данном случае конструкция "the vibe i bring" превращает абстрактное понятие атмосферы (vibe) в нечто осязаемое, что человек сознательно "несет" с собой, как аксессуар.

Особое влияние на Coquette Aesthetic оказала поп-культура, в частности музыка и стиль Ланы Дель Рей. Выражения "This is so Lana del

Rey vinyl" или "This is so Lana del Rey coded", основанные на приеме аллюзии, стали популярными для обозначения предметов и образов, тесно связанных с эстетикой певицы, таким образом, имя певицы стало нарицательным. Несмотря на то, что социальная сеть "Tumblr" утратил свою прежнюю популярность, эстетизация Ланы Дель Рей продолжает жить в TikTok. Предметы, ассоциирующиеся с "Lana del Rey vinyl", включают в себя гиперфеминные, кокетливые, девчачьи аксессуары, подчеркивая прочную связь между музыкой и физическими объектами. Ассоциация с Ланой Дель Рей подчеркивает ностальгию по прошлому и стремление к созданию меланхоличного, романтизированного образа. Использование фразы "This is so Lana del Rey" служит маркером принадлежности к определенной эстетической группе и указывает на общие культурные референсы [1, с. 3].

Таким образом, тенденция Coquette Aesthetic наглядно демонстрирует, как онлайн-культура влияет на формирование и эволюцию сленга. Эстетические тренды, популяризированные через социальные сети, такие как TikTok [6, с. 67], не только задают визуальные ориентиры, но и порождают новые языковые единицы, отражающие ценности и особенности конкретной субкультуры. Анализ использования сленга в контексте Coquette Aesthetic позволяет выявить такие тенденции в современной коммуникации, как ирония, критика и отрицание гендерных стереотипов, стремление к самовыражению и ностальгия по 50-м годам XX века.

Список использованной литературы и источников

1. Alves M. G. The representation of femininity in Lana Del Rey's songs // Indisciplina em Linguística Aplicada. – 2024. – Vol. 4. – P. 3.

2. Chen C. The History of Coquette Aesthetic and Its Role in Modern Society // Transactions on Social Science, Education and Humanities Research. – 2025. – Vol. 5. – P. 152.

3. Clutching My Pearls // Urban Dictionary. – URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Clutching+My+Pearls (дата обращения: 15.05.2024).

4. Demure // Urban Dictionary. – URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=demure (дата обращения: 15.05.2024).

5. Feminine Urge // Urban Dictionary. – URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Feminine+Urge (дата обращения: 15.05.2024).

6. Matsumoto K. Slang feature extraction by analysing topic change on social media / K. Matsumoto, F. Ren, M. Matsuoka, K. Yoshida, K. Kita // International Journal of Asian Language Processing. – 2019. – Vol. 29, No. 4. – P. 67.

7. The Vibe I Bring To The Function // Know Your Meme. – URL: https://knowyourmeme.com/memes/the-vibe-i-bring-to-the-function (дата обращения: 15.05.2024).

8. TikTok. – URL: https://vt.tiktok.com/ZSUL4eeb7/ (дата обращения: 15.05.2024).

9. TikTok. – URL: https://vt.tiktok.com/ZSUL4GJPn/ (дата обращения: 15.05.2024).

10. TikTok. – URL: https://vt.tiktok.com/ZSULVUJQR/ (дата обращения: 15.05.2024).

11. Капустина, Л. М. Ностальгический маркетинг: понятие, стратегии и тренды / Л. М. Капустина, А. С. Миколенко // Деловой вестник предпринимателя. – 2023. – № 3(13). – С. 11-14.

12. Храмченко, Д. С. Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) / Д. С. Храмченко // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – № 4(12). – С. 70-75.

УДК 81'373.2:305-055.2

Попко Е. Н., студентка 3 курса,
Карасева Д.В., ассистент

ФЕМИНИТИВЫ - ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА ИЛИ ДИАЛЕКТ СУБКУЛЬТУРЫ?

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена проблеме феминитивов**.** В современном обществе активно спорят по поводу неологизмов в виде “феминитивов”, заимствованных в русском языке посредством глобализации. Стоит заметить, что только 32% стран во всем мире в родном языке делит слова на “мужское и женское”. В основном заимствование идет из группы романо-германских языков, а именно из французского или немецкого. Целью данной статьи является анализ современных феминитивов русского и французского языков: разобрать их образование, историю и выявить общие закономерности или различия.

Ключевые слова: феминитив, русский язык, французский язык, словообразование, норма, диалект

Popko E.N., Bachelor Course student, 3rd year,
Karaseva D.V., Assistant Lecturer

FEMINITIES – STANDARD LANGUAGE OR THE DIALECT OF SUBCULTURE?

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the problem of feminities in the language. Nowadays there are a lot of discussions about *feminities* borrowed into the Russian language through globalization. It should be noted that only 32% of countries in the whole world divide the words of their native language into *male and female.* Basically, this borrowing comes from Romano-Germanic languages, to be more precise, from French or German. The objective of this article is to analyze modern Russian and French feminities, examine their formation origin and identify common patterns or differences.

Keywords: feminity, Russian language, French language, word formation, norm, dialect.

Любой иностранный язык является несомненной возможностью для развития мировоззрения и обмена информацией. Актуальная ситуация диктует развитие современного человека в условиях открытого информационного сообщества и возможностей для реализации

межкультурной коммуникации. В последние годы в мире наблюдается возрастающий интерес к лингвистическим исследованиям гендерного направления. И одной из ключевых проблем можно выделить появление заимствованных феминитивов в русском языке, и своеобразная *феминизация* французского языка.

Что такое «феминитивы»? В русском языке В. В. Беркутова относит к ним как образованные от существительных мужского рода наименования женского пола, так и существительные, имеющие самостоятельное происхождение наименования деятеля,наименования носителя признака и термины родства и свойства, обозначения религиозной, национальной, возрастной, социальной принадлежности и др.» [2, с. 7]. Мы разделяем подобный широкий взгляд на феминитивы и добавим, что данный термин подразумевает под собой вид словообразования, придающий существительному (в основном обозначающему род деятельности и наименование социокультурной принадлежности) «женскости». Происходит это с помощью специальных суффиксов и окончаний.

Во французском языке особый интерес к феминитивам проявляется в различных сферах общественной жизни, в частности, медиа-сфере. В связи с этим под феминитивами понимаются слова, обозначающие лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности и месту жительства [3, с. 27].

Рассмотрим подробнее тенденции образования и употребления феминитивов в современном французском и русском языках.

Французский язык включает в себя множество форм для феминизации названий профессий, чаще всего, заимствованных из латыни, итальянского языка и, иногда, из английского.

Одна из основных форм заключается в обозначении женского рода артиклем с сохранением той же формы в мужском и женском родах. Это относится к словам un/une *architecte, un/une artiste, un/une juge, un/une guarde, un/une diplomate*. Названия профессий, должностей, титулов, заканчивающихся на гласную “e” (например, *maire, ministre*) вполне подходят данному правилу, но существуют окончания для более сильной феминизации: *mairesse, poétesse*. Также существует множество форм выраженной суффиксальной феминизации: *-er/-ère , -ier/-ière, -ien/-ienne, -in/-ine, -teur/-trice* и т.д. В случае, когда существительное мужского рода заканчивается на согласную, обычным является добавление конечной буквы “e”: un artisan - *une artisane*, *un expert - une experte*, *un coupier - une croupière*, *un planton - une plantonne*. Но есть исключения, число которых ограничено: *une mannequin*, *une médecin или une femme médecin*, *une femme marin, une femme matelot*. Наиболее распространенной для феминизации является форма многочисленных названий должностей, оканчивающихся на “- eur”, которые могут быть преобразованы в - *euse, - esse, - eresse.*

Однако в середине 80-х гг. XX века из-за изменения социального статуса женщин новейшая лингвистическая история Франции столкнулась с феминизацией существительных, обозначающих род деятельности.

Женщины стали проявлять активный интерес к профессиям, которые ранее были прерогативой мужчин, получили доступ к руководящим постам и государственным должностям. В 1984 г. известная писательница, журналистка и активистка феминистского движения Бенуат Грульт по инициативе правительства была назначена главой *Commission de terminologie pour la féminisation des noms de métiers, de grades et de fonctions* (букв. Терминологическая комиссия по феминизации названий профессий, званий и должностей), которой было поручено предложить лексические варианты для форм женского рода, обозначающие наименования профессий и должностей [5, с. 131].

Однако *Académie Française* (*букв.* Французская Академия), чья основная задача состоит в изучении французского языка, регулировании языковой нормы и издании Словаря выступила против внедрения этих рекомендаций. Более того, многие женщины боролись за равенство в традиционно мужских профессиях и относились к попыткам феминизировать названия профессий крайне негативно, ощущая в них пейоративный оттенок: *entraîneur* (букв. тренер), *entraîneuse* (букв. танцовщица в кабаре) [Académie française, 1984].

Многие люди с поддержкой классической позиции Французской Академии выступают строго против явления феминизации в современном языке, аргументируя свою точку зрения тем, что они «отравляют чистый французский язык» [1, с. 197]. Тем не менее, административной силы мнение академиков не имеет, и употребление феминитивов на практике часто расходится с указаниями академии. Так, например, *Assemblée Nationale* (букв. Национальная ассамблея Франции) постановила указывать в женском роде все названия профессий, если её представителем является женщина. Ярким примером является случай, когда в 2014 году депутата французского парламента оштрафовали на сумму более 1000 евро за то, что во время конференции он обратился к женщине *Madame le président* (госпожа президент) вместо регламентированного варианта *Madame la présidente*

В наши дни Французская Академия активно подтверждает феминитивы грамматически и лексически языковой нормой, на ряду с постоянным развитием общества и приобретения неологизмов. Примеры новых феминитивов зарегламентированы в документе, названном *rapport* (букв. доклад) *“La féminisation des noms de métiers et de fonctions* (букв. феминизация существительных, обозначающих профессии и должности): *demanderesse, défenderesse, une acheteuse, une rapporteuse* и т.д.

История русских феминитивов берет свое начало еще со времен Древней Руси и славянского языка и развития русского народа [Электронный ресурс 2]. Общеизвестны суффиксы *-иц, - их, - к, - щиц, - ух,* отражающие *социальный статус личности:* «князь – княгиня», «боярин – боярыня»; *профессии, требующие женского обозначения*: «банщик – банщица», «знахарь – знахарка». Была также профессия, которая не являлась мужской: «повитуха». Суффикс *-их(а)* часто указывал на жену

человека, который *обладал определенной профессией и статусом*, например «купец – купчиха» [4].

Определенная группа слов начала свою ассимиляцию при Петре I (XVII – XVIII вв.). Особенность заимствования была в том, что в русский язык переходили не просто феминитивы, а пары слов преимущественно из французского языка обозначающие мужской и женский род, например *«граф – графиня»,* «*барон – баронесса», «принц – принцесса*». Стоит заметить, что подобное изменение характерно и для французского языка: *compte – comptesse, prince – princesse,* за исключением *baron – baronne*.

Так, в XVIII– XIX в.в. французский стал языком высшего общества и именно из него пришли феминитивы *актриса, директриса, поэтесса*. Существительное «автор» не имеет отношения к данной группе слов, потому что, исторически, данная профессия стала массовой в эпоху XIX – XX в., в эпоху изобретения печатных станков и машин [Там же].

В новейшей истории России образование *феминитивов* начинается с образования СССР и далее: период Великой Отечественной Войны, когда женщинам нужно было идти на фронт и овладевать мужскими профессиями: как “связистка”, “работница” и т.д. В послевоенный период указанные утратили необходимость в постоянном употреблении, но закрепились в языке как *норма* в соответствии с его эволюцией.

Таким образом, многие *феминитивы* (в частности, заимствования) стали неотъемлемой лексической составляющей русского языка, но никак не результатом его грамматического или естественного развития.

На сегодняшний день *феминитивы* молодежной субкультуры *(дикторка, авторка, математикесса, фотографиня)* не являются *литературной нормой*, большая часть из них пришла от активистских и феминистских движений: в 2010-х годах русские феминистки обратили внимание на то, как называют женщин-профессионалок, и обнаружили, что они — невидимы [4].

Среди групп студентов первого и второго курсов (40 человек) факультета иностранных языков кафедры французского языка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского был проведен опрос по употреблению следующих феминитивов русского языка (*авторка; блогерка; вайнерша; тиктокерша; математикесса; фотографиня; ветеринарка; связистка; каменщица; пилотесса; спичрайтерша; кухарка; психологиня; политологиня; дикторка*) (см. Табл. 1).

Таблица 1. Опрос.

Название профессии	Коннотация (отношение)	Часто ли вы употребляете подобное в речи?	Считаете ли вы данное слово литературной нормой?
Авторка	○ Положительно ○ Нейтрально ○ Отрицательно	○ Да ○ Нет	○ Да ○ Нет

По результатам опроса выяснилось, что среди респондентов *мужского пола* отношение к подобным словам у 90% либо *отрицательное*, либо *нейтральное*, и лишь у 10% оно *положительное*.

Среди *женщин* результат показал следующее: 40% – отношение *положительное* и *нейтральное*, 60% – полностью *отрицательное*. Несмотря на положительное и нейтральное восприятие вышеуказанных *феминитивов*, 95% всех респондентов не используют данные слова в речи и не относят их к литературной норме. Оставшиеся 5 % считают употребление феминитивов “кухарка”, “связистка”, “каменщица” допустимыми.

Добавим, что пейоративное значение существительных отмечено респондентами, потому что у большинства, особенно у женщин, это вызывает негативные ассоциации: от уничижительного оттенка до некоторой вульгарности, придающих разговорную стилистическую окраску.

Рассмотрение истории появления феминитивов русского и французского языков, их образования и функционирования в речи приводит нас к следующим выводам:

1. Современные феминитивы русского языка являются неотъемлемой частью употребления среди молодежной субкультуры, но при этом большинство считает их применение недопустимым литературной нормой (*спичрайтерша, психологиня и т.д);*
2. Образование русских феминитивов восходит к активному процессу глобализации в современности (*блогерка, тикторша, вайнерш*а), к историческим заимствованиям (*актриса, поэтесса, баронесса, принцесса*) и становлению социального статуса личности (*барыня, купчиха, знахарка*);
3. Относительно русского языка, с точки зрения лексикологии, процесс словообразования феминитивов является основой диалекта субкультуры как социальной группы;
4. Употребление феминитивов французского языка (*demanderesse, défenderesse, une acheteuse, une rapporteuse* и т.д.) закреплено в качестве литературной нормы Французской Академией, подчеркивая их грамматическое и лексическое равенство;
5. Основной причиной противостояния феминитивам во французском языке являлось *благозвучие* существительных мужского рода традиционным нормам французского языка, при этом процессы словообразования не препятствовали ‘феминизации’ слов.

Итак, процесс функционирования феминитивов в русском и французском языках диаметрально противоположен и, опираясь на сформулированные выводы, можем утверждать, что каждый индивид диктует вариативность позиции по отношению к феминитивам: норма-диалект.

Список использованной литературы

1. Dawes E. La féminisation des titres et fonctions dans la francophonie : de la morphologie à l'idéologie // Ethnologies. 2003. – Vol. 25. N 2. – Pp. 195-213.

2. Беркутова, В.В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. – № 11 (43). – С. 6–22.
3. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гриценко Елена Сергеевна. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.
4. Кухарева, А. История русских феменитивов с древнейших времен до наших дней [Электронный ресурс] // Ликбез 2023. – URL: https://n-e-n.ru/feminitivy-istoriya/ (дата обращения: 6.11.2025)
5. Читахова, Л.Л., Огородов, М.К., Селиванова, Н.А. Языковые и социальные аспекты функционирования феминитивов в современном французском языке: словарное исследование // Филология и культура, 2019. – № 4 (58). – С. 131
6. Шубина П. От дворницы до художницы: как появились феминитивы и что с ними делать? [Электронный ресурс] // Объединение 2024. – URL: https://obdn.ru/articles/ot-dvornicy-do-hudozhnicy-kak-poyavilis-feminitivy-i-chto-s-nimi-delat (дата обращения: 7.11.2025)

УДК 81.367

Рунова С.В., студент 3 курса

РОЛЬ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОЗДАНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КУРСКИХ ПОЭТОВ)

Научный руководитель: **И.С. Сорокина**, преподаватель русского языка и литературы

Курский государственный техникум технологий и сервиса

Аннотация. В статье рассматривается роль односоставных предложений в создании поэтического художественного текста, приводится анализ мнений ученых-лингвистов на природу односоставных предложений. Автор исследует односоставные предложения как наиболее частотные в поэзии курских писателей, отмечая их функции в поэтическом тексте.

Ключевые слова: синтаксис, односоставные предложения, ученые-лингвисты, художественный образ, лирический герой, поэты Курского края.

Runova S.V., Student, 3rd year

THE ROLE OF ONE-PART SENTENCES IN THE CREATION OF POETIC ARTISTIC TEXT (BASED ON THE WORK OF KURSK POETS)

Scientific supervisor: **I.S. Sorokina,** Teacher of Russian Language and Literature
Kursk State College of Technology and Service

Abstract. This article examines the role of monosentences in the creation of poetic literary texts and analyzes the opinions of linguists on the nature of monosentences. The author

examines monosentences as the most frequent in the poetry of Kursk writers, noting their functions within the poetic text.

Keywords: syntax, monosentences, linguists, artistic image, lyrical hero, poets of the Kursk region.

Синтаксическая система современного русского литературного языка сложна и многогранна, и особое место в ней занимают односоставные предложения. Эти синтаксические конструкции достаточно широко используются в разговорной речи, художественной и научной литературе, в СМИ. Однако структурные особенности и выразительный потенциал односоставных предложений изучены слабо и открывают широкие перспективы для дальнейших исследований.

Цель работы – определить, какую роль выполняют односоставные предложения в художественном тексте, проследить особенности функционирования односоставных предложений в поэтической речи на примере творчества курских поэтов.

В русском языке существует несколько типов односоставных предложений. Классифицируют их по группам в зависимости от того, какой частью речи выражен главный член грамматической основы. Выделяют следующие типы односоставных предложений: глагольные (определенно-личные предложения, неопределенно-личные предложения, обобщенно-личные предложения, безличные предложения) и именные (назывные или номинативные).

Если окунуться в историю языка, то мы узнаем, что односоставные предложения появляются в языках славянской группы одновременно с двусоставными. Современная лингвистическая наука выделяет односоставные предложения в отдельный самостоятельный тип простого предложения. Но до сих пор ведутся жаркие дискуссии и споры: являются ли односоставные предложения самостоятельными синтаксическим конструкциями? Поэтому вопрос о природе односоставных предложений до сих пор является трудным и малоизученным в синтаксисе. Обратимся к мнениям ученых-лингвистов. Так, например, Александр Афанасьевич Потебня считает, что предложение в индоевропейских языках не может существовать без глагола, поэтому выделяет односоставные предложения глагольного типа, а именные односоставные конструкции относит к двусоставным неполным [9]. Подобной точки зрения на грамматическую природу односоставных предложений придерживается Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский. В своем научном труде «Синтаксис русского языка» он отмечает, что сказуемое является носителем и выразителем того движения мысли, которое известно под именем предикативности и без которого предложение невозможно. Этот факт также не позволяет учёному признать предложения, единственный главный член которых представлен именительным падежом имени существительного, особой разновидностью односоставных предложений [8].

За односоставными предложениями закрепился статус особой структурно-семантической разновидности простого предложения уже благодаря исследованиям отечественных лингвистов XX столетия. Весомый вклад в теорию односоставных предложений внесли Вера Васильевна Бабайцева [3; 4] и Павел Александрович Лекант [6]. В. В. Бабайцева даёт следующее определение односоставным предложениям: «Односоставные предложения – это такие предложения с одним главным членом, которые не требуют другого главного члена и не могут быть дополнены им без изменения характера выражаемой мысли». По мнению лингвиста, структурные свойства односоставных предложений определяются их семантикой. Как при выделении односоставных предложений из других типов простого предложения, так и при разграничении отдельных разновидностей односоставных предложений необходимо учитывать совокупность семантических и грамматических свойств [4, с. 23]. П. А. Лекант указывает на то, что если независимый член не является определяемым, поясняемым, то есть не обнаруживаются предикативные отношения его с другим членом, если в предложении нет структурно необходимого зависимого члена, то такое положение независимого члена характеризует односоставное предложение» [7, с.161]. «Односоставные предложения, – пишет Е. М. Галкина-Федорук в статье «О двусоставных и односоставных предложениях в современном русском языке», – такие же значимые отрезки, единицы языка, как двусоставные. Они также выражают форму мысли и служат целям общения. Как синтаксические единицы они подчинены всем закономерностям, существующим в синтаксисе». Можно сделать вывод о том, что односоставные предложения отличаются от двусоставных не только структурой, но и семантикой [5, с.109].

Таким образом, односоставные предложения вызывают немало споров и вопросов. Но именно эта категория предложений, как никакая другая, отражает богатство и уникальность синтаксической системы русского языка.

Поэтическое наследие Курского края является уникальным ценным материалом для лингвистических исследований, а также важным фактором формирования духовности и любви к родной земле. Мы отмечаем активное использование курскими поэтами односоставных предложений в художественных текстах.

Так, например, в стихотворениях Николая Асеева [1] мы отметили достаточное количество односоставных синтаксических конструкций. Они подчеркивают особый стиль поэта: Асеева, как представитель русского футуризма, использовал односоставные предложения для создания быстрого ритма и экспрессии. Его яркий, динамичный и часто эмоциональный стиль подчеркивают односоставные безличные и номинативные предложения.

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя — сушь,
Мне и в жару без тебя — стыть.

Мне без тебя и Москва — глушь.

Упрощенность синтаксических конструкций, частотность употребления односоставных предложений мы находим в поэтическом наследии курской писательницы Елены Благининой [2]. В стихотворении «Котенок» можно отметить наличие назывных и определенно-личных предложений.

День с утра стоял ненастный,
Лужи серые везде…
Так и быть, зверёк несчастный,
Помогу твоей беде!

Творчество Афанасия Афанасьевича Фета неразрывно связано с Курским краем. В Курской губернии поэт прожил пятнадцать лет, а имение в деревне 2-я Воробьевка он называл местом, где «его муза пробудилась от долгого сна». Знаменитое «безглагольное» стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье, трели соловья» вызвало множество противоречивых отзывов. На наш взгляд, отсутствие глаголов в тексте стихотворения не лишает его динамики: движение скрыто в отглагольных существительных. Это стихотворение стало «самым фетовским», своеобразным поэтическим автопортретом. Оно строится на одних номинативных предложениях: только предметы и явления, которые следуют одно за другим.

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

В тексте нет ни одного глагола, но это не лишает стихотворение движения. Поэт виртуозно передал атмосферу чарующей ночной природы и тонкие душевные переживания человека.

Активное использование номинативных предложений мы также встречаем в стихотворении «Я знаю, что ты малютка».

Бриллианты в лунном свете,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Назывными предложениями поэт передает мгновенность впечатлений и ощущений лирического героя, музыкальность и динамику природы и души.

Также мы отметили использование поэтом группы односоставных глагольных предложений. Среди них заметное место занимают безличные формы. Так в стихотворениях «Тихо ночью на степи» и «Колыбельная» безличные предложения помогают передать физическое и психологическое состояние неопределённого деятеля или стихийной силы природы.

Тихо ночью на степи;
Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души…
Спи – ещё зарёю
Холодно и рано;

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать, -
Колыбельку эту
Надо променять.

Проведя лингвистическое исследование стихотворений Афанасия Фета, мы отметили, что поэт активно использует для описания окружающего мира, состояния природы и внутреннего мира лирического героя односоставные предложения. Ощущение мгновенного впечатления, образность и выразительность поэту помогает создать особый синтаксис: глагольные (личные и безличные) и номинативные предложения. Употребление инфинитива передает динамику и ощущение движения.

Таким образом, анализ использования односоставных предложений в поэтических текстах курских поэтов показал, что глубину художественного образа, его лаконичность, экспрессивность, динамику и богатейший спектр эмоций авторам помогают передать односоставные предложения. Они заостряют внимание читателя на самых главных и важных моментах, помогая рисовать в воображении яркую картину действия.

Список использованной литературы

1. Асеев, Н.Н. Собрание сочинений. Библиотека русской и советской классики М.: Художественная литература, 1964 [Электронный ресурс]. – URL: https://traumlibrary.ru/page/aseev.html (дата обращения 09.11.2025)

2. Благинина, Е.А. Стихи Елены Благининой [Электронный ресурс]. – URL: https://lit-ra.su/elena-blaginina/ (дата обращения 09.11.2025)

3. Бабайцева, В.В. Современный русский язык. В 3 частях. Часть 3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – М. : Академия, 2001. – 316 с.

4. Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 2006. – 310 с.

5. Галкина-Федорок, Е.М. О двусоставных и односоставных предложениях в русском языке // Филологические науки. - 1959. - № 2. - С. 109.

6. Лекант, П.А. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке / П.А. Лекант. – М. : АСТ, 2011 – 134 с.

7. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. – М. : Владос, 2006. – 416 с.

8. Никитин, О. В., Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский 1853-1920 // Минск: Белорусская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: https://biblioteka.by/m/articles/view/дмитрий-николаевич-овсянико-куликовский-1853-1920 (дата обращения: 09.11.2025)
9. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. I. Введение / А. А. Потебня. – Воронеж : Типография Н. Д. Гольдштейн, 1874. – 160 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52388 (дата обращения: 09.11.2025)
10. Фет, А.А. Полное собрание стихотворений Л.: Советский писатель, 1959 [Электронный ресурс] // URL: https://traumlibrary.ru/page/fet-polnoe.html (дата обращения 09.11.2025)

УДК 811.111’255.2

Свиридова П.Г., бакалавр 3 курса,
Ряховская А.Ю., кандидат педагогических наук, доцент

ПЕРЕВОД СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Целью исследования является сравнительный анализ переводческих стратегий и трансформаций, применяемых для передачи средств художественной выразительности с английского языка на русский. Материалом служат оригинал романа Шарлотты Бронте “Jane Eyre” и его переводы, выполненные В. О. Станевич и И. Г. Гуровой. Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ с опорой на теоретические концепции доместикации и форенизации. Результаты показывают, что выбор общей стратегии предопределяет набор конкретных переводческих трансформаций и напрямую влияет на степень сохранения авторского стиля. Анализ доказывает, что при переводе стилистически насыщенных текстов стратегия форенизации, реализованная И. Г. Гуровой, демонстрирует эффективность в аспекте сохранения художественной целостности и культурного своеобразия оригинала.

Ключевые слова: средства художественной выразительности, доместикация, форенизация, художественный перевод.

Sviridova P.G., Bachelor Course student, 3rd year,
Ryakhovskaya A. Y., Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor

TRANSLATING STYLISTIC DEVICES IN ENGLISH-LANGUAGE LITERARY TEXTS

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This study aims to conduct a comparative analysis of translation strategies and transformations employed in rendering stylistic devices from English into Russian. The research is based on Charlotte Bronte's novel “Jane Eyre” and its Russian translations by V. O. Stanevich and I. G. Gurova. Using a comparative methodology grounded in the theoretical framework of domestication and foreignization, the study demonstrates how the choice of

translation strategy determines the application of specific techniques and significantly affects the preservation of the author's style. The findings suggest that for stylistically rich texts, the foreignization approach, as exemplified in Gurova's translation, proves more effective in maintaining the artistic integrity and cultural specificity of the original.

Keywords: stylistic devices, domestication. Foreignization, literary translation, translation strategies, comparative translation analysis.

Одним из ключевых элементов художественного текста являются средства художественной выразительности – они служат инструментом создания художественного образа, передачи авторской интенции и формирования эстетического воздействия на читателя. В процессе перевода художественного текста на другой язык особенно важно сохранить экспрессивность и стилистическое своеобразие оригинала, что требует от переводчика не только языковой, но и культурной компетенции.

Его стиль во многом создается благодаря средствам художественной выразительности тропам и фигурам речи. Литературовед М. Л. Гаспаров определяет тропы как «фигуры переосмысления значения», подчеркивая, что именно через них осуществляется переход от прямого значения к образному, ассоциативному восприятию речи [4]. Фигуры речи (от лат. *figura* – «образ, форма») представляют собой особые приёмы построения высказывания, при которых обычные синтаксические или лексические нормы речи намеренно изменяются с целью усиления выразительности, создания художественного эффекта или привлечения внимания к содержанию высказывания [1].

Задача переводчика не только передать содержание, но и воссоздать образность и эмоциональное воздействие оригинала, что требует выбора определенной стратегии.

В теории перевода фундаментальными и зачастую противоположными стратегиями являются доместикация и форенизация [9]. Доместикация направлена на адаптацию текста к культуре языка перевода, делая его максимально понятным и «близким» читателю. Форенизация, напротив, стремится сохранить культурную и языковую инаковость оригинала, «приближая читателя к автору». Выбор стратегии напрямую влияет на набор используемых переводческих трансформаций, таких как калькирование, компенсация, модуляция или опущение [3; 5].

Сравнительный анализ двух переводов позволяет наглядно продемонстрировать, как общие стратегии воплощаются в конкретных приемах:

Оригинал: «Stiffened in frost, shrouded with snow! – when mists as chill as death wandered to the impulse of east winds…»

Метафора «shrouded with snow» содержит мощную культурную коннотацию: слово «shroud» (саван) ассоциируется со смертью и ритуальным погребением, усиливая мрачность и подавленное состояние героини.

Перевод В. О. Станевич: «Скованный морозом, засыпанный снегом!..»

В. О. Станевич применяет семантическое упрощение и опущение. Слово «засыпанный» нейтрализует похоронную символику, сводя образ к стандартному описанию погоды. Это решение в русле стратегии доместикации: переводчик жертвует стилистической глубиной и эмоциональным напряжением ради легкости восприятия русскоязычным читателем. Текст становится более адекватным в плане фактологии, но теряет экспрессивную насыщенность.

Перевод И. Г. Гуровой: «Окостеневшим от холода, окутанным снежным саваном!..»

И. Г. Гурова использует лексико-семантическое калькирование, находя точный эквивалент – «снежный саван». Этот прием сохраняет не только образность, но и культурно-смысловую нагрузку оригинала. Данное решение соответствует стратегии форенизации, так как переводчик сохраняет иностранный элемент, заставляя читателя воспринять иноязычную метафору и связанную с ней атмосферу.

Оригинал: «…baptized the couch afresh»

Данная метафора построена на оксюмороне: возвышенный религиозный глагол «to baptize» (крестить) используется для описания бытового действия – обливания кушетки водой. Это создает иронический и драматический эффект.

Перевод В. О. Станевич: «…принесла свой кувшин с водой, тоже вылила на кровать…»

Переводчик вновь прибегает к стратегии доместикации через лексико-семантическую замену и редукцию образа. Глагол «вылила» полностью устраняет метафорический и иронический пласты. Нейтральная, бытовая лексика («кровать») делает описание реалистичным, но художественно обедненным, лишая сцену авторской интенции.

Перевод И. Г. Гуровой: «…принесла свой кувшин, вновь окрестила ложе сна…»

И. Г. Гурова выбирает стратегию форенизации, применяя лексическое заимствование («окрестила»). Это позволяет сохранить религиозный подтекст и иронический оттенок. Выражение «ложе сна» вместо «кровать» дополнительно поддерживает возвышенный стилистический регистр оригинала, подчеркивая художественное своеобразие текста.

Сопоставительный анализ переводов показал, что В. О. Станевич чаще прибегает к доместикации, адаптируя текст к восприятию русскоязычного читателя. Её перевод отличается плавностью и естественностью, но иногда утрачивает авторскую экспрессию. И. Г. Гурова стремится к максимальному сохранению стилистики оригинала, используя калькирование и компенсацию. Её перевод ближе к замыслу Бронте, но может казаться менее привычным для русской аудитории.

I viewed it laid out beneath the iron sky of winter. В данном примере “iron sky” представляет собой метафорически окрашенный эпитет. Слово “iron” передаёт не только цвет, но и атмосферу: жесткость, холод, суровость зимнего пейзажа.

Исходная лексическая единица воспроизводится в варианте перевода Станевич посредством “Под свинцовым зимним небом” и использует лексико-семантическую трансформацию, благодаря чему сохраняется стилистическая и цветовая коннотация. Такой эпитет является адекватным и функционально эквивалентным, поскольку в русском языке «свинцовое небо» – устойчивый образ, который передаёт ту же атмосферу тяжести и мрачности.

И. Г. Гурова в свою очередь редуцирует эпитет и использует нейтральную замену из-за чего ее вариант перевода “Хмурым зимним небом” теряет образность и силу. Эпитет адаптирован к более простому для восприятия варианту.

Вариант В. О. Станевич отличается от варианта И. Г. Гурова тем, что в первом случае сохранен первоначальный эпитет, экспрессивность и метафоричность оригинала., тогда как во втором он заменен, что может свидетельствовать о стратегии доместикации и ориентации на плавность текста.

I looked up at −a black pillar! Such, at least appeared to me, at first sight, the straight, narrow, sable-clad shape standing erect on the rug… В качестве иллюстрации метафорического построения рассмотрим сочетание “sable‑clad” в контексте приложенного фрагмента. Здесь слово “clad” (от глагола to clothe – «одевать», «покрывать») выступает в значении «облачённый», «покрытый». Приставка “sable‑” может обозначать либо глубокий чёрный цвет, либо отсылать к соболиному меху, традиционно ассоциирующемуся с богатством и знатностью. Таким образом, метафора “sable‑clad” создаёт двоякий образ: чёрное одеяние фигуры, подчёркивающее её мрачность, тяжесть и строгость контура, а также ассоциация с дорогостоящим мехом соболя, которая придаёт образу оттенок роскоши, несмотря на его изначально устрашающий вид.

В совокупности эти коннотации усиливают впечатление монументальности и чуждости «столба» – персонаж или предмет предстает не просто в тёмном одеянии, но будто бы облачённым в благородный мех, что придаёт ему зловещую величественность.

В. О. Станевич при переводе использовала лексическую замену, а также семантическое сужение, что что снижает образную ёмкость исходного сочетания и исключает ассоциацию с дорогим мехом и извлекается лишь буквальный компонент «чёрного»: «…увидела чёрный столб: по крайней мере такое впечатление на меня произвела в первую минуту узкая, одетая в чёрное, прямая, как палка, фигура…»

И. Г. Гурова поступила похожим образом, используя те же самые приемы: «…увидела… чёрную каменную колонну! Во всяком случае, так мне померещилось в первое мгновение: на каминном коврике высилась прямая узкая фигура, облаченная в непроглядно чёрное.»

В обоих русскоязычных вариантах переводческого фрагмента исходная метафора – «sable‑clad» – лишается своей образности и

репродуцируется посредством нейтрального обозначения цвета. Это свидетельствует о потере стилистической глубины и утрате коннотативного потенциала оригинального элемента. Также наблюдается применение стратегии доместикации, заключающейся в приведении культурно‑специфического элемента оригинала к более нейтральному и привычному для целевой аудитории эквиваленту.

Таким образом, реализация стратегий доместикации и форенизации на практике влияет на перевод средств художественной выразительности. Ни один из подходов не может быть признан универсально верным. Выбор между доместикацией и форенизацией представляет собой постоянный поиск компромисса между адаптацией к культуре перевода и верностью оригиналу. В случае с таким стилистически насыщенным произведением, как «Jane Eyre», стратегия форенизации, реализованная И. Г. Гуровой, оказывается более продуктивной для сохранения художественной целостности и глубины романа.

Список использованной литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – 13-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
3. Арсентьева, М. Ф. Теория и практика перевода (немецкий язык): курс лекций / М. Ф. Арсентьева, О. В. Васильева, Я. Р. Зинченко. – Минск: БГУ, 2009. – 103 с.
4. Гаспаров, М.Л. Риторика // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1972. – Т. 22.
5. Латышев, Л. К., Федоров, А. В. Учебное пособие по теории перевода. — М.: Высшая школа, 2007. – 89 с.
6. Бронте Ш. Джейн Эйр / пер. с англ. В. О. Станевич. – М.: АСТ, 2017. – 540 с.
7. Бронте Ш. Джейн Эйр / пер. с англ. И. Г. Гуровой. – М.: Эксмо, 2019. – 640 с.
8. Brontë Ch. Jane Eyre. – М.: АСТ, 2024. – 448 с. – (Great Books).
9. Шелестюк, Е. В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 4(386). – С. 202-207.

УДК 81’36

Седюк Д.С., магистрант 1 курса

ИНТОНАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Научный руководитель: **С.А. Чугунова**, доктор филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья представляет комплексный анализ интонации как многокомпонентной лингвистической системы. Исследование выявляет взаимосвязь между просодическими характеристиками речи и их коммуникативными функциями. На материале теоретических источников доказывается системный характер организации интонационных компонентов. Практическая значимость работы заключается в разработке модели анализа речевой интонации. Результаты исследования могут применяться в лингвистической экспертизе, преподавании фонетики и развитии речевых технологий.

Ключевые слова: интонация, мелодика, ритм, темп, пауза, ударение, тембр, функции интонации, речевая коммуникация.

Sediuk D.S., Master Course student, 1st year

INTONATION AS A LINGUISTIC PHENOMENON

Scientific supervisor: **S.A Chugunova**, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article gives a comprehensive analysis of intonation as a multi–component linguistic system. The study reveals the interconnection between prosodic characteristics of speech and their communicative functions. Based on theoretical sources, the systemic nature of the organization of intonational components is demonstrated. The practical significance of the work lies in the development of a model for analyzing speech intonation. The results of the study can be applied in linguistic expertise, phonetics teaching, and the development of speech technologies.

Keywords: intonation, melodics, rhythm, tempo, pause, stress, timbre, functions of intonation, speech communication

В современной науке можно дать множество определений интонации. Например, в одном направлении она понимается как изменение голосового тона и совпадает с понятием мелодика [7, с.4]. В другом – представляет целый ряд средств организации звучащей речи, к которым относятся мелодика, ритм, темп, ударение, пауза и тембр [7, с.4; 12, с.13].

С точки зрения акустики интонация – взаимосвязанные изменения частоты основного тона и интенсивности, развёртывающиеся во времени [14, с.197].

Под интонацией также можно понимать манеру общения, выражающую чувство говорящего, его отношение к обсуждаемому объекту [5, с.396].

В лингвистике же отсутствует единое определение интонации, однако в различных трактовках прослеживается общая идея. Ж. Марузо отождествляет интонацию с мелодикой, трактуя её как вариацию высоты звука в речевом потоке [3, с.134]. Аналогично, Л.В. Щерба определяет её как мелодический контур или музыкальное движение голоса [13, с.86]. Американские лингвисты Р. Ладо и Ч. Фриз рассматривают данное явление как комплекс изменений высоты тона в речи [15, p.157]. Несмотря на терминологические нюансы, ключевым компонентом интонации в большинстве подходов признаётся модуляция основного тона.

Интонация представляет собой супрасегментный уровень языковой организации, который обеспечивает целостность речевых единиц – от слога до высказывания. Таким образом, можно выделить несколько функций интонации:

- Семантическая функция интонации проявляется в её способности не только кодировать прагматическую установку высказывания в системе коммуникативных стратегий, но и осуществлять семантическое ранжирование – тонкое распределение смысловых акцентов между элементами высказывания согласно их коммуникативной ценности [1, с.303]. Именно интонация осуществляет сложное членение фразы на тему, то есть исходный, известный элемент, и рему – смысловое ядро, несущее новую информацию, что позволяет слушающему адекватно декодировать заложенный смысл.
- Интонация обладает экспрессивной функцией, выступая в роли основного проводника эмоций говорящего и инструментом воздействия на эмоциональное состояние слушающего. Эта функция реализуется через совокупность интегральных просодических средств, таких как специфический тембр, резкие изменения громкости или особая мелодическая конфигурация, что и объясняет её исключительную значимость в живой диалогической речи и художественных произведениях, где эмоциональная составляющая выходит на первый план.
- Синтаксическая функция интонации заключается в оформлении грамматической структуры предложения. Зачастую синтаксическая единица оформляется как целостная интонационная группа, объединенная общими просодическими характеристиками и одним главным фразовым акцентом, что визуально и на слух организует речевую конструкцию, облегчая её восприятие [6, с.1132].
- Также существует и эвфоническая функция интонации, направленная на обеспечение благозвучия речевого отрезка. Эта функция проявляется в способности интонации членить речь на соизмеримые по

длительности фрагменты и выстраивать ритмический рисунок через гармоничное чередование сильных и слабых ударений, делая речь не только содержательной, но и акустически приятной для восприятия [6, с.1133].

Все функции наглядно демонстрируют ее системную природу и многомерность воздействия на речевое сообщение. Каждая из них раскрывает определенный аспект организации звучащей речи, подчеркивая способность интонации одновременно формировать смысл, передавать эмоции, структурировать высказывание и обеспечивать его акустическую гармонию. Такой многоуровневый характер функционирования закономерно обусловлен сложным составом самой интонации, которая представляет собой единство взаимосвязанных компонентов. Этими компонентами являются мелодика, ритм, темп, ударение, пауза и тембр, которые позволяют раскрыть механизмы реализации рассмотренных функций.

Мелодика речи определяется изменением частоты основного тона во времени и является основным средством передачи интонационных значений. Она обеспечивает выделение смысловых и эмоциональных акцентов, структурирует высказывание и позволяет различать коммуникативные типы текста. В основе мелодики лежат мелодические мотивы – минимальные единицы, объединённые ритмическим строем, которые могут повторяться или чередоваться в пределах одного высказывания [2, с.6; 10, с.197].

Особенностью речевой мелодики является постоянное изменение тона: он редко остаётся ровным, интервалы изменяются, а длительность звуков подчиняется естественному темпу речи, а не строго музыкальной метрической структуре. В поэтической и ораторской речи ритмический рисунок более строго организован, тогда как в обычной разговорной речи мелодика носит свободный, импровизационный характер. Благодаря мелодике говорящий может передавать эмоциональные оттенки, подчёркивать ключевые слова и выражать отношение к содержанию. Мелодика – «голосовая фигура», способная формировать выразительный рисунок речи, отражающий как смысл, так и эмоциональное состояние говорящего [9, с.55].

Ритм же является структурным компонентом интонации и определяется чередованием ударных и безударных элементов речи. Он способствует синтаксической и семантической организации текста, объединяя звуки, слоги и слова в ритмические группы, которые формируют смысловые единицы. В художественной речи ритм особенно ярко выражен в стихах, где совпадение ударных элементов строго регулируется метрической схемой, тогда как в разговорной речи ритм носит более свободный и импровизационный характер [10, с.88; 12, с.74].

Ритмическая организация облегчает восприятие информации и создаёт эмоциональный эффект. Нарушение ритма, например чрезмерная торопливость или нерегулярное чередование ударных и безударных элементов, затрудняет понимание текста и снижает его выразительность.

Ритм устной речи тесно связан с ритмом действий человека: так же, как чередование движения и остановок формирует течение действия, чередование ударных и безударных элементов создаёт ритмическую организацию высказывания [9, с.105].

Темп речи характеризует скорость произнесения элементов – слогов, слов, синтагм и целых высказываний. Он может быть равномерным, ускоряться или замедляться, отражая эмоциональное состояние и коммуникативные намерения говорящего. Замедление темпа позволяет подчеркнуть значимые элементы, ускорение создаёт динамику и эмоциональное напряжение. При этом темп тесно связан с ритмом речи: правильное сочетание временных и ритмических характеристик формирует темпо–ритм, который обеспечивает структурную и эмоциональную целостность высказывания [8, с.110].

Темп влияет на восприятие текста, позволяет регулировать выражение эмоций и корректировать поведение говорящего. Ускорение речи требует концентрации и мобилизации действий, замедление – позволяет точнее выразить смысл и эмоциональное содержание, делая речь более выразительной и убедительной [9, с.98].

Ударение является средством выделения элементов речи – слогов или слов – с помощью изменения акустических характеристик: длительности, интенсивности и высоты тона. Оно выполняет как структурирующую, так и выразительную функции, позволяя различать смысловые и эмоциональные акценты. В речи выделяют словесное, синтагматическое, логическое и фразовое ударение. Словесное ударение обеспечивает фонетическую целостность слова, синтагматическое – обозначает границы смысловых групп, логическое – подчёркивает наиболее значимые слова, а фразовое сигнализирует о завершении высказывания [9, с.120].

Станиславский подчеркивал необходимость варьирования силы и качества ударения. Он считал недопустимым произносить все слова с одинаковым ударением, так как это делает речь монотонной и бессмысленной. Искусное распределение ударений способствует ясному восприятию текста и эффективной передаче информации.

Пауза представляет собой временной перерыв в звучании речи и может быть реальной, когда звук прекращается, или психологической, создаваемой изменением мелодики, темпа или ударения. Паузы бывают семантическими и асемантическими. Семантические паузы структурируют текст, выделяют ключевые слова и отражают эмоциональное состояние говорящего, тогда как асемантические выполняют фонетическую функцию, например, при артикуляционных сложностях или физиологических потребностях [13, с.86].

Паузы важнейшие средства воздействия на слушателя [9, с.113]. Логические паузы помогают восприятию структуры высказывания, а психологические оживляют текст, передавая эмоции и подтекст, недоступный словам. Паузы могут заменять слова взглядами, мимикой и едва уловимыми движениями, усиливая выразительность речи [9, с.113].

Тембр голоса является индивидуальной окраской звучания и формируется особенностями резонаторов речевого аппарата. Он делится на индивидуальный и интонационный. Индивидуальный тембр уникален для каждого человека и позволяет идентифицировать говорящего, однако не несёт смысловой нагрузки. Интонационный тембр изменяется в зависимости от эмоционального состояния, коммуникативных целей и модальных оттенков речи. С его помощью можно передавать радость, грусть, волнение, уверенность, просьбы, приказы и угрозы, усиливая воздействие речи на слушателя [4, с.28; 11, с.45].

Интонационный тембр наслаивается на индивидуальный, позволяя одновременно сохранять уникальность голоса и передавать смысловые и эмоциональные оттенки высказывания. Эти изменения связаны с формой резонаторов речевого аппарата и являются универсальными для всех носителей языка, что позволяет распознавать эмоциональное состояние по голосу [11, с.28].

Таким образом, интонация представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, играющий фундаментальную роль в организации звучащей речи. Анализ различных подходов к её определению демонстрирует, что, несмотря на терминологические расхождения, интонация единодушно признается ключевым супрасегментным средством языка, обеспечивающим целостность и осмысленность речевого высказывания.

Многообразие её функций – от передачи тонких смысловых нюансов и эмоциональных состояний до структурного оформления и обеспечения акустической гармонии – напрямую вытекает из комплексного взаимодействия её базовых компонентов: мелодики, ритма, темпа, ударения, пауз и тембра. Каждый из этих элементов вносит уникальный вклад в общее звуковое оформление речи, создавая единую, динамичную систему, способную гибко адаптироваться к задачам коммуникации.

Интонация представляет собой неотъемлемую основу речи. Она выполняет роль связующего звена между формальной языковой структурой и эмоционально насыщенным человеческим общением.

Список использованной литературы

1. Бернштейн, С.И. Интонация (звук. средства языка) // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. – 592 с.
2. Бурая, Е. А. Английская речевая интонация: функциональный и социокультурный аспекты : Учебное пособие для студентов I и II курсов факультета английского языка. Книга для студента / Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина. – 5-е издание, стереотипное. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2020. – 160 с.
3. Васильев, В.А. Фонетика английского языка. Нормативный курс: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.
4. Жинкин, Н.И. Тембр и его функции в речи. М.: Просвещение, 1958. – 370 с.

5. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка: А–Я. СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
6. Пронникова, Н. В. К вопросу о функциях интонации / Н. В. Пронникова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-5. – С. 1131-1135.
7. Садыкова, И.А. Русская интонация: учебное пособие по фонетике для иностранных студентов и стажёров филологических специальностей. Казань: Изд–во Казан. ун–та, 2015. – 64 с.
8. Светозарова, Л.В. Интонация и ритм в художественной речи. М.: Просвещение, 1990. – 173 с.
9. Станиславский, К.С. Работа актера над собой. М.: Искусство, 1938. – 216 с.
10. Торсуева, И.Г. Интонация речи. М.: Наука, 1990. –183 с.
11. Цеплитис, Л.К. Интонация в речи. Рига: Зинатне, 1974. – 272 с.
12. Шевцова, Е.Е. Технологии формирования интонационной стороны речи: учебник для вузов [Электронный ресурс] // М.: Юрайт, 2025. – 189 с. – URL: https://urait.ru/bcode/564964 (дата обращения: 30.10.2025).
13. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленигр. ун–та, 1958. – Т. 1. – 180 с.
14. Ярцева, В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
15. Lado, R. Language teaching: A scientific approach. New York: McGraw–Hill, 1964. – 239 p.

УДК 82-31:821.161.1.0-1

Семыкин И.С., студент 3 курса

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Научный руководитель: **М.А. Панькова**, преподаватель русского языка и литературы

Курский государственный техникум технологий и сервиса

Аннотация. Статья посвящена исследованию синтаксических особенностей романа И.А. Гончарова «Обломов». Особое внимание уделяется анализу сложных предложений в тексте произведения. Рассматривается классификация типов сложных предложений, их роль в раскрытии общего замысла автора.

Ключевые слова. Синтаксис, предложение, структура, связь, конструкция, анализ, стиль.

Semykin I.S., Student, 3rd year

SYNTACTIC FEATURES OF I.A. GONCHAROV'S NOVEL “OBLOMOV”

Scientific Supervisor: **M.A. Pankova**, Teacher of Russian language and literature

Kursk State College of Technology and Service

Abstract. The article is devoted to the study of the syntactic features of I.A. Goncharov's novel "Oblomov." Special attention is paid to the analysis of complex sentences in

the text of the work. The article considers the classification of types of complex sentences and their role in revealing the author's overall concept.
Keywords: syntax, sentence, structure, connection, construction, analysis, style.

Художественная литература XIX века представляет собой бесценный и многоуровневый пласт наследия культуры, в котором значительное место занимают различные синтаксические структуры языка. Ранний романтический период, зарождение реализма, новаторство в жанрах и литературных формах привели к трансформации тематики и содержания произведений, а также к необходимости создания эволюционных средств языка, способных передать соответствующий колорит эпохи и выразить эмоции и передовые идеи поэтов и писателей «золотого века». Более глубокому пониманию данной эпохи способствует качественный лингво-синтаксический анализ как структурных особенностей художественных произведений, так и собственно авторских стилей, их уникальных подходов и влияния культурологического контекста на языковую практику. Особенности построения предложений, сложных и простых, их типы, длина и ритмика оказывают непосредственное влияние на восприятие читателем главной идеи произведения, на глубокое понимание его проблемного поля [6].

Как лингвистическая дисциплина синтаксис занимается изучением закономерностей и правил построения предложений, и исследование этой стороны художественного текста позволяет выявить его важные структурные характеристики [4, с. 16]. Следовательно, акцент смещается на такие элементы, как предложение, его протяженность и степень сложности, порядок слов и применение риторических фигур. Эти компоненты определяют не только уникальность стиля каждого писателя, но и показывают смену общественных настроений и литературных направлений великих классиков.

Роман И. А. Гончарова «Обломов» является одним из ключевых произведений русской литературы XIX века. Он представляет собой не только глубокое психологическое исследование характера русского человека, но и служит образцом русского, неповторимого и многогранного, литературного языка. Синтаксис произведения, употребление всех типов сложных предложений, играет центральную роль в формировании атмосферы дворянского быта того времени, в полноценном раскрытии характеров героев и передаче авторской мысли. Гончаров грамотно использует весь спектр синтаксических конструкций, чтобы подчеркнуть силу внутренних переживаний персонажей и собственных философских размышлений. Так, с помощью характерных синтаксических особенностей, автору удается сделать свой роман уникальным.

Основной замысел Ивана Гончарова в романе «Обломов» заключался в том, чтобы убедительно и всесторонне изобразить глубоко укоренившуюся в обществе того времени бездеятельность и леность, отсутствие положительных целей и бессмысленность существования

представителей дворянства. Для воплощения этой идеи писатель сделал язык своим главным инструментом, используя синтаксические речевые средства романа таким образом, чтобы центральная мысль произведения предстала перед читателем максимально отчетливо, выразительно и художественно оправданно.

При глубоком лингвистическом анализе «Обломова» особое внимание привлекает отношение автора к деталям описания. Он гениально и тщательно рисует средствами языка внешность персонажей, их одежду, окружение, быт, а также жизненные ситуации, в которых они действуют и взаимодействуют. Не становятся исключением и пейзажные зарисовки, домашние сцены и характеристики мельчайших деталей убранства комнат, которые поражают своей точностью и яркостью [3, с. 35].

Эту особенность художественного стиля Гончарова отмечали как современники писателя, так и современные литературные критики. Несмотря на очень детальное и подробное описание внешности персонажей, окружающих его вещей и предметов, у читателя не возникает ощущения случайного или бездумного поверхностного перечисления. Напротив, автор филигранно подбирает те языковые средства, которые наиболее точно и емко способны передать основную идею произведения. Важную роль в этом играют сложные предложения.

Исследование языкового материала, используемого для создания образов таких героев, как Обломов, Захар, Штольц и Ольга Ильинская, показывает, что Гончаров отдает предпочтение сложным синтаксическим конструкциям. Также автор включает в текст романа различные типы сложных предложений: бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные. Следует отметить, что в тексте преобладают сложные предложения с разнообразными видами синтаксической связи, что делает их предметом особого анализа.

Сложноподчинённое предложение с придаточным определительным уже в самом начале романа вводит читателя в мир обломовского неспешного существования: «*В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов»* [2, с. 5]. И.А. Гончаров использует большое количество уточняющих членов предложения, чтобы усилить эффект апатичной и сонной атмосферы первой главы.

Далее автор романа знакомит читателя с главным героем – Ильёй Обломовым, используя сложное предложение с различными видами синтаксической связи. Для подробного описания внешности Ильи Ильича И.А. Гончаров включает в текст бессоюзные сложные предложения, а также сложноподчинённые предложения с придаточными причины и времени.

Подробное исследование синтаксической составляющей романа «Обломов» показывает тесную связь между структурой предложений и психологическим состоянием всех персонажей, прежде всего, главного героя.

Для описания состояния лени, апатии и нежелания действовать, Гончаров часто прибегает к сложноподчиненным предложениям с придаточными времени и условия. Они создают ощущение медлительности, неспешности, однообразия, вызывают у читателя устойчивое ощущение замкнутости пространства и невозможности разорвать этот замкнутый круг. Например: *«Когда он просыпался, то долго лежал, не в силах пошевельнуться, и думал...»* [2, с. 8]. Такие конструкции подчеркивают пассивность героя, его погруженность в мечты и воспоминания, которые не приводят к реальным действиям.

Для создания образов персонажей, олицетворяющих деятельную жизнь в романе, таких как Штольц, автор используют более динамичные и энергичные синтаксические конструкции. Их речь часто состоит из сложносочиненных предложений с противительными и соединительными союзами. Так Гончаров подчеркивает их решительность, целеустремленность, способность к действию и преодолению препятствий. Например: *«Он не только говорил, но и делал, не только обещал, но и выполнял.»"* [2, с. 134].

Полные рефлексии и самоанализа внутренние монологи Обломова часто представлены сложноподчиненными предложениями с изъяснительными и определительными придаточными. Они позволяют читателю проникнуть в сознание героя, понять его опасения, страхи, противоречия. Например: *«Он думал, что жизнь его проходит мимо, что он упускает что-то важное...»*.

Гончаров не ограничивается единичными типами сложных предложений. Он талантливо использует весь спектр синтаксических возможностей русского языка, подстраивая их под смысловую задачу текста.

Сложносочиненные предложения употребляются там, где необходимо передать последовательность или одновременность событий, действий или создать контраст в повествовании. Союзы «и», «а», «но», «или» помогают выстраивать смысловые и логические связи между частями сложного предложения, подчеркивая или равномерное течение жизни, или неожиданные повороты в судьбе главных героев.

Сложноподчиненные предложения являются основой для создания серьезных эмоционально-смысловых отношений персонажей. И. А. Гончаров мастерски использует придаточные:

- времени (подчеркивают длительность или моментность событий);
- причины (объясняют мотивы поступков героев);
- цели (показывают намерения, желания и стремления);
- условия (создают предпосылки для развития сюжета);
- уступки (демонстрируют преодоление трудностей, внутреннюю борьбу);
- следствия (показывают конкретный результат действий);

- изъяснительные (раскрывают все мысли и чувства героев);
- определительные (дают более точную характеристику предметам и явлениям).

Особую синтаксическую выразительность и точность придает языку романа использование бессоюзных сложных предложений. Гончаров употребляет их для создания эффекта недосказанности, напряженности действия, передачи быстрой смены мыслей персонажей или пейзажных зарисовок. Например*: «Солнце село, стало темно».* Такая конструкция может характеризовать ощущение внезапности или неизбежности.

Сложные предложения с разными видами связи, например, сочетание сочинения, подчинения и бессоюзия в одном предложении позволяет Гончарову создавать разноуровневые, объемные синтаксические модели, которые точно передают сложность описываемых явлений и переживаний. Эти предложения чаще встречаются в авторских монологах, лирических отступлениях, где писатель размышляет о жизни, человеческой природе, проблемах, волнующих общество.

Анализ синтаксических особенностей романа показал, что в тексте встречаются и более сложные конструкции: с различными связями, распространенные, состоящие из 4–5 простых частей, каждая из которых может быть несколько раз осложнена уточняющими членами предложения [1, с. 203]. Но и в этих случаях синтаксическая структура остается простой и понятной для восприятия читателя.

Использование И.А. Гончаровым различных типов сложных предложений в романе «Обломов» является мощным инструментом создания реалистичной атмосферы дворянской жизни XIX века: длинные, развернутые предложения с большим количеством придаточных времени и условия погружают читателя в сонную и ленивую атмосферу Обломовки, в то время как более динамичные, короткие и обрывающиеся конструкции показывают активную, энергичную и деловую жизнь Петербурга. Синтаксис становится основой использования приема контраста, а также является своеобразным «голосом» автора.

Уникальная синтаксическая система романа «Обломов» позволяет полноценно понять центральную идею произведения – столкновение мечты и действительности, апатичного существования и деятельной жизни, прошлого и будущего.

Список использованной литературы

1. Белошапкова, В.А., Современный русский язык, синтаксис, М., 1997. – 488 с.

2. Гончаров, И. А. Обломов. – М.: Изд-во Олимп, 1986. – 371 с.

3. Дорофеева, Т.С. Особый слог И.А. Гончарова // Русская речь. – 1982. – №3. – С.32-39.

4. Синтаксис осложненного и сложного предложений: [учеб.-метод. пособие] / [сост. О. А. Михайлова]. - Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2012. – 95 с.

5. Чернова, С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. –213 с.

6. Игнатов, И. А. Языковые модели описания образа человека (литературного персонажа) / И. А. Игнатов // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 8. – С. 1-13. – DOI 10.5281/zenodo.6782140.

УДК 81’25

Ситенкова Н. С., магистрант 1 курса

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА «СМЕШАРИКИ» В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Научный руководитель: **С. А. Чугунова,** доктор филологических наук, профессор

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье исследуется прагматическая адаптация в переводе анимационного фильма «Смешарики» как ключевой аспект аудиовизуального перевода, нацеленного не на дословную передачу текста, а на сохранение коммуникативного эффекта. Достижение же высокого уровня прагматики текста требует от переводчика глубокого понимания лингвокультурных кодов, а также умения правильно выбрать оптимальный способ перевода с учетом возрастных особенностей реципиентов.

Ключевые слова: мультфильм, прагматика, аудиовизуальный перевод, прагматическая адаптация, лингвокультурный аспект.

Sitenkova N. S., Master Course student, 1st year

PRAGMATIC ADAPTATION OF THE ANIMATED FILM "KIKORIKI" TRANSLATED FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Scientific supervisor: **S. A. Chugunova,** Doctor of Philological Sciences, Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article explores how pragmatic adaptation in translating the animated film “Kikoriki” helps preserve the original’s emotional and behavioral impact on viewers – rather than just word-for-word translation. To achieve a high level of text pragmatics a translator needs to understand linguistic and cultural codes, as well as the ability to choose the right translation method based on the audience’s age.

Keywords: cartoon, pragmatics, audiovisual translation, pragmatic adaptation, linguistic and cultural aspect.

В современном мире мультфильмы являются важным инструментом развития и воспитания ребенка: они помогают познавать мир через упрощенные, но вместе с тем увлекательные образы, формируют

мировоззрение и жизненно необходимые навыки. Сегодня мультфильм – один из ключевых субъектов развития ребенка наряду с традиционными видами деятельности (рисование, игра, чтение), которые закладывают представление о мире, человеческих отношениях и нормах поведения в обществе. Как отмечает М. В. Соколова, просмотр мультфильмов носит «тотально-веерный» характер, т.е. дети не только смотрят анимацию на экране, но и обсуждают происходящее, создают игры по мотивам анимации, покупают связанные с ней игрушки. Так, мультфильмы стали значимыми трансляторами социальных и культурных норм и ценностей [2].

Перевод аудиовизуального контента, в частности мультфильмов, представляет собой особую переводческую задачу, так как в отличие от традиционных форм перевода ключевая цель аудиовизуального перевода – это не дословная передача содержания, а обеспечение сходного с оригиналом зрительского восприятия в разных культурных контекстах. Иными словами, зрители как страны-производителя контента, так и страны-получателя перевода должны реагировать на сходные эмоциональные и поведенческие ситуации – как на уровне общего восприятия произведения, так и на уровне отдельных единиц (диалог, шутка, культурная отсылка и т.д.) [5].

В. Н. Комиссаров утверждает, что языковые единицы обладают прагматической силой, т.е. способностью влиять на реципиента – вызывать определенные эмоции, формировать суждения и даже побуждать к действию. Такая способность текста воздействовать на реципиента называется прагматическим потенциалом или прагматикой текста [4].

На практике часто возникает ситуация, когда дословный перевод не выполняет прагматическую задачу оригинала из-за лингвокультурных различий. В таких случаях применяется прагматическая адаптация – целенаправленная трансформация текста для достижения сходного воздействия на целевую аудиторию [3].

При работе с аудиовизуальным контентом переводчик определяет оптимальный способ перевода – от максимально точной передачи оригинала до существенного отклонения от него или даже осознанного искажения смысла. В основе выбора часто стоят два подхода – доместикация и форенизация (Г. П. Бакулев обозначает их терминами «освоение» и «отстранение» соответственно). Доместикация (освоение) предполагает «сокращение культурного разрыва между исходным и целевым языками, когда последовательно заменяются незнакомые потенциальной аудитории культурные реалии на культурные понятия, характерные для языка перевода» [1, с. 52]. Форенизация (отстранение), напротив, делает акцент на самобытность исходного контекста, намеренно сохраняя ощущение «инаковости» и экзотики оригинала [1].

На практике степень применения того или иного подхода варьируется в зависимости от переводческих задач и устоявшихся традиций в сфере локализации. Наиболее эффективным является поиск возможностей адаптации отдельных единиц под лингвокультуру страны-получателя

(трансформация «знаковых» фраз; комплексная переработка юмористических фрагментов) [5].

Рассмотрим примеры прагматической адаптации в переводе мультфильма «Смешарики»:

В 127-й серии мультфильма Лосяш фантазирует о многофункциональных напольных часах, совмещающих функции холодильника и микроволновой печи. Свою мечту он описывает так: «*Вот если бы в них засунул* ***бутерброд****, нажал кнопочку, он заморозился и лежит, пока не проголодаешься. Нажал другую – они тебе его согрели и соусом полили. Вот это были бы часы*!». В оригинале Лосяш говорит именно о бутерброде с соусом, тогда как для английской аудитории переводчик превратил бутерброд в сэндвич с тунцом (*tuna sandwich*), а соус – в маринад (*marinade*).

В этой же серии Крош предлагает Копатычу отведать квасу (традиционный славянский безалкогольный напиток). При локализации на английский язык переводчики прибегли к функциональной замене и *квас* трансформировался в *root beer* (североамериканский безалкогольный напиток из коры дерева Сассафрас).

В процессе локализации мультфильма культурные и исторические реалии нередко подвергаются трансформации. Так, в 127–129 сериях в мире смешариков появляются гости из прошлого – дворяне Муня и Муля, переместившиеся из 1808 года в 2008-й. Их архаичные представления о социальном устройстве вызывают множество недопонимания с главными героями мультфильма. Например, эмоциональная фраза Копатыча: *Они решили, что они тут живут! Что у них тут деревня с крестьянами*! трансформировалась в *They think they live here and this is their country house! He says we're farmhands or something*. В представленном примере лексема *крестьяне* была заменена на более конкретную *farmhands* – наемные рабочие, батраки. В данных сериях были использованы и другие архаизмы. Так, например, *приказчик* (управляющий помещичьим хозяйством) стал *estate manager* (управляющий имением); обращение барин перевели как *Landlord* (землевладелец). Когда же Лосяш обращался к Муле *государь мой милостивый*, в английской версии использовалась форма обращение *sire* – уважительное обращение к вышестоящему по сословию.

Описанные выше трансформации позволяют зарубежной аудитории понять заложенные в оригинале иерархические отношения между персонажами, т.е. отражают прагматику оригинального сообщения. Однако не все элементы поддаются столь успешной адаптации. Так, в тех же сериях 127–129 персонажи плюют через левое плечо произнося *тьфу-тьфу-тьфу*, чтобы защититься от сглаза, т.е. совершают своеобразный ритуал. Поскольку данное действие показано на экране, переводчик никак не может его проигнорировать или заменить на аналог *touch wood/knock on wood*. В результате был использован звукоподражательный вариант *too-too-too*, который был использован скорее для передачи самого движения, так как он лишен символического значения для англоязычного зрителя.

Однако не всегда сохранение смысловой составляющей является безусловным приоритетом. Например, в серии 178, где Нюша переживает экзистенциальный кризис: героиня не находит упоминаний о себе в печатных источниках и пытается найти способ увековечить свое существование, собирая свидетельства о себе в альбом. Во время ее действий звучит песня со следующим содержанием (первая строфа оригинала):

Кто на вопрос мне даст ответ?
Я проде есть, а вроде нет…
Купил я газеты вчерашнего дня,
Но нету там, нету там слов про меня!

Перевод выполнен с предельной семантической точностью, но полностью проигнорированы поэтические параметры – не соблюдена эквиритмика текста.

Who will help me understand
If I exist or if I don't?
I bought a yesterday paper
But it doesn't mention me at all

Чрезмерная сосредоточенность на передаче содержания привела к невыполнению прагматической задачи целевого текста. Так, можно предположить, что для песенных текстов приоритетной задачей являются ритм и рифма – ради их сохранения допустимо определенное отступление от оригинального текста. Такой пример сохранения прагматической адаптации демонстрируется в 59-й серии. По сюжету Бараш, чувствуя нехватку внимания со стороны друзей, решает заболеть, чтобы вызвать их заботу. Его попытки заболеть сопровождаются песней со следующим содержанием:

Как приятно заболеть!
Все начнут тебя жалеть.
Разноцветные таблетки,
Склянки, баночки, пипетки!
Ни хороший, ни плохой –
Просто бедненький больной

Перевод:

Sickness isn't meant for fun,
But you're helped by everyone,
All the jam that you can eat,
Honey teas a tasty treat,
What's the harm in being ill?
Getting cared for is such a thrill.

В переводе появляются новые образы – варенье и чай с медом, которые создают иную атмосферу, но при этом сохраняют общий эмоциональный посыл: болезнь как способ получить заботу и внимание.

Еще один пример культурной трансформации в переводе встречается в 70-й серии. Сюжет строится вокруг Ежика, который стыдясь своей

трусости перед друзьями, решает притвориться своим «родственником»: он переодевается, имитирует грузинский акцент и называет себя Ежидзе. В русскоязычной культуре такой образ считывается как стереотипный облик жителя одной из бывших советских республик.

При локализации переводчикам пришлось искать эквивалентный культурный код, опираясь на визуальные маркеры персонажа (одежда, в которую переоделся Ежик: усы, солнцезащитные очки и клетчатая фуражка). Сочетание этих атрибутов в американской традиции ассоциируется скорее с итальянцами. В результате *Ежидзе* трансформировался в *Chikorini*, а его речь приобрела черты ломаного английского с подчеркнутым итальянским акцентом: *Chiko? No, I am cousin. He no here*. Этот пример является наиболее репрезентативным – в отличие от ранее рассмотренных примеров, где из-за чрезмерных стремлений заложить оригинальный смысл страдала прагматика текста.

Работа аудиовизуального переводчика требует всестороннего предпереводческого анализа, в рамках которого необходимо учитывать коммуникативные, контекстуальные, социокультурные, стилистические и онтолингвистические аспекты исходного языка. Его ключевая задача – не просто передать содержание, а воссоздать целостный образ мультипликационного фильма в новой лингвокультурной среде. Вследствие этого переводчик является не просто посредником между языками и культурами, а фактически становится соавтором произведения на целевом языке.

Список использованной литературы

1. Бакулев, Г.П. Стратегии аудиовизуального перевода // Вестник ВГИК. – М. : ВГИК им. С. А.Герасимова, 2014.– № 4. – С. 48–60.
2. Габрусенок, М. С. Особенности перевода мультипликационного фильма с английского языка на русский и с русского на английский / М. С. Габрусенок, В. С. Значенок // Минск : БГУ, 2016. – С. 133–139.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. Пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
5. Козуляев, А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А. В. Козуляев // XVII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – Т. 1. – С. 374–381.
6. Козуляев, А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода / А. В. Козуляев // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь: ПНИПУ, 2015. – № 3 (13). – С. 3–24.

УДК 811.112.2

Смирнова О.С., бакалавр 3 курса,
Смирнова А.Г., старший преподаватель

ГРИНВОШИНГ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО БРЕНДА КОСМЕТИКИ NIVEA)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. В условиях роста экологической осознанности потребителей проблема гринвошинга (англ. greenwashing) приобретает особую актуальность. Целью исследования является выявление стратегий гринвошинга через призму языковой манипуляции в рекламных текстах немецкого бренда-производителя косметики NIVEA. На материале разделов “Nachhaltigkeit” («Устойчивое развитие») и “Über uns” («О нас») официального сайта бренда методом критического дискурс-анализа выявлены характерные приёмы языковой манипуляции: частичное информирование о реальных экологических показателях; неподтвержденные заявления об экологичности продукции; сознательная размытость терминологии; формирование иллюзии прогресса через сравнение с более вредными аналогами; прямые искажения фактов. Полученные результаты позволяют разработать критерии идентификации наличия практик гринвошинга в маркетинговой коммуникации и могут быть использованы в практике потребительского образования. Исследование демонстрирует, как языковые средства формируют ложное представление об экологической ответственности бренда.

Ключевые слова: гринвошинг, языковая манипуляция, экологический дискурс, критический дискурс-анализ, NIVEA, немецкоязычная коммуникация, экологический маркетинг.

Smirnova O.S., Bachelor Course student, 3rd year,
Smirnova A.G., Senior Lecturer

GREENWASHING THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE MANIPULATION ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN COSMETICS BRAND NIVEA

National Research University “Higher School of Economics”

Abstract. With the growing environmental awareness of consumers, the problem of greenwashing is becoming particularly relevant. The aim of the study is to identify greenwashing strategies through language manipulation in the advertising texts of the German cosmetics brand NIVEA. Based on the “Nachhaltigkeit” (“Sustainability”) and “Über uns” (“About us”) sections of the brand's official website, critical discourse analysis revealed typical methods of linguistic manipulation: partial information about real environmental indicators; unconfirmed claims about the environmental friendliness of products; conscious terminological ambiguity; progress laundering through comparison with more harmful analogues; direct distortion of facts. The results obtained make it possible to develop the criteria for the identification of greenwashing in marketing communication and can be used in the practice of consumer education. The study demonstrates how language tools create a false perception of the brand's environmental responsibility.

Keywords: greenwashing, language manipulation, environmental discourse, critical discourse analysis, NIVEA, German-language communication, environmental marketing.

Рост экологической осознанности потребителей и усиление внимания к устойчивому развитию приводят современные компании к необходимости «зелёного» позиционирования, по-другому называемого гринвошинг (от англ. greenwashing) [11, с. 31]. В условиях конкуренции заявление о защите природы становится важным преимуществом бренда. Однако соответствие общественным ожиданиям не всегда заключается в реальных действиях брендов, направленных на изменения в производственных процессах, что ведёт к распространению явления гринвошинга. Под этим термином понимается намеренное создание вводящей в заблуждение информации об экологичности продуктов компании с целью формирования благоприятного, но не соответствующего действительности образа [3, с. 5].

Особую значимость приобретает языковой аспект гринвошинга, потому что именно через язык реализуются стратегии манипуляции. Так, например, использование расплывчатой терминологии и эмоционально окрашенной лексики воздействует на восприятие [14]. В то время как большинство научных работ в области языка и рекламы посвящено исследованию и анализу манипуляций, связанных с эффективными стратегиями реализации товара [18], [9], [10], рассмотрение и описание «зелёного» позиционирования не находит достаточного освещения в статьях. В связи с этим исследование стратегий языковой манипуляции представляется значимым.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом потребителей к экологически чистой продукции [8, с. 21], что, в свою очередь, порождает распространённость маркетинговой стратегии гринвошинга. Анализ языковых средств, используемых для создания «зелёного» образа бренда, позволяет выявить механизмы манипуляции и оценить степень соответствия рекламных заявлений реальной экологической политике компаний.

Для анализа был выбран немецкий бренд косметики NIVEA, поскольку его рекламные тексты содержат стратегии экологического позиционирования, как неподтверждённые заявления об экологичности продукции и намеренное искажение фактов [14]. Бренд широко представлен на рынке и отличается высокой степенью узнаваемости [6, с. 661]. Немецкоязычный «зелёный» дискурс в целом представляет особый интерес для исследования, поскольку тема экологии имеет высокую социальную значимость в Германии [4, с. 74], что продиктовывает необходимость использования более сложных и продуманных стратегий языковой манипуляции.

Нами были проанализированы статьи, опубликованные в разделах “Nachhaltigkeit” («Устойчивое развитие»), “Über uns” («О нас») официального немецкоязычного веб-сайта бренда NIVEA, и рекламные тексты отдельных косметических продуктов, представленных к ноябрю 2025 года. В ходе исследования был применён метод сплошной выборки для

формирования корпуса рекламных текстов и описаний товаров бренда NIVEA, представленных на официальном сайте. Критический дискурс-анализ Нормана Фэркло на микроуровне [2] позволил оценить направленность манипулятивной составляющей в коммуникации бренда на потребителя.

В основу анализа легла классификация, предложенная Г.П. Грайсом. Исследователь выделяет четыре типа коммуникативных категорий: «Количества, Качества, Отношения и Способа» [5, с. 220], для каждой из которых обозначает постулаты. Мы считаем, что некоторые принципы экологического позиционирования, выделенные американской компанией terrachoice [14], соответствуют постулатам Г.П. Грайса, что позволяет провести анализ намеренных нарушений для создания манипуляции в логике и речевом общении с потребителями.

В ходе исследования использовался критический дискурс-анализ Н. Фэркло со стороны микроуровня [2]. Также нами был проведён лингвистический анализ лексических, грамматических и синтаксических единиц.

Г.П. Грайс связывает категорию Количества с объёмом передаваемой информации. Сформулированные им постулаты требуют, чтобы высказывание было достаточно информативным, но при этом не содержало избыточных данных. В разделе “Über uns” представлено следующее заявление: “Ob Verpackungen recycelt werden können, hängt von der örtlichen Recycling-Infrastruktur ab. Frage einfach bei deinem lokalen Abfallentsorgungsunternehmen nach…” [16]. На морфологическом уровне интересно использование страдательного залога с модальным глаголом: “recycelt werden können”, что в немецком языке является «частым средством манипуляции», в особенности для «смягчения категоричности высказывания» [17]. Глагол “abhängen” выражает неопределённость и отсутствие контроля, из чего следует, что бренд NIVEA не несёт полной ответственности за перерабатываемость материала. При помощи повелительного наклонения глагола “nachfragen” производитель призывает обратиться к местным предприятиям по сбору и утилизации отходов. Примечательно обращение на «ты»: “frage…nach”, “bei deinem”. Таким образом бренд стремится быть ближе к потребителю, вызвать доверительное отношение [1].

Категория Качества призывает к истинности информации и её конкретизации. Она соответствует “SIN OF FIBBING (Грех лжи/обмана)” в классификации terrachoice. Так, надпись на дезодоранте Black & White Invisible Clear Deo Spray: “Diese Dose ist zu 100% recycelbar (ohne Sprühkopf)” [12] манипулятивна. Стоит отметить противоречие в сочетании “100% recycelbar (ohne Sprühkopf)”. Графическая манипуляция сводит к экологичности всего продукта, тогда как описывается лишь его часть. Уточнение в скобках маскирует существенное ограничение. Нельзя назвать максимальный процент перерабатываемости упаковки, не принимая во внимание все её составляющие. Даже с исключением дозировочного

колпачка это утверждение преувеличивает экологичность, создавая у потребителя ложное ощущение правильного выбора.

С категорией Отношения Г.П. Грайс связывает постулат релевантности. Эта идея отражена и в классификации terrachoice: “SIN OF THE HIDDEN TRADE-OFF (Грех скрытого компромисса)”. Приём основывается на утверждении экологичности продукта через необоснованно узкий набор атрибутов. Так, в описании товаров заметен акцент внимания на одном аспекте. Заявление: “Unsere NIVEA Dose besteht jetzt aus 80% recyceltem Aluminium” [13] на банке NIVEA Creme подчёркивает экологичность упаковки, при этом игнорирует ингредиенты самого крема и особенности его производства.

Более того, языковая манипуляция реализуется через выбор определённых лексических единиц. Акцент на материале упаковки через существительное “Aluminium” отвлекает от оценки содержимого. Причастие “recycelt” выполняет функцию позитивного маркера. Его употребление создаёт иллюзию общего прогресса, в то время как потенциально негативные аспекты продукта скрываются. На графическом уровне интересен визуальный маркер: “80%”, который формирует восприятие в выгодном для бренда ключе, создавая видимость почти решённой проблемы.

Наконец, к категории Способа Г.П. Грайс относит один общий постулат — «Выражайся ясно». Американская компания terrachoice также отмечает “SIN OF VAGUENESS (Грех расплывчатости)”. Он реализуется через широкие определения и расплывчатые формулировки, которые искажают истинное значение, что приводит к ложной интерпретации информации потребителем. В разделе “Über uns”, в части “Unser Engagement für nachhaltiges Plastik und Recycling bei Nivea” бренд утверждает: “Wir reduzieren Kunststoffe, wo immer möglich. Wir recyceln Kunststoffe, wo immer wir können. Wir ersetzen Kunststoffe, wo immer es sinnvoll ist” [16]. Ряд однородных придаточных: “wo immer möglich”, “wo immer wir können”, “wo immer es sinnvoll ist” не дает конкретных, измеримых обязательств и оставляет широкое поле для интерпретации. Предложения имеют одинаковую структуру: главное предложение состоит из подлежащего, выраженного личным местоимением “wir”, простого глагольного сказуемого и прямого дополнения “Kunststoffe”. Синтаксический параллелизм «придаёт рекламному тексту лёгкость и лаконичность, что в свою очередь способствует лёгкому запоминанию и надолго остаётся в памяти реципиента» [7, с. 290].

В разделе “Nachhaltigkeit”, в части “Kosmetik ohne Tierversuche. Was unternimmt NIVEA gegen Tierversuche?” утверждается: “Wir arbeiten auch daran, Behörden in China und anderen Teilen der Welt davon zu überzeugen, dass Tierversuche unnötig sind, und fordern sie dazu auf, Alternativen zu Tierversuchen offiziell zu genehmigen” [15]. Глагол с размытой семантикой процесса “arbeiten daran” описывает непрерывный процесс, но не называет конкретных действий и сроков их реализации. Глаголы “überzeugen” и

“auffordern” по отношению к китайским властям выполняют перформативную функцию. При этом они не описывают реальные действия, но условно ставят бренд в сильную позицию. Эта лингвистическая стратегия позволяет NIVEA взять на себя роль глобального регулятора. Фраза “Behörden in China und anderen Teilen der Welt” создаёт иллюзию широкой географической распространённости, но не называет ни конкретных учреждений, ни иных стран, кроме Китая, что делает формулировку размытой.

Таким образом, возникает импликатура: бренд создаёт впечатление постоянной и целенаправленной деятельности, тщательно избегая строгих формулировок. Анализ лексических, грамматических и синтаксических единиц позволяет утверждать, что гринвошинг является, прежде всего, лингвистическим феноменом, поскольку манипулятивное воздействие на потребителя реализуется именно через язык.

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать ключевые приёмы языковой манипуляции, используемые немецким брендом-производителем косметики NIVEA в рамках экологического позиционирования. Анализ статей в разделах “Nachhaltigkeit”, “Über uns” и описаний товаров показал применение стратегий гринвошинга, соответствующих классификации terrachoice и постулатам Г.П. Грайса.

Установлено, что бренд систематически прибегает к выборочному информированию об экологических характеристиках товаров; использованию неподтверждённых утверждений об экологичности; сознательной размытости терминологии; созданию иллюзии прогресса через сравнение с более вредными аналогами; прямым искажениям фактов относительно перерабатываемости упаковки и состава продукции. На языковом уровне эти стратегии манипуляции реализуются посредством модальных глаголов и производных от них (“können”, “möglich”); пассивного залога (“recycelt werden können”); глаголов, выражающих неопределённость (“abhängen von…”); глаголов с размытой семантикой процесса (“arbeiten an…”); глаголов убеждения (“überzeugen”, “auffordern”); императива (“frage…nach”); обращения на «ты» (“bei deinem”); лексем, выражающих официальное одобрение (“genehmigen”, “offiziell”); синтаксического параллелизма (“Wir reduzieren Kunststoffe, wo immer möglich. Wir recyceln Kunststoffe, wo immer wir können. Wir ersetzen Kunststoffe, wo immer es sinnvoll ist”). Графические средства также играют важную роль в осуществлении стратегий манипуляции. Среди них — использование цифр для демонстрации высокого результата работы без дополнительного подкрепления фактами (“besteht jetzt aus 80% recyceltem Aluminium”); употребление конструкций со скобками, которые создают ощущение полной осведомлённости, однако, этим деталям относится второстепенная важность (“Diese Dose ist zu 100% recycelbar (ohne Sprühkopf)”).

Особую значимость приобретает тот факт, что языковые манипуляции на тему гринвошинга реализуются в немецкоязычном дискурсе, где тема

экологии стоит особенно остро. Производитель косметики NIVEA намеренно искажает информацию о продукции с целью создания «зелёного» образа бренда.

Так, данное исследование расширяет теоретическую базу для изучения экологического дискурса со стороны языка и коммуникативных практик. Результаты анализа имеют практическую ценность для потребителей, которые действительно ищут экологически чистые товары, а также для образовательных организаций в рамках уроков экологии и обществознания.

Таким образом, исследование демонстрирует, что языковая манипуляция остаётся эффективным инструментом создания ложного представления об экологической ответственности бренда, что требует как развития механизмов, которые регулировали бы публикуемую информацию, так и критического потребления.

Список использованной литературы

Ссылки на печатные источники:

1. Baumgartner, E. Brand Communities als neue Markenwelten: wie Unternehmen Marken-Netzwerke initiieren, fördern und nutzen. – Redline Wirtschaft, 2007.
2. Fairclough, N. Critical discourse analysis //The Routledge handbook of discourse analysis. – Routledge, 2023. – С. 11-22.
3. Lorincz, O. Greenwashing Used as a Misinformation Tool in the Communication of the Sustainable Fashion Industry; University of Copenhagen: Copenhagen, Denmark, 2021.
4. von Hauff M. Nachhaltigkeit für Deutschland //Klare Antworten aus erster Hand. – 2021.
5. Грайс. Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–238.
6. Лапковская, Д. А. "Made in Germany" oder welche deutschen Marken die Welt eroberten / Д. А. Лапковская // 69-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов, 2-13 апреля 2018 г., Минск : сборник научных работ : в 4 ч. Ч. 3 / Белорусский государственный технологический университет. - Минск : БГТУ, 2018. – С. 659-662.
7. Михайлова, А. А. Лексические и синтаксические особенности англоязычного рекламного дискурса в сегменте бытовой техники / А. А. Михайлова, Н. Ю. Шугаева // Вопросы иноязычной филологии в контексте современных исследований : сборник научных статей XXXVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня образования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и 100-летию академика Е.А. Букетова, Чебоксары, 17–18 апреля 2025 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2025. – С. 285-292.
8. Нестандартное потребление / В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 216 с. — (Социальная теория).
9. Осиянова, А. В., Денисова, М. А. Лингвостилистическая характеристика англоязычного манипулятивного дискурса в сфере рекламы косметической продукции // Балтийский гуманитарный журнал. – 2022. – Т. 11. – №. 2 (39). – С. 23-27.
10. Русова Ю. В. Тренды в рекламном продвижении косметических брендов (на примере компаний Mac, Nyx, Sephora) //Научный лидер. – 2021. – №. 13. – С. 48-52.

11. Смирнова Е. В. Гринвошинг //Безопасность в техносфере. – 2011. – №. 5. – С. 31-35.

Ссылки на электронные ресурсы:

12. Black & White Invisible Clear Deo Spray 150ml. – Текст : электронный // Nivea : [сайт]. – URL: https://www.nivea.de/produkte/black-and-white-invisible-clear-deo-spray-150ml-40060000927060001.html (дата обращения: 03.11.2025).

13. Creme 250ml. – Текст : электронный // Nivea : [сайт]. – URL: https://www.nivea.de/produkte/creme-250ml-40059009171710001.html (дата обращения: 03.11.2025).

14. The Sins of Greenwashing: Home and Family Edition, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://sinsof-greenwashing.org (03.11.2025)

15. Tierschutz. – Текст : электронный // Nivea : [сайт]. – URL: https://www.nivea.de/ueber-uns/eine-haut-eine-welt-eine-pflege/unser-engagement/tierschutz (дата обращения: 03.11.2025).

16. Unser Engagement für nachhaltiges Plastik und Recycling bei NIVEA. — Текст : электронный // Nivea : [сайт]. – URL: https://www.nivea.de/ueber-uns/eine-haut-eine-welt-eine-pflege/engagement-kunststoffe (дата обращения: 03.11.2025).

17. Газизов, Р. А., Сафина, А. В. Особенности языковой манипуляции в коммуникативном поведении немцев (на материале современного немецкого кинематографа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №11-2 (89). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazykovoy-manipulyatsii-v-kommunikativnom-povedenii-nemtsev-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-kinematografa (дата обращения: 05.11.2025).

18. Даулань, М., Сакаева, Л. Р., Шкилев, Р. Е., Яхин, М. А. Особенности лингвистических манипуляций в медицинских и косметических рекламных текстах США // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №3 (39). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lingvisticheskih-manipulyatsiy-v-meditsinskih-i-kosmeticheskih-reklamnyh-tekstah-ssha (дата обращения: 05.11.2025).

УДК 81'373.46:641

Смолина В.В., магистрант 3 курса

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ЕДА»

Научный руководитель: **О.А. Баранцева**, кандидат филологических наук, доцент

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация. В статье представлен семантический и словообразовательный анализ англоязычных неологизмов в тематической группе «Еда», опубликованных в блоге Кембриджского словаря о новых словах “About Words” за период с 2020 года по 2024 г. В статье также поднимается проблема перевода неологизмов в данной сфере на русский язык.

Ключевые слова: Неологизм, семантический анализ, тематические группы неологизмов, словообразовательный анализ, словообразовательная модель, эквиваленты англоязычных неологизмов.

Smolina V.V., Master Course student, 3rd year

ENGLISH NEOLOGISMS IN THE TOPIC GROUP “FOOD”

Scientific supervisor: **O.A. Barantseva,** Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Abstract. The article presents a semantic and word-formation analysis of English-language neologisms in the topic group “Food” published in the Cambridge Dictionary’s blog “About words” from 2020 to 2024. The article also raises the problem of translating neologisms in the sphere of food into the Russian language.

Keywords: neologism, semantic analysis, topic groups of neologisms, word-formation analysis, word-formation model, equivalents of English-language neologisms.

Язык – это динамическая, подвижная система, динамика которой обусловлена тесными связями языка и общества. [2, с.129]. Неологизмы являются своеобразным зеркалом языкового развития. [1, с.160]. Безусловно, любой язык постоянно будет находиться в состоянии изменений, а значит, будет в состоянии пополнения новыми словами, которые связаны с новыми явлениями, событиями и достижениями человечества. Отметим, что в настоящее время происходят глобальные изменения, касающиеся практически всех сфер жизни, что влечет за собой появление новых слов. [1, с.160].

Особый интерес представляет изменение лексики именно тех сфер жизни, которые являются базовыми, «устоявшимися», в наименьшей степени подверженными изменениям. Одной из таких областей является лексика семантического поля «еда». [3, с.133]. Концепты, относящиеся к сфере «еда» являются базовыми в любой лингвокультуре. [4, с.307].

Предмет данного исследования – англоязычные неологизмы в сфере «Еда» за период с 2020 по 2024 год. Неологизмы были отобраны на основании данных блога Кембриджского словаря о новых словах “About Words”: https://dictionaryblog.cambridge.org/. В результате анализа блога были выявлены 24 неологизма в рамках рассматриваемой тематической группы: healthwashing, farmwashing, gastrodiplomacy, fridgescaping, Fanum tax, applejuicification, dirty soda, WaterTok, cheapflation, snackification, OMAD, Atlantic diet, girl dinner, candyceutical, salt tooth, food noise, lion diet, chaos cooking, breadflation, social omnivore, mind dieting, cloud bread, swicy, FORO.

На первом этапе исследования осуществлялся семантический анализ неологизмов, на основании которого были выделены семь групп неологизмов в исследуемой сфере:

1. Неологизмы, обозначающие способы преувеличения полезности продуктов:

healthwashing – практика маркировки продуктов питания и витаминов таким образом, что создается впечатление, что они более полезны для здоровья, чем есть на самом деле; ***farmwashing*** – практика, при которой компания создает впечатление, что ее продукция поступает с небольших местных семейных ферм, хотя на самом деле это не так; ***applejuicification*** – использование яблочного сока в качестве основного ингредиента в напитках без указания его в названии или на упаковке.

2. Еда как взаимоотношения людей:

gastrodimplomacy – использование традиционной еды страны как способ создания и поддержания хороших отношений с другими странами; ***Fanum tax*** – акт взятия еды с тарелки друга, обычно без спроса, названный в честь создателя интернет-контента, который шутил по поводу этого поведения; ***social omnivore*** – человек, который никогда не ест мясо дома, но иногда ест его в ресторане или в чужом доме.

3. Пищевые тренды в TikTok:

dirty soda – сладкий, газированный, безалкогольный напиток, такой как кола или лимонад, смешанный со сливками и другими ароматизаторами, такими как сиропы и фруктовые соки; ***WaterTok*** – сообщество в социальной сети TikTok, где люди публикуют видеоролики с рецептами приготовления воды с различными ароматизированными ингредиентами; ***chaos cooking*** – стиль приготовления пищи, при котором для создания блюда используются различные виды продуктов, которые обычно не едят вместе; ***fridgescaping*** – размещение предметов внутри холодильника в привлекательном и декоративном виде.

4. Изменения в пищевых привычках:

snackification – переход от потребления полноценных блюд в течение дня к нескольким перекусам, заменяющим правильное питание; ***OMAD*** – аббревиатура для «one meal a day» (один прием пищи в день), диета, основанная на приеме пищи только один раз в день; ***Atlantic diet*** – способ питания, основанный на продуктах, которые обычно едят на северо-западе Испании и в Португалии; ***girl dinner*** – простая еда, которую женщина готовит для себя, обычно состоящая из небольшого количества разных продуктов, ни один из которых не требует приготовления; ***candyceutical*** – маленькая, жевательная, цветная сладость, содержащая витамины или другие ингредиенты для улучшения здоровья; ***salt tooth*** – предпочтение в еде соленой пищи (особенно такой как чипсы, картошка фри и т. д.), ***lion diet*** – диета, при которой люди едят только мясо определённых животных и не едят другую пищу в течение определенного периода времени; ***mind dieting*** – тщательное обдумывание выбора продуктов или блюд, при котором приоритет отводится более полезным продуктам.

5. Новые виды продуктов или вкусов:

cloud bread –сладкая еда, приготовленная из яичных белков с сахаром и кукурузным крахмалом, которые выпекаются в виде круглых форм; ***swicy*** – вкус, одновременно и сладкий, и острый.

6. Ощущения человека по отношению к еде:

food noise – постоянные мысли о еде, возникающие у некоторых людей, пытающихся похудеть; ***FORO*** – «страх исчерпания», тревожное чувство, которое испытывает человек по отношению к необходимым продуктам или запасам чего-то важного.

7. Экономические тенденции, находящие отражение в продуктах питания:

cheapflation – ситуация, когда цена продукта остается прежней или увеличивается, но его основной компонент присутствует в меньшем количестве или имеет худшее качество; ***breadflation*** – постоянный рост цен на хлеб.

Семантический анализ показал, что самой многочисленной группой неологизмов являются новые слова, описывающие изменения в пищевых привычках. Они многогранны и включают в себя как полезные, так и вредные тенденции, наряду с новыми типами диет.

На втором этапе исследования был проведен словообразовательный анализ единиц в сфере «Еда», в результате которого были выделены следующие модели: словосложение, словослияние, аббревиация, аффиксация и комплексный способ словообразования.

Словосложение:

healthwashing, farmwashing, gastrodiplomacy, Fanum tax, dirty soda, Atlantic diet, girl dinner, salt tooth, food noise, lion diet, chaos cooking, social omnivore, mind dieting, cloud bread.

Словослияние:

fridgescaping = fridge + landscaping, WaterTok = water + TicTok, cheapflation = cheap + inflation, candyceutical = candy + nutraceutical, breadflation = bread + inflation, swicy = sweet + spicy.

Аббревиация:

OMAD = one meal a day, FORO = the fear of running out.

Аффиксация: *snackification.*

Комплексный способ словообразования: *applejuicification.*

Словосложение выступает наиболее распространенной словообразовательной моделью среди неологизмов данной тематической группы.

В ходе нашего исследования мы также обращали внимание на наличие в русском языке эквивалентов англоязычных неологизмов в рассматриваемой сфере. Многие анализируемые единицы имеют переведенный вариант в русском языке. Среди способов перевода встречаются калькирование, транслитерированный перевод и описательный перевод. Ниже остановимся на особенностях их перевода.

Начнем с перевода аббревиатур. Сокращенные лексические единицы представлены в русском языке через описательный перевод, когда сокращение практически расшифровывается. Так, *OMAD* на русских сайтах переводится как «один прием пищи в день». Самым распространенным способом перевода неологизмов данной тематической группы является калькирование. Так, *gastrodiplomacy* на русских сайтах переводится как

«гастрономическая дипломатия» или «гастродипломатия»; *Fanum tax* – «налог Фанума» или «налог “Фанум”», *dirty soda* – «грязная газировка»; *Atlantic diet* – «диета “Atlantic”», *girl dinner* – «девичий ужин», *salt tooth* – «любитель соленого» или «соленоежка», *food noise* – «пищевой шум», *lion diet* – «львиная диета», *chaos cooking* – «хаотичное кулинарство», *social omnivore* – «социальный всеядный», *mind dieting* – «диета “MIND”», *cloud bread* – «облачный хлеб», *cheapflation* – «иллюзия дешивизны» или «чипфляция», *candy-ceutical* – «конфетно-цевтический», *breadflation* – «хлебфляция». Транслитерированные варианты «фармвошинг» и «фриджскейпинг» соответствуют следующим лексическим единицам*: farmwashing, fridgescaping.* Интересно, что последний неологизм имеет еще один перевод, образованный посредством калькирования: «декор холодильника изнутри». В рамках тематической группы, шесть англоязычных неологизмов из двадцати четырех еще не переведены на русский язык. К таким относятся *healthwashing, FORO, WaterTok, Swicy, snackification, applejuicification.*

Итак, на основании данных блога Кембриджского словаря “About words” за 2020-2024 года, в тематической группе «Еда» было выявлено 24 неологизма. Семантический анализ неологизмов позволил выделить 7 тематических групп, а именно: способы преувеличения полезности продуктов, еда как взаимоотношения людей, пищевые тренды в TikTok, изменения в пищевых привычках, новые виды продуктов или вкусов, ощущения человека по отношению к еде и экономические тенденции, находящие отражение в продуктах питания. При этом, наиболее многочисленной группой выступают изменения в пищевых привычках, насчитывающие 8 неологизмов. В результате словообразовательного анализа было выявлено 5 словообразовательных моделей: словосложение, словослияние, аббревиация, аффиксация и комплексный способ словообразования. Словосложение представлено 14 неологизмами и выступает наиболее распространенной словообразовательной моделью в рамках тематической группы. Большинство анализируемых неологизмов имеют эквиваленты в русском языке – 18 из 24 единиц. Среди способов перевода превалирует калькирование, встречается транслитерированный и описательный перевод.

Список использованной литературы

1. Липириди, С. Х. Лингвокультурный потенциал неологизмов в английском языке / С. Х. Липириди // Школа молодых учёных по проблемам гуманитарных наук : Сборник материалов всероссийской научной конференции, Елец, 15–16 ноября 2018 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С. 159-165.

2. Михайлова Ю. Л. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №. 9-2 (75). – С. 129-131.

3. Таганова, Т. А. Неологизмы современного английского языка: структурные и семантические особенности (на примере гастронимов) / Т. А. Таганова // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2015. – № 11. – С. 132-136.

4. Таганова, Т. А. Традиции питания в современном англоязычном мире: неологизмы и их лексикографическое описание / Т. А. Таганова // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира : Материалы I Международного симпозиума, Москва, 30 октября – 01 2014 года. – Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. – С. 310-314.

УДК 81'373.7

Сокова Е.А., бакалавр 4 курса

СЛОЖНЫЕ СЛОВА И УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

научный руководитель: **Л.В. Амелина,** кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье исследуются сложные слова и устойчивые выражения с компонентом «имя собственное» в немецком языке. Цель работы – анализ семантических и функциональных особенностей антропонимов в составе фразеологизмов, а также выявление положительной и отрицательной коннотации таких единиц. В исследовании применялись методы сплошной выборки, компонентного анализа и сопоставительного анализа; материалом послужили 65 фразеологических единиц, отобранных из словарей "Duden. Redewendungen" и "Lexikon der Redensarten". Результаты показывают, что большинство выражений содержат мужские антропонимы (37% — характеристики человека, 35% выполняют коммуникативную функцию), при этом преобладают единицы с отрицательной или нейтральной коннотацией. Установлено, что антропонимы в составе устойчивых выражений функционируют как социокультурные маркеры, фиксирующие историческую память и национальные особенности мировосприятия. Полученные результаты могут быть использованы в лингвокультурологических исследованиях, а также при преподавании немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: антропонимы, фразеологизмы, немецкий язык, культурная функция, апеллятивация, семантика, устойчивые выражения.

Sokova E.A., Bachelor Course student, 4th year

COMPOUND WORDS AND FIXED EXPRESSIONS CONTAINING A PROPER NAME

Scientific supervisor: **L.V. Amelina,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article investigates compound words and fixed expressions containing proper names in the German language. The aim of the study is to analyze the semantic and functional features of anthroponyms within phraseological units and to identify their positive

and negative connotations. The research employed continuous sampling, componential analysis, and comparative analysis. The material consisted of 65 phraseological units selected from the dictionaries «Duden. Redewendungen» and «Lexikon der Redensarten».The results show that the majority of these expressions contain male anthroponyms (37% denote personal characteristics, and 35% serve a communicative function), with a clear predominance of units carrying negative or neutral connotations. It was established that anthroponyms in fixed expressions function as sociocultural markers, encoding historical memory and national peculiarities of worldview. The findings can be applied in linguistic-cultural studies as well as in teaching German as a foreign language.

Keywords: anthroponyms, phraseological units, German language, cultural function, appellativization, lexicology, semantics, fixed expressions.

Имена собственные и устойчивые выражения с их использованием довольно ярко отражают национально-культурную специфику любого языка. Это связано с тем, что сами антропонимы являются важной частью культуры.

Использование антропонимов в составе сложных слов и устойчивых выражений имеет глубокие традиции и является важным элементом изучения языка, поскольку позволяет раскрыть особенности национальной лингвокультуры. Превращение имен собственных в нарицательные не только отражает динамику языкового развития, но и открывает окно в культурно-исторический контекст эпохи, в которой формируются и закрепляются эти языковые единицы.

«Имя – один из продуктов человеческой культуры, оно возникает в коллективе, из потребностей коллектива и отражает черты, значимые для коллектива, находящегося на определенной ступени исторического развития» [4, с. 5].

Основой для образования анализируемых единиц служит процесс апеллятивации – преобразования имени собственного в имя нарицательное. Данный механизм включает несколько этапов: деонимизацию (утрату связи с конкретным денотатом), метафоризацию (перенос на основе ассоциаций) и метонимический перенос (связь по смежности). В результате антропоним, теряя уникальность, становится символом определенного качества, явления или социального стереотипа [3, с. 171]. Именно эта символическая нагрузка позволяет именам собственным интегрироваться в устойчивые выражения и сложные слова, выполняя при этом ряд ключевых функций: идентификационную, символическую, культурную и эмоционально-экспрессивную.

В каждом современном языке присутствуют имена, которые, прежде всего, ассоциируются с распространенностью в определенной этнической или языковой группе. Это явление можно объяснить историческими процессами, происходившими в эпоху Средневековья, когда наблюдалось значительное сокращение разнообразия именного фонда. Кроме своей основной функции имена собственные стали приобретать также эмоциональный оттенок. Источниками культурно-национальной коннотации могут выступать не только ассоциативные образы,

паремиологический фонд языка, но и обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке во фразеологизмах, пословицах, образно-метафорических единицах [1 с. 19].

В результате эти факторы привели к стандартизации именного пространства и формированию устойчивых национальных антропонимических моделей.

Как отмечает Ф. Дебус, «в XIV веке на территории Шлезвига – Гольштении на 1662 человека приходилось 83 различных имени, при этом около 46,45 % женского населения носили имена Else, Katharine, Metze» [5, с. 527]. По наблюдениям В. Зейбике, «в некоторых районах Германии однообразие в имянаречении достигало такой степени, что именем Johann(es) звался каждый третий, а именем Grete (Margarethe) каждая пятая» [9, с. 111]. В. Керте объясняет популярность имени Johannes (Hans) существованием древнего немецкого поверья о том, что дому, среди обитателей которого есть человек по имени Hans, не грозит быть сожженным молнией [7, с. 192]. Имена Friedrich, Wilhelm, Konrad, Heinrich были исключительно популярны не в последнюю очередь по той причине, что их часто носили немецкие кайзеры. Д.Г. Мальцева считает, что «наиболее распространенными среди большинства диалектов Германии были также имена Otto (возможно, потому что так звали Бисмарка, основателя первого немецкого рейха), Peter, Michel, Liese, Marie, Matz» [2, с. 118]. Итак, к типичным немецким именам можно отнести следующие мужские антропонимы: Johannes (Hans), Friedrich (Fritz), Heinrich (Heine, Hinz), Wilhelm, Konrad (Kunz), Peter, Michel, Otto, а также женские антропонимы: Margarethe (Grete), Katharine (Trine), Liese.

Так как фразеологический фонд немецкого языка формировался тысячелетиями, то в нем мы не находим современных антропонимов. В составе немецких фразеологизмов используются:

1) библейские имена: seit Adams Zeiten 'со времен Адама', bei Adam und Eva anfangen 'начинать от Адама (все с самого начала)';

2) старые, когда-то широко распространенные, народные, и в основном, мужские имена: ein Hans im Glück 'счастливчик', jmdn. zur Minna machen 'взгреть, расчихвостить, отделать кого-л.; смешать с грязью кого-л.';

3) имена из античной мифологии: Herkules am Scheidewege 'Геркулес на распутье (Говорится о человеке, затрудняющемся в выборе между двумя решениями)', Amors Pfeil 'стрела Амура, любовь'

4) имена прусских королей: seinen Friedrich Wilhelm darunter setzen 'поставить свою подпись';

Рассмотрим использование сложных слов и устойчивых выражений с именами собственными в немецком языке, которые часто несут в себе культурные коды, стереотипы или историческую память.

Материалом нашего исследования стали 65 выражений, обнаруженные в словаре «Duden. Redewendungen, Wörterbuch der deutschen Idiomatik» и «Lexikon der Redensarten» методом сплошной выборки. С точки зрения семантической классификации, которая делит фразеологизмы на

группы по их содержанию, ассоциациям и значению, можно выделить следующие группы:

1. Выражения с антропонимами, обозначающими характеристики человека

(характер, поведение, личностные качества человека)

- der dumme August – глупый, наивный человек.
- frech wie Oskar – быть дерзким, наглым.
- alt wie Methusalem sein – быть очень старым
- ein getreuer Eckart sein – старый, опытный человек/ верный слуга
- ein Hans im Glück – счастливчик
- ein Hanswurst – глупый человек
- ein langer Laban sein – быть изнеможённым и вялым
- Otto Normalverbraucher – ничем не отличающийся человек, простак
- ein Pflaumenaugust sein – глупый, скучный человек
- eine Xanthippepe – злобная, сварливая женщина

2.Выражения с антропонимами, обозначающие предметы или явления

- Bismarckhering – маринованный селёдка в честь Бисмарка.
- Mozartkugel – шоколадная конфета в честь Моцарта.
- Petrus meint es gut – обозначение хорошей погоды.

3. Выражения с антропонимами с историческими и культурными корнями

- Achillesferse – мифологическая слабость героя Ахиллеса, означает слабое, уязвимое место у человека.
- die Sisypharbeit – бессмысленный, бесконечный труд (по мифу о Сизифе).
- wie Kastor und Pollux sein – быть неразлучными друзьями (близнецы-герои из мифологии).
- Herkulesaufgabe – невероятно трудная задача (подвиги Геракла).
- ein Nestor sein – быть мастером своего дела
- eine Philippika halten – читать нотации
- Von Pontius zu Pilatus laufen – бесцельное, бессмысленное путешествие
- einen Pyrrhussieg erringen – добиваться успеха, любой ценой
- Sicher wie in Abrahams Schoss – быть под защитой

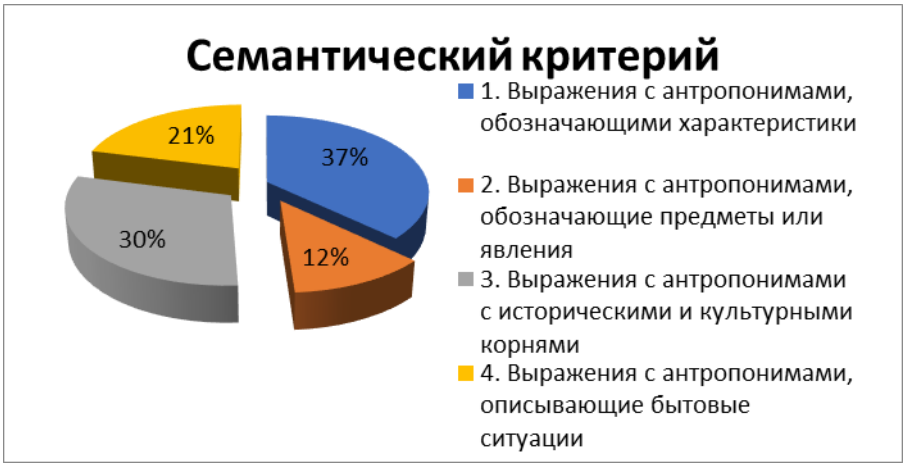
4. Выражения с антропонимами, описывающие бытовые ситуации

- der flotte Otto – диарея, расстройство желудка.
- die schnelle Katharina haben - диарея, расстройство желудка
- in Morpheus‘ Armen ruhen - уснуть
- den müden Heinrich spielen – прикидываться уставшим или больным.
- den Ulrich rufen – рвать, вырывать.
- jemandem den schwarzen Peter zuscheiben – обвинить кого-то

- seinen Wilhelm unter etwas setzen – подписать что-либо

Результаты проведенного анализа показали, что наиболее многочисленной группой стали выражения с антропонимами, обозначающие характеристики (37% от общего числа). Это можно объяснить их образностью и легкостью запоминания. (см. диаграмму 1)

Диаграмма 1. Классификация ФЕ по семантическому критерию

С точки зрения функциональной классификации фразеологические единицы с антропонимами могут выполнять следующие функции:

1. Коммуникативная функция. Такая функция особенно важна в разговорной речи, где требуется экономия языковых средств.

- Schwarzer Peter — «козёл отпущения».
- Hinz und Kunz – кто угодно, всякий человек
- eine Josephsehe – целомудренный брак
- ein Kainsmal tragen – быть признанным виновным
- ein Kassandraruf – напрасное, бесполезное предупреждение
- Das Ei des Kolumbus – простое решение, сложной проблемы
- eine grüne Minna – название полицейской машины
- Lieschen Müller – простая женщина
- ein salomonisches Urteil – мудрое решение

2. Эмоциональная функция

Эта функция усиливает эмоциональное воздействие на собеседника, помогая выражать отношение к ситуации или человеку.

- Alles Scheiße, deine Emma! – выражение раздражения и отчаяния.
- Ich will Emil (Hans, Meier o. Ä.) heißen, wenn ...; wenn ..., heiße ich Emil (Hans, Meier o. Ä.) – выражение того, что что-то исключено.
- Mensch Meier! – выражение удивления или раздражения
- Mein lieber Scholli – «Всем внимание!», «Берегись!»

3.Эстетическая функция

Фразеологизмы с именами собственными добавляют речи красоту, обогащают язык метафорами, аллюзиями и культурными ссылками, что делает их популярными в художественных текстах, поэзии и литературе.

- Mozartkugel — символ искусства.
- Kaiserwetter — «идеальная погода».

4. Культурная функция

Фразеологизмы с именами собственными фиксируют культурные и исторические традиции, передавая информацию о национальном наследии, религии или мифологии.

- Goethezeit — эпоха классицизма в Германии

5. Образовательная функция

Фразеологизмы с антропонимами помогают сохранить культурные знания и традиции.

- Lutherrose — используется для объяснения религиозной символики.

По функциональному признаку наиболее часто встречаются выражения с коммуникативной функцией (35%), что свидетельствует о том, что эти выражения с антропонимами в первую очередь выполняют практическую роль в повседневном общении, они служат средством эффективной передачи информации, обозначения социальных ролей, типов личностей, предметов, явлений и бытовых ситуаций. (См. диаграмму 2)

Диаграмма 2. Классификация ФЕ по функциональному критерию

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что сложные слова и устойчивые выражения с компонентом-антропонимом представляют собой системно организованную и функционально значимую часть лексической системы немецкого языка.

Антропонимы в составе сложных слов и устойчивых выражений выполняют многофункциональную роль в коммуникации. С одной стороны, они служат эффективным инструментом лингвистической экономии, позволяя лаконично характеризовать человека, предмет или явление через

стереотипизированные образы. С другой стороны, они выступают в качестве мощных социокультурных маркеров, фиксирующих в языке историческую память, религиозные традиции и национальные особенности мировосприятия.

На основе проанализированных сложных слов и устойчивых выражений с компонентом имя собственное, можно также сделать вывод о том, что в большинстве выражений используются мужские имена, нежели женские. В основном это самые распространенные имена Германии как Hans или Otto, однако, библейские имена используются с такой же частотой. Большая часть исследуемых выражений носит отрицательное или нейтральное значение. Положительный оттенок носят в основном выражение с использованием имен библейских персонажей, что показывает глубокую связь культуры и языка.

Таким образом, изучение антропонимов в составе сложных слов и устойчивых выражений имеет не только лингвистическое, но и культурологическое значение. Понимание механизмов их функционирования и семантических особенностей необходимо для глубокого освоения немецкого языка и адекватного восприятия культурных кодов, определяющих коммуникацию носителей этого языка.

Список используемой литературы

1. Амелина, Л. В. Национально-культурный компонент семантики орнитонимов в русском и немецком языках / Л. В. Амелина // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : Материалы шестой международной научно-практической конференции, Брянск, 12–13 октября 2018 года / Под редакцией В.С. Артемовой, Н.А. Сальниковой, Е.А. Цыганковой. – Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Брянский государственный инженерно-технологический университет", 2018. – С. 17-22.
2. Мальцева, Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991
3. Рыжкова, А. И. Изучение немецких фразеологизмов и использование их в речи студентами неязыковых специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 7 (25): в 2-х ч. — Ч. I. — С. 170–172.
4. Суперанская, А.В. Предисловие к книге «Историческая ономастика» // Историческая ономастика. М., 1977.
5. Debus F. Kleine Schriften. Zum 65. Geburtstag. Hrsg. von H.D. Grohmann und J. Hartig. Band 2. Hildesheim; Zürich; New York, 1997.
6. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. B. 11, Dudenverlag, Mannheim, Leipzig,Wien, Zürich, 2008.
7. Körte W. Die Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Deutschen. Nebst den Redensarten der deutschen Zechbrüder und Wetter Kalender. Leipzig, 1837.
8. Lexikon der Redensarten. Bedeutung und Herkunft von A-Z. Areaverlag gmbh, Erftstadt, München, 2007
9. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Berlin; New York; de Cruyter, 1982.

УДК 811.161.1

Торопыно Д.И., студент 5 курса

ПРИЧАСТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Научный руководитель: **О.Ю. Печенкина**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Настоящее исследование посвящено лексико-грамматическому анализу причастий в поэтической системе М.Ю. Лермонтова. В данной работе рассматривается полифункциональность причастий, их способность сочетать статичное описание с динамикой действия, что позволяет русскому поэту создавать многомерные и выразительные художественные образы. Анализ включает в себя изучение различных видов причастий (полных и кратких), их синтаксических функций и семантических ролей в контексте отдельных стихотворений. Особое внимание уделяется использованию причастий в метафорических и образных контекстах, а также их роли в передаче эмоционального состояния лирического героя и создании атмосферы художественного произведения. Исследование демонстрирует, как причастия, благодаря своей семантической гибкости, способствуют созданию неповторимого поэтического идиостиля М.Ю. Лермонтова, обогащая его языковую палитру и усиливая экспрессивность поэтического текста.

Ключевые слова: причастие, идиостиль, семантика, лексико-грамматический аспект, художественная выразительность, М.Ю. Лермонтов.

Toropyno D.I., Bachelor course student, 5th year

PARTICIPLES IN THE POETIC SYSTEM OF M.Y. LERMONTOV: LEXICAL AND GRAMMATICAL ANALYSIS

Scientific supervisor: **O.Y. Pechenkina**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Abstact. The present study is devoted to the lexical and grammatical analysis of participles in the poetic system of M.Y. Lermontov. This paper examines the polyfunctionality of participles, their ability to combine static description with dynamic action, which allows the Russian poet to create multidimensional and expressive artistic images. The analysis includes the study of various types of participles (full and short), their syntactic functions and semantic roles in the context of individual poems. Special attention is paid to the use of participles in metaphorical and figurative contexts, as well as their role in conveying the emotional state of the lyrical hero and creating the atmosphere of an artistic work. The study demonstrates how participles, due to their semantic flexibility, contribute to the creation of M.Y. Lermontov's

unique poetic idiosyncrasy, enriching his linguistic palette and enhancing the expressivity of the poetic text.

Keywords: participle, idiosyncrasy, semantics, lexico-grammatical aspect, artistic expression, M.Y. Lermontov.

Поэтическое наследие М.Ю. Лермонтова занимает важное место в истории отечественной литературы первой трети XIX века и характеризуется глубоким лиризмом, новаторством и высокой степенью художественной выразительности. Поэт, обладая виртуозным владением словом, искусно использовал широкий спектр средств создания художественного образа, передачи эмоциональных переживаний и экспликации философских идей. В контексте лермонтовского наследия изучение роли причастий представляется перспективным направлением, способствующим углубленному пониманию поэтического идиостиля автора и раскрытию механизмов формирования его уникального художественного мира.

Обращаясь к теоретическому аспекту изучения причастия в русском языке, следует отметить, что проблема его морфологического статуса является дискуссионной в отечественной лингвистической традиции. А.А. Барсов, рассматривая причастие в контексте русской грамматики, подчеркивал его синкретичный характер, отмечая, что данная часть речи, подобно прилагательному, «приемлет разные роды, числа, склонение и усечение, а при том как глаголы время и залог означают (дающий, давший, даваемый, данный), то и в спряжениях глаголов оные поставляются» [1, с. 550]. При этом исследователь склонялся к сближению причастия с прилагательным, нежели с глаголом.

В.В. Виноградов, анализируя грамматическую природу причастных форм, акцентировал внимание на сложном процессе гибридизации, проявляющемся в их структуре: «в формах причастий наблюдается сложный процесс грамматической гибридизации: смысловая структура данных форм подвергается изменениям, в причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений» [2]. Таким образом, исследователь подчеркивал динамичность и изменчивость семантической структуры причастия.

А.А. Потебня, придерживаясь концепции промежуточного статуса причастия, пишет следующее: «В нашем языке и близких ему из всех отделов имени одно причастие прямо примыкает к глаголу, занимая по значению середину между ним, с одной стороны, и существительным, и прилагательным в тесном смысле, с другой» [5, с. 108]. Из приведенного следует, что причастие как часть речи имеет синкретизм, выражающийся в сочетании морфологических признаков глагольности и имени.

Лингвист А.А. Шахматов в своих работах по грамматике русского языка утверждал, что причастие является самостоятельной языковой единицей, образованной от глагола: «причастия – отдельные от глагола слова, которые объединяются тем, что образуются посредством

определенных окончаний от общей основы и изменяются по общим всем им категориям» [6].

Исследователь Л.В. Щерба отмечал следующую специфику причастия как части речи: оно носит в себе морфологические признаки глагола и наречия. В одном из своих трудов он подчеркивал следующее: «с одной стороны, они сохраняют основные признаки глагола, а с другой – обладают именными характеристиками (в случае причастий) или наречными (в случае деепричастий)» [7].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что в филологической науке нет единой точки зрения на морфологическую природу причастия как части речи. Благодаря этому настоящее исследование приобретает уникальный характер и в то же время отличается научной новизной изучения данного вопроса.

Актуальность данной работы можно определить несколькими положениями. Во-первых, изучение языка поэтического наследия М.Ю. Лермонтова позволяет раскрыть новые смыслы и подтексты в малых его художественных произведениях. Во-вторых, изучение лексико-грамматических особенностей причастия как части речи на примере лирики данного русского писателя открывает возможность исследовать ее потенциал в формировании художественной выразительности изображаемой им природы, быта и нравов, а также в передаче миссии поэта первой трети XIX века. И, в-третьих, проведение анализа и стилистической роли причастий в поэтических произведениях данного автора способствует расширению представлений об его литературном творчестве и способствует углубленному пониманию роли изучения языка отечественной литературы.

Например, в строке «по лазури весело играя» [4, с. 301] адвербиальная детерминация усиливает зрительную и эмоциональную насыщенность изображаемой сцены. В примере «и дремлет, качаясь» [4, с. 296], где использован союз *и* и однородные члены, наречие с динамической семантикой, подчеркивает плавность и ритмичность движения, усиливая перцептивное воздействие художественного текста на реципиента.

Глагольные признаки причастий, проявляющиеся в категориях времени, вида и залога, предоставляют Лермонтову возможность семантического насыщения текста, создания многозначных образов и передачи сложных смысловых оттенков. Так, в строке «он убит и взят могилой» [4, с. 237] использование страдательного причастия прошедшего времени *убит* акцентирует завершенность действия, его пассивную направленность и связь с состоянием субъекта, подчеркивая трагизм ситуации. Семантическая многогранность причастий, позволяющая им описывать события с различной степенью драматизма, является важным инструментом в создании художественного мира Лермонтова.

Стилистическая выразительность причастий в поэтическом дискурсе русского поэта обусловливает усиление эмоциональной окрашенности и глубины его произведений. Обособленные причастные обороты, выступая в

качестве определений, становятся важными элементами метафорического изображения, усиливая выразительность и экспрессивность текста. В стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен» (1840) обособленное определение, выраженное причастным оборотом «Облитый горечью и злостью!» [4, с. 267], становится средством усиления конфликта между лирическим героем и обществом, акцентируя его решимость и служит для передачи сложного психологизма. Использование причастий в данном контексте позволяет автору не только усилить эмоциональное воздействие на читателя, но и создать емкий, запоминающийся образ, отражающий глубину переживаний и внутреннюю борьбу лирического героя.

В поэтическом творчестве Лермонтова причастия выполняют многоаспектные функции, не ограничиваясь ролью средства детализации и репрезентации признаков. Они выступают в качестве инструментов синтаксической компрессии, способствуя созданию емких и выразительных конструкций, а также участвуют в формировании сложных смысловых связей. Согласно позиции А.А. Камыниной, причастия в лирике Лермонтова реализуют функцию номинативной пропозиции [3, с. 102], что подчеркивает их способность к лаконичному и одновременно информативному представлению значимых явлений и состояний.

Применение причастий и причастных оборотов в лирических произведениях Лермонтова демонстрирует их ключевую роль в организации художественного текста. Они обогащают языковую палитру поэта, придавая его произведениям многослойность, эмоциональную насыщенность и экспрессивность. Причастия становятся неотъемлемой частью лексической системы творчества Лермонтова, представляя собой уникальный стилистический инструмент, позволяющий ему создавать неповторимый поэтический мир.

Семантическая роль причастий в творчестве Лермонтова тесно связана с формированием определенных полей смыслов, определяющих специфику его образной системы. Глагольные основы, лежащие в основе причастий, часто соотносятся с элементами природной среды, такими как вода, воздух и свет, что придает его поэзии особую динамику и глубину. Так, причастия, образованные от глаголов, обозначающих световые явления, образуют семантическое поле света, которое служит не только для изображения визуальных образов, но и для передачи эмоционального состояния лирического героя, а также для создания атмосферы произведения. Например, в словосочетаниях «дрожащие огни» [4, с. 294] и «умирающим огнем» [4, с. 242] причастия акцентируют состояние хрупкости и угасания, создавая атмосферу меланхолии и тоски. Таким образом, причастия в контексте данных примеров выступают не только как средства описания, но и как инструменты выражения сложных эмоциональных переживаний и философских рефлексий.

Одной из значимых характеристик лексической природы причастий в творчестве Лермонтова является их способность к сочетаемости с наречиями, что обеспечивает автору возможность более точного и

многогранного выражения характера действия или признака. Такое взаимодействие служит средством конкретизации и детализации художественного образа, позволяя уточнять пространственные, временные и модальные параметры описываемого явления. Так, в стихотворении, где встречаются строки: «И прячется в саду малиновая слива // Под тенью сладостной зеленого листка» [4, с. 244], глагольное причастие *прячется* усиливает семантику скрытности и уединенности природного объекта, подчеркивая его сокрытость от взгляда наблюдателя. Наречие *под тенью* в данном контексте выполняет функцию пространственной локализации действия, добавляя композиционной изящности и глубины картине, созданной автором. Такое сочетание причастия и наречия способствует формированию объемного и живого образа, что является характерной особенностью лермонтовской поэтики.

Морфологическая природа причастий в лирике Лермонтова проявляется в их высокой грамматической и семантической гибкости, что позволяет эффективно выполнять различные стилистические функции. В частности, страдательные причастия широко используются для акцентирования объекта действия и передачи пассивного состояния субъекта. В поэтическом тексте: «Тускло светит луч лампады // Умирающим огнем» [4, с. 242], причастие *умирающим* служит средством выражения состояния угасания и постепенного затухания, формируя метафорический образ, который отражает внутреннее эмоциональное состояние лирического героя. Таким образом, морфологическая специфика причастий, сочетающая категории времени, вида и залога, позволяет Лермонтову создавать многозначные художественные конструкции, способные передавать сложные эмоциональные и философские оттенки, что существенно обогащает содержание и выразительность его поэзии.

Проведенный анализ лирического наследия М.Ю. Лермонтова выявил фундаментальную роль причастий в структурировании поэтического текста и формировании его уникального стилистического облика. Причастия выступают в качестве многофункционального языкового инструмента, обеспечивая синтаксическую компрессию, семантическую детализацию и эмоциональную экспрессию, что способствует созданию многослойных и динамичных художественных образов. Лексико-грамматические характеристики причастий в творчестве Лермонтова отражают его инновационный подход к языку и литературной форме, что позволяет ему реализовывать сложные смысловые конструкции и передавать тончайшие оттенки эмоционального и философского содержания.

Особое значение имеет способность причастий интегрировать в поэтический дискурс одновременно глагольную динамику и описательную статичность, что обогащает выразительные возможности текста и способствует формированию своеобразного поэтического мира автора. Таким образом, причастия выступают как ключевой элемент языковой системы Лермонтова, обеспечивающий синтез действия и состояния, движения и покоя, что делает его произведения выдающимся явлением в

контексте отечественной литературы первой трети XIX века. Полученные результаты подчеркивают важность дальнейших исследований лексико-грамматических аспектов поэтики Лермонтова и способствуют более глубокому пониманию механизмов функционирования языка в художественном творчестве.

Список использованной литературы

1. Барсова А.А. Российская грамматика / под ред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 776 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / проф. В.В. Виноградов; Москва. ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова Москва, Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.

3. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие. М., 1999. – 240 с.

4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени; Поэмы; Стихотворения / Михаил Лермонтов. М.: Издательство «Э», 2017. – 576 с.

5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. Воронеж: Типография Н.Д. Гольдштейна, 1874. Т. 1. – 161 с.

6. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка [Старопечатное и редкое издание] / А.А. Шахматов; с ввод. ст. С.И. Бернштейна. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

7. Щерба Л.В., Виноградов В.В., Матусевич М.И. Грамматика русского языка: [в 2 томах] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. Изд. испр. Т.1: Фонетика и морфология. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 504 с.

УДК 81-26.347.78.034

Хачатрян Д. Ш., магистрант 2 курса

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научный руководитель: **Е. В. Абраменко,** кандидат филологических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию комплекса лексико-грамматических и контекстуальных средств, используемых для репрезентации категории отрицания в англоязычном политическом дискурсе. Цель работы состоит в выявлении и описании указанных средств, а также анализе их функционально-прагматического потенциала. Исследование базируется на материале статей онлайн-версии газеты The New York Times, выбранных методом сплошной выборки по политической тематике. Методология включает аналитический, описательный и дедуктивный методы. Результаты позволяют сделать вывод о том, что отрицание функционирует не только как грамматическая категория, но и как мощный прагматический инструмент, способствующий формированию негативных оценок и манипулированию восприятием

читателей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании дисциплин по политической лингвистике, медиалингвистике и анализу дискурса, а также в практике медиааналитики и политического PR.

Ключевые слова: Политический дискурс, отрицание, категория отрицания, негативность.

Khachatryan D. Sh., Master Course student, 2nd year

THE CATEGORY OF NEGATION IN THE STRUCTURE OF POLITICAL DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT

Scientific supervisor: **E. V. Abramenko**, Candidate of philological sciences, Associate Professor

Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract. This article investigates the complex lexical, grammatical, and contextual means used to represent the category of negation in English-language political discourse. The aim of the study is to identify and describe these means as well as analyze their functional-pragmatic potential. The research is based on articles from the online version of The New York Times selected by continuous sampling according to political topics. Methodology includes analytical, descriptive, and deductive methods. The results show that negation functions not only as a grammatical category but also as a powerful pragmatic tool contributing to the formation of negative evaluations and manipulation of readers' perception. The practical significance lies in the possibility of using the obtained results in teaching disciplines such as political linguistics, media linguistics, and discourse analysis, as well as in the practice of media analytics and political PR.

Keywords. Political discourse, negation, category of negation, negativity.

Современный политический дискурс представляет собой сложное и динамичное поле языкового взаимодействия, в котором реализуются стратегии убеждения, манипуляции, идеологического влияния и формирования общественного мнения. Одной из ключевых когнитивных и прагматических категорий, активно задействованных в этом процессе, выступает отрицание – как лингвистическая реализация негативности, способная не только фиксировать отсутствие или противопоставление, но и выполнять важные коммуникативные функции.

Актуальность исследования категории отрицания в политическом дискурсе обусловлена её растущей ролью в формировании негативных оценок, дестабилизации оппонентских позиций и конструировании альтернативных смыслов в условиях информационной борьбы [3, с. 31].

Отрицание в политическом дискурсе приобретает особую значимость в эпоху постправды, когда факты всё чаще подменяются эмоциями, а достоверность информации уступает место её эмоциональной резонансности. В таких условиях язык становится не просто средством

передачи информации, но инструментом её конструирования, а отрицание – одним из наиболее эффективных способов «стирания» нежелательных реалий или их переосмысления. Это особенно заметно в англоязычных медиатекстах, где журналистская риторика всё чаще пересекается с политической агитацией, создавая гибридные дискурсы, в которых граница между информацией и манипуляцией размыта.

Важно подчеркнуть, что отрицание в политическом дискурсе редко бывает нейтральным. Даже самые простые грамматические конструкции с *not* или *never* несут в себе оценочную нагрузку, зависящую от контекста, интонации (в устной речи) или позиционирования в тексте (в письменной). Например, фраза *He **did not support** the policy* может быть интерпретирована как констатация факта или как скрытое обвинение – всё зависит от того, как она встроена в нарратив. Именно эта двойственность делает отрицание особенно привлекательным для политических акторов и медиа.

Дополнительно следует уточнить, что в рамках настоящего исследования под «политическим дискурсом» понимается не только речь политиков, но и медиатексты, интерпретирующие политические события, поскольку именно СМИ сегодня формируют основной информационный фон, в котором разворачивается общественное восприятие политики. Как отмечает Т. ван Дейк, медиадискурс – это «дискурс о власти и для власти», и в этом смысле он неотделим от политического поля [6, с. 45].

Информационной базой послужили тексты онлайн-версии газеты The New York Times, отобранные методом сплошной выборки по политической тематике.

Выбор именно The New York Times в качестве источника корпуса обусловлен её статусом «газеты рекорд» («newspaper of record») в англоязычном мире, а также её влиянием на формирование глобальной повестки. Хотя издание позиционирует себя как объективное и независимое, его редакционная политика неизбежно отражает либерально-демократические ценности, что делает его особенно интересным объектом для анализа идеологически нагруженного отрицания.

Особую ценность представляет разработка типологии негативных конструкций, которая может быть использована как в академическом обучении, так и в профессиональной деятельности аналитиков, работающих с медийным контентом. Понимание того, как именно язык формирует негативное отношение к оппоненту или событию, позволяет не только распознавать манипуляции, но и сознательно использовать эти механизмы в целях контраргументации или позитивного фрейминга.

Методологически исследование опирается на совокупность лингвистических методов: дефиниционный и контекстный анализ, лингвистическое описание, когнитивный и лингвопрагматический анализ, а также дискурс-анализ. Особое внимание уделяется выявлению как прямых (эксплицитных), так и косвенных (имплицитных) форм выражения отрицания.

Следует подчеркнуть, что граница между эксплицитным и имплицитным отрицанием часто оказывается подвижной. Например, конструкция ***There is no*** *evidence that…* формально является эксплицитной, но в политическом дискурсе она может использоваться для импликации обратного – будто бы доказательства отсутствуют именно потому, что событие не имело места. Такой приём получил название «негативной презумпции» и широко применяется в юридических и политических текстах для дискредитации оппонентов без прямых обвинений.

В рамках анализа установлено, что отрицание в политическом дискурсе функционирует не только как грамматическая категория, но и как мощный прагматический инструмент. Согласно Б. Левандовской-Томашек, отрицание в широком смысле охватывает все проявления негативности, включая иронию, гиперболу, метафору и дискурсивные импликации [8, с. 399]. В политическом дискурсе это проявляется особенно ярко: отрицание может быть выражено не только частицей *not* или отрицательными аффиксами (*un-*, *in-*, *dis-*), но и через лексику с негативной коннотацией, синтаксические конструкции противопоставления, риторические вопросы и другие средства.

Интересно отметить, что в англоязычном политическом дискурсе наблюдается тенденция к «смягчению» прямого отрицания через использование эвфемистических конструкций. Например, вместо “He lied” часто употребляется *He* ***was not*** *truthful* или *His statement* ***did not align*** *with the facts*. Такие формулировки создают иллюзию объективности и уважения к собеседнику, но при этом сохраняют критическую направленность. Этот феномен можно интерпретировать как проявление «вежливой агрессии» – стратегии, характерной для современной политической риторики в демократических обществах.

Особую роль в политической коммуникации играет имплицитное отрицание, инкорпорированное в семантику лексем с положительной или нейтральной формой, но несущих скрытую негативную оценку. Например, в заголовке статьи «After **Shunning** Assad for Years, the Arab World Is Returning Him to the Fold» [10, URL] глагол *shun* («избегать», «сторониться») содержит в себе имплицитное отрицание взаимодействия и выражает осуждение, не называя его прямо.

(1) *Brazil has repeatedly* ***declined*** [5, URL].

Аналогично, в предложении глагол *decline* («отказываться») заменяет прямое *refuse* или *say no*, смягчая форму, но сохраняя негативную направленность.

Эксплицитные формы отрицания также широко представлены: отрицательные конструкции с *do not agree, won’t sell, not if it was going to* и др. служат для прямого выражения несогласия, отказа или запрета. Однако даже в этих случаях отрицание часто сочетается с другими стратегиями – например:

- с эмоциональной окраской:

(2) *You* ***can’t beat up*** *on me for* ***not screaming*** [5, URL].

- с уступительными конструкциями:

(3) *Whether I* ***screamed or not***…[5, URL].

Это усиливает убедительность высказывания.

Согласно Дж. Лакоффу, отрицание активизирует когнитивный механизм фрейминга: даже при попытке отвергнуть определённую идею, мы неизбежно её актуализируем [7, с. 97]. Именно поэтому политический дискурс часто использует отрицание не столько для опровержения, сколько для внедрения альтернативного образа реальности. Так, в статье о Бразилии и Украине фрейм строится вокруг негативной оценки нейтралитета Бразилии несмотря на то, что формально это позиция суверенного государства.

Когнитивный подход, представленный в работах Р. Лангакера и Ж. Лапера, позволяет интерпретировать отрицание как метонимическое продолжение телесного опыта: глаголы *reject, oppose, deny* восходят к физическим действиям – «отталкивать», «бросать обратно», «говорить против» [9, URL]. Это подчеркивает телесную основу негативных оценок и объясняет их эмоциональную силу в политическом дискурсе.

Дополнительные примеры из корпуса The New York Times демонстрируют многообразие стратегий негации. Так, в статье «Judge Dismisses Jury in Trump Rape Trial for the Day» [10, URL] используется конструкция ***I'm not*** *a screamer*, которая одновременно отрицает факт крика и утверждает иную форму сопротивления – *I was fighting*. Такая структура демонстрирует, как отрицание может быть интегрировано в аргументативную стратегию защиты: отказ от одного поведения компенсируется утверждением другого, что формирует у читателя образ активной жертвы, а не пассивной.

Ещё один яркий пример – использование префиксов с отрицательным значением в риторике оппонирования: ***in****consistencies,* ***in****ability,* ***un****believable*.

(4) *It all comes down to, do you believe the* ***un****believable?*

В прямой речи адвоката Трампа лексема ***un****believable* не только выражает сомнение, но и формирует у присяжных установку на недоверие к показаниям свидетеля. Таким образом, морфологическое отрицание становится инструментом дискредитации.

Важно отметить, что отрицание часто реализуется через синтаксические маркеры противопоставления, такие как *but, yet, however*. Например:

(5) *There is little consensus among them…* ***but*** *the direction is clear* [10, URL].

Здесь отрицание единства мнений контрастируется с утверждением о наличии общей тенденции, что создаёт эффект «управляемой неопределённости». Такой приём позволяет автору сохранять видимость объективности, одновременно направляя интерпретацию читателя.

Наконец, риторический вопрос как форма имплицитного отрицания также активно используется в политическом дискурсе:

(6) *Why do it?* [8, с. 401].

Он подразумевает, что действие бессмысленно или неправомерно. В медиатекстах такие конструкции редко остаются без ответа – автор сам формирует интерпретацию, но делает это под видом «естественного» сомнения читателя.

Таким образом, отрицание в политическом дискурсе выступает не просто как логическая операция, а как многофункциональный дискурсивный ресурс, способный одновременно выражать оценку, строить аргументацию, манипулировать восприятием и формировать идеологемы. Научная новизна данного раздела заключается в выявлении синергии между эксплицитными и имплицитными средствами отрицания, которые совместно создают многоуровневую структуру негативного воздействия.

Проведённое исследование показало, что категория отрицания в англоязычном политическом дискурсе обладает высоким функционально-прагматическим потенциалом. Отрицание реализуется как через прямые грамматические конструкции, так и через имплицитные лексико-синтаксические средства, что позволяет авторам медиатекстов гибко манипулировать восприятием читателя, сохраняя при этом видимость объективности. Особенно эффективными оказываются конструкции, сочетающие эксплицитное отрицание с имплицитной оценкой, поскольку они одновременно выражают позицию и побуждают к интерпретации.

Практическая рекомендация, вытекающая из исследования, заключается в необходимости критического анализа негативных конструкций в медиатекстах, особенно в условиях информационной войны и идеологического противоборства. Понимание механизмов языковой репрезентации отрицания позволяет читателю распознавать скрытые оценки и манипулятивные стратегии.

В перспективе целесообразно дальнейшее исследование кросс-культурных различий в использовании отрицания в политическом дискурсе, а также расширение корпуса за счёт других англоязычных СМИ (например, The Guardian, Fox News) для выявления медийно-идеологических особенностей. Также представляет интерес изучение динамики отрицания во времени – в условиях меняющихся геополитических реалий.

Список использованной литературы

1. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М.: Наука, 1983. – 212 с.

2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.

3. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 1. – С. 19–31.

4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2023. – 256 с.

5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 03.11.2025).

6. Dijk T.A. van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – London; New York: Longman, 1992. – 261 p.
7. Lakoff G. Don’t Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004. – 121 p.
8. Lewandowska-Tomaszczyk B. A Cognitive-Interactional Model of Direct and Indirect Negation // Open Edition Books. – Presses universitaires François-Rabelais, 2017. – P. 397–402.
9. Lapaire J.-R. P. Negation, Reification and Manipulation in a Cognitive Grammar of Substance [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/298790988 (дата обращения: 03.11.2025).
10. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nytimes.com/?ysclid=mgorwnmppb892673893 (дата обращения: 03.11.2025).

УДК 811.551 - 811.551.3

Черкасова Е. А., магистрант 2 курса

КОРЯКСКАЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О КУЛЬТУРЕ НАРОДА

Научный руководитель: **В. Р. Дедык**, кандидат филологических наук, доцент
Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Аннотация. Исследование посвящено изучению отражения культуры коряков, чья жизнь тесно связана с оленеводством, в их языке. Актуальность обусловлена необходимостью сохранения языкового и культурного наследия коряков, а также важностью понимания роли оленеводства в формировании их мировоззрения. Гипотеза: оленеводческая лексика корякского языка - богатый источник информации об их культуре и традициях. Исследование предполагает анализ лексики, выявление ключевых понятий, связанных с концептом «олень» (ӷояӈа), и изучение их культурного значения. Вклад работы в научную дискуссию заключается в расширении знаний о корякской культуре и языке, а также в демонстрации потенциала лингвистических исследований для понимания культурных особенностей коряков - оленеводов.

Ключевые слова: олень, традиция, этимология, лексические единицы, элемент и фактор сохранения культуры, жизни, обрядов.

Cherkasova E. A., Master Course Student, 2nd year

KORYAK REINDEER HERDING VOCABULARY AS A LINGUISTIC SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE PEOPLE'S CULTURE

Scientific Supervisor: **V. R. Dedyk**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Vitus Bering Kamchatka State University

Abstact. The study is dedicated to investigating the reflection of the Koryak culture, whose life is inextricably linked to reindeer herding, in their language. The relevance is determined by the need to preserve the linguistic and cultural heritage of the Koryaks, as well as the importance of understanding the role of reindeer herding in shaping their worldview. Hypothesis: The reindeer herding vocabulary of the Koryak language is a rich source of information about their culture and traditions. The study involves analyzing the vocabulary, identifying key concepts related to the concept of «reindeer» (ӄояӈа), and studying their cultural significance. The contribution of this work to the scientific discussion lies in expanding knowledge about Koryak culture and language, as well as demonstrating the potential of linguistic research for understanding the cultural characteristics of the Koryak reindeer herders.

Keywords: reindeer, tradition, etymology, lexical units, element and factor of preserving culture, life, rituals.

Оленеводство издавна было основой жизни коряков, обеспечивая пищей, одеждой и материалами для быта. Миграции стад определяли уклад жизни и структуру общин, формируя уникальную культуру. Оленеводческая лексика отражает эту тесную связь, особенно концепт «олень» (ӄояӈа), являющийся для коряков не просто физическим объектом, а носителем культурных, исторических и духовных смыслов, формирующих их картину мира. Олень – ключевой элемент выживания, экономики и духовной жизни коряков, символ достатка, свободы и связи с природой.

Этимология концепта «олень». В этимологическом словаре чукотско-камчатских языков [8] находим, что *qora-ӈа* гипотетически относится к прачукотскому языку. У С. П. Крашенинникова встречается название только дикого оленя *лугаки*, которое, вероятно, представляет собой русскую транскрипцию чукотского слова. Исследователи предполагают, что оригинальное произношение в чукотском языке звучало как «*ылв'эвв'и*» или «*ылв'экв'и*» (форма множественного числа).

У коряков есть особые названия для оленей. Для диких оленей – *ылвэыл* (o'lgolu г'олголу) и для домашних - *ӄояӈа* [4, с. 59]. В корякском языке, чавчувенского диалекта есть слово *ӄояӈа*, в нымыланском диалекте - *ӄорагӈа*, означающее «домашний олень». Также зафиксировано другое чукотское название дикого оленя – *ыл,выл,ю*. Это демонстрирует вариативность языковых форм в чукотском языке, где одно и то же понятие может иметь несколько фонетических вариантов. Чукотское оленеводство сформировалось в конце XVII – первой половине XVIII в. за счет захвата оленей у коряков [10].

Таким образом, утверждение в этимологическом словаре чукотско-камчатских языков О.А. Мудрака, что *ӄояӈа* образовано от прачукотского *qora-ӈа*, камчадальского *qoź* является предполагаемым, возможным. Мы не отвергаем данные словаря Мудрака О.А., а ищем доказательства.

Альтернативное объяснение происхождения слова *ӄояӈа* основано на устных экспедиционных материалах (ПГТ Палана, 2025) и морфемном анализе. *Кояӈа* (домашний олень): *ӄоя-* основа слова, *-ӈа* - флексия, показатель единственного числа. Начальный слог *ӄо-* в основе слова - звукоподражание оленю *ӄо-ӄо* или вариант *г'о-г'о*. А *-я-* основа слова *яяӈа*

(*яя* удвоение корня), что в переводе означает дом. Поэтому происхождение слова *ӷояна* (олень) на корякском языке связано с коренным термином «*ӷоя-//ӷора-*», которое использовалось для обозначения этого животного. Объяснение происхождения слова *ӷояна* от звуков, издаваемых оленем «*ӷо-ӷо*» (вариант «г'о-г'о») и от слова «*яяӈа*» (дом), связывает оленя с домашним хозяйством. Следовательно, утверждение О. А. Мудрака о происхождении слова *ӷояӈа* от прачукотского *qora-ӈа* является гипотетическим.

Как мы уже отмечали, формирование чукотского оленеводства в XVII-XVIII веках путём захвата оленей у коряков может объяснить наличие схожих или заимствованных терминов. Таким образом, этимология слова «олень» в чукотско-камчатских языках является сложной и многогранной. Существуют несколько гипотез и объяснений, которые отражают историю взаимодействия народов, диалектные различия и культурное значение оленей. Напомним, что мы опираемся на устные экспедиционные материалы (ПГТ Палана, 2025) носителей корякского языка и морфемный анализ.

На лексикографическом материале построено номинативное поле исследуемого концепта. В корякском языке слово *ӷояӈа* (домашний олень) и его производные имеют многогранное значение, отражающее тесную связь народа с этим животным. Таким образом, в состав номинативного поля концепта «*ӷояӈа*» на основании тематического словаря Жуковой А. Н. включено 102 лексические единицы [3]. Их можно классифицировать по нескольким критериям, демонстрируя богатство лексических средств для описания домашнего оленя. Нами будут представлена только часть:

1. Общий термин и возрастные/половые различия: *ӷояӈа* – домашний олень (базовый концепт); *в'иныкъеӈ* - бык-производитель; *в'энӄой* – важенка (самка); *ӷаюю* - оленёнок, телёнок домашнего оленя; *ӷликӄаюю* – телёнок-самец; *ычв'эк* - телёнок-самка; *пэнв'эл* – годовалый олень; *кыйымынта* - трёхлетний олень; *кыйымӄой* – важенка трёх лет; *в'аӈӄатӄой* – яловая важенка; в*'аӈӄатӄой* – двухгодовалая важенка. Примеры: *Гымнин котвалаӈ чининкинэв' ӷояв'.* – У меня есть личные олени. (*ӷоя**в'***, мн. ч). *В'энӄой кэв'йиӈ яӈъяӈа.* – Важенка питается мхом. *Ӷояӈа кэв'йиӈ яӈъяӈа.* – Олень питается ягелем. *Ӷоямкын ампэнв'элин.* – Косяк оленей только из годовалых оленей. *В'аӈӄатӄой гынтэви.* – Яловая важенка убежала. *Лыгэпичгын ӷоен яӈъяӈ.* – Настоящая еда оленя – ягель.

2. Функциональное назначение**:** *явакой* – ездовой олень; *гакаӈӄой* – упряжной олень; *г'эяӄой* – олень для гонок; *ӷоялӄыӄой* - олень для верховой езды; *чымӈа* – олень-кастрат (предназначен для работы); *эв'в'эв'* – левый ездовой олень; *мыякой* – правый ездовой олень; *гачӈытиллыӈылг'ын* – левый упряжной олень с оставленным левым рогом; *мыятиллыӈылг'ын* – правый упряжной олень с оставленным правым рогом. Пример: *Ыннин г'эяӄой тыттэль ныйӄыӄин.* – Этот олень для гонок очень быстрый.

3. Обучение и приручение: *инэв'инэвылг'ын* – обученный олень; *инэв'инэвык* – обучать оленей, приручать. Пример: *Гымнин котвaŋ инэв'инэвылг'ын явакой.* – У меня есть обученный ездовой олень.

4. Внешний вид (рога, масть): *тынқаплю* – олень со спиленными рогами; *йыннылŋын* – рог; вэтгыннэлг'ын – с прямыми рогами; *экыльпэки* рог – без надглазных отростков; *кылпэлг'ын* рог – с надглазными отростками; ав'ыркэ – с рогами без отростков*; айынныкэ* – безрогий; *в'ыйикмын* – олень с ветвистыми рогами. Примеры: *Ыннин ҫояŋа чекалилг'ын. – Этот домашний олень с серыми пятнами. Гымнин котвaŋ в'ыйикмын.* У меня есть олень с ветвистыми рогами. *Яқҫояŋа ыннин?* – Какой масти этот домашний олень? *Ңано ҫояŋа калилг'ын!* – Вон олень пестрый! *В'ото кыйымынта.* – Вот трехлетний олень.

5. Социальная организация и хозяйственная деятельность: *ŋэллы* – табун оленей; *ҫоянтак* – пасти оленей днём; *йыюк* - пасти оленей ночью; *ҫояймэлг'ын* – пастух, подгоняющий оленей к яранге; *ямкын* – оленеводческое стойбище; *в'энқояналлы* - маточное стадо важенок; *чымŋалвын, чымŋамкын* – стадо холощёных быков, ездовых оленей; *еначымŋавык* – кастрировать оленей. Примеры: *Ңэллы кэв'йигилиŋ илгылқык.* – Табун пасётся на пастбище. *Ялгыткэн ҫояймэлг'ын.* – Кочующий пастух, подгоняющий оленей к яранге.

6. Забой оленей и переработка**:** *ҫояэнанматгыйŋын* – забой оленей; *ҫоянматык* – забивать оленей; *инэв'эньŋэтык* – свежевать; *тымъён* – оленья туша. Пример: *Нэкунв'эньŋыŋын тымъён.* – Освежевают тушу.

Представленная модель деривации концепта «*ҫояŋа*» демонстрирует детализированный подход корякского языка к описанию домашнего оленя. Язык отражает различные аспекты жизни оленя, его функции, внешний вид и роль в хозяйственной деятельности коряков. Наличие такого большого количества лексических единиц свидетельствует о важности оленеводства в культуре и быте этого народа.

Номинативное поле концепта «*ҫояŋа*» организовано по принципу расширения от центрального понятия (домашний олень) к периферии. Ядром концепта является гипероним «*ҫояŋа*». Ближняя периферия представлена понятиями, непосредственно связанными с биологическими характеристиками животных (пол, возраст, использование). Средняя периферия включает термины, отражающие функции оленя в хозяйстве. Дальняя периферия содержит широкий спектр понятий, описывающих элементы оленеводства как отрасли, внешний вид оленя, процесс разведения, перекочевки, а также орудия труда необходимые при выпасе.

Для получения наиболее полного представления концепта «ҫояŋа», проанализируем репрезентации данного понятия в повести «Последняя битва» Кецая Кеккетына (на примере главы «Стемнело»). Олень представлен не просто как животное, а как неотъемлемая часть жизни корякского народа, влияющая на его культуру, быт и взаимоотношения. Отрывок из повести репрезентует концепт «*ҫояŋа*» как жизненно важный элемент корякской культуры. Олень является источником пропитания,

транспорта и одежды, символизирует благополучие семьи и связь с предками, находится в центре повседневной жизни. Художественное описание позволяет почувствовать, глубину интегрирации оленя в жизнь и мировоззрение корякского народа в контексте суровых условий выживания.

Источник пищи. Сцена забоя годовалого бычка («Ну, тогда забьём этого годовалого бычка!») и последующее разделывание туши («Женщины подошли к туше и начали разделывать каменными ножами») являются ясным подтверждением этой ключевой функции оленя. Упоминание конкретных органов (печень, почки, костный мозг) подчеркивает, что в пищу идет практически всё животное.

Транспортное средство. Упоминание ездовых оленей («В табуне есть очень смирные ездовые олени») и беспокойство старика о пропаже его ездового оленя демонстрируют важность этих животных для передвижения.

Олень как источник одежды не назван напрямую, но описание одежды - «шапку из дымлёнины» - намекает на использование частей оленя для изготовления одежды, так как дымлёнина – это выделанная шкура.

В тексте концепт «*ӷояӈа*» ассоциативно связан с севером, тундрой и выживанием в ней. Описание пастбища («С жилищем рядом находится пастбище»), зарослей кедрача, ночного табуна создает атмосферу северной природы. В словах старика: «Сейчас ведь, когда враги [кругом], чтобы вырасти, проворными надо им быть» - отображается суровость жизни и постоянную готовность к опасности.

Олень – символ плодородия и удачи: его рога ассоциируются с солнечными лучами и растительностью, а сам олень - с обновлением и жизненной силой, с обновлением души.

Забота о стаде, беспокойство о безопасности, уважение к старикам пропитание детей, следование традициям – все это указывает на оленя как на источник материального и социального благополучия семьи, связь с прошлым.

Изображения оленей часто встречаются в традиционном искусстве коряков, включая резьбу по кости и рисунки, что свидетельствует о высоком культурном статусе этих животных. Вместе с тем, оленеводство не только поддерживало материальное существование, но и играло ключевую роль в формировании культурной идентичности. Символично, что олень был изображен на гербе Корякского автономного округа, что отражает его величие, мудрость, благородство и справедливость, символизируя духовный мир корякской культуры.

В. И. Йохельсон пишет, что религиозные представления коряков весьма сходны с чукотскими не только по общему характеру, но и по пути развития. Он утверждает, что хозяйственные принадлежности и все предметы жизненного обихода, части дома … живут своей жизнью, они предупреждают своих хозяев об опасности и отражают врагов [4, с. 117].

Во многих преданиях олени выступают как священные животные, символизирующие связь человека с природой. Олень ассоциируется с

чистотой природы (его рацион состоит из экологически чистого ягеля), а в культуре он часто олицетворяет собой духовную чистоту.

Оленеводство занимает центральное место в культурной жизни коряков, отражаясь в их ритуалах, обрядах, и народных художественных традициях. Традиционные праздники, такие как праздник оленеводов, включают ритуалы поклонения оленям, что подчеркивает их значимость в мировоззрении народа.

Экспедиционные материалы, собранные у информантов в пгт Палана в 2025 году, подробно описывают практические и обрядовые приёмы, связанные с оленями, наглядно демонстрируют тесную связь коряков с оленем на всех этапах жизни: от рождения до смерти. Различные обряды, начиная от поиска отбившегося стада с использованием элементов природной магии и заканчивая использованием костей для гадания, и ритуальные забои оленей, связанные с рождением ребенка или почитанием духов, свидетельствуют о глубоком уважении к животному и о сложной системе верований, построенной вокруг него.

Информант [УАЭ] рассказывает, что оленеводы, чтобы отыскать отколовшуюся часть стада, оленеводы берут заячий пух, сало оленя, оленьи жилы и веточку кустарника *ойкав'* (ива курильская). Оленьей жилой приматывают к веточке ивы заячий пух, смешанный с оленьим салом, и привязывают жилой к кустарнику. Затем кто-то из старших зовет оленей. По словам информанта, олени к утру возвращаются. Если не помогало, шли искать сами, но, чтобы узнать, куда именно ушёл «осколок», прибегали к гаданию. Зачищали от мышечной ткани левую лопатку оленя, клали на неё тлеющий уголёк и дули на него, делали это, пока кость не обуглится. Уголёк оставлял следы, похожие, например, на реку, горы. Получалась своеобразная карта местности. Этот рисунок и показывал, где отыскать оленей.

В. Г. Богораз [1] описывает это гадание иначе. Он пишет, что лопатку держали над огнём, пока она не обуглится, и на ней не появятся трещины. Этот способ гадания применялся, главным образом, для того, чтобы по характеру и направлению трещин, определить направление предстоящей кочёвки, для предсказания результатов охоты или путешествия, приближения бури или ветра, приближения опасности или заразной болезни, можно даже было предсказать нападение волков на стадо. Осенью для личного и семейного гадания брали левую лопатку, а для гадания по просьбе посторонних – правую плечевую кость. Весной для семейного гадания употребляли правую лопатку оленя, а левую - для чужих. [1, с.158]

Информант [КАВ] рассказал, что большим событием коряков было рождение нового человека. Ребёнок, родившийся в табуне, очень часто получал имя, связанное с оленем или оленеводством: «На рождение ребёнка, или на любой другой большой праздник, были обрядовые забои оленей. Суть одна - хорошее отношение к основе существования на Севере и минимальный ущерб от этих деяний».

Оленья *кровь – фрагмент ритуальных действий*. После рождения ребёнка убивали молодую важенку и приготовляли в большом котле крепкий бульон из её грудинки. Роженице под подол кухлянки ставили котёл с бульоном, над его паром она грела грудь. Затем должна была съесть мяса и выпить как можно больше бульона. На пятый день проходил *обряд помазанья*. Женщина с младенцем на семейной нарте, запряжённой одним оленем, объезжала вокруг яранги по направлению от востока к западу. На жертвенном месте, позади шатра, оленя убивали, а кровью наносили на лица матери, ребёнка и ещё двух членов семьи знаки помазанья. Кровью мазали и семейных «охранителей». После этого обряда ребёнок находился под покровительством семейных «охранителей» и других священных предметов. [1, с. 175-176].

Оленя *закалывали по специальному обряду*: держали за рога и за левую ногу, потому что необходимо было попасть в самое сердце. Когда олень падал, женщины набирали в руки кровь из раны, окропляли ритуальное место, направляя струю на все четыре стороны света [АЛЯ]. Важным аспектом является *безотходное использование оленя*. Это отражает рациональный подход к ресурсам, и сакральное отношение к животному, где каждая часть его тела имеет свое предназначение. Из крови, варили традиционный корякский суп - *кэв'лыпаӈа*. Из костей делали жир: «Кости дробили, отваривали, собирали жир и только потом кости сжигали» [АЛЯ]. В. Г. Богораз отмечает, что существовал запрет выбрасывать крошки и остатки пищи. Связывают этот запрет с удачей в оленеводстве. Если обглодано не всё мясо с оленьей кости, то олени могут заболеть; если плохо обглоданы ножные кости, в стадо придёт ножная болезнь. *В косметике*: корякские красавицы свежей кровью обильно мазали лицо, когда кровь высыхала, смывали её. Кожа становилась красивой и чистой» [УАЭ].

Огонь (*милгын)* - дух-охранитель, это самое сакральное существо в мировоззрении коряков и чукчей. «Самый ценный костный мозг находится в копытах, именно им нужно кормить *аняпэль* и всех других идолов [АЛЯ].

Костный мозг, язык, кусочки печени, сердца использовали для кормления идолов, это подношение нельзя было отдавать собакам или ещё каким-либо другим животным на съедение. Эти кусочки «съедал» ритуальный огонь, который был разведён вновь, с помощью специального приспособления – *гычгыя*, это деревянное огниво, являлся домашним охранителем [АЛЯ]. Гычгый – это второй по важности предмет из числа духов – охранителей [1].

Олень и похоронные обряды. Если умирал какой-нибудь уважаемый оленевод, то в иной мир его сопровождали его же ездовые олени и нарта: в огне вместе с ним сжигали всех его ездовых оленей, нарту. Оленей освежевали, мясо ели, кости - в костёр. Оставшееся мясо раздавали людям домой, все уходили не с пустыми руками [АЛЯ].

В верховье реки Палана есть три горы – дедушка *аппапиль*, бабушка *аня* и внучка *йыльӈыӈавакык*. Неподалёку находится большой высокий камень квадратной формы. При забое оленя, разбивают надвое голову и

кладут её на этот камень рогами вниз, мозг вынимают и на его место кладут всякую снедь, чтобы накормить духов [УАЭ]. Можно класть не только съестное, но украшения, игольницы - всё, чем можно задобрить духов.

Таким образом, оленеводство занимает особое, сакральное место в жизни коряков, оно взаимосвязано со всеми элементами их культуры и выходит за рамки простого хозяйства. Олень - источник пропитания, благополучия и духовности, определяющий традиции, ритуалы и мировоззрение. Поддержание традиционных практик оленеводства является способом сохранения уникального хозяйственного уклада и важным фактором сохранения культурной идентичности и духовного наследия корякского народа.

Список информантов и условные обозначения

1. [АЛЯ] - Авилова Людмила Якъентовна, жительница пгт Палана Тигильского района Камчатского края, корячка.

2. [КАВ] - Камак Александр Васильевич, житель пгт Палана Тигильского района Камчатского края, коряк.

3. [УАЭ] - Уркачан Анна Эвкумьевна, жительница пгт Палана Тигильского района Камчатского края, корячка.

Список использованной литературы

1. Богораз, В. Г. Чукчи. Часть II. Религия. - М.: ЛЕНАНД, 2025. – 208 с.

2. Горбачева, В. В. Обряды и праздники коряков / В.В. Горбачева; Рос. этногр. музей. - Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 150 с.

3. Жукова, А.Н. Тематический словарь корякского языка: Учеб. пособие для уч-ся ср. шк. Крайнего Севера. - СПб.: «Издательство "Дрофа" Санкт-Петербург», 2007. – 87 с.

4. Йохельсон, В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. - СПб.: Наука, 1997. – 238 с.

5. Кеккетын К. Повести Кецая Кеккетына тексты, переводы, комментарии, [к 100-летию Кецая Кеккетына] / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт филологии; [пер. с коряк. С.Н. Стебницкого и др., составители: Т. А. Голованева и др.]. - Новосибирск: Академиздат, 2018. – 403 с.

6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки [Текст] / Степан Крашенинников: в изложении по подлиннику и под ред. Н. В. Думитрашко и Л. К. Каманина. - Москва: «Издательство «В. Секачёв», 2023. – 276 с.

7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. - Минск: ТетраСистемс, 2008. – 266 с.

8. Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. - М.: Языки русской культуры, 2000. - 288 с.

9. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков / С.Н. Стебницкий; [Предисл. Е. Алексеенко и др.; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)]. - СПб.: Наука, 2000. – 232 с.

10. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / В. А. Тураев [и др.]; [редкол.: Суляндзига Р. В., Вронский Н. В., Крикуненко Е. И.]; Центр содействия коренным малочисленным народам Севера (Российский учеб. центр коренных народов), ЦС КМНС/РИТЦ. - Москва: ЦС КМНС/РИТЦ, 2005. – 464 с.

УДК 392.813

Черкашина М.И., магистрант 2 курса

ЛЕКСИКА ПИЩИ КАК ОТРАЖЕНИЕ БЫТА КОРЯКОВ

Научный руководитель: **В.Р. Дедык**, кандидат филологических наук, доцент

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Аннотация. Данная работа посвящена лексике пищи в корякском языке. Целью статьи является доказать связь лексики пищи с культурой корякского народа. Для написания работы были изучены статьи, очерки, словари ученых-исследователей. Данная работа будет полезна студентам, обучающимся на специальности по этнографии, а также всем желающим погрузиться в основы лексики пищи в корякском языке.

Ключевые слова: этнолингвистика, этнология, корякский язык, быт коряков. лексика быта, бытовая лексика, лексика пищи.

Cherkashina M.I., Master Course student, 2 year

FOOD VOCABULARY AS A REFLECTION OF THE KORYAKS' WAY OF LIFE

Scientific supervisor: **V.R. Dedyk**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Vitus Bering Kamchatka State University

Abstract. This paper is devoted to food vocabulary in the Koryak language. The aim of the article is to demonstrate the connection between food vocabulary and the culture of the Koryak people. Articles, essays, and dictionaries by scholars were reviewed for this paper. This paper will be useful for students majoring in ethnography, as well as anyone wishing to delve into the basics of food vocabulary in the Koryak language.

Keywords: Ethnolinguistics, Ethnology, Koryak language, the life of the Koryaks, vocabulary of life, household vocabulary, food vocabulary.

Корякский язык относится к чукотско-камчатской семье палеоазиатских языков. Изначально письменность была создана на базе чавчувенского диалекта на латинице, а потом в последствие переведена на кириллицу.

Язык славится своим лингвистическим разнообразием и, каждая его единица, хранит в себе особенности культурного пласта народа. Бытовая лексика хранит в себе много тайн, не только повседневном быте народа, но и его культурном аспекте в целом.

Бытовая лексика – слова, связанные с ежедневным обиходом, рутиной, а также окружающей обстановкой, культурой и т.д. Бытовую

лексику в корякском языке можно подразделить на следующие основные группы: пища, одежда, орудия труда, посуда, оленеводство.

Каждая из групп бытовой лексики подробно раскрывает аспекты повседневной жизни корякского народа, их ритуалы, образ жизни, способы решения бытовых и хозяйственных вопросов; с помощью бытовой лексики можно познать и собрать целую картину образа корякского народа в прошлом и настоящем.

Бытовая лексика отражает культурные аспекты и особенности коряков, их видение мира, отношение к человеку, природе, животным, а также их верование. Уникальность этой лексики состоит в том, что через неё возможно разглядеть разные аспекты жизни корякского народа; помимо образа ежедневного быта людей возможно прояснить их картину мира в целом, так как даже через обычные, рутинные действия проглядывается влияние национальной культуры и мышления корякского народа в целом.

Лексика пищи в корякском языке, таким образом, так же отражает быт и культурный аспект корякского народа. Рассмотрим подробнее основные примеры и увидим, каким образом пища может рассказать многое о народе.

Лексика пищи прежде всего показывает нам основной промысел коряков: оленеводство, охота, рыболовство, собирательство. Также лексика пищи в корякском языке показывает бережное отношение народа к природе, к людям, их гостеприимство.

Слова, обозначающие еду или процесс приема пищи в корякском языке, изучался исследователями в разные периоды времени. Так, фундаментальным исследованием в этой области стали работы С.П. Крашенинникова, который описал процесс приготовления блюд. Беретти Н.Н. и Яков Линденау зафиксировали названия рыбы, пригодной для употребления в пищу [2].

Современные ученые внесли немаловажный вклад в исследования лексики, обозначающей еду в корякском языке. Горбачева В.В. в своем исследовании подробно описала традиционную пищу корякского народа. Болотаева О.Л. в своем исследовании и учебно-методическом пособии подробно раскрывает собственные и заимствованные названия продуктов питания в корякском языке [3]. Жукова А.Н. выделила наименования продуктов питания, сопоставив несколько диалектов корякского языка, а именно: паланский (лесновский), чавчувенский, карагинский диалекты, култушинский, тымлатский [6]. Дедык В.Р. подробно раскрывает образование слов, обозначающих пищу при помощи такого способа, как аффиксация [5].

Оленеводство является важной частью жизни и культуры коряк. Многие традиционные корякские блюда содержат мясо оленя как важный ингредиент: ӷояна – ‘олень’; коятг’ол – ‘оленина’; кэв'лыпана – ‘похлёбка из оленьей крови’; в’илв’ил – ‘кислый салат из оленьих внутренностей’; яяъвэй – ‘спинное мясо оленя’; пыг’атг’ол – ‘сухое мясо оленя’; таӷэмычан – ‘блюда из внутренностей и мозга оленя’.

Рыба также является важным элементом пищи коряк. Основным их промыслом является рыболовство, поэтому очень многие блюда имеют в себе этот важный ингредиент. Среди рыбы, употребляемой коряками в пищу можно выделить такие виды рыбы, как: ӷэтаӄэт – ‘кета’; калал – ‘горбуша’; эв'эч – ‘чавыча’; в’июв’ий – ‘нерка’; в’итив’ит – ‘голец’; кимгим – ‘горный голец’; йыканнын – ‘кижуч’; оӄыньча – ‘кунджа’; мыльг’ай – ‘микижа’; альпэаль – ‘камбала промысловая’; камныкам – ‘камбала-каменушка’; илг’ак – ‘бычок (рыба)’; кычав’ – ‘хариус’; в'эӄын – ‘навага’; гитгигит, гитгин – ‘мойва’.

Особый интерес представляют названия рыбы в чачувенском диалекте корякского языка. В исследовании нам помог авторский словарь Н.И. Тынетэгина, который внес неоценимый вклад в систематизацию лексики корякского языка [1]: эъвеч (эв’эч) – ‘чавыча’; хетаъхет (ӷэтаӄэт) – ‘рыба кета’; выъювый (в’июв’ий)– ‘красная нерка’; каълал (калал) – ‘горбуша’; альбеъаль (альпэаль)– ‘камбала’; кимъгинь (кимгим)– ‘голец’; витыъпиль (в’итипиль) – ‘маленький голец в горных районах’; деъканъно (дыканнын) – ‘кижуч’; вехъну (в’эӄын)– ‘навага’; миъкий – ‘корюшка’; кеъчай (кычав’) – ‘хариус’; меъхаъмех (мыӄамыӄ)– ‘конёк’; туйъкеътуй (туйкэтуй)– ‘щука’; илъах (илг’аӄ)– ‘налим’; мигий (мигив’) – ‘мальки’; илъгеъэнъну (ильгынну)– ‘белорыбица’; ваърель (варель) – ‘форель’; вегитъкень (вэгыткэӈ)– ‘краб’.

Благодаря огромному разнообразию рыбы у коряков появилось огромное разнообразие рыбных блюд, которые отличаются своей уникальностью и непохожестью на другие блюда народов Севера. Рассмотрим наименования данных блюд подробнее: ӷэккук – ‘сердце рыбы’; лэлӈын – ‘икра’; лэлӈытг’ул – ‘икринка’; лыӄлюк – ‘молоки’; йилэӷ – ‘спинной хребет’; яӄатг’ым – ‘спинной плавник’; яӄаяӄ – ‘горб у горбуши’; ыннытг’ул – ‘кусок рыбы, филе рыбы’; в'ачым – ‘брюшко рыбы’; в’илв’ил – ‘квашеная рыба’; в’иллэв'ыт – ‘квашеная рыбья головка’; тэв’г’эл – ‘юкола’; ӄэтатав‘гал юкола из кеты’; чольтав’г’ал – ‘солёная юкола’; камикам – ‘кета, вяленая целой рыбой’; гиӈыл – ‘вяленая спинка лосося’; гиӈытгин – ‘мука из рыбы, порша’; ачгыач, ачг’ан – ‘уха’; чолёна, чолона – ‘солёная рыба’; палык – ‘балык, копчёный лосось’.

Большинство рыбных блюд приготовлено посредством соления или копчения. Такой способ готовки существует у коряков неспроста: камчатские зимы длительные и суровые, и питаться нужно сытно и иметь определенные запасы. При помощи засолки и копчения пища помогает сохранять энергию для того, чтобы пережить даже самые продолжительные холода.

Мясная пища также отличается особым разнообразием. Помимо оленины, в пищевом обиходе коряк присутствуют различные виды животных, употребляемых в пищу, такие, как: кайӈытг’ул – ‘медвежатина’; милютэтг’ул – ‘зайчатина’; в'эпӄатг’ол – ‘лосятина’; кытэпатг’ол – ‘баранина’; короватг’ол – ‘говядина’; галгатг’ол – ‘утятина’; г’итутг’ул – ‘гусятина’; лиглиг, лив’лив’ – ‘яйцо’; пыг’атг’ол – ‘сушёное мясо’;

кэноӈваканчерван – ‘мясные консервы’; юпытг’ул – ‘мясо на вертеле’; котлет – ‘котлета’; ӷлеван кинуӈватг’улин – ‘мясная котлета’;

Еще одни наиболее частым ингредиентом корякских блюд является жир, так как благодаря ему блюда становятся сытными и помогают пережить суровые погоды. Среди таких блюд можно выделить следующие: ачг'ын – ‘жир’; ачг’ын – ‘сало’; ачг’ытг’ул – ‘кусочек сала’; валивал – ‘жир морского зверя’; мытӷымыт – ‘топлёный жир’.

Помимо рыболовства, оленеводства и охоты коряки занимаются земледелием. Немаловажное место в рационе корякского народа занимают ягоды, варенья, а также различные сладости. В работах ученых были выделены следующие названия съедобных ягод: ячувынг’ын – ‘шикша’; гыйынг’ын – ‘брусника’; лиӈыл – ‘голубика’; г’ылечг’ын – ‘жимолость’; йиттыйит – ‘морошка’; ӷоелӈывынг’ын – ‘клюква’; игыт – ‘княженика’.

Рассмотрим заимствованные названия сладостей, которые обычно можно встретить в пищевом обиходе коряк: канвет, канпет – ‘конфета’; мыльчаӷар – ‘сахарный песок’; пичениян – ‘печенье’; чаӷар – ‘сахар’; чаӷарытг’ол – ‘кусок сахара’; варенье – ‘варенье’.

Таким образом, лексика пищи ярко иллюстрирует культуру коряков и их ремесло: охота, рыболовство, оленеводство и собирательство. Изучение данного пласта слов позволяет ученых продвинуться в изучении культурного кода народа. Данное утверждение касается не только корякского языка, но и других языков в целом. Систематизация и дальнейшая обработка языкового материала поможет будущим поколениям ученых продвинуться вперед в изучении культуры малочисленных народов и не дать ей исчезнуть в пучине времени.

Список использованной литературы

1. Авторский чавчувенский (корякско-русский) словарь / сост. Т.А. Голованева. – Новосибирск: Алекспресс, 2020. – 164 с.
2. Беретти, Н.Н. На крайнем Северо-Востоке / Н.Н. Беретти. – Владивосток: Издание Владивостокского отдела государственного русского географического общества, 1929. – 92 с.
3. Болотаева, О. Л. Язык и лексика традиционной культуры коряков (на примере заимствованной лексики в корякском языке) : Учебно-методическое пособие / О. Л. Болотаева. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024. – 60 с.
4. Горбачева, В.В. Обряды и праздники коряков / В. В. Горбачева. – Научное издание. – СПб: Наука, 2004. – 152 с.
5. Дедык, Валентина Романовна. Аффиксальное словообразование существительных в корякском языке : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / РГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2004. – 18 с.
6. Жукова А.Н. Диалектологическое и лингвогеографическое исследование чукотско-камчатских языков // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. - М.: Наука. 1978.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. В 2-х томах. - СПб, Петропавловск-Камчатский: Наука, Камшат, 1994. – 760 с.

УДК 811.111

Чупина А.А., бакалавр 5 курса

КОНСУБСТАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Научный руководитель: **О.Д. Тарасова,** кандидат филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования английских консубстанциональных терминов, связанных с эмоциональной сферой, на примере слов “depression”, “stress” и “anxiety”. Анализ проведен на материале толковых и этимологических словарей, психологических и медицинских справочников английского языка с использованием дефинитивного, описательного и сравнительно-семантического методов. Результаты показали, что данные термины обладают высоким потенциалом междискурсивного взаимодействия и отражают проникновение научных понятий в массовое языковое сознание и наоборот. Новизна работы состоит в уточнении семантической структуры обозначенных консубстанциональных терминов эмоциональной сферы и выявлении особенностей их использования как в обыденной речи, так и в профессиональной среде.

Ключевые слова: терминоведение, консубстанциональные термины, эмоции, психология, медицина, междискурсивность, английский язык

Chupina A.A., Bachelor Course student, 5th year

CONSUBSTANTIAL TERMS IN THE EMOTIONAL SPHERE (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Scientific supervisor: **O.D. Tarasova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

State University of Education

Abstract. The article examines the features of the functioning of English consubstantial terms related to the emotional sphere, using the example of the words “depression”, “stress” and “anxiety”. The analysis is based on explanatory and etymological dictionaries, psychological and medical reference books of the English language using definitive, descriptive and comparative semantic methods. The results showed that these terms have a high potential for inter-discursive interaction and reflect the penetration of scientific concepts into the mass linguistic consciousness and vice versa. The novelty of the work consists in clarifying the semantic structure of the consubstantial terms of the emotional sphere under study and identifying the features of their use both in everyday speech and in the professional environment.

Keywords: terminology, consubstantial terms, emotions, psychology, medicine, inter-discursivity, the English language

Изучение консубстанциональных терминов важно не только с лингвистической, но и с культурологической точки зрения, поскольку позволяет понять, как формируется языковая картина мира и каким образом сложные научные понятия постепенно становятся частью повседневной речи, проникают в массовое сознание и начинают жить в нем своими собственными оттенками смысла или наоборот. Интересно проследить это на примере слов, номинирующих эмоции. Эмоции занимают важное место в человеческой жизни, они пронизывают как научное осмысление мира (в психологии, физиологии, философии), так и повседневное общение. Несмотря на их обширную изученность в лингвистике, по-прежнему остается ряд вопросов [3, с. 3]. Этим определяется актуальность настоящего научного исследования.

Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей английского языка – Collins English Dictionary, Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Online Etymology Dictionary, а также психологические и медицинские справочники, содержащие определения эмоциональных состояний. В работе применялись методы семантического, контекстуального и сравнительного анализа, позволившие выявить особенности функционирования терминов в разных дискурсивных условиях.

Термин – это особое слово или выражение, которое используется для точного обозначения определенного понятия в рамках конкретной науки, сферы знаний или профессиональной области [1, с. 30]. Его отличают четкость, системность и устойчивое значение внутри специализированного контекста. Терминология представляет собой совокупность таких терминов, связанных между собой по смыслу и логике. Она отражает внутреннюю структуру определенной научной области, помогает выстраивать понятийный аппарат и служит инструментом развития самой науки [1, с. 35].

Консубстанциональные термины – это особая группа слов, которые могут одинаково естественно звучать и в научной речи, и в повседневном общении. Они находятся как бы «на границе» между профессиональным и обычным языком. Такие термины интересны тем, что совмещают точность научного понятия и гибкость живой речи. Впервые этот феномен был подробно описан С. В. Гриневом-Гриневичем, который ввел термин «консубстанциональные» в научный обиход и обозначил особенности их функционирования в разных типах дискурса [1, с. 121]. О.Ю. Шмелева определяет консубстанциональные термины как «промежуточную категорию, способную переходить из терминологической подсистемы в общеупотребительный язык и обратно, что свидетельствует о высокой степени подвижности терминологического фонда и его связи с когнитивными процессами носителей языка» [4, с. 104].

Анализ показал, что некоторые лексемы, обозначающие эмоции, обладают свойствами консубстанциональности. В качестве примера рассмотрим “depression”, “stress”, “anxiety”.

Лексема “depression” имеет длительную историю; впервые слово фиксируется в английском языке в качестве термина астрономической терминологии около 1400 года со значением «угловое расстояние звезды под горизонтом». Оно происходит от средневекового латинского depressio – «понижение, угнетение», образованного от глагола deprimere – «нажимать вниз, подавлять»; языком-донором выступает французский язык. Уже в XV веке появляется переносное значение «уныние, подавленность, состояние печали», а с 1905 года лексема начинает использоваться как клинический термин в психологии. В последующие периоды слово получило развитие и в других терминосистемах: в метеорологии (с 1881 г.) – понижение атмосферного давления; в экономике (с 1826 г.) – снижение деловой активности, экономический спад (economic depression) [10]. Согласно данным Collins English Dictionary, лексема “depression” функционирует также в географии и физике и имеет значение «понижение уровня земной поверхности или снижение давления» (atmospheric depression) [7].

В медицине “depression” используется как строго определенное понятие, обозначающее психическое расстройство, характеризующееся стойким снижением настроения, потерей способности испытывать удовольствие, замедлением мыслительных процессов и нарушением мотивационной сферы личности. В клиническом контексте депрессия рассматривается как диагностируемое заболевание, имеющее различные формы и степени тяжести. Эти особенности подробно описаны в международных классификаторах, таких как “Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders”, где “depression” определяется как «персистирующее чувство печали и утраты интереса, сопровождающееся когнитивными, поведенческими и физиологическими нарушениями» [8, p. 163].

В психологических исследованиях термин “depression” трактуется как результат сложного взаимодействия биологических, когнитивных и социальных факторов, определяющих эмоциональное состояние личности. Современные подходы рассматривают депрессию не только как индивидуальное психическое состояние, но и как социокультурный феномен, отражающий ценности, нормы и ожидания общества [11, p. 214].

В общеупотребительном языке лексема “depression” утратила часть своей клинической строгости и нередко используется для обозначения временного упадка настроения, эмоциональной усталости или чувства безысходности, возникающего в ответ на стрессовые ситуации. В таких контекстах слово теряет медицинскую специфику, становясь частью повседневной эмоциональной лексики [9].

Лексема “stress” также является заимствованием; восходит к старофранцузскому “estrece” – «теснота, угнетение» и латинскому “strictus” – «сжатый, напряженный», от “stringere” – «натягивать, сжимать». Первоначально (около 1300 г.) слово означало «трудность, давление, принуждение», а с XV века – «физическое напряжение материала». В XIX веке термин получил механическое значение – сила, действующая на тело и

вызывающая деформацию. Психологическое значение – «состояние эмоционального напряжения» – появилось лишь в середине XX века (около 1955 г.), что отражает переход от физического к психическому и социальному уровням понимания [10].

Лексема “stress” в повседневном языке обозначает состояние внутреннего напряжения, тревоги или эмоционального переутомления, возникающее в результате воздействия сложных жизненных обстоятельств. В научной традиции термин “stress” имеет более точное определение. В физиологии, психологии и медицине он описывает совокупность адаптационных реакций организма на воздействие внешних или внутренних раздражителей – стрессоров, вызывающих физиологические изменения, направленные на поддержание гомеостаза. Согласно классическому определению Г. Селье, впервые предложившему термин “stress” в научный оборот, под ним понимается «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование», включающий изменения в работе эндокринной, нервной и сердечно-сосудистой систем [2, с. 32]. Современные исследования уточняют это понятие, рассматривая стресс как биопсихологическое явление, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, обеспечивающие адаптацию личности к изменяющимся условиям среды [6].

Согласно Collins English Dictionary, слово “stress” употребляется сразу в нескольких областях знаний, что хорошо показывает его консубстанциональную природу. Помимо медицины и психологии, он используется в физике и механике для описания внутреннего напряжения в теле, возникающего под действием внешних сил (mechanical stress). В лингвистике этот термин обозначает ударение, то есть выделение звука или слога в слове или фразе; в экономике “stress” используют для описания финансового давления или нестабильности на рынке (market stress) [7]. В британском английском преобладает использование термина “stress” в физиологическом и психологическом значении, тогда как в американском варианте языка отмечается более широкая употребительность – в менеджменте, экономике и социальной сфере.

Лексема “anxiety” восходит к латинскому anxietas – «тревога, беспокойство, забота», образованному от anxius – «мучимый, обеспокоенный, стесненный». Первоначально (около 1520 г.) слово означало «тревогу, беспокойство из-за неопределенности или возможного несчастья». Уже в XVII веке оно стало употребляться для обозначения патологического состояния, а современное психиатрическое значение закрепилось в начале XX века (с 1904 г.). Таким образом, “anxiety” изначально отражало естественное эмоциональное переживание, а впоследствии стало термином, описывающим диагностируемое психическое расстройство [10].

Лексема “anxiety” используется для обозначения тревожного состояния, чувства внутреннего беспокойства, неуверенности или ожидания неблагоприятных событий. Слово охватывает широкий диапазон

эмоциональных состояний – от легкого волнения перед важным событием до устойчивого чувства тревоги, мешающего нормальной деятельности [5]. В научных и клинических дисциплинах, таких как психиатрия, психология и нейрофизиология, “anxiety” рассматривается как сложный психофизиологический феномен, характеризующийся устойчивым чувством беспокойства, внутреннего напряжения и ожидания угрозы при отсутствии реальной опасности. В медицинских источниках термин “anxiety” определяется как состояние повышенной эмоциональной возбудимости, сопровождающееся физиологическими симптомами – учащенным сердцебиением, нарушением дыхания, повышением уровня кортизола и другими реакциями, связанными с активацией симпатической нервной системы. В клиническом контексте он используется для описания спектра тревожных расстройств, включающих “generalized anxiety disorder”, “panic disorder”, “social anxiety” и другие формы нарушений эмоциональной регуляции [5].

Итак, большинство из слов, обозначающих эмоции, наиболее активно функционируют в терминосистемах медицины, психиатрии и психологии, где описывают конкретные психические состояния и процессы. В то же время в качестве терминов они обнаруживаются в разных областях, таких как экономика, физика, астрономия, метеорология, география и лингвистика. В диахронии лексемы, обозначающие эмоциональные состояния, демонстрируют разное направление семантического движения. Так, “depression” и “stress” изначально вошли в английский язык как научные термины, а впоследствии распространились в повседневной речи, утрачивая часть своей профессиональной строгости и приобретая более широкие, обобщенные значения. Напротив, лексема “anxiety” первоначально принадлежала общеязыковой сфере и лишь затем получила статус термина, закрепленного в психологической и медицинской терминологии. Такой противоположный вектор развития показывает, что консубстанциональные термины могут как «опускаться» из научного языка в повседневный, так и, напротив, подниматься из обиходного уровня в специализированный, отражая живую динамику языковой системы.

Список использованной литературы

1. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневич. – Москва : Издательский центр "Академия", 2008. – 304 с.

2. Селье Г. Стресс без дистресса: [перевод с английского] / Г. Селье; общ. ред. Е. М. Крепса. – Москва: Прогресс, 1982. –124 с.

3. Тарасова, О.Д. Анализ лингвокультурологического поля "эмоции" в сопоставительном аспекте : на материале английского и русского языков : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Тарасова Ольга Дмитриевна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Москва, 2009. – 25 с.

4. Шмелева, О.Ю. Некоторые эволюционные аспекты терминообразования в древне- и среднеанглийский периоды / О.Ю. Шмелева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. – № 3(24). – С. 104-110.
5. APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.apa.org/ (дата обращения: 04.10.2025).
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 24.09.2025).
7. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/depression (дата обращения: 04.10.2025).
8. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ifeet.org/files/Diagnostic-and-Statistical-Manual-of-Mental-Disorders,-Fifth-Edition,-Text-Revision--DSM-5-TR---American-Psychiatric-Association---z-lib.org-.epub.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
9. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.merriam-webster.com / (дата обращения: 24.09.2025).
10. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 04.10.2025).
11. The Oxford Handbook of Emotion, Social Cognition, and Problem Solving in Adulthood (Oxford Library of Psychology) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.amazon.com/Handbook-Emotion-Cognition-Adulthood-Psychology/dp/0199899460 (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 81-26

Хоу Минтун, магистрант 2 курса

РУССКИЕ ПРИЧАСТИЯ В ТЕКСТАХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Научный руководитель: **А.Ф. Гайнутдинова,** кандидат филологических наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Важность выявления специфики употребления причастий в официально-деловом стиле современного русского языка обусловливает актуальность данной работы, посвящённой изучению функционирования русских причастий в тексте такого современного официального документа, как «Соглашение (коллективный договор) между администрацией и студентами ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»». Именно материалом исследования во многом определяется научная новизна настоящей работы. В качестве основных методов исследования применялись методы наблюдения, сплошной выборки, систематизации, классификации и количественного анализа, а также контекстуального анализа и описания. Результаты исследования позволяют судить о степени распространённости и особенностях употребления различных видов причастий в официально-деловом стиле современного русского языка, а также сделать выводы об условиях функционирования причастий как собственно глагольных, адъективированных и субстантивированных форм. Полученные результаты могут быть использованы в вузовских курсах по стилистике современного русского языка, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова*:* особенности функционирования причастий, собственно причастие (глагольная форма), адъективированное причастие, субстантивированное причастие.

Hou Mingtong, Master Course student, 2nd year

RUSSIAN PARTICIPLES IN OFFICIAL BUSINESS STYLE TEXTS: THE FUNCTIONAL ASPECT

Scientific supervisor: **A.F. Gainutdinova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Participles add depth, precision, and brevity to a text. The need to understand the specifics of participle use in official style texts determines the relevance of this study, which examines the functioning of Russian participles in the text of a modern official document such as the "Agreement (Collective Agreement) between the Administration and Students of the Kazan (Volga Region) Federal University." The research material largely determines the scientific novelty of this work. The primary research methods employed were observation, continuous sampling, systematization, classification, and quantitative analysis, as well as contextual analysis and description. The results of the study allow us to assess the prevalence and usage patterns of various types of participles in the official style of modern Russian, as well as to draw conclusions about the conditions under which participles function as verbal, adjectival, and substantivized forms. The obtained results can be used in university courses on the stylistics of the modern Russian language, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: features of participle functioning, proper participle (verbal form), adjectivized participle, substantivized participle.

В современной науке принято выделять такие черты официально-делового стиля, как «точность, стандартизованность, строгость, краткость и логичность изложения, безличность» [3, с. 24]. Одним из важных языковых средств, сообщающих официально-деловому стилю данные характеристики, являются причастия. Причастие – это неспрягаемая форма глагола, объединяющая в себе признаки глагола и прилагательного. Важность выявления специфики употребления причастий в официально-деловом стиле современного русского языка обусловливает актуальный характер данной работы. Активное функционирование множества официальных документов в современной жизни и необходимость их понимания как носителями языка, так и иностранцами, также поддерживают актуальный характер исследования.

Цель настоящего исследования – выявить особенности функционирования русских причастий как важного средства официально-делового стиля. Материалом исследования послужили примеры употребления причастий из официального документа «Соглашение (коллективный договор) между администрацией и студентами ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»» (далее – «Соглашение») [6]. В качестве основных методов исследования

применялись методы наблюдения, сплошной выборки, систематизации, классификации и количественного анализа, а также контекстуального анализа и описания.

Анализ текста «Соглашения» показывает, что в качестве наиболее распространённых причастных форм в нём выступают действительные причастия настоящего времени (57 случаев употребления), за ними следуют страдательные причастия прошедшего времени (38 случаев), реже используются страдательные причастия настоящего времени (19 случаев), наконец, наименее распространёнными оказываются действительные причастия прошедшего времени (всего 2 случая).

При систематизации всех собранных примеров нами было выявлено три основных случая функционирования всех причастных форм:

1) как собственно причастие (глагольная форма);
2) как адъективированное причастие (прилагательное);
3) как субстантивированное причастие (существительное).

Поскольку причастия сочетают в себе признаки глагола и прилагательного, их глагольная природа сохраняет основные глагольные категории и часто позволяет им выступать в роли сказуемого в предложении. В то же время адъективированные причастия утрачивают глагольные признаки и обозначают постоянный качественный признак предмета. Что касается субстантивированных причастий, то они утрачивают признаки как глагола, так и прилагательного и начинают обозначать лицо или предмет.

В тексте рассматриваемого документа чаще встречаются адъективированные причастия (65 случаев употребления), менее активны формы собственно причастий (47 случаев), при этом находим всего 4 формы субстантивированных причастий.

Больше всего случаев употребления адъективированных причастий отмечаем среди форм действительных причастий настоящего времени, которые обозначают постоянный качественный признак. Аналогичная тенденция наблюдается и в группе собственно причастий: главную позицию также занимают действительные причастия настоящего времени, однако в этом случае они выражают процессуальность. Второй по частотности формой как среди адъективированных причастий, так и собственной причастий, становятся страдательные причастия прошедшего времени. В функции прилагательного они передают приобретённые и фиксированные состояния, тогда как в собственно-причастной – выражают завершённость и результат действия.

Приведём конкретные примеры: *«В случае выявления комиссией факта невыполнения обязательств,* ***принятых*** *по* ***настоящему*** *Соглашению, комиссия вносит* ***соответствующее*** *представление каждой Стороне»* [6, с. 3]. *«В области образовательного процесса: предоставлять Студентам,* ***имеющим*** *несовершеннолетних детей, право выбора места прохождения преддипломной практики. В области образовательного процесса: рассматривать* ***обоснованные*** *претензии Студентов или ППОС на качество* ***предоставленных*** *КФУ образовательных услуг»* [6, с. 4].

Количественные данные об употреблении причастий в «Соглашении» обобщены в Таблице 1.

Таблица 1 – Причастия в «Соглашении (коллективном договоре) между администрацией и студентами ФГАОУ ВО КФУ»

	Действительные причастия		Страдательные причастия		Всего
	Настоящее	Прошедшее	Настоящее	Прошедшее	
Субстантивированное причастие	4				4
Собственно причастие	21	1	6	19	47
Адъективированное причастие	32	1	13	19	65
Всего	57	2	19	38	116

По мнению Э.А. Балалыкиной, легче всего переходят в прилагательные действительные причастия настоящего времени, они перестают подчёркивать прогрессивный характер действия и вместо этого выражают постоянные признаки [1, с. 121]. В тексте изучаемого документа находим подтверждение этому тезису, всего отмечаем 25 случаев употребления форм действительных причастий настоящего времени в функции прилагательного. Например: «***Настоящее*** *Соглашение может быть изменено и (или) дополнено по взаимной договорённости Сторон в установленном настоящим Соглашением порядке»* [6, с. 2]. Слово «настоящий» в современном языке уже отмечается в словарях как прилагательное и имеет значение «этот» и «данный», однако по происхождению оно является действительным причастием настоящего времени от старославянского глагола «настояти».

Напротив, согласно Э.А. Балалыкиной, в современном русском языке трудно переходят в прилагательные причастия, образованные от возвратных глаголов, так как их морфологические особенности (постфикс -ся обозначает пассивное значение) препятствуют этому процессу. Только когда эти причастия полностью обособляются от глагола и развивают чистые качественные признаки, может осуществляться адъективация [1, с.124]. Данные изученного нами документа поддерживают мнение учёного. В частности в «Соглашении» мы находим всего 7 причастий, образованных от возвратных глаголов, при этом 6 из них ярко проявляют признаки глагола и только в одном случае можно говорить об адъективации. Приведем примеры:

1) «В области образовательного процесса: обеспечить учёт мнения ППОС и участие её представителей в принятии локальных нормативных актов КФУ, ***касающихся*** *организации образовательного процесса»* [6, с. 4].

2) «В случае наступления форс-мажорных обстоятельств, Стороны незамедлительно проводят консультации по внесению необходимых

изменений и дополнений в настоящее Соглашение, исходя из ***сложившейся*** *ситуации»* [6, с. 13].

В первом предложении причастие «касающихся», образованное от глагола «касаться» с постфиксом -ся, сохраняет глагольное управление (управляет формой родительного падежа существительного), ярко проявляет грамматические значения несовершенного вида, действительного залога, настоящего времени и указывает на процессуальный признак, действие, развивающееся в момент речи.

Во втором же предложении причастие «сложившейся», хотя также формально имеет значения времени, залога и вида, здесь выражает не процессуальный, а приобретённый и ставший постоянным признак. Семантика причастия «сложившейся» здесь сближается с именем прилагательным, обозначая качественное состояние, возникшее в результате завершённого действия, то есть причастие развивает чистый качественный признак, отрываясь от производящего глагола. Этому не препятствует и наличие суффикса -вш-, хотя, по мнению В.В. Виноградова, причастия на -вший реже переходят в прилагательные, чем причастия на -ший, так как последние акцентируют результат состояния, а не процесс действия и отделены от системы глаголов, в то время как причастия на -вший, образованные от глаголов с основной на гласный или согласные -д, -т, выражают глагольные значения сильнее, чем на -ший [2]. В целом материал «Соглашения» не позволяют согласиться или опровергнуть данную точку зрения, поскольку в тексте встречаются всего 2 формы действительных причастий прошедшего времени, при этом обе на -вший.

Языковой материал «Соглашения» демонстрирует, что одно и то же причастие в зависимости от контекста может употребляться в разных функциях. Например: 1) *«В области организации и улучшения жилищно-бытовых условий жизни студентов: предоставлять места в жилых корпусах Деревни Универсиады студентам первого курса,* ***обучающимся*** *по программам бакалавриата и специалитета, в первоочередном порядке»* [6, с. 8].

2) «А также оплачивать Студентам проезд к месту прохождения выездной практики на основании предъявленных документов и в соответствии с Положением об организации проведения практики ***обучающихся*** *федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»»* [6, с. 5].

В обоих случаях форма «обучающийся» является по происхождению действительным причастием настоящего времени, однако в первом предложении причастие «обучающимся», образованное от глагола «обучаться» со значением «проходить курс наук, получать образование где-либо», сохраняет свою глагольность, имеет своё управление (*по программам*), и его можно заменить на придаточное предложение с союзным словом «который». Во втором случае мы встречаем субстантивированное причастие «обучающихся», которое уже перешло в

существительное и обозначает лицо. Согласно классификации, приводимой в работах современных исследователей, причастие «обучающийся» можно отнести к продуктивному словообразовательному типу «название лица по действию, производимому им в настоящем или постоянно» [5, с. 46; 4, с. 69]. Нужно отметить, что в целом исследователи выделяют 2 продуктивных словообразовательных типа субстантивированных причастий (и 3 подтипа в первом из них), однако в тексте «Соглашения» встречаем только указанный подтип, в основе которого действительные причастия настоящего времени. Всего в «Соглашении» мы находим 4 случая употребления субстантивированного причастия «обучающийся». К нему можно подобрать производное существительное-синоним «ученик» с суффиксом -ник, которое обозначает значение производителя действия. Это согласуется с замечанием Г.А. Мукашевой о том, что «субстантивированные причастия действительного залога настоящего времени синонимичны существительным со значением производителя действия с суффиксами -тель, -щик и др.» [4, с. 69].

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: 1) Причастия следует считать одним из ключевых средств официально-делового стиля, при этом наибольшей частотой употребления характеризуются действительные причастия настоящего времени и страдательные причастия прошедшего времени. 2) В официальных документах используются формы как собственно причастий, так и адъективированных и субстантивированных причастий, при этом наиболее частотными оказываются адъективированные причастия. Это свидетельствует о том, что в текстах официально-делового стиля причастия способны выражать не только процессуальный признак при описании действий и процедур, но и постоянный качественный признак. 3) Употребление одних и те же причастных форм в разных функциях может вызывать семантическую неоднозначность и создавать трудности для носителей других языков при интерпретации текстов официально-делового стиля. Разработка темы в лингводидактическом аспекте относится к перспективам нашего исследования.

Список использованной литературы

1. Балалыкина, Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть II: Глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова. / Э.А. Балалыкина – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 180 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Граммат. учение о слове), [Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / Авт. предисл. Н.Н. Прокопович и В.А. Белошапкова]. — 2-е изд.. — Москва : Высш. школа, 1972. — 614 с.
3. Есакова, М.Н. Функциональная стилистика: учебное пособие для переводчиков / М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова. Москва: ФЛИНТА, 2025. – 404 с.
4. Мукашева, Г.А. Субстантивация прилагательных и причастий как способ словообразования / Г.А. Мукашева // Балтийский гуманитарный журнал, 2016. – Т. 5. – № 2 (15). – С. 67–70.

5. Мучаева, К.В. Субстантивная функция причастий в калмыцком и русском языках / К.В. Мучаева // Гуманитарные исследования, 2009. – № 4 (32). – С. 45–48.
6. Соглашение (коллективный договор) между администрацией и студентами федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» [Электронный ресурс] – URL: https://kpfu.ru/sveden/files/000448.pdf (дата обращения 10.11.2025).

УДК 81`27

Шапкина А. С., бакалавр 3 курса

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ ПИЛОТОВ ФОРМУЛЫ-1)

научный руководитель: **Е.А. Гончарова,** кандидат филологических наук, доцент

Пятигорский государственный университет

Аннотация. Данная статья исследует культурно-этнические особенности речи пилотов «Формулы-1» и типичное коммуникативное поведение этнической языковой личности. Для выявления взаимосвязи языка и культуры используется сравнительно-сопоставительный метод при первом научном анализе речевых стратегий гонщиков разных поколений и культурных традиций. Результаты подтверждают, что язык действительно отражает культуру и менталитет этнической языковой личности, влияя на её поведение в различных коммуникативных ситуациях и видение мира.

Ключевые слова. Язык, этническая языковая личность, психолингвистика, межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, спортивный дискурс.

Shapkina A. S., Bachelor Student, 3rd year,

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF AN ETHNIC LINGUISTIC PERSONALITY (BASED ON INFORMAL ENGLISH-LANGUAGE INTERVIEWS WITH FORMULA 1 DRIVERS)

Scientific Supervisor: **E. A. Goncharova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Abstract. This article examines the cultural and ethnic features of Formula 1 pilots' speech and the typical communicative behavior of an ethnic linguistic personality. To identify the relationship between language and culture, a comparative method is used for the first scientific analysis of the speech strategies of racers from different generations and cultural traditions. The results confirm that language indeed reflects the culture and

mentality of an ethnic linguistic personality, influencing its behavior in various communicative situations and world perception.

Keywords. Language, ethnic linguistic personality, psycholinguistics, intercultural communication, communicative behavior, sports discourse**.**

В эпоху клипового мышления большинство людей стремится получить контент за считанные секунды и не замечает, как исчезает действительное восприятие сути. Спорт, как неотъемлемая часть массовой культуры, не стал исключением. «Формула-1» за последние несколько лет получила новый виток популярности, выход летом 2025 года одноимённого фильма повлёк за собой приход новой аудитории, которая зачастую стремится лишь увидеть яркое шоу. Люди в погоне за зрелищностью забывают о том, что каждый гонщик — это человек со своей историей, развитие которой подверглось сильному влиянию не только со стороны ближайшего окружения (семьи, друзей, тренеров), но и этнической принадлежности и культурного кода. Однако как именно проявляются личностные и культурные особенности спортсмена в речи? В этой статье мы проведем анализ неформальных интервью пилотов "Формулы-1" и постараемся ответить на поставленный вопрос [1].

Невозможно представить язык вне культуры, известный российский специалист в области межкультурной коммуникации С. Г. Тер-Минасова говорит о том, что язык отражает не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира [5, с.103]. Несомненно, культура, в которой формировался индивид, влияет не только на используемый язык, но и на то, как человек видит себя и воспринимает мир, какие у него идеология, ценности, цели и пути их достижения [6]. Мы предлагаем проанализировать фрагменты из интервью Айртона Сенны (Бразилия, 34 года, 10 сезонов в «Ф-1») и Джорджа Расселла (Великобритания, 27 лет, 7 сезонов в «Ф-1») как представителей разных культур и гоночных поколений, учитывая их этническую принадлежность, возраст (который также отражает жизненный и спортивный опыт), культурные ценности и коммуникативную ситуацию, в которой были спортсмены.

1. Айртон Сенна

Мы полагаем, что бразилец Айртон Сенна, будучи представителем старой школы автоспорта, является яркой этнической языковой личностью и интересен для коммуникативного анализа. Прежде всего, национальный характер бразильцев отличает дружелюбие, отзывчивость, жизнерадостность, гостеприимность, уважение к старшим, эмоциональность и экспрессивность [4, с. 26].

Проанализировав интервью с А. Сенной, мы можем отметить, что его речь всегда отличалась длинными, подробными ответами, наполненными философскими рассуждениями о жизни, достижении целей и упорстве: «*You find the energy, the willpower, the patience and the determination – more than*

anything – the determination to work for it and to work hard for it» [7]. *«…Ты находишь в себе энергию, волю, терпение и решительность, прежде всего — решительность, чтобы стараться и усердно трудиться. И когда ты развиваешься, то видишь прогресс, плоды своей работы и интегрируешь их обратно в себя, чтобы восстановить энергию и заставить себя пройти этот путь вновь»*. Здесь он фокусируется не на самом результате, а на процессе достижения цели, которая требует много времени и усилий, поэтому использует ряд синонимов для передачи своей идеи: **«*energy*» -** *«энергия»*, **«*willpower*» -** *«воля»*, **«*patience*» -** *«терпение»*, **«*determination*» -** *«решительность»* — это всё эмоции, выражение которых свойственно бразильской языковой личности.

Так, опытность А. Сенны не только на трассе, но и в жизни нашли отражение в его ответах на вопросы. Он прошёл через многочисленные трудности, прежде чем стал мировой фигурой и легендой в глазах поклонников, но при этом не потерял человечности, осознания ради чего выбрал этот путь и как смог помочь тем, кто всегда в него верил: *«In many ways we are a dream for people, not a reality. It shows how much you can touch people. And as much as you try to give those people something it is nothing compared to what they live in their own mind, in their dreams for you. And that is something really special…something really, really special for me»* [8]. *«Во многом мы воплощение мечты для людей, не реальность. И как бы ты не старался дать людям что-то стоящее, оно не идёт ни в какое сравнение с тем, как они видят тебя. И это очень, очень ценно для меня…».* «Живые» идиомы *«touch people»* и *«live in minds, dreams»* отражают проницательность А. Сенны, его глубокий взгляд на вещи, не ограниченный устойчивыми выражениями. Он разделяет действительность и мечты, но подчеркивает, что идеальная картина, которая существует в мыслях, оказывает больший мотивирующий эффект на обычных людей по сравнению с реальными действиями кумиров. Повторение слов *«something really special»* отражает значимость данного явления для экспрессивного гонщика, ведь так он ощущает не только поддержку своих сторонников, но и свой собственный вклад в их успех. Также, не будучи носителем английского языка, бразилец испытывает сложности с подбором нужных лексических единиц в спонтанной речи, но он способен донести свои мысли собеседнику благодаря глубокому пониманию природы эмоции, которую он описывает: *«I don't know the word in English, but it is when somebody tries to push you down, somebody tries to, in a way damage you or destroy you, so you get a bad feeling for that person» — «Я не знаю как это называют в английском, но это когда кто-то пытается задеть тебя, в каком-то смысле сделать тебе больно или сломить тебя, из-за чего ты начинаешь плохо относиться к этому человеку»* [7].

2. Джордж Расселл

Для доказательности нашей теории проанализируем английскую языковую личность, противопоставив её бразильской.

Основными характеристиками национального характера англоязычной языковой личности являются: прагматизм, динамизм, ориентация на новизну, рациональность, гедонистическое и утилитарное понимание жизни и счастья, установка на свободу, равенство и автономию личности, утверждение достоинства и уважения к человеческой личности, индивидуализм, терпимость [2, с. 48], [3, с. 81].

В обычных условиях Дж. Расселл всегда конструктивен и уверен в себе: *«Ultimately, I'm not going to sit here and say my life is rough. It isn't. But it's about remembering that I'm a professional athlete, top five in the world at what I do»* [11]. *«В конечном счёте я не собираюсь сидеть и говорить о том, как мне тяжело жить. Это не так. Важно помнить, что я профессиональный спортсмен, входящий в топ-5 по всему миру... Что мотивирует меня? Я просто хочу побеждать»*. Англичанин осознает обязанности, которые приходят с высоким статусом в спорте («*top five in the world*»), поэтому фокусируется на достижении результата, осознавая, что профессиональный спорт требует терпимости и прагматизма. Отсутствие экспрессивности здесь свидетельствует об умеренности Расселла, который делает акцент на том, что для него проблемы мира «Формулы-1» не являются настолько существенными, чтобы о них открыто говорить, — это проявление нежелания излишне драматизировать, которое присуще англоязычной языковой личности. Но, как и любой спортсмен, британец сталкивается с моментами, когда его хладнокровие проходит проверку. После длительной борьбы за подиум и схода на последнем круге, он с трудом подбирает слова*: «But after a millimeter lapse of concentration, it was game over. Just so sorry to the whole team, really. I feel like I let myself and the team down» «На секунду теряешь концентрацию — всё, игра окончена. Мне просто очень жаль всю команду, правда. Я чувствую себя так, словно подвёл себя и их»* [9]. Даже в такой эмоциональной ситуации гонщик по-прежнему сдержан и ориентирован на конструктивность: выражение «*a millimeter lapse of concentration»* отражает точность, внимание к деталям — ошибка минимальна, но обернулась огромной потерей как для него лично, так и для коллектива, *«game over»* — из-за чего спортсмен испытывает глубокое сожаление. Эта реплика демонстрирует высокое чувство ответственности и принадлежности к команде, хотя английский индивидуализм всё ещё стоит на первом месте: *«**Мне** очень жаль»* и *«**Я** подвёл **себя**»*, а потом уже команду.

В состоянии конфликта с другими гонщиками (в данном случае с М. Ферстаппеном) Дж. Расселл чётко занимает оборонительную позицию, готовый постоять за себя и свои интересы, выбирая для этого более резкие выражения, несвойственные его обычной речи: *«I find his comments pretty ironic, when he comes out and says I am going to purposefully crash into you, I'm going to put you on your head in the wall, for me that is unacceptable. He has gone beyond the line here and I'm not going to accept it» «Для меня его слова звучат иронично, когда он [Ферстаппен] выходит и говорит: «Я собираюсь намеренно врезаться в тебя, я тебе голову об стену разобью», для меня*

это неприемлемо. Он перешёл все границы, и я не собираюсь это терпеть» [10]. Выражение *«pretty ironic»*, как и идиома «*go beyond the line»*, показывает отказ принимать ситуацию такой, какая она есть, но эпитет *«pretty»* смягчает эффект, делая высказывание более сдержанным, смягчённым — характерное для британцев преуменьшение. Для большей доказательной базы англичанин также цитирует своего оппонента: «*I am going to purposefully crash into you, I'm going to put you on your head in the wall»* — опора на аргументы и чёткие факты, представленные в виде категоричных утверждений, делают его речь более убедительной для третьего лица, анализирующего происходящее. Весь комментарий Расселла нацелен на то, чтобы доказать общественности важность уважения к личности и равенства даже в спорах с теми, кто выше по статусу, как в случае с многократным чемпионом мира, Максом Ферстаппеном. Для него, как для англичанина, эти аспекты являются ключевыми в мире спорта, где проверяются не только физическая сила, но и психологическая устойчивость.

Таким образом, личностные и культурные особенности людей действительно имеют своё отражение в общении, потому что каждый индивидуум по-своему реагирует на разные жизненные ситуации. Если говорить конкретно о гонщиках, то их коммуникативное поведение так же зависит от их этнического происхождения: по интервью Сенны виден его философский подход к жизни, выраженный в длинных, экспрессивных выражениях, которые так свойственны бразильской культуре, ориентированной на глубину в познании окружающего мира. В то время как речь Джорджа Расселла кажется рассудительной, сфокусированной на его месте в спорте: он всегда говорит от первого лица, что показывает его индивидуализм, стремление добиться успеха и всеобщего равенства между спортсменами, выступающими на высоком уровне. Даже в эмоционально насыщенных ситуациях англичанин, вместо того чтобы уходить в долгие размышления, остаётся реалистом и профессионалом своего дела, продолжает концентрироваться на логике и фактах, что отражает типичные для англоязычной языковой личности последовательность, прагматизм и объективность.

Список использованной литературы

1. Авакова, М. Л. Communication Elevator : учебное пособие / М. Л. Авакова, Е. А. Гончарова, Е. В. Милетова. – Москва : Проспект, 2024. — 192 с. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/398759 (дата обращения: 12.09.2025).
2. Гончарова Е.А. Языковые средства выразительности англоязычного Бизнес-Твиттера // Современные исследования социальных проблем. 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 43-57.
3. Гурулева, Т. Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) / Т. Л. Гурулева // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 3А. – С. 196-205.

4. Поспелова, О. И. Особенности национальной культуры и коммуникации жителей Бразилии / О. И. Поспелова // Научный вестник МГИИТ. – 2012. – № 6(20). – С. 25-28.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Москва, 2000. – 262 с.
6. Ширяева, Т. А. Базовые и категориальные признаки концепта «SUCCESS» в профессиональной англоязычной сетевой коммуникации / Т. А. Ширяева, Е. А. Гончарова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 709-713.
7. A Tribute to Life Network. "Ayrton Senna Interview, June 1991" [Электронный ресурс]: Ayrton Senna Official, 2012. – URL: https://www.ayrton-senna.net/ayrton-senna-interview-2-june-1991-2/ (дата обращения: 30.09.2025).
8. Donaldson, Gerald. "A memorable interview with Ayrton Senna" [Электронный ресурс]: f1speedwriter, 2018. – URL: https://www.f1speedwriter.com/2018/03/a-memorable-interview-with-ayrton-senna.html (дата обращения: 30.09.2025).
9. Harrington, Alex. "George Russell’s emotional response after F1 Singapore GP crash: A moment of heartache captured" [Электронный ресурс]: Grand Tour Nation, 2023. – URL: https://grandtournation.com/motorsports/formula-1/george-russells-emotional-response-after-f1-singapore-gp-crash-a-moment-of-heartache-captured/ (дата обращения: 30.09.2025).
10. Hunt, Scott. "'Anger and borderline violence': George Russell hits back at 'bully' Max Verstappen as row escalates" [Электронный ресурс]: The Standard, 2024. – URL: https://www.standard.co.uk/sport/formula-one/f1-george-russell-max-verstappen-bully-b1198340.html (дата обращения: 30.09.2025).
11. Jackson, Kieran. "The evolution of George Russell – and how Mercedes F1 star has redefined his happiness" [Электронный ресурс]: Independent, 2025. – URL: https://www.independent.co.uk/f1/george-russell-f1-interview-mercedes-2025-b2755210.html (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 81-139

Шварак К.Н., магистрант 2 курса

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КОММУНИКАЦИИ: АНАЛИЗ КНИГИ Э.БЕРНА «GAMES PEOPLE PLAY»

Научный руководитель: **И.И. Икатова**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие репрезентации на материале книги Э. Берна «Игры, в которые играют люди». Репрезентация является ключевым аспектом при изменении точки зрения. Данная концепция смены позиции схожа с техникой «рефрейминга», используемой в нейролингвистическом программировании. Анализ, основанный на примерах из книги, показывает, как репрезентация способна изменить сценарии общения как в негативную, так и в позитивную стороны.

Ключевые слова: НЛП, репрезентация, лингвистика, лингвистический анализ, Эрик Берн.

Shvarak K.N., Master Course student, 2nd year

REPRESENTATION IN COMMUNICATION: ANALYSIS OF E. BERNE'S BOOK "GAMES PEOPLE PLAY"

Scientific supervisor: **I.I. Ikatova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article examines the linguistic phenomenon of representation in E. Berne's book "Games People Play." Representation is a key aspect in shifting perspective. This concept of shifting perspective is similar to the "reframing" technique used in NLP. The analysis based on the examples from the book demonstrates how representation can bring a negative or a positive change into communication scenarios.

Keywords: NLP, representation, linguistics, linguistic analysis, Eric Berne.

Репрезентация (лат. repraesentativus, от re- «пере-», «воз-/вос-», и praesetare «представлять») – термин, широко употребляемый в областях философии, психологии, социологии и нейролингвистическом программировании. Первое упоминание данного термина датируется XVIII веком в словаре А. Фюретьера «Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français, tant vieux que modernes», где он имел значение, несколько отличное от современного.

Репрезентация – это использование перцептивного опыта человеком, чье поведение и взгляды изменяются в зависимости от различных факторов, таких как время, состояние, избирательность памяти, а также иных психофизических факторов, например, физиологических особенностей сенсорной системы, эмоционального состояния и темперамента личности, вектора сканирования зрительного пространства. Подобные факторы способны исказить информацию и представить её под другим углом. Термин близок по значению к модели рефрейминга, представленной в нейролингвистическом программировании; оба термина предполагают изменение восприятия в положительную или негативную стороны. Согласно одному из основных постулатов нейролингвистического программирования, человеческий мозг и организм воспринимаются как компьютер, который возможно перепрограммировать, изменив восприятие речи другого участника диалога [2]. При этом при изменении точки зрения человек оперирует анализом и синтезом, абстрагированием и конкретизацией. [4, с. 56].

Рефрейминг широко используется в терапевтическом контексте. Когда терапевт пытается заставить клиента «по-другому взглянуть на вещи», «взглянуть на ситуацию с новой точки зрения» или «принять во внимание другие факторы» [5, с. 5], он старается переосмыслить события, чтобы заставить клиента реагировать на них иначе.

Репрезентация или же рефрейминг прослеживается в книге Э. Берна «Games People Play», в которой показаны взаимоотношения людей, искажение информации в силу различных факторов, выбора словоформ или выражений. В своей книге Э. Берн выделяет три эго-состояния человека – Родитель, Ребёнок и Взрослый. Каждое из вышеупомянутых состояний воспринимает ситуацию по-своему, из-за чего в интеракции возникают сложности, приводящие к фрустрации участников диалога, а также прагматически неэффективной коммуникации. Наряду с этим, в книге приводятся примеры, как правильно оперировать репрезентацией и своими эго-состояниями с целью трансформировать акт коммуникации в конструктивный диалог или разрешить возникшую проблему.

В данной статье мы рассмотрим использование репрезентации в коммуникации на примерах из книги Э. Берна «Games People Play». Целью статьи является рассмотрение коммуникативных актов, их анализ, а также последующее определение типа рефрейминга.

Репрезентация в книге Э. Берна всегда ставит своей целью получить как можно больше удовлетворения от транзакций с остальными участниками. Чем контактнее участник, тем большее удовлетворение он получает [1, с. 20]. Иначе говоря, любая человеческая интеракция предполагает выбор конкретных слов, выражений и позиций для того, чтобы «выиграть» игру.

Для начала обратимся к стандартному примеру замены точки зрения, который приводит непосредственно сам Э. Берн:

«*1E: ‘Hi!’*

1F: ‘Hi!’

2E: ‘How are you?’

2F (puzzled): ‘Fine. How are you?’

3E: ‘Everything’s great. Warm enough for you?’

3F: ‘Yeah.’ (Cautiously.) ‘Looks like rain, though.’

4E: ‘Nice to see you again.’

4F: ‘Same here. Sorry, I’ve got to get to the library before it closes. So long.’

5E: ‘So long.’» [6; с. 36]

(*1Д: «Привет!»*

1Е: Привет!»

2Д: «Как дела?»

2Е: (озадаченно) «Прекрасно. А ваши?»

3Д: «Все отлично. Тепло сегодня, не правда ли?»

3Е: «Да» (осторожно). «Но, кажется, будет дождь».

4Д: «Приятно было повидаться».

4Е: «Мне тоже. Простите, мне нужно успеть в библиотеку до закрытия. Пока.»

5Д: «Пока».) [1, с. 54]

Из контекста следует, что мистер Д. и мистер Е. привыкли к ежедневному обмену в две единицы коммуникации (Hi-Hi), но однажды

вместо того, чтобы пройти мимо, один из участников коммуникации останавливается и спрашивает: «*Как дела?*». После чего разыгрывается диалог, указанный выше. Данный рефрейминг можно отнести к контекстуальному, «поскольку содержание ситуации и взаимоотношение двух участников осталось тем же, сменилось отношение к ситуации» [3, с. 78].

В словах мистера Д. можно заметить заинтересованность, что подкрепляет предположение о том, что произошла контекстуальная смена точки зрения. Диалог не закончился после обычного приветствия, вместо этого мистер Д. участливо интересуется, насколько комфортно собеседник чувствует себя в такую погоду.

Еще одним примером репрезентации ситуации может стать диалог о запонках и об алкоголизме с заранее указанной Э. Берном выигрышной позицией:

«'Do you know where my cuff links are?' may elicit: 'Why don't you keep track of your own things? You're not a child any more.'

The stimulus is Adult-Adult: e.g., 'Maybe we should find out why you've been drinking more lately, or, 'Do you know where my cuff links are?' The appropriate Adult-Adult response in each case would be: 'Maybe we should. I'd certainly like to know!' or, 'On the desk.'» [6, с. 29]

(«Не знаешь где мои запонки?» можно дать ответ: «Почему ты сам не следишь за своими вещами? Ты ведь больше не ребенок»

Стимул был задан типом Взрослый – Взрослый, например: «Может, нам стоит вместе подумать, почему ты в последнее время так много пьешь?» или «Ты не знаешь где мои запонки?» Соответствующая реакция Взрослый – Взрослый должна быть такой: «Да, пожалуй. Я сам хотел бы это понять!» или «На письменном столе».) [1; с. 39].

Ответ на вопрос безымянного персонажа про запонки может быть двояким. Изначально в примере про пропажу мы замечаем негативную ответную реакцию. Выражение «*You're not a child anymore*» эскалирует дальнейший возможный конфликт, поэтому приведенный Э. Берном пример диалога «Взрослый-Взрослый» поможет выстроить здоровое общение. Хотя ответ «*On the desk*» является довольно простым и нейтральным, он так или иначе приводит к адекватному взрослому взаимопониманию.

Здесь мы так же видим ситуацию, где поднимается вопрос об алкоголизме. Э. Берн описывает человека, задумавшегося о своем благосостоянии. Эмоциональный ответ реципиента «*I'd certainly like to know!*» демонстрирует смену точки зрения, желание разобраться в проблеме и, следовательно, надежду на последующую рефлексию и самоанализ, которые помогут скорректировать поведение.

Данные примеры можно классифицировать как содержательный рефрейминг. После того, как содержательная сторона ситуации изменилась, участники коммуникативного акта стали иначе реагировать на положение дел.

Однако, репрезентация может также носить отрицательный характер. Примером может служить игра «Schlemiel»:

«1W. White spills a highball on the hostess's evening gown.

1B. Black (the host) responds initially with rage, but he senses (often only vaguely) that if he shows it, White wins. Black therefore pulls himself together, and this gives him the illusion that he wins.

2W. White says: 'I'm sorry.'

2B. Black mutters or cries forgiveness, strengthening his illusion that he wins.

3W. White then proceeds to inflict other damage on Black's property. He breaks things, spills things and makes messes of various kinds. After the cigarette burn in the tablecloth, the chair leg through the lace curtain and the gravy on the rug, White's Child is exhilarated because he has enjoyed himself in carrying out these procedures, for all of which he has been forgiven, while Black has made a gratifying display of suffering self-control. Thus both of them profit from an unfortunate situation, and .

Anti-'Schlemiel' is played by not offering the demanded absolution. After White says 'I'm sorry', Black, instead of muttering 'It's okay', says, 'Tonight you can embarrass my wife, ruin the furniture and wreck the rug, but please don't say "I'm sorry".'» [6, с. 100].

(*1У. Уайт проливает коктейль на вечернее платье хозяйки.*

1Б. Блэк вначале испытывает гнев, но чувствует (иногда очень смутно), что, если проявит его, Уайт выиграет. Поэтому Блэк берет себя в руки, и это создает иллюзию выигрыша.

2У. Уайт говорит: «Простите».

2Б. Блэк шепчет или выкрикивает слова прощения, усиливая иллюзию своей победы.

3У. Уайт продолжает портить собственность Блэка. Он ломает вещи, проливает напитки и создает всякие другие неприятности. После того как ему удается прожечь сигаретой скатерть, порвать ножкой стула кружевную скатерть, вывалить жаркое на ковер, Ребенок Уайта испытывает радостное возбуждение, потому что он прекрасно провел время и получил прощение за все свои выходки. А Блэк тоже испытывает удовлетворение: ведь он показал, что умеет мужественно сдерживаться. Таким образом, оба получили выгоду от неприятной ситуации. А Блэк совсем не захочет прекращать дружбу с Уайтом.

«Антирастяпа» заключается в том, чтобы не давать требуемое прощение. После того как Уайт произносит свое «Простите», Блэк не отвечает: «Все в порядке», как ожидает Уайт, а говорит: «Можете сегодня смущать мою жену, ломать мебель и рвать ковер, только не извиняйтесь».) [1, с. 196].

Здесь наблюдается неоднозначная негативная ситуация, в которой рефрейминг может помочь выиграть «игру», начатую мистером Уайтом. Правильной позицией по Э. Берну считается обвинение, вместо прощения. Посему мы можем заметить следующее: если мистер Блэк начнет

перечисление возможных дальнейших нелепых поступков мистера Уайта, то он поведет себя как «Взрослый», принимая ответственность за приглашение мистера Уайта на вечеринку.

Правильное определение стратегии и прагматически верное оформление смысла высказывания поможет мистеру Блэку обвинить мистера Уайта. Акцентирование на каждой нелепой ситуации посредством перечисления призвано вызвать стыд у мистера Уайта, вынуждая его остановить дальнейшие игры. Несомненно, это содержательный рефрейминг. По мере изменения понятийной стороны ситуации, мистеру Блэку необходимо сделать выбор о том, как правильно поступить.

Таким образом, можно сделать вывод, что репрезентация является ключевым элементом для адекватного и конструктивного общения между людьми. Несмотря на то, что репрезентация может быть использована в негативном ключе, она является уникальным и сильным инструментом, помогающим переосмыслить ситуацию и принять правильное решение для того, чтобы «выиграть» игру.

Список используемой литературы

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; [пер. с англ. А. Грузберга]. – Москва: Эксмо, 2022 – 325 с.
2. Нейролингвистическое программирование // Психотерапевтическая энциклопедия «Академик» [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychotherapeutic/218/Нейролингвистическое
3. Одинцова, И. В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике / И. В. Одинцова // Мир русского слова. – 2012. – № 1. – С. 73-80.
4. Одинцова, И. В. Языковой рефрейминг как когнитивная операция в практике преподавания иностранных языков / И. В. Одинцова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 54-58.
5. Bandler, Richard; Reframing: NLP And The Transformation Of Meaning. – 1983.
6. Berne, E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships. – 1964.
7. Furetière 1690 — Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts: 3 t. LaHaye: A. et R. Leers, 1690.

УДК 81`322.4

Шестакова А.А., бакалавр 4 курса

ОСОБЕННОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ЮМОРА И ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

научный руководитель: **А.Ш. Габдуллина**, старший преподаватель

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

Аннотация. В статье исследуются специфические трудности машинного перевода юмористического контента и языковой игры в процессе межкультурной коммуникации. Рассматриваются теоретические основы восприятия юмора, механизмы языковой игры и технические ограничения автоматических переводческих систем. Анализируются конкретные примеры неудачных переводов комического контента и их влияние на межкультурное взаимопонимание. Особое внимание уделяется культурной обусловленности юмора и проблемам его адаптации в цифровой медиасреде. Исследование основывается на сравнительном анализе русских и английских/американских юмористических текстов и их машинных переводов в контексте социальных сетей и цифровых медиаплатформ. Выявляются основные типы искажений комического эффекта при автоматическом переводе: потеря языковой игры, нарушение культурных кодов и деформация прагматической структуры юмористических высказываний.

Ключевые слова: машинный перевод, юмор, языковая игра, межкультурная коммуникация, комический эффект, культурная адаптация, каламбур

Shestakova A.A., Bachelor Course student, 4th year

FEATURES OF MACHINE TRANSLATION OF HUMOR AND LANGUAGE GAME IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Scientific supervisor: **A.Sh. Gabdullina**, Senior Lecturer

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract. The article examines the specific difficulties of machine translation of humorous content and language play in the process of intercultural communication. It considers the theoretical foundations of humor perception, mechanisms of language play, and technical limitations of automated translation systems. Specific examples of unsuccessful translations of comic content and their impact on cross-cultural understanding are analyzed. Particular attention is paid to the cultural specificity of humor and the problems of its adaptation in the digital media environment. The research is based on a comparative analysis of Russian and English/American humorous texts and their machine translations in the context of social networks and digital media platforms. The main types of comic effect distortion in automatic translation are identified: loss of language play, violation of cultural codes, and deformation of the pragmatic structure of humorous statements.

Keywords: machine translation, humor, language play, intercultural communication, comic effect, cultural adaptation, pun

Юмор и языковая игра представляют собой одни из наиболее сложных феноменов для машинного перевода в современной цифровой коммуникации. В условиях интеграции медиапространства и интенсификации межкультурного взаимодействия проблема адекватной передачи комического содержания приобретает особую актуальность. Комический эффект часто основывается на тонких языковых нюансах, культурных отсылках и лингвистических играх, которые представляют серьезный вызов для автоматических переводческих систем.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, юмор играет важную роль в современной цифровой коммуникации, особенно в социальных сетях, где мемы, шутки и языковые игры составляют значительную часть контента. Во-вторых, неудачный перевод юмористического материала может приводить не только к недоразумениям и формированию стереотипов, но и к конфликтам между представителями различных культур. В-третьих, развитие технологий машинного перевода ставит вопрос о возможности создания систем, способных адекватно передавать не только информационное, но и эмоциональное содержание текста.

Проблематика машинного перевода юмора осложняется тем, что комический эффект часто зависит от контекста, культурного фона, языковых особенностей и когнитивных процессов восприятия. Автоматические системы перевода, ориентированные на передачу буквального значения, оказываются неспособными распознать и адекватно передать комическую интенцию оригинального текста. Это приводит к потере юмористического эффекта, искажению авторского замысла и неправильному восприятию контента целевой аудиторией.

Согласно исследованиям А.Г. Козинцева, юмор представляет собой универсальный феномен, однако его конкретные проявления глубоко культурно обусловлены [5]. Теория инконгруэнтности (в когнитивной теории юмора инконгруэнтность возникает из-за столкновения двух несовпадающих мыслей или представлений, что вызывает смех [4]), разработанная в рамках когнитивного подхода к юмору, объясняет комический эффект как результат восприятия неожиданного нарушения логических ожиданий. Автоматические переводческие системы, основанные на статистических закономерностях и нейронных сетях, оказываются неспособными распознать такие нарушения и тем более воссоздать их в языке перевода.

Как отмечает В.И. Карасик, языковая игра представляет собой особый тип речевой деятельности, характеризующийся намеренным нарушением языковых норм с целью создания стилистического или комического эффекта [3]. Языковая игра может осуществляться на различных уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом. Каждый из этих уровней создает

специфические трудности для машинного перевода, поскольку требует не только лингвистических знаний, но и культурной компетенции.

По данным Н.Д. Арутюновой, ирония как разновидность языковой игры основывается на противопоставлении явного и скрытого смысла высказывания [1]. Для её адекватного перевода требуется понимание прагматического контекста и способность к метаязыковой рефлексии, которые не присущи автоматическим системам. Буквальный перевод иронических высказываний часто приводит к полной потере комического эффекта или даже к противоположному восприятию смысла.

Как указывает С.И. Влахов, ещё один из наиболее сложных видов языковой игры для перевода – это каламбур. Он опирается на звуковое или графическое сходство слов при различии их значений [2]. Машинный перевод каламбуров осложняется тем, что игра слов в одном языке редко имеет прямые аналоги в другом языке и требует творческого подхода и глубоких культурных знаний для создания функционального эквивалента.

На основании выводов Д.С. Лихачева, смеховая культура имеет глубокие исторические корни и тесно связана с национальным менталитетом [7]. Это означает, что успешный перевод юмористического контента требует не только лингвистической, но и культурологической компетенции, которой не обладают современные автоматические системы.

Практический анализ машинного перевода юмористического контента выявляет множество проблем. Так, классический пример фонетического английского каламбура “Time flies like an arrow; fruit flies like a banana” при машинном переводе на русский язык становится «Время летит как стрела; плодовые мушки любят банан», полностью теряя игру слов, основанную на омонимии “flies” как глагола и существительного. Аналогично, русский каламбур «Что общего между ежиком и молоком? И то, и другое сворачивается» автоматически переводится на английский как “What do a hedgehog and milk have in common? Both curl up”, и не передает двойное значение глагола «сворачиваться».

Морфологические игры слов тоже вызывают затруднения при машинном переводе. Английские слова-гибриды типа “chillax” (сочетание “chill” и “relax”) при переводе на русский теряют свою игривость и становятся описательными «расслабься и успокойся». Русские окказионализмы типа «кремлядь» (сочетание «Кремль» и «гадь») не имеют функциональных эквивалентов в английском языке и переводятся буквально как “kremlyad”, что делает их непонятными для англоязычной аудитории. Американские неологизмы вроде “mansplaining” (когда мужчина покровительственно объясняет женщине очевидные вещи) тоже переводятся на русский описательно, теряя краткость и выразительность оригинала.

Лексические игры слов часто основываются на многозначности или омонимии, которые специфичны для конкретного языка. Английская шутка “I wondered why the baseball kept getting bigger. Then it hit me” основана на двойном значении “hit” (ударить и осенить), но при переводе на русский

превращается в «Я думал, почему бейсбольный мяч становится больше. Потом он ударил меня», полностью теряя комический эффект. Русская игра слов «Что такое дежавю? Это когда ты думаешь, что уже где-то это слышал» при переводе на английский становится буквальной и теряет изначальную ироничность.

Культурно-специфичные шутки представляют наибольшую сложность для машинного перевода. Американские шутки о налогах, основанные на знании американской налоговой системы, становятся непонятными при переводе на русский язык. Например, “The only difference between a tax man and a taxidermist is that the taxidermist leaves the skin” теряет смысл в российской культуре с иной налоговой ментальностью. Русские анекдоты про Вовочку автоматически переводятся с сохранением имени, но культурный контекст образа хулиганистого школьника остается недоступным для американской аудитории. Американские шутки про “Karen” (стереотипный образ требовательной американки среднего возраста) при переводе на русский язык теряют свою актуальность, поскольку этот мем неизвестен в российской культуре. Русские шутки про дачу и огород становятся непонятными для американцев, у которых отсутствует соответствующий культурный опыт.

Автоматические системы не способны распознать иронию и сарказм. Фраза «О, как замечательно, опять дождь!» при переводе на английский становится “Oh, how wonderful, it's raining again!”, сохраняя формальную структуру, но теряя интонационные маркеры иронии, понятные носителям русского языка. Британский сарказм, например, “That's brilliant, just brilliant”, при переводе на другие языки часто воспринимается как искренняя похвала, а не как выражение раздражения.

Эволюция мемов и интернет-юмора постоянно опережает возможности лингвистических моделей. Популярный мем “This is fine” с изображением собаки в горящей комнате, отсылающий к абсурдности отрицания очевидных проблем, при машинном переводе превращается в не совсем точное «Всё в порядке». Русский мем «Котики решают все» при переводе как “Cats solve everything” утрачивает двойной тёмный смысл, а вместе с ним и главный элемент шутки.

Глубоко укоренённые в локальном колорите, региональные диалекты и сленг часто оказываются “нечитаемыми” для машин. Британский юмор, основанный на классовых различиях в речи, полностью теряется при машинном переводе на русский язык. Американский стендап, использующий особенности афроамериканского варианта английского языка, становится непонятным из-за отсутствия аналогичных социолектных различий в русском языке. Американский сленг из фильмов 90-х (“That's totally tubular, dude!”) при переводе на русский становится либо архаичным, либо просто странным («Это совершенно трубчато, чувак!»). Русские выражения типа «Ё-моё» или «Ёлки-палки» не имеют эквивалентов в английском языке и либо переводятся цензурной бранью, либо опускаются.

Стоит учитывать и временной контекст юмора. Актуальные шутки, основанные на недавних событиях, могут стать непонятными или неуместными при переводе для аудитории с другим культурным и информационным фоном. Отсылки к популярным фильмам, книгам или общественным деятелям, понятные в одной культуре, чаще всего совершенно неизвестны в другой.

Даже самая совершенная нейросеть не способна уловить всю многогранность эмоциональной окраски. Добродушная ирония может восприниматься как злая сатира, а безобидная шутка – как оскорбление, если культурные коды восприятия юмора различаются. Это особенно важно в эпоху социальных сетей, где неудачный перевод шутки может привести даже к международным скандалам.

Как полагает М.А. Кронгауз, языковая игра в интернет-коммуникации приобретает новые формы и функции [6]. Эмодзи, гифки и мультимедийные элементы становятся частью комического высказывания, но автоматические системы перевода, как правило, их не учитывают, ограничиваясь только текстовой составляющей. Такой подход приводит к фрагментарности перевода и потере целостности комического образа.

Проблема контекстуальности юмора усугубляется в случае переводов комментариев в социальных сетях, где шутка может основываться на знании предыдущих публикаций автора или текущих трендов. При машинном переводе не анализируется расширенный контекст и каждое высказывание переводится изолированно, соответственно, юмор становится непонятным.

Влияние неудачного перевода юмора на межкультурную коммуникацию может быть значительным. Потеря комического эффекта приводит к обедненному восприятию другой культуры, формированию представления о ее излишней серьезности или примитивности. Искажение юмористического содержания может создавать ложные стереотипы о национальном характере и ментальности. В некоторых случаях неудачный перевод шутки может восприниматься как оскорбление или проявление культурной нечувствительности.

Перспективы решения проблемы машинного перевода юмора связаны с развитием искусственного интеллекта и накоплением культурно-аннотированных корпусов текстов. Исследования в области выделения комических маркеров и создания алгоритмов распознавания языковой игры показывают определенные успехи, но пока не достигли уровня, позволяющего говорить о полноценном автоматическом переводе юмористического контента.

Гибридные подходы, сочетающие машинный перевод с постредактированием человеком, показывают более высокие результаты в передаче комического эффекта. Также демонстрируют потенциал краудсорсинговые платформы, где пользователи могут предлагать альтернативные варианты перевода шуток.

Культурная локализация юмористического контента требует не просто перевода, а культурной адаптации, включающей замену культурно-специфичных элементов на понятные целевой аудитории аналоги. Это выходит за рамки перевода исключительно текстового содержания и требует глубоких знаний обеих культур, что пока недоступно автоматическим системам.

Проведенное исследование показывает, что машинный перевод юмора и языковой игры остается одной из наиболее сложных задач в области автоматической обработки естественного языка. Комический эффект основывается на тонких лингвистических нюансах, культурных кодах и когнитивных процессах, которые плохо поддаются формализации и автоматизации. Современные системы машинного перевода, несмотря на значительные достижения в области нейронных технологий, оказываются неспособными адекватно передать юмористическое содержание.

Анализ конкретных примеров перевода юмористического контента выявил системные проблемы на всех уровнях языковой организации: от фонетических каламбуров до культурно-специфичных отсылок. Адекватный перевод различных форм комического (иронии, сарказма, языковой игры, мемов и т.д.) требует как лингвистической, так и культурной компетенций. Потеря комического эффекта при машинном переводе может приводить к серьезным последствиям для межкультурной коммуникации, включая формирование стереотипов, возникновение недопониманий и даже серьёзные конфликты.

Технические ограничения современных систем машинного перевода проявляются в неспособности к творческому мышлению и культурной адаптации. Нейронные сети обучаются на больших корпусах текстов, но юмор часто основывается именно на нарушении статистических закономерностей, что противоречит принципам работы автоматических систем. Более того, создание удачного перевода шутки часто требует отхода от буквальности и создания абсолютно нового функционального эквивалента.

Важно понимать ограничения машинного перевода в области юмористического контента и применять гибридные подходы, сочетающие автоматический перевод с человеческим постредактированием. Разработчикам переводческих систем необходимо уделять больше внимания созданию алгоритмов распознавания комических маркеров и культурной адаптации юмора. Исследователям межкультурной коммуникации следует изучать влияние неудачного перевода юмора на формирование культурных стереотипов и межэтнические отношения.

Перспективы развития машинного перевода юмора связаны с интеграцией культурных знаний в переводческие системы, развитием контекстуального анализа и созданием специализированных корпусов юмористических текстов. Краудсорсинговые подходы и использование обратной связи от пользователей тоже способствуют постепенному улучшению качества перевода юмора. Однако полное решение проблемы

потребует качественного скачка в развитии искусственного интеллекта и создания систем, способных к творческому мышлению и культурной адаптации контента.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Влахов, С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Карасик, В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. – 405 с.
4. Кенджаева, З. Когнитивная теория инконгруэнтности и «сдвиг рамки» // Лингвоспектр. 2025. – URL: https://lingvospektr.uz/index.php/lngsp/article/view/676 (дата обращения: 29.09.2025)
5. Козинцев, А.Г. Человек и смех. СПб. : Алетейя, 2007. – 236 с.
6. Кронгауз, М.А. Самоучитель олбанского. М. : АСТ: CORPUS, 2013. – 416 с.
7. Лихачев, Д.С., Панченко, А.М., Понырко, Н.В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. – 295 с.

УДК 81`25.047

Шитиков А.К., магистрант 2 курса

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РУССКОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА

Научный руководитель**: Ряховская А.Ю**., кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В данной статье анализируется идеологический аспект перевода в его диахроническом измерении. Исследование демонстрирует тесную связь между переводом и идеологией как экстралингвистическим фактором перевода. Обосновывается положение о том, что на протяжении большей части русской истории перевода идеологический фактор имел крайне высокую частотность проявления. На примере истории перевода со времён Древней Руси и до XVII века исследование доказывает, что идеологический фактор оказывал значительное влияние на процесс и результат перевода.

Ключевые слова: Перевод, идеология, философия, история перевода, перевод в Древней Руси, литература, религиозная литература**.**

Shytikov A.K., Master Course student, 2nd year

IDEOLOGICAL FACTOR IN RUSSIAN HISTORY OF TRANSLATION

Scientific supervisor: **Ryakhovskaya A. Y.,** Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article deals with ideological factor of translation in its diachronic dimension. This research demonstrates close connection between translation and ideology as extralinguistic factor of translation. The thesis of high frequency of manifestation of ideological factor during the most part of Russian history of translation is proved. On the example of historical periods of Ancient Rus' and the 17th century, this research proves that ideological factor had serious impact on the process and the result of translation.

Keywords: Translation, ideology, philosophy, the history of translation, translation in Ancient Rus', literature, religious literature.

Деятельность переводчика зависит от большого количества факторов. Эти факторы могут быть объединены в две основные группы: лингвистические, то есть напрямую связанные с языком (морфология, синтаксис), и экстралингвистические, не связанные с языком напрямую, и описывающие контекст, в рамках которого происходят описываемые события (исторический, политический контекст). К этой категории относится, в частности, идеологический фактор.

Прежде чем говорить о взаимосвязи идеологии и перевода, стоит дать определение понятия «идеология». Данный термин имеет философскую природу, вследствие чего имеет множество трактовок. Приведём несколько примеров.

Французский философ XVIII-XIX веков Антуан Дестют де Траси, считающийся создателем термина «идеология», описывал идеологию как «анализ ощущений, идей и мыслей» [1].

Карл Ясперс утверждал, что идеология – это «система идей, или представлений, которая служит мыслящему человеку в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нём» [5, с. 146].

Похожее определение даётся философом Славоном Жижеком. Жижек давал следующее определение идеологии: «Идеология – не просто система идей. Идеология на самом элементарном уровне – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете окружающий вас мир, как вы организуете свою жизнь, в чём вы видите её смысл» [1].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно говорить о том, что идеология представляет собой комплекс суждений, который служит человеку, или группе людей, жизненным ориентиром, определяющим их положение в обществе, а также взгляд на него.

Стоит также отметить специфику связи идеологического фактора и перевода. Эта специфика выражается в том, что мысль, изложенная в тексте, может не совпадать с постулатами идеологии, и, таким образом, текст может либо быть воспринят как нецелесообразный для перевода и проигнорирован, либо воспринят враждебно.

В качестве примера подобной связи рассмотрим положение идеологического фактора в отечественной истории перевода. За точку отсчёта примем период Древней Руси.

Учитывая исторический контекст, неудивительно, что особое внимание на данном историческом этапе уделялось религиозным текстам. Конечно, практика перевода текстов не религиозной, светской направленности, включая исторические, медицинские и алхимические, также была широко распространена, однако перевод текстов религиозной направленности был более приоритетным направлением [4, с. 43].

Таким образом, учитывая повышенный интерес древнерусских переводчиков к текстам религиозного содержания, характерный для большинства стран средневековой Европы, можно сделать вывод, что идеологический фактор перевода на данном этапе играл немаловажную роль.

Однако уже в XVII веке этот фактор проявил себя ещё более явно как один из факторов, способствовавших церковному расколу. В середине XVII века патриарх Русской православной церкви Никон, ссылаясь на важность следования воле вселенских соборов, заявил о необходимости введения реформ в отношении устоявшихся церковных обрядов. Данные реформы предполагали, помимо прочих изменений, переписывание и редактирование книг, используемых во время богослужений, основываясь на их аналогах, написанных на греческом языке [2, с. 218]. Последствия данных реформ известны – введение новых правил привело как к расколу внутри Русской православной церкви, так и к появлению новых религиозных течений, получивших название «старообрядчество», которые подверглись гонениям со стороны церкви.

В данном случае, учитывая, что деятельность переводчиков прямо влияла на жизнь церкви, имевшую тесную связь с государством и обществом, можно сказать, что идеологический фактор проявляется весьма ярко на данном этапе.

В следующие 250 лет фактор идеологии не был так сильно проявлен. Конечно, политика Петра I и его потомков в значительной степени была направлена на взаимодействие со странами Европы, вследствие чего основное внимание лингвистов и переводчиков было направлено на тексты этих стран [4, с. 47]. Однако в то же время активно развивались контакты со странами Азии, особенно с Китаем. Кроме того, некоторые исследователи полагают, что именно российские переводчики того периода, по сути, были основоположниками российского китаеведения [3].

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, можно утверждать, что идеологический фактор играл довольно существенную роль в истории российского перевода до периода Советского Союза, что особенно заметно на примере тенденций перевода времён Древней Руси, а также событий XVII века, предшествовавших расколу Русской православной церкви.

Список использованной литературы

1. Дайненко И. В., Мухин М. А. Термин «идеология» и его употребление: история и современность / И. В. Дайненко, М. А. Мухин // Вестник науки и творчества – 2020. – № 9

(57). – С. 5-11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/termin-ideologiya-i-ego-upotreblenie-istoriya-i-sovremennost (дата обращения 9. 11. 2025)
2. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. 527 с.
3. Кирмасов Б. А. Вклад первых российских переводчиков в становление отечественного китаеведения / Б. А. Кирмасов // Среднерусский вестник общественных наук – 2015. – № 3. – С. 235-240. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-pervyh-rossiyskih-perevodchikov-v-stanovlenie-otechestvennogo-kitaevedeniya (дата обращения 9. 11. 2025)
4. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО “Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории; пер. с нем. Левиной М. И. М.: Политиздат, 1991. 257 с.

УДК 81'282.8

Щеглаков И. В., магистрант 2 курса

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПИДЖИН КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МАНЬЧЖУРИИ

Научный руководитель: **Е. Е. Богодухова,** кандидат философских наук, доцент
Забайкальский государственный университет

Аннотация. В статье освещается проблема влияния социокультурной реальности Маньчжурии на формирование, развитие и функционирование русско-китайского пиджина. Целью исследования является описание его структурных элементов в связке с особенностями социума и культуры Маньчжурии, что ранее детально не изучалось. Результаты исследования, достижимые с помощью анализа тематической литературы, конкретных языковых ситуаций и культурных элементов, раскрывают природу отражения социокультуры Маньчжурии в системе забайкальского пиджина. Это позволит более чётко понимать природу данного пиджина в будущих исследованиях.

Ключевые слова: пиджин, социокультурная реальность, культура, Забайкалье, Маньчжурия, этнолект, межкультурная коммуникация.

Shcheglakov I. V., Master Course student, 2nd year

TRANSBAIKAL PIDGIN AS A REFLECTION OF THE SOCIO-CULTURAL REALITY OF MODERN MANCHURIA

Scientific supervisor: **E. E. Bogodukhova**, Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor
Transbaikal State University

Abstract. The article highlights the problem of the influence of the socio-cultural reality of Manchuria on the formation, development, and functioning of the Russian-Chinese pidgin. The purpose of the study is to describe its structural elements in relation to the specific features of the society and culture of Manchuria, which have not been studied in detail before. The results of the study, achieved through the analysis of relevant literature, specific language situations, and cultural elements, reveal the nature of the reflection of the socio-culture of Manchuria in the system of the Transbaikal pidgin. This will provide a clearer understanding of the nature of this pidgin in future research.

Keywords: pidgin, sociocultural reality, culture, Transbaikalia, Manchuria, ethnolect, cross-cultural communication.

Забайкальский, или забайкальско-маньчжурский, пиджин – уникальное языковое явление социокультурных контактов КНР и РФ. Забайкальско-маньчжурский пиджин является единственным активным и описанным контактным средством общения с русским языком как лексификатором в своей системе. Пиджин, созданный как ответ на трансграничные межкультурные контакты, по области употребления не особо отличается от своих ближайших «вымерших» собратьев – руссенорска (русско-норвежского контактного) и кяхтинского наречия (русско-китайского). Его ареалом можно считать торговую часть современной Маньчжурии, место общения русских челноков и китайских торговцев. Социокультурная реальность города становится не только генезисом рассматриваемого контактного языка, но и его главной движущей силой, оказывающей влияние на все аспекты. Как отмечалось выше, торговое направление коммуникации пиджинов России – закономерность, а не своеобразие. Однако не один из них не испытывает такого давления со стороны культурной специфики места употребления. Поэтому проблема влияния социокультурной реальности Маньчжурии на забайкальский пиджин является актуальной.

Под термином «социокультурная реальность» современные исследователи понимают организацию жизни людей в обществе с учётом их культурной деятельности в конкретном этапе исторического развития [11]. В формировании социокультурной реальности современной Маньчжурии решающую роль сыграл феномен ченочества, возникший на русско-китайском пограничье в девяностые годы прошлого века. Происхождение забайкальского пиджина также следует соотнести с этим явлением. Данный контактный язык возник в ситуации необходимости диалога между приезжими забайкальскими челноками («кэмэлами») и китайскими торговцами [12]. Русских «кэмэлов» стоит считать культурными адресантами, а китайских торговцев – адресатами, поскольку именно вторые, по модели «спрос-предложение», вынуждены искать общий язык с иностранцами. Исходя из этого, можно определить русский язык как лексификатор-суперстрат, а китайский как субстрат. Основными структурными особенностями пиджина являются: 1) Реализация преимущественно в китайском этнолекте; 2) Артикуляция по китайскому типу, с заменой дрожащего [р] на [l], господством открытого слога и

добавлением лишней «а» в конце многих слов; 3) Экспансивность именительного падежа при употреблении существительных; 4) Использование русского жаргона, просторечий, а также редких английских, (русифицированных или китаефицированных) заимствований [2, с. 56-80; 13]. Окраску забайкальскому пиджину придают черты общие для иных контактных языков — упрощённая структура, отсутствие лексической гомогенности, нарушение порядка слов, характерного для языка лексификатора, отсутствие чётких правил словообразования и пассивного словарного запаса [8]. Можно сказать, что особенности любого пиджина, как и рассматриваемого, продиктованы по большей части общими различиями двух языков, чем собственной структурой.

Забайкальско-маньчжурский пиджин зародился и функционирует в среде поверхностного восприятия и понимания культуры России, своеобразной русификации Маньчжурии для удобства челноков. Культурный центр города сегодня выглядит как гомункул, сшитый из полярных частей, как некое собрание суррогатов. На основании исследований, фотоматериалов и журналистских статей [3; 4; 10; 12], внешний вид Маньчжурии сейчас можно поделить на две равновеликие тематические группы:

1) Использование клише о русской культуре и менталитете.

К этой категории можно отнести различного вида культурные элементы, паразитирующие на клишированных образах: балалайка, медведь, водка, борщ и пр. В оперировании клише китайцы тоже допускают ошибки (как следствие поверхностного усвоения русской культуры). Например, использование архитектурных элементов православного храма в облике ресторана, что для нашей культуры крайне неприемлемо [3].

2) Оперирование элементами конкретного периода истории России.

К данной категории относятся особенно яркие и, в некотором роде, тоже клишированные элементы популярных периодов истории России с начала XX века и по сегодняшний день – эстетика СССР (бюсты Ленина, марксистские высказывания на красном полотнище, элементы советской архитектуры), атмосфера «бандитских» девяностых (стилизованные кожаные куртки и малиновые пиджаки в продаже, использование жаргонизмов в речи), социокультурные приметы России XXI века (разнообразная продукция с изображением президента нашей страны и использование его образа, господство «лужковского» стиля в архитектуре, русские патриотические выкрики и лозунги). Опять же, за такой презентацией стоит плохое усвоение практически каждого элемента. Например, псевдостиль «лужковское барокко», зародившийся в русской столице, возвеличен в Маньчжурской культуре, но считается низким в русской, и, по нелестному высказыванию отечественного искусствоведа, представляет из себя «господство пошлости, дурновкусия» [5].

Социокультурная реальность современной Маньчжурии, к элементам которой отнесём торговлю как главенствующий вид межкультурной и межъязыковой коммуникации и необходимость в русификации и

подражательстве. детерминируют две самых главных структурно-лексических особенности забайкальского пиджина. Во-первых, это преобладание в активном словаре номинаций тематической категории «торговля»; имена существительные обозначающие разные предметы быта и обихода, глаголы, относящиеся к купле-продаже — в данном языке, являющиеся элементами, составляющими смысловую часть всего диалога на пиджине, без учёта модальных связок и иных вспомогательных категорий. Во-вторых, это векторность не только коммуникации, но и её языкового отображения, поскольку забайкальско-маньчжурский пиджин наиболее полно реализуется именно в речи китайского этнолекта [2, с. 116]. Эта особенность вытекает из отсутствия острой необходимости у русских челноков подстраиваться под чужой язык (на основании некоего снобизма покупателя), при явной надобности к лингвистической мимикрии у китайских торговцев, ради успешной продажи своего товара.

Кроме того, торговый вектор социокультурной реальности Маньчжурии является безусловно главным источником пополнения лексики забайкальского пиджина. Так генезис малочисленного, но существенного пласта пиджина, русифицированных англицизмов, можно возвести именно к торговле Маньчжурии. За появлением подражания крупным зарубежным брендам логично следует и зарождение лексем, обозначающих брендовый товар. Это и «адидаса», производное от фирмы Adidas, и часто используемый суррогат английского baby – «бэйби», «бэби» или «бейба» [2, с. 140-142; 10]. Благодаря одной из культурных особенностей облика Маньчжурии, который мы определили как оперирование элементами того или иного периода жизни России, а именно эстетикой российских девяностых, пиджин пополнился модифицированными жаргонизмами. Это «Длуга» (друг), «блатан» (братан), «карефана» (корефан), «куня», т. е. девушка, в данном случае в редко встречающемся значении – уничижительное обращение к симпатичной женщине в межличностном общении [2; 13]. Лексика китайского этнолекта забайкальского пиджина обязана социокультурной действительности Маньчжурии появлением популярности русских имён собственных с шипящими звуками — Саша, Маша, Паша и Гоша [1; 10]. Можно предположить, что изначально эти имена прижились в китайском этнолекте благодаря удобству произношения и двусложности. Однако, изучая китайско-русские двуязычные рекламные вывески можно заметить, что именно имена Саша и Маша чаще всего фигурируют в названиях ресторанов [10]. В социальной жизни Маньчжурии «моду» на русские имена задают «помогаи» (или «помогайки») – особый слой жителей города, чаще всего из среды бедного или необразованного населения. Уменьшительная форма русского имени плюс слово «помогай» – текст визитки жителя Маньчжурии, который за плату готов помочь челнокам в переноске товара от ТЦ и до гостиницы, организовать экскурсию по рынкам и пр. [7]. Феномен маньчжурских «помогаев» изначально генерировал, а сейчас, в конкретном примере, помогает разнообразить именной пласт забайкальского пиджина.

Возвращаясь к теме рекламных вывесок, отметим, что к их становлению привело стремление к русификации облика города. По имеющимся данным забайкальский пиджин не существует в какой-либо письменной форме, а потому текст вывесок следует рассматривать в отрыве от его особенностей, хотя в плане отсутствия нормированности они и похожи. Языковые особенности русской части двуязычных вывесок магазинов, ресторанов и рынков в Маньчжурии вытекают из (а) незнания русского языка и (б) использования некорректных средств перевода. Примеры (с сохранением изначальной орфографии): «кухонныйшкаф лунныйзаяц», «Центр автозалчасти», «лапша с говя диной Изячжоу США», «Свадебная одежда фотография Вэйнасы» [6, с. 821]. Культура двуязычных вывесок Маньчжурии отражается в пиджине напрямую. Поскольку такая реклама чаще всего выходит за пределы торговой сферы, предлагая самые разные услуги, словарного запаса пиджина на её обслуживание не хватает. Тем более интересно, что создатели таких вывесок и не прибегает к его ограниченному лексическому потенциалу, а обращаются к некачественному переводу. Появление в культурном облике города новых калькированных или «исковерканных» слов и словосочетаний добавляют контактному языку два свойства (помимо лексического разнообразия), которые он, по определению [8, с. 19], должен был получить в ходе диалогового развития — полисемию и лексическую многофункциональность. К термину «полисемия» при этом можно добавить приставку псевдо-, поскольку разные значения одного многозначного слова забайкальского пиджина могут и не иметь какой-либо адекватной или исторически-обусловленной взаимосвязи. Например, в маньчжурских вывесках довольно часто используется фамилия президента Российской Федерации В. В. Путина [9; 10]. В китайском языке она записывается по сходству звуков и состоит из следующих иероглифов (далее запись на пиньине): [pǔ] (повсеместный, всеобщий) и [kyou] (столица, Пекин). В китайском этнолекте Маньчжурии фамилия нашего президента используется как оперирование авторитетом конкретной личности. Но в рекламных вывесках она приобретает иные функции и используется в значении, смысл которого не всегда понятен [6; 9; 10]. Из-за фонетической схожести фамилия нашего лидера может, например, ошибочно употребляться в значении близкому к семантике лексемы «город», приобретая несвойственную метонимическую функцию [9].

Подводя итоги, стоит отметить, что аналитическая часть данной статьи в полной мере демонстрирует зависимость забайкальского пиджина не только от коммуникативной обстановки, но и в большей мере от культурных и социальных явлений в городе, который является ареалом его обитания. При всей простоте и отсутствию конкретных норм, забайкальский пиджин становится уникальным и крайне интересным языковым явлением именно в тандеме с обликом Маньчжурии. В результате такой связи рассматриваемый контактный язык заметно расширяет свой лексикон, приобретая тенденцию к расширению зоны использования, что

теоретически может привести его к креолизации, условно нормируя некоторые категории и приобретая тенденции и моду к употреблению тех или иных слов. Наконец отражение социокультурных особенностей Маньчжурии в его системе находит отображение в свойствах, получение которых из торгового диалога для пиджина было бы практически невозможным. Проведённое исследование способно возродить интерес к забайкальскому пиджину и помочь исследователям лучше разобраться в его природе.

Список использованной литературы

1. Вывески на русском языке в приграничной полосе Китая. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigpicture.ru/vyveski-na-russkom-yazyke-v-prigranichnoj-polose-kitaya / (дата обращения 08.11.2025).
2. Жданова, Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах (на материале китайского этнолекта) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Жданова Надежда Александровна. – Улан-Удэ, 2016. – 22 с.
3. Китай. Маньчжурия. Безумство посреди пустыни: ru_travel — ЖЖ. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru-travel.livejournal.com/25958853.html (дата обращения: 08.11.2025).
4. Китайский город для русских: artemspec – ЖЖ. [Электронный ресурс]. – URL: https://artemspec.livejournal.com/483318.html?es=1 (дата обращения: 08.11.2025).
5. Клименко, А. А. Открытое письмо Президенту России Владимиру Путину. [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20110830232801/http://rusarch.ru/attn_moscow2.htm/ (дата обращения: 06.11.2025).
6. Мань Шу. Специфика двуязычных китайско-русских вывесок пограничного города Маньчжурия. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2018. – Т. 28, № 5. – С. 821-822.
7. Маньчжурские помогаи // GidChina — путеводитель по Китаю. [Электронный ресурс]. – URL: https://gidchina.ru/posts/11-manchzhurskie-pomogai.html (дата обращения: 06.11.2025).
8. Перехвальская, Е. В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. – С. 19-22.
9. Торгово-ювелирный комплекс в Маньчжурии назвали в честь Путина. [Электронный ресурс]. – URL: https://pikabu.ru/story/torgovoyuvelirnyiy_kompleks_v_manchzhurii_nazvali_v_chest_putina_6743233 (дата обращения: 07.11.2025).
10. Тур в Китай: обзор города Маньчжурия. [Электронный ресурс]. – URL: https://ngs.ru/text/world/2025/10/06/76060143/ (дата обращения: 07.11.2025).
11. Цзин Мяо. Основные подходы к изучению социокультурной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2022. – №6. – С. 6-7.
12. Щеглаков, И. В. Роль челночества в российско-китайском диалоге культур трансграничья в XXI веке // Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ: сборник статей. СПб.: Астерион, 2023. – 41 с.
13. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования. // Вопросы языкознания. 2007. – № 2. – С. 67–74.

УДК 811.161.1`373.612:811.112.2

Шохова А.С., бакалавр 4 курса

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Научный руководитель: **Л.В. Амелина**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена исследованию немецких заимствований в русском языке как лингвистического и культурного феномена. Анализируются основные тематические группы заимствований, способы их ассимиляции (калькирование, транскрипция, транслитерация) и их роль в обогащении русской лексики. Особое внимание уделено периодизации заимствований, начиная с XIII века и заканчивая современным периодом. В работе также выделены и проанализированы современные немецкие неологизмы, вошедшие в русский язык в начале XXI века, и дана оценка текущей роли германизмов на фоне доминирования англицизмов.

Ключевые слова: заимствования, германизмы, русский язык, лексикология, калькирование, транскрипция, транслитерация, неологизмы, языковые контакты.

Shokhova A.S., Bachelor Course Student, 4th year

GERMAN BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: HISTORICAL ANALYSIS AND MODERN TRENDS

Scientific supervisor: **L.V. Amelina,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the study of German borrowings in the Russian language as a linguistic and cultural phenomenon. It analyzes the main thematic groups of borrowings, their methods of assimilation (calquing, transcription, transliteration), and their role in enriching Russian vocabulary. Special attention is paid to the periodization of borrowings, from the 13th century to the modern period. The work also identifies and analyzes modern German neologisms that entered the Russian language in the early 21st century and assesses the current role of Germanisms against the backdrop of the dominance of Anglicisms.

Keywords: borrowings, Germanisms, Russian language, lexicology, calquing, transcription, transliteration, neologisms, language contacts.

Язык, являясь живым и динамичным организмом, постоянно развивается, что проявляется, в частности, в процессе лексического заимствования. Заимствованные слова представляют собой уникальный культурный феномен, возникший в результате культурного обмена между

различными народами. В современном русском языке наблюдается значительное влияние различных иностранных языков, среди которых особое место занимают немецкие заимствования. Взаимодействие русского и немецкого языков имеет долгую историю, начиная от древних торговых связей до более поздних политических и культурных контактов. Это привело к тому, что множество немецких слов вошли в русский язык и стали его неотъемлемой частью. Актуальность изучения немецких заимствований в русском языке заключается в понимании их роли и значения в формировании лексического состава языка, а также в выявлении их особенностей адаптации и функционировании в русском контексте.

В лингвистике под понятием «заимствование» понимается процесс перемещения различных элементов (лексических, фонетических, морфологических) из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам заимствованный элемент. Ю.С. Сорокин указывал, что заимствование есть творческий, активный процесс усвоения и приспособления иноязычных элементов к системе принимающего языка [14, с.102].

История заимствований из немецкого языка в русский насчитывает несколько веков. Следующие этапы являются ключевыми:

1. XIII—XIV века: Ранние заимствования, связанные с торговыми и политическими контактами (напр., *пискупъ* (католический епископ) - Смоленская грамота 1229 г.; *провстъ* (нем. Probst - высшее церковное звание) - там же; *фоготъ* (нем. Vogt - судья); *шпильманъ* (актёр, плясун) - «Рязанская кормчая» 1284 г.; *шида* (шелковая ткань, нем. Seide) - «Путевые записки Игнатия», 1392 г.) [6].

2. Вторая половина XVII века: большой приток военной и административной лексики через переводы и деятельность иностранных специалистов (*шанцы, солдат, капитан, лагерь*) [Там же].

3. Первая четверть XVIII века (Петровская эпоха): период запомнился наиболее интенсивным процессом заимствования. Реформы Петра I привели к массовому притоку немецкой лексики в области военного дела (*юнкер, штаб, штурм*), ремесел (*верстак, стамеска, клапан, слесарь*), быта *(винт, кран)* и администрации [6; 1, с.67].

4. Середина XVIII века: Значительный вклад в формирование научной терминологии внёс М.В. Ломоносов, особенно в минералогии и горном деле. *(цинк, кварц, вольфрам, висмут)* [Там же].

5. XIX век: процесс активного калькирования философской терминологии, распространения общественно-политической и социально-экономической лексики. (мировоззрение (нем. Weltanschauung), самосознание (нем. Selbstbewusstsein), целостность (нем. Ganzheit), односторонний (нем. Einseitig), пролетариат, гуманность) [2].

6. 1917—1926 гг.: влияние на словообразование (сложные слова по немецкому образцу: *партработник, политграмота, дензнак*; конструкции с «сверх-» (в нем. ober-/über-); сочетания с «от», соответствующие немецкому «von») [9, с.197].

7. 1941—1945 гг. (Великая Отечественная война): проникновение военной лексики и оккупационных терминов. (*окруженец, блицкриг, гестапо, дольметчер, генералкомиссар, фаустпатрон*) [8, с.132].

8. Конец XX – начало XXI века: значительное снижение появления немецких заимствований в русском языке на фоне доминирования англицизмов, однако отмечается появление и укоренение новых заимствований.

Немецкие заимствования проникли в самые разные сферы жизни, что позволяет выделить следующие тематические группы:

1.**Военное дело**: блицкриг - нем. **der Blitzkrieg** (молниеносная война); гауптвахта - нем. **die Hauptwache** (основная охрана); гауптман - нем. **der Hauptmann** (капитан); патронташ - нем. **die Patronentasche** (патронная сумка); шлагбаум - нем. **der Schlagbaum** (загородка, застава)

2. **Горное дело, геология**: висмут - нем. **das Wismut,** вольфрам - нем. **der Wolfram;** грейзен - нем. **der Greisen;** шахта - нем. **der Schacht**

3. **Медицина**: бинт - нем. **die Binde** (повязка); вата - нем. **die Watte;** шприц - нем. **die Spritze**, **spritzen** брызгать

4. **Быт и повседневная жизнь:** дуршлаг - нем. **durchschlagen** (пробивать); кругозор - нем. **die Rundschau;** матрац - нем. **die Matratze;** почтамт - нем. **das Postamt** (почтовое ведомство); рюкзак - нем. **der Rucksack;** фен - нем. **das Föhn;** шланг - нем. **die Schlange;** штраф - нем. **die Strafe**

5. **Люди и профессии:** бухгалтер - нем. **der Buchhalter;** вахтёр - нем. **der Wachter;** вундеркинд - нем. **das Wunderkind;** гастарбайтер - нем. **der Gastarbeiter;** парикмахер - нем. **der Perückenmacher**

6. **Инструменты:** лобзик - нем. **die Laubsäge;** рейсфедер - нем. **die Reißfeder;** шерхебель - нем. **der Schärfhobel;** штангенциркуль - нем. **der Stangenzirkel**

7. **Искусство и культура:** аншлаг - нем. **der Anschlag;** мольберт - нем. **das Malbrett;** труппа - нем. **die Truppe;** капельмейстер - нем. **der Kapellmeister;** шлягер - нем. **der Schlager** (хит)

8. **Мода и одежда:** галстук - нем. **das Halstuch;** шида (шелковая ткань) - нем. **die Seide** (шёлк); перламутр - нем. **die Perlmutter;** фартук - нем. **das Vortuch**

9. **Экономика и финансы:** вексель - нем. **der Wechsel;** гешефт - нем. **das Geschäft;** крах - нем. **der Krach**

10. **Кухня и еда:** бутерброд - нем. **das Butterbrot;** клёцки - нем. **das Klößchen;** мюсли - нем. **das Müsli;** шпик - нем. **der Speck;** шницель - нем. **das Schnitzel**

По способу ассимиляции заимствования делятся на:

1. Простое (формальное) заимствование: бутерброд, шлагбаум, футляр;

2. Транскрипция (передача звуковой формы): рюкзак (Rücksack), шприц (Spritze), ефрейтор (Gefreiter);

3. Транслитерация (передача графической формы): гауптвахта (Hauptwache), гауптман (Hauptmann);

4. Калькирование («калька», т. е. слово и выражение, созданное по образцу иноязычного слова или словосочетания): мировоззрение (Weltanschauung), самоопределение (Selbstbestimmung), галстук (Halstuch), природоведение (Naturkunde) [4, с.3-5].

Доля немецких заимствований в русском языке в настоящее время составляет около 3% от общего числа слов в словарном запасе. Их приток значительно уменьшился по сравнению с XVIII-XIX веками, что обусловлено рядом факторов:

1. Глобализация и доминирование английского языка в науке, технологиях, финансах.

2. Смена политических и экономических приоритетов.

3. Культурное влияние англоязычных стран.

Тем не менее, немецкие заимствования глубоко укоренились в словарном составе русского языка и являются частью как специализированной терминологии и культурного и исторического контекста, так и повседневной лексики.

Несмотря на снижение интенсивности притока немецких заимствований, в современном русском языке продолжается процесс проникновения и адаптации немецких неологизмов. Неологизмы XXI века и их применение в русском языке:

1. **«Штендер»** (нем. Stender) – переносная конструкция наружной рекламы, которая устанавливается на улице в непосредственной близости от компании-рекламодателя. Пример: Напольный штендер часто используется вместо вывески и ставится не более чем в 3–5 м от входа. Ю. А. Мохова, «Турфирма: с чего начать: советы владельцам и управляющим», 2011 г. [11].

2. **«Цайтгайст»** (нем. Zeitgeist) - «дух времени» – это совокупность господствующих идеалов и убеждений, определяющих деятельность членов того или иного общества в определённый период времени. Пример: «Ровесник» Фёдора Кудрявцева: цайтгайст в формате видеокружочков (рецензия Кирилла Артамонова) [13].

3. **«Цугцванг»** - 1) шахм. положение в игре, при котором одна из сторон оказывается вынужденной сделать невыгодный для неё (проигрывающий) очередной ход. Пример: К 63-му ходу материальный перевес был на стороне Крамника, но как воспользоваться цугцвангом белых фигур Каспарова, Владимир так и не нашёл.[5]; 2) перен., книжн. ситуация, при которой любое действие ведёт к ухудшению положения. Пример: Выход из инвестиционного цугцванга и экономической стагнации возможен только в случае серьёзного шока – позитивного или негативного [3], [12]. Данный неологизм используется в речи и в настоящее время, если в XIX веке он был широко известен в контексте шахматной игры, то сегодня «цугцванг» употребляется и в другом значении тоже.

4. «**Вундерваффе**» (от нем. Wunderwaffe букв. «чудо-оружие») – публиц. новый вид вооружения либо новая единица артиллерии или бронетехники, своими характеристиками многократно перекрывающая уже созданные или ещё создающиеся образцы [10]. Неологизм пришёл в русский язык и стал широко употребляться в середине XX века, в настоящее время «вундерваффе» также используется в речи и признан общеупотребимым заимствованием.

Исследование показывает, что немецкие заимствования являются важным и многогранным пластом русского языка, они отражают глубину и разнообразие исторических, культурных и научно-технических контактов между Россией и немецкоязычными странами. На протяжении веков они заполняли лексические пробелы и способствовали развитию понятийного аппарата в различных сферах.

Анализ истории выявил ключевые этапы немецких заимствований, от самых ранних единичных примеров до массового притока лексики и терминологий в эпоху Петра I и активного калькирования в XIX веке. Классификация заимствований по тематическим группам и способам адаптации показала каким образом и в каких сферах германизмы интегрировались в словарный состав русского языка.

В настоящее время, несмотря на значительное снижение интенсивности притока германизмов и доминирование английского языка, немецкие неологизмы продолжают пополнять лексический состав русского языка.

Таким образом, немецкие заимствования, пройдя долгий путь адаптации, не только стали неотъемлемой частью русского языка, но и продолжают, хотя и в меньших масштабах, участвовать в его динамичном развитии и показывать межъязыковое и межкультурное взаимодействие.

Список использованной литературы

1. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX веков [Текст] : [учебник для филологических факультетов университетов] / В. В. Виноградов. - 3-е изд. - Москва : Высшая школа, 1982. – 529 с.

2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В.В. История русского литературного языка. избранные труды. – М., 1978. – С.10-36

3. «В плену старой парадигмы» // «Эксперт». – 2014/ – №3. – URL: https://pub.wikireading.ru/149228

4. Карамаш, А. О. Немецкие заимствования в русском языке / А. О. Карамаш, Н. В. Бурцева // Юный ученый. – 2018. – № 2(16). – С. 3-5.

5. Леонид Народицкий, «Два „К“ предпочитают „Рыбу“. Гарри Каспаров и Владимир Крамник пока не побеждают» // «Известия», 6 декабря 2001 г. – URL: https://yandex.ru/archive/catalog/7fb15d38-c254-4701-8428-2d16d0415931/11

6. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1985. – 280 с.

7. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940.

8. Фесенко, А. и Т. Русский язык при Советах / Андрей и Татьяна Фесенко. - Нью Йорк, 1955. - 222 с.

9. Филкова, П., Градинарова, А. История русского литературного языка (середины XVIII - конец XX века). – Издательство ПАРАДИГМА. – 1999. – 216 с.
10. Викисловарь. Неологизмы. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/вундерваффе (дата обращения: 8.11.2025)
11. Викисловарь. Неологизмы [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/штендер (дата обращения: 5.11.2025)
12. Викисловарь. Неологизмы [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/цугцванг (дата обращения: 5.11.2025)
13. Кинотв. Рецензии [Электронный ресурс]. – URL: https://kinotv.ru/read/retsenzii/rovesnik-fyedora-kudryavtseva-tsaytgayst-v-formate-videokruzhochkov/ (дата обращения: 5.11.2025)
14. О термине «заимствование» [Электронный ресурс]. – URL https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie/viewer (дата обращения: 5.11.2025)
15. Словарь германизмов. [Электронный ресурс]. – URL: https://germanism.ru/rus-dictonary/ (дата обращения: 5.11.2025).

УДК 81-26.347.78.034

Яцейко В. И., магистрант 1 курса

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЕРБАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ ВИДЕОБЛОГОВ)

научный руководитель: **Е.В. Абраменко,** кандидат филологических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. В центре внимания данного исследования находятся англоязычные гастрономические видеоблоги, где авторитет шеф-повара определяется не только кулинарным мастерством, но и продуманным медиаобразом и речевыми стратегиями. Цифровая среда рассматривается как пространство для конструирования развернутых нарративов, выходящих далеко за рамки кулинарии: о здоровье, социальной ответственности, культурной и политической идентичности. В этом контексте гастрономический видеоблог выступает не просто как рецепт, а как медийный акт идентичности. Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом влияния медиаплатформ на формирование пищевых привычек, вкусовых предпочтений и даже межкультурных представлений. Целью исследования является выявление стратегий и тактик речевого поведения в англоязычных гастрономических видеоблогах. Методологическую базу составляют сравнительно-сопоставительный анализ, контент-анализ и дискурс-анализ. Информационную базу образуют видеоролики трёх ведущих англоязычных шеф-поваров – Гордона Рамзи, Джейми Оливера и Хестона Блюменталя – с их официальных каналов (общий объём – около 2 часов). Выбор именно этих авторов обусловлен их медиа-доминантностью, разнообразием стилей подачи и чётко выраженной идеологической позицией. Научная новизна заключается в комплексном описании стратегий и тактик гастрономического медиадискурса на материале англоязычных видеоблогов с опорой на концепцию идиостиля и прагматического намерения. Прикладная ценность работы состоит в возможности использования

полученных данных в преподавании медиалингвистики, межкультурной коммуникации, а также в создании эффективного гастрономического контента.

Ключевые слова: гастрономические видеоблоги, гастрономический дискурс, идиостиль, медиадискурс.

Yatseiko V. I., Master Course student, 1st year

STRATEGIES AND TACTICS OF VERBAL INFLUENCE IN GASTRONOMIC MEDIA DISCOURSE (BASED ON ENGLISH VIDEO BLOGS)

Scientific supervisor: **E.V. Abramenko**, Candidate of philological sciences, Associate Professor
Rostov State University of Economics

Abstract. This study focuses on English-language gastronomic vlogs, where a chef's authority is determined not only by culinary skill but also by a carefully crafted media image and speech strategies. The digital environment is considered a space for constructing elaborate narratives that extend far beyond cooking, encompassing health, social responsibility, and cultural and political identity. In this context, a food vlog acts not merely as a recipe, but as a media-driven act of identity. The relevance of this research is driven by the growing influence of media platforms on the formation of dietary habits, taste preferences, and even cross-cultural perceptions. The aim of the study is to identify the strategies and tactics of verbal behavior in English-language gastronomic vlogs. The methodological framework comprises comparative analysis, content analysis, and discourse analysis. The data sample consists of videos from three leading English-speaking chefs—Gordon Ramsay, Jamie Oliver, and Heston Blumenthal – from their official channels (total duration approximately 2 hours). These authors were selected due to their media dominance, diversity of presentation styles, and clearly articulated ideological positions. The scientific novelty lies in a comprehensive description of the strategies and tactics of gastronomic media discourse based on English-language vlogs, drawing on the concepts of idiostyle and pragmatic intention. The practical value of the work is that its findings can be used in teaching media linguistics and intercultural communication, as well as in creating effective gastronomic content.

Keywords: food vlogs, gastronomic discourse, individual style, media discourse.

Современное медиапространство всё активнее включает гастрономическую тематику в качестве одного из ключевых направлений цифрового контента. Видеоблоги (влоги), особенно в англоязычном сегменте видео, становятся не только источником кулинарных рецептов, но и площадкой для формирования культурных, этических и эстетических установок, связанных с едой. Гастрономический дискурс, как отмечается в современных исследованиях, представляет собой «особый вид дискурса, целью которого является глюттоническая коммуникация в разных своих проявлениях» [3, с. 98]. При этом он обладает гибридной природой: сочетает черты институционального дискурса (профессиональная экспертиза, стандартизированный формат) и персонального (индивидуальный стиль, эмоциональная вовлечённость) [4].

Задачи исследования:

1) определить лингвистические особенности идиостиля ведущих англоязычных шеф-поваров;

2) проанализировать реализацию стратегий на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях;

3) выявить связь между речевыми тактиками и продвижением гастрономической идеологии.

Теоретическую основу составляют работы по дискурс-анализу (Т.А. ван Дейк [10]), лингвокультурологии (М.В. Капкан [1; 2]), а также специализированные исследования гастрономического дискурса (Я.Д. Новикова [3], Е.К. Рева [5]). Особенно значим в данном контексте подход Е.К. Ревы, которая подчёркивает, что гастрономический медиадискурс способствует репрезентации этнокультуры и конструированию межэтнических отношений через форматы, такие как лонгрид или видеоконтент [5]. Хотя её исследование фокусируется на российском медийном пространстве, его методологические выводы применимы и к англоязычным видеоблогам, где гастрономия также служит инструментом культурной трансляции.

Гастрономический дискурс рассматривается как форма институциональной коммуникации, поскольку «обладает единой целью, наличием отправителя и получателя, а также принадлежностью участников к профессиональной группе» [3, с. 99]. В то же время он включает элементы персонализации, что особенно ярко проявляется в медиаформатах. Как отмечает Е.К. Рева, гастрономический медиадискурс – это «совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации» [5, с. 68], направленных не только на передачу рецептов, но и на репрезентацию этнокультурных ценностей.

Центральным понятием в нашем исследовании выступает идиостиль – «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определённого автора» [3, с. 99]. Именно через идиостиль реализуются стратегии влияния, самопрезентации и идеологического позиционирования [6].

Анализ видеоблогов показал, что каждый из авторов использует уникальный лексический репертуар.

Гордон Рамзи активно применяет конструкцию *nice and…* (*nice and crispy, nice and gently*), где nice выступает интенсификатором. Это создаёт эффект ритуализации процесса готовки и подчёркивает профессиональную точность. Также характерно употребление наречий *gently, carefully, slowly*, что демонстрирует бережное отношение к ингредиентам. Важно отметить, что Г. Рамзи часто использует оценочную лексику с негативной коннотацией (*disgusting, pathetic, you're killing me…* [7]) в образовательных роликах, что усиливает эффект драматизации и подчёркивает иерархию знаний: зритель – ученик, шеф – авторитет.

Джейми Оливер делает ставку на эмоциональную экспрессию: он использует редупликацию (*very-very simple, incredible-incredible potato*) и превосходную степень (*the most beautiful dish, the most delicious protein*).

Такая лексика направлена на создание эффекта «гастрономического чуда», доступного каждому. Его словарный запас включает слова с высокой сенсорной нагрузкой: *crunchy, juicy, fragrant, zesty*. Это позволяет зрителю не просто следовать инструкции, но переживать опыт приготовления и дегустации.

Хестон Блюменталь сочетает научную терминологию с иронией. Например, называя кетчуп «сложнейшим соусом», требующим «открытия бутылки», он создаёт комический контраст между ожиданием и реальностью. Это формирует образ «учёного-повара», разрушающего кулинарные мифы. Его лексика включает термины из химии (*Maillard reaction*, *emulsification*), психологии восприятия (*flavour perception*, *sensory illusion*) и истории кулинарии (*Victorian-era techniques*). Такой подход реализует стратегию просвещения через удивление.

Синтаксис служит инструментом динамизации и вовлечения.

У Гордона Рамзи доминируют эллиптические конструкции: *Chili flakes. In., Star anise. In.* [7]. Такие фразы подчёркивают скорость, уверенность и ритм, демонстрируя мастерство. Короткие, рубленые предложения создают эффект кулинарного перформанса, где каждое движение — часть шоу. Такой синтаксис также снижает когнитивную нагрузку на зрителя, делая инструкцию максимально понятной даже при быстром темпе.

Джейми Оливер использует цепочки эпитетов: *Crispy, fluffy, perfect, tangy, gorgeous roast potatoes* [9]. Это активизирует мультисенсорное восприятие, позволяя зрителю «увидеть», «почувствовать» и «вкусить» блюдо ещё до его приготовления. Его предложения часто начинаются с местоимения *you*, что создаёт иллюзию диалога: *You're gonna love this, You can do this in 15 minutes* [9]. Такая структура поддерживает стратегию демократизации гастрономии.

Хестон Блюменталь предпочитает сложные синтаксические структуры с причинно-следственными связями*: The reason for that is as the egg gets older, the proteins break down…* [8]. Это подчёркивает объяснительную, а не инструктивную функцию его дискурса. Он часто использует условные предложения и гипотетические конструкции *(If you think that's just mashed potato, think again* [8]), что стимулирует критическое мышление у зрителя.

Прагматика раскрывает идеологические намерения авторов.

Гордон Рамзи продвигает универсализацию рецептов: *You can use any type of sausage*. Это стратегия демократизации гастрономии, направленная на то, чтобы зритель не чувствовал себя исключённым из кулинарного процесса из-за отсутствия «правильных» ингредиентов. В то же время его резкий тон и требовательность к качеству подчёркивают профессиональный этос: кулинария – это не хобби, а ремесло.

Джейми Оливер активно пропагандирует вегетарианскую кухню: *Veggie food should never be a compromise* [9]. Это сочетает личные убеждения и маркетинг (его книги по вегетарианству). Его дискурс

насыщен этическими императивами: *Eat the rainbow…, Waste less, taste more…* [9]. Он позиционирует себя как социального активиста, борющегося с пищевыми неравенствами и продвигающего здоровое питание в школах.

Хестон Блюменталь реализует просветительскую миссию, объясняя физико-химические процессы приготовления. Его идеология – это гастрономический рационализм: еда не должна быть мистификацией, она подчиняется законам науки. Его проекты (например, реконструкция исторических блюд) также подчёркивают культурную память как часть кулинарной идентичности.

Все три автора используют обращения к зрителю *(you, let's do this together*), создавая эффект диалога и сокращая коммуникативную дистанцию. Однако степень вовлечённости различается: Г. Рамзи – наставник, Дж. Оливер – друг, Х. Блюменталь – учёный-наставник.

Современный гастрономический видеоблог невозможно анализировать только через призму вербального текста. Он представляет собой мультимодальный дискурс, где речь, изображение, звук, монтаж и даже цветовая палитра работают в едином нарративе.

Например, в роликах Джейми Оливера доминирует тёплая цветовая гамма, крупные планы ингредиентов и фоновая музыка в стиле инди-фолк – всё это создаёт атмосферу уюта и доступности. У Гордона Рамзи – динамичный монтаж, резкие звуковые эффекты (шкворчание масла, хруст корочки), что усиливает драматизм. Хестон Блюменталь часто использует графику, анимацию и лабораторные реквизиты, подчёркивая научный характер своего подхода.

Так, визуальная риторика становится неотъемлемой частью стратегии: она не иллюстрирует речь, а дополняет и иногда даже заменяет её.

Особое внимание заслуживает роль пауз, интонации и невербальных средств в формировании авторитета и эмоционального отклика. У Гордона Рамзи паузы часто используются как риторический приём – они подчёркивают разочарование или, напротив, удовлетворение результатом, усиливая драматургию процесса. Его интонация резка, но предсказуема: повышение тона сигнализирует о критике, а понижение – о признании успеха. Джейми Оливер, напротив, говорит с мягкой, почти разговорной интонацией, часто смеётся, использует междометия (oh wow!, look at that!), что создаёт ощущение неформального общения на кухне с другом. Хестон Блюменталь говорит медленно, с акцентом на ключевые термины, его речь напоминает лекцию, но при этом он часто улыбается и использует жесты, чтобы визуализировать абстрактные понятия (например, показывает руками «молекулярную структуру»), что делает сложные идеи доступными.

Важно также отметить, что все три шефа активно используют интертекстуальность. Гордон Рамзи ссылается на классическую французскую кухню, Джейми Оливер – на итальянские и средиземноморские традиции, а Хестон Блюменталь – на исторические кулинарные трактаты и научные публикации. Это не просто демонстрация эрудиции, а стратегия легитимации: через отсылки к авторитетным

источникам автор укрепляет собственный статус эксперта. При этом каждый из них адаптирует традицию под современные реалии — будь то замена редких ингредиентов на доступные (Рамзи), акцент на сезонности и локальности (Оливер) или переосмысление старинных рецептов с помощью современных технологий (Блюменталь).

Кроме того, гастрономический видеоблог становится площадкой для языковой игры. Все три автора используют каламбуры, неологизмы и метафоры: *This sauce is singing*! [7], *Let's give this veg a little love* [9], *We're hacking flavour* [8]. Такие выражения не только делают речь живой, но и формируют уникальный бренд голоса. Языковая креативность здесь – не украшение, а инструмент вовлечения, который превращает рутину готовки в акт творчества.

Наконец, нельзя игнорировать этическое измерение гастрономического дискурса. В эпоху климатических тревог и продовольственных кризисов еда перестаёт быть нейтральной темой. Шеф-повара, особенно Оливер и Блюменталь, прямо или косвенно затрагивают вопросы устойчивого потребления, этики животноводства, продовольственной справедливости. Даже когда они просто готовят тыквенный пудинг (как в примере с Gordon Ramsay Eats), выбор сезонных, местных ингредиентов и акцент на «уютной», домашней эстетике несут в себе скрытый посыл: еда должна быть не только вкусной, но и осознанной. Таким образом, гастрономический видеоблог становится не только медиаформатом, но и социальным высказыванием, в котором через лексику, синтаксис, интонацию и визуальный ряд транслируются ценности, формирующие современное пищевое сознание.

Англоязычные гастрономические видеоблоги представляют собой сложный дискурсивный феномен, где профессиональная экспертиза сочетается с личной харизмой, а кулинарная инструкция – с идеологическим посылом. Анализ выявил, что стратегии и тактики речевого поведения у ведущих шеф-поваров направлены на:

1) формирование медиаобраза (агрессивный профессионал, дружелюбный популяризатор, учёный-экспериментатор);

2) продвижение гастрономической идеологии (доступность, вегетарианство, научный подход);

3) создание эмоциональной связи с аудиторией.

Таким образом, гастрономический медиадискурс в англоязычных видеоблогах – это не просто передача рецептов, а конструирование культурного пространства, в котором еда становится носителем ценностей, знаний и идентичности.

Практические рекомендации:

1) при создании гастрономического контента целесообразно использовать лексико-синтаксические тактики, соответствующие целевой аудитории и идеологической позиции;

2) для повышения вовлечённости рекомендуется сочетать инструктивную и диалоговую модели коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований:

1) сравнительный анализ англоязычного и других языковых сегментов (например, испанского или русского);

2) изучение влияния гастрономического дискурса на формирование пищевых привычек у молодёжи;

3) исследование роли визуального компонента в мультимодальной структуре гастрономического видеоблога;

4) анализ взаимодействия между гастрономическим дискурсом и трендами устойчивого развития (*zero waste*, *local food*, *plant-based diets*).

Список использованной литературы

1. Капкан, М. В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений // Человек в мире культуры. 2013. – № 3. – С. 15–26.

2. Капкан, М. В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков): автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010. – 25 с.

3. Новикова, Я. Д. Идиостиль гастрономического дискурса // Известия Восточного института. 2022. – № 3. – С. 98–105.

4. Олянич, А. В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография / А. В. Олянич; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Департамент научно-технологической политики и образования, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградский гос. аграрный ун-т». – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. – 214 с.

5. Рева, Е. К. Гастрономический медиадискурс в контексте конструирования межэтнических отношений // Гуманитарный вектор. 2017. – Т. 12, – № 5. – С. 68–75.

6. Самарская, Т. Б. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 116. – С. 129–138.

7. Gordon Ramsay Eats [Электронный ресурс]. – URL: https://gordonramsayeats.com/ (дата обращения: 27.10.2025).

8. Heston Blumenthal: +130,000 Heston Blumenthal’s Recipes [Электронный ресурс]. – URL: https://www.recipe-free.com/heston-blumenthal.php (дата обращения: 27.10.2025).

9. Jamie Oliver recipes [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jamieoliver.com/ (дата обращения: 27.10.2025).

10. Van Dijk, T. A. Politics, Ideology, and Discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 728–740.

ЧАСТЬ 2 Современное иноязычное образование: проблемы и перспективы развития

УДК 37.091.33:004

Абазатов А. М., бакалавр 1 курса

ИТ-КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Научный руководитель: **М.В. Алиева**, ассистент

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Аннотация. Статья исследует трансформацию профессионального профиля преподавателя языка в условиях цифровизации образования. Анализируется структура ИТ-компетенции как синтез операционно-технических навыков, методического мастерства и личностной готовности к инновациям. Особое внимание уделяется практическим аспектам интеграции цифровых инструментов в образовательный процесс – от создания интерактивных материалов до проектирования персонализированных траекторий обучения. Предлагаемая модель компетенций служит ориентиром для профессионального развития педагогов в контексте реализации требований новых образовательных стандартов.

Ключевые слова: ИТ-компетенция, преподаватель языка, ФГОС, цифровая образовательная среда, смешанное обучение, цифровизация образования, методика преподавания.

Abazatov A. M., Bachelor Course student, 1st year

IT COMPETENCE OF A LANGUAGE TEACHER IN THE CONTEXT OF NEW EDUCATIONAL STANDARDS

Scientific supervisor: **M. V. Alieva,** Assistant

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines the transformation of the language teacher's professional profile in the context of educational digitalization. It analyzes the structure of IT competence as a synthesis of operational-technical skills, methodological mastery, and personal readiness for innovation. Particular attention is paid to practical aspects of integrating digital tools into the educational process – from creating interactive materials to designing personalized learning trajectories. The proposed competence model serves as a guideline for teachers' professional development in implementing new educational standards.

Keywords: IT competence, language teacher, Federal State Educational Standard, digital educational environment, blended learning, digitalization of education, teaching methods.

Современная образовательная парадигма, получившая нормативное закрепление в новых федеральных государственных образовательных стандартах [1], актуализирует необходимость формирования цифровой образовательной среды как необходимого условия для развития компетенций, соответствующих вызовам XXI века. В данном контексте происходит существенная трансформация профессиональной роли преподавателя языка: традиционная функция транслятора знаний дополняется компетенциями навигатора в информационном пространстве, организатора проектной деятельности и модератора образовательной коммуникации в цифровой среде. Центральным элементом этой трансформации становится формирование целостной ИТ-компетенции, представляющей собой сложный интегративный феномен, существенно превосходящий по своему содержанию базовые навыки компьютерной грамотности.

Настоящее исследование сосредоточено на комплексном анализе структурно-содержательных характеристик ИТ-компетенции преподавателя лингвистических дисциплин в свете актуальных образовательных стандартов. В работе осуществляется не только систематизация цифрового инструментария, релевантного для современной лингводидактики, но и концептуализация ключевых аспектов данной компетенции – от методики цифрового сопровождения традиционных форм обучения до проектирования целостных электронных курсов и применения технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий. Ключевой целью статьи выступает разработка структурно-функциональной модели ИТ-компетенции, способной служить концептуальной основой для профессионального развития педагогов-филологов в условиях цифровой трансформации образовательного пространства.

Предлагаемый подход предполагает рассмотрение цифровой компетентности преподавателя как динамической системы, развивающейся в процессе постоянного профессионального диалога с технологическими инновациями и образовательными вызовами современности [2; 3].

Новые образовательные стандарты актуализируют роль преподавателя как проводника в цифровую образовательную среду, трансформируя его ИТ-компетенцию из вспомогательного навыка в ключевой элемент профессионального мастерства. Центральным императивом становится формирование цифровой грамотности обучающихся, что предполагает способность педагога не только демонстрировать эффективные модели цифрового поведения, но и культивировать у студентов критическое отношение к информационным ресурсам, навыки безопасной коммуникации и осознанного использования технологий.

Обязательным условием реализации стандартов выступает интеграция педагога в электронную информационно-образовательную среду (ЭИОС), которая представляет собой не статичное хранилище материалов, а

динамическое пространство для организации учебного процесса. В рамках ЭИОС от преподавателя требуется компетентное управление образовательным контентом, facilitation онлайн-взаимодействия и применение цифровых инструментов оценивания, что в совокупности формирует основу для непрерывного и прозрачного образовательного процесса.

Стратегическая ориентация на персонализацию обучения находит свое практическое воплощение через использование адаптивных цифровых платформ и интерактивных ресурсов. Преподаватель, выступая в роли тьютора и дизайнера образовательных траекторий, получает возможность гибко дифференцировать содержание и темп освоения материала, обеспечивая тем самым адресную поддержку познавательного развития каждого обучающегося.

Формирование универсальных компетенций, таких как критическое мышление, креативность и коллаборация, обуславливает необходимость внедрения в практику преподавания проектных форматов работы с цифровым компонентом. Методически обоснованное применение веб-квестов, инструментов совместного редактирования и мультимедийных средств создания контента позволяет преобразовать учебную деятельность в исследовательскую и творческую практику, максимально приближенную к реальным условиям цифрового общества.

Структура ИКТ-компетенции преподавателя иностранного языка представляет собой интегративное единство трех взаимосвязанных компонентов, формирующих целостный профессиональный профиль современного педагога.

Фундаментальной основой профессиональной деятельности выступает операционно-технический компонент, обеспечивающий базовое функционирование педагога в цифровой среде. Данный компонент предполагает не только уверенное владение стандартным программным обеспечением, но и способность эффективно использовать облачные сервисы для хранения и совместной работы с учебными материалами. Особую значимость приобретает компетентность в области медиапроизводства, позволяющая преподавателю самостоятельно создавать и адаптировать аудиовизуальный контент с использованием специализированных платформ, что расширяет дидактические возможности преподавания иностранного языка.

Ключевым элементом структуры является методико-педагогический компонент, преобразующий технические умения в осознанную педагогическую практику. Его сущность раскрывается через концепцию цифрового дидактического дизайна, предполагающего целенаправленный отбор и методическую адаптацию цифровых ресурсов для решения конкретных учебных задач. Профессиональное мастерство преподавателя проявляется в способности проектировать образовательные ситуации с применением технологий смешанного обучения, геймифицированных форматов и проектной деятельности, что способствует созданию мотивирующей иноязычной среды. Не менее важным аспектом выступает

компетентная организация цифрового взаимодействия и оценивания, обеспечивающая непрерывность образовательного процесса и объективность контроля достижений обучающихся.

Завершающим структурным элементом выступает личностно-рефлексивный компонент, определяющий профессиональную позицию педагога в цифровом пространстве. Его формирование предполагает развитие цифровой гибкости и устойчивой мотивации к непрерывному профессиональному самосовершенствованию в условиях динамично развивающейся технологической среды. Существенную роль играет сформированность критического мышления, позволяющего осуществлять экспертизу цифровых образовательных ресурсов, а также осознанное соблюдение норм цифровой этики и безопасности образовательной коммуникации.

Интеграция указанных компонентов создает основу для формирования целостной профессиональной позиции преподавателя, способного не только использовать цифровые инструменты, но и проектировать образовательную среду, адекватную вызовам современной цифровой эпохи.

Формирование и развитие ИТ-компетенции преподавателя иностранного языка требует реализации системного подхода, интегрирующего различные уровни профессионального становления. Первостепенное значение приобретает целенаправленная деятельность по самообразованию, которая реализуется через активное участие педагога в профессиональных онлайн-сообществах, планомерное освоение специализированных курсов на ведущих образовательных платформах и регулярное знакомство с актуальными методическими разработками посредством вебинаров от авторитетных издательств. Эта самостоятельная работа создает фундамент для осознанного использования цифровых технологий в педагогической практике [5].

Существенную роль в процессе профессионального развития играет внутрикорпоративное обучение, организованное на уровне образовательного учреждения. Эффективной формой такого обучения становятся практико-ориентированные воркшопы и мастер-классы, проводимые коллегами, обладающими продвинутыми цифровыми компетенциями. Систематизация и обобщение педагогического опыта через создание банка цифровых методических разработок способствует не только накоплению ценных материалов, но и формированию открытой профессиональной среды, стимулирующей обмен эффективными практиками.

Наиболее показательным критерием сформированности ИТ-компетенции выступает успешная интеграция цифровых инструментов в реальный учебный процесс [6]. В контексте преподавания иностранного языка это проявляется в методически обоснованном использовании специализированных платформ для развития различных языковых навыков. Так, формирование лексического запаса оптимизируется через создание

интерактивных карточек, а отработка грамматических конструкций приобретает персонализированный характер благодаря применению адаптивных тренажеров. Развитие навыков устной речи осуществляется через организацию монологических и диалогических высказываний с использованием современных сервисов записи аудио и видео, а совершенствование письменной компетенции достигается за счет технологий совместного редактирования текстов и ведения цифровых дневников [4]. Процесс оценивания результатов обучения также трансформируется через внедрение инструментов оперативного контроля и автоматизированного тестирования.

Таким образом, практическое становление цифровой компетентности преподавателя представляет собой непрерывный процесс, сочетающий целенаправленное самообразование, корпоративное обучение и последовательную имплементацию цифровых решений в педагогическую практику, что в совокупности обеспечивает качественную трансформацию образовательного процесса в соответствии с требованиями современной цифровой эпохи.

В контексте реализации новых образовательных стандартов происходит фундаментальная трансформация профессионального портрета преподавателя иностранного языка, где цифровая компетентность переосмысливается как интегральная характеристика его педагогического мастерства. Данная компетентность представляет собой органичный сплав технологической грамотности, методической рефлексии и личностной ориентации на непрерывное профессиональное становление в условиях цифровизации образования.

Качество выполнения требований федеральных государственных образовательных стандартов непосредственно обусловлено способностью педагога осуществлять педагогическую интерпретацию цифровых инструментов, преобразуя их в дидактически выверенные технологии обучения. Такой подход позволяет конструировать образовательную среду, обладающую значительным мотивационным потенциалом и способствующую не только овладению иноязычной коммуникативной компетенцией, но и формированию метапредметных навыков, необходимых для успешной деятельности в цифровом обществе.

Перспективы научного поиска в данной области видятся в разработке валидного диагностического аппарата, позволяющего осуществлять комплексную оценку уровня сформированности цифровой компетенции преподавателей, а также в проведении лонгитюдных исследований, направленных на выявление корреляции между использованием конкретных цифровых педагогических методик и динамикой образовательных результатов в области изучения иностранных языков.

Список использованной литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287).

2. Павлова, А.В. Цифровая грамотность педагога: от теории к практике / А.В. Павлова // Высшее образование в России. 2020. – Т. 29. – № 12. – С. 55-65.
3. Хуторской, А.В. Современная дидактика: учебник для вузов / А.В. Хуторской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. – 385 с.
4. Dudeney, G., Hockly, N. How to Teach English with Technology / G. Dudeney, N. Hockly. Pearson Longman, 2007. – 192 p.
5. Mishra, P., Koehler, M. J. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge / P. Mishra, M. J. Koehler // Teachers College Record. 2006. – Vol. 108. – No. 6. – P. 1017–1054.
6. Роберт, И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) / И.В. Роберт. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 398 с.

УДК 37.016:811.111

Борисова А. С., магистрант 3 курса

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СКАЗКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УРОКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Научный руководитель: **Н.В. Изотова,** кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье описывается интеграция сказочного жанра в учебный процесс. Сказка как средство обучения позволяет не только развивать языковые навыки учащихся, но и формировать межкультурные компетенции. Автор описывает лингводидактический и воспитательный потенциал жанра сказки. Предлагаются упражнения, нацеленные на реализацию лингводидактического и воспитательного потенциала сказки в обучении английскому языку, на материале сказки “The Forest Bride: The Story of a Little Mouse Who Was a Princess” by Parker Fillmore.

Ключевые слова: сказка, лингводидактический потенциал, воспитательный потенциал, английский язык, урок, упражнения.

Borisova A.S., Master Course student, 3rd year

USING THE LINGUODIDACTIC AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF A FAIRY TALE IN THE MULTICULTURAL SPACE OF A MODERN ENGLISH LESSON AT SCHOOL

Scientific supervisor: **N.V. Izotova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article discusses the integration of the fairy tale genre into the educational process. A fairy tale as a teaching tool allows not only the development of students' language skills but also the formation of intercultural competencies. The author describes the linguodidactic and educational potential of the fairy tale genre. Exercises are proposed that aim to realize the linguodidactic and educational potential of fairy tales in teaching English, based on the fairy tale "The Forest Bride: The Story of a Little Mouse Who Was a Princess" by Parker Fillmore.

Keywords: fairy tale, linguodidactic potential, educational potential, English language, lesson, exercises.

Использование сказки на уроках английского языка не только расширяет словарный запас учащихся, но и позволяет им погрузиться в богатую культуру не только изучаемого языка, но и других народов мира, способствуя формированию интеркультурной компетенции. Через сюжеты и персонажей сказок учащиеся знакомятся с традициями, мифами и ценностями различных культур, что способствует развитию эмпатии и понимания. Следовательно, в процессе чтения и обсуждения историй они учатся осваивать не только язык, но и особенности мышления и поведения людей из других культур.

Сказка является жанром как авторским, так и фольклором, что свидетельствует о глубоком отражении в ней особенностей повседневной жизни, культурного наследия, национального характера и образа жизни конкретного народа. По мнению Т. А. Зиновьевой и Е. В. Гудаковой, «… жанр имеет очень важное социокультурное значение. Знакомство со сказкой – это важный момент для подрастающей личности. На основе известных сюжетов и героев строится понимание ребенка – о мире, о людях, об их плохих и хороших качествах» [3, с.767].

Кроме того, читая сказки, учащиеся обогащают словарный запас, знакомятся с живыми речевыми образцами и грамматическими структурами в естественном контексте. Сказки выступают мостом между культурами через сопоставление сюжетов, мотивов и персонажей не только англоязычных сказок, но и произведений других народов с фольклором родной культуры.

Таким образом, сказка является мощным инструментом для развития языковых навыков и эмоционального интеллекта учащихся, особенно значимым в условиях поликультурного образовательного пространства, что позволяет говорить о лингводидактическом и воспитательном потенциале сказки.

В современной методической литературе, под лингводидактическим потенциалом Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин понимают «различные способы и возможности использования аутентичных материалов на изучаемом языке (текстов, фильмов, музыкальных произведений, веб-страниц и др.) в процессе преподавания и изучения иностранного языка» [2, с.127].

Формирование языковой компетенции осуществляется на основе чтения текстов сказки, что предполагает непосредственное погружение в реальные ситуации коммуникации. Ключевое значение имеет отбор

лексико-грамматического материала, позволяющего понять содержание сказки и обладающего высокой образовательной ценностью.

В этой связи, лингводидактический потенциал сказки может быть описан следующим образом:

– обогащение словарного запаса: сказки содержат множество новых слов и выражений, специфических культурных терминов и понятий, которые помогают учащимся расширить свой словарный запас, особенно полезны народные сказки, поскольку они включают в себя специфичные для изучаемого языка культурные термины и понятия;

– совершенствование грамматических навыков: анализ структуры предложений и грамматических конструкций в текстах сказок позволяет учащимся лучше понять правила грамматики английского языка;

– развитие умений аудирования и чтения: прослушивание аудиозаписей сказок и последующее чтение их вслух дают учащимся возможность воспринимать речь на английском языке на слух и выражать свои мысли в устной форме;

– развитие умений письма и говорения: обсуждение прочитанных произведений, написание отзывов, эссе и пересказ содержания помогают учащимся совершенствовать способность ясно формулировать свои мысли как в устной, так и в письменной форме.

В то же время, включение сказочных произведений в образовательный процесс помогает ученикам повышать не только языковой уровень, но и осознавать важность социокультурных особенностей англоязычный среды. Знакомство с произведениями национальной литературы способствует воспитанию у школьников уважения и понимания культурных ценностей, норм поведения и особенностей мировосприятия представителей других культур, тем самым формируя у них межкультурную грамотность как основу интеркультурной компетенции. Это подчёркивает значимость знакомства со сказочными традициями разных народов как фундамента для развития у учащихся школьного возраста доброжелательного отношения к людям иных культур, терпимого восприятия различий и умения налаживать диалог.

Рассматривая цели и задачи обучения иностранному языку в соответствии с требованиями федеральной образовательной программы, следует отметить, что среди них выделяются:

- воспитание чувства терпимости и признания культурного разнообразия,
- развитие сочувствия и готовности к межкультурному общению,
- формирование моральных ценностей посредством анализа литературы [9, с.3].

В этой связи, сказку целесообразно рассматривать как жанр, который обладает уникальным потенциалом для решения данных задач. Её универсальность, образность и чёткая моральная парадигма делают эффективным инструментом одновременно и обучения, и воспитания.

Следовательно, использование сказки на уроках иностранного языка подразумевает внедрение методов и приемов, позволяющих ученикам не только освоить лексику и грамматику изучаемого языка, но и глубоко понять культурные контексты, традиции и специфические особенности других стран. Нам представляется целесообразным разработать комплекс упражнений, направленных на реализацию лингводидактического потенциала сказки «The Forest Bride: The Story of a Little Mouse Who Was a Princess» (by Parker Fillmore) на занятиях по английскому языку.

Сказка *«The Forest Bride»* представляет собой пример эффективного инструмента для освоения иностранного языка и знакомства с культурой Финляндии. Через увлекательное сюжетное развитие ученики знакомятся с финскими традициями, расширяют словарный запас, закрепляют знания грамматики и приобретают навыки анализа литературных текстов. Сказка стимулирует воображение, формирует позитивное отношение к изучению языка и демонстрирует взаимосвязь языка и культуры, делая обучение живым и интересным. Для реализации лингводидактического потенциала сказки «The Forest Bride» были разработаны следующие упражнения:

Exercise 1. Past Simple vs Past Continuous

Fill in the blanks with Past Simple or Past Continuous:

1) Veikko _____ (chop) down a tree while his brothers _____ (laugh) at him.

2) The little mouse _____ (comb) her whiskers when Veikko _____ (enter) the hut.

3) The brothers _____ (boast) about their sweethearts, but Veikko _____ (say) nothing.

Exercise 2. Adjective Identification and Discussion

Find and list adjectives describing the mouse and the princess. Explain how these words help understand the characters. For example:

Mouse: dainty, faithful, loving

Princess: pearly velvet, golden hair

Exercise 3. Phraseological Expressions and Sentence Creation

a) Read and translate the sentences. Pay attention to the underlined words.

✓ After he had gone some distance in the forest his *courage began to ebb*.

✓ «Don't *grudge* the boy his *good luck*!»

✓ «She's been a good little sweetheart to me and I'm not going *to be ashamed of* her!»

b) Match an idiom with its meaning

1. to be ashamed of	a) it means someone started to feel less brave or confident
2. to grudge good luck	b) to feel bad and want to hide because of something you did, or something about you
3. courage began to ebb	c) to not want someone else to be successful or happy

c) Write three sentences using these phrases to show you understand their meaning.

В данной сказке воспитательный потенциал проявляется в формировании нравственных качеств, необходимых для жизни в современном мире, полном разнообразия и многонациональности. Сказка "The Forest Bride" рассказывает историю младшего сына фермера, который находит свою любовь в образе маленькой мышки, оказавшейся заколдованной принцессой. Несмотря на сомнения старших братьев, юноша проявляет доброту и уважение даже к такому необычному существу, что впоследствии вознаграждается освобождением принцессы от злого заклятия.

Аутентичные текст сказки содержит ряд ярких нравственных посылов, которые можно использовать для обсуждения с учащимися, таких как:

- Ценность внутренней красоты. Главный герой Веикко выбирает мышку несмотря на насмешки братьев, руководствуясь не внешним обликом, а искренними чувствами. Ключевая цитата: *«She's been a good little sweetheart to me and I'm not going to be ashamed of her!»* – демонстрирует приоритет внутренних качеств над социальным статусом.

- Трудолюбие и мастерство. Мышка проходит два испытания (печёт хлеб и ткёт полотно), доказывая, что истинная ценность человека определяется его умениями и усердием. Это позволяет обсудить с учащимися важность трудолюбия вне зависимости от происхождения.

- Справедливость и объективность. Отец героев оценивает невест по реальным достижениям, а не по внешности: *«Each girl has baked the loaf she knows how to make…»*. Этот момент подходит для дискуссии о критериях оценки человека.

- Развитие эмпатии. Сцена гибели мышки в реке (*«You've drowned my poor little sweetheart!»*) вызывает сопереживание и подчёркивает ценность искренних чувств. Диалоги Веикко с мышкой раскрывают её уязвимость и верность, побуждая читателя к эмоциональному отклику.

Нам представляется целесообразным предложить упражнения для реализации воспитательного потенциала сказки на уроках английского языка на основе сказки «The Forest Bride: The Story of a Little Mouse Who Was a Princess» (by Parker Fillmore).

Exercise 1. Discussion on Inner Beauty and Kindness

1. *Read the part of the story where Veikko chooses the little mouse as his bride despite what his brothers say.*
2. *Explain why Veikko made this choice and what inner beauty meant to him.*
3. *Read and translate the quote:*

She's been a good little sweetheart to me and I'm not going to be ashamed of her!

Say if you agree or disagree with it. Explain why.

Выполнение данного упражнения позволяет раскрыть ценность таких моральных качеств, как доброта, уважение к другим людям независимо от

внешности, способность видеть внутреннюю красоту, умение противостоять стереотипам и предрассудкам, смелость оставаться верным своим убеждениям даже перед лицом критики окружающих. Осмысление сюжета учащимися имеет важное воспитательное значение, так как содействует формированию у них нравственных качеств, необходимых человеку в условиях современного многонационального и поликультурного общества.

Таким образом, интеграция сказок в учебный процесс не только развивает лексическую, грамматическую и социокультурную компетенцию, но и формирует уважительное отношение к культурному многообразию. Использование в учебном процессе сказок народов мира на иностранном языке представляет собой эффективный прием обучения и воспитания в поликультурной среде. Работа со сказкой на уроке иностранного языка также делает уроки более интересными и значимыми для учащихся, способствуя их всестороннему развитию.

Список использованной литературы

1. Аглиуллина, Д. Р. Дидактический потенциал сказки как средства обучения английскому языку в начальной школе / Д. Р. Аглиуллина, Г. К. Гималетдинова // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Иркутск, 24 апреля 2024 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство международных исследований", 2024. – С. 37-40.
2. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во «ИКАР», 2009. – С. 127–128.
3. Зиновьева, Т. А. "Сказочные" приёмы переводчика / Т. А. Зиновьева, Е. В. Гудакова // Молодой ученый. – 2014. – № 21(80). – С. 767-770.
4. Марданова, А. П. Отбор сказок для обучения английскому языку младших школьников / А. П. Марданова, Э. В. Мошникова // Креативная лингвистика : сборник научных статей. – Астрахань : Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, 2024. – С. 428-432.
5. Оськина, А. А. Сказка как оптимальный методический прием обучения английскому языку учащихся начальной школы / А. А. Оськина // Язык. Культура. Личность : Материалы международной научной конференции студентов и аспирантов, Самара, 14 декабря 2017 года / Ответственный редактор Т.Е. Баженова. Том Выпуск 4. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. – С. 29-34.
6. Сѐма, К. С. Дидактическая сказка как инновационное средство обучения английскому языку младших школьников / К. С. Сѐма // Наука - образованию, производству, экономике : материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 томах, Витебск, 09–10 февраля 2017 года. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. – С. 147-148.
7. Царева, В. Е. Обучение младших школьников аудированию на уроках английского языка посредством детских сказок / В. Е. Царева // Иноязычное образование в эпоху перемен: проблемы и перспективы-II : Материалы Научно-практической студенческой конференции, Институт педагогики и психологии образования, 27–29 февраля 2024 года. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2024. – С. 227-231.

8. Fillmore P. The Forest Bride: The Story of a Little Mouse Who Was a Princess. [Электронный ресурс]. – URL: https://americanliterature.com/author/parker-fillmore/fairy-tale/the-forest-bride (Дата обращения: 11.11.2025)
9. Информационно-методическое письмо об особенностях преподавания учебного предмета «Иностранный язык» в 2025/2026 учебном году [Электронный ресурс]. – URL: https://edsoo.ru/mr-inostrannyj-yazyk (Дата обращения: 11.11.2025 г.)

УДК 37.016:811.161.1

Вольская С. А., бакалавр 5 курса

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КВЕСТ КАК ИНТЕРАКТИВНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Научный руководитель: **А. П. Каргина,** кандидат филологических наук, доцент

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга

Аннотация. Статья посвящена использованию интерактивных методов и приемов в обучении русскому языку в средней школе. В работе представлены теоретические аспекты интерактивного обучения, проанализирован практический опят применения интерактивных методов и приемов на уроках русского языка. Автор останавливается на игровых технологиях и рассматривает «лингвистический квест», методику его применения на уроках русского языка в шестом классе средней школы. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности учителей русского языка для повышения эффективности обучения.

Ключевые слова: интерактивные педагогические технологии, квест, методика обучения русскому языку, педагогика.

Volskaya S. A., Bachelor Course Student, 5th year

LINGUISTIC QUEST AS AN INTERACTIVE METHOD OF DEVELOPING LINGUISTIC COMPETENCES IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Scientific supervisor: **A. P. Kargina,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Vitus Bering Kamchatka State University

Abstract. The article is devoted to the use of interactive methods and techniques in teaching Russian language at secondary school. The article presents theoretical aspects of interactive learning, analyses practical options for application of interactive methods and techniques in Russian language lessons. The author stops on gaming technologies and considers «linguistic quest», the methodology of its application in Russian language lessons in

the sixth grade of secondary school. The results of the study can be used in practical activities of Russian language teachers to improve the effectiveness of teaching.

Keywords: interactive pedagogical technologies, quest, Russian language teaching methodology, pedagogy.

Термин «интерактивный» («inter» – это взаимный, «act» – действовать) обозначает основанный на непосредственном взаимодействии с участниками коммуникации (зрителями, слушателями, учениками и т. п.), учитывающий их реакцию; осуществляемый в прямом эфире. Технология – это совокупность производных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства. Можно сделать вывод, что интерактивные педагогические технологии – это организованный, слаженный и в то же время оригинальный, творческий процесс, где применяются научно-практические методы в достижении общей учебной цели.

Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений улучшения подготовки обучающихся в современной школе. Согласно стандартам нового поколения учитель-словесник должен быть компетентным в своей области и передавать огромное количество сообщений аудитории учеников, а также заинтересовать школьников учебной информацией, вовлекая их в учебный процесс. Одним из основных помощников для языковеда в новых условиях становится интерактивный метод обучения [1].

Интерактивные технологии открывают новые горизонты в преподавании русского языка, превращая уроки из монотонных лекций в увлекательные путешествия по миру слов и грамматики. Использование интерактивных технологий, методов и приемов позволяет визуализировать сложные темы, делая их более доступными и запоминающимися для школьников. Одним из эффективных приемов является создание интерактивных заданий, где ученики могут самостоятельно проверять свои знания, различные викторины, кроссворды и лингвистические игры позволяют закрепить пройденный материал в увлекательной форме, стимулируя познавательный интерес и повышая успеваемость.

Задача учителя – предоставить условия для того, чтобы каждый ученик имел при этом шанс на успех. Важно активизировать деятельность всех учащихся, включая слабых, «равнодушных», «трудных» с тем, чтобы они были заинтересованы и включены в активную работу [2].

Геймификация, в свою очередь превращает тестирование в захватывающую игру, мотивируя к активному участию. Работа с интерактивными словарями и справочниками позволяет ученикам самостоятельно находить необходимую информацию, развивая навыки исследовательской деятельности. Создание совместных проектов, например, интерактивных плакатов или мультимедийных презентаций, способствует развитию коммуникативных навыков и умения работать в команде. Внедрение интерактивных технологий в процесс обучения

русскому языку не только повышает интерес к предмету, но и способствует развитию критического мышления, творческих способностей и умения работать с информацией, что является необходимым условием для успешного обучения в будущем.

Современная методика преподавания русского языка ориентирована на активные и интерактивные формы обучения, которые способствуют более глубокому усвоению материала, развитию коммуникативных и аналитических навыков обучающихся. Например, в рамках изучения морфологии в 6 классе особенно важно использовать методы, позволяющие визуализировать грамматические категории, вовлекать школьников в познавательную деятельность и формировать лингвистическую рефлексию.

Любая интерактивная технология «провоцирует» физическую, социальную и познавательную активность обучаемых, и каждая из них является значимой для достижения планируемых результатов в соответствии с поставленными игровыми, учебными и развивающими целями. Большинство игр, используемых в учебном процессе, относится к классу интерактивных. Однако, правильная организация процесса интеракций и хода течение игры – это основная задача преподавателя, роль которого далеко не пассивна [3].

Это можно сделать с помощью метода «Лингвистический квест». Лингвистический квест представляет собой форму игрового обучения, при которой обучающиеся последовательно выполняют задания, объединенные общей темой и сюжетной линией. Метод квеста основан на идеях деятельностного и коммуникативного подходов в обучении, активизирует познавательную деятельность, способствует формированию метапредметных и предметных умений. Так, данный метод использовать на уроке в 6 классе с целью развития у обучающихся умений распознавать, классифицировать и грамматически характеризовать имена существительные, используя игровые технологии и групповую работу.

Квест может иметь следующую структуру.

Обучающимся предлагается стать «лингвистическими-исследователями», которым предстоит спасти «Словарию» – страну слов, где исчезли все имена существительные. Чтобы восстановить язык, необходимо пройти испытания, выполнить задания и собрать «золотой код грамматики». Квест имеет несколько станций.

Станция «Распознавалка». *Только тот, кто различит существительные среди слов и разберет их с точностью грамматики, сможет пройти сквозь Туман Забвения.* Цель: научиться определять существительные среди других частей речи. Задание: обучающимся дается текст, содержащий слова разных частей речи, требуется выписать из текста все существительные, определить их род, число, одушевлённость, нарицательное или собственное существительное.

Например: «После долгого ожидания наступила тишина. Воспоминания о прошедшем лете вызывали легкую грусть. На опушке леса стояла старая мельница, рядом шумел ручей, гуляла детвора».

Ожидаемый результат: *существительные: ожидания (ср.р., мн.ч., неодуш., нариц.); тишина (ж.р., ед.ч., неодуш., нариц.); воспоминания (ср.р., мн.ч., неодуш., нариц.); лето (ср.р., ед.ч., неодуш., нариц.); грусть (ж.р., ед.ч., неодуш., нариц.); опушке (ж.р., ед.ч., неодуш., нариц.); леса (м.р., ед.ч., неодуш., нариц.);мельница (ж.р., ед.ч., неодуш.,нариц.); ручей (м.р., ед.ч., неодуш., нариц.); детвора (ж.р., ед.ч., неодуш., нариц.).*

Станция «Формулировавщик». *Назови суть существительного, и камень истины озарится светом.* Цель: актуализация теоретических знаний. Задание: восстановить определение имени существительного, выбрав нужные слова из «банка терминов». (предмет, признак, действия, состояния, кто? что?, какой?, что делает?, нарицательное, собственное, простое, сложное).

Например: Имя существительное – это часть речи, которая обозначает_____ и отвечает на вопросы_____, и бывает_____ или _____.

Ожидаемый результат: *предмет; кто? что?; нарицательное; собственное.*

Станция «Разборочный цех». *Хочешь пройти – разложи слово по частям, как мастер чинит механизм!* Цель: практика морфологического разбора. Задание: выполнить полный морфологический разбор предложенного существительного.

Контекст: «Их ***дружба*** была крепкой». «Царственное ***величие*** было присуще древним правителям».

Ожидаемый результат:

I. Дружба – имя существительное, обозначает предмет. (Что?)

II. Начальная форма – дружба.

Постоянные признаки: нарицательное, неодушевлённое, женский род, 1-е склонение.

Непостоянные признаки: в ед. числе, в И. п.;

III. В предложении является подлежащим: была крепкой (что?) дружба.

I. Величие – имя существительное, обозначает предмет. (Что?)

II. Начальная форма – величие.

Постоянные признаки: нарицательное, неодушевлённое, средний род, 2-е склонение.

Непостоянные признаки: в ед. числе, в И. п.;

III. В предложении является подлежащим (что было присуще? – величие).

Станция «Секретный шифр». *Осторожно! Здесь живут Падежные Тени. Ошибка – и слово исчезнет навеки!* Цель: закрепление понятий о склонении. Задание: определить склонение существительных и вставить их в пропуски, изменяя по падежам, указать падеж.

Например:

1. Мы любовались красотой (степь).

2. Путешественники подошли к (озеро Байкал).
3. Вдали показался силуэт (корабль).
4. Я восхищаюсь мужеством (воин).
5. Ветер пронесся над вершинами (ель).
6. Экспедиция направилась к (север).

Ожидаемый результат:

*1. Мы любовались красотой **степи**. (Р.п.)*
*2. Путешественники подошли к **озеру Байкал**. (Д.п.)*
*3. Вдали показался силуэт **корабля**. (Р.п.)*
*4. Я восхищаюсь мужеством **воина**. (Р.п.)*
*5. Ветер пронесся над вершинами **елей**. (Р.п.)*
*6. Экспедиция направилась к **северу**. (Д.п.)*

Станция «Лингвистическая ловушка». *Только тот, кто различит смысл и форму, увидит истину языка.* Цель: научиться различать омонимичные формы и трудные случаи. Задание: определи, в каком значении употреблено слово ключ и какой частью речи оно является.

Например:

1. В горах был чистый ключ.
2. Ключ к задаче лежал на столе.
3. Сторож повернул ключ в замке.

Ожидаемый результат:

1. Ключ – имя существительное, нарицательное, м.р., ед.ч., неодушевлённое, значение: источник воды.
2. Ключ – имя существительное, м.р., ед.ч., неодуш., значение: средство для решения;
3. Ключ – имя существительное, м.р., ед.ч., неодуш., значение: инструмент.

Станция «Зеркало слов». Цель: развить морфемный анализ слова, закрепить знания о строении слова. Задание: собери слово, используя подсказки.

Например:

1. Приставка – в слове **подготовить**, корень – в слове **вода,** суффикс – в слове **школьник**, окончание – в слове **брюки.**
2. Приставка – в слове **переехать**, корень – в слове **письмо,** суффикс – в слове **нитка**, окончание – в слове **тетради.**
3. Приставка – в слове **заграница,** корень – в слове **море**, +Ь, окончание – в слове **здание.**
4. Корень – в слове **домовой**, суффикс – в слове домик, окончание – в слове **дети.**

Ожидаемый ответ:

1. *Подводники.*
2. *Переписка.*
3. *Заморье.*
4. *Домики.*

Финальный этап – «Собери золотой код». Каждое правильно выполненное задание дает обучающимся буквы. Из всех букв составляется слово «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» – оно и является «кодом», который спасет «Словарию».

По завершении квеста проводится обсуждение:

- Что вызвало затруднение?
- Какую станцию было интереснее всего проходить?
- Какие знания пригодились?
- Что нового узнали?

Каждая команда получает маршрутный лист с отметками за каждый этап. итоговая оценка складывается из суммы баллов и активности на обсуждении.

Таким образом, прием «Лингвистический квест» является эффективным средством активизации учебной деятельности школьников, позволяет в игровой форме закрепить и углубить знания по теме «Имя существительное». Он способствует не только формированию предметных умений, но и развитию коммуникативной, регулятивной и познавательной компетенций обучающихся. Использование метода обосновано с точки зрения современных образовательных стандартов (ФГОС ООО), направленных на формирование универсальных учебных действий и повышение мотивации к изучению языка.

Использование игры во время образовательного процесса способствует повышению познавательной активности обучающихся, а также помогает сделать процесс обучения менее утомительным и сложным. Игра выступает мощным средством интерактивного обучения, сочетающим теоретическое знание с практическим применением. Однако ее эффективность зависит от методических грамотного внедрения, учета возрастных и психологических особенностей обучающихся. Внедрение интерактивных методов требует от педагога готовности к постоянному самосовершенствованию, освоению новых техник и технологий, а также умение гибко адаптировать образовательный процесс под индивидуальные потребности каждого ученика.

Список использованной литературы

1. Белькова, А. Е. Интерактивный метод обучения на уроках русского языка как способ повышения познавательной активности учеников / А. Е. Белькова, Л. П. Лесниченко // Молодой ученый. – 2015. – № 23(103). – С. 1068-1071.
2. Касмурзаева, Г. А. Интерактивные методы обучения в образовательном процессе / Г. А. Касмурзаева // Проблемы и перспективы развития образования : Материалы VIII Международной научной конференции, Краснодар, 20–23 февраля 2016 года. – Краснодар: Новация, 2016. – С. 151-153.
3. Кашлев С.С. Современные технологии педагогического процесса: Пособие для педагогов. – Мн.: Университетское, 2000. –95 с.

УДК 372.881.111.1

Жеваченко М. А., бакалавр 3 курса

ПРИМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ОНТОГЕНЕЗЕ РОДНОЙ РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Научный руководитель: **Н. В. Ванюхина**, кандидат психологических наук, доцент

Казанский Инновационный Университет им. В. Г. Тимирясова

Аннотация. Основная задача любой образовательной программы по предмету иностранных языков – развитие речевых компетенций и коммуникативных навыков на выбранном языке. Автор статьи сравнивает процесс освоения иностранного языка с процессами в онтогенезе родной речи и предлагает практическое применение результатов сравнительного анализа. В статье приведены также результаты работы с фокус-группой. Автор рассуждает об эффективности такого подхода к процессу преподавания для достижений учащихся в освоении иностранных языков.

Ключевые слова: инновационные подходы в преподавании иностранных языков, онтогенез родной речи, коммуникативные компетенции, характер действия, алгоритм языка.

Zhevachenko M. A., Bachelor Course student, 3rd year

APPLICATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE ONTOGENESIS OF THE NATIVE LANGUAGE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Scientific supervisor: **N. V. Vanuchina**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova

Abstract. The main objective of any foreign language educational program is to develop students' speech competencies and communicative skills referring to the chosen language. The author compares the foreign language learning process with the processes of native speech ontogenesis and suggests practical applications ways of the comparative analysis results. The article also presents the results of the focus group progress. The author discusses about the efficiency of this approach to the teaching in achieving students' success.

Keywords: innovative approaches to teaching foreign languages, ontogenesis of native speech, actions aspects, communicative competencies, language algorithm

Современный процесс обучения иностранным языкам строится прежде всего на дозированном освоении правил грамматики и письменности [1, 6]. Однако, в онтогенезе родной речи для любого индивида правила грамматики носят информативный характер: знакомство с правилами и письменностью осуществляется как постфактум в школе, когда индивид уже полностью использует в своей речи все возможные конструкции родного языка, включая все видовременные формы.

В реальности освоение видовременных форм происходит до 3 лет. В этом периоде ребёнок постоянно пересказывает одно и то же множественными вариациями, что обусловлено поиском наиболее эффективного выражения желаний. Важно: внутренняя речь на данном этапе не сформирована и все подбираемые варианты ребёнок произносит вслух, что позволяет наблюдать непосредственный процесс формирования высказываний вне правил и терминологии. У взрослого индивида те же самые процессы формирования высказывания происходят во внутренней речи и практически мгновенно. Отсюда убеждение обывателя, что речь он строит правильно интуитивно (неосознанно) [2]. Мы предположили, что сумеем привести обучающегося к такому же «интуитивному» процессу формирования иностранной речи, основанному на подборе слов по смыслу в соответствии с задуманной целью высказывания, если процесс обучения будет аналогичен процессу овладения видовременными конструкциями в родной речи.

Для эксперимента были выбраны 9 русскоговорящих детей в возрасте от 5 до 7 лет. Уровень развития родной речи у всех детей фокус-группы на момент начала эксперимента соответствует их возрасту.

Следуя порядку онтогенеза, детей ознакомили с формированием формы слова, сделав упор на формирование глагольных форм [3, 4]. Изучение форм происходило через перевод не целого слова, а частей (окончаний, основы, приставок) [4, 5].

Для объяснения выбора видовременной формы были выделены характеристики аспектов действия, эквивалентные по содержанию видам глагола русского языка. Каждая формулировка даёт полное понимание каждого аспекта (характер действия) во всех трёх временах (настоящее, будущее, прошедшее). Термин «действие» намеренно заменили вариацией слова «делать». Таким образом, правила, необходимые для грамотного формирования речи, были оптимизированы для восприятия соответственно возрасту обучающихся без потери качества объяснения.

Были сформированы следующие определения аспектов времен английского языка (каждая формулировка начинается с «Когда хотим сказать…»):

Simple…это обычно…это было тогда/там/ так…это будет тогда/там/так …стал делать тогда/стану делать тогда….выбираем форму «делать», ставим в нужное время.

Continuous в это время делаю вот что…

Perfect всё, сделали/нет, не сделали…

Perfect Continuous делаю уже вот сколько…

Объём той же информации в учебнике 9 класса Spotlight занимает более пяти страниц [1, Gr 1-23]. Объяснение и демонстрация формирования английской речи происходили на собственно продуцируемых обучающимися выражениях в ходе общения. Дидактический материал не применялся. Сформированное на русском языке высказывание, соответствующее строю английской речи с точным воспроизведением форм

естественно применяемых в английском «добуквенно» переводилось на английский [4, 5]. Важно: из объяснений исключили всю терминологию кроме: «время», «глагол», «окончание», «приставка».

В ходе эксперимента выявлено:

- эффективность напрямую зависит от понимания обучающимися точного смыслового значения каждого слова, используемого при объяснении и освоении материала;
- материал усваивается комплексно и сразу применим в речи; срок усвоения всех видовременных форм - 8 месяцев;
- прошедшие данное обучение безошибочно определяют видовременные формы с учетом правила согласования времен, хотя оно не было озвучено;

Данный эксперимент показал, что такой способ обучения воспринимается обучающимися как естественный процесс познания, неотъемлемо связанный с жизнепроисходящей действительностью. Вывод: подсмотренное у природы может эффективно использоваться в современной педагогике.

Список использованной литературы

1. Английский язык. Spotlight. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Ю.Е.Ваулина, В.Эванс,Дж. Дули, О.Е., Подоляко 2-изд., доп. и перераб. М.: Express Publishing: Просвещение, 2010 – 216с.
2. Варнаева, А. Е. Язык, речь, языковая способность / А. Е. Варнаева // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 312-317. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-3-312-317.
3. Жеваченко, М.А. Влияние онтогенеза родной речи на эффективность в изучении иностранных языков. Метод «Алгоритм языка» // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В.Г. Тимирясова 2024: материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, 11 декабря 2024 г. В 5 т. / Редкол. А.В. Тимирясова, И.И. Бикеев, Т.В. Крамин [и др.]. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2025. – Т. 1 С 93-94
4. Жеваченко, М.А. Референциальное отражение этапов онтогенеза родной речи в освоении иностранного языка // Школа молодого учёного: субъектность молодого учёного в регионе. Материалы международной научно-образовательной конференции. Ульяновск, 2025. / Отв. ред. Ф.Г. Мухаметзянова. Ульяновск: Изд-во ЗЕБРА, 2025. – С. 37-48.
5. Жеваченко, М.А. Способ и устройство для изучения иностранных языков / М. А. Жеваченко Россия: Национальная Электронная Библиотека; Федеральный институт промышленной собственности, отделение ВПТБ; Каталог; Патентные документы; 2020. [Электронный ресурс] – URL: https://rusneb.ru/catalog/000224_000128_0002718469_20200408_C1_RU/ (дата обращения: 28.09.2025).
6. Крылова, А.К., Мигдаль, И.Ю. Преодоление грамматических трудностей у русскоязычных школьников в обучении английскому языку в средней школе // Концепт. 2023. – №4. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-grammaticheskih-trudnostey-u-russkoyazychnyh-shkolnikov-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku-v-sredney-shkole (дата обращения: 28.09.2025).

УДК 372.881.161.1

Жукова А.Н, бакалавр 5 курса

ЛОНГРИД КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Научный руководитель: **А.П. Каргина**, кандидат филологических наук, доцент

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга

Аннотация. В современной образовательной практике лонгрид представляет собой мощный инструмент, способный значительно повысить эффективность обучения русскому языку. Основная проблема заключается в поиске эффективных инструментов, способных сочетать глубину изучения материала с интерактивностью и адаптацией к индивидуальным потребностям обучающихся. Цель работы – исследование потенциала мультимедийных лонгридов как средства повышения эффективности обучения русскому языку в цифровой образовательной среде. Область применения – методика преподавания русского языка в средней школе, самостоятельная работа обучающихся. Новизна исследования заключается в систематизации практик использования лонгридов именно в контексте языкового образования, а также в предложении конкретных моделей их интеграции. Например, лонгриды по истории языка, синтаксису, лексике, письменной речи.

Ключевые слова: лонгрид, русский язык, образование, обучающиеся, цифровые инструменты.

Zhukova A.N., Bachelor Course student, 5th year

LONGREAD AS A FORM OF ORGANIZING INDEPENDENT WORK IN RUSSIAN LANGUAGE IN SECONDARY SCHOOL

Scientific Supervisor: **A.P. Kargina**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vitus Bering Kamchatka State University

Abstract. In modern educational practice, longrid is a powerful tool that can significantly improve the effectiveness of Russian language teaching. The main problem is to find effective tools that can combine the depth of learning with interactivity and adaptation to the individual needs of students. The purpose of the work is to study the potential of multimedia longrides as a means of improving the effectiveness of teaching Russian in a digital educational environment. The field of application is the methodology of teaching Russian in secondary schools, independent work of students. The novelty of the research lies in the systematization of the practices of using longrides specifically in the context of language education, as well as in the proposal of specific models for their integration. For example, longrides on the history of language, syntax, vocabulary, and writing.

Keywords: longrid, Russian language, education, students, digital tools.

В условиях стремительной цифровой трансформации образования традиционные методы обучения требуют переосмысления. Особенно остро этот вопрос стоит в преподавании русского языка – дисциплины, где успех

напрямую зависит от систематической самостоятельной работы учащихся. Современные школьники демонстрируют клиповое мышление и сниженную способность к длительной концентрации, что создаёт существенные трудности при формировании языковых компетенций. Парадокс современной педагогической практики заключается в том, что, с одной стороны, учащиеся активно используют цифровые технологии в повседневной жизни, а с другой – образовательный процесс часто строится на устаревших методиках, не учитывающих цифровые реалии. Все это приводит к низкому уровню самоорганизации при выполнении языковых заданий, поверхностному усвоению орфографических и пунктуационных норм, отсутствию навыков системной работы с языковым материалом.

Современный образовательный процесс в средней школе находится в постоянном поиске эффективных форм и средств обучения, способных обеспечить как высокий уровень познавательной активности обучающихся, так и соответствие требованиям федеральных государственных образовательных стандартов. Особое внимание в последние годы уделяется внедрению цифровых образовательных ресурсов, обладающих высоким дидактическим потенциалом и ориентированных на формирование у обучающихся метапредметных компетенций. Важное значение в этом контексте приобретает использование цифровых инструментов, которые способствуют развитию таких важных качеств, как самостоятельность, ответственность и самоорганизация.

Одним из таких форм является лонгрид (от англ. long read – «длинное чтение»), который активно используется в медиапространстве, а с недавнего времени находит своё применение и в образовательной практике, в том числе в преподавании русского языка. Согласно Д. П. Чигаеву, лонгрид можно рассматривать как разновидность креолизованного текста, то есть такого, где вербальный и невербальный ряды (визуальные и аудиовизуальные компоненты) взаимно дополняют и усиливают друг друга, формируя цельное коммуникативное пространство [5]. На становление и развитие лонгрида как явления оказали влияние такие направления, как сторителлинг, digital storytelling и мультимедийная журналистика. По словам А. М. Анюхиной, лонгрид – это «одна из форм цифрового сторителлинга, отличающаяся интеграцией разных знаковых систем и возможностью выразить сложный нарратив с помощью визуальных средств» [1, с. 37]. Таким образом, лонгрид сочетает в себе как нарративные, так и информационные функции: он рассказывает историю, но делает это через сложную композицию текста, изображений, гиперссылок и других медийных модулей.

Как отмечают исследователи В. С. Тоискин и В. В. Красильников, мультимедийный лонгрид в условиях образовательной среды «выступает в роли цифрового ресурса нового поколения, обеспечивающего визуализацию, интерактивность и глубокую смысловую проработку учебного материала» [4, с. 321]. Лонгриды превращают пассивное чтение в интерактивный процесс, где школьники учатся управлять своим обучением.

Существует множество удобных цифровых платформ для создания образовательных лонгридов, каждая из которых предлагает свои уникальные возможности и подходит для разных уровней технической подготовки.

Для учителей и школьников, которые только начинают осваивать создание мультимедийного контента, отлично подойдут конструкторы с интуитивным интерфейсом. Tilda (tilda.cc) – один из самых популярных инструментов, предлагающий множество готовых шаблонов специально для образовательных проектов. Платформа позволяет легко добавлять текст, изображения, видео и анимацию, создавая визуально привлекательные лонгриды без необходимости программирования. Если важно организовать лонгрид в виде структурированного учебного модуля с возможностью проверки знаний, стоит обратить внимание на Genially (genially.com). Этот сервис позволяет встраивать не только мультимедийные элементы, но и интерактивные тесты, карты памяти и даже мини-игры для закрепления материала.

Лонгрид принципиально отличается от традиционных учебных материалов своей структурой и подачей информации. Многоуровневая композиция, включающая текстовые блоки, визуальные элементы и интерактивные компоненты, естественным образом приучает школьников к системной работе с учебным материалом. Осваивая содержание лонгрида, обучающиеся непроизвольно учатся выстраивать логические связи между разделами, выделять главное и выстраивать индивидуальную траекторию изучения темы. Такой подход формирует навыки осознанного обучения, когда школьник не просто механически усваивает информацию, а активно взаимодействует с ней.

Качество образования при использовании лонгридов повышается за счёт нескольких факторов. Во-первых, мультимедийный характер подачи материала способствует лучшему усвоению сложных языковых правил и понятий. Визуальные схемы, анимационные пояснения грамматических конструкций, аудиопримеры правильного произношения – все это делает процесс обучения более наглядным и эффективным. Во-вторых, встроенные контрольные элементы позволяют сразу же проверить понимание материала и при необходимости вернуться к сложным моментам. Как подчёркивает Д. П. Чигаев, мультимедийный лонгрид представляет собой «текстовую конструкцию, способную быть модифицированной в процессе взаимодействия с ней», что делает его не только средством восприятия, но и формой продуктивной деятельности [5]. Такой инструмент обеспечивает непрерывную обратную связь, что особенно важно при изучении русского языка, где многие правила требуют многократного повторения и закрепления.

Создание или доработка лонгрида самими школьниками может стать формой самостоятельной работы. Работа над собственным мини-лонгридом формирует у обучающихся чувство авторства, усиливает мотивацию и позволяет применять знания в новой ситуации. Лонгрид делит материал на

смысловые блоки, приучая школьников к поэтапному изучению темы. Например, встроенные чек-листы и интерактивные задания помогают контролировать прогресс; автоматизированные проверочные тесты после каждого раздела позволяют сразу оценить уровень понимания, а возможность возвращаться к сложным местам развивает навык самостоятельной работы над ошибками. Также обучающиеся могут выбирать темп прохождения материала в зависимости от своих возможностей.

Среди наиболее эффективных примеров лонгридов, которые можно успешно внедрить в школьную практику преподавания русского языка, особого внимания заслуживают тематические мультимедийные проекты. Например, лонгрид «От берестяных грамот до мессенджеров: как менялся русский язык» может содержать интерактивную временную шкалу с этапами развития письменности, где каждый раздел сопровождается изображением старинных рукописей, аудиофрагментами древнерусского текста и заданиями на сравнение современного и исторического написания слов. Такой формат позволяет ученикам самостоятельно исследовать эволюцию языка в удобном темпе, параллельно выполняя проверочные упражнения, встроенные в материал.

Для уроков по синтаксису современным решением становится лонгрид «Тайны сложных предложений», где схемы сложносочинённых и сложноподчинённых конструкций представлены через анимированные примеры из классической литературы. После каждого раздела ученикам предлагается самостоятельно построить аналогичные предложения с ключевыми союзами, проверяя правильность через встроенный анализатор. Это особенно полезно при самостоятельной домашней работе, когда школьник может неограниченное количество раз возвращаться к трудным моментам и отрабатывать проблемные темы. Интерактивные элементы такой разработки включают возможность перетаскивания частей предложения для составления правильной конструкции – это превращает изучение синтаксиса в увлекательный процесс.

При изучении лексики эффективность может показать лонгрид «Живые слова», посвящённый фразеологизмам и их происхождению. Каждая идиома раскрывается через короткие видео-реконструкции исторических ситуаций, породивших это выражение, с последующими примерами употребления в классической и современной литературе. Особенность такого формата заключается в игровых заданиях, где нужно подобрать правильный фразеологизм к ситуации или определить его значение по контексту. Такая подача материала стимулирует самостоятельное исследование дополнительных источников, так как лонгрид содержит ссылки на толковые словари и интернет-ресурсы для более глубокого изучения темы.

Для развития письменной речи подходит лонгрид «От мысли к тексту», пошагово раскрывающий процесс создания сочинения различных видов. Это своеобразный мастер-класс, где каждый этап – от формулировки

тезиса до редактирования готового текста – иллюстрируется примерами и сопровождается практическими упражнениями. Уникальность такого лонгрида заключается в системе автоматических подсказок, которые анализируют вводимый учеником текст и предлагают варианты улучшения формулировок. Важно, что школьник может работать с таким материалом в любое удобное время, постепенно совершенствуя свое сочинение и параллельно формируя навыки саморедактирования.

Преимущества лонгридов перед традиционными форматами обучения очевидны. Они соответствуют способу восприятия информации современными школьниками, привыкшими к цифровой среде. Формат позволяет сочетать глубину содержания с доступностью изложения, что особенно важно для такой комплексной дисциплины, как русский язык. Разнообразие представленных материалов учитывает разные типы восприятия - визуальное, аудиальное, кинестетическое, что делает обучение более эффективным для всех категорий учащихся. Кроме того, возможность возвращаться к материалу в любое время способствует формированию привычки к самостоятельной работе и повторению.

Таким образом, лонгриды открывают новые перспективы в преподавании русского языка, превращая процесс обучения в увлекательное и осознанное исследование языковых явлений. Этот инструмент не только повышает качество усвоения материала, но и воспитывает важные навыки самоорганизации, которые останутся с учащимися и после окончания школы. Гибкость и адаптивность формата делает его перспективным направлением модернизации языкового образования, отвечающим вызовам цифровой эпохи.

Список использованной литературы

1. Анюхина, А. М. Сторителлинг, digital storytelling и мультимедийный лонгрид: истоки и развитие явлений / А. М. Анюхина // МНСК-2017: Журналистика : Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 16–20 апреля 2017 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. – С. 37.

2. Быков, Д., Генис, А., Долин, А., Юзефович, Г., Данилов, Д., Апполонов, Е., Лукьянова, И., Горбачёв, А., Вдовин, А., Лямина, Е., Орлова, О., Семёшкина, Я. Литературная мастерская. От интервью до лонгрида, от рецензии до подкаста. / сост. А. В. Вдовин, М. А. Кучерская, Н. Н. Калинникова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 272 с.

3. Гудков, Д. Б. О русском языке и не только о нем / Д. Б. Гудков, Е. Ю. Скороходова. – М. : Гнозис, 2010. – 205 с.

4. Тоискин, В.С., Красильников, В.В. Мультимедийный лонгрид как цифровой образовательный ресурс // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире: материалы докл. науч.-практ. конф. Сочи: Международный инновационный университет, 2017. – 321-323 с.

5. Чигаев, Д. П. Лонгрид как разновидность креолизованного текста / Д. П. Чигаев // Медиаскоп. – 2017. – № 1. – С. 5.

УДК 81'42:81'246.3

Журавлева Ю. Ю., магистрант 3 курса

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ МОНОЛОГОВ В ЖАНРЕ УСТНОГО РАССКАЗА УЧАЩИХСЯ 12–16 ЛЕТ

Научный руководитель: **Ю.В. Косицина,** кандидат филологических наук, доцент
КГПИ КемГУ

Аннотация. Статья посвящена исследованию детской разговорной речи на уроке русского языка в 9 классе. Цель – представить разработку урока русского языка, в ходе которого организовано лингвистическое исследование в рамках изучения разговорного монолога школьника. Основными методами являются лингвистический анализ, проблемный диалог, групповая работа. Данная разработка может быть использована на уроках русского языка при изучении различных лингвистических тем и во внеурочной деятельности. Новизна заключается в использовании на уроке живой звучащей речи самих учащихся. В ходе исследования были сделаны выводы: анализ разговорной речи формирует лингвистическую и коммуникативную компетенции школьников, развивает метапредметные универсальные учебные действия.

Ключевые слова: устная разговорная детская речь, монолог, устный рассказ, лингвистический анализ, урок-лингвистическая лаборатория, групповая работа.

Zhuravleva Yu. Yu., Master Course student, 3rd year

A STUDY OF LINGUISTIC FEATURES OF CHILDREN'S SPOIL SPEECH USING MONOLOGUES IN THE ORAL STORYTELLING GENRE OF 12-16-YEAR-OLD STUDENTS

Scientific supervisor: **Yu. V. Kositsyna**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

KemSU, Novokuznetsk

Abstract. This article examines children's spoken language during a 9th-grade Russian language lesson. The objective is to present a Russian language lesson design that utilizes linguistic research to study a student's spoken monologue. The primary methods used are linguistic analysis, problem-solving dialogue, and group work. This development can be used in Russian language lessons to explore various linguistic topics and in extracurricular activities. Its novelty lies in the use of students' own spoken language in the lesson. The study concludes that analyzing spoken language fosters students' linguistic and communicative competencies and develops universal meta-subject learning activities.

Keywords: children's spoken language, monologue, oral narrative, linguistic analysis, linguistic laboratory lesson, group work.

Разговорная речь – «устная речь…, протекающая в условиях непосредственного общения, при отсутствии официальных отношений между говорящими, в большинстве случаев не являющаяся заранее подготовленной» [3, с.19]. Изучение разговорной устной речи – важная проблема лингвистических и методических исследований, так как именно устная речь, являясь первичной формой существования языка, отражает динамику развития языка индивида в контексте социокультурных изменений.

Особый интерес представляет речь подростков (12–16 лет), которая активно подвержена влиянию цифровых технологий, сверстников и субкультур [4, с. 80]. Анализ монологов в жанре устного рассказа позволяет выявить не только лингвистические особенности разговорной речи подростков, но и уровень когнитивного и социального развития учащихся, круг их жизненных интересов, так как устный рассказ как жанр не предполагает ограничений по тематике и дает возможность говорящему выразить личное отношение к предмету речи.

Изучение разговорной речи в школе мы считаем одним из важных составляющих лингвистического образования учащихся: оно включает в себя «свободное владение родным языком» [1, с. 5], также разговорную речь можно считать «краеведческим элементом в обучении русскому языку», что обеспечивает включение регионального компонента в образовательную программу [1, с. 4]. Разговорная речь – значимая часть национального языка, исследование которой поможет школьникам постичь богатство русского языка: «знание норм кодифицированного варианта» должно дополняться умением «черпать из живого источника народной речи, умением слушать и слышать звучащее слово современников» [2, с. 17]. Поэтому включение живой разговорной речи подростков во внеурочную и урочную деятельность способствует повышению мотивации учащихся к изучению родного языка, развитию коммуникативной и лингвистической компетенций.

Далее представляем урок-«лингвистическую лабораторию», который включает комплексный лингвистический анализ монологического высказывания в жанре устного рассказа. В ходе урока были использованы такие методы, как лингвистический анализ, групповая работа, сбор звучащей речи в естественных условиях, проблемная беседа.

Урок-«лингвистическая лаборатория» является завершающим в цикле занятий, посвященных исследованию детской разговорной речи. Ранее учащиеся участвовали в сборе материала для анализа – записывали монологи школьников 12-16 лет. Девятиклассники в ходе обсуждений на одном из занятий выделили следующие темы монологов: «поездки во время летних каникул», «участие в спортивных и культурных мероприятиях», «рассказ о себе», «случай из жизни», «рассказ о компьютерной игре», «пересказ понравившегося фильма», «выбор будущей профессии».

На **вводном этапе** урока учитель организует фронтальный опрос с целью актуализировать знания учащихся о функциях разговорной речи.

– Вспомните функции разговорной речи (информативная, эмотивная – передача субъективной информации, эмоций, чувств, переживаний, впечатлений). Какие темы монологов в жанре устного рассказа мы определили на предыдущем уроке? («поездки во время летних каникул», «участие в спортивных и культурных мероприятиях», «рассказ о себе», «случай из жизни», «рассказ о компьютерной игре», «пересказ понравившегося фильма», «выбор будущей профессии»). Сегодня нам предстоит выбрать текст определенной темы и сделать лингвистический анализ, выступив в роли ученых-лингвистов.

Основной этап урока посвящен лингвистическому анализу детского разговорного монолога. Ранее девятиклассники осуществили сбор материала для лингвистического анализа – аудиозаписей разговорной речи школьников от 12 до 16 лет в жанре устного монолога. Эти аудиозаписи были обработаны и представлены в виде текстов с сохранением языковых особенностей говорящего. На данном уроке учитель предлагает девятиклассникам выбрать из выявленных ранее тем ту, которая для них наиболее интересна и актуальна. Мнения школьников разделились, так как все темы оказались в той или иной мере интересны, поэтому была предложена жеребьевка. Была выбрана тема «рассказ о компьютерной игре».

Затем учитель делит класс на четыре группы: «фонетисты», «лексикологи», «морфологи», «синтаксисты». Групповая работа позволяет учащимся сосредоточиться на анализе конкретного уровня языка, выявить все представленные в тексте особенности, дает возможность проанализировать весь текст в рамках одного урока и сделать выводы. Использование метода групповой работы способствует развитию коммуникативных умений и метапредметных навыков.

Для анализа ученикам предлагается как печатный текст, так и аудиозапись, сделанная одним из учеников 9 класса. Информантом является учащийся 7 класса. Текст представлен с незначительными сокращениями.

Я хочУ рассказАть о Fortnite// снАчала, что такОе Fortnite/ это тАкая игрА, стрЕлька, бАтл-роЯл/ где сто человЕк прЫгают с самолЁта на острОв/ и надо выживАть// я игрАю в неЁ ужЕ гОда двА наверное// снАчала мАма не разрешАла/ Это насИлие/ но я еЁ уговорИл/ сказАл/ что Это как стратЕгия/ и онА сдалАсь// ха-ха, теперь мы иногдА игрАем вмЕсте// грАфика игрЫ крУтая/ там постоЯнно обновлЕния/ нОвые скИны/ орУжие/ сезОны// мУзыка там эпИчная/ осОбенно когдА прЫгаешь с парашЮтом// вот на днЯх / я зашЁл в дУо с дрУгом из шкОлы/ МаксИмом// мы прЫгнули на Остров/ я взЯл автомАт/ МаксИм / щИт// снАчалА всЁ нормАльно/ бежИм/ собирАем материАлы// потОм вИдим комАнду из трЁх человЕк/ онИ нАс замЕтили// мЫ спрЯтались за дерЕвьями/ я нАчал стрОить стЕну/ я кричАл в микрофОн: "БЕй их! БЕй!"// онИ нАс окружИли/ но мЫ подорвАли их бАзу гранАтами// Адреналин бЕшеный/ сЕрдце даже чутОк колотИлось// потОм мы взЯли побЕду// я на вЕсь дом закричАл "ЙЕс!"// Максим сказАл/ что это был наш сАмый лУчший матч// но не всегдА тАк везЁт// бывАет/ прЫгаешь/

и срАзу тебЯ убивАют/ или лагАет интернЕт/ и ты зависАешь// это бЕсит// я иногдА игрАю на телефОне/ там мобИльная вЕрсия/ но на ПК лУчше/ контрОллер удОбнее// в игрЕ много мОдов и чЕлленджей// я люблЮ собирАть скИны/ там персонАжи из фИльмов/ как супергерОи// один раз купИл скИн за реАльные дЕньги/ мАма ругАлась// ещЁ там кроссОверы/ тИпа/ с Marvel или Star Wars/ это прОсто вАу// я игрАю и/ тИпа/ чУвствую себЯ герОем/ как в фИльме// эта игрА развивАет стратЕгию// но родИтели говорЯт/ что у менЯ завИсимость/ я действИтельно могУ игрАть часАми// одИн рАз из-за игрЫ двОйку получИл по математИке/ сидел дО ночи// Один рАз мы с МаксИмом и двумЯ ребЯтами из клАсса решИли сыгрАть в сквАде// прЫгнули в Tilted Towers/ там всегда дрАки// я взял снАйперскую винтОвку// мы пострОили огрОмную бАзу на горЕ/ свЕрху стрелЯли по всЕм// пришлО человЕк дЕсять/ мы их всЕх отстрелЯли/ как в кИно// Fortnite — это моЯ любИмая игрА// онА Учит выживАть/ дУмать бЫстро/ и прОсто весЁлая//

После прослушивания и чтения текста учитель организует фронтальный опрос, цель которого – определить полноту и глубину понимания детского разговорного монолога.

– О чем данный текст? Почему его можно отнести к разговорному стилю? Что можно сказать о говорящем? (Цель данного текста – рассказать об игре, выразить чувства и эмоции, которые вызывает игра. Текст относится разговорному стилю, так как представлена субъективная информация в неофициальной обстановке; в тексте есть примеры отступления от норм литературного языка, например, «самый лучший», часто используется слово-«паразит» «типа». Говорящий – эмоциональный рассказчик, он с интересом повествует о процессе игры. Вероятно, школьник много времени уделяет виртуальной реальности).

Далее каждая группа учащихся в течение 15 минут проводит лингвистический анализ предложенного текста с опорой на памятки.

1. Для «фонетистов»: 1. Какова четкость произношения слов? 2. Есть ли нарушение орфоэпических норм? 3. Какова роль интонации, пауз, ритма и темпа речи, логического ударения, индивидуального произношения звуков и слов. 4. Сделайте вывод о фонетических особенностях текста.

2. Для «лексикологов»: 1. Использованы ли общеупотребительные, просторечные слова, бранная лексика, слова с эмоционально-экспрессивной окраской? Приведите примеры! 2. Использованы ли жаргонизмы, диалектизмы? Приведите примеры! 3. Сделайте вывод о лексических особенностях текста.

3. Для «морфологов»: 1. Часто ли в речи используются местоимения? К каким разрядам они относятся? Какую функцию выполняют? 2. Используются ли частицы, междометия, слова-«паразиты»? Приведите примеры. Определите роль этих частей речи в тексте? 3. Есть ли примеры нарушения грамматических норм в тексте? Если да, выпишите эти примеры, исправьте. 4. Сделайте вывод о морфологических особенностях текста.

4. Для «синтаксистов»: 1. Какие предложения по структуре и составу преобладают в тексте? Ответ аргументируйте. Приведите примеры. 2. Есть ли примеры неполных предложений? Приведите примеры. Объясните их

роль в тексте. 3. Есть ли примеры нарушения норм построения предложений? Приведите примеры, исправьте ошибки. 4. Есть ли примеры инверсии? 5. Сделайте вывод о синтаксических особенностях текста.

В заключение работы каждая группа заполняет свою строку в таблице, в которой необходимо зафиксировать выявленные в ходе анализа лингвистические особенности разговорного монолога (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Результаты лингвистического исследования

Уровень языка	**Особенности**	**Примеры**
Фонетический		
Лексический		
Морфологический		
Синтаксический		

Далее происходят выступления представителей от каждой группы учащихся, которые озвучивают результаты группового исследования и заполняют необходимые строки в матрице таблицы «Результаты лингвистического анализа», которая размещена на доске. Остальные ученики в это время заполняют оставшиеся строки в своих таблицах.

Представленная ниже таблица 2 отражает примерные результаты анализа текста и предназначена для учителя, который в ходе выступления учащихся может внести исправления и дополнения.

Таблица 2.

Образец лингвистического анализа

Критерий	**Особенности**
Фонетические	В тексте много пауз, которые выражают размышления, поиск слов или эмоции: "Я хочу рассказать о Fortnite//", "сначала, что такое Fortnite/" (короткая пауза перед объяснением). Речь становится более быстрой в момент эмоционального напряжения ("мы прыгнули на остров/ я взял автомат/ Максим / щит//") и замедления при воспоминаниях ("мы потом еще час обсуждали/ что можно было сделать лучше//"). Интонация преимущественно восклицательная: "Йес!", "вау". Есть примеры ненормированного произношения слов: "сидел дО ночи" (правильный вариант: до нОчи).
Лексические	Английские заимствования: "Fortnite", "батл-роял" (battle royale), "скины" (skins), "сквад" (squad), "матч" (match), "челленджей" (challenges) и др. Они введены в речь без перевода, что указывает на влияние соцсетей и игр. Подростковый сленг: "стрелька", "эпичная" (epic – крутая, впечатляющая), "вау" (wow), "Йес!" (yes) и др. Эмоциональные окрашенные слова: "ха-ха" (смех), "бах – победа" (звукоподражание с сленговым оттенком). Сленг добавляет живости и принадлежности к субкультуре. Оценочная лексика преобладает: "крутая", "яркое", "эпичная" (музыка), "бешеный", "лучший" (матч), "вау". Для текста характерно сокращение слов, словосочетаний: "ПК" (персональный компьютер) и др. Лексические повторы используются для усиления: "Бей их! Бей!" Лексика отражает тематику игры и повседневную жизнь школьника.

Морфологические	Часто используются глаголы несовершенного вида в настоящем времени: "играю", "прыгают" и др. Используется повелительное наклонение ("Бей их! Бей!"). Существительные часто используются в именительном падеже: "игра", "стрелька", "батл-роял", "остров", "мама", и др. Есть нарушение грамматических норм: "самый лучший" (норма: лучший, самый хороший). Местоимения: личные ("я", "мы", "она", "они"), указательные ("это", "такая", "тот").
Синтаксические	Предложения соединяются паузами или союзами ("и", "но"). "Сначала все нормально/ бежим/ собираем материалы// потом видим команду". Это отражает поток мысли. Неполные конструкции: часты пропуски подлежащих, сказуемых или связок: "сначала, что такое Fortnite" (пропуск глагола), "Максим / щит" (пропуск глагола "взял"). Преобладают простые предложения.

На этапе **рефлексии** учащимся предлагается дать ответы на следующие вопросы: В чем заключается польза проделанной работы? Зачем анализировать разговорную речь? (Разговорная речь – часть национального языка, ее используем чаще, чем книжную. Разговорная речь отражает круг наших интересов. Анализ разговорной речи позволяет лучше понять и запомнить нормы языка, объективно оценить собственную речь, совершенствовать ее). На этапе рефлексии школьники должны продолжить следующие фразы: 1) *Разговорную речь на уроках русского языка необходимо изучать, потому что…* 2) *Когда я записывал(-а) устную речь школьников, я заметил(-а), что…* 3) *Урок для меня полезен тем, что…* 4) *В процессе лингвистического анализа и работы в группе я почувствовал, что…*

На **заключительном этапе** учитель подводит итог, говоря о богатстве, многообразии и вариативности языка. Ученики делают выводы о важности изучения разговорной речи.

В качестве **домашнего задания** ученикам предлагается сделать аудиозапись собственного монолога (не менее 10 минут), записать его в виде текста, выявить лингвистические особенности согласно памяткам, результаты анализа оформить в таблице.

Урок-«лингвистическая лаборатория» вызвал у учеников живой отклик. В ходе группового анализа происходил обмен мнениями, в ряде случаев возникали разногласия, что свидетельствует об интересе учащихся к материалу исследования. В целом в ходе анализа текста ученики смогли обнаружить и верно назвать все основные особенности разговорного монолога. Таким образом, урок способствовал формированию у учащихся мотивации к изучению родного языка, позволил обобщить и систематизировать сведения о лингвистических особенностях разговорной речи.

Список использованной литературы

1. Косицина, Ю. В. Исследование разговорной речи: региональный компонент в обучении русскому языку и литературе / Ю. В. Косицина. – Красноярск : Полиграфическая компания «Sitall», 2019. – 238 с.

2. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента / Н.Г. Благова, Л.А. Коренева, О.Д. Родченко // РЯШ. 1993. – № 4. – С. 16-19.
3. Сибирякова, И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. - Екатеринбург, 1996. - 17 с.
4. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь : Пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. - Москва : Просвещение, 1983. - 80 с.

УДК 81`243

Жуковская А. О., магистрант 2 курса

ТИПЫ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Научный руководитель: **Н. В. Изотова**, кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматриваются типы монологического высказывания и существующие виды креолизованных текстов в лингвистических исследованиях и методике обучения иностранным языкам. Целью исследования является анализ основных видов монолога, применяемых в педагогической практике, и существующих видов креолизованных текстов, которые могут способствовать формированию монологической речи у учащихся. Методология исследования включает сравнительный анализ различных теоретических подходов к типологии монолога и креолизованных текстов для выявления методических приемов их интеграции в учебный процесс. Новизна исследования заключается в обосновании методического потенциала креолизованных текстов для развития различных типов монологического высказывания, что позволяет повысить эффективность преподавания английского языка и развить речевые навыки учащихся разного уровня подготовки.

Ключевые слова: монологическое высказывание, типы монолога, креолизованный текст, виды креолизованных текстов, обучение иностранным языкам.

Zhukovskaya A.O., Master Course student, 2nd year

TYPES OF MONOLOGUE IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING BASED ON CREOLIZED TEXTS

Scientific supervisor: **N. V. Izotova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article examines the typologies of monologue and the existing types of creolized texts in linguistic studies and foreign language teaching methodology. The aim of the study is to analyze the main types of monologue applied in pedagogical practice and the existing kinds of creolized texts that can contribute to the development of monologic speech among learners. The research methodology includes a comparative analysis of various theoretical approaches to the typology of monologue and creolized texts to identify

methodological techniques for their integration into the educational process. The novelty of the study lies in substantiating the methodological potential of creolized texts for developing various types of monologic utterances, which can enhance the effectiveness of English language teaching and improve the speech skills of students with different proficiency levels.
Keywords: monologic utterance, types of monologue, creolized text, types of creolized texts, foreign language teaching.

В современной методике преподавания иностранных языков ключевое значение придается развитию продуктивных речевых навыков, которые включают навыки письменной, а также диалогической и монологической речи. Формирование этих навыков начинается с начальных этапов обучения, однако количество дидактических упражнений, направленных на их совершенствование, увеличивается по мере перехода к более высоким уровням обучения. Уровень развития продуктивных речевых умений является важным фактором для успешного решения сложных коммуникативных задач [6, с. 78]. Рассмотрим понятие такого продуктивного речевого навыка, как монологическая речь.

По мнению Г. Я. Зиминой монологическое высказывание – это «*системная коммуникативная единица монологической речи, которая, будучи цельным, функционально, структурно и тематически завершенным, логически связанным минимальным тематическим высказыванием, представляет собой сложное единство высказываний, объединенных общей коммуникативной целью, темой, синтаксическими и стилистическими особенностями и используемое в устной и письменной формах общения*» [2, с. 46].

Внутренняя структура иноязычной монологической речи, как и любой другой речевой деятельности имеет три фазы (уровня). И. А. Зимняя выделяет:

1.мотивационно-побудительную фазу;

2.ориентировочно-исследовательскую фазу;

3.исполнительно-реализующую фазу [3, с. 47].

Монологическое высказывание может быть разного уровня: 1) слово (словоформа), 2) словосочетание, 3) фраза, 4) сверхфразовое единство, 5) текст. На любом уровне речевого общения монологическое высказывание выступает в качестве речевой единицы в процессе общения в форме реплики (слово), утверждения (словосочетание), вопроса (фраза), убеждения (сверхфразовое единство) [5, с. 177].

Ли С. П., Новик К. С., Гуломова Р. Р. расмматривают монологическое высказывание как *отрезок речи, расположенный между двумя смежными высказываниями и обладающий определенными параметрами* [10, с. 2969].

Согласно исследованиям авторов, каждая речевая единица любого уровня имеет присущие ей трудности в освоении:

1. Для уровня слов и словосочетаний – это морфологические трудности (хотя и разного характера);

2. Для уровня фраз – синтаксические;

3. Для уровней сверхфразового единства и текста — логико-синтаксические.

Также согласно каждый из уровней имеет свои модели:

1. Для слов – это типы словообразований;

2. Для словосочетаний – их типы;

3. Для всех остальных уровней – их базовые структурные характеристики [10, с. 2969-2970].

Любая модель может быть наполнена вербальным содержанием, и тогда она служит речевой моделью.

Высказывание любого уровня характеризуется определенными параметрами, среди которых есть как общие, так и специфические для каждого из уровней. Первые три уровня высказываний с точки зрения обучения связаны с освоением лексической и грамматической сторон речи, тогда как уровни сверхфразового единства и текста относятся к этапу развития речевой способности.

Говоря о монологическом высказывании, авторы подразумевают только уровень сверхфразового единства, так как именно этот уровень составляет основную сложность обучения на этапе развития речевой способности, является характерной чертой монологического высказывания и служит ключом к его освоению.

Монологическое высказывание на уровне сверхфразового единства может рассматриваться в двух аспектах: как деятельность (процесс) и как продукт (результат). Предлагаем рассмотреть данные аспекты в форме таблицы (таб. 1).

Таблица 1

Аспекты монологического высказывания на уровне сверхфразового единства по Ли С. П., Новик К. С., Гуломова Р. Р.

Монологическое высказывание	
Как деятельность	Как результат
всегда целенаправленно	информативно
связано с коммуникативным мышлением	продуктивно
отражает общую активность человека и личность говорящего	выразительно
ситуативно	структурировано
протекает в определенном темпе	логично
	целостно

Е. И. Пассов выделяет *три главных параметра монологического высказывания*, которые отражают его сущность:

1. Относительно непрерывный характер (процесс его порождения длится определенное время, не будучи прерванным кем-либо или чем-либо);

2. Последовательность, логичность (данное качество заключается в развитии идеи ключевой фразы в последующих);

3. Относительно смысловая законченность, коммуникативная

направленность (смысловая логичность действий в процессе общения).

Даже простое перечисление параметров монологического высказывания показывает, что обучение ему является крайне сложной задачей. Так как современные образовательные стандарты делают особый акцент на развитии у обучающихся навыков монологической речи как важнейшего компонента коммуникативной компетенции, что делает необходимым рассмотрение типологии монологических высказываний для развития действенной методики для данной стороны иноязычного образования.

Рассмотрев особенности монологической речи, необходимо перейти к систематизации его видов, обусловленных коммуникативными задачами.

По коммуникативной цели различают следующие монологические высказывания (таб. 2).

Таблица 2

Виды монологического высказывания (С. Ф. Шатилов)

Виды	**Содержание**
Монолог-сообщение	Передача конкретной информации, сообщение фактов или данных в связной и понятной форме.
Монолог-описание	Детальное представление объекта или явления с акцентом на его свойства, характеристики и детали.
Монолог-рассуждение	Логическое изложение, анализ, сравнение и аргументация с целью обоснования или объяснения.
Монолог-повествование	Последовательное изложение событий или действий с определённой структурой.
Монолог-убеждение	Выражение точки зрения с целью повлиять на собеседника и убедить его в своей позиции.

По С. Ф. Шатилову все перечисленные монологические высказывания предполагают владение сложным монологическим умением связного изложения мыслей, фактов, событий [9, с. 80].

Таким образом, понимание различных типов монологического высказывания позволяет определить, какие виды креолизованных текстов наиболее эффективны для формирования монологической речи. В этом контексте особенно важным становится исследование креолизованных текстов, так как они представляют собой неотъемлемый элемент современной коммуникации, играющий важную роль в формировании коммуникативной компетенции у обучающихся, изучающих иностранный язык. Рассмотрим понятие и основные виды креолизованных текстов.

Е.Е. Анисимова определяет креолизованный текст как «особый лингвовизуальный феномен, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата [1, с. 49]. При восприятии креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: адресат воспринимает сначала невербальную составляющую, то есть изображение, а

затем вербальную часть креолизованного текста, что позволяет адресату полностью воспринять заложенную адресантом информацию [1, с. 8]. Также в рамках своих исследований О. В. Пойманова рассматривает креолизованный текст как видеовербальный текст, то есть сложное семиотическое образование, в котором вербальный и иконический компоненты взаимодополняют друг друга [7, с. 7].

Необходимо подчеркнуть, что при восприятии креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: адресат воспринимает сначала невербальную составляющую, то есть изображение, а затем вербальную часть креолизованного текста, что позволяет адресату полностью воспринять заложенную адресантом информацию [1, с. 8].

Визуализация есть актуальный способ дизайна образовательного контента, поскольку основана на структурировании, а также уплотнении учебного материала с помощью средств наглядности для обеспечения его системного усвоения [4, с. 73]. Учитывая разнообразие форм, которые могут принимать креолизованные тексты, небходимо отметить, что, хотя креолизованные тексты имеют огромный методический потеницал при обучении иностранным языкам [9], не все виды текста будут эффективны при построении обучащимися конкретного вида монологического высказывания. В обучении английскому языку для эффективного формирования различных видов монологического высказывания важно использовать подходящие виды креолизованных текстов, которые способствуют развитию соответствующих коммуникативных навыков учащихся. Мы проанализировали какие виды креолизованных текстов подходят для данной цели.

О. В. Пойманова разделяет креолизованные тексты по ***роли изображения и по соотношению объема информации, переданной различными знаками.*** Согласно классификации автора существуют:

1) **репетиционный** текст (изображение в основном дублирует содержание вербального текста;

2) **аддитивный** текст (изображение добавляет к вербальному тексту новую информацию);

3) **выделительный** текст (изображение выделяет один из аспектов вербальной информации, которой больше по объему, чем иконическая составляющая);

4) **оппозитивный** текст (существует несоответствие между изображением и вербальной частью);

5) **интегративный** текст (изображение интегрировано в структуру вербального текста или наоборот);

6) **изобразительно-центрический** текст (изображение занимает доминирующую роль в тексте, превосходя вербальную составляющую по значимости).

Проанализировав виды креолизованных текстов, предлагаем рассмотреть результаты нашего обобщения, в котором сопоставлены

различные виды монологического высказывания с подходящими видами креолизованных текстов (таб. 3):

Таблица 3

Виды монологического высказывания и виды креолизованных текстов в обучении английскому языку

Виды монологического высказывания	**Виды креолизованного текста**
Монолог-сообщение	репетиционный текст, аддитивный текст
Монолог-описание	выделительный текст, изобразительно-центрический текст
Монолог-рассуждение	оппозитивный текст, интегративный текст
Монолог-повествование	репетиционный текст, аддитивный текст
Монолог-убеждение	оппозитивный текст, интегративный текст

Монолог-сообщение характеризуется передачей конкретной, четко структурированной информации. В этом случае оптимальным выбором являются репетиционный текст и аддитивный текст. *Репетиционный текст* обеспечивает учащимся модель готового высказывания, демонстрируя последовательность и организацию информации, что способствует формированию навыков структурированного изложения. Второй тип текста (*аддитивный*) стимулирует развитие умения логически дополнять и расширять уже существующее сообщение, что способствует более глубокому освоению материала и выходу за рамки простого пересказа.

Монолог-описание требует детального представления объекта или явления с акцентом на его существенные характеристики. Для этих целей подходят *выделительный текст*, который помогает учащимся сфокусироваться на ключевых признаках и особенностях описываемого объекта, а также *изобразительно-центрический текст*, который с помощью визуальных средств усиливает восприятие и способствует более полному и детальному раскрытию содержания.

Монолог-рассуждение требует аналитического мышления, логического выстраивания аргументов и сопоставления различных точек зрения. Наиболее способствующими этому являются *оппозитивный текст* и *интегративный текст*. *Оппозитивный текст* стимулирует развитие критического мышления путем представления противоположных аргументов, что помогает учащимся практиковать сравнение и формирование обоснованных суждений. *Интегративный текст* даёт возможность объединять различные идеи, формируя целостное и связное рассуждение, что является ключевым для построения сложных высказываний.

Монолог-повествование предполагает последовательное и связное изложение событий. Для формирования такого типа монолога особенно эффективно использование *репетиционных* и *аддитивных текстов*. Репетиционный текст играет роль модели, демонстрирующей учащимся готовую структуру повествования, что помогает понять организацию и последовательность событий в монологическом высказывании. *Аддитивный*

текст дополняет и расширяет материал за счет добавления новой информации, что способствует развитию умения логически выстраивать и обогащать сюжетную линию, обеспечивая целостность повествования. Благодаря сочетанию этих текстов учащиеся получают возможность практиковать построение связного и последовательного рассказа, что является ключевым навыком при освоении монологического высказывания данного типа.

Монолог-убеждение ставит целью формирование убедительной позиции, влияющей на мнение слушателей. Для создания такого типа высказывания целесообразно использовать *оппозитивный* и *интегративный тексты*, дающие возможность демонстрировать различные аргументы, выстраивать убедительные контраргументы и использовать информацию для подкрепления собственной точки зрения, что способствует развитию навыков критического мышления.

Исследование показывает, что разнообразие видов креолизованных текстов способствует целенаправленному развитию умений строить и использовать различные типы монологического высказывания, что значительно повышает эффективность обучения иностранным языкам в современных условиях.

Таким образом, проведенное исследование позволило систематизировать типы монологического высказывания и существующие виды креолизованных текстов. Данная систематизация позволяет понять, какие текстовые формы рекомендуется использовать для построения различных видов монологического высказывания обучающимися на уроках английского языка. По коммуникативной цели существуют следующие виды монологического высказывания: монолог-сообщение; монолог-описание; монолог-рассуждение; монолог-повествование; монолог-убеждение

Согласно классификации О. В. Поймановой представлены следующие виды креолизованных текстов по роли изображения и по соотношению объема информации, переданной различными знаками: репетиционный текст; аддитивный текст; выделительный текст; оппозитивный текст; интегративный текст; изобразительно-центрический текст.

Креолизованные тексты могут принимать разнообразные формы. Благодаря визуальному компоненту, такие тексты способствуют более эффективному и быстрому усвоению языкового материала. Вместе с тем, не все виды креолизованных текстов подходят для построения монологических высказываний. По итогам нашего исследования выявлено, что построение различных типов монолога возможно посредством применения конкретных видов креолизованных текстов. Монолог-сообщение соответствует репетиционному тексту и аддитивному тексту; монолог-описание — выделительному тексту и изобразительно-центрическому тексту; монолог-рассуждение формируется при помощи оппозитивного текста и интегративного текста; монолог-повествование строится на основе

репетиционного текста и аддитивного текста; монолог-убеждение реализуется через оппозитивный текст и интегративный текст.

Список использованной литературы

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Зимина, Г.Я. Обучение старшеклассников некоторым функциональным разновидностям монологического высказывания / Г.Я. Зимина // Вопросы совершенствования процесса обучения иностранному языку в средней школе и вузе : Сб. науч. ст. Горький, 1979. – Вып. 3. – С. 42 – 53.
3. Зимняя, И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: Кн. для учителя. 2-е изд. М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
4. Изотова, Н.В., Клименко, М.В. Использование инфографических текстов для визуализации образовательного контента в иноязычном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2023. – № 6. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33215 (дата обращения: 13.01.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.33215
5. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. – 276 с.
6. Перепечкина, В. И. Роль продуктивных речевых умений в системе формирования коммуникативной компетенции / В. И. Перепечкина // Коммуникативно-ориентированное обучение иностранным языкам: традиции, проблемы, перспективы : Тезисы региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры лингводидактики Лингвистического института АлтГПА, Барнаул, 02–03 ноября 2009 года. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2009. – С. 78-79.
7. Пойманова, О.В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Моск. гос. лингвистический ун-т. - Москва, 1997. - 24 с.
8. Шатилов, С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1986. – 223 с.
9. Izotova, N. Information visualization in context of modern education megatrends / N. Izotova, M. Klimenko, E. Nikolaenko // E3s web of conferences : Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021), Moscow, 28–30 апреля 2021 года. Vol. 284. – Moscow: EDP Sciences, 2021. – P. 09011.
10. Li S.P., Novik K.P., Gulomova R.R. Teaching Monologic Speech in English Classes // Palarch’s Journal Of Archaeology Of Egypt/Egyptology 18(4), p. 2965-2973.

УДК 372.881.161.1

Квилюнас А. М., бакалавр 5 курса

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

научный руководитель: **А.П. Каргина**, кандидат филологических наук, доцент

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальных проблем на современном этапе развития педагогической теории и практики – формирование критического мышления на уроках русского языка, поскольку в процессе обучения решаются главные задачи, поставленные перед школой: подготовить подрастающее поколение к жизни, к активному участию в научно-техническом и социальном прогрессе. Цель исследования связана с изучением методов и приёмов развития критического мышления в процессе обучения. Автор останавливается на описании приёмов «Бортовой журнал», «Фишбоун» и RAFT, использование которых поможет разнообразить уроки русского языка, выработать интерес к изучаемому предмету.

Ключевые слова: критическое мышление, технология развития критического мышления, приёмы развития критического мышления, бортовой журнал, «Фишбоун», RAFT.

Kvilyunas A.M., Bachelor Course student, 5th year

TECHNOLOGIES FOR DEVELOPING CRITICAL THINKING IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Scientific supervisor: **Kargina A.P**., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vitus Bering Kamchatka State University

Abstract. The article examines one of the urgent problems at the present stage of the development of pedagogical theory and practice – the formation of critical thinking in Russian language and literature lessons, since in the learning process the main tasks assigned to the school are solved: to prepare the younger generation for life, for active participation in scientific, technical and social progress. The purpose of the study is to explore methods and techniques for developing critical thinking in the learning process.

The author describes the techniques "Logbook", "Fishbone", and RAFT, which can be used to make Russian language lessons more interesting and engaging.

Keywords: critical thinking, critical thinking development technology, critical thinking techniques, logbook, Fishbone, RAFT.

Последние десятилетия характеризуются чрезвычайно быстрыми переменами в жизни человечества, возникающими под воздействием

научно-технического, социального, информационного прогресса. Эти процессы достаточно сильно влияют на повседневную жизнь людей, заставляют внимательно относиться к восприятию все более интенсивного потока информации и происходящих событий.

С изменениями в обществе меняется и мышление школьников. Современного ученика чрезвычайно сложно увлечь, мотивировать к познавательной деятельности. Каждому заинтересованному в своей профессиональной деятельности учителю хочется, чтобы на уроке царила атмосфера творчества, ученикам было интересно приходить и получать новые знания. Именно поэтому вопрос развития творческого (критического) мышления стоит на одном из главенствующих мест в современной системе образования.

Критическое мышление – важный элемент развития. Такое мышление помогает человеку понимать, анализировать, определять собственные приоритеты, повышает уровень работы с информацией, формирует умения обобщать и делать выводы, прогнозировать последствия своих решений и отвечать за них.

По мнению Л.С.Выготского, «критическое мышление» – это вид интеллектуальной деятельности человека, характеризующийся высоким уровнем восприятия и понимания, объективности подхода к информационному полю» [1, с. 80].

Если рассматривать мышление с точки зрения психологии, то многие учёные (А.А.Крылов, В.В.Богословский, В.П.Зинченко) рассматривают данное определение, как «психический процесс», осуществляемый в результате человеческой деятельности. При этом отмечается, что процесс мышления — это «сложный системный процесс» [3, с. 391].

При огромном количестве поступаемой информации в наше время человек должен уметь рационально мыслить, выделять нужную для себя информацию, осмысливать и анализировать её.

Одним из этапов возникновения теории развития критического мышления (далее – ТРКМ) стала философско-социальная концепция Карла Поппера. Согласно ей, рационалист – это человек, готовый учиться у других благодаря тому, что он позволяет им критиковать свои идеи и сам подвергает критике чужие идеи [2, с. 30].

Если обратиться к задачам ТРКМ, то мы увидим, что педагог должен научить детей не бояться высказывать собственное мнение по возникающему вопросу, а также уметь слушать и слышать оппонентов.

Основу ТРКМ составляет три фазы:

1 фаза – вызов. Обучающиеся «вспоминают», что они знают по поставленному вопросу (высказывают предположения), структурируют информацию до ознакомления с ней; задают вопросы, на которые хотели бы получить ответ, ставят перед собой цели.

2 фаза – осмысление. Обучающиеся читают (слушают) текст, используя различные методы, предложенные учителем, подчёркивают

важную для себя информацию или ведут записи по мере осмысления новой информации, активно конструируют цели своего обучения.

3 фаза – рефлексия. Обучающиеся сопоставляют полученную информацию с той, которая была в начале занятия. Систематизируют информацию, наиболее значимую для понимания сути изучаемой темы, а также наиболее значимую для реализации, сформулированной ранее цели обучения. Высказывают новые идеи и делятся собственным мнением, самостоятельно выстраивают причинно-следственные связи.

В настоящей статье рассмотрим некоторые приемы ТРКМ, которые можно применять на уроках русского языка в средней школе.

Приём «Бортовой журнал»

Бортовые журналы – это обобщённое название для различных видов обобщающего письма. В ходе данного приёма обучающиеся на протяжении всего урока ведут записи в так называемый «журнал».

Данный приём помогает ученикам сконцентрироваться на изучаемом тексте, научиться правильно анализировать информацию, наглядно представлять изучаемый материал.

Суть приёма состоит в том, что обучающиеся в начале урока чертят таблицу или учитель, заранее готовит распечатки с материалом. Может существовать несколько вариантов оформления: простой и более полный (зависит от степени готовности учащихся), но в основе лежит две колонки и два вопроса: *Что мне известно по данной теме? Что я нового узнал по пройденной теме?*

На примере темы «Деепричастный оборот» покажем, каким может быть порядок работы с данным приемом (см. табл. 1):

1. Учитель знакомит ребят с темой «Деепричастный оборот»: кратко рассказывает о ходе сегодняшнего урока.

2. Ученикам даётся время на групповую или парную работу, в ходе которой они определяют, какие понятия будут изучены на уроке, какие трудности могут возникнуть и что им предстоит сегодня решить.

3. Далее начинается заполнение 1 столбца таблицы, где обучающиеся пишут, что им уже известно по данной теме и изучения новой темы приступают к работе со 2 столбцом. На данном этапе ученики работают с полученной информацией, анализируют, «сжимают» и заносят в свой «журнал.

4. Подведение итогов работы. Ученики делятся своим мнением: *Что было сложно? Что понравилось? Что не понравилось? На каком этапе возникли затруднения?* и т.д.

Приём «RAFT»

Аббревиатура «RAFT» подразумевает подсказки, которые используют обучающиеся в процессе своей деятельности. Основной опыт использования был представлен зарубежными исследователями (профессором колледжа Прескотт Кристины Фабрей, профессором Рэдфордского университета Хизер Кит и практикующих преподавателей

Кэтти Симон и Гэй Миллер), в отечественной педагогике данный приём представляет относительное новшество.

Таблица 1

Фрагмент конспекта урока по теме «Деепричастный оборот» с использованием приёма «Бортовой журнал»

<table>
<tr><th>Этап урока</th><th>Деятельность учителя</th><th>Деятельность учеников</th></tr>
<tr><td>Постановка целей и задач урока</td><td>Сегодня мы с вами изучим тему «Деепричастный оборот». Сделаем мы это с помощью таблицы.
Но перед заполнением нашей таблицы, давайте поставим цели нашего урока.</td><td>Ставят цели урока.</td></tr>
<tr><td>Актуализация знаний</td><td>Предлагаю вам заполнить первую колонку. Что вам уже известно? Какие слова вам знакомы из понятия «деепричастный оборот».</td><td><table><tr><th>Что мне известно по данной теме?</th><th>Что я нового узнал по пройденной теме?</th></tr><tr><td>Деепричастие — это особая форма глагола, которая обозначает добавочное действие.</td><td></td></tr></table></td></tr>
<tr><td>Первичное усвоение</td><td>Дети вместе с учителем знакомятся с правилом и отрабатывают полученные знания</td><td></td></tr>
<tr><td>Рефлексия</td><td>Предлагаю вам заполнить последнюю колонку таблицы.</td><td><table><tr><th>Что мне известно по данной теме?</th><th>Что я нового узнал по пройденной теме?</th></tr><tr><td>Деепричастие — это особая форма глагола, которая обозначает добавочное действие.
Знаки препинания в предложениях с причастным оборотом.</td><td>Деепричастный оборот –эт деепричастие с зависимыми словами.</td></tr></table></td></tr>
</table>

Название приёма произошло от первых букв составных слов:

- R-role (роль). Исходя из темы урока, учащийся самостоятельно или из предложенных вариантов выбирает, от чьего имени будет идти повествование.
- A-audience (аудитория). Выявление кому может предназначаться текст. В зависимости от содержания сообщение может быть адресовано реальному человеку, а может быть направлено анонимному читателю.
- F-format (форма). Формат текста, выбор жанровой разновидности, раскрывающей основные особенности текста. Показывает различные формы написания, широту возможностей для обучающихся.
- T-topic (тема). Один из главных компонентов приёма, от которого зависит последующие этапы написания сочинения. Тема влияет на композицию, отбор языковых средств и многое другое. Она должна быть увлекательной и интересной, прежде всего, ученикам. [4, с. 68]

При обучении русскому языку данный прием может использоваться на уроках развития речи при создании письменных текстов определённой тематики, которые могут различаться по жанру и стилю.

В начале урока развития речи учитель объясняет цель работы, знакомит обучающихся с аббревиатурой «RAFT».

На этапе обучения технологии целесообразно использовать таблицу, состоящую из четырёх колонок, каждая из которых включает один из компонентов: роль, аудиторию, форму и тему.

Например, учитель предлагает обучающимся написать сочинение-повествование по фрагменту текста А.Н.Толстого «Детство Никиты». На доске чертятся 4 колонки, каждая из которых имеет одну из букв аббревиатуры RAFT. Далее начинается обсуждение каждой буквы. Первая буква R- роль. Ученики самостоятельно могут подумать над возможными ролями или же учитель сделает это заранее и предложит выбрать из готового списка. Например, учитель задаёт наводящие вопросы: *Давайте попытаемся предположить, что значит буква Р. Как вы думаете, кто может рассказать нам о событии?* Обучающиеся в процессе обсуждения предлагают свои варианты: *ручеёк, кораблик, сам Никита, солнце.*

Подобные вопросы связаны и с выбором аудитории, для которой будет писаться текст: *Кому может быть адресован текст?*

После этого предлагается обсудить форму текста, и здесь важно, чтобы ребята были знакомы с основными стилями и жанрами речи. Учитель может кратко познакомить учеников с возможными формами и предложить наиболее интересные: *Это может быть рассказ или письмо другу. Можно написать сочинение в виде путевой заметки — жанра, который описывает интересные места, события или субъективные наблюдения автора во время путешествия.*

В конце обсуждается тема, идеи, которые будут заключены в тексте: *весна или день из жизни Никиты.*

Преимущества данной технологии состоит в том, что ученики примеряют на себе разные роли, учатся импровизировать, развивают

творческий потенциал. Уроки развития речи проходят в необычном формате, что помогает заинтересовать обучающихся, привить любовь к русскому языку.

Приём «Фишбоун»

В основе данной технологии – схематическая диаграмма в виде рыбного скелета. Составление такой схемы позволит обучающимся лучше усвоить теоретические понятия. Например, при изучении темы «Наклонение глагола» можно использовать следующую схему, которая включает в себя четыре основных блока (см. рис. 1.):

1. Голова: тема (*Наклонение глагола*), вопрос, проблема, которые подлежат анализу (*Куда глагол наклоняется?*). Вопрос должен заинтриговать обучающихся, подтолкнуть к поиску ответа на него.
2. Верхние косточки: на них фиксируются основные понятия (*изъявительное, повелительное, условное наклонение*).
3. Нижние косточки: факты, доказывающие или опровергающие понятия, указанные на схеме (*изъявительное наклонение- настоящее время, прошедшее время, будущее время* и т.д.).
4. Хвост: ответ на поставленный вопрос, выводы (*Категория, которая выражает отношение действия к действительности. Глагол никуда не наклоняется*).

Важным этапом работы является презентация полученных результатов. Учитель должен убедиться, что схема заполнена правильно, что у учеников не осталось вопросов.

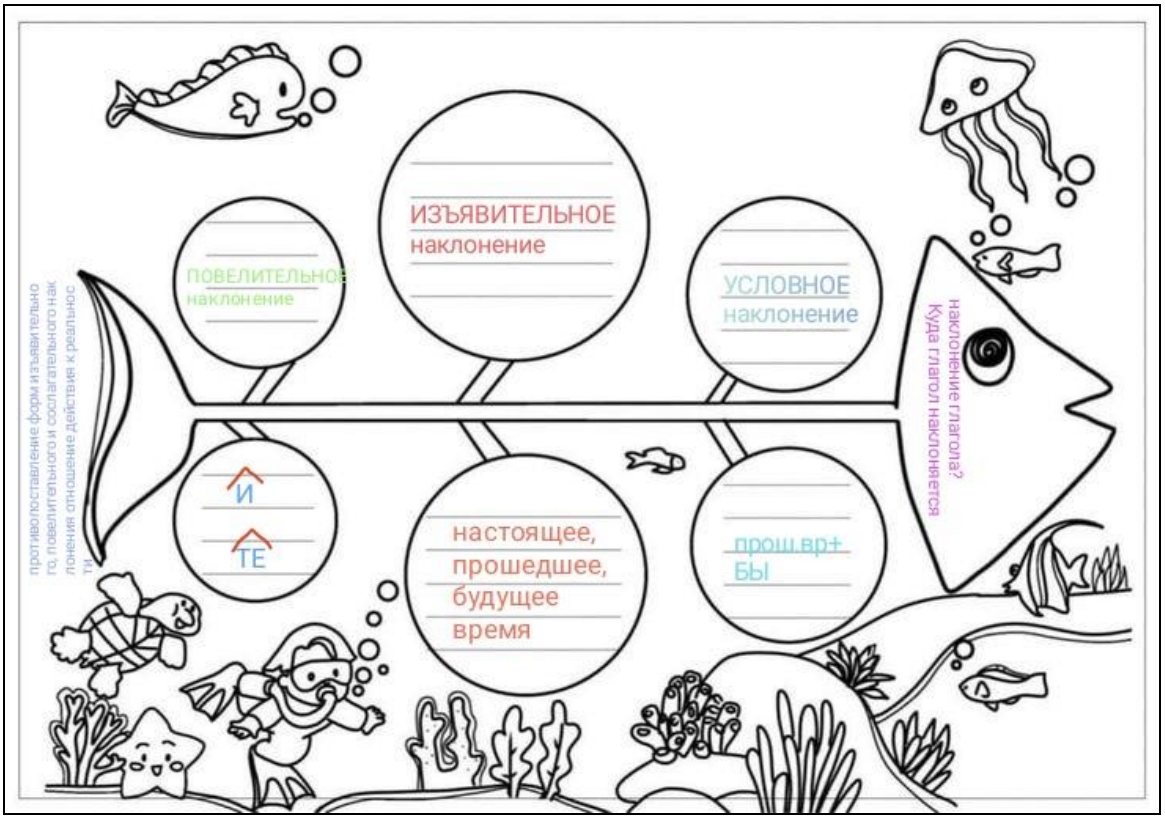

Рис.1. Фишбоун «Наклонение глагола»

Таким образом, целенаправленная работа по развитию и формированию критического мышления обучающихся позволяет комплексно реализовать общеобразовательные, развивающие и воспитательные задачи обучения, способствует развитию культуры личности школьника. Описанные выше приёмы показывают, как обучить школьников анализировать и систематизировать информацию, делать уроки интересными и запоминающимися.

Список использованной литературы

1. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Питер. 2006. – 304 с.

2. Поппер Карл Р. Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант —философ Просвещения. / Пер. с нем., вступит, статьи и примеч. И. З. Шишкова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 56 с.

3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии СПб.: Изд-во Питер. 2002. – 720 с.

4. Буяров, Д.В., Иванов, П.А. Применение RAFT-технологии при формировании творческого и критического мышления обучающихся // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2023. – Т. 15, № 2. – С. 65-77. DOI: 10.14529/ped230206

УДК 37.02:81`243:78.07:004.9

Киреева Ю. К., магистрант 1 курса

ПОЛИХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Научный руководитель: **М.В. Клименко,** кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В работе рассматривается потенциал интеграции полихудожественного подхода в процесс обучения устной и письменной иноязычной речи в рамках современной цифровой среды. Обосновывается значимость интеграции различных видов искусств в образовательный процесс с целью повышения мотивации, развития креативности и совершенствования языковой компетенции обучающихся. Представлены возможности практического применения полихудожественных технологий в цифровом формате при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: Полихудожественный подход, иноязычная речь, цифровая среда, интеграция искусства, мотивация, креативное мышление, совершенствование языковой компетенции.

Kireeva J.K., Master Course student, 1st year

A MULTI-ARTISTIC APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE DIGITAL AGE

Scientific supervisor: **M.V. Klimenko,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The paper examines the potential of integrating a poly-artistic approach into the learning process of oral and written foreign language speech in the modern digital environment. The author substantiates the importance of integrating various types of arts into the educational process in order to increase motivation, develop creativity and improve the language competence of students. The possibilities of practical application of poly-artistic technologies in digital format when learning a foreign language are presented.

Keywords: Poly-artistic approach, foreign language, digital environment, integration of art, motivation, creative thinking, improvement of language competence.

Цифровые технологии быстро развиваются и совершенствуются, влияя на все аспекты жизни, в том числе и образование. Сегодня полихудожественный подход, который объединяет разные виды искусства в обучении, становится особенно актуальным. Цифровая среда открывает новые возможности для его реализации.

Полихудожественный подход представляет собой интеграцию различных видов искусства – таких как литература, визуальные искусства, музыка и театр — в процесс обучения. В контексте изучения английского языка этот подход способствует глубокому и всестороннему восприятию материала, развивает творческое мышление и повышает мотивацию учащихся. Понятие «полихудожественный подход», ввиду своей относительной молодости в сравнении с другими педагогическими категориями, в настоящее время является подвижным [4].

Исследования Л.В. Добровольской и Е.А. Заплатиной подтверждают эффективность полихудожественной стратегии Б.П. Юсова, отмечая важность выхода за рамки одного вида искусства и соотнесения его с реальной жизнью и духовными ценностями [2]. Освоение искусства в различных формах развивает духовную культуру учащихся.

Цифровые технологии открывают беспрецедентные возможности для внедрения полихудожественного подхода в обучение иностранному языку. Среди наиболее эффективных цифровых инструментов можно выделить несколько: во-первых, онлайн-платформы и ресурсы, которые предоставляют неограниченный доступ к художественным произведениям: от живописи и музыки до театральных постановок. Во-вторых, интерактивные мультимедийные ресурсы, к примеру онлайн-тесты и игры, основанные на произведениях искусства, позволяют активно

взаимодействовать с материалом. В-третьих, видеоконференции и виртуальные экскурсии стирают географические ограничения, предоставляя возможность общаться с носителями языка в реальном времени, посещать музеи и театры по всему миру. Далее, инструменты для создания мультимедийных проектов, включая программы для обработки аудио и видео, а также для создания презентаций и инфографики, позволяют учащимся проявить свою креативность и создавать собственные художественные интерпретации.

Цифровые технологии предоставляют большое разнообразие инструментов для реализации полихудожественного подхода. Кроме того, платформы для создания цифрового контента дают возможность учащимся самим создавать проекты, подключая разные виды искусства: писать рассказы, снимать короткие фильмы, создавать музыку или иллюстрации на английском языке. Такой творческий процесс усиливает и совершенствует умения письма, говорения и восприятия на слух, а также вырабатывает уверенность в использовании языка.

Список использованной литературы

1. Вардзелашвили, Ж. А. Становление вторичной языковой личности в пространстве иностранного языка / Ж. А. Вардзелашвили, Л. П. Прокофьева // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 205-216. – DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-18.
2. Добровольская, Л. В. Приобщение младших школьников к музыкальным традициям казахского народа : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Добровольская Лиана Валерьевна. – Екатеринбург, 2013. – 23 с.
3. Карчава, О. В. К вопросу о преимуществах применения когнитивно-деятельностного подхода в процессе обучения иностранному языку в высшей школе // The Scientific Heritage. 2020. – №44-4 (44). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-preimuschestvah-primeneniya-kognitivno-deyatelnostnogo-podhoda-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vysshey-shkole (дата обращения: 13.10.2025).
4. Сухов, А. О. Методологические аспекты становления театральной педагогики / А. О. Сухов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2(220). – С. 19-30. – DOI 10.23951/1609-624X-2022-2-19-30. –
5. Шелтрекова, Я.В., Прокопов, В.Л. Мультимедийные технологии как выразительное средство в создании сценического пространства в драматическом спектакле // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. – № 56. – URL: https://cyber-leninka.ru/article/n/multimediynye-tehnologii-kak-vyrazitelnoe-sredstvo-v-sozdanii-stsenicheskogo-prostranstva-v-dramaticheskom-spektakle (дата обращения: 21.10.2025).

УДК 372.881.1

Клименко А.А., магистрант 2 курса

ОБУЧАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Научный руководитель: **Н.В. Изотова,** кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена обзору обучающего потенциала искусственного интеллекта в сфере иноязычного образования с опорой на работы ведущих исследователей в данной области, таких как П.В. Сысоев, Е.М. Филатов, А.П. Авраменко и других. В статье представлены ключевые направления применения искусственного интеллекта в образовании, включая автоматизацию оценивания, персонализацию учебных траекторий и адаптацию контента под индивидуальные потребности обучающихся. Особое внимание уделяется дидактическим свойствам нейросетей П.В. Сысоева.

Ключевые слова: искусственный интеллект, иноязычное образование, цифровые технологии, нейронные сети.

Klimenko A.A., Master Course student, 2nd year

THE LEARNING POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Scientific supervisor: **N.V. Izotova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article is devoted to the review of the teaching potential of artificial intelligence in the field of foreign language education based on the works of leading researchers in this field, such as P.V. Sysoev, E.M. Filatov, A.P. Avramenko and others. The article presents the key directions of artificial intelligence application in education, including automation of assessment, personalization of learning trajectories and content adaptation to individual needs of students. Special attention is paid to didactic properties of neural networks by P.V. Sysoev.

Keywords: artificial intelligence, foreign language education, digital technologies, neural networks.

Современное образование, в условиях цифровизации и глобализации, радикально трансформируется, обогащаясь передовыми интеллектуальными инструментами [2]. В частности, в образовательный процесс активно

внедряются нейронные сети, искусственный интеллект (далее ИИ) и другие цифровые технологии, придающие ему качественно новые измерения.

Филатова О.Н. определяет нейронные сети сложные математические модели в виде вычислительного кода. Данный код способен прогнозировать результаты, решая интеллектуальные задачи путем анализа критериев вопроса и обработки больших объемов данных. На основе такого анализа ИИ формирует наиболее вероятный и точный ответ. Важнейшее преимущество нейросетей заключается в их способности к самообучению, позволяющей им совершенствоваться без прямого участия специалистов по машинному обучению [7, с. 378].

Самсонович О.О. и Фокина Е.А. определяют искусственный интеллект как технологию создания интеллектуальных систем, способных выполнять сложные задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта. Понятие ИИ вышло за рамки первоначального определения и теперь включает в себя ряд современных технологий, расширяющих возможности компьютерных наук. Искусственный интеллект описывается как сложная система, ставшая одной из актуальных и обсуждаемых тем [4, с. 257].

ИИ активно внедряются в сферу образования, открывая новые возможности для оптимизации учебного процесса. Одним из ключевых направлений является автоматизация оценивания, например, при проверке экзаменационных работ. Кроме того, ИИ способен анализировать успеваемость учащихся, выявляя их слабые стороны, и на основе этих данных предлагать персонализированные учебные материалы. Это позволяет углубить понимание сложных тем и повысить уровень знаний. Система также может адаптировать индивидуальный план обучения, обеспечивая непрерывный и объективный мониторинг прогресса, что делает процесс обучения более эффективным и справедливым [6, с. 134].

ИИ в образовании предполагает использование передовых технологий, включая интеллектуальные системы обучения, чат-боты и автоматизированную оценку цифровых материалов, направленных на поддержку и совершенствование учебного процесса. Основные направления применения ИИ в этой сфере можно разделить на три ключевые категории: платформы для адаптивного онлайн-обучения, интеллектуальные обучающие системы, а также системы управления образовательными траекториями. Эти инструменты способствуют более эффективному и персонализированному подходу к обучению [3, с. 468].

В современной педагогической науке все больше исследований сосредоточено на повышении эффективности обучения через интеграцию цифровых технологий. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту, существенно трансформирующий подходы к применению цифровых инструментов в преподавании и изучении иностранных языков.

На сегодняшний день ведущими исследователями в области вопросов внедрения искусственного интеллекта в иноязычное образование являются Сысоев П.В., Филатов Е.М., Авраменко А.П., Евстигнеев М.Н. и др.

Сысоев П.В. в своих научных работах исследует вопросы интеграции технологий ИИ в образовательный процесс в рамках обучения иностранным языкам, персонализации обучения и методических аспектов применения новых технологий в преподавании. Филатов Е.М. исследует влияние чат-ботов и голосовых помощников на иноязычные умения обучающихся. Авраменко А.П. исследует интеграцию современных технологий, в том числе ИИ, в лингвистику, лингводидактику и преподавание иностранных языков с акцентом на индивидуализацию обучения и развитие коммуникативных навыков. Евстигнеев М.Н. исследует процесс интеграции ИИ в обучение иностранным языкам, учитывая развитие компетенций педагогов, разработку методик обучения и использование инновационных инструментов в образовательном процессе.

Харабаджах М.Н. выделяет следующие перспективные характеристики ИИ в образовании:

– социально-эмоциональное развитие (поддержка цифровых навыков, открытый доступ к образовательным ресурсам, гибкость обучения);

– повышение эффективности педагогической деятельности (экономия времени, переход к роли «экспертного наставника», расширение профессионального инструментария через визуализацию данных и цифровые материалы);

– усиление взаимодействия (объединение участников образовательного процесса и их окружения);

– контроль и аналитика (автоматизация оценивания, активизация управленческих отделов, улучшение планирования ресурсов и образовательных программ);

– вариативность методов (адаптация форматов обучения под уровень и потребности учащихся);

– гибридные платформы (интеграция различных приложений в образовательную среду);

– автоматизация процессов (освобождение времени участников образовательного процесса от рутинных задач) [8, с. 236].

Сысоев П.В. определяет дидактические свойства нейросетей как основные характеристики или особенности нейросетей и отдельных инструментов искусственного интеллекта, которые выделяют их среди других и играют важную роль в теории и практике обучения. Эти свойства имеют ключевое значение для дидактики, формируя основу для их применения в образовательном процессе [5, с. 675].

Один из ведущих научных деятелей П.В. Сысоев в исследовании, посвященном дидактическим свойствам ИИ в иноязычном образовании, выделяет 11 дидактических свойств нейросетей, которые лежат в основе их методических функций. Данные свойства позволяют использовать нейросети для решения широкого круга образовательных задач [5, с. 676]:

1. Способность к самообучению (нейросети отличаются способностью к самообучению, основанному на принципе «обучения с подкреплением»,

где пользователь «настраивает» нейросеть с помощью промптов, т.е. запросов для выполнения конкретной задачи).

2. Нелинейность (позволяет нейросетям адаптироваться к запросам, глубже анализировать информацию и предоставлять более точную обратную связь, решая задачи разного уровня сложности).

3. Контекстность (позволяет нейросети запоминать разговор и уточнять запросы, что полезно в чат-ботах и голосовых помощниках и может быть применено в обучении иностранным языкам).

4. Адаптивность (позволяет ИИ адаптироваться к конкретному пользователю через обмен промптами, что полезно для персонализированного обучения, варьируя содержание, методы и темп в зависимости от потребностей ученика, а также для динамической корректировки сложности заданий).

5. Интерактивность (заключается в предоставлении обратной связи по промптам пользователя и используется для разработки методик обучения различным аспектам языка и компетенциям).

6. Доброжелательность (нейросети проявляют доброжелательность при взаимодействии с обучающимися, избегая оскорблений и выражая замечания нейтрально, что обусловлено ограничениями и доброжелательным контекстом, установленным разработчиками).

7. Высокая производительность (ИИ демонстрирует высокую производительность в предоставлении мгновенной и неограниченной оценочной обратной связи, не проявляя усталости, присущей человеку).

8. Единый подход к анализу и проектированию данных (нейросети обеспечивают единый подход к анализу и проектированию данных, позволяя использовать один и тот же принцип решения в разных областях или для решения аналогичных задач).

9. Иллюзия одушевленности (нейросети создают иллюзию одушевленности, вызывая ощущение общения с живым собеседником, что может повысить мотивацию обучающихся).

10. Способность к сжатию / развертыванию / перегенерированию данных (нейросети обладают способностью сжимать, развертывать и перегенерировать данные, что позволяет адаптировать учебный материал под уровень, способности и потребности обучающихся, а также перегенерировать ответ при необходимости).

11. Предсказуемость ответа, обусловленная самообучением, адаптивностью и учетом контекста, дает возможность предварительно настроить нейросеть для выдачи точных и надежных сведений.

Согласно мнению Богатовой С.М. и Фрезе О.В., ИИ может быть полезен в обучении иностранным языкам, так как способен адаптировать процесс обучения и заметно повысить интерес студентов к предмету, а также уменьшить время подготовки преподавателя к занятиям [1, с. 188].

Таким образом, внедрение ИИ в образование, особенно в обучение иностранным языкам, создает новые пути развития в педагогической науке.

По мнению исследователей, ИИ ценен благодаря способности к самообучению, адаптации, сложному анализу данных и учету контекста. Это позволяет создавать индивидуальные программы обучения, автоматизировать оценивание и менять учебный процесс под каждого ученика. Дидактические особенности нейросетей, отмеченные Сысоевым П.В., служат основой для решения многих задач [5].

Важно учитывать, что ИИ может помочь преподавателям, уменьшив количество рутинной работы и позволив сосредоточиться на творческих и методических аспектах преподавания. Для этого требуются дальнейшие исследования по разработке методов внедрения ИИ, оценке их работы в разных условиях обучения и обучению педагогов работе с подобными технологиями.

В дальнейшем исследования могут быть сосредоточены на:

– разработке специализированных нейросетей для образовательных задач;

– повышении уровня цифровой грамотности преподавателей;

– создании правовой базы, регулирующей применение ИИ в образовательном процессе.

Список использованной литературы

1. Богатова, С.М., Фрезе, О.В. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам // Современное педагогическое образование. 2024. – № 3. – С. 187-192.

2. Изотова, Н. В. Цифровизация языкового образования: базовые принципы и современные направления / Н. В. Изотова // Цифровизация языкового образования и лингвокультурная идентичность. – Брянск : Общество с ограниченной ответственностью "Новый проект", 2023. – С. 137-145.

3. Лызь, А. Е. Применение искусственного интеллекта в образовании: функции и регуляция / А. Е. Лызь, Н. А. Лызь // Инженер настоящего и будущего: практика и перспективы развития партнерства в высшем техническом образовании : Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Донецк, 01–02 июня 2023 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. – С. 468-474.

4. Самсонович, О. О. Искусственный интеллект – новые реалии / О. О. Самсонович, Е. А. Фокина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 5-1. – С. 257-263.

5. Сысоев, П. В. Дидактические свойства и методические функции нейросетей / П. В. Сысоев // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 6(72). – С. 672-690. – DOI 10.32744/pse.2024.6.42.

6. Сябитова, К. С. Искусственный интеллект в системе профессионального образования / К. С. Сябитова, О. Н. Филатова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы : Сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 14–25 ноября 2022 года. Том Часть 2. – Красноярск-Челябинск-Нижний Новгород-Москва: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 132-134.

7. Филатова, О. Н. инновации в профессиональном образовании / О. Н. Филатова, С. А. Зиновьева, М. В. Гринина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-2. – С. 376-379.

8. Харабаджах М.Н. Преимущества и риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2022. – № 77-1. – С. 295-298.

УДК 372.881

Ковалева Е. А., магистрант 2 курса

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИАТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Научный руководитель: **Н. В. Изотова**, кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингводидактического потенциала медиатекстов для развития умений полемического высказывания на английском языке в вузе. Авторы обосновывают, что аутентичные полемические медиатексты являются эффективным инструментом для формирования коммуникативной компетенции, включая лингвокультурологическую и дискурсивную составляющие. Систематическая работа с такими материалами позволяет студентам осваивать стратегии аргументации и культурные конвенции ведения дискуссии в англоязычной среде. Использование медиатекстов в обучении способствует не только развитию языковых навыков, но и критического мышления, подготавливая студентов к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: медиатексты, лингводидактика, полемическое высказывание, английский язык, коммуникативная компетенция, аутентичные материалы, критическое мышление, межкультурная коммуникация, аргументация

Kovaleva E. A., Master Course student, 2nd year

THE LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF USING MEDIA TEXTS FOR DEVELOPING POLEMICAL STATEMENT SKILLS IN THE PROCESS OF UNIVERSITY EDUCATION

Scientific supervisor: **N. V. Izotova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky

Abstract. The article explores the linguodidactic potential of media texts for developing skills in producing polemical statements in English in higher education. The authors argue that authentic polemical media texts serve as an effective tool for developing communicative competence, including linguocultural and discursive components. Systematic work with such materials enables students to master argumentation strategies and cultural conventions of discussion in an English-speaking environment. The use of media texts in teaching not only enhances language skills but also fosters critical thinking, preparing students for intercultural communication.

Keywords: media texts, linguodidactics, polemical statement, English language, communicative competence, authentic materials, critical thinking, intercultural communication, argumentation

В условиях бурного развития цифровых коммуникаций медиатексты (новостные статьи, блоги, аналитические репортажи и т. п.) выступают не только как источник свежей информации, но и как ценный лингвокультурный материал для обучения иностранному языку. Современная лингводидактика всё активнее использует медиатексты в образовательной практике, отмечая их высокую эффективность в формировании коммуникативной компетенции учащихся. Эмпирические данные свидетельствуют, что применение аутентичных медиаматериалов способствует развитию лингвокультурологической составляющей, рецептивных речевых навыков и познавательных возможностей студентов [3, с. 6]. По мнению Флауэрдью и Пикока, подлинность материалов повышает мотивацию обучающихся и расширяет их коммуникативный опыт, а репрезентативность медиатекста позволяет ознакомиться с жанровой спецификой и стилистическим разнообразием английского языка [7, с. 241]. В свою очередь Бахман и Палмер указывают, что задания на анализ и пересказ аутентичных текстов формируют стратегические и тактические элементы коммуникативной компетенции, в том числе умение аргументировать и обосновывать позицию по спорным вопросам [6, с. 61].

Особую роль играют полемические медиатексты, которые строятся на интертекстуальных связях и обладают гипертекстовой структурой; это делает их эффективным средством для отработки навыков аргументированного высказывания. Систематическое включение таких материалов в курс английского языка открывает дополнительные возможности для развития у студентов критического мышления и межкультурной коммуникации [5, с. 22-23].

Современное электронное образовательное пространство изобилует разнообразными информационными ресурсами, среди которых заметное место занимают медийные материалы. Медиатексты — одна из наиболее распространённых форм проявления языка в настоящее время и требуют комплексного филологического анализа, учитывающего их многоуровневую структуру и неразрывную связь вербальных и медиальных характеристик. В контексте изучения иностранного языка медиатекст определяется как продукт иноязычной медиакультуры с присущими ему характеристиками: многомерностью, многоаспектностью, динамичностью и социально-регулятивной функцией. Благодаря аутентичности такие тексты в обучении выступают как комплексное средство, обладающее познавательным,

развлекательным, культурно-историческим и учебным потенциалом, что делает их важным элементом современного языкового образования и обеспечивает мост между академическим изучением языка и его реальным употреблением в живой коммуникативной среде. Обновление содержания языкового образования во многом связано с включением аутентичных материалов, в том числе массово-информационных текстов, в учебные программы [3, с. 3-5].

Педагогический потенциал медиатекста определяется его способностью способствовать формированию лингвокультурологической компетенции, рецептивных речевых навыков, декларативных знаний и познавательных умений. Эти элементы образуют интегрированную систему компетенций, необходимую для успешной межкультурной коммуникации. Под декларативными знаниями понимаются общие мировые сведения, социокультурные и межкультурные знания, которые формируются при взаимодействии с подлинными медиаматериалами. Познавательные способности, развиваемые через работу с медиатекстами, включают эвристические навыки, позволяющие студентам самостоятельно анализировать, интерпретировать и критически оценивать информацию. Таким образом, медиатексты являются незаменимым аутентичным материалом в курсах английского языка, обеспечивая актуальную лингвистическую, социокультурную и страноведческую информацию [Балашова, 19-25].

При подборе медиатекстов для уроков важно руководствоваться рядом критериев: соответствие учебным целям и задачам, возрастным особенностям обучающихся, их языковой подготовке и уровню интеллектуального развития. Информационная насыщенность и выраженный лингвокультурологический потенциал текста являются ключевыми параметрами его дидактической ценности. Практически целесообразно отдавать предпочтение материалам онлайн-СМИ, так как они легче доступны преподавателям и студентам. В работе с аудиовизуальными источниками следует учитывать их специфические характеристики: темп речи, происхождение медиа-источника, формат текста, наличие или отсутствие визуальной опоры. Для выявления лингвокультурологического потенциала рекомендуется анализировать содержание и отдельные единицы текста; полезно выбирать материалы, которые содержат и культурно-историческую информацию, и сведения о современном общественном устройстве англоязычных стран [4, с. 4-5].

Применение медиатекстов в обучении английскому языку способствует развитию коммуникативной компетенции, в том числе социокультурного компонента, который является ключом к успешной межличностной и межкультурной коммуникации. Обучение направлено на

формирование личности, готовой к участию в международном общении, что особенно важно в условиях глобализации. Современные технические средства обучения выступают важной поддержкой в этом процессе. Регулярное использование аутентичных медиатекстов повышает качество языкового образования, особенно в аспекте развития полемических умений: тексты такого рода дают возможность исследовать различные стратегии аргументации, анализировать выражения согласия и несогласия, изучать конвенции ведения дискуссии в англоязычной культуре. Это способствует не только языковому, но и дискурсивному и стратегическому развитию студентов, необходимому для участия в полемике на иностранном языке [1, с. 13-14].

Таким образом, обзор теоретических подходов к использованию медиатекстов в лингводидактике подчёркивает их высокий потенциал в формировании полемических навыков при преподавании английского языка в вузе. Полемические медиатексты выступают как ценное дидактическое средство, объединяющее аутентичность языкового материала с многообразием аргументативных приёмов и культурно-специфических особенностей дискуссии. Их регулярное применение способствует комплексному развитию коммуникативной компетенции студентов – лингвокультурологической, социокультурной и дискурсивной составляющих – а также формированию критического мышления, навыков анализа аргументации и освоению культурных норм ведения спора в англоязычной среде. Интеграция медиатекстов в образовательный процесс не только повышает уровень языковой подготовки, но и готовит студентов к эффективному межкультурному взаимодействию в академической и профессиональной сферах.

Список использованной литературы

1. Апостолиди А. А., Ремчукова Е. Н. Образовательные практики в высшей школе: новостной медиатекст как актуальный лингводидактический ресурс // Ценности и смыслы. 2019. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-praktiki-v-vysshey-shkole-novostnoy-mediatekst-kak-aktualnyy-lingvodidakticheskiy-resurs (дата обращения: 20.10.2025).

2. Балашова, Е. Ф. Особенности использования медиатекстов при обучении деловому английскому в системе дополнительного профессионального образования : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Балашова Елена Федоровна. – Москва, 2012. – 23 с.

3. Брызгалина, Е. Д. Лингводидактический потенциал телевизионного медиатекста в практике преподавания РКИ / Е. Д. Брызгалина // Языки. Культуры. Перевод. – 2017. – № 1. – С. 46-53.

4. Войченко В. М. Дидактический потенциал медиатекста как средства обучения английскому языку в вузе // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2022. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-mediateksta-kak-sredstva-obucheniya-angliyskomu-yazyku-v-vuze (дата обращения: 17.05.2025).

5. Шестерина, А. М. Полемический текст в современной прессе : специальность 10.01.10 "Журналистика" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шестерина Алла Михайловна. – Тамбов, 2004. – 498 с.

6. Bachman L. F., Palmer A. S. Language Testing in Practice: Designing and Developing Useful Language Tests. Oxford : Oxford University Press, 1996.

7. Flowerdew J., Peacock M. Research Perspectives on English for Academic Purposes. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

УДК 372.8

Кулыгин С.А., бакалавр 4 курса

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ

Научный руководитель: **Г.Ф. Дульмухаметова**, кандидат педагогических наук, доцент

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)

Аннотация. В статье рассматривается проблема недостаточной отработки устойчивых словосочетаний в рамках стандартных учебно-методических комплексов по английскому языку. Целью работы является представление методической разработки, направленной на формирование лексических навыков у обучающихся среднего этапа. В качестве основного метода используется песенный материал, созданный с помощью современных нейросетевых технологий под конкретные дидактические принципы. Новизна исследования заключается в предложенном алгоритме применения искусственного интеллекта для решения методических задач. В результате представлена и обоснована эффективность трехэтапного комплекса упражнений, который способствует автоматизации употребления лексики и повышению учебной мотивации.

Ключевые слова: лексический подход, песенный материал, чанки, нейросетевые технологии, искусственный интеллект, средний этап обучения, методика преподавания английского языка

Kulygin S.A., Bachelor Course student, 4th year

USING SONG MATERIAL TO DEVELOP LEXICAL SKILLS IN TEACHING ENGLISH AT THE SECONDARY SCHOOL STAGE

Scientific supervisor: **G.F. Dulmukhametova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Abstract. The article addresses the problem of insufficient practice of stable collocations within standard English language teaching complexes. The aim of the work is to present a methodological framework for the development of lexical skills among secondary school students. The primary method proposed is the use of song material created with the help

of modern neural network technologies for specific didactic principles. The novelty of the research lies in the proposed algorithm for applying artificial intelligence to solve methodological problems. As a result, the effectiveness of a three-stage complex of exercises is presented and substantiated, which contributes to the automation of vocabulary use and an increase in learning motivation.

Keywords: lexical approach, song material, chunks, neural network technologies, artificial intelligence, secondary school stage, methods of teaching English

Формирование прочных лексических навыков остается одним из центральных и сложных моментов в преподавании иностранных языков. Традиционные методы обучения лексике, основанные на механическом запоминании изолированных списков слов, демонстрируют свою неэффективность в формировании лексического навыка и долговременного удержания лексического материала в памяти. В поисках решения этой проблемы специалисты в области методики преподавания иностранных языков обращаются своё внимание на аутентичные и эмоционально насыщенные ресурсы, среди которых особое место занимают песни.

Современное понимание лексического навыка претерпело существенную эволюцию, в ходе которой акцент сместился на более системный лексический подход, впервые предложенный М. Льюисом. Этот сдвиг, в свою очередь, привел к концептуализации языка как совокупности заранее установленных «единиц» – словосочетаний, фиксированных выражений и идиом [14].

Овладение подобными заранее сформированными единицами, в отличие от построения фраз «с нуля» из отдельных слов в соответствии с грамматическими правилами, составляет основу уверенной беглой речи на иностранном языке. Подобного мнения придерживаются такие российские учёные, как Е.И. Пассов, Р.К. Миньяр-Белоручев и другие, которые определяют лексическую компетенцию как способность свободно извлекать лексические единицы из долговременной памяти и плавно внедрять их в речь в соответствии с коммуникативной целью [3; 4].

Песенный материал, благодаря ряду проведенных нейробиологических исследований, был признан в качестве оптимального средства для успешного закрепления в памяти обучающегося лексических структур по той причине, что ритмическая структура песни активирует те же нейронные сети, что и обработка грамматических структур. Кроме того, было продемонстрировано, что эффект «ритмического прайминга» способствует улучшению восприятия и усвоения языковой информации [9; 10]. Когда лексические конструкции встроены в ритмико-мелодический контекст, то, во-первых, в головном мозге возникают синхронизированные нейронные колебания, которые, как было доказано, повышают внимание и улучшают консолидацию памяти [6], а во-вторых, по ряду исследований стало известно, что музыка вызывает сильную положительную эмоциональную реакцию, связанную с выделением таких нейротрансмиттеров, как дофамин и серотонин, благодаря выработке которых слушающий достигает состояния «расслабленной бдительности»,

создавая тем самым оптимальные условия для обучения иностранному языку, снижая уровень тревожности [13; 16] и создавая приятную и непринужденную атмосферу во время урока [5].

Этот метод имеет особое значение при работе с девятиклассниками, которые находятся в раннем подростковом возрасте, характеризующимся активным поиском личной и социальной идентичности, когда общение со сверстниками и формирование собственного мировоззрения становятся для них доминирующими видами деятельности. Для обучающихся данной возрастной категории иностранный язык перестает быть абстрактным школьным предметом и становится необходимым инструментом для достижения будущих карьерных успехов, доступа к мировой культуре и информации. В этом контексте аутентичные песни, в которых нашли отражение современные темы и культурные коды поколения, воспринимаются ими как актуальный контент, созданный уже не для детей, а для взрослой аудитории [2].

Переходя к рассмотрению потенциальной практической реализации данного подхода, стоит отметить, что теоретический потенциал песенного материала должен быть проверен на практике путем, прежде всего, анализа существующих УМК и разработки конкретных методических рекомендаций. В качестве основного объекта исследования был выбран УМК «Spotlight» для 9 класса, который широко используется в российских школах [1]. Его комплексное сочетание, включающее учебник, рабочую тетрадь, аудиозаписи, цифровые ресурсы и многое другое в целом соответствует задачам современного языкового образования. Однако более глубокий анализ показал, что работа со словарным запасом в нем основана на традиционной схеме «представление – начальная практика – применение» с акцентом на освоение отдельных лексических единиц.

Песенный материал в УМК представлен в разделе «Song Sheet», но его дидактический потенциал реализован в недостаточной степени. Предлагаемые задания, такие как прослушивание с контролем общего понимания услышанного или заполнение пропусков, носят рецептивный характер и ввиду отсутствия должной семантизации и анализа языкового материала не позволяют обучающимся перейти к активному использованию услышанных лексических единиц.

Это методологическое противоречие привело к разработке специального набора упражнений, направленных на автоматизацию использования устойчивых глагольных фраз, с правильным использованием которых у обучающихся, как правило, возникает ряд затруднений. Разработанные упражнения основаны на трехэтапной модели работы с аудиотекстами («PRE-listening», «DURING-listening», «POST-listening»). На этапе «PRE-listening» эффективно упражнение «Match the halves», в котором обучающимся предлагается сопоставить глаголы (например, *'take', 'make', 'dress'*) с соответствующими частями фраз (*'up for a party', 'part in a contest', 'a wish'*). На этапе DURING-listening задание типа «Fill in the blanks in the chorus» внимание обучающихся фокусируется на детальном прослушивании и точном

распознавании целевой лексики в ритмическом потоке песни. Завершающим этапом реализации программы упражнений является этап POST-listening, в ходе которого упражнение «Personal stories» переносит выученные фразы в личный контекст, эмоционально связанный с личностью каждого обучающегося.

Для обеспечения качественным и педагогически выверенным материалом перспективным представляется использование нейросетевых технологий. Использование современных крупных языковых моделей (LLM), таких как ChatGPT и Gemini, в сочетании с музыкальными платформами (например, Udio) предоставляет возможность создания песен, обогащенных целевыми лексическими единицами и соответствующих конкретным темам модулей анализируемого УМК [6; 15]. Ключевыми параметрами генерации песенного материала являются следующие: выбор словарного запаса уровня A2-B1, включение определенных учителем лексических конструкций, использование предсказуемых рифмовых схем (например, ABAB или AABB) для облегчения запоминания и создание запоминающейся мелодии в умеренном темпе (120-140 ударов в минуту) [12; 17].

Методологический процесс создания такого материала начинается с того, что учитель определяет цели обучения и целевой словарные единицы. После создания списка лексики следует провести тщательную проверку на соответствие лингвистическим и культурным нормам [8]. Затем в нейросети, создающей композицию, происходит выбор параметров музыкального сопровождения. Перед применением в учебном процессе песня должна пройти предварительную оценку в ходе небольшого тестирования с участием контрольной группы обучающихся с целью определения ее понятности, привлекательности и педагогической эффективности [18]. Оценка результатов обучения должна включать мониторинг роста словарного запаса, оценку произношения и оценку уровня вовлеченности посредство анкетирования [6; 7; 15].

Как показывает проведенный анализ, использование песен в процессе формирования лексических навыков является научно обоснованной и высокоэффективной педагогической стратегией. Применение данного подхода на практике может успешно устранить разрыв между формальным изучением слов и их использованием в реальной жизни. Кроме того, было показано, что он удовлетворяет психологические потребности обучающихся среднего этапа обучения, а также задействует естественные механизмы мозга.

Таким образом, интеграция песенного материала, созданного в том числе при помощи нейросетевых технологий под конкретные задачи УМК, является не просто вспомогательным приемом, а полноценной педагогической стратегией, предоставляющей учителю полезный инструмент для создания мотивирующей образовательной среды и эффективного формирования лексических навыков у обучающихся на среднем этапе.

Список использованной литературы

1. Ваулина, Ю. Е. Английский язык. 9 класс : Английский в фокусе (Spotlight) / Ю. Е. Ваулина, В. Эванс, Дж. Дули, О. Е. Подоляко ; 2- е издание, дополненное и переработанное Москва: Express Publishing : Просвещение, 2010. – 216 с.
2. Дубровина, И. В. Психолого-педагогическое взаимодействие в образовательном процессе : учебник для вузов : Высшее образование / И. В. Дубровина ; 5- е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 513 с.
3. Миньяр-Белоручев, Р. К. Методика обучения французскому языку : Учебное пособие для педагогических институтов / Р. К. Миньяр-Белоручев Москва: Просвещение, 1990. – 223 с.
4. Пассов, Е.И. Формирование лексических навыков: учебное пособие: Методика обучения иностранным языкам / ред. Е. И. Пассов, Е. С. Кузнецова Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. – Вып. 8. – 40 с.
5. Рябова, А. Р. Современные песни как способ повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка / А. Р. Рябова, Г. Ф. Дульмухаметова // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества : Материалы VIII международной научно-практической конференции, Казань, 11 июня 2021 года. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2021. – С. 48-52.
6. A Study on the Development and Effectiveness of a Strategic Model for Middle School Creative Classes Utilizing Generative AI Platforms // Korean Music Education Society. 2024. Т. 53. № 3. С. 1-22.
7. Busse, V. Combining Song–And Speech-Based Language Teaching: An Intervention With Recently Migrated Children // Frontiers in Psychology. 2018. Т. 9. Combining Song–And Speech-Based Language Teaching. С. 2386.
8. Chai, L. CSL-L2M: Controllable Song-Level Lyric-to-Melody Generation Based on Conditional Transformer with Fine-Grained Lyric and Musical Controls / L. Chai, D. Wang. 2025. CSL-L2M.
9. Chern, A. New evidence of a rhythmic priming effect that enhances grammaticality judgments in children // Journal of Experimental Child Psychology. 2018. – Vol. 173. – P. 371-379.
10. Fiveash, A. Regular rhythmic primes improve sentence repetition in children with developmental language disorder // npj Science of Learning. 2023. – Vol. 8. – № 1.
11. Gordon, R. L. Perspectives on the rhythm–grammar link and its implications for typical and atypical language development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2015. – Vol. 1337. № 1. – P. 16-25.
12. Kemma, A. E. The use of music and songs in developing the four skills / A.E. Kemma // International Journal of English Literature and Social Sciences. 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 904-914.
13. Kuimova, M. V. Song as a means of motivation increase to foreign language learning / M.V. Kuimova, R.V. Shabalin. // V mire nauchnykh otkrytiy. 2014. – Т.0. – № 1.1. – С. 667.
14. Lewis, M. The lexical approach: the state of ELT and a way forward. The lexical approach / M. Lewis. Australia: Cengage Learning EMEA, 2012. – 200 с.
15. Prooproo Lab, Prooproo Co.Ltd, Tokyo, Japan. ENHANCING JAPANESE VOCABULARY ACQUISITION WITH AI-GENERATED MUSIC: A NOVEL APPROACH // PUPIL: International Journal of Teaching, Education and Learning EduCon Tokyo – International Conference on Education, 20-21 January 2025. Global Research & Development Services Publishing, 2025. ENHANCING JAPANESE VOCABULARY ACQUISITION WITH AI-GENERATED MUSIC. – С.77-78.
16. Speranza, L. Music affects functional brain connectivity and is effective in the treatment of neurological disorders // Reviews in the Neurosciences. 2022. –Vol. 33. – № 7. –P. 789-801.

17. Stadler Elmer, S. Song Transmission as a Formal Cultural Practice / S. Stadler Elmer // Frontiers in Psychology. 2021. –Т. 12. –С. 654282.
18. The Korean Society of Music Education Technology. Designing Instructional Principles for AI-Integrated Maker Education in Music Composition / The Korean Society of Music Education Technology, K. Bang, H. Moon // The Korean Society of Music Education Technology. 2025. Т. 63. С. 33-57.

УДК 37.04-053

Логиновских В. Д., бакалавр

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПОЖИЛЫМ СТУДЕНТАМ

Научный руководитель: **М. О. Михальченко**, преподаватель

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются оптимальные методические подходы, необходимые для преподавания английского языка студентам "серебряного" возраста. Цель работы заключается в определении оптимальных стратегий обучения пожилых людей в рамках получения дополнительного профессионального образования. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей преподавания английского языка с комплексным учетом возрастных ограничений студентов (например, быстрой утомляемости и трудностей произношения). Результаты выделяют значимость создания комфортной образовательной среды и разработки адаптивных программ для успешного интегративного обучения в гетерогенных группах.

Ключевые слова: обучение пожилых студентов, английский язык, дополнительное профессиональное образование, третий возраст, методические подходы, стратегии обучения, возрастные особенности.

Loginovskikh V. D., Bachelor Course student

EFFECTIVE STRATEGIES FOR TEACHING ENGLISH TO OLDER STUDENTS

Scientific supervisor: **M. O. Mykhalchenko**, Lecturer

Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The article discusses the optimal methodological approaches necessary for teaching English to students of the "silver" age. The purpose of the work is to determine the optimal strategies for educating older people in the framework of additional professional education. The scientific novelty of the study is to identify the features of teaching English with a comprehensive account of the age restrictions of students (for example, fatigue and pronunciation difficulties). The conclusion highlights the importance of creating a comfortable educational environment and developing adaptive programs for successful integrative learning in heterogeneous groups.

Keywords: teaching older students, English, additional professional education, third age, methodological approaches, learning strategies, age characteristics.

Ускоренные инновации в медицинской сфере улучшили качество жизни и способствовали ее удлинению. В области образования выделяется концепция непрерывного обучения, в особенности дополнительного профессионального развития специалистов, уже включённых в трудовую деятельность. Программы дополнительного профессионального образования для старшего поколения нацелены на расширение их познаний, развитие неформальных обучающих методов и поддержку их социального и профессионального саморазвития. Непрерывное образование также играет роль в сохранении социальной активности, усиливает конкурентоспособность на рабочем рынке, поддерживает функциональные возможности на протяжении всякой жизни и содействует освоению цифровых навыков. Работающие пенсионеры чаще привлекаются к таким программам с надеждой сохранить работу и продолжать получать заработную плату, тогда как неработающие склонны сосредоточиться на улучшении здоровья, продуктивном использовании времени, расширении социальных связей через клубы и другие формы досуга [2, с. 23]. Работающие пенсионеры чаще привлекаются к таким программам с надеждой сохранить работу и продолжать получать заработную плату. Неработающие пенсионеры ориентируются преимущественно на поддержание здоровья, продуктивное использование свободного времени, расширение круга общения и участие в клубах по интересам и других формах досуговой активности.

Модель формирования коммуникативно-адаптивной компетенции у людей пожилого возраста в процессе изучения иностранного языка в гетерогенных группах представляет собой многоуровневую систему, отражающую взаимосвязь теоретических и практических компонентов данного процесса. В её структуре можно выделить несколько ключевых уровней [1, с. 109]. Структурно-содержательный: он разъясняет ключевые элементы и задачи коммуникативно-адаптивной компетенции, показывая взаимосвязь разнообразных компонентов, которые в совокупности формируют интегральность этого явления. Методологический уровень: фокусируется на использовании партисипативной методики, детализирует комплекс требований, норм и методологических принципов, необходимых для качественного развития коммуникативно-адаптивных навыков у лиц старшего возраста. Критериально-оценочный уровень фокусируется на выявлении индикаторов и норм сформированности компетенций. Он включает анализ уровня их освоения у старшего поколения учащихся, обеспечивая объективную оценку прогресса и эффективности образовательной деятельности. Организационно-практический уровень охватывает выбор инструментов, стратегий и педагогических подходов, которые способствуют эффективному развитию коммуникативно-адаптивной компетенции в условиях образовательной среды,

характеризующейся гетерогенностью учебных групп. Результативный определяет конечные достижения процесса, агрегируя качественные и количественные показатели, которые иллюстрируют эффективность разработанной модели и её воздействие на успешное изучение иностранного языка среди пожилых людей.

Современная концепция обучения взрослых предполагает партнерское взаимодействие преподавателя и обучающегося. Для более полного понимания специфики взаимодействия участников образовательного процесса в системе обучения взрослых можно распределить функции между преподавателем и студентом [3, с.110]. В таблице отражены ключевые функции каждой из сторон, определяющие характер их совместной деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Функции преподавателя и студента

Функции преподавателя	Функции студента
Эксперт в области технологии обучения взрослых.	Участник совместной с обучающим учебной деятельности.
Совместное создание индивидуального плана обучения, корректировка траектории обучения.	Соавтор индивидуальной программы обучения
Организатор совместной с обучающимся деятельности.	Реализатор индивидуальной программы обучения
Наставник, консультант, вдохновитель взрослых обучающихся.	Участник создания необходимых комфортных условий процесса обучения.
Соавтор индивидуальной программы обучения.	
Создатель необходимых комфортных условий процесса обучения.	
Источник знаний, умений, навыков и качеств.	

Эффективная разработка курса изучения иностранного языка значительно зависит от качественного планирования программы. Важно сочетать в программе адекватное содержание и продуманную структуру, а также принимать во внимание психологические характеристики учащихся. Например, старшее поколение может скептически относиться к прогрессивным педагогическим технологиям, таким как игровые методы или обучение на иностранном языке без перевода на родной. Параллельно, при всей популярности традиционного лексико-грамматического подхода, его использование может не гарантировать активное участие студентов в процессе обучения и, следовательно, может понижать уровень их мотивации.

Также важен процесс индивидуализации обучения, который учитывает личные качества обучаемых, такие как скорость усвоения знаний, реактивные способности, потребности в поддержке и уверенность в своих возможностях. Возрастные физиологические различия, особенно у

пожилых студентов, требуют уменьшения нагрузки из-за быстрой утомляемости, что способствует поддержанию эффективности занятий. Оптимизация образовательной программы и методик на начальных этапах должна базироваться на учете всех этих параметров. Экспериментальные данные подчеркивают эффективность активных методов при первоначальном обучении старшего поколения, т.к. они обеспечивают плавное включение в учебный процесс [4, с. 83]. Раскрытие мотивации учащихся и исследование их целей являются ключевыми для успеха. Работа в малых группах до 10 человек оказывается наиболее продуктивной, так как способствует обмену знаний, наработке коммуникативных навыков и развитию необходимых компетенций для успешного выполнения практических задач.

При организации активных форм учебной работы преподавателю следует стремиться к включению всех участников образовательного процесса в деятельность и поддержанию их устойчивого интереса. В случае возникновения затруднений или снижения активности обучающихся он может оперативно изменить форму проведения занятия, адаптируя её к текущему состоянию группы. Эффективность обучения во многом определяется степенью речевой активности студентов: чем больше времени они проводят в устном взаимодействии – с преподавателем или между собой, – тем выше результативность занятия [Там же]. При этом педагогу не рекомендуется прерывать ход беседы для исправления ошибок или введения новых грамматических и лексических единиц, поскольку чрезмерное вмешательство может снизить уверенность обучающихся и затормозить коммуникативный процесс. Основная цель коммуникативных заданий при работе с пожилыми студентами заключается в преодолении страха говорения на иностранном языке и неуверенности в собственных знаниях. Важно создать психологически комфортную атмосферу и выстроить последовательность речевых ситуаций, побуждающих обучающихся к немедленному участию в общении. Преподавателю необходимо отслеживать, насколько студенты понимают получаемую информацию и демонстрируют ответную реакцию на неё. Для студентов "серебряного" возраста особенно эффективны мнемотехнические приёмы, опирающиеся на зрительное восприятие и склонность фиксировать материал письменно. В связи с этим рекомендуется активно использовать наглядные раздаточные материалы – таблицы, схемы, графики, иллюстрации.

Некоторые аспекты изучения иностранного языка ограничиваются возрастными характеристиками учащихся. Взрослые, например, часто сохраняют заметный акцент, вопреки профессиональному знанию грамматики и словарного запаса [5, с. 103]. Это связано с формированием фонетических умений во время так называемого критического периода, когда нервно-мышечные механизмы артикуляции все еще поддаются развитию. У пожилых людей эти способности уже в значительной степени сформированы, что затрудняет приобретение родного произношения.

Исследования показывают, что критический период для фонологических навыков наступает раньше, чем для освоения морфологических и синтаксических аспектов языка. Этот фактор важен для выбора обучающих методик и планирования образовательного процесса для взрослых студентов [5, с. 103]. Учитывая эти особенности, целесообразно выбрать дедуктивные методики обучения, которые лучше соответствуют когнитивным способностям по возрасту. Отличия между индуктивным и дедуктивным методами обоснованы в направлении информационного потока: индуктивное обучение двигается от частного к общему, тогда как дедуктивное подходит обратным путём – от общего к частному. В индуктивной модели ключевая активность возлагается на учащегося, который через практические задания и языковые эксперименты самостоятельно формирует языковые закономерности. В дедуктивной модели, напротив, ведущую роль играет преподаватель, который структурирует материал и эффективно управляет процессом освоения знаний. Дедуктивные методы обучения просты в реализации и позволяют легко контролировать процесс образования, обеспечивая чёткое структурирование учебного содержания. Это деление сложного процесса изучения языка на менее сложные этапы облегчает последовательное освоение и помогает в снижении уровня беспокойства среди студентов.

Применение эффективных стратегий обучения английскому языку среди пожилых студентов является существенным элементом успешного применения концепции непрерывного обучения и наращивания коммуникативных компетенций в этой возрастной категории. Используя методы, учитывающие когнитивные, эмоциональные и физические аспекты учащихся достойного возраста, можно значительно улучшить эффективность изучения языка. Такая практика способствует личностному росту и социальной активности и закладывает фундамент для повышения самоуверенности у обучающихся. Главная особенность таких стратегий заключается в их всесторонности и адаптивности: они включают индивидуализацию образовательного процесса, активные формы взаимодействия, наличие благоприятной учебной среды и применение наглядных и доступных учебных материалов. Такой подход обеспечивает постепенное вовлечение пожилых студентов в коммуникативную деятельность, снижает уровень тревожности и повышает мотивацию к обучению.

Список использованной литературы

1. Дополнительное образование: ресурс развития и обеспечения качества жизни / И. Н. Симаева, Е. С. Кошелева, А. О. Бударина, Д. А. Ефремова. – Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2018. – 143 с.

2. Горохова, Н.И., Андросов, И.И. Люди третьего возраста в контексте непрерывного профессионального образования // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2018. – №4. – С. 22-25.

3. Змеёв, С.И. Технология обучения взрослых : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям: 031000- Педагогика и психология, 033400- Педагогика / С. И. Змеёв. – Москва : Academia, 2002. – 126,

4. Калинина, Е. Г. Особенности преподавания иностранного языка пожилым людям / Е. Г. Калинина // Язык в образовательном пространстве неязыкового вуза: теория и практика : материалы II всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 18–19 апреля 2019 года / Под редакцией Ю.В. Ридной. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2019. – С. 81-87.

5. Медведева, Н. П. Возрастная граница в обучении иностранному языку / Н. П. Медведева // Язык в образовательном пространстве неязыкового вуза: теория и практика : материалы II всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 18–19 апреля 2019 года / Под редакцией Ю.В. Ридной. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2019. – С. 101-106.

УДК 372.881.111.1

Меркулова А.А., бакалавр 4 курса

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Научный руководитель: **В.Н. Карловская,** кандидат филологических наук

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме интеграции патриотического воспитания и формирования гражданской идентичности в процесс обучения иностранным языкам в контексте требований обновлённых ФГОС. Обосновывается необходимость выхода за рамки традиционных методов преподавания и предлагается в качестве эффективного решения использование краеведческого компонента. Центральное место в статье занимает подробное описание практического инструмента — междисциплинарного проекта по созданию школьниками мультимедийного гида по родному городу на английском языке. Делается вывод, что систематическое использование краеведческого материала и проектных методик не только повышает мотивацию и развивает иноязычную коммуникативную компетенцию, но и способствует воспитанию патриотизма, критического мышления и формированию «вторичной языковой личности» обучающегося.

Ключевые слова: Гражданская идентичность, патриотическое воспитание, английский язык, краеведение, функциональная грамотность, гибкие навыки, диалог культур, вторичная языковая личность.

Merkulova A.A., Bachelor Course student, 4th year

LOCAL HISTORY AS A COMPONENT OF THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH

Scientific supervisor: **V.N. Karlovskaya,** Candidate of philological sciences

Pushkin Leningrad State University

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of integrating patriotic education and the formation of civic identity into the process of teaching foreign languages in the context of the requirements of the updated Federal State Educational Standards. The necessity of going beyond traditional teaching methods is substantiated and the use of a local history component is proposed as an effective solution. The article focuses on a detailed description of a practical tool, an interdisciplinary project to create a multimedia guide for schoolchildren around their hometown in English. It is concluded that the systematic use of local history material and design techniques not only increases motivation and develops foreign language communicative competence, but also promotes the education of patriotism, critical thinking and the formation of a "secondary linguistic personality" of the student.

Keywords: Civic identity, patriotic education, English, local history, functional literacy, flexible skills, dialogue of cultures, secondary linguistic personality.

В контексте реализации Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и иных профессиональных нормативов перед системой образования стоит комплекс актуальных задач. Ключевыми среди них являются формирование у обучающихся функциональной грамотности, под которой понимается развитие критически важных «гибких навыков» (soft skills), таких как критическое мышление, коммуникативная компетентность, способность к сотрудничеству и креативность. Параллельно с этим не менее значимой остается задача патриотического воспитания как неотъемлемого элемента непрерывного образовательного процесса.

Согласно ФГОС основного и среднего общего образования, одной из центральных целей является формирование гражданской идентичности и укрепление патриотических чувств. Эта миссия находит свое отражение и в преподавании иностранных языков, в частности английского. Обновленный стандарт предполагает, что учащийся должен быть не просто носителем предметных знаний, но и сознательным патриотом, активным, гуманным членом общества, разделяющим традиционные российские ценности [6, с. 7]. Особую значимость эти ориентиры приобретают в условиях текущей геополитической обстановки, которая оказывает прямое влияние на формирование мировоззрения молодого поколения.

В свете этих требований традиционные методики преподавания английского языка зачастую демонстрируют свою недостаточную эффективность, не обеспечивая устойчивой мотивации и аутентичной языковой практики. Инновационным решением данной проблемы видится интеграция краеведческого компонента. Когда иностранный язык становится инструментом для глубокого познания истории и культуры родного города или региона, он перестает быть самоцелью, превращаясь в средство диалога с миром.

Теоретической основой для формирования гражданской идентичности служит концепция А.Г. Асмолова, согласно которой этот сложный процесс складывается из четырех взаимосвязанных и равнозначных компонентов:

- Когнитивный – осознание своей принадлежности к сообществу граждан России.

- Ценностный – позитивная оценка этой принадлежности.
- Эмоциональный – ее внутреннее принятие на чувственном уровне.
- Поведенческий – готовность к активному участию в жизни общества [1].

Практическим подтверждением эффективности интеграции языкового обучения и гражданского воспитания служит опыт проектной работы О.А. Мироновой в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Регулярные мероприятия вуза направлены не только на стимулирование интереса к иностранным языкам, но и на личностное развитие студентов. Их ключевая цель — укрепление национального самосознания через углубленное изучение истории и культуры России, своего края и стран изучаемого языка [4].

В процессе такой деятельности раскрывается творческий потенциал как учащихся, так и педагогов, воспитываются толерантность, командный дух и навыки продуктивного сотрудничества.

О.А. Миронова подчеркивает, что погружение в личную, семейную или локальную историю (улицы, школы, города) служит сильным катализатором познавательной активности подростков, мотивируя их к более глубокому изучению иностранного языка. Творческие форматы работы, такие как проекты по созданию уникального продукта на иностранном языке, пробуждают у учащихся искреннее желание делиться культурным наследием России с международной аудиторией [3].

Схожей позиции придерживается и А.В. Козелкова, которая видит в изучении иностранного языка значительный потенциал для воспитания патриотов. Она утверждает, что становление гражданина начинается с малого – с интереса к истории собственной семьи, города или села. Гордость за свои корни формирует прочный фундамент для развития нравственной личности. Этот процесс требует комплексного подхода, фокусирующегося на воспитании ответственности, уважения к старшим и умения работать в команде для достижения общих целей. На уроках иностранного языка эту работу естественным образом поддерживает сама специфика предмета, где основными инструментами становятся учебная коммуникация и личный пример педагога как нравственного ориентира [2].

Интеграция краеведения в обучение иностранному языку является практическим воплощением принципа «диалога культур», теоретически обоснованного в трудах И.И. Халеевой. Данный принцип предполагает «взаимопроникновение культур через их сопоставление, выявление общего и особенного» [8, с. 78]. Изучая родной край через призму английского языка, учащиеся учатся проводить сравнительный анализ с культурами других стран, что способствует деструкции культурных стереотипов и развитию межкультурной чуткости.

Такой подход напрямую способствует формированию «вторичной языковой личности» — личности, «способной к адекватному социальному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения» [8, с. 112]. В этом контексте краеведческий материал становится содержательным ядром,

позволяющим студенту научиться репрезентировать свою малую родину на глобальной арене, выступая в роли компетентного культурного посредника.

Для успешной реализации данного подхода в образовательном процессе важен синтез вербальных (учебные задания, тексты, речевые упражнения) и невербальных средств (визуальные материалы: картины, фотографии, видео) [5].

В рамках разработки инновационной педагогической технологии для муниципального этапа конкурса «Педагогическое мастерство без границ» нами был создан план по осуществлению школьниками междисциплинарного краеведческого проекта. Данная работа способствует расширению историко-культурного кругозора школьников, развивает у них критическое мышление и учит формулировать и аргументировать свою позицию на английском языке, в том числе и мысль о личной ответственности каждого гражданина за результат своего труда.

Цель проекта заключается в создании мультимедийного гида / блога о своём родном городе / посёлке на английском языке для иностранных сверстников обучающимися 10-11 классов. Проект реализуется в течение 4-6 недель, то есть является среднесрочным.

Далее рассмотрим этапы реализации данной разработки.

Этап 1: Подготовительный и мотивационный (1 неделя)

Данный этап направлен на формирование личной заинтересованности и создания концептуальной основы проекта.

В качестве задания для подготовки можно использовать «Мозговой штурм», во время которого в учебных группах, в которых и будет выполняться проект, обсуждается то, чем может быть место жительства обучающихся интересно для иностранного школьника. В процессе этих обсуждений составляется ментальная карта (mind-map) с основными аспектами интереса (например, History, Architecture, Nature, Culture, Food, Modern Life ect.). Также рекомендуется просмотреть видео с примерами презентации других городов от носителей языка в целях анализа лексических средств, используемых языковых клише и структуры повествования.

Этап 2: Планирование и исследование (1.5-2 недели)

Учащимся необходимо организвоать сбор информации и преодолеть языковые барьеры.

Учащиеся выбирают направление работы (историк, культуролог, журналист, дизайнер, редактор) и собирают аутентичную информацию на русском языке. Далее составляется глоссарий с необходимой лексикой (e.g., architectural landmark, founding date).

Этап 3: Обработка информации и создание продукта (1.5-2 недели)

На данном этапе формируется финальный продукт через осмысленную языковую практику.

Создаются тексты для гида с тщательной проработкой лексики и грамматики. Каждый текст сопровождается мини-глоссарием.

Записываются короткие аудио- или видеоподкасты (например, экскурсия по улице), создаётся инфографика и подбираются фотографии с подписями. Участники групп проверяют тексты друг друга на наличие ошибок и соответствие стилю.

Этап 4: Презентация и рефлексия (1 неделя)

Цель этапа заключается в денмонтарции результатта и осмыслении полученного опыта

Мероприятия этапа:

Публичная защита: Группы представляют свой продукт на английском языке, аргументируя выбор контента.

Сессия вопросов и ответов: Ответы на вопросы аудитории для развития спонтанной речи.

Рефлексия: Проведение «круглого стола» или написание эссе для обсуждения трудностей, приобретённого опыта и личного вклада.

Мы представляем следующие критерии оценки, которые можно применить в работе над предлагаемым проектом:

Таблица 1

Критерии оценивая работы над проектом

Критерий	**«Отлично»**	**«Хорошо»**	**«Удовлетворительно»**
Содержательная полнота и достоверность информации	Информация представлена полно, является достоверной.	Информация представлена полно, но не достаёт важных фактов и данных в пределах допустимого, а также является достоверной, но содержит неточности.	Отсутствие большого количества важной информации и недостоверность данных.
Лингвистическая грамотность	Текст работы составлен грамотно.	Текст содержит ошибки, не препятствующие пониманию содержанию.	Текст содержит ошибки, создающие трудности в понимании содержания.
Креативность и качество оформления продукта	Работа выполнена креативно и эстетически красиво оформлена.	Работа выполнена аккуратно без излишнего креатива.	Работа выполнена без аккуратности и креатива.
Умение эффективно представить результат и аргументированно ответить на вопросы	Результат представлен эффективно, ответы на вопросы аргументированы.	Результат представлен эффективно, но оставляет вопросы, аргументация слабая.	Результат представлен малоэффективно, ответы на вопросы не содержат аргументацию.
Эффективность работы в команде	Команда работала сообща, все	Команда работала сообща, но были	Команда работала не сообща. Были

	ответственно подошли к совей роли.	«слабые звенья».	участники выполнившие работу за остальных.

Таким образом, краеведческий проект, синтезирующий потенциал проектной технологии и личностно значимого краеведческого содержания, представляет собой высокоэффективную форму организации обучения. Он позволяет интегрировать учебные задачи по формированию иноязычной коммуникативной компетенции с воспитательными и развивающими целями. Реализация данной модели способствует не только совершенствованию языковых навыков, но и развитию гибких навыков, а также формированию активной гражданской позиции учащихся.

Перспективой дальнейшего исследования может стать разработка и апробация цифрового краеведческого ресурса, созданного силами учащихся, а также установление контактов со школами в других странах для реализации совместных международных проектов, что выведет диалог культур на качественно новый уровень.

Подводя итоги, патриотическое воспитание, понимаемое как формирование гордости за свою страну при критическом осмыслении иного опыта, является неотъемлемой частью образовательного процесса. Разнообразие методов и форм работы, как урочных, так и внеурочных, делает изучение иностранного языка увлекательным и эффективным, мотивируя учащихся к продуктивной деятельности на благо общества и осознанию своей роли в нем.

Список использованной литературы:

1. Асмолов А. Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики / Лидеры образования. – 2007. – № 6. – С. 4-10.

2. Козелкова А.В. Патриотическое воспитание учащихся средствами иностранного языка // Иностр. языки в школе. – 2025. – № 4. – С. 69-73.

3. Миронова, О. А. Формирование учебной автономии и развитие патриотизма обучающихся через проектную деятельность на иностранном языке / О. А. Миронова // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 6. – С. 30-34.

4. Миронова, О. А. Формирование учебной автономии и развитие патриотизма обучающихся через проектную деятельность на иностранном языке / О. А. Миронова // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 6. – С. 30-34.

5. Никитенко, З. Н. Иностранный язык в начальной школе : теория и практика : учебник / З. Н. Никитенко. - 2-е изд., стер. - Москва : ФЛИНТА, 2018. - 328 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 №1897. – URL: https://fgos.ru/#5af1e98alfa6443b6 (дата обращения: 29.10.2025).

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.05.2012. №413. – URL: https://fgos.ru/#5af1e98alfa6443b6 (дата обращения: 29.10.2025).

8. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (Подготовка переводчиков) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Халеева Ирина Ивановна. – Москва, 1990. – 36 с.

УДК 372.881.1

Михайлова О. Д., бакалавр 5 курса,
Залипаева Ж. П., кандидат филологических наук, доцент

ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Аннотация. Статья посвящена проблеме низкой мотивации и эффективности обучения иностранному языку у учащихся среднего школьного возраста, обусловленной их психологическими особенностями. Цель работы – обосновать и разработать критерии отбора видеоматериалов как средства преодоления данной проблемы. Методология исследования включает анализ психолого-педагогической литературы и систематизацию ключевых параметров аутентичного учебного видео. Результаты, обладающие научной новизной, представлены в виде системы критериев отбора, учитывающих как возрастные интересы подростков, так и методические задачи формирования речевых навыков. В заключении делается вывод о том, что целенаправленное использование видео, соответствующее предложенным критериям, позволяет значительно повысить познавательную активность учащихся и эффективность учебного процесса на уроках иностранного языка.

Ключевые слова: видеоматериалы, обучение иностранному языку, средний школьный возраст, мотивация, критерии отбора, иноязычная коммуникация.

Mikhailova O. D., Bachelor Course student, 5th year,
Zalipaeva Zh. P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

VIDEO MATERIALS AND THEIR ROLE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky

Abstract. The article addresses the problem of low motivation and effectiveness in foreign language learning among middle school students, which is linked to their psychological characteristics. The aim of the study is to substantiate and develop criteria for selecting video materials as a means of overcoming this problem. The research methodology includes an analysis of psychological and pedagogical literature and a systematization of key parameters for authentic educational video materials. The results, which possess scientific novelty, are presented as a system of selection criteria that consider both the age-related interests of adolescents and the methodological tasks of developing speech skills. In conclusion, it is argued that the targeted use of video, aligned with the proposed criteria, can significantly boost students' cognitive activity and enhance the effectiveness of the foreign language learning process.

Keywords: video materials, foreign language teaching, middle school age, motivation, selection criteria, foreign language communication.

Эффективность обучения иностранному языку в школе зависит как от ориентации методов, так и от учета возрастных особенностей учащихся. Как известно, ведущая деятельность учащихся среднего школьного возраста – общение, а ключевой потребностью является утверждение новой социальной роли. Подростковый возраст характеризуется активным и неравномерным ростом организма вследствие полового созревания, а также интенсивным формированием самооценки и характера. Среди всех кризисов развития человека подростковый кризис считается одним из самых сложных и значимых для становления личности.

Для подросткового возраста характерна сильно развитая ситуативная речь. Важно отметить, что в 7-м классе развитие устной ситуативной речи несколько замедляется, но к 8-му классу вновь ускоряется. При этом необходимо учитывать, что средний уровень владения языком и беглость речи все еще остаются невысокими. Это порождает существенные трудности в обучении иностранному языку. В 7-х и 8-х классах зачастую наблюдается следующее противоречие: с одной стороны, явное желание обсуждать интересующие подростков темы, а с другой – стойкое нежелание вести беседу на темы, предусмотренные школьной программой. Таким образом, даже обладая необходимым лексическим запасом, подростки в первую очередь стремятся к эмоциональному общению. Как отмечал Л.С. Выготский, «подросток стремится к активному общению со своими сверстниками, и через это общение он активно познаёт самого себя, овладевает своим поведением, ориентируясь на образцы и идеалы» [1, с. 134].

Поскольку в данном возрасте иностранный язык часто не является для подростков приоритетом, учителю приходится прибегать к поиску новых и интересных форм работы на уроке. В этом контексте эффективным мотивирующим фактором выступает использование обучающих видеоматериалов с субтитрами, последующее выполнение заданий к ним, описание сюжета и даже разыгрывание отдельных сцен по ролям. Грамотно подобранный учебный видеоролик способен вызвать у учащихся положительные эмоции. Видеоматериалы, затрагивающие актуальные для подростков проблемы, помогают снизить трудности восприятия иноязычной речи, преодолеть языковой барьер, а также повысить общий интерес к предмету [3, с. 232]. Особую важность приобретает то, как педагог представляет видеоматериал классу. Необходимо обозначить актуальность ролика, цель его просмотра и воспитательный потенциал, а также при необходимости снять возможные лексические трудности. Такой подход настроит учащихся на успешную работу, обеспечит понимание содержания и будет способствовать лучшему усвоению информации [2, с. 66].

Выбор подходящего видеоматериала обусловлен не только возрастными особенностями учащихся, но и видом речевой деятельности, на который делается акцент. Как отмечал английский методист Эндрю Уокли, «без знания грамматики можно сказать очень мало, но без знания слов нельзя сказать ничего». Таким образом, обогащение словарного запаса обучающихся является одной из ключевых задач педагога. С методической точки зрения выделяют две основные цели работы по обогащению словарного запаса:

1. количественное увеличение активного запаса слов и качественное совершенствование уже имеющегося;
2. формирование умения активно и правильно пользоваться как известными, так и новыми лексическими единицами в речи.

Пассов Е.И. выделяет шесть стадий формирования лексического навыка:

1. восприятие слова в процессе его функционирования; создаётся звуковой образ слова, то есть в процессе первой стадии происходит восприятие слова непосредственно в его функционировании;
2. осознание значения этого слова;
3. имитация слова, его повторение в изолированном виде (вне контекста) или в контексте предложения;
4. обозначение, направленное на самостоятельное называние объектов, определяемых словом;
5. комбинирование, создание связи между словами;
6. свободное употребление слова в разных контекстах [5, с. 5].

Зачастую аудирование используется как средство ознакомления учащихся с новым языковым материалом. Учитель организует введение новой лексической единицы, демонстрируя её значение, форму и употребление. Таким образом, работа над новой лексикой включает несколько этапов: для усвоения формы слова необходимо обеспечить его многократное восприятие; для раскрытия значения можно применить беспереводные или переводные способы; а для демонстрации употребления требуется смоделировать соответствующую ситуацию [6, с. 125-126]. Правильно подобранный видеоматериал, в первую очередь, избавляет учителя от искусственного моделирования таких ситуаций. Кроме того, видеозапись обладает ещё одним значительным преимуществом по сравнению с аудио: она наглядно демонстрирует в естественной среде движения и положение органов речи, необходимые для корректного произношения, тем самым практически заменяя артикуляционную гимнастику.

Таким образом, видеоматериалы, обладая признаками аудирования, в большей степени являются наглядным средством обучения. Исследования подтверждают, что слуховая информация удерживается в памяти на 15%, зрительная – на 25%, а информация, воспринятая одновременно через слух и зрение, – на 65%. Следовательно, видеоматериалы служат важным и

вариативным инструментом для достижения учебных целей и решения педагогических задач.

Прежде всего, следует отметить, что отбор видеоматериалов преследует не ограничительную, а целевую функцию: он должен соответствовать задачам урока и последующей деятельности учащихся. Все виды работ с видео можно классифицировать по двум основным критериям. Оба типа действий могут использоваться как изолированно, так и в комплексе:

1. Рецептивные действия, направленные на работу с языковым материалом самого видеоряда. Их основная цель – помочь учащимся понять иноязычную речь.
2. Продуктивные действия, предполагающие генерацию высказываний учащихся о просмотренном материале. Данные задания служат стимулом для обсуждения и направлены на развитие навыков говорения.

При отборе видеоматериалов необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на успешность восприятия иноязычной речи. К ним относятся:

1. степень визуальной поддержки;
2. ясность картинки и звука;
3. «плотность» языка;
4. ясность речи;
5. языковое содержание;
6. языковой уровень;
7. интерес;
8. длина видеоролика.

Что касается визуальной поддержки, то её основная функция заключается в облегчении понимания представляемой информации. Следовательно, при отборе видеоматериалов следует отдавать предпочтение тем из них, где ключевые смыслы передаются через визуальный ряд. Для объективной оценки данного фактора рекомендуется предварительно просмотреть видеозапись без звука, чтобы определить, насколько однозначно и полно содержание раскрывается через изображение. Качественный визуальный ряд способствует предсказуемости речи, что существенно облегчает её восприятие обучающимися [4, с. 19].

Для обеспечения эффективности учебного процесса необходимо минимизировать влияние отвлекающих факторов, в связи с чем особое внимание следует уделить техническому качеству материалов: ясности изображения и чистому звуку. Рекомендуется отдавать предпочтение видеозаписям без избыточных нелингвистических элементов (например, фоновой музыки или шумов), которые могут осложнять восприятие речи. Вместе с тем важно учитывать, что подобные элементы зачастую усиливают аутентичность видеоряда, создают определённую атмосферу и тем самым повышают мотивацию учащихся. Разрешение данного противоречия зависит от учебных целей: следует определить, что является приоритетом в рамках конкретного задания – презентация готового языкового материала

или развитие навыков самостоятельного извлечения из аутентичного контекста.

«Плотность» языка представляет собой один из наиболее важных критериев отбора видеоматериала. Предпочтение следует отдавать коротким видеороликам с высокой концентрацией изучаемых лексических единиц и грамматических структур. В противоположность этому, протяжённые записи, где целевые языковые элементы распределены неравномерно, требуют от учащихся значительных усилий по их «фильтрации» из общего потока речи, что приводит к быстрому утомлению и снижению эффективности обучения.

Длительность видеоматериала имеет большое значение. Несмотря на существование различных точек зрения, общепринятой рекомендацией считается использование роликов продолжительностью не более пяти минут.

Ясность речи (нормы произношения, наличие акцента, грамотность) определяет, насколько успешно учащиеся смогут воспринять необходимую информацию. Это особенно важно при работе с аутентичными материалами – фрагментами фильмов или видеозаписей, – где актёры могут говорить неразборчиво, что существенно затрудняет понимание. Рекомендуется использовать видеоролики без выраженных акцентов, если их наличие не является специальной учебной задачей в рамках урока.

Языковое содержание является важным критерием отбора, который учитывает не только лексические единицы, но и грамматические структуры, использование идиом и других устойчивых выражений.

Не менее важен учёт языкового уровня учащихся. Хотя ряд языковых трудностей можно нивелировать с помощью специальных упражнений, общий уровень подготовки обучающихся должен соответствовать сложности выбранного видеоматериала.

Подбор видеоматериала должен основываться на учёте интересов, психологических особенностей и предпочтений учащихся. Подростки средней школы обычно проявляют интерес к фильмам, затрагивающим проблемы межличностных отношений и другие волнующие их темы. При этом мультипликационные фрагменты также могут вызвать у них положительный отклик. В то же время новостные программы, для которых характерны высокая «плотность» языка и ограниченная визуальная поддержка, как правило, мало привлекают подростковую аудиторию [4, с. 19].

Учёт вышеперечисленных критериев способствует более грамотному и качественному отбору видеоматериалов. Поскольку совместить их все в одном ролике практически невозможно, ключевым становится выделение основных требований, исходя из конкретных задач урока. Это обеспечивает достижение педагогических целей использования видео.

Список использованной литературы

1. Выготский, Л. С. Лекции по психологии / Л. С. Выготский. - СПб. : Союз, 1997. - 140 с.

2. Левашова, В. А. Использование видео на продвинутом этапе / В. А. Левашова // Преподавание иностранного языка в XXI в.: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией М. М. Федоровой. Москва: ВЗФЭИ, 1998. - С. 66–69.

3. Немов, Р. С. Психология / Р. С. Немов. Москва: Наука, 2010. – 604 с.

4. Носонович, Е. В. Параметры аутентичного учебного текста / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. 1999. – № 1. – С. 18–23.

5. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования : концеция развития индивидуальности в диалоге культур. 10-11 кл. : [учебник] / Е. И. Пассов. Москва : Просвещение, 2000. – 172 с.

6. Рогова, Г. В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе / Г. В. Рогова, И. Н. Верещагина. – Москва: Просвещение, 1988. – 224 с.

УДК 372.881.111.1

Надеев Д. Б., магистрант 2 курса

ПСИХОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИСЕНСОРНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ АУДИРОВАНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Научный руководитель: **О. В. Сунгурова,** кандидат педагогических наук, доцент

Вятский Государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются психолого-методические условия, определяющие целесообразность применения мультисенсорного подхода в обучении иноязычному аудированию младших школьников, которые обычно испытывают ряд трудностей при овладении данным видом речевой деятельности. Цель исследования заключается в выявлении исходных психолого-методических условий, которые необходимо учесть при обучении иноязычному аудированию младших школьников с применением мультисенсорного контента. В статье описаны методы диагностики и полученные результаты, в частности значительная вариативность доминирующих каналов восприятия, что подтверждает обоснованность применения мультисенсорного контента для обучения. Материалы исследования могут быть полезны педагогам и методистам для повышения эффективности обучения иноязычному аудированию на начальном этапе.

Ключевые слова: психологическая диагностика, методическая диагностика, обучение аудированию, мультисенсорный подход, начальная школа.

Nadeev N. D., Master Course student, 2nd year

PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL RATIONALE FOR THE USE OF MULTISENSORY FOREIGN LANGUAGE LISTENING TEACHING ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS

Scientific supervisor: **O. V. Sungurova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Vyatka State University

Abstract. The article examines the psychological and methodological conditions determining the reasonability of applying the multisensory approach to foreign language listening teaching elementary school students, who usually experience a number of difficulties in mastering this type of speech activity. The aim of the study is to identify the initial psychological and methodological conditions that must be taken into account when teaching elementary school students foreign language listening using multisensory content. The article describes the diagnostic methods and the results obtained, particularly the significant variability of the dominant perception channels, that confirms the validity of the use of multisensory content for teaching. The findings may be useful for teachers and methodologists to improve the effectiveness of foreign language listening teaching at the initial stage.

Keywords. Psychological diagnostics, methodological diagnostics, listening teaching, multisensory approach, elementary school.

Иноязычное образование, согласно требованиям ФГОС НОО по предмету «Иностранный язык», ставит перед начальной школой важную, но не простую для решения задачу – формирование элементарной иноязычной коммуникативной компетенции, понимаемой как способность и готовность общаться с носителями изучаемого языка в устной и письменной формах. В рамках настоящего исследования нас интересует аудирование как один из компонентов устной коммуникации и сложный для младших школьников вид речевой деятельности. Как отмечают Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, В.М. Филатов, А.Н. Щукин и другие, процессы аудирования труднодоступны для анализа и фиксации в реальном общении [3, с. 239], а также зависят от многих факторов, таких как развитость у школьников речевого слуха, памяти, и других механизмов [1, с. 161].

В связи с этим, представляется актуальным поиск оптимальных путей организации обучения аудированию с учетом новых тенденций иноязычного образования и индивидуальных особенностей учащихся. Для проведения опытно-экспериментальной проверки методики обучения аудирования с использованием мультисенсорного контента была разработана и проведена психолого-методическая диагностика на констатирующем этапе исследования. Она направлена на выявление исходных условий обучения: уровня умений

аудирования младших школьников, а также ведущих каналов восприятия учащихся и их опыта обучения с применением мультисенсорного контента.

Диагностика включала в себя два компонента: методический (определение уровня умений аудирования) и психологический (выявление ведущих каналов восприятия учащихся и отношения к использованию мультисенсорного контента). Исследование было проведено на базе ЧУДО «Центр обучения и международного сотрудничества» в группе «Family and Friends 4», что соответствует 4-му классу общеобразовательной школы. В диагностике приняло участие 8 учащихся, которые обучаются в центре первый год. Рассмотрим результаты данного диагностического комплекса подробнее.

Для проведения **методической диагностики** были разработаны критерии и комплексный тест оценивания уровня умений аудирования учащихся. В рамках критериев оценивания было выделено 4 уровня умений аудирования: высокий (15-17 баллов), средний (12-14), низкий (8-11), допороговый (0-7). Тест включает в себя 3 задания, каждое из которых сопровождается двухразовым прослушиванием отдельного аудиотекста. Для данного теста были разработаны авторские аудитивные материалы. В первом задании учащимся был предложен тест множественного выбора, состоящий из 6 пунктов, основанный на голосовом сообщении от Джейн. Во втором задании учащимся было необходимо прослушать голосовое сообщение от Дэниэла, а также определить истинность шести утверждений, выбирая между «True» (верно) и «False» (неверно). В третьем задании учащиеся прослушали доклад о домашних животных и далее дополнили 5 предложений пропущенными словами. Максимальное количество баллов, которое можно было набрать за этот тест, равняется 17.

Таблица 1

Результаты методической диагностики учащихся группы «Family and Friends 4»

Ученик	Задание 1	Задание 2	Задание 3	Итого
Анна З.	3	3	1	7
Алексей Д.	3	3	2	8
Алиса С.	3	5	2	10
Арина К.	4	5	3	12
Валерия П.	5	3	3	11
Дмитрий М.	4	4	2	10
Никита У.	4	6	4	14
Платон М.	1	5	0	6

В Таблице 1 представлены результаты тестирования, исходя из которых мы можем выявить уровень развития умений аудирования у обучающихся группы «Family and Friends 4» (см. Рис. 1.).

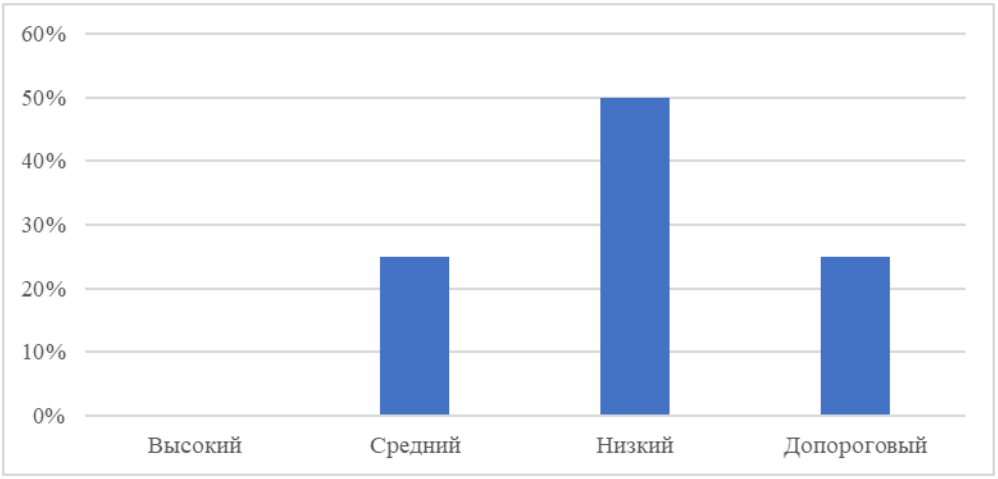

Рис. 1. Уровень умений аудирования обучающихся в группе «Family and Friends 4»

Количественный и качественный анализа показал, что допороговый уровень умений аудирования выявлен у 25 % учащихся группы (2 из 8). Они не смогли определить основную тему и ключевые факты в аудиотексте, допустили значительное количество ошибок и набрали от 6 до 7 баллов из 17, поняв менее 50 % прослушанного текста, что свидетельствует о серьезных трудностях в восприятии устной речи на иностранном языке. Половина учащихся (4 из 8) продемонстрировали низкий уровень умений аудирования, набрав от 8 до 11 баллов. Обучающиеся способны определить основную тему текста и частично выделить его главные факты, но при этом допускают серьезные ошибки. Они понимают приблизительно 50 % воспринимаемой информации. Средний уровень умений выявлен у 25 % учащихся (2 из 8), набравших от 12 до 14 баллов. Учащиеся способны определить основную тему аудиотекста и большинство ключевых фактов, однако испытывают определенные сложности при выполнении заданий. Ни один из учащихся группы не достиг высокого уровня умений аудирования (0 %).

Исходя из анализа проведенного теста было выявлено, что учащиеся имеют достаточно низкий уровень умений аудирования. Это указывает на необходимость дальнейшего развития умений аудирования школьников.

В рамках **психологической диагностики** было проведено тестирование по определению ведущего канала восприятия (визуальный, аудиальный, кинестетический) у младших школьников, а также анкетирование, направленное на исследование их опыта овладения иноязычным аудированием, применения мультисенсорного контента в данном процессе и личного к нему отношения.

Тестирование по определению ведущего канала восприятия включало 14 вопросов на выбор наиболее подходящих ассоциаций для различных понятий (скорость, мед, снег и др.). Учащимся необходимо было выбрать один из трех вариантов ответов, обозначающих визуальный (В), аудиальный (А) или кинестетический (К) каналы восприятия [2, с. 21-22]. На основе

ответов обучающихся группы «Family and Friends 4» был определен их ведущий канал восприятия, что позволяет более точно учитывать индивидные особенности при организации учебного процесса. Анализ результатов тестирования показал, что группа не является гомогенной по ведущим типам восприятия: 50 % – визуалы (4 из 8), 25 % – аудиалы (2 из 8) и 25 % – кинестетики (2 из 8).

Анкетирование имело целью изучить опыт младших школьников по овладению иноязычным аудированием, проверить, прибегали ли они к мультисенсорному контенту в процессе приобретения искомых умений и обозначить их личное отношение к данному явлению. Респондентам было предложено ответить на 9 вопросов: 3 вопроса закрытого типа, 3 вопроса полузакрытого типа и 3 вопроса открытого типа.

В ходе проведения анкетирования были получены следующие результаты. Большинство респондентов (75 %) слушают речь на английском языке несколько раз в неделю, остальные (25 %) – каждый день. Наиболее часто учащиеся взаимодействуют с языком в рамках обучения, но также используют музыку, игры, социальные сети. На занятиях большинство школьников (75 %) предпочитают смотреть видео, 37,5 % – играть в языковые игры, 25 % – слушать истории или песни, а 12,5 % – выполнять творческие задания. Большинство обучающихся демонстрируют предпочтение комбинированной (аудиальной и визуальной) подаче, что подтверждает значимость мультисенсорных материалов. Запоминанию слов способствуют многократное повторение (62,5 %), прослушивание песен (25 %) и демонстрация визуальных материалов (12,5 %).

62,5 % респондентов относятся с большим интересом к использованию картинок, видео, музыки на уроках английского языка, остальным же (37,5 %) это менее интересно. По поводу предпочтений в видеоматериалах к просмотру, 37,5 % ответили «любые», 37,5 % – «не знаю», 25 % – назвали конкретные фильмы. Все учащиеся в целом позитивно оценивают уроки иностранного языка и не хотели бы что-то добавить или предложить для создания более интересных занятий.

Результаты анкетирования подчеркивают, что младшие школьники активно воспринимают и осваивают английский язык через мультисенсорный контент. Большинство предпочитает сочетание визуальных и аудиальных материалов для лучшего понимания и запоминания информации, осознают важность регулярного взаимодействия с языком, что говорит о возможности расширения практики аудирования и использования различных форм мультисенсорного контента в учебном процессе.

Проведенная психолого-методическая диагностика позволила получить целостное представление об уровне развития умений аудирования у младших школьников, их индивидуальных особенностях восприятия и отношении к мультисенсорному контенту. В исследуемой группе не наблюдается единообразия по ведущему каналу восприятия (визуального, аудиального, кинестетического), что является основанием для применения

мультисенсорного подхода, согласно принципу индивидуализации по индивидным особенностям. Положительное восприятие детьми разнообразных мультисенсорных материалов, а также их готовность к регулярному взаимодействию с иностранным языком свидетельствует о достаточно высоком уровне мотивации учащихся к овладению умениями иноязычного аудирования, в частности с применением оригинальных приемов обучения.

Подводя итог, констатируем, что проведенная диагностика позволила выявить исходные условия обучения, создав методическую и психологическую основу для опытно-экспериментальной проверки методики обучения иноязычному аудированию младших школьников с применением мультисенсорного контента. Результаты диагностики могут быть полезными для учителей, стремящихся повысить результативность иноязычным аудированием в начальной школе, а также для исследования потенциала применения мультисенсорных средств в обучении иностранным языкам.

Список использованной литературы

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с

2. Карамова, А. А. Методические рекомендации по выполнению практических работ. Учебная дисциплина – психология общения / А.А. Карамова. Бирск: АНО СПО «Бирскооптехникум», 2018. – 103 с.

3. Федеральный государственный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-noo (дата обращения: 12.10.2025)

4. Филатов, В. М. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе: Учебное пособие для студентов педагогических колледжей / В. М. Филатов, В. П. Белогрудова, Т. Е. Исаева, М. А. Мосина, Е. Ю. Панина, Г. А. Слепченко: под ред. В.М. Филатова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 416 с.

5. Щукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студ. учреждений высш. образования / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова. М.: Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с.

УДК 37.016:811.111

Оркина Е. Д., бакалавр 4 курса

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 6 КЛАССЕ

Научный руководитель: **Е.А. Денисова,** кандидат филологических наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматривается использование рисунка как средства формирования иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся среднего звена. Разработаны и представлены упражнения для интегрирования в урок английского языка по УМК “Spotlight 6” (темы Unit 2c, “My Neighbourhood”; Unit 2b, “My Place”). Цель упражнений− развитие умений аудирования и говорения через визуализацию. Показано, что рисунок повышает мотивацию, активизирует речевую деятельность и способствует развитию творческих способностей обучающихся.

Ключевые слова: изобразительная наглядность, рисунок, иноязычная коммуникативная компетенция, средний этап обучения, визуализация, речевая деятельность, мотивация, упражнения.

Orkina E.D., Bachelor course student, 4th year

USING VISUALIZATION AS A MEANS OF DEVELOPING STUDENTS’ SPEAKING SKILLS IN 6TH GRADE ENGLISH LESSONS

Scientific supervisor: **E.A. Denisova,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia

Abstract. The article examines the use of drawing as a tool for developing foreign language communicative competence among middle school students. It presents the developed exercises for integration into the English lesson using “Spotlight 6” coursebook (Unit 2c, “My Neighbourhood”; Unit 2b, “My Place”). The goal of the exercises is to enhance listening and speaking skills through visualization. The study proves that drawing increases motivation, stimulates speech activity, and fosters students’ creativity.

Keywords: visual aids, drawing, foreign language communicative competence, intermediate learning stage, visualization, speech activity, motivation, exercises.

Современное образование, ориентированное на развитие личности для успешного взаимодействия в поликультурном мире, обуславливает необходимость формирования иноязычной коммуникативной компетенции (далее ИКК), что закреплено во ФГОС основного общего образования [5, II. Требования к результатам освоения основной образовательной программы

основного общего образования, 11.3. Иностранный язык. Второй иностранный язык].

На практике обучающиеся среднего звена часто сталкиваются с трудностями при спонтанном выражении мыслей на иностранном языке, что проявляется в стереотипности речи, ограниченном словарном запасе и отсутствии устойчивой мотивации к общению [2, с. 247]. В связи с этим актуальной задачей современного учителя иностранного языка является поиск эффективных технологий формирования ИКК. Одним из таких средств является принцип наглядности, обеспечивающий осознанное и прочное усвоение знаний.

Визуальные средства, в частности рисунок, выполненный обучающимися на уроке иностранного языка, может рассматриваться как мощный инструмент, способствующий лучшему усвоению материала, создающий естественные ситуации общения, стимулирующий речевую активность и развивающий их воображение [3, с. 126; 4, с. 176; 6, с. 315].

Следовательно, проблема повышения эффективности формирования ИКК на среднем этапе обучения может решаться через внедрение рисунка в структуру урока, что позволяет интенсифицировать речевую деятельность и создавать коммуникативно значимые ситуации. В связи с этим актуальным представляется разработка упражнений, интегрированных в урок английского языка дополнительно к учебно-методическому комплексу “Spotlight 6” [1, с. 18-20].

Система упражнений направлена на формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции посредством рисунка как средства визуализации и мотивации на уроке, развитию речевой активности обучающихся, формированию личностного отношения к учебному материалу, обеспечивая переход от восприятия к осмыслению и созданию собственных речевых высказываний.

Для представления структуры и содержания предлагаемых заданий приведем фрагмент урока по теме “My Neighbourhood” (табл. 1) с включением упражнений на основе рисунка, который обучающиеся разрабатывают и рисуют самостоятельно для визуализации своей идеи или описания.

Unit 2c “My Neighbourhood” (“Spotlight 6”, p. 20). Тема: «Shops and places in town». Вид речевой деятельности: аудирование с элементами говорения.

Цель – развитие умения говорения и навыков аудирования по теме “Shops and places in town”.

Предполагаемые результаты:

1. Обучающиеся могут определять тип магазина на слух, по ключевым словам, (например, “book”, “author” → книжный).

2. Обучающиеся используют тематическую лексику (названия магазинов) и вежливые фразы (“I'd like... ”) в речи.

3. Обучающиеся могут обосновывать своё мнение, объясняя, какие подсказки из диалога помогли им определить место действия.

4. Обучающиеся демонстрируют понимание через творческую визуализацию (рисунок) и обсуждение.

Таблица 1

Фрагмент урока с интегрированным упражнением
Unit 2c “My Neighbourhood”

Этап урока	*Действия учителя*	*Действия обучающихся*
1.Pre-listening stage (Этап подготовки к аудированию)	*<u>Фронтальная работа.</u>* *– Вводит тему урока, активизирует лексику по теме “Shops and places in town”.* *– Показывает изображения различных магазинов: bakery, bookshop, supermarket, chemist’s, clothes shop.* *– Задает наводящие вопросы:* Where do you go to buy bread? Where can you buy a book? *– Напоминает вежливые фразы, типичные для общения в магазине:* Can I help you? How much is it? I’d like…	*– Отвечают на вопросы, соотносят изображения со словами.* *– Повторяют ключевые выражения.* *– Предполагают, о чём может идти речь в предстоящем диалоге.*
2.While-listening stage (Этап восприятия текста)	*<u>Индивидуальная работа.</u>* *– Включает аудиозапись короткого диалога между продавцом и покупателем.* *– Инструктирует: «Послушайте диалог и попробуйте представить, в каком магазине происходит разговор. Нарисуйте этот магазин».* *– После первого прослушивания задает уточняющие вопросы:* What are they talking about? What is the customer buying?	*– Слушают запись, делают схематичный рисунок предполагаемого магазина.* *– Отмечают на рисунке, какие предметы могли находиться внутри.* *– Обсуждают свои варианты в парах.*
3.Post-listening stage (Этап осмысления и контроля понимания)	*<u>Фронтальная и индивидуальная работа.</u>* *– Организует обсуждение рисунков.* *– Просит обучающихся объяснить свой выбор:* Why do you think it’s a bakery/bookshop? *– Проводит рефлексию:* What helped you to understand where the dialogue took place?	*– Представляют и комментируют рисунки, высказывают предположения.* *– Сравнивают свои ответы с оригинальной ситуацией.* *– Делают вывод, какие языковые сигналы помогли им понять контекст.*

Результат: обучающиеся демонстрируют умение воспринимать и интерпретировать аудиотекст, развивают слуховую память, навыки визуального мышления и речевую инициативу.

Далее рассмотрим фрагмент урока (табл. 2), демонстрирующий интеграцию упражнения на основе визуализации в тему “My Place”.

Unit 2b “My Place” (“Spotlight 6”, p. 18). Тема: My room. Вид речевой деятельности: монологическая и диалогическая речь.

Цель: развитие умения говорения в рамках монологической и диалогической речи по теме “My room” с использованием конструкций There is/There are.

Предполагаемые результаты:

1. Обучающиеся активизируют и правильно используют лексику по теме «Комната» (предметы мебели) в речи.

2. Обучающиеся могут строить монологические высказывания, уверенно используя грамматическую структуру There is/There are для описания комнаты.

3. Обучающиеся могут ввести краткий диалог-расспрос, задавая вопросы о расположении и внешнем виде предметов (Where is...? What colour is...?).

4. Обучающиеся демонстрируют личную вовлеченность и понимание через описание реального или нарисованного плана комнаты.

Таблица 2

Фрагмент урока с интегрированным упражнением в Unit 2b “My Place”

Этап урока	*Действия учителя*	*Действия обучающихся*
1.Preparation for speaking (Подготовка к говорению)	*Фронтальная работа.* *– Повторяет с обучающимися лексику по теме:* bed, wardrobe, desk, shelf, window, carpet. *– Демонстрирует пример рисунка комнаты с подписями.* *– Даёт инструкцию: «*Draw a plan of your room, mark the main pieces of furniture and your favourite things*».*	*– Рисуют собственную комнату в тетрадях или на листах бумаги.* *– Подписывают объекты по-английски.* *– Обмениваются рисунками с партнёром.*
2.Speaking implementation (Реализация говорения)	*Фронтальная и парная работа.* *– Даёт задание описать комнату партнёра:* Describe your friend’s room using: There is / There are. *– Следит за использованием целевых структур и произносительной правильностью.* *– Побуждает обучающихся задавать вопросы:* Where is the desk? What colour is the bed?	*– Описывают комнаты друг друга, используя готовые модели высказываний.* *– Ведут короткие диалоги на основе рисунков.* *– Презентуют описание комнаты перед классом.*

Результат: обучающиеся активизируют и закрепляют лексику по теме, развивают умение строить монологические высказывания с использованием

структуры There is/ There are, а также навыки диалогического общения (умение задавать вопросы и давать краткие ответы).

Таким образом, считаем, что использования рисунка является актуальным и эффективным средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся среднего звена. Анализ методической литературы позволил определить рисунок не как вспомогательную иллюстрацию, а как полноценный методический инструмент, создающий коммуникативно-значимые ситуации и выступающий смысловой опорой для речевого высказывания. Практический вклад в настоящее исследование заключается в разработке и методическом обосновании конкретных упражнений, интегрированных в содержание учебных модулей УМК “Spotlight 6”. Представленные фрагменты уроков наглядно демонстрируют, как визуализация способствует развитию умений аудирования и говорения, активизации лексики и грамматических структур, а также обеспечивает личностную вовлеченность обучающихся. Реализация предложенного подхода позволяет вывести учебный процесс на уровень требований ФГОС последнего поколения, обеспечивая не только предметные, но и метапредметные результаты, такие как развитие воображения, аналитического мышления и умения планировать свое высказывание.

Список использованной литературы:

1. Ваулина Ю.Е., Дули Д., Подоляко О.Е. Английский в фокусе. Spotlight 6. Москва: Изд-во Просвещение, 2025. 144 с.

2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Москва: Изд-во Педагогика-пресс, 1991. 480 с.

3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Москва: Изд-во АРКТИ-ГЛОССА, 2000. 165 с.

4. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. Москва: Изд-во Русский язык, 1989. 246 с.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 [Электронный ресурс]. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 20.10.2025).

6. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. Москва: Изд-во Филоматис, 2006. 480 с.

УДК 81'42:81'243

Парамонова Д.И., магистрант 1 курса

ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И УЧЕБНАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Научный руководитель: **М.В. Клименко,** кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается текстовая компетенция как интегративный комплекс знаний, умений и метакогнитивных стратегий, необходимых для успешной учебной деятельности и развития личности. Представлен теоретический анализ структуры текстовой компетенции. Описаны этапы формирования компетенции через предтекстовую, текстовую и послетекстовую деятельность с применением инновационных методов, в том числе информационно-коммуникационных технологий и проектного обучения. Подчёркнута важность текстовой компетенции для развития критического мышления, коммуникативных навыков и эффективного взаимодействия с информацией в современном образовательном пространстве и социальной среде.

Ключевые слова: Текстовая компетенция, лингвистическая категория, учебная категория, когнитивные навыки, коммуникативные умения, смысловой анализ, информационно-коммуникационные технологии, метакогнитивные стратегии.

Paramonova D. I., Master Course student, 1st year

TEXT COMPETENCE AS A LINGUISTIC AND EDUCATIONAL CATEGORY: THEORETICAL ANALYSIS AND MODERN APPROACHES

Scientific supervisor: **M. V. Klimenko,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article discusses textual competence as an integrative complex of knowledge, skills, and metacognitive strategies necessary for successful learning activities and personal development. It presents a theoretical analysis of the structure of textual competence. The article describes the stages of competence formation through pre-textual, textual, and post-textual activities using innovative methods, including information and communication technologies and project-based learning. The importance of textual competence for developing critical thinking, communication skills, and effective interaction with information in the modern educational and social environment is emphasized.

Keywords: Text competence, linguistic category, educational category, cognitive skills, communicative abilities, semantic analysis, information and communication technologies, metacognitive strategies

В современном образовательном пространстве, ориентированном на развитие критического мышления и коммуникативной компетентности, возрастает значимость формирования текстовой компетенции. Текст, как основной инструмент передачи и обработки информации, является ключевым элементом взаимодействия в различных сферах жизни – от академической и профессиональной до социальной и культурной.

Текст в лингвистике рассматривается как целостное коммуникативное образование с признаками целостности (тематическое единство), связности (грамматические и логические связи), логико-семантической структуры (внутренняя организация) и прагматической наполненности (цель, адресат, жанр) [1]. Указанные признаки создают основу для комплексного описания текста и служат критериями оценки языковой и коммуникативной компетенции обучающихся.

На сегодняшний день в лингвистике и методике преподваания текстовая компетенция рассматривается как междисциплинарная конструкция, включающая систематизированные знания, владение методологией анализа и синтеза текстовых единиц, а также развитый репертуар когнитивных и коммуникативных навыков, обеспечивающих эффективное взаимодействие субъекта с текстовой информацией различной природы и сложности [5].

Согласно концепциям ведущих ученых в области теории текста и речи, таких как М.Я. Дымарский, текстовая компетенция представляет собой совокупность представлений о структуре, функционировании и целевой направленности текстов, а также практических умений, обеспечивающих создание, интерпретацию и критическую оценку текстов в зависимости от коммуникативных задач и контекстуальных условий [2]. В ряде исследований данное понятие трактуется через призму формирования адекватных стратегий восприятия, критической интерпретации и продуктивного создания текстов, что свидетельствует о его фундаментальной роли в обеспечении функциональной научно-образовательной и социальной адаптации личности в условиях информационно-коммуникационной эпохи.

Структурно текстовая компетенция включает несколько взаимосвязанных компонентов. Во-первых, лингвистическую составляющую, предполагающую овладение языковыми системами и средствами, необходимыми для построения связных и адекватных коммуникативных высказываний в различных жанрах и стилях. Во-вторых, коммуникативный компонент, охватывающий учет ситуации коммуникации, целей, ролей участников и особенностей адресата, что обеспечивает адаптивность и эффективность речевого воздействия. В-третьих, когнитивную и аналитическую составляющие, связанные с умением структурировать смысловые связи, формировать дискурсивные модели и применять разнообразные стратегии анализа и композиции текстов. Наконец, важнейшей является метакогнитивная составляющая, развитие которой способствует сознательному планированию, контролю и оценке собственной учебной деятельности и языковых действий, что существенно повышает автономность и рефлексивность учебного процесса.

Наглядно структура текстовой компетенции изображена на рисунке 1:

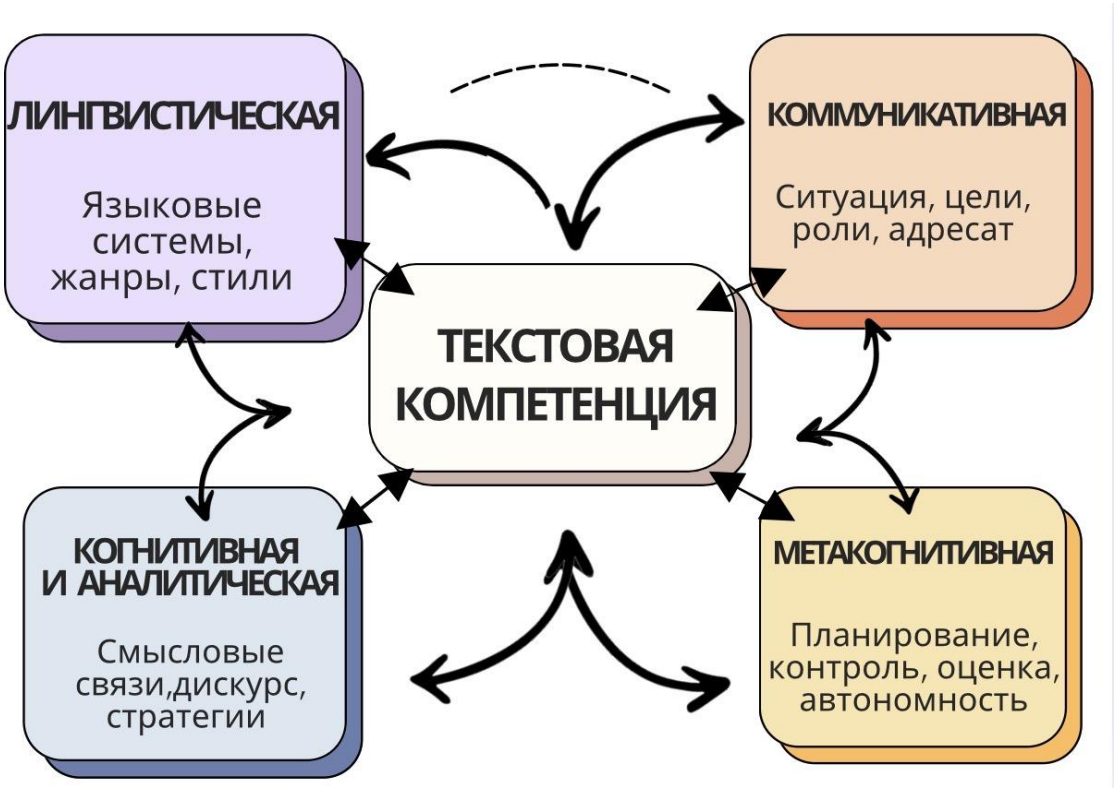

Рисунок 1. Структура текстовой компетенции

Синтегрируя существующие концептуальные подходы, мы предлагаем следующее определение: текстовая компетенция — это интегративный комплекс лингвистических и прагматических ресурсов, включающий системные знания, операционные навыки и обоснованный эмпирический опыт текстовой деятельности, которые вместе обеспечивают способность осознанно воспринимать, интерпретировать и продуктивно конструировать тексты с учётом коммуникативных целей и контекстуальных условий. Такая компетенция приобретает особую значимость в условиях динамично усложняющейся структуры информационного пространства и экспоненциального роста коммуникативных вызовов современного общества.

Формирование текстовой компетенции в образовательном процессе реализуется через комплексную системную методику, включающую этапы предтекстовой, текстовой и послетекстовой деятельности [4]. На предтекстовом этапе происходит подготовка: знакомство с тематикой, анализ контекста, формирование предварительных представлений о жанровых и стилистических особенностях целевых текстов. В текстовом этапе акцент делается на самостоятельном построении, редактировании и корректировке текста с учетом требований жанра и коммуникативной целесообразности. Послетекстовый этап включает рефлексию, анализ и самооценку результатов, что способствует осознанию учебных достижений и выявлению областей для дальнейшего совершенствования. Эффективность данного образовательного цикла повышается применением активных методов: анализа образцовых текстов, коллективных дискуссий, проектной деятельности и интеграции информационно-коммуникационных

технологий, что не только формирует языковые навыки, но и развивает метакогнитивные стратегии.

Современная педагогика внедряет инновации: проектное обучение, цифровые платформы и мультимедийные инструменты анализа текстов. Это развивает у обучающихся системное восприятие, критическую оценку, смысловой анализ и интерпретацию, повышая универсальные учебные действия. Особое внимание уделяется работе с мультимедийными текстами и межкультурным связям для повышения коммуникативной компетентности в условиях цифровой трансформации.

Текстовая компетенция важна для языкового развития и формирования коммуникативных умений, включая устную и письменную речь. Особое значение имеет письменная речь, требующая владения нормами, структурирования мыслей и редактуры [1]. Поэтому образовательные учреждения должны создавать условия для развития осознанной и творческой текстовой деятельности, обеспечивающей успешное профессиональное и личностное развитие.

В свете изложенного развивается стратегическая задача гуманитарного образования современности — формирование и развитие текстовой компетенции как ключевого компонента интеллектуальной и коммуникативной культуры личности. Ее успешное освоение требует интеграции междисциплинарных подходов, активного использования инновационных методов и технологий, а также воспитания у обучающихся критического и творческого мышления. Кроме того, важным является осознание значимости текста в процессах личностного саморазвития и профессионального становления.

В условиях глобализации, стремительного роста информационных потоков и сложности коммуникационных сред способность к адекватной и продуктивной работе с текстами становится необходимым условием формирования интеллектуально развитой и коммуникативно компетентной личности, способной эффективно функционировать в современных информационных и социокультурных реалиях. Эта задача сохраняет высокую актуальность для современных педагогических наук и практики, требуя постоянного совершенствования теоретических моделей и практических методик обучения текстовой деятельности.

Список использованной литературы

1. Васюкович, Л. С. Текстовая компетенция в контексте современного лингвистического образования // Преподаватель XXI век. 2015. №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovaya-kompetentsiya-v-kontekste-sovremennogo-lingvisticheskogo-obrazovaniya (дата обращения: 13.10.2025).

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. - 3-е изд., стер. - Москва : УРСС, 2005. – 137 с.

3. Дымарский, М. Я. Текстовая компетенция и ее состояние в сегодняшней России / М. Я. Дымарский // Лингвистический семинар : Межвузовский сборник научных статей. Том Выпуск 1. – Санкт-Петербург ; Бирск : Без издательства, 1996. – С. 33-43.

4. Надымова, А.И. Эффективные приёмы предтекстовой деятельности // Инфоурок. – 2020. – URL: https://infourok.ru/effektivnye-priyomy-predtekstovoj-deyatelnosti-4340185.html (дата обращения: 06.10.2025).

5. Несмеянов, А.В., Шадеко, В.П. Опыт аспектного моделирования текстовой компетенции (на примере текстовой компетенции письменной речевой деятельности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. – Том 12, № 2. – С. 107-111. – URL: www.gramota.net/materials/2/2019/2/23.html (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 811.161.1

Промоторова Е. Д., магистрант 2 курса

МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ ВИДОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Научный руководитель: **И. Б. Федотова,** доктор педагогических наук, доцент

Пятигорский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме грамматической интерференции у персоязычных студентов при изучении видовременных форм русского глагола. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в персидском языке категории вида, что вызывает устойчивые ошибки. Цель работы – выявление методов минимизации интерференционного влияния. Проведенный сопоставительный анализ глагольных систем позволил разработать комплекс методов, сочетающих подходы сопоставительной лингвистики и коммуникативной методики, а также предлагаемые приемы, включающие использование сопоставительных таблиц, диалоговых ситуаций и интерактивных заданий.

Ключевые слова: грамматическая интерференция, персоязычные студенты, русский язык как иностранный (РКИ), видовременные формы глагола, категория вида, сопоставительная лингвистика

Promotorova E. D., Master Course student, 2nd year

METHODS OF OVERCOMING GRAMMATICAL INTERFERENCE IN TEACHING PERSIAN-SPEAKING STUDENTS MODERN FORMS OF THE RUSSIAN VERB

Scientific supervisor: **I. B. Fedotova,** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Pyatigorsk State University

Abstract. The article is devoted to the problem of grammatical interference among Persian-speaking students when studying the modern forms of the Russian verb. The relevance of the study is due to the absence of a type category in the Persian language, which causes persistent errors. The purpose of the work is to identify methods for minimizing interference effects. The comparative analysis of verbal systems has allowed us to develop a set of methods combining the approaches of comparative linguistics and communicative methodology, as well as proposed techniques that include the use of comparative tables, dialog situations and interactive tasks.

Keywords: Grammatical interference, Russian-speaking students, Russian as a foreign language, specific forms of the verb, type category, comparative linguistics

В современных условиях глобализации, характеризующихся одновременно усилением взаимосвязанности и конкуренции, русский язык последовательно укрепляет свой статус важного средства международной коммуникации, продолжая играть значимую роль на мировой арене. Несмотря на то, что русский язык не имеет официального статуса в Иране, в последние годы в стране фиксируется устойчивый рост интереса к его изучению. Помимо традиционной привлекательности русской классической литературы, мощными катализаторами этого процесса выступают расширяющиеся академические обмены и растущее число иранских студентов, выбирающих российские вузы для получения высшего образования. Одновременно с этим углубление двусторонних экономических и торговых связей создает прагматический запрос на специалистов, владеющих русским языком. Таким образом, наряду с культурно-познавательными мотивами (туризм, знакомство с традициями) все более значимыми становятся образовательные и карьерные перспективы, что в совокупности формирует прочную основу для дальнейшей популяризации русского языка в Иране [9, с. 167].

Особое значение приобретает изучение грамматических аспектов, таких как категория вида глагола, которая является фундаментальной для правильного построения временных форм и аспектуальных характеристик действий. Для персоязычных студентов, чьи родные языки зачастую обладают иной системой выражения вида глагола, интерференция при изучении русской грамматики проявляется в повторных ошибках, связанных с неправильным использованием видовременных форм. Эти ошибки снижают качество коммуникативного взаимодействия и затрудняют достижение уровня владения русским языком, достаточного для академической, профессиональной и повседневной коммуникации. Освоение русского языка персоязычными учащимися сопровождается устойчивыми трудностями, среди которых особое место занимают ошибки, порождаемые лингвистической интерференцией. Классическую трактовку этого феномена предложил У. Вайнрайх: «Случаи отклонения от норм одного из языков, возникающие в речи носителя двуязычия вследствие того, что он владеет более чем одним языком, то есть в результате языкового контакта, рассматриваются как явление интерференции» [2, с. 23]. Таким образом, актуальной задачей современной лингводидактики становится не

только выявление, но и активное внедрение в практику эффективных методов преодоления грамматической интерференции, вызванной категорией вида глагола. Национальный корпус русского языка может послужить ресурсом для подобной работы [7].

Сопоставительный анализ глагольных систем русского и родного языка персоязычных студентов позволяет выявить ключевые особенности, обусловливающие возникновение грамматической интерференции. В русском языке категория вида глагола и временные формы представлены сложной системой аспектов и временных оттенков, что зачастую не имеет прямых соответствий в языке обучающихся. Анализ показывает, что русская система видовременных форм глагола отличается внутренней структурой и логикой функционирования по сравнению с системами родных языков студентов, в результате чего возникают характерные ошибки при их использовании. Исследование выявило, что вопросы согласования вида и времени глаголов в русском языке часто вызывают интерференцию у учащихся, говорящих на языках, в которых эти категории выражены иначе или отсутствуют вообще. Особенностью схожих языков является наличие или отсутствие категорий, сходных по смыслу с русской, а также их функционирование в иных контекстах, что усиливает когнитивную нагрузку при переносе грамматических конструкций [5, с. 8].

Разработка эффективных методов устранения грамматической интерференции требует учета как лингвистических особенностей исходного языка персоязычных студентов, так и коммуникативных особенностей процесса обучения. В качестве важнейшего подхода предлагается использование сравнительного анализа глагольных систем русского языка и родных языков студентов в рамках совместных коммуникационных упражнений. Такой подход позволяет выявить и систематизировать основные расхождения в видовременных формах, что способствует формированию у студентов осознанного понимания различий и сходств, а также снижению количества ошибок, связанных с неправильным использованием видовременных форм русских глаголов. Обучающий процесс может включать специально разработанные диалоговые ситуации, ориентированные на практическое использование правильных форм глаголов в контексте реальных коммуникативных задач, что способствует формированию автоматических навыков и укреплению межъязыковой концептуализации. Как отмечает один из источников, «применение моделирования реальных ситуаций, в которых студент вынужден выбрать правильную форму глагола, способствует эффективному закреплению грамматических правил и повышает уровень интерференционной устойчивости» [3, с. 181]. В целях повышения эффективности методов также внедряется использование диалогов с обратной связью, что позволяет оперативно корректировать ошибки и закреплять правильные формы посредством постоянного взаимодействия. Применение таких методов в рамках коммуникативного подхода способствует развитию у студентов

способности самостоятельно ориентироваться в русской грамматике и избегать типичных интерференционных ошибок.

Дополнительно следует подчеркнуть, что различия в системах видовременных форм глаголов оказывают значительное влияние не только на грамматическую точность, но и на стилистическую адекватность высказываний студентов. В процессе изучения русского языка важным аспектом является осознание того, что неправильно выбранная временем форма или вид глагола могут изменить смысл целого высказывания или привести к его двусмысленности. Это особенно актуально при подготовке к академической и профессиональной коммуникации, где точность выражения критична. В этой связи развитие у студентов навыков правильного использования видовременных форм посредством целенаправленных упражнений и когнитивных стратегий является ключевым звеном в преодолении интерференционных ошибок.

Для повышения эффективности коммуникативных методов важно также интегрировать мультисенсорные подходы, которые способствуют более глубокому консолидированию языковых навыков. Включение в учебный процесс аудио- и видеоматериалов, а также интерактивных заданий создает условия для более активного усвоения грамматических структур, в том числе видовременных форм глаголов. Такой комплексный подход помогает студентам не только лучше понять различия между формами, но и развивать навыки правильного их использования в живом общении. В этом контексте особое значение приобретает создание учебных ситуаций, максимально приближенных к реальному диалогу, что способствует формированию устойчивых коммуникативных компетенций, как подчеркивается в исследовании, «включение мультисенсорных стратегий существенно повышает мотивацию и уровень самостоятельности студентов в освоении сложных языковых конструкций» [4, с. 58].

Также в процессе преодоления грамматической интерференции у персоязычных обучающихся ключевую роль могут сыграть современные ИКТ, предоставляющие интерактивные и персонализированные средства отработки сложных явлений. Конечно, для максимизации их эффекта необходим четкий методический отбор и классификация цифровых ресурсов. Интеграция цифровых образовательных ресурсов принципиально трансформирует процесс изучения грамматики, обеспечивая переход от пассивного усвоения правил к их активному применению в смоделированных речевых ситуациях. Интерактивные тренажеры и платформы с системой мгновенной обратной связи не только способствуют глубокому пониманию абстрактных грамматических категорий, но и позволяют организовать адаптивную практику, которая автоматически подстраивается под индивидуальные трудности каждого учащегося, тем самым значительно повышая эффективность усвоения материала [1, с. 211; 6]. Интеграция элементов геймификации, таких как система баллов, таблицы лидеров и виртуальные награды, стимулирует учебную активность и создает дополнительную внешнюю и внутреннюю

мотивацию, что в конечном счете положительно сказывается на успеваемости обучающихся [8, с. 147].

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо подчеркнуть, что преодоление грамматической интерференции при обучении видовременным формам русского глагола у персоязычных студентов достигается наиболее эффективно при использовании комплекса методов, сочетающих сравнительный анализ и коммуникативные подходы. Анализ выявил, что основные источники ошибок связаны с несоответствием категорий вида глагола и временных форм, характерных для родных языков студентов, что определяет необходимость целенаправленного включения в учебную программу элементов сопоставительной лингвистики. На этой основе могут быть разработаны конкретные методические рекомендации по созданию учебных материалов, ориентированных на преодоление типичных ошибок персоязычных обучающихся.

Список использованной литературы

1. Бегимбетова, Г.А. Интегрированное использование цифровых и clil технологии при обучении будущих учителей. [Электронный ресурс] // BULLETIN Series of Physics & Mathematical Sciences, 2023 С. 210-218. – URL: https://bulletin-phmath.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/1149 (дата обращения: 05.11.2025).
2. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Зарубежная лингвистика. III. М.: Издательская группа «Прогресс», 1979. – 265 с.
3. Галебанди, С. С. Трудности персоязычных студентов при изучении и употреблении русских личных имен / С. С. Галебанди, Ш. Ибрагимшарифи [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI век. 2021. – № 2-1. – С. 176-183. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-persoyazychnyh-studentov-pri-izuchenii-i-upotreblenii-russkih-lichnyh-imen (дата обращения: 06.11.2025).
4. Камышанова, Л. В. Обучение русскому языку в Германии / Л. В. Камышанова [Электронный ресурс] // Глобус. 2022. – № 2. – С. 57-59. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-russkomu-yazyku-v-germanii (дата обращения: 06.11.2025).
5. Крупильницкая, В. А. Категория времени в русском и китайском языках / В. А. Крупильницкая, И. Б. Федотова. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2023. – 83 с.
6. Селифонова, Е. Д. Факторы успешной реализации технологии CLIL в высшей школе / Е. Д. Селифонова, Л. А. Слепцова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 апреля 2024 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2024. – С. 180-182.
7. Селифонова, Е. Д. Перспективы работы с лингвистическими корпусами в высшей школе / Е. Д. Селифонова // Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях : Электронный сборник научных трудов, Москва, 20–21 октября 2023 года. – Москва: МГИМО МИД России, 2024. – С. 128-136. – DOI 10.24833/2949-6357.2024.SED.2.
8. Федотова, И. Б. Использование современных технологий обучения в образовательном процессе / И. Б. Федотова, Г. Г. Курегян // Би(поли)лингвизм и

проблемы коммуникации: вызовы XXI века, Пятигорск, 20–21 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 144-148.

9. Хадеми, М.М. Стимулы к изучению русского языка у иранцев [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2018. – № 3, с. 165-170. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stimuly-k-izucheniyu-russkogo-yazyka-u-irantsev (дата обращения: 05.11.2025).

УДК 81'243.3-053.5.

Рубцова С.А., магистрант 2 курса

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

научный руководитель: **Е.А. Крылова**, кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

Аннотация: В статье анализируются возможности применения интерактивных методов в обучении иностранному языку младших школьников. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных средств обучения, соответствующих возрастным особенностям учащихся. Рассматриваются подходы к использованию интерактивных методов и их систематизация в соответствии с функциональной спецификой. Показано, что данные методы выполняют различные функции на разных этапах учебного процесса и способствуют развитию иноязычной речевой активности младших школьников.

Ключевые слова: иноязычная речевая деятельность, младшие школьники, интерактивные методы, коммуникативные навыки, цифровизация образования.

Rubtsova S.A., Master Course student, 2nd year

INTERACTIVE METHODS AS A MEANS OF DEVELOPING SPEECH ACTIVITY IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Scientific supervisor: **E.A. Krylova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract: The article analyzes the possibilities of applying interactive methods in teaching a foreign language to primary school students. The relevance of the study is determined by the need to identify effective teaching tools that correspond to the age-specific characteristics of learners. Approaches to the use of interactive methods and their systematization according to functional specificity are examined. It is shown that these methods perform different functions at various stages of the educational process and contribute to the development of pupils' speech activity.

Keywords: speech activity, primary school children, interactive methods, communicative skills, digitalization of education.

Развитие иноязычной речевой деятельности у младших школьников является одной из ключевых задач обучения иностранному языку на начальном этапе. В этот период дети осваивают базовые коммуникативные модели, учатся выражать свои мысли, желания и эмоции на английском языке. Однако традиционные методы обучения, ориентированные преимущественно на репродуктивное запоминание, часто не обеспечивают достаточной мотивации и речевой инициативы, что снижает эффективность усвоения языка. Именно в младшем школьном возрасте закладываются основы иноязычной коммуникативной компетенции, поэтому поиск эффективных средств стимулирования иноязычной речевой деятельности младших школьников становится особенно актуальным. В условиях современного образования особую актуальность приобретают интерактивные методы, позволяющие создавать учебные ситуации, приближённые к реальному общению обеспечивая визуальную и эмоциональную поддержку, а также стимулируя самостоятельность и инициативу учащихся.

Иноязычная речевая деятельность младших школьников формируется в условиях специально организованного взаимодействия, где язык используется как средство освоения элементарных коммуникативных моделей. Современные исследования подчёркивают, что речевая деятельность представляет собой целенаправленный процесс, включающий мотивацию, замысел, реализацию и контроль, и требует учёта возрастных и психологических особенностей учащихся [4, с. 90]. Для ребёнка начальной школы важно, чтобы каждый из этих компонентов был задействован в учебной ситуации: мотив создаётся через игровую задачу или элемент соревнования, замысел формируется в контексте простого сюжета или роли, реализация осуществляется в коротких речевых действиях, а контроль поддерживается обратной связью со стороны учителя и сверстников.

В структуре иноязычной речевой деятельности мотивация играет ключевую роль: именно она побуждает ребёнка вступать в речевое взаимодействие, определяет его готовность к высказыванию и обеспечивает внутреннюю потребность в использовании языка. Мотивация в обучении иностранному языку неразрывно связана с эмоциональной вовлечённостью и личностной значимостью учебных задач [1, с. 20]. Для младших школьников это особенно важно: они лучше усваивают материал, когда иноязычная речевая деятельность строится на интересных, игровых и эмоционально окрашенных заданиях, где есть возможность двигаться, использовать предметы и вовлекать разные каналы восприятия.

Игра продолжает оставаться ведущей деятельностью младших школьников, в рамках которой формируются основы речевого поведения и коммуникативные навыки. Интерактивные игровые формы позволяют интегрировать речевую активность в естественный для ребёнка

контекст [3, с.1]. Именно в игре ребёнок учится реагировать на простые реплики, выполнять инструкции, использовать речевые формулы в контексте. Следовательно, игровые и интерактивные методы в обучении иностранному языку не только соответствуют возрастным особенностям младших школьников, но и становятся эффективным средством формирования их элементарной иноязычной речевой деятельности.

Л.С. Выготский подчёркивал, что обучение становится эффективным, когда ребёнок включён в осмысленную ситуацию, соответствующую его зоне ближайшего развития [2, с. 160]. Интерактивные методы позволяют создавать такие ситуации: ребёнок действует в паре или группе, выполняет простые речевые инструкции, реагирует на действия других, что обеспечивает постепенное продвижение от понимания к воспроизведению.

В современной педагогике интерактивные методы рассматриваются как средства активного включения учащихся в процесс взаимодействия и совместного поиска решений [5, с. 438]. Интерактивные методы обучения строятся на активном взаимодействии всех участников образовательного процесса, что позволяет каждому ребёнку быть вовлечённым в деятельность. В обучении младших школьников к таким методам относятся ролевые игры, работа в парах и малых группах, мини‑проекты и элементы «мозгового штурма». Они создают условия для совместного поиска решений, обмена репликами и выполнения заданий в игровой форме. Обучение через физическую реакцию на речевые стимулы также способствует более прочному усвоению материала и формированию речевой активности, особенно на начальном этапе освоения языка [7, с. 337]. Применение интерактивных приёмов делает процесс обучения динамичным и эмоционально насыщенным: карточки с изображениями, сюжетные задания, визуально‑игровые упражнения, мини‑соревнования и задания с элементами движения. Эти средства учитывают возрастные особенности младших школьников — их потребность в игре, наглядности, активности и эмоциональной вовлечённости — и способствуют формированию иноязычной речевой деятельности в естественном и мотивирующем контексте.

Далее рассмотрим применение интерактивных методов в работе с младшими школьниками в соответствии со структурой урока. В соответствии с традиционной структурой урока, представленной в работах Т. П. Леонтьевой [6, с. 52], выделяются следующие этапы:

1. Мотивационный этап
2. Этап введения нового материала
3. Этап закрепления
4. Итоговый этап

На мотивационном этапе целесообразно использовать методы, направленные на создание положительного эмоционального фона и вовлечение учащихся в деятельность. В частности, эффективными являются ассоциативные упражнения («Цветок ассоциаций», «Корзина идей»), мини-

дискуссии («Верю – не верю»), командные соревновательные задания, а также задания, направленные на взаимодействие с визуальными стимулами (иллюстрации, карточки).

Этап введения нового материала предполагает использование интерактивных методов, обеспечивающих наглядность и доступность усвоения. Например, для парной работы применяются задания, направленные на работу с карточками («Вопрос – ответ», «Найди пару») для усвоения новой лексики, сюжетные мини-диалоги; для групповой работы используются задания на коллективное обсуждение, совместное сравнение и классификацию, создание общих схем и «смысловых карт», способствующих формированию ассоциативных связей.

Этап закрепления материала ориентирован на переход от репродуктивной деятельности к продуктивной и характеризуется активным использованием изученной лексики и грамматики в речевой практике. На данном этапе целесообразно применять ролевые игры («В ресторане», «В школе»), парные задания («Find someone who…»), а также групповые визуально-ассоциативные упраженения («Собери картинку» и «Назови предметы»).

Итоговый этап урока предполагает закрепление изученного материала и формирование у учащихся чувства завершённости. Например, применяются мини‑проекты (коллективный постер «My favourite animals»), творческие задания (рисунок «My magic house» с подписями), а также элементы мозгового штурма (коллективное называние слов по теме).

Таким образом, проведённый анализ показал, что интерактивные методы могут быть органично встроены в разные этапы урока иностранного языка в начальной школе. Их использование демонстрирует функциональную вариативность: от создания мотивации и наглядной опоры до стимулирования речевого взаимодействия и интеграции изученного материала. Рассмотренные примеры позволяют систематизировать подходы к применению игровых, коммуникативных и проектных форм работы и обозначают перспективу дальнейших исследований, связанных с их практической апробацией и оценкой эффективности.

Список использованной литературы

1. Винокурова, С.С. Методика использования игровой деятельности при обучении иностранного языка в младших классах // Sciences of Europe. – 2017. – № 17-2 (17). Режим доступа: – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-igrovoy-deyatelnosti-pri-obuchenii-inostrannogo-yazyka-v-mladshih-klassah (дата обращения: 13.09.2025).

2. Выготский, Л.С. Лекции по психологии. Мышление и речь / Л. С. Выготский. Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 432 с.

3. Жаворонкова, Ю. М. Мотивация учебной деятельности у детей младшего школьного возраста / Ю. М. Жаворонкова, И. А. Кильмасова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 3(7). – С. 18-22.

4. Карих, Т.В. Текстовая деятельность vs речевая деятельность // Известия ВГПУ. 2010. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovaya-deyatelnost-vs-rechevaya-deyatelnost (дата обращения: 13.09.2025).

5. Крылова, Е. А. К вопросу об интерактивном обучении иностранным языкам в вузе / Е. А. Крылова // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023. – С. 435-440.

6. Методика преподавания иностранного языка: учебное пособие / Т. П. Леонтьева [и др.]; под общ. ред. Т. П. Леонтьевой. 3-е изд., испр. Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 239 с.

7. Смоловик, О.В., Шобонова, Л.Ю. Метод физического реагирования в обучении иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. 2020. – № 67-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-fizicheskogo-reagirovaniya-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 13.09.2025).

УДК 372.881.1

Румянцева В. И., бакалавр 4 курса

ИНТЕГРИРОВАНИЕ ФАСИЛИТАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В 11 КЛАССЕ

научный руководитель: **Е. А. Денисова**, кандидат филологических наук, доцент
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматриваются фасилитативные технологии как средство повышения эффективности групповой работы. Цель исследования — выявить функциональные возможности фасилитативных приёмов и предложить модель их применения при формировании умения говорения на старшем этапе обучения иностранным языкам. Методологическую основу составляют коммуникативный подход, фасилитативная парадигма обучения, принципы сотрудничества и взаимодействия в образовательной среде. Новизна работы заключается в конкретизации фасилитативных механизмов на уровне речевых действий обучающихся и разработке практико-ориентированной модели для этапа развития говорения. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании коммуникативных заданий и организации групповой работы в старших классах.

Ключевые слова: фасилитация, фасилитативные технологии, групповая работа, обучение иностранным языкам, сотрудничество.

Rumyantseva V. I., Bachelor course student, 4th year

INTEGRATION OF FACILITATIVE TECHNOLOGIES INTO THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING PROCESS IN THE 11TH GRADE

Scientific supervisor: **E. A. Denisova**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pushkin Leningrad State University

Abstract. The article examines facilitative technologies as a means of increasing the effectiveness of group work. The purpose of the study is to identify the functional potential of facilitative techniques and to propose a model for their application in developing students' speaking skills at the senior stage of foreign language teaching. The methodological framework is based on the communicative approach, the facilitative learning paradigm, and the principles of cooperation and interaction in the educational environment. The novelty of the research lies in specifying facilitative mechanisms at the level of students' speech performance and in developing a practice-oriented model for the speaking development stage. The results can be applied in designing communicative tasks, and in organizing group work in senior school classes.

Keywords: facilitative technologies, facilitation, group interaction, foreign language teaching, cooperation.

В условиях модернизации образования вместо классических методов передачи информации всё чаще применяются интерактивные и практико-ориентированные подходы. На смену традиционной парадигме обучения приходит личностно-ориентированный подход, центральным звеном которого является формирование и развитие личности [7, с. 1]. Создавшееся положение актуализирует потребность в принятии педагогом новой роли – фасилитатора, благодаря профессиональной компетентности которого возможно организовать процесс обучения на основе придания обучению характера сотрудничества, поддержания и облегчения проявления инициативы учащихся, развития их учебно-профессиональной мотивации.

Термин «фасилитация» прочно вошел в научный педагогический мир благодаря гуманистической психологии К. Роджерса, рассматривавшего фасилитацию как процесс содействия обучению, при котором педагог помогает учащемуся раскрыть внутренний потенциал. В основе его концепции лежат «базовые условия» фасилитирующей практики: конгруэнтность (аутентичность), безусловное принятие и эмпатия [10, с. 153-158]. Эти качества особенно важны в контексте обучения иностранным языкам: особый стиль общения и личностные характеристики педагога приводят к усилению продуктивности образования и развитию его субъектов [3, с. 94].

В процессе обучения общению на иностранном языке моделируются важнейшие параметры реального взаимодействия: личная заинтересованность

учеников и их сотрудничество как речевых партнеров [4, с. 53-54]. Фасилитативные технологии максимально приближают учебную деятельность к реальному коммуникативному контексту. Это достигается за счет введения элемента «социального присутствия», требующего от учащихся речевой адаптации в условиях внешней оценки и обратной связи [1, с. 237]. Создание таких аутентичных условий становится особенно важным в свете психолингвистической специфики порождения иноязычной речи. Данный процесс основывается не на изолированных лексических единицах, а на усвоенных речевых паттернах, составляющих ядро спонтанного высказывания [5]. Естественной средой для реализации коммуникативного подхода, где общение одновременно служит и целью, и средством обучения, является групповая работа. Она побуждает выйти за пределы собственного «Я» и направить мыслительный процесс на внешние объекты. Мышление смещается от эгоцентричной позиции к объективной и более ориентированным на решение текущих задач [8, с. 179-181].

Однако формальная организация учащихся в группы не гарантирует достижения описанного Ф. Оллпортом эффекта – требуется создание атмосферы поддержки, нивелирующей неуверенность и страх и утверждающая психологический статус в коллективе [6, с. 73]. Для эффективного использования групповых форм преподавателю-фасилитатору необходимо четко различать, что представляет собой подлинно коллаборативная группа, а что — лишь ее имитация [9, с. 6]. Данную задачу решают фасилитативные технологии, формирующие интерактивное пространство для коллективного обсуждения, открытого обмена мнениями и выработки совместных решений. Они создают условия для синхронизации эмоциональных состояний, способствуя достижению глубокого взаимопонимания между всеми участниками группы [7, с. 18].

Фасилитативные технологии могут быть эффективно интегрированы в практику преподавания иностранных языков через систему специально организованных упражнений. Ниже представлен пример фасилитативной модели, разработанной на основе признаков эффективного сотрудничества в группе (по Д. В. Джонсону и Р. Т. Джонсону), которая демонстрирует функциональные возможности данных технологий.

Рассмотрим фасилитативную модель группового взаимодействия по теме “Environmental problems” на основе УМК «Английский в фокусе (Spotlight)» для 11 класса.

Тема: Environmental problems (Module 1 – Going Green).

Место в структуре урока: этап развития умения говорения, следующий после актуализации лексического по теме и направленный на перенос изученного языкового материала в контекст реального общения.

Цель: создать условия для развития умения аргументированного диалогического высказывания по теме “Environmental problems” в процессе группового обсуждения и для активизации тематической лексики в фасилитативной коммуникативной среде.

Предполагаемые результаты:

1. Обучающиеся могут аргументированно выражать свое мнение с использованием тематической лексики в ситуациях обсуждения экологических проблем.

2. Обучающиеся применяют речевые клише для поддержания диалога, выражения согласия или несогласия.

3. Обучающиеся планируют и предлагают конкретные действия по защите окружающей среды в рамках групповой работы.

4. У обучающихся формируется ответственное отношения к природе, экологическая культура, навыки сотрудничества.

Таблица 1

Фрагмент урока с интегрированием фасилитативных технологий в Module 1 (Going Green)

Этап	*Действия учителя*	*Действия обучающихся*
Мотивационно-речевой разогрев (warm-up)	*Предлагает прокомментировать карточки с утверждениями (Eco Statements):* *1. Recycling takes too much time.* *2. One person can't really help the planet.* *3. It's better to reuse things than to buy new ones.* *Даёт карточки с речевыми опорами (In my opinion… / I agree… / I disagree… / That's true, but… / For example…); поддерживает положительную обратную связь.*	*Обсуждают каждое утверждение, выражают аргументы «за» и «против»; используют тематическую лексику (recycling, reuse, pollution, rubbish, clean-up и др.); применяют речевые клише.*
Основная часть: групповая дискуссия	*Предлагает в группах по 4 человека обсудить вопрос "How can we make our city more eco-friendly?" Ставит задачу группы - выработать 3-4 конкретных предложения для улучшения экологической ситуации в родном городе. Раздает карточки с ролями и речевыми клише к ним.*	*В группах предлагают возможные решения в соответствии со своей ролью:* *Idea initiator (инициатор идей) - выдвигает предложения, направляет обсуждение.* *Supporter / Developer (развивающий идеи) - аргументирует идеи партнёров, приводит примеры, поддерживает динамику диалога.* *Vocabulary keeper (хранитель лексики) - следит за использованием целевой лексики, встраивает новые слова в реплики, делает речевые уточнения.*

Презентация и рефлексия (feedback and reflection)	*Предлагает каждой группе представить свои идеи, задаёт вопросы для самооценки и предлагает заполнить рефлексивные листы: "Which phrases helped you to speak? / What was easy or difficult?"; подводит итог, дает позитивную обратную связь.*	*Summarizer / Presenter (рефлексирующий представитель) - подводит промежуточные итоги, формулирует финальные решения, задает уточняющие вопросы.* *В группах представляют идеи; оценивают собственное участие, заполняя рефлексивные листы (Personal logs), пользуются речевыми клише; обсуждают, какие фразы помогли вести диалог.*

Рассмотрим, как предложенное фасилитативное задание реализует ключевые принципы эффективного группового взаимодействия (табл. 2)

Подобная фасилитативная модель позволит учителю управлять динамикой взаимодействия, опираясь на принципы сотрудничества, развивать автономию и формировать рефлексивное отношение к собственному речевому поведению.

Таблица 2

Компоненты фасилитативной модели группового взаимодействия
(на основе принципов Д.В. Джонсона и Р.Т. Джонсона)

Компонент модели	*Описание реализации*	*Фасилитативные средства / речевые опоры*
Positive interdependence (позитивная взаимозависимость)	*Общая цель группы — разработать три конкретных предложения по улучшению экологической ситуации в городе. Участники осознают, что результат зависит от вклада каждого. Роли распределены так, чтобы каждый был вовлечён в речевую деятельность и не мог «выпасть» из коммуникации.*	*Role distribution - карточки с ролями, общий шаблон постера с тремя ячейками для идей.*
Individual accountability (индивидуальная ответственность)	*Каждый участник фиксирует собственный вклад: идеи, фразы, новую лексику – в Personal Log – мини-лист для записи идей и лексики. При подведении итогов учащиеся отмечают, какие выражения использовали и что предложили лично.*	*Personal Log, фразы самооценки: "I contributed by suggesting…", "The expression I used today was…"*
Face-to-face promotive interaction (стимулирующее взаимодействие)	*Во время обсуждения обучающиеся активно реагируют на высказывания партнёров, уточняют, развивают и аргументируют идеи. Фасилитатор следит, чтобы взаимодействие оставалось диалогическим, а не монологическим.*	*Карточки с клише для диалогического реагирования: "That's an interesting idea, because…"* *"I agree, and we could also…"* *"Could you explain what you mean?"*

Interpersonal and small-group skills (навыки межличностного общения и работы в малых группах)	*Развиваются умения вежливо не соглашаться, выражать сомнение, аргументировать и достигать компромисса. Фасилитатор демонстрирует примеры корректных реакций, напоминает правила уважительного общения.*	*Карточки с клише вежливого несогласия: "I see your point, but…", Мини-памятка "Rules of respectful discussion".*
Group processing (групповая рефлексия)	*После выполнения задания группа обсуждает: что помогло эффективно работать, какие фразы были полезными, что можно улучшить. Фасилитатор направляет внимание на осмысление процесса, а не только результата.*	*Reflection sheet с вопросами: "What helped our team to cooperate?" "What phrases were most useful?" "What can we do better next time?"*

Разработка данного фрагмента урока с интегрированием фасилитативных приёмов соответствует требованиям ФГОС, сочетая личностные, метапредметные и предметные результаты, а также демонстрирует практическую ценность фасилитативной методики для повышения эффективности групповой работы и речевой активности на уроках английского языка в 11 классе. Она позволит эффективно развивать коммуникативные навыки учащихся, стимулировать активное участие каждого в группе и формировать умение слушать, аргументировать и договариваться. Фасилитативная организация групповой работы обеспечивает не только языковую практику, но и развитие ключевых коммуникативных и социальных компетенций, что делает данный подход методически целесообразным на старшем этапе обучения иностранным языкам.

Список использованной литературы

1. Барановская, Ю.Л., Фаркова, Т.В. Фасилитация как средство активизации учебной работы студентов при обучении иностранным языкам // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. – № 9 (92). – С. 235–240.

2. Дулит Д., Оби, Б., Эванс, В. Английский в фокусе. Spotlight 11. М.: Просвещение. 2025. – 256 с.

3. Жижина, И.В., Зеер, Э.Ф. Психологические особенности педагогической фасилитации // Образование и наука. 1999. – № 2 (2). – С. 93–105.

4. Кузовлева, Н.Е., Пассов, Е.И. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса-Пресс, 2010. – 640 с.

5. Самарова, О.В. Фасилитация. Легко учиться, легко говорить [Электронный ресурс]. – URL: http://iyazyki.ru/2013/01/facilitation-easy/ (дата обращения: 19.10.2025).

6. Филь, Т.А. Фасилитация в педагогической деятельности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. – № 32. – С. 71-75.

7. Шахматова, О.Н. Педагогическая фасилитация: особенности формирования и развития // Научные исследования в образовании. 2006. – № 3. – С. 13-21.

8. Allport F. H. The influence of the group upon association and thought // Journal of Experimental Psychology. 1920. – Vol. 3, № 3. – P. 159–182.

9. Johnson D. W., Johnson R. T., Holubec E. J. Cooperative learning in the classroom. 1994. – 110 p.

10. Rogers C. Freedom to learn. New York: Maxwell Macmillian International. 1994. – 406 p.

УДК 372.881.111.1

Скиба В. С., магистрант 3 курса

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Научный руководитель: **Н.В. Изотова,** кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается роль историко-культурного компонента в профессиональной подготовке учителей. Приводится анализ представленности историко-педагогического компонента в современных программах подготовки учителей английского языка, а также в учебных пособиях для студентов, обучающихся по лингводидактическим профилям подготовки. Объясняется необходимость более целенаправленного включение историко-педагогических материалов в учебные курсы подготовки педагогов.

Ключевые слова: историко-культурный компонент, мотивация педагогической деятельности, будущие учителя английского языка, профессиональная подготовка.

Skiba V. S., Master Course student, 3rd year

THE RELEVANCE OF THE HISTORICAL AND CULTURAL COMPONENT IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE ENGLISH TEACHERS

Scientific supervisor: **N.V. Izotova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. This article examines the role of historical and cultural components in teacher training. It analyses the representation of the historical and pedagogical component in contemporary English teacher training programs, as well as in textbooks for students studying linguodidactic training profiles. It explains the need for a more targeted inclusion of historical and pedagogical materials in teacher training courses.

Keywords: historical and cultural component, motivation for teaching, future English teachers, professional training.

Подготовка учителей английского языка в современных реалиях требует формирования широкой гуманитарной базы. В процессе этой подготовки особый потенциал проявляется у историко-культурного компонента. Его содержание позволяет осмыслить язык как обособленный феномен

человеческой культуры, формировавшийся на протяжении веков в тесной связи с социальными и политическими изменениями внутри конкретного государства.

При этом в системе подготовки будущих учителей историко-культурный компонент зачастую оказывается на периферии образовательного процесса. Такая тенденция способна привести к дефициту смыслового содержания педагогической подготовки учителей, снижая ее воспитательный и мировоззренческий потенциал.

В то же время, сложно представить успешное становление педагога в профессиональной сфере без прочного фундамента из убеждений и ценностей, которые формируют определяющее отношение к профессии, предмету и самим обучающимся [2; 3]. В случае с будущими учителями английского языка, специфика профессионального самосознания во многом связана с необходимостью работать с межкультурной средой, наделенной понятиями и концепциями, отличными от родной культуры. Именно здесь особое значение может приобрести историко-культурный компонент как значимая часть педагогической подготовки.

Этот компонент, по мнению Поляковой М.А., при умелом включении в современные педагогические курсы, способен «расширить кругозор сегодняшних студентов, развить познавательные и эвристические способности будущих педагогов, а также подготовить их к решению возникающих в профессиональной деятельности проблем неординарными, новаторскими способами» [7, с.46].

Как отмечает Онищенко Э.В., историко-культурный компонент обеспечивает для обучающихся развитие аналитико-рефлексивных навыков и понимание сущности профессии как части культурного становления педагога [6, с.3].

В рамках подготовки учителей английского языка историко-культурный компонент чаще всего присутствует в таких дисциплинах как «Страноведение», «Лингвострановедение», «История английского языка», «История педагогики» и некоторых других.

Слепенкова Е.А., Катушенко О.А. отмечают, что без историко-культурного компонента подготовка учителя английского языка становится схематичной и утрачивает гуманитарную направленность обеспечивает развитие. Они рассматривают влияние историко-культурного знания на формирование профессионального сознания будущего учителя английского языка по трем ключевым направлениям [8, с.22]:

– *когнитивному* – расширяет знания о культуре, истории и, как следствие, языке;

– *ценностному* – формирует уважение к другой культуре и осознание своей педагогической миссии;

– *рефлексивному* – позволяет осмыслить педагогическую практику в широком историко-гуманитарном контексте.

В этой связи стоит рассматривать историко-культурный компонент как важное условие для формирования осознанной профессиональной

позиции будущего педагога. Особую важность приобретает знание того, в чем именно заключается воздействие историко-культурного компонента на самого обучающегося.

Одним из ключевых результатов такого подхода к определению влияния историко-культурного компонента становится формирование устойчивой внутренней мотивации. Речь идет не только об увлечении самим процессом изучения языка, но и о появлении стремления передавать культурное и историческое наследство посредством образовательной деятельности.

Мотивация к педагогической деятельности формируется как под влиянием внешних факторов, так и через личную вовлеченность в содержание обучения [5, с.85]. Если будущий учитель английского языка погружается в учебный процесс, насыщенный историческими событиями, культурными особенностями, биографиями реальных личностей, у него возникает желание приобщиться, стать частью этого культурного контекста, анализировать его и передавать полученные знания другим. Содержание становится мотивом.

Так, курсы, направленные на изучение истории английского языка, благодаря анализу языковых заимствований, изменений синтаксических норм, роли других языков, помогают осознать язык как результат сложного исторического пути, а не простой набор правил [9, с.16].

Однако, чтобы культурно-исторический компонент действительно смог возыметь действие на профессионально становление обучающегося, он должен быть структурно встроен в образовательную программу. В этом случае может предполагаться внедрение как отдельных дисциплин, связанных с историей и культурой, так интеграция историко-культурного компонента в весь образовательный процесс.

Для того, чтобы оценить степень представленности историко-культурного компонента в образовательном процессе, следует рассмотреть действующие учебные планы подготовки педагогов английского языка в российских вузах. В качестве примеров были выбраны Смоленский государственный университет (СмолГУ) и Курский государственный университет (КГУ), реализующие программы бакалавриата по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» с двумя профилями - английским и немецким языками [10; 11].

В обоих случаях присутствуют дисциплины, включающие в себя историко-культурный компонент, однако степень их представленности отличается.

В структуре подготовки СмолГу наблюдаются следующие дисциплины:

- История (включающая историю России и всеобщую историю);
- Лингвострановедение и страноведение;
- История английского языка;
- История и культура Англии;
- Литература Англии и США.

Здесь особого внимания заслуживают дисциплины, посвященные истории и культуре англоязычных фраз, поскольку они способствуют развитию межкультурной компетенции, необходимой в подготовке учителей английского языка.

Учебный план КГУ по аналогичному направлению также содержит ряд дисциплин, включающих историко-культурный компонент в образовательный процесс:

- История (включая всеобщую и отечественную);
- История образования и педагогической мысли;
- История английского языка;
- Страноведение и лингвострановедение.

В данном плане ключевым отличием становится дисциплина «История образования и педагогической мысли», отсутствующая в программе Смоленского университета. Однако стоит обратить внимание, что к КГУ отсутствуют отдельные дисциплины, посвященные культуре англоязычных стран, что может снижать общую полноту представленности историко-культурного компонента.

На данном этапе можно сделать вывод, что оба университета проявляют желание интегрировать историко-культурный компонент в профессиональную подготовку учителей. СмолГУ больший акцент делает на культурологический аспект, в то время как КГУ включает в подготовку историю педагогической науки. Есть основания утверждать, что историко-культурный компонент во многом все еще остается вспомогательным - дисциплины, связанные с историей и культурой представлены в виде отдельных модулей и не рассматриваются как системообразующий элемент подготовки, при этом в содержании языковых дисциплин такой материал также не получил достаточного распространения.

Подтверждением этого вывода может стать анализ двух учебников, использующихся в обучении студентов по лингводидактическим профилям подготовки: *Английский для учителей английского языка (English for Teachers of English, Student's Book)* [4] и *Английский язык для академических целей (English for Academic Purposes)* [1].

Учебник *Английский язык для академических целей* предлагает разделы, сформированные вокруг актуальных задач академической коммуникации, включая изучение основ научного языка, специфику высшего образования и международных образовательных систем. Схожий подход наблюдается и в пособии *Английский для учителей английского языка,* где основное содержание модулей направленно на формирование практических умений, не затрагивая историю представленных педагогических концепций и методик.

Анализ учебников для студентов, обучающихся по лингводидактическим профилям подготовки показал, что для будущих педагогов не представлено учебных материалов на иностранном языке, которые бы основывались на информации о развитии отечественной системы образования, об известных учителях и деятелях просвещения в России и за

рубежом. В основном в текстах учебников представлена общая информация о системе образования в России, содержатся отдельные упоминания о значимых событиях в истории образования.

В таком случае особую актуальность приобретает задача методического переосмысления роли историко-культурного компонента в педагогической подготовке. Его намеренное внедрение в учебный процесс способно повысить общую заинтересованность студентов к обучению, сформировать у них более осознанное понимание цели и сути своей будущей профессиональной деятельности.

Список использованной литературы

1. Барановская, Т.А., Захарова, А.В., Поспелова, Т.Б., Суворова. Ю.А., Английский язык для академических целей. English for Academic Purposes: учебник для вузов / под редакцией Т.А. Барановской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 203 с. (Высшее образование).
2. Изотова, Н. В. Целевые ориентиры современного иноязычного образования: диалог культур через сохранение национальной идентичности / Н. В. Изотова // Стратегия и тактика подготовки современного педагога в условиях диалогового пространства образования : сборник научных статей, Брянск, 18–19 апреля 2019 года. – Брянск: РИО БГУ; ООО «Новый проект», 2019. – С. 314-319.
3. Изотова, Н. В. Формирование ценностного компонента диалогового пространства современного иноязычного образования / Н. В. Изотова // Учитель. Ученик. Учебник : материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. – Москва: КДУ, 2019. – С. 189-193.
4. Коренев, А.А., Гущина, Ю.А., Ершова, Т.А. Английский для учителей английского языка (English for Teachers of English, A64 Student's Book) : учебник для вузов с электронной поддержкой. М.: RELOD, 2024. – 108 с.
5. Корзенко, Н. И. Мотивация педагогической деятельности / Н. И. Корзенко, М. С. Тимофеенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 3(294). – С. 84-86.
6. Онищенко, Э. В. Формирование историко-педагогической культуры будущего педагога в образовательном процессе вуза : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Онищенко Элеонора Васильевна. – Киров, 2002. – 472 с.
7. Полякова, М. А. Историко-педагогический компонент в системе подготовки современного педагога / М. А. Полякова // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2020. – № 3(69). – С. 45-53.
8. Слепенкова, Е. А. Формирование мировоззрения будущего учителя в процессе изучения историко-педагогических дисциплин / Е. А. Слепенкова, О. А. Катушенко // Потенциал историко-образовательного знания в психолого-педагогической подготовке будущего учителя : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 октября 2021 года / Науч. ред. М.В. Богуславский, отв. ред. М.А. Гончаров. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. – С. 20-25.
9. Усманов, Т.И., Байдарова, С.В. Возможности практического применения дисциплины «История английского языка» в педагогической деятельности // Университетское образование. 2023. – Т. 13, № 6. – С. 15-19.

Ссылки на электронные ресурсы:

10. Смоленский государственный университет. Учебный план по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (английский, немецкий языки)» [Электронный

ресурс]. – URL: https://smolgu.ru (раздел «Образование» → «Информация о реализуемых образовательных программах») (дата обращения: 24.10.2025).

11. Курский государственный университет. Учебный план по направлению 44.03.05 «Иноязычное образование (английский и второй иностранный языки)» [Электронный ресурс]. – URL: https://kursksu.ru/sveden/files/Ucheb_plan_440305_Inoyazychnoe_obrazovanie_angliyskiy_i_vtoroy_inostrannyy_yazyki_3plus-plus(2019)1.pdf (дата обращения: 24.10.2025).

УДК 372.881.1

[1]**Синицын Р. А.,** магистрант 3 курса

АНАЛИЗ ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ» В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

[2]Научный руководитель: **И. В. Султанова**, кандидат педагогических наук, доцент
[1]ОЧУ ВО «Московская международная академия»

[2]Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева», г. Москва, Россия

Аннотация. В данной статье проводится исследование понятия цифровых образовательных ресурсов с точки зрения деятельности учителя иностранного языка. Поскольку иностранный язык является предметом с уникальным кругом используемых программ и материалов, в эпоху цифровой образовательной среды его преподавателю необходимо понимание того, что подразумевается под входящими туда ресурсами. Основной целью данного исследования является составление нового, более ёмкого определения понятия «ЦОР», и для её достижения был произведён сравнительно-сопоставительный и смысловой анализ научных трудов ряда авторов. Результаты исследования в виде индивидуального видения известного термина могут применяться в специализированных высших учебных заведениях, в которых изучается методика преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: информатизация общества, цифровая образовательная среда, цифровые образовательные ресурсы, актуальность, индивидуальность, системность, самообразование

[1]**Sinitsyn R. A.**, Master Course student, 3rd year

ANALYSIS OF INTERPRETING THE CONCEPT OF DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

[2]Scientific supervisor: **I. V. Sultanova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
[1]PEI HE «Moscow International Academy», Moscow, Russia

[2]Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Abstract. The article explores the concept of digital educational resources in foreign language teaching. Since the foreign language is a subject with a unique set of programs and materials, teachers need to understand the resources included in the digital educational environments. The primary purpose of this study is to develop a new, more comprehensive definition of "digital educational resources." To achieve this, a comparative and semantic analysis of the scientific works of several authors was conducted. The results of this study, which provide an individual perspective on this well-known term, can be applied in specialized higher education institutions that study foreign language teaching methods.

Keywords: informatisation of society, digital educational environment, digital educational resources, relevance, uniqueness, systemacy, self-education

Информационные технологии в настоящее время развиваются очень стремительно. Самые разнообразные сферы деятельности практически полностью перешли в цифровой формат [9, с. 535]. Особое влияние на систему образования оказывают процессы информатизации общества, под которой В. А. Иноземцевым понимается сочетание процессов по разработке и сохранению той технически созданной среды, которая способна удовлетворять информационные потребности как всего социума, так и отдельных граждан [4, с. 2].

С учётом данного определения положение о том, что учебное заведение должно в первую очередь снабжать обучающихся знаниями и умениями, не является актуальным. От учащегося необходимы такие его качества, как умение продуктивно использовать в подобном положении технические средства, которыми он владеет, а также способность самому находить решение нестандартных ситуаций или появляющихся проблем. Отсутствие такого умения приводит к угасанию интереса к предмету и снижению успеваемости. [5, с. 716]

По мере вхождения информационных технологий в человеческую жизнь процесс обучения интегрируется в цифровую образовательную среду – открытый комплекс систем, которые необходимы для снабжения и решения задач в ходе учёбы. Под словом «открытый» подразумевается перспектива применения всевозможных информационных систем, замены их на более подходящие или интеграции более современных по своему желанию [6, с. 402].

Иностранный язык – это академический предмет, который ввиду своей специфики включает в себя уникальный круг образовательных программ и материалов. Как следствие, преподавателю необходимо понимание того, что должны собой представлять цифровые образовательные ресурсы (далее – ЦОР), которые он способен применить в своих поурочных разработках [8, с. 63].

С.Г. Григорьев под ЦОР подразумевает «любую информацию образовательного характера, сохранённую на цифровых носителях» [3, с. 135]. В этой формулировке даётся упрощённое толкование данного термина, которое не содержит соответствующих принципов, на которых

основана работа современного педагога не только иностранного языка, но и других дисциплин.

У Г.И. Якушевой и А.С. Коротеевой альтернативная трактовка ЦОР. По мнению авторов, это «некий содержательно обособленный объект, предназначенный для образовательных целей и представленный в цифровой, электронной, компьютерной форме» [10, с. 316]. В этой интерпретации подчёркивается индивидуальность ЦОР, наличие их специфических черт. Соответственно, учителю иностранного языка следует подобрать ресурс, атрибуты которого наиболее подходят под тематику урока.

В исследовании О.В. Ераковой и Л.М. Пимкиной определение ЦОР предлагается в более объёмном виде – необходимые для учебного планирования иллюстрации, видео- и аудиозаписи, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивной симуляции, картографические материалы, знаки и бизнес-графика, текстовые файлы и прочие ресурсы [7, с. 121-122]. В данном понятии делается акцент на разнообразие ЦОР, их широкий диапазон, подходящий и для работы с иностранным языком. Например, преподаватель может включить в занятия материалы по типу интерактивных карт или аудиозаписи диалогов. Но, несмотря на это, в понятии не указана дидактическая функция таких ресурсов.

Глубже погружается в концепцию ЦОР Л.Л. Босова, обращая внимание на то, что они должны быть подобраны с учётом содержимого определённого учебного пособия, иметь тесную связь с поурочными разработками преподавателя и быть снабжены методическими рекомендациями [2, с. 44]. Системность ЦОР говорит об удобстве их использования, повышает эффективность проведения уроков и в особенности значима для учителей языков других стран, которые готовятся задействовать конкретный их вид.

Наиболее актуальное понятие ЦОР предлагает А. С. Богословский, определяя их как «спроектированную педагогом оптимальную кооперацию возможностей образовательных инструментов», которая обеспечивает высокие показатели овладения навыками самообразования [1, с. 98]. В подтверждение этому исследователь включает в число ресурсов специально подготовленные преподавателями онлайн-курсы, в которые также могут входить консультации с носителями иностранного языка. Это позволяет ученикам более глубоко погрузиться в естественную языковую среду.

На основе изученных трактовок данного понятия открывается возможность составления такого варианта, который объёмно и в то же время точно будет излагать его смысл.

Цифровые образовательные ресурсы – это актуальные средства обучения в компьютерной форме, которые отличаются разнообразием и системной структурой, находят широкое применение в различных областях образования, повышая продуктивность учебной деятельности и стимул к самостоятельности.

В ходе исследования установлено, что понятие «цифровые образовательные ресурсы» определяется у разных авторов не совсем одинаково, однако путём выделения их отдельных элементов сквозь призму уроков иностранного языка были выявлены основные признаки данного термина. В дальнейшем планируется составление собственной классификации ЦОР на основе предложенной интерпретации.

Список использованных источников

1. Богословский, А. С. Использование цифровых ресурсов как педагогическая проблема в аспекте самообразования курсантов военного вуза / А. С. Богословский, О. А. Козлов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2022. – № 3(61). – С. 95-99. – DOI 10.46845/2071-5331-2022-3-61-95-100.
2. Босова Л.Л. Наборы цифровых образовательных ресурсов к учебникам, входящим в Федеральный перечень, как способ массового внедрения ИКТ в учебный процесс российской школы [Электронный ресурс] // Учебные материалы нового поколения. Опыт проекта «Информатизация системы образования». – URL: https://m.booksee.org/book/805022 (дата обращения: 05.11.2025)
3. Григорьев, С. Г. Рекомендации по эффективному формированию информационных ресурсов образовательных порталов / С. Г. Григорьев, В. В. Гриншкун, Г. А. Краснова. – Текст : непосредственный // Интернетпорталы: содержание и технологии. – Москва : Просвещение, 2005. – Вып. 3. – С. 134–166.
4. Иноземцев, В. А. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности / В. А. Иноземцев, В. Ю. Ивлев, Ю. В. Иноземцева // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 4(84). – С. 2. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-4-669.
5. Локтионова, С. Н. Преодоление факторов негативного влияния на работу студентов при обучении иностранным языкам в дистанционном формате / С. Н. Локтионова, Т. А. Васильченко // Доклады ТСХА, Москва, 02–04 декабря 2020 года. Том ВЫПУСК 293 Часть II. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2021. – С. 714-717.
6. Менеджмент образования в условиях информатизации : монография / О. П. Осипова, А. Б. Баймаханов, Е. А. Балабаева [и др.]; под редакцией О. П. Осиповой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. – 440 с.
7. Пимкина, Л. М. Применение информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности педагога / Л. М. Пимкина, О. В. Еракова // Профессиональное образование : актуальные проблемы и пути их решения : Материалы V региональной научно-практической интернет-конференции, Ливны, 16 декабря 2022 года. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2023. – С. 119-123.
8. Султанова, И. В. Технологии трехмерной визуализации в обучении чтению профессионально ориентированных текстов студентов неязыковых специальностей / И. В. Султанова // Международный научный журнал. – 2024. – № 7(100). – С. 62-71. – DOI 10.34286/1995-4638-2024-100-7-62-71.
9. Султанова, И. В. Роль и значение дистанционных технологий при обучении английского языка в условиях образовательного пространства вуза / И. В. Султанова // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11, № 6-1. – С. 533-538. – DOI 10.34670/AR.2021.12.44.087.
10. Якушева, Г. И. Методика использования на уроках химии цифровых образовательных ресурсов / Г. И. Якушева, А. С. Коротеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-1. – С. 316-319.

УДК 372.881.1

Тужикова Е. А., студент 5 курса

РОЛЬ И МЕСТО РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МЕДИАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Научный руководитель: **Н.В. Изотова,** кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается понятие и типология медиации как одного из ключевых компонентов в содержании современного иноязычного образования. Особое внимание уделяется медиации как ключевой компетенции, обеспечивающей языковое и культурное посредничество в условиях глобализации. Автор анализирует различные классификации отечественных и зарубежных ученых в области медиативной деятельности. Делается также вывод о необходимости развития медиативных умений для подготовки специалистов к эффективному межкультурному общению.

Ключевые слова: медиация, медиативная деятельность, лингводидактика, классификация, языковое посредничество, иноязычная коммуникативная компетенция, содержание образования.

Tuzhikova E.A., Bachelor Course student, 5th year

THE ROLE AND PLACE OF VARIOUS TYPES OF MEDIATION IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Scientific supervisor: **N.V. Izotova,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article deals with the concept and typology of mediation as one of the key components in the content of modern foreign language education. Considerable attention is paid to mediation as a key competence providing linguistic and cultural mediation in the context of globalization. The author analyzes various classifications of domestic and foreign scientists in the field of mediation activity. It is also concluded that it is necessary to develop mediation skills in order to train specialists for effective intercultural communication.

Keywords: mediation, mediation activity, linguodidactics, classification, linguistic mediation, foreign language communicative competence, educational content.

В современном иноязычном образовании проблема содержания обучения остается особо актуальной. Содержание обучения – это динамичная категория, постоянно претерпевающая изменения под влиянием тенденций в образовании, государственного заказа и потребностей общества в целом.

В настоящее время содержание образования определяют федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и примерные программы. Также определенное влияние на содержание отечественного образования по-прежнему оказывают и некоторые зарубежные документы. Одним из таких документов в лингводидактике является том “Common European Framework of Reference: learning, teaching, assessment” (далее CEFR, 2001 и CEFR Companion Volume, 2018) [10].

Вследствие быстрых изменений во всех сферах мирового сообщества от современного образования требуется подготовка специалистов широкого профиля, готовых взаимодействовать в условиях глобализации и поликультурного мира. В связи с этим в лингводидактике особое внимание уделяется не только развитию четырех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и компонентам иноязычной коммуникативной компетенции, но и общекогнитивных умений, опосредованных речью: продукция, рецепция, интеракция и медиация.

Медиация и медиативная деятельность в иноязычном образовании обозначают языковое посредничество медиатора, призванного помочь участникам акта коммуникации преодолеть не только языковой, но и культурный барьер, вызванный незнанием особенностей другой культуры, психологией и спецификой родной культуры, а также недостаточным уровнем подготовки одного из собеседников и др. Медиация – это посредничество, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие двух и более коммуникантов, прямое общение между которыми невозможно в силу каких-то обстоятельств [5, с. 256].

Необходимо упомянуть двойственную сущность медиации в лингводидактике. В настоящее время в методике обучения иностранным языкам медиация понимается одновременно и как вид коммуникативной деятельности, и как одна из целей современного образования [6, с. 120].

Проблемой медиации в лингводидактике занимались E. Piccardo, D. Coste, B. North, G. Garzone, M. Cavalli, M. Rudvin, G. Zarate, A. Gohard-Radenkovic, D. Lussier, H. Penz, В.В. Сафонова, А.А. Колесников, М.К. Денисов, Т.Б. Косарева, Ю.А. Черноусова, О.М. Литвишко, А.С. Чуприс и другие [8, с. 43].

Поскольку термин «медиация» носит междисциплинарный характер, в современной лингводидактике особое внимание уделяется различным её видам и формам, которые обеспечивают эффективное взаимодействие между обучающимися и преподавателями, а также между носителями разных языков и культур. Изучение разных типологий медиации позволяет систематизировать подходы к организации учебного процесса в образовательных учреждениях.

Термин «медиация», имеющий междисциплинарный характер, находит широкое применение в различных областях научного знания. Данный концепт активно используется в лингвистике, юриспруденции, психологии, конфликтологии, социологии и других дисциплинах. На этом

основании можно рассмотреть классификацию медиации исходя из её принадлежности к лингвистике:

1. Языковая медиация. Данный тип медиации возникает в ситуациях, когда общение между собеседниками затруднено из-за языкового барьера, а медиатор владеет двумя языками и достаточной компетенцией для обеспечения эффективной коммуникации. Также языковая медиация предполагает вмешательство посредника в ситуации, когда специалист из определенной области использует в своей речи термины, непонятные для собеседника, поскольку он не владеет этой узкоспециализированной лексикой.
2. Неязыковая медиация. К данному типу относятся иные формы посредничества. Например, дипломатия, урегулирование споров в суде, конфликтов и др. [1, с. 93].

Греческий ученый и методист, Б. Дендринос, определяет в первом виде медиации два типа: межлингвистическую (interlinguistic activity) и внутрилингвистическую (intralinguistic activity). Межлингвистическая медиация предполагает использование посредником двух языков. Внутрилингвистическая медиация возникает, когда медиатору необходимо передать информацию в рамках одного языка, но иными словами [11, с. 19-20].

В документе «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» представлена типология по видам речевой деятельности:

1. Устная медиация (последовательный перевод)
2. Письменная медиация (научный и художественный перевод, реферирование, обзор, аннотирование и др.) [5, с. 88-89].

Еще одна классификация языкового посредничества была выделена Т.Б. Косаревой. Методист выделяла в языковом посредничестве перевод и адаптивное транскодирование. В первом случае посредник осуществляет максимально точный письменный или устный перевод. Адаптивное транскодирование предполагает адаптацию медиатором текста под контекст общения, особенности собеседников и другие нужды [4].

Энрика Пекардо выделяет языковую, педагогическую, культурную и социальную медиации. По мнению ученого, такое деление нелинейно; каждый тип взаимодополняет друг друга [12].

Языковая медиация подразумевает устный или письменный перевод, переработку текстов на одном и том же языке, а также гибкое оперирование разными языками.

Поскольку медиация предполагает переход с одного языка на другой, то происходит также смена культур. Культурная медиация требует более высоких медиативных способностей. Медиатор должен обладать не только высоким уровнем языковой подготовки, но и знать культурные особенности и специфику менталитета страны изучаемого языка.

Социальная медиация подразумевает участие посредника (медиатора) в акте коммуникации для облегчения и построения эффективного диалога за счет перефразирования информации или изменения смысла высказывания с

учетом условий общения, социальных ролей собеседников и конечной коммуникативной цели.

Последним видом медиации в классификации является педагогическая медиация. В свою очередь автор подразделяет педагогическую медиацию на три подвида: медиация со стороны преподавателя, медиация со стороны обучающихся и поведенческая медиация. Когнитивная медиация со стороны преподавателя подразумевает то, что учитель сам выступает в качестве медиатора в области того предмета, который он преподает. Второй подвид означает взаимопомощь между обучающимися на занятиях при коллективном взаимодействии. Последний подвид педагогической медиации, поведенческая медиация, направлена на налаживание отношений между учениками, организацию взаимодействия между ними, предотвращения конфликтов и их разрешение [12].

Другую классификацию предлагают ученые А.А.Колесников и М.К. Денисов. В основе их типологии лежит наличие интеракции. На это основании выделяются три вида медиации: интерактивная, неинтерактивная и смешанная [3, с. 7-8].

К неинтерактивным медиации относятся та деятельность, которую обучающиеся могут выполнить самостоятельно. К ним относят перевод, реферирование, аннотирование, обзор и пересказ (пересказ может быть как художественным, так и специальным) [3, с. 7].

Реферирование является более сложной из всех неинтерактивных форм и требует большой подготовки обучающихся, поэтому такая деятельность встречается лишь на уровне среднего общего образования. Реферирование представляет собой сжатое изложение ключевых моментов текста публицистического характера без высказывания оценочных суждений.

Аннотирование представляет собой так же сжатое изложение текста, содержащее лишь ключевые аспекты. Аннотированию подвергаются статьи, художественные произведения, фильмы и др.

Обзор как неинтерактивная медиативная деятельность может быть представлена в качестве проектной деятельности, презентаций и др.

Интерактивная медиация подразумевает интеракцию при реализации. К этой группе относятся последовательный перевод, текстуализация интенций и посредничество при переговорах.

Последовательный перевод – это подтип устного перевода, когда медиатор начинает переводить речь собеседника сразу по окончании высказывания или какой-то его части.

В ходе реализации посредничества при дебатах акцент в большей степени делается на содержательном аспекте коммуникации.

Текстуализация интенций подразумевает, что один из собеседников не формулирует текст, подлежащий переводу, а ставит перед медиатором определенную цель: узнать, рассказать и т.д.

Последним видом является смешанная медиация. К данному типу мы относим языковую медиацию с элементами интеракции медиатора и одного из коммуникаторов. Главное отличие между данной формой и интерактивной медиацией в том, что медиатор выполняет не просто посредническую функцию, но также несет функцию активного коммуникатора [3, с. 9]. По мнению Т.Ю. Вавилиной Е.А. Приваловой, к такой деятельности можно отнести презентацию собранной информации с дальнейшим обсуждением.

Таким образом, исследование различных типологий медиации в лингводидактике способствует систематизации и углублению понимания медиативной деятельности. Анализ классификаций, представленных как в международных документах, так и в работах отечественных и зарубежных ученых, показывает, что медиация является не только ключевым компонентом иноязычной коммуникативной компетенции, но и важной образовательной задачей, соответствующей требованиям современного мультикультурного общества.

Список использованной литературы

1. Вавилина, Т. Ю. Формирование медиативной компетенции на уроках иностранного языка у учащихся основной общей школы / Т. Ю. Вавилина, Е. В. Привалова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3. – С. 89-96.
2. Колесников, А. А. Обучение формам языкового посредничества (медиации) / А. А. Колесников, М. К. Денисов // Иностранные языки в школе. – 2013. – № 1. – С. 19-27.
3. Колесников, А. А. Языковое посредничество как особый вид речевой деятельности / А. А. Колесников, М. К. Денисов // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 9. – С. 16-25.
4. Косарева, Т.Б. Обучение студентов-юристов лингвокультурной медиации : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Косарева Татьяна Борисовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2011. – 22 с..
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка [Текст] / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
6. Сафонова, В.В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования / В. В. Сафонова / Сборник «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация». Издательский дом МГУ (Москва), 2018.
7. ФГОС Основное общее образование // ФГОС. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo (дата обращения: 10.10.2025).
8. Чиркизова, К. В. Развитие умений иноязычной медиативной деятельности у обучающихся в предметно-языковом интегрированном курсе : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 5.8.2. / Чикризова Ксения Владимировна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» ; Диссовет Д 212.261.XX (24.2.409.03)]. – Тамбов, 2024. – 25 с.
9. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg: Council of Europe. 2001. Режим доступа: URL:

https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/cefr-and-its-language-versions (дата обращения 10.06.2025).
10. Council of Europe. CEFR Companion Volume with New Descriptors. Communicative language. — Strausbough: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989 (дата обращения: 10.11.2025)
11. Dendrinos, B. Mediation in communication, language teaching and testing. - National and Kapodastian University of Athens. 2006. – P. 9-35.
12. Piccardo, E. Médiation et apprentissage des langues : Pourquoi est-il temps de réflechir à cette notion? ELA : Études de Linguistique Appliquée 167. 2012. – P. 285-294.

УДК 372.881.111.1

Тюменцева А. А., магистрант 1 курса

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ВНУТРИКАДРОВЫЕ НАДПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУТЕНТИЧНЫМИ ФИЛЬМАМИ

Научный руководитель: **Н. Ф. Щербак**, кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье впервые систематизировано раскрывается лингводидактический потенциал прямых и косвенных внутрикадровых надписей как одной из составляющих кинодискурса. На материале американских фильмов 1990 - 2005 гг. проиллюстрированы функциональные возможности и ключевые направления анализа внутрикадровых надписей на занятиях по иностранному языку (ИЯ). Для решения поставленной цели использовались следующие методы исследования: анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, опытное обучение. Авторы приходят к выводу о том, что при условии методически корректного анализа и грамотно выбранной стратегии прямые и косвенные внутрикадровые надписи представляют собой эффективное средство формирования различных составляющих иноязычной коммуникативной компетенции учащихся. Статья может представлять интерес для преподавателей высшей школы, специалистов в области лингводидактики и методики преподавания ИЯ, а также студентов языковых программ подготовки.

Ключевые слова: методика преподавания ИЯ, лингводидактика, кинодискурс, технология кинообучения ИЯ, прямые и косвенные внутрикадровые надписи

Tyumentseva A. A., Master Course student, 1st year

DIRECT AND INDIRECT INTRA-FRAME (ON-SCREEN) TEXTS AS A TOOL FOR DEVELOPING FOREIGN LAGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE WHEN WORKING WITH AUTHENTIC FILMS

Scientific supervisor: **N. F. Shcherbak**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Saint Petersburg State University

Abstract. The authors reveal the lingvodidactic potential of direct and indirect intra-frame texts as one of the components of film discourse. Basing on the selected American films from 1990 to 2005, for the first time in domestic lingvodidactics, key directions of analysis of intra-frame texts in foreign language (FL) classes are outlined. The authors provide examples of tasks related to the analysis of intra-frame texts that can be implemented in FL classes when using authentic films. To achieve these ends, the following research methods have been used: analysis of scientific and methodological literature, pedagogical observation, teaching experiment. The authors conclude that with a properly conducted analysis and competently chosen strategy, direct and indirect intra-frame texts may be turned into an effective means of forming various components of students' foreign language communicative competence. The article may be of special interest to educators of higher educational institutions, experts in lingvodidactics and language teaching methodology, as well as students of language training programs.

Keywords: film discourse, language teaching methodology, lingvodidactics, technology of film-based foreign language teaching, direct and indirect intra-frame (on-screen) texts

Фильмы представляют собой одно из перспективных средств обучения ИЯ, способных повысить эффективность и увлекательность образовательного процесса на всех ступенях обучения. Эффективность фильмов как средств обучения ИЯ отчасти объясняется одной из отличительных черт кинодискурса – его семиотической гетерогенностью или поликодовостью [3, с. 82]. В кинофильме сочетаются элементы лингвистической (языковой) и нелингвистической (неязыковой) систем. Первая представлена двумя компонентами – письменным и устным [4, с. 22]. В качестве примера письменных элементов кинодискурса Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова приводят рекламные вывески, объявления, баннеры, плакаты, газеты и журналы, записи в личных дневниках героев, письма, субтитры телевизионных программ, противопоставляя их озвученной речи (речи актёров), закадровому тексту, зачитанным вслух стихам, звучащих в фильме песням, т.е. устным элементам кинодискурса [4, с. 26].

Уточняющее замечание вносит в данную классификацию коллектив исследователей в лице Т. М. Беловой, К. Э. Вяльяк и Е. А. Яшкина, которые отмечают, что существует два типа письменных элементов кинотекста –

«внутрикадровые» и «межкадровые надписи». Являясь формообразующим элементом сюжета, межкадровые надписи строго фиксированы и менее вариативны. Многообразие внутрикадровых надписей, в свою очередь, может быть сведено к трём обширным классам: прямым и косвенным надписям, а также субтитрам. Предназначение **прямых внутрикадровых надписей** – вызвать определённую реакцию у героя кинофильма (реакцию эксплицитного или имплицитного типа; считывая прямые внутрикадровые надписи, киногерой «осознанно» принимает некое решение: принять полученную информацию к сведению или, напротив, проигнорировать её содержание, что также следует рассматривать как наличие определённой реакции) [1, с. 62]. **Косвенные внутрикадровые надписи**, по определённым причинам (общая и эпизодическая невнимательность героя, рассеянность, сюжетная нерелевантность для конкретного персонажа, пространственная удалённость надписи и др.), остаются «незамеченными» героями, превращаясь в один из элементов заднего фона, которые придают киноповествованию реалистичность. Однако порой косвенные внутрикадровые надписи позволяют коллективу авторов полнее раскрыть смысл происходящих в фильме событий, ориентируя зрительскую аудиторию на восприятие киноленты в определённом ключе через расстановку акцентов и предоставление зрителям дополнительной информации. Показательным примером служит британский детективный сериал *Sherlock* (2010-2017), изобилующий косвенными внутрикадровыми надписями, которые позволяют зрителю непосредственно наблюдать за ходом размышлений детектива, следить за логикой его рассуждений, подчёркивают остроту ума, быстроту реакции и скорость когнитивных процессов героя. Косвенные внутрикадровые надписи в данном случае являются маркерами приближения детектива к разгадке преступления [1, с. 62]. Несмотря на отсутствие реакции героя на косвенные внутрикадровые надписи, с лингводидактической точки зрения они, также, как и прямые внутрикадровые надписи, представляют интерес для исследования.

Внутрикадровые надписи, как правило, кратки и связаны с ситуативным контекстом, что позволяет тренировать навыки быстрого чтения учащихся в обстоятельствах, приближенных к условиям реальной коммуникативной ситуации (подобных чтению коротких новостных сводок на ИЯ в прямом эфире без возможности перемотать запись, интерпретации уличных вывесок и указателей в условиях временных ограничений и т. д.). Кроме того, в них часто аккумулирована информация культурологического и страноведческого характера о стране изучаемого языка.

В рамках языкового обучения возможны различные форматы работы с внутрикадровыми надписями:

1. Пофрагментный кинопросмотр с комментированием содержания внутрикадровых надписей и объяснением лингвострановедческих и культурологических аспектов лично педагогом. Выступая в роли эксперта, педагог в форме короткого рассказа раскрывает значение внутрикадровой

надписи, обращает внимание студентов на лингвистические особенности её оформления, значение реалий в культуре носителей.

2. Пофрагментный кинопросмотр фильма с паузами для самостоятельного анализа студентами фигурирующих в сценах внутрикадровых надписей: организуется индивидуальная работа, парное (групповое) обсуждение студентами значения и роли надписи в киноповествовании с последующей проверкой выдвинутых предположений. Педагог организует поисково-исследовательскую деятельность студентов с использованием метода guided discovery.

3. Самостоятельный анализ внутрикадровых надписей учащимися во время внеаудиторного выполнения соответствующих заданий при подготовке к занятию.

Анализ прямых и косвенных внутрикадровых надписей при работе с аутентичными фильмами на занятиях ИЯ способствует развитию:

- языковой и речевой компетенций (через пополнение учащимися словарного запаса, освоение новых грамматических моделей, развитие умений и навыков монологического и диалогического высказывания с использованием внутрикадровых надписей в качестве опоры и пр.);
- социокультурной компетенции учащихся. В вывесках, плакатах в общественных местах, уличных указателях и других типах внутрикадровых надписей аккумулирован большой процент культурологической и страноведческой информации, анализ которой позволяет многое узнать о культурных практиках носителей языка, устройстве жизни в изучаемой стране [2]. Анализ внутрикадровых надписей позволяет учащимся углубить знания об истории страны изучаемого языка (например, через изучение этимологии топонима *Wall Street*, уходящего корнями в эпоху колониальной истории США), устройстве быта и жизни носителей и пр.
- лингвокреативности. Перевод студентами постеров и плакатов из фильма, содержащих окказионализмы, каламбур и другие оригинальные языковые элементы (например, постера ‘How to cross and uncross your legs’; см. табл. 1), способствует развитию креативного мышления студентов.
- учебно-познавательной компетенции. Задания на анализ внутрикадровых надписей прививают учащимся культуру осмысленного кинопросмотра, побуждая их критически подходить к оценке сюжетного и лингвистического наполнения фильма, совершенствуя навыки наблюдения, обобщения и сравнения.

Описанный диапазон развиваемых умений и навыков с иллюстративными примерами заданий и комментариями представлен в таблице 1 (см. табл. 1).

Таблица 1

Примеры заданий для работы с внутрикадровыми надписями

Название фильма	**Сцена**	**Пример задания**	**Решаемая задача**
Un amour de	5 m 12 s	What does the street sign say? [Wall	Развитие

banquier (1990)		Street] What do you happen to know about Wall Street? Where is it situated? Have you ever wondered why the street has such a peculiar name? In pairs, discuss the toponym and put forward your version of how the street's name came into being. […] Now, go online to check your guesses. *Prompt*: Now a famous sight and financial hub, Wall Street used to be a defensive fortified construction erected by Dutch colonists in 1653. The Dutch colonists were founders of New Amsterdam (that, in the course of time, acquired the name of New York). The Dutch settlers faced numerous threats from British forces and Native American tribes, this is why the then governor of New Amsterdam (Richard Nicolls) ordered the construction of a 12-foot-high wooden wall stretching about 2,500 feet from the Hudson River to the East River.	социокультурной компетенции через анализ реалии, имеющей непосредственное отношение к истории США
Groundhog Day (1993)	1h 32m 15 s	What do the words 'coat check' and 'lobby' mean? What functions do they serve in public facilities? Suggest Russian equivalents.	Развитие языковой компетенции
Mona Lisa Smile (2003)	15 m 28 s	Translate the words from the student file of Joan Brandwyn: 'elementary education', 'scholarships'.	Развитие языковой компетенции
Mona Lisa Smile (2003)	26 m 50 s	Think of the ways to translate the poster 'How to cross and uncross your legs'. How do you like it? Have you ever been taught to do this? What do the Wellesley girls need it for? To your mind, is it an important skill in life? Discuss the questions in pairs or small groups.	Развитие лингвокреативности Развитие умений и навыков монологического и диалогического высказывания
Sleepless in Seattle (1993)	3 m 12 s	Translate the signboard 'Wrigley Field, Home of Chicago Cubs'. What or who are The Chicago Cubs? *Prompt*: The Chicago Cubs is one of the oldest professional baseball teams in the U.S. sports history based in Chicago, Illinois.	Развитие социокультурной компетенции через расширение знаний учащихся о культуре США
Sleepless in Seattle (1993)	51 m 51 s	Have students translate the phrase: 'Enter your request'. Draw their attention to the fact that the following pattern can be used in such phrases as 'enter your name, address, telephone number, etc.'.	Развитие языковой компетенции
Sleepless in	52 m	Have students read and translate search	Развитие языковой

Seattle (1993)		results: ‘DECEASED: Baldwin, Margaret Abbot. Beloved wife of Samuel, mother of Jonah, June 10, Funeral 10 a.m. Thursday, Church of the Heavenly Rest, 110 N. State, in lieu of flowers contributions should be sent to Chicago Horticultural Society. Chicago News Service, June 12, 1991’	компетенции
Sleepless in Seattle (1993)	1h 9 m 10 s	What does the inscription on the door say? [‘Closed from Labor Day to Memorial Day’] When are the holidays celebrated? *Prompt*: Memorial Day is a federal holiday in the United States celebrated annually on the last Monday in May. It honors American military personnel who have died while serving in the U.S. Armed Forces. Originally established after the American Civil War to remember the Union and Confederate soldiers who died, it was later expanded to include all U.S. service members who have perished in wars and conflicts.	Развитие социокультурной компетенции
I love trouble (1994)	5 m 18 s	1) What is the name of Peter’s book? [White lies] Translate the title and explain its meaning. *Prompt*: A white lie («ложь во спасение») is a trivial, well-intentioned untruth, a fib. A person telling somebody a white lie does so to spare one’s feelings. 2) The way you see it, can a lie be ‘white’? Have you ever told white lies? What motivated you to do this?	Развитие языковой, речевой компетенций
I love trouble (1994)	11 m 35 s	What does the inscription ‘911’ on the car mean? *Prompt*: In the USA, 911 is an emergency number for contacting such emergency services as the police, ambulance and firefighters.	Развитие социокультурной компетенции
I love trouble (1994)	29 m 22 s	Translate the note that slipped from Peter’s pocket: ‘Sully called… Struck gold!! Vantage Lane. Poplar Grove. 3:00 PM sharp.’ What does the phrase ‘struck gold!!’ mean in the context? Give the base form of the verb. Find Russian equivalents of the idiomatic expression ‘to strike gold’.	Развитие языковой, речевой и социокультурной компетенции
The Parent Trap (2002)	3 m 36 s	Have students translate the sign ‘Moose Lake, Maine.’ Then, pose the questions: Where is Maine? What is it famous for? *Prompts*: moose ~ лось; Moose Lake ~ Мус-лейк, озеро в штате Миннесота.	Развитие языковой и социокультурной компетенции

		Maine is a U.S. state situated in the northeast of the country famous for its picturesque landscapes, including Acadia National Park.	
The Parent Trap (2002)	1 h 11 m 20 s	In the scene at the dining table, Martin shows ‘Annie’ a picture with a code ‘911’. Ask students what it means. *Prompt*: In the USA, 911 is an emergency number for contacting such services as the police, ambulance and firefighters.	Развитие социокультурной компетенции

Таким образом, в контексте языкового обучения кинофильм может выступать не только в качестве вспомогательного средства обучения ИЯ аудиовизуального типа, но и представлять собой полноценный источник языковых знаний и перспективное средство обучения ИЯ, способствующее комплексному развитию иноязычной коммуникативной компетенции учащихся.

Проведённое исследование позволило сделать нам следующий вывод: являясь неотъемлемой частью диегетического мира кинофильма, прямые и косвенные внутрикадровые надписи обладают колоссальным лингводидактическим потенциалом. Сконцентрированная в них информация может быть использована не только для углубления языковых знаний учащихся, но и для расширения горизонтов их знаний о культуре, истории и устройстве жизни страны изучаемого языка. Вариативность форматов работы с внутрикадровыми надписями позволяет сделать кинопросмотр зарубежных кинолент на занятиях ИЯ перспективным инструментом изучения ИЯ, реалий, истории и особенностей культуры его носителей.

Список использованной литературы

1. Белова, Т. М. Особенности взаимодействия вербального и визуального в кинотексте / Т. М. Белова, К. Э. Вяльяк, Е. А. Яшкина // Казанская наука. – 2019. – № 3. – С. 61-63.

2. Журавкова, А. А. Особенности аудиомедиального перевода как формы межъязыковой и межкультурной коммуникации / А. А. Журавкова, Е. Д. Селифонова // Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход : Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, Москва, 07–09 ноября 2024 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – С. 58-62.

3. Зайченко, С. С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2011. –№ 4 (11). – С. 82–86.

4. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – Москва : Водолей Publishing, 2004. – 153 с. – EDN WDDADN.

УДК 378.147

Холуева Ю. С., магистрант 3 курса

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Научный руководитель: **И. Н. Горностаева,** кандидат педагогических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема формирования аудитивной компетенции у студентов языковых специальностей в контексте глобализации и требований ФГОС ВПО. В качестве методологического решения предлагается применение аутентичных видеоматериалов в рамках коммуникативного подхода, раскрываются их ключевые преимущества перед традиционными средствами обучения. На примере использования выступления с ресурса TED.com демонстрируется практическая реализация трехэтапной модели работы с видео (до, во время и после просмотра) для развития навыков аудирования и продуктивных речевых умений. Делается вывод о высоком педагогическом потенциале аутентичных видеоматериалов для создания естественной языковой среды, повышения мотивации студентов и подготовки их к реальному межкультурному общению.

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, этапы работы с аудиотекстами, TED talks

Kholueva Y. S., Master Course student, 3rd year

EXAMPLES OF USING AUTHENTIC VIDEO MATERIALS IN TEACHING ENGLISH TO UNIVERSITY STUDENTS

Scientific supervisor: **I. N. Gornostaeva,** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article addresses the relevant issue of developing listening comprehension skills among language majors within the context of globalization and the requirements of the Russian Federal State Educational Standard for Higher Education. As a methodological solution, the authors propose using authentic video materials within the framework of the communicative approach, highlighting their key advantages over traditional teaching tools. Using a TED.com talk as an example, the authors demonstrate the practical implementation of a three-stage video work framework (before listening, while listening and follow-up activities) to develop both listening skills and productive speech abilities. The conclusion emphasizes the significant pedagogical potential of authentic video materials for creating a natural language environment, boosting student motivation, and preparing them for real-world intercultural communication.

Keywords: authentic video materials, communicative approach, communicative competence, stages of working with audio texts, TED talks

В настоящее время глобализация как всеобъемлющий процесс затрагивает не только экономику и политику, но и социокультурную сферу, поэтому изучение иностранного языка необходимо для развития межкультурного взаимодействия. В прописанных в ФГОС ВПО требованиях к овладению иностранным языком обозначено, что специалист, окончивший высшее учебное заведение, должен обладать общекультурными и общепрофессиональными компетенциями. На этом фоне именно формирование аудитивной компетенции как способности к восприятию и пониманию звучащей речи имеет большое значение, поскольку обеспечивает возможность непосредственного участия в межкультурном диалоге, что является важным аспектом в формировании общепрофессиональной компетенции студентов языковых специальностей. В контексте глобализации способность понимать естественную, неадаптированную речь носителей становится критически важной для адаптации к быстро меняющимся условиям международного сотрудничества. [4]

Последние годы в обучении иностранному языку на первый план выходит коммуникативный подход. В контексте этого подхода важнейшей задачей обучения становится развитие у студентов коммуникативной компетенции. В основе коммуникативной компетенции лежит комплексное освоение языковых, речевых и социокультурных навыков, знаний и умений, что в совокупности обеспечивает эффективное и ситуативно-обусловленное участие в межличностном и профессиональном диалоге. В процесс формирования коммуникативной компетенции входит обучение всем видам речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение и письмо). Сущность коммуникативного метода заключается в моделировании языковой среды, а одним из принципов коммуникативного подхода является использование аутентичных материалов. [3]

В эру социальных сетей и постоянного использования молодыми людьми визуальных средств представления информации актуально использование именно аутентичных видеоматериалов. *Аутентичные видеоматериалы* понимаются как видеозаписи, изначально созданные для носителей языка и сочетающие визуальный и аудиальный компоненты, отражающие лингвистические и экстралингвистические аспекты различных сфер социальной жизни, демонстрируя функционирование языка как средства коммуникации в естественных условиях. [7] По жанровой принадлежности аутентичные видеоматериалы разделяют на художественные фильмы, рекламные ролики, музыкальные видео, новостные выпуски, ток-шоу, интервью с известными людьми, спортивные и исторические архивные записи, научно-популярные фильмы, публичные выступления и др.

Несмотря на очевидную необходимость подготовки студентов к реальному общению, потенциал аутентичных видеоматериалов часто используется в учебном процессе высшей школы недостаточно полно. Многие преподаватели по-прежнему делают акцент на многократное прослушивание адаптированных текстов, что, как показали исследования, не является высокоэффективным.

Однако использование аутентичных видеоматериалов предоставляет ряд уникальных преимуществ для обучения иностранному языку, выходящих за рамки возможностей традиционных печатных и аудиоматериалов. Мы выделим шесть основных преимуществ:

1. Видео позволяет обучающимся наблюдать не только за вербальной, но и за невербальной стороной общения (мимика, жесты), а также окунаться в контекст ситуации, что максимально погружает студентов в естественную языковую среду.
2. Просмотр аутентичных видео способствует естественному усвоению правильного произношения, интонации, ритма и темпа речи, а также помогает изучить региональные акценты, что немаловажно для обучения пониманию быстрой спонтанной речи носителей.
3. Лексика усваивается не изолированно, а в живом контексте, что позволяет понять не только значение слов, но и особенности их употребления. Кроме того, грамматические структуры также проявляются в живой коммуникативной ситуации, помогая студентам определить, какие конструкции действительно используются в иноязычной среде.
4. Видеоматериалы знакомят студентов с языком повседневного общения, включая современную лексику, сленг и фразеологизмы, которые редко встречаются в учебниках.
5. Визуальный контент повышает мотивацию студентов к изучению языка, оказывает сильный эмоциональный эффект, поддерживает интерес и создает благоприятную атмосферу на занятии. Это способствует концентрации внимания, интенсификации учебного процесса и развитию навыков самостоятельной работы.
6. Технические возможности использования видео (возможность остановить на нужном месте, вернуть необходимый фрагмент, включить/отключить звук и т.д.) позволяют гибко работать с материалом, детально разбирая каждый отрывок и сочетая развитие навыков аудирования с практикой говорения и письма. [8; 2]

В качестве примеров источников аутентичных видеоматериалов для занятий в ВУЗе, доступных в сети Интернет, можно привести следующие:

- образовательные ресурсы British Council, British Council LearnEnglish Teens, All English Lessons - build your vocabulary, TED и др.
- научно-популярные фильмы и репортажи BBC
- отрывки из популярных художественных фильмов, сериалов, мультфильмов, например, Harry Potter, Forrest Gamp, Friends, Once upon a time, Shrek, Peppa Pig и др.

- новостные выпуски ведущих британских и американских телеканалов, таких как BBC News, NBC, CBS, ABC и др.

- развлекательные комедийные ток-шоу с участием знаменитостей, например, The Ellen DeGeneres Show, The Tonight Show Starring Jimmy Fallon.

В нашей работе для обучения студентов языковой специальности были использованы видеоматериалы ресурса TED.com как эффективного инструмента для развития навыка аудирования. TED расшифровывается как Technology, Entertainment, Design. Ресурс является некоммерческой организацией, известной своими мероприятиями, которые проходят по всему миру. На этом сайте доступны различные виды аутентичного контента бесплатно: выступления TED Talks, анимационные ролики TED-Ed, подкасты и др. В рамках ранее изученной темы «Внешность» мы предложили студентам выполнить задания на основе видео-выступления Christina Balch: Selfies and seeing ourselves - one artist's look in the mirror. В этом видео художница рассказывает о своем проекте «Awake», в рамках которого она делает непостановочные утренние селфи, чтобы бросить вызов нереалистичным стандартам красоты и исследовать свое истинное «я» [10].

Известно, что существует три этапа работы с аудиотекстами, которые применимы и для развития навыка аудирования посредством аутентичных видеоматериалов: подготовительный или преддемонстрационный (before listening), основной или демонстрационный (while listening) и последемонстрационный или после просмотра (follow-up activities).

На подготовительном этапе преподаватель предлагает студентам упражнения, призванные замотивировать и сконцентрировать их внимание на предстоящем просмотре видеоматериала, устранить потенциальные сложности восприятия иностранной речи и обеспечить успешное выполнение дальнейших заданий. Это могут быть упражнения на ввод новой лексики, использованной в ролике, обсуждение вопросов, затрагиваемых в видео, на догадку по заголовку, скриншоту или изображению, новой лексике и др.

Например, перед просмотром видео-выступления художницы, мы предоставили студентам фотографию спикера из проекта «Awake», чтобы они описали ее внешность и попробовали догадаться, о чем будет идти речь в выступлении.

Look at the photograph of the artist, Christina Balch, from her project. Describe what you see. Based on her appearance and the setting, what do you think her video might be about?

На основном этапе непосредственного просмотра видео преподаватель дает обучающимся задания, призванные помочь им понять основные идеи и конкретные детали видеоролика. На данном этапе задания могут быть следующими: определить основную мысль спикера, вставить пропущенные слова в предложениях, закончить предложения, определить, правдиво ли высказывание, выстроить части текста в логической последовательности и др.

Например, во время просмотра видео Selfies and seeing ourselves - one artist's look in the mirror студентам было предложено определить, насколько правдивы утверждения.

Watch the video and decide if the following statements are True, False or Not Stated.

1) Christina has been taking photos for over five years.

2) Christina believes we look our best right after waking up.

3) Christina doesn't try to control how the photo looks.

4) Christina was inspired by male artists from the 1980s.

5) The project has made Christina more comfortable with her own changing appearance.

На третьем последемонстрационном этапе обучающиеся используют знания, полученные в ходе работы с видеоматериалом, в качестве опоры для развития продуктивных умений в устной или письменной речи. Задания на данном этапе могут включать проектную работу, ролевую игру, работу в паре над созданием диалога, упражнение на сравнение собственного опыта с опытом спикера и др.

Например, после просмотра выступления на TED преподавателем было предложено студентам создать свой собственный арт-проект, в котором они постараются бросить вызов современным общепринятым нормам внешнего вида.

In pairs, develop your own mini-art project that challenges the generally accepted social norms related to appearance (for example, always smile in photos, use filters, dress a certain way). Prepare a short presentation with a description of your project's purpose, visual examples, and what you hope to achieve.

Таким образом, можно сделать, что использование аутентичных видео на занятиях со студентами языковых специальностей имеет безграничный потенциал. Изучив преимущества аутентичных видеоматериалов и этапы формирования навыка аудирования с их применением, становится ясно, что это дает возможность преподавателю погружать обучающихся в аутентичную языковую среду, создавать коммуникативные ситуации, приближенные к реальному общению, а также повышает мотивацию студентов к изучению языка и позволяет им применять полученные знания на практике [6].

Список использованной литературы

2. Горностаева, И. Н. Развитие современных методик преподавания английского языка в вузе / И. Н. Горностаева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении : Сборник научных статей VIII всероссийской научно-практической конференции факультета отраслевой и цифровой экономики БГТУ, Брянск, 30 сентября 2022 года. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2023. – С. 114-118.

3. Милько, С.Г. Использование англоязычных фильмов как средство интерактивного обучения английскому языку в рамках дисциплины «Просодия речи» / С. Г. Милько – Текст: электронный // Лингвистика, лингводидактика,

лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Минск, 16–17 марта 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 127-130. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54492228_82241647.pdf (дата обращения: 06.11.2025)

4. Муфазалова, Ю. С. Обучение аудированию с использованием видеоматериалов TED TALKS / Ю. С. Муфазалова // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2020. – № 5(32). – С. 109-116.

5. Национальный дискурс: язык, мышление, интеграция культур / А. П. Василенко, Е. В. Альяных, Ю. С. Андрюшкина [и др.]. – Брянск : Общество с ограниченной ответственностью "Новый проект", 2025. – 312 с.

6. Павлова, М. А. Принципы коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам / М. А. Павлова, Е. Е. Сахарова // Молодой исследователь Дона. – 2019. – № 5(20).

7. Сахарова, А. В. Применение аутентичных видеороликов при совершенствовании навыков и развитии умений говорения на иностранном языке в средней общеобразовательной школе / А. В. Сахарова, Е. А. Линева, М. В. Овчинникова. Текст: электронный // Научно-педагогическое обозрение. 2021. – № 3(37). – С. 154-161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46104120_35746133.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

8. Сергеева, Н. Н., Чикунова, А. Е. Аутентичные видеоматериалы как средство развития социокультурной компетенции студентов экономических специальностей // Педагогическое образование в России. 2011. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-videomaterialy-kak-sredstvo-razvitiya-sotsiokulturnoy-kompetentsii-studentov-ekonomicheskih-spetsialnostey (дата обращения: 05.11.2025).

9. Потылицина, И. Г. Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения иностранным языкам / И. Г. Потылицина, Н. В. Филясова // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : материалы VIII Международной научно-методической конференции, Омск, 20 мая 2022 года. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. – С. 280-283.

10. Формирование аудитивной компетенции студентов, изучающих иностранный язык, посредством аутентичных материалов / Е. Б. Быстрай, Л. А. Белова, О. Н. Власенко [и др.] // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 5(41). – С. 243-261. – DOI 10.32744/pse.2019.5.18.

11. Balch C. Selfies and Seeing Ourselves - One Artist's Look in the Mirror // TED. 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ted.com/talks/christina_balch_selfies_and_seeing_ourselves_one_artist_s_look_in_the_mirror (дата обращения: 05.11.2025).

УДК 372.8:811.111

Цыдендоржиев Б. Д., магистрант 2 курса

АНАЛИЗ УМК УГЛУБЛЕННОГО УРОВНЯ «ЗВЕЗДНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ» И «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» НА ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Научный руководитель: **Л. Д. Панова**, кандидат педагогических наук, старший преподаватель

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию учебно-методических комплексов с позиции возможности использования междисциплинарного подхода в процессе обучения английского языка на углубленном уровне.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс, английский язык, междисциплинарный подход, углубленный уровень, упражнения

Tsydendorzhiev B. D., Master Course student, 2nd year

ANALYSIS OF THE ADVANCED LEVEL OF THE COURSE BOOK PACKAGE TEACHING MATERIALS "STARLIGHT" AND "ENGLISH LANGUAGE" FOR AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Scientific supervisor: **L. D. Panova**, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article is devoted to the study of educational and methodological complexes from the perspective of the possibility of using an interdisciplinary approach in the process of teaching English at an advanced level.

Keywords: the course book package, English, interdisciplinary approach, advanced level, exercises

Иностранный язык важным составляющим, который выражает культуру и традиции народа. Наравне с коммуникативными, лингвострановедческими навыками, мы должны научить учащихся специализироваться в профиле обучения их будущей профессии. Наравне с предметным подходом междисциплинарного подхода стал неотъемлемой частью образовательного процесса и является одним из способов интеграции знаний и умений для более эффективного усвоению материала и развитию коммуникативных навыков [5].

Для анализа были выбраны учебно-методические комплексы из федерального перечня учебников, которые рекомендуются к использованию в общеобразовательных учреждениях имеющих государственную

аккредитацию образовательных программ среднего полного образования с изучением английского языка на углублённом уровне Федерального государственного образовательного стандарта рекомендует [6]:

- Английский язык. Углубленный уровень. Под авторством коллектива авторов О. В. Афанасьева, И. В. Михееева. и другие
- Звездный английский. Углубленный уровень. Под авторством следующего коллектива авторов К.М. Баранова, Д. Дули и другие

В ходе изучения, анализа и обобщения научной литературы нами были сформулированы следующие критерии для отбора с учетом междисциплинарного подхода в обучении и углубленного изучения иностранным языкам. Полагаем, что нижеследующие критерии отражают минимальные требования к анализу УМК в нашей работе и это:

1. учитываются ли требования ФГОС к метапредметным результатам обучения;
2. соответствие УМК к заявленному уровню владения иностранным языком;
3. наличие материалов и упражнений для подготовки к международным экзаменам и Единому государственному экзамену;
4. учет возрастных интересов;
5. наличие в содержание УМК темы, блоки, рубрики, связанные с другими предметами;
6. присутствие упражнение, где требуется знание других предметов;
7. наличие проектной деятельности, которая требует интеграции знания из разных областей;
8. развитие УМК самостоятельную работу с информацией;
9. создание УМК условий для активного общения на английском языке в различных ситуациях (дискуссии, дебаты, ролевые игры и т.д.);
10. упражнения, способствующие развитию творческих способностей и воображения (написание историй, написаний стихов, драматизация).

Проведя анализ двух УМК по английскому языку 10-11 класс: углубленный уровень, мы пришли к следующему выводу, что данные линейки в основном отражают все критерии, которые мы вывели.

Анализ метапредметных результатов показал, что упор в обоих УМК делается на развитие работы с информацией, самостоятельную деятельность и общение. Например: «Look at the picture. What do you think makes doctor Dolittle different from other doctors? Read the biography to find out» [2]. Тем не менее, учителям необходимо самостоятельно придумывать упражнения на развитие логическую работу и исследовательскую работу.

Для анализа УМК к заявленному уровню владения иностранным языком возьмем В1 как наименьший уровень для овладения несмотря на то, что по ФГОС уровень должен быть В1+. Это подтверждается соответствием используемый языкового материала: грамматика, лексика, фонетика,

орфография и пунктуация. Упражнения на развитие всех видов речи как: аудирование, чтение, письмо, монологическая и диалогическая речь [6].

В рамках линейки «Английский язык. Углубленный уровень» под авторством коллектива авторов О. В. Афанасьева, И. В. Михееева. и другие материалы для подготовки к экзаменам представлены в рамках отдельных заданий внутри всего юнитов. Обратимся к УМК «Звездный английский. Углубленный уровень» под авторством следующего коллектива авторов К.М. Баранова, Д. Дули и другие, которые разработали отдельный раздел подготовки к единым государственным экзаменам по английскому языку.

УМК «Английский язык» и «Звездный английский» учитывают возрастные особенности учащихся 10-11 классов, что способствует к повышению мотивации. Однако большинство тем, представленных в УМК, сфокусированы духовное и социокультурную сторону. Обратимся, к примеру, «Английский язык» 2 юнит 10 класс называется «Man the believer», где учащиеся изучают мировые религии (Христианство, Ислам, Буддизм и Иудаизм) и религии древности (древнегреческая, древнеримская и скандинавская мифология) [3]. «Звездном английском» более обширен по количеству юнитов и диапазоном тематик этих юнитов, и разделами юнитов по сравнению с «Английский язык».

Критерий наличие тем, блоков, рубрик, связанных с другими предметами, вышел из предыдущего критерия. «Английский язык» имеет только рублики/ блоки, связанные с предметом (reading, listening, speaking, writing, language of use, project и другие) [3,4], когда как в «Звездный английский» имеет не только блоки по дисциплине, но и междисциплинарные как: Across culture (культурные особенности стран изучаемого языка и России), literature, curricular cut (другие учебные дисциплины, свойственные для англоязычной системы) [1,2].

Одной из ключевых для нас является наличие упражнений, требующих знание других предметов, потому что представляет собой важным элементом для реализации междисциплинарного подхода обучению иностранному языку. В состав обоих комплексов входит упражнения, которые требуют знание чаще всего таких предметов как: история, география, биология, литература.

Анализ учебно-методических комплексов на наличие проектной деятельности с интеграцией с знаниями из других предметных областей показал, что отдельную рубрику по проектной деятельности в обоих комплексах. Данные проекты характеризуются как дополнительная самостоятельная работа по поиску информации. Например, в линейке «Английский язык - 11» проект является заключительной рубрикой юнита: юнит «Чудеса света», учащиеся изучали «7 мировых чудес света», как проектную работу задают изучить и узнать об «7 российских чудесах света» [4]. В линейке «Звездный английский» проектная деятельность не обязательна в конце юнита. Она может быть представлена после любой рубрики/блока по интересной теме. Рассмотрим на примере 11 класса, где

после рубрики «Across culture» авторы предлагают учащимся найти ответы на вопрос, как и почему английский и русский языки меняются в течение времени [2].

Восьмой критерий направлен на развитие самостоятельной работы с информацией. Данная работа реализовывается в рамках проектных работа, а также может быть реализована как задание на дом. Однозначно можно утверждать, что в обоих учебно-методических комплексах способствуют развитию самостоятельного изучения и поиска информации. В некоторых заданиях даются ссылки на интернет источники, однако не запрещается пользоваться и другими источниками.

Целью данных учебно-методических комплексов является развитие коммуникативной компетенции. Это является целью не только данных комплексов, а всего иноязычного образования, поэтому использование и применение на уроках иностранного языка коммуникативных методик необходимо. Это проявляется в темах юнитов и уроков, в текстах для чтения и аудирования. Тем не менее, заданий, подразумевающих дискуссию, дебаты и другие нет. В рамках диалогической речи присутствуют задания по ролевой игре. Данные методы обучения преподаватель может организовать, самостоятельно основываясь на тему урока.

Панова Л.Д. утверждает, что междисциплинарный подход требует упражнения, направленные на развитие творческие способности как [5]: написание историй, написаний стихов, драматизация и другие нет в учебно-методических комплексах «Английский язык» и «Звездный английский». Стоит заметить, что в данных линейках есть место для творчества учителя.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что учебно-методические комплексы имеет потенциал для реализации междисциплинарного подхода. Междисциплинарные рубрики, задания являются положительным аспектом, который обогащает учебный процесс и процесс целостного мировоззрения учащихся. Линейка «Английский язык» уступает линейке «Звездный английский» по ряду критериев.

Данный подход за счет более широкого интегрирования материалов из различных дисциплин, форм, средств и т.д. может сделать обучение более содержательным, мотивирующим и актуальным для учеников. Рекомендуется для обоих комплексов разработать дополнительные материалы/ кейсы и другие для раскрытия полного реализации междисциплинарного подхода в рамках практических задач. Это позволит учителям повысить качество преподавания иностранного языка и формировать у учащихся комплексных компетенций.

Список использованной литературы

1. Английский язык. 10 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений и шк. с углубл. изучением англ. яз. / К. М. Баранова, Д. Дули, В. В. Копылова [и др] 2-е издание Москва : Просвещение, 2012. – 200 с.

2. Английский язык. 11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений и шк. с углубл. изучением англ. яз. / К. М. Баранова, Д. Дули, В. В. Копылова [и др] Москва : Просвещение, 2011. – 200 с.
3. Афанасьева, О. В. Английский язык. 10 класс: углублённый уровень : учебник / О. В. Афанасьева, И. В. Михеева. 10-е изд. Москва : Просвещение, 2023. – 223 с.
4. Афанасьева, О. В. Английский язык. 11 класс: углублённый уровень : учебник / О. В. Афанасьева, И. В. Михеева. 10-е изд. Москва : Просвещение, 2022. – 256 с.
5. Панова, Л. Д. Интеграция как инновационное направление в образовательном процессе высшей школы. // Сборник научных статей: Студентоцентрированный университет: преемственность и традиции образования, инновации и перспективы развития/ ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: Н. З. Башун (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2025. – С.195-197.
6. Российская Федерация. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 N 287 (ред. от 18.07.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2021 N 64101) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501780

Часть 3. СЛОВО НАЧИНАЮЩИМ УЧЕНЫМ

УДК 81'373.462:811.112.2:811.111

Амелина А.Е., учащаяся 10 класса

КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Научный руководитель**: М.И. Ветошко,** учитель английского языка

Брянский городской лицей № 1 им. А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматривается контаминация как один из ярких и продуктивных способов словообразования в современном немецком и английском языках. Анализируются теоретические подходы к определению контаминации и неологизма. На материале словарей «100% Jugendsprache 2019» и онлайн-словаре «Wordspy» проводится лингвистический анализ контаминантов, выявляются их структурные, семантические и функциональные особенности. В ходе анализа установлено, что среди неологизмов немецкого и английского наибольшую группу контаминантов представляют имена существительные. В немецком языке этот процесс распространен также среди глаголов и прилагательных, в том время, как в английском языке было выявлено лишь одно прилагательное-неологизм, образованное с помощью контаминации. Для немецких неологизмов характерно более сильное влияние английских заимствований. Обнаружены существенные структурные различия: для немецкого языка характерно наложение основ, а в английском преобладает тенденция к усечению первого компонента.

Ключевые слова. Контаминация, неологизм, словообразование, немецкий язык, английский язык, блендинг, молодёжный сленг, языковая экономия.

Amelina A.E., 10th-grade student

CONTAMINATION AS A METHOD OF WORD FORMATION FOR NEOLOGISMS IN GERMAN AND ENGLISH

Scientific supervisor: **M.I. Vetoshko**, English Teacher

Bryansk City Lyceum No. 1 named after A. S. Pushkin

Abstract. The article examines contamination as one of the vivid and productive methods of word formation in modern German and English. Theoretical approaches to defining contamination and neologism are analyzed. Using the material from the dictionaries "100% Jugendsprache 2019" and online-dictionary "Worldspy," a linguistic analysis of contaminants is conducted, revealing their structural, semantic, and functional features. The analysis established that among German and English neologisms, nouns constitute the largest group of contaminants. In German, this process is also common among verbs and adjectives, whereas in English, only one adjective-neologism formed through contamination was identified. German neologisms are characterized by a stronger influence of English borrowings. Significant

structural differences were found: German is characterized by the combination of stems, while in English, the tendency to truncate the first component predominates.
Keywords. Contamination, neologism, word formation, German language, English language, blend, youth slang, language economy.

Любой язык можно сравнить с часовым механизмом: подобно ему, язык никогда не останавливается, пытаясь удовлетворить потребности своих носителей. Новые слова и выражения приходят в язык для обозначения новых понятий или для того, чтобы дать новые имена уже существующим вещам, поскольку их старые имена устарели. Таким образом, количество слов в любом языке неизбежно меняется с течением времени.

Материалом исследования послужили 80 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из словаря немецкого молодёжного сленга «100% Jugendsprache 2019» [8] и онлайн-словаря английских неологизмов «Wordspy» [7].

Одним из достаточно продуктивных и ярких способов словообразования в настоящее время является контаминация (или блендинг) – процесс создания новых слов путём объединения частей двух или более основ. Под новыми словами в лингвистической литературе понимают «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление» [3, с. 423]. Одно из наиболее полных определений понятию «неологизм» даёт лингвист Дитер Херберг. Он считает, что «неологизмом является лексическая единица или значение, которые появляются в определенный отрезок языкового развития коммуникативного сообщества, получают распространение, соответствуют языковой норме, и в этот временной промежуток развития воспринимаются большинством носителей языка как новые в течение определенного времени» [6, с. 393]. Существуют разные способы образования неологизмов. В немецком языке, например, «наиболее продуктивным способом образования неологизмов-существительных является словосложение» [1, с. 10]. В то же время одной из быстро развивающихся словообразовательных моделей является процесс контаминации, как одно из проявлений закона экономии усилий в языке.

Одним из первых среди тех, кто изучал процесс контаминации в конце XIX века, был немецкий младограмматик Г. Пауль (1880). Г. Пауль рассматривал контаминацию как объединение в сознании человека двух синонимичных слов или выражений, в результате чего возникает третье слово, фонетически и/или графически напоминающее слова-источники. Спустя какое-то время Дж. Бергстрем предположил, что подобное стяжение может быть результатом слияния любых частей исходных слов, а также синтаксических конструкций, полагая, что достаточно большую роль в

процессе образования контаминантов играет семантическое подобие исходных компонентов [4, с. 211].

Следует отметить, что используемая терминология для обозначения данного понятия весьма разнообразна: блендинг, словосмешение, словослияние, телескопия и др. Согласно исследованиям Г. Кэннона, процесс контаминации распространен во многих языках, однако чаще всего контаминация встречается именно в германских языках: английском, немецком, шведском, датском [5, с. 725–753].

Тем не менее, причины такого широкого распространения контаминации в данных языках до сих пор считаются неизвестными.

Значительный рост количества контаминированных образований можно проследить в период с XX в. по XXI в. Данное обстоятельство обусловлено возрастающей ролью СМИ во всех странах мира, со свободой слова, межкультурными контактами, распространением английского языка. Популярность английского языка помимо заимствования контаминированных образований в другие языки, привело к популяризации того, что возникает в рамках англоязычной культуры, в самом языке. Одним из факторов послужила также реклама: для привлечения внимания аудитории, рекламодатели часто используют контаминацию, так как она объединяет слова таким образом, что в результате возникает оригинальный, своеобразный, запоминающийся звуковой образ, который в свою очередь может и вовсе не отражать суть товара или услуги.

До недавнего времени существовала тенденция сопоставлять процесс контаминации с другими словообразовательными процессами, например: с сокращением, с аббревиатурой, со сложносокращенными словами, со словосложением. Однако данное отождествление не является оправданным. Его можно объяснить тем, что в широком смысле в контаминации присутствуют все эти процессы: сокращение, аббревиация, и сложение элементов слов.

Главным признаком, который различает контаминацию и аббревиацию является тот факт, что аббревиатура представляет собой слово-заместитель, употребляющееся вместо и как синоним соответствующего развернутого словосочетания. Контаминант, в отличие от аббревиатуры, в большинстве своем не является синонимом или знаком-заместителем соответствующего развернутого словосочетания. Основное различие между контаминацией и сложным словом заключается в том, что контаминант представляет собой единую корневую морфему, что особенно ощутимо в контаминантах, состоящих из одного-двух слогов. Это различие доказывают Т.Р. Тимошенко и В.М. Лейчик. Согласно В.М. Лейчику, «создание такой морфемы из двух или нескольких корневых морфем является существенным отличием слова-стяжения от сложных слов» [2, с. 14–21]. Таким образом, под контаминацией понимается словообразовательный процесс, при котором возникает новое слово путем объединения двух или более основ, в результате чего создается единая корневая морфема, не имеющая соответствия в виде свободного сочетания.

В ходе проведенного лингвистического анализа немецкоязычного материала мы выявили следующие группы контаминантов:

1. Контаминанты – существительные:

- **Brobel** (trinken) «ein Bier (Hobel) mit seinem Bro trinken» - пить пиво с бро (друг).
- **Debilotel** «Mischung aus debil und Telefon, Smartphone, Internetverbindung herstellen kann» - дурачок, который не может представить свою жизнь без телефона, смартфона или интернет соединения.
- **Dogstagram** «Instagram-Foto mit Hund» - фотография в инстаграме с собакой.
- **Flexitarier** «Vegetarier, der auch mal Fleisch isst» (flexibel + Vegetarier) – почти «вегетарианец». Человек, который иногда ест мясо.
- **Hacktivist** «politisch motivierte Hacker» (Hacker + Aktivist) – человек, который врывается в компьютерную систему, чтобы преследовать политическую или социальную цель.
- **Lituation** «eine Situation, die lit ist» - забавная/классная ситуация.
- **Merkules** (Angela Merkel + Herkules) – авторитет и влияние канцлера ФРГ Ангелы Меркель, являющейся на данный момент одной из ключевых фигур на мировой политической сцене, сравнивается с физической силой, мощью мифического героя.
- **Ringxiety** (ring + anxiety) «die Angst. dass das Smartphone klingelt» - страх, который испытывает человек, когда слышит звонок телефона.
- **Smombie** (Smartphone + Zombie) «Mensch, der wie gebannt mit dem Handy über Straße geht und nicht guckt, wohin er geht» - человек, который никак не может оторваться от телефона.
- **Smottel** (Smartphone + Trottel) – дурачок с телефоном .
- **Snackosaurus** (Snack + Dinosaurus) «verfressener Mensch» - человек со зверским аппетитом.
- **Someoneelsie** (someone else + Selfie) «Gegenteil von Selfie, ein Foto von jemand anderem» - когда кто-то из старшего поколения пытается сделать селфи, но не знает, как держать телефон.
- **Tinderella** (Tinder + Cinderella) «weibliche Person, die exzessiv Online Dating-Plattform wie Z.B. Tinder nutz» - девушка, которая чрезмерно использует платформы онлайн-знакомств (например: Тиндер).

Tweef (Twitter + Beef) «Streit auf Twitter» - ссора в твиттере

- **Tweegram** (Twitter + Instagram) – пост из твиттера, который загрузили в инстаграм (в виде скриншота).

2. **Контаминанты – глаголы:**

- **bierlaxing** (Bier + relaxen) «bei einem Bier relaxen» – расслабиться под бокал пива;
- **chassen** (chatten + essen) «chatten und essen gleichzeitig» – есть и переписываться одновременно;
- **fi(lmgu)cken** «einen Film gucken und dabei miteinander schlafen» – смотреть фильм и затем иметь интимную близость;
- **flatten** «flirten beim Chatten» – флиртовать при переписке;

- **grillbieren** «grillen und dabei Bier trinken» – делать барбекю и в тоже время пить пиво;
- **mailden** (per Mail melden) – отправлять сообщения по электронной почте;
- **mensen** (in der Mensa essen) – есть в столовой;
- **schwachsimpeln** (Schwachsinn + fachsimpeln) «Mist erzählen» – нести чушь.

3. Контаминанты –прилагательные:

- **cutiful** (cute + beautiful) – красивый
- **freisure** (freiwillig + sure) – на 100% уверенный
- **killig** (kill + chilling) – убийственно классный
- **lahmsam** (lahm +langsam) – очень медленный
- **okkur** (okay + sure + alles klar + sicher) – понятно окончательно
- **saurig** (sauer + 485raurig) - удрученный
- **schök** (schon + schick) – красивый и элегантный
- **unistone** «frei wie ein Einhorn und hart wie ein Stein, sich in seiner Haut wohlfühlen» – свободный как единорог и сильный как камень, чувствоваться себя хороша в своей коже.

Для анализа английских контаминантов мы использовали лексические единицы, выбранные из словаря «Wordspy». «Wordspy» это онлайн- словарь английских неологизмов, из которых большинство слов являются разговорными и часто не фиксируются другими, нормативными, словарными источниками. Отметим, что практически весь отобранный нами материал (39 слов из 40), относится к разряду контаминантов-существительных. Исключение составляет лексема **fappy** (fat + happy) «overweight and happy with one's life» – с избыточным весом и довольный своей жизнью. Приведем примеры существительных английского языка, образованных с помощью контаминационного процесса:

- **alcopop** (alcohol + pop) «A soft drink or lemonade that contains alcohol» - безалкогольный напиток или лимонад, содержащий алкоголь.
- **Amerasian** (American + Asian) «someone from Asia who has one American parent and one Asian parent» - человек родом из Азии, у которого один родитель американец, а другой азиат.
- **begpacker** (beg + backpacker) «A backpacker who finances their food, lodging, or transportation expenses by asking for handouts» - пеший турист который оплачивает своё пропитание, проживание и транспорт за счёт подаяний.
- **behaviorceutical** (behavior + pharmaceutical) «A physical activity that improves mental health, particularly by reducing stress or anxiety» - физическая активность, улучшающая психическое здоровье, в частности, за счет уменьшения стресса или беспокойства.
- **Bollywood** (Bombay + Hollywood) «The films or film industry of India» - кино или киноиндустрия Индии.
- **breathalyzer** (breath + analyzer) «a piece of equipment used by the police to see if a driver of a car has drunk too much alcohol» - оборудование, используемое полицией, чтобы проверить, не выпил ли водитель автомобиля слишком много алкоголя.

- **Brexit** (Britain or British + exit) «the exit of Great Britain from the European Union» - выход Великобритании из Евросоюза.
- **bridezilla** (bride + Godzilla) «A bride-to-be who, while planning her wedding, becomes exceptionally selfish, greedy, and obnoxious» - будущая невеста, которая, планируя свадьбу, становится исключительно эгоистичной, жадной и неприятной.
- **brotel** (brothel + hotel) «A friend's house where you stay for free when traveling» - дом друга, в котором вы бесплатно останавливаетесь во время путешествий.
- **buckraker** (buck (slang: "dollar") + muckraker) «A journalist who uses their connections and knowledge to earn a significant amount of money outside of their regular job» - журналист, который использует свои связи и знания, чтобы заработать значительную сумму денег вне своей обычной работы.
- **charticle** (chart + article) «A news article that consists of a chart or similar graphic with a small amount of explanatory text» - новостная статья, состоящая из диаграммы или аналогичного изображения с небольшим количеством пояснительного текста.
- **chofa** (chair + sofa) «A settee that combines the look of a chair with the comfort of a sofa» - диван, сочетающий в себе внешний вид стула и удобство дивана.
- **chortle** (chuckle + snort) «the action of smoking ganja and trying not to cough» - процесс курения ганджи и попытки не кашлять.
- **cookprint** (cooking + footprint) «The energy and other resources used while preparing meals» - энергия и другие ресурсы, используемые при приготовлении еды и др.

Сюда также можно отнести такие образования как: dadbod (dad + body), darknet (dark + network), donorcycle (organ donor + motorcycle), fanfic (fan + fiction), flog (fake + blog), flunami (flu + tsunami), Internot (Internet + not), jumbrella (jumbo + umbrella), phubbing (phone + snubbing), podcasting (iPod + broadcasting), prankvertising (prank + advertising), racecation (race + vacation), robocall (robot + call), shelfie (shelf + selfie) и др.

Таким образом, контаминация является активным и продуктивным способом словообразования в обоих языках, однако демонстрирует различные структурные предпочтения: для немецкого языка характерно наложение основ, для английского – радикальное усечение первого компонента. Немецкий язык в области контаминации испытывает значительное влияние английского, в то время как английские контаминанты практически автономны. Около 40% контаминированных образований немецкого языка содержат иноязычные элементы, заимствованные преимущественно из английского языка. Кроме того, некоторые лексические единицы состоят только из английских слов, например: cutiful (cute + beautiful) или Tweegram (Twitter + Instagram). Наиболее часто употребляемая основа для образования немецких контаминатов – слово chill и все его производные (chibil, couchil, killig). Самым частотным словом, участвующим в словообразовательных

процессах в английском языке, является лексема selfie (3 лексические единицы).

Основными сферами функционирования контаминантов в обоих языках являются интернет-коммуникация, молодёжная культура и медиа, что объясняется стремлением к языковой экономии, экспрессии и креативности.

Список использованной литературы

1. Амелина, Л. В. Способы образования неологизмов в немецком языке (на материале словаря неологизмов информационной онлайн-системы owid) / Л. В. Амелина // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки : Материалы IX Национальной научно-практической конференции, Брянск, 20 апреля 2022 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. – С. 7-11.
2. Лейчик, В. М. Об одном малоизученном способе словообразования. «Телескопные слова» современного французского языка // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1966. – No3. – С.14–21.
3. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. – 423 с.
4. Bergström, G.A. On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English A contribution to the study of contamination / By G. A. Bergström. – Lund 1906. – XVI, 211 c. – URL: https://archive.org/details/cu31924026575070
5. Cannon, G. Blends in English word formation / G. Cannon // Linguistics, 1986. – V. 24. – № 4. – Pp. 725–753.
6. Herberg, Dieter. Neuer Wortschatz : Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / von Dieter Herberg, Michael Kinne, Doris Steffens ; unter Mitarbeit von Elke Tellenbach, Doris al-Wadi. – Berlin, New York : W. de Gruyter, 2004. – xxxvii, 393 p.
7. Word Spy – Онлайн-словарь англоязычных новых слов. [Электронный ресурс] – URL: https://wordspy.com/
8. 100 % Jugendsprache 2019. München: Langenscheidt GmbH & Co. KG, 2018. – 160 S.

УДК 82.091:82-1

Бардадын И. Н., учащаяся 11 класса

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА И Г.Р. ДЕРЖАВИНА

научный руководитель: **И. Н. Никитина**, кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье представлен анализ жанра оды, выполненный на материале творчества М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина. Для од М.В. Ломоносова характерны идеализация образов монархов, возвышенный стиль, торжественность, сложные синтаксические конструкции, обилие средств выразительности. Г.Р. Державин нарушает каноны классицистической оды, отступает от ломоносовской системы «трех штилей», соединяя в своих одах высокое, среднее и низкое в единый живой образ, изменяются и

приемы идеализации образов. Трансформируясь, ода Г.Р.Державина обретает новаторские черты.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, ода, классицизм, трансформация, жанр, проблематика, образ идеального монарха, натюрморт, сатирическая галерея типов.

Bardadyn I.N., 11th grade student

THE EVOLUTION OF THE ODE GENRE IN THE WORKS OF M.V. LOMONOSOV AND G.R. DERZHAVIN

Scientific supervisor: **I.N. Nikitina**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article presents an analysis of the ode genre based on the works of M.V. Lomonosov and G.R. Derzhavin. M.V. Lomonosov's odes are characterized by the idealization of monarchs, an elevated style, solemnity, complex syntactic structures, and an abundance of expressive means. G.R. Derzhavin, on the other hand, breaks the canons of the classicist ode, departing from Lomonosov's system of the "three styles" by combining high, middle, and low elements into a single vivid image in his odes. The techniques of idealizing images also undergo changes. In its transformation, G.R. Derzhavin's ode acquires innovative features.

Keywords: M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, ode, classicism, transformation, genre, problem, the image of an ideal monarch, a still life, a satirical gallery of types.

В Античности слово «ода» сначала не имело терминологического значения, затем стало обозначать преимущественно написанную строфами лирическую хоровую песню торжественного, приподнятого, морализирующего характера (особенно песни Пиндара). В византийской гимнографии одой называлась каждая из девяти частей канона.

В эпохи Возрождения и барокко слово применялось в основном к патетической высокой лирике, ориентирующейся на античные образцы (Пиндар, Гораций) и написанной строфическими стихами (П. де Ронсар во Франции, Г. Кьябрера в Италии, Дж. Драйден в Англии).

В поэзии классицизма ода – ведущий жанр высокого стиля с каноническими темами (прославление Бога - духовная ода, отечества, жизненной мудрости и др.), приёмами («тихий» или «стремительный» приступ, наличие отступлений, дозволенный «лирический беспорядок») и видами (оды духовные, торжественные – «пиндарические»; нравоучительные – «горацианские»; любовные – «анакреонтические»): Ф. де Малерб, Вольтер, Ж.-Б. Руссо, П.-Д. Экушар-Лебрен (Франция) [1].

Классицизм – одно из самых сложных и неоднозначных направлений в русской культуре. Формирование классицизма в России происходило позднее, чем в европейских странах. Отсюда необыкновенная

интенсивность развития литературы XVIII века, ее динамичный характер. В силу определенного ряда исторических причин наиболее репрезентативным жанром в русской литературе становится ода (в отличие, например, от французского классицизма, где главное место в иерархии жанров занимала трагедия). Ни в одной из европейских литератур ода не имела такого большого значения, как в России. Востребованность данного жанра была обусловлена его идеологической составляющей: ода стала необходима новой идеологии, поскольку именно в ней происходило утверждение новых государственных ценностей. Став неотъемлемой частью придворных церемониалов, ода не только обрела популярность в дворянской среде, но и стала образцом риторики. Возникновение и развитие жанра оды дало ключ к пониманию историко-литературного процесса XVIII века [4, с. 3].

К одическому жанру обращались многие авторитетные современники М.В.Ломоносова, среди которых В.К.Тредиаковский и А.П.Сумароков. Однако, рассвет и наивысшее развитие одописания в России исследователи связывают с именем М.В. Ломоносова, который утвердил его как основной лирический жанр феодально-дворянской литературы XVIII века.

Учитывая одну из специфических особенностей русского классицизма, а именно его высокий гражданский патриотический пафос, следует отметить, что оды М.В.Ломоносова в идейно-тематической концепции станут отражением идеалов гражданственности и общественного долга.

Для торжественных од М.В. Ломоносова, написанных в соответствии с законами классицизма, характерны следующие черты: высокая тематика, идеи гражданственности, патриотизма, просвещённого абсолютизма; выражение не личного, индивидуального, а общего, национального; использование античных образов; трёхчастная макроструктура с возможным наличием микроструктуры во вступительной части и обязательным во второй части произведения, которая обладает разветвленной тематикой, лежащей в основе ее структурного деления; тематика, соответствующая гражданскому содержанию; соединение лирики с публицистикой, эмоциональности с рассудительностью, «восторга» с холодностью; возвышенный стиль, торжественный и величавый язык; десятистишная строфа со стройной системой рифмовки; традиционный четырёхстопный ямб; обилие тропов и фигур речи [3].

При всей традиционности и каноничности од Ломоносова следует отметить уникальность произведений автора, который создал свой стиль, названный «витийственным», и особый художественный метод, сочетающий высокую риторичность и программно-публицистический характер идейно-тематического содержания.

Обратимся к специфике произведения М.В. Ломоносова «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1747 года».

Для произведения характерен высокий стиль. Поэт использует сложные синтаксические конструкции («Мы в скорбной темноте заснули, / Но в радости от сна вспрянули, /Как ты нощный рассыпал мрак») церковнославянскую лексику (градов ограда, дщерь, узреть, выя и т.д.) лексику. Ломоносов считал, что оды должны использоваться для воспевания деяний определенной личности или событий, определяющих ход исторического развития государства.

Согласно канонам жанра, произведение состоит из трех частей. В экспозиции М.В. Ломоносов восхваляет мир – «тишину», как неотъемлемое условия процветания государства.

Тема идеального монарха связана с образами Елизаветы и ее отца Петра, который сопоставляется с богом войны Марсом и Нептуном – покровителем морей. Историческая значимость петровских преобразований представлена средствами гиперболизации. Продолжением идеалов своего отца становится Елизавета- просвещенная монархиня, одной из заслуг которой становится развитие образования и науки в стране. Поэт отмечает, что именно образование молодежи – приоритетная задача государства. М.В. Ломоносов призывает императрицу развивать образование и науку.

В тексте правление Елизаветы идеализировано, что и требует жанр оды, однако комплиментарный характер оды лишь способствует решению важнейших политических задач – установлению мира, развитию науки и образования.

М.В. Ломоносов использует средства выразительности, среди которых эпитеты («глубокие леса», «возлюбленная тишина», «кровавые поля», «сомненная Нева» и т.д.), сравнения («Твои щедроты ободряют / Наш дух и к бегу устремляют, / Как в понт пловца способный ветр / Чрез яры волны порывает...»), метафоры («подать… ума плоды»), метонимии («Давно б Секвана постыдилась / С своим искусством пред Невой») и т.д.

Проведенный анализ показал, что М.В. Ломоносов четко следовал жанровым принципам и характеристикам оды, однако весь одический арсенал был направлен на решение актуальных общественных проблем.

Г.Р. Державин продолжает развивать жанр оды, трансформируя и интерпретируя его в соответствии со своими художественными принципами. Если М.В. Ломоносов четко следовал всем «правилам» оды, то Г.Р. Державин экспериментирует. Он расширяет рамки жанра, соединяет «три штиля» в один, использует описание быта, что вовсе не было характерно для од ломоносовского времени. На рубеже XVIII–XIX веков это литературно-эстетическое мышление оказывается устаревшим. На место жанра встает фигура автора и его индивидуальность, а предметом искусства становятся не идеальные сущности и не абсолютные реальности, а человеческое чувство, отношение человека к действительности, богатство души и истории. Данной сменой парадигмы отмечено творчество Державина, можно сказать, что этот слом произошел в державинской поэзии [2].

Чтобы лучше понять специфику од Г.Р. Державина, обратимся к его произведению «Фелица».

Обычно в названии оды поэты указывали определенное историческое событие, которое и легло в основу произведения. Г.Р. Державин же нарушает этот принцип.

Идеализация образа Екатерины II происходит иными, нежели у Ломоносова, средствами, а именно приобщением ее к обычной земной жизни. В описании поведения и всего облика императрицы проскальзывают совершенно бытовые черты, не характерные, и даже более того, строго запрещенные в торжественных одах. Императрица Екатерина II раскрывается перед читателем не только в идеальном и историческом планах бытия, но и в частном, бытовом, конкретном («Почасту ходишь ты пешком, /И пища самая простая / Бывает за твоим столом….») [2].

Используются сниженная лексика, просторечные русские слова и диалектизмы, которые описывают обычную жизнь (проспавши, кафтан, шинки, поскоблить и т.д.).

В оде Г.Р. Державин отказывается от лирического восторга, заменяя его обычным человеческим чувством. Поэт вновь прибегает к обыденности. Он идеализирует и восхваляет императрицу путем изображения ее такой, какая она есть в реальной жизни

Авторское «я», которое присутствует в державинской оде, нетипично для од, написанных в строгом соответствии с классицизмом.

Можно сказать, что Г.Р. Державин разрушает общепринятые принципы классицизма. Это произведение обладает чертами сходства с лирическим стихотворением, включающим в себя сатирические элементы, что противоречит жанровым принципам оды.

Так, М.В. Ломоносов, придерживаясь строго канона написания оды, создает идеализированный образ императрицы. Используя возвышенный стиль и богатую лексику, он добивается торжественности в своем произведении. Г.Р. Державин выступает новатором, который решает отображать в тексте не только похвалу, но и реальность. Используя «забавный» русский слог, поэт приближает оду к человеку, отдаляя ее от государства.

Список использованной литературы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/c/oda-16e5d1 (дата обращения 09.11.2025)

2. Бухаркин П. Е., Гуськов Н. А., Матвеев Е. М., Пономарева М. В., Тираспольская А. Ю. Лекции к онлайн-курсу «Русская литература XVIII века: пути развития и культурно-исторический контекст» [Электронный ресурс] // Русский XVIII век: научно-исследовательский междисциплинарный журнал. – URL: https://18vek.spb.ru/methods/umk3

3. Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» [Электронный ресурс]. – URL: https://urok.1sept.ru/ (дата обращения 09.11.2025)

4. Харлушина, А. А. Функции тематического комплекса "свет" в системе торжественной оды М.В. Ломоносова : автореферат дис. ... кандидата филологических

наук : 10.01.01 / Харлушина Алла Александровна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. — Ижевск, 2010. — 19 с..

УДК 81'322:004.8'32.

[1]Венчикова Е.А., учащаяся 11 класса

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ФИШИНГОВЫХ ПИСЬМАХ

Научный руководитель: [2]**Селифонова Е.Д.,** кандидат филологических наук, доцент

[1]Брянский городской лицей № 1 им. А.С. Пушкина

[2]Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

Аннотация. В статье рассматривается проблема недостаточной осведомленности пользователей о лингвистических приемах злоумышленников, используемых в фишинговых письмах. Целью работы является изучение и систематизация лингвистических маркеров, позволяющих идентифицировать фишинговые сообщения на основе текстового анализа. В результате исследования сформирован набор критериев для формирования алгоритмов проверки текста письма, который может быть использован в практической деятельности для повышения осведомленности пользователей и совершенствования систем автоматического обнаружения угроз.

Ключевые слова: анализ текста, фишинговые письма, лингвистические маркеры, алгоритм проверки

[1]Venchikova E.A., 11th-grade Student

LINGUISTIC MARKERS IN PHISHING E-MAILS

Scientific supervisor**: [2]Selifonova E.D.,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

[1]Bryansk City Lyceum No. 1 named after A. S. Pushkin

[2]Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article addresses the issue of insufficient user awareness regarding the linguistic techniques employed by malicious actors in phishing emails. The aim of the study is to examine and systematize the linguistic markers that enable the identification of phishing messages through textual analysis. As a result of the research, a set of criteria for developing text-checking algorithms has been formulated. This set can be utilized in practical applications to enhance user awareness and improve automated threat detection systems.

Keywords: text analysis, phishing emails, linguistic markers, verification algorithm

В современном мире злоумышленники придумывают все более изощренные способы кражи личных данных. Фишинг (англ. *phishing* – an

attempt to trick someone into giving information over the internet or by email that would allow someone else to take money from them, for example by taking money out of their bank account [1]) – это форма кражи личных данных, которая происходит, когда вредоносный веб-сайт выдает себя за законный, чтобы получить конфиденциальную информацию, такую как пароли, данные учетной записи или номера кредитных карт.

Фишинг использует поддельные электронные письма, которые выглядят подлинными и якобы поступают из законных источников, таких как финансовые учреждения, сайты электронной коммерции и т.д., чтобы пользователи переходили на мошеннические веб-сайты по ссылкам, указанным в письме [2]

В октябре 2025 года специалисты Роскомнадзора заблокировали 4 283 фишинговых ресурса и 171 сайт, распространяющий вредоносное программное обеспечение [3]. По данным исследования Positive Technologies, в 2024 году, по сравнению с 2023-м, количество фишинговых атак выросло на 33%, а с 2022-го – на 72% [4].

Почти 1,2% всех отправленных электронных писем являются вредоносными, что в цифрах переводится на 3,4 миллиарда фишинговых писем ежедневно. На каждые 4200 отправленных электронных писем хотя бы одно определенно будет мошенническим [5].

В условиях активного распространения фишинга и роста его популярности, каждый пользователь рискует стать жертвой мошенников, что грозит потерей денег и конфиденциальных данных. Единственный способ избежать этих последствий – это научиться безошибочно распознавать признаки фишинговых писем. Понимание лингвистических маркеров становится критически важным инструментом цифровой гигиены человека, который позволяет пользователям самостоятельно защищать свои данные.

В качестве основного метода исследования используется лингвистический анализ структуры фишинговых и легитимных писем. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к классификации маркеров. Для выделения особенностей содержания фишинговых писем, рассмотрим и проанализируем некоторые примеры фишинговых писем на основе информации из открытых источников.

Рассмотрим примеры фишинговых писем.

Пример 1.

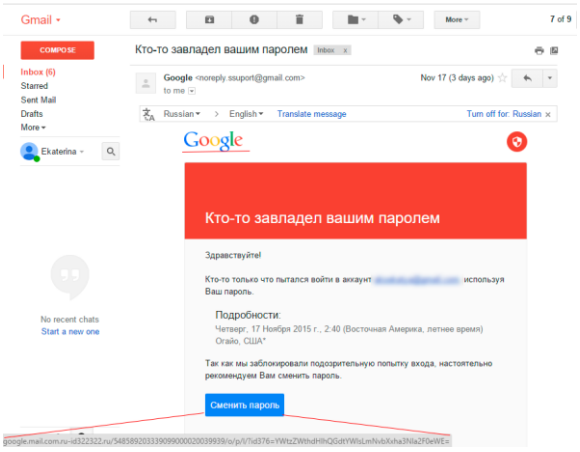

Рисунок 1 [6].

Пример 2

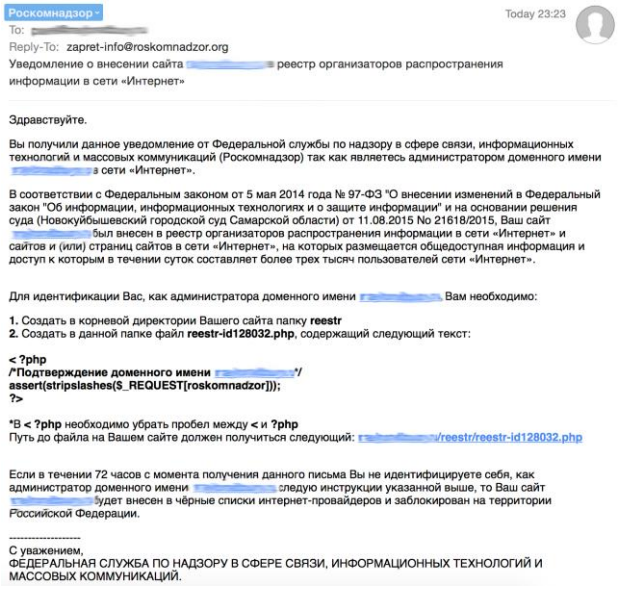

Рисунок 2 [6].

Пример 3.

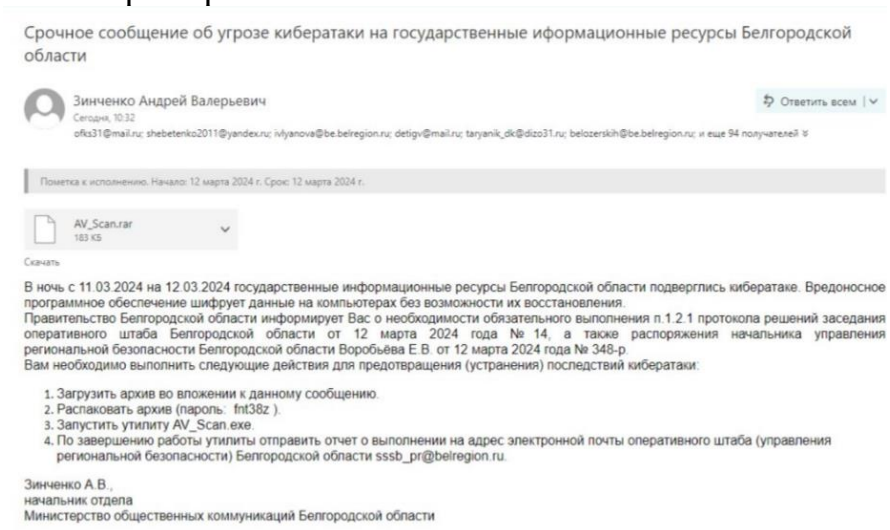

Рисунок 3 [7].

Пример 4.

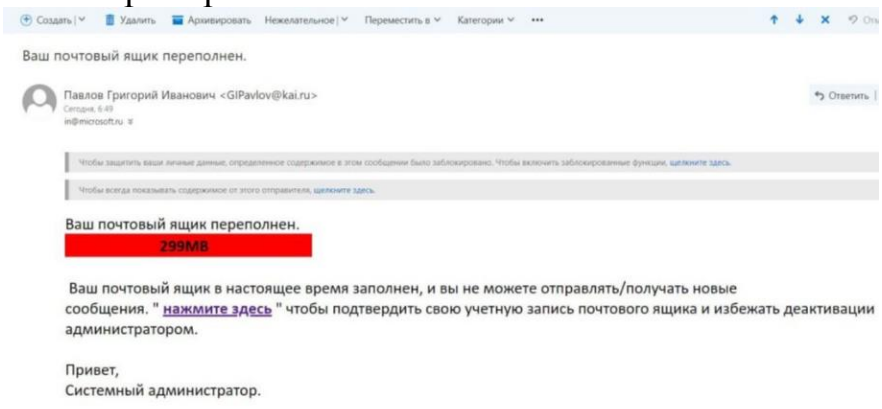

Рисунок 4 [7].

Проанализировав вышеуказанные примеры, можно выделить несколько общих особенностей. В каждом из четырех писем используется методы социальной инженерии. Социальная инженерия — это способ воздействия на людей с целью получения строго конфиденциальной информации или обхода технических средств защиты для доступа к системам. Суть социальной инженерии заключается в применении психологических манипуляций, которые эксплуатируют эмоции и доверие жертвы для реализации замыслов преступника. Согласно информации от Positive Technologies, в 2024 году примерно 50% успешных кибератак на компании осуществлялись с использованием техник социальной инженерии [8]

На основе анализа четырех писем можно выделить общие лингвистические стратегии, которые мошенники используют для манипуляции жертвами. Эти стратегии реализуются через конкретные маркеры.

Классифицируем эти маркеры на две группы: маркеры социальной инженерии, то есть с помощью каких способов оказывается психологическое воздействие на жертву и формально-лингвистические маркеры, в которых отображаются ошибки и особенности стилистики писем.

Рассмотрим маркеры социальной инженерии. Они направлены на то, чтобы вызвать у жертвы определенную эмоцию и подтолкнуть к немедленным действиям, минуя критическое мышление.

Во-первых, это создание срочности и угрозы. Целью мошенника является заставить жертву действовать быстро под влиянием страха. За короткое время человек не успевает обдумать свои решения и осознать происходящее.

Например, используются такие фразы, как «Срочное сообщение об угрозе» (Пример 3), «Кто-то только что пытался войти...» (Пример 1), «Если в течении 72 часов... Вы не идентифицируете себя... то Ваш сайт... будет... заблокирован» (Пример 2).

Обычно в таких письмах используются слова: срочно, немедленно, сейчас же, безотлагательно, сегодня. А также слова, ограничивающие время: последний, окончательный, конечный, единственный шанс [8].

Второе, это злоупотребление авторитетом и легитимностью. Так мошенники пытаются вызвать доверие у жертвы.

В приведенных примерах это выражается через использование брендов (Google – Пример 1), название официальных служб (Федеральная служба – Пример 2) и высоких должностей (начальник отдела Министерства – Пример 3).

В-третьих, фишинговые письма часто призывает к немедленному действию. Цель мошенников – указать жертве, что нужно делать, причем обычно в повелительном наклонении. В Примере 1 и Примере 4 – это кнопка «Сменить пароль» и гиперссылка «Нажмите здесь», в Примере 2 и Примере 3 – пошаговая инструкция действий [9].

Далее рассмотрим формально-лингвистические маркеры. Они часто представлены в виде грамматических, орфографических и стилистических опечаток.

Наиболее часто встречаемыми являются лексические и орфографические ошибки. Например, в Примере 1 автор пишет «ssuport», вместо «support». В Примере 2 есть орфографическая ошибка – «в течении 72 часов». Часто фишинговые сообщения выдает низкое качество исполнения [10].

Фишинговые письма содержат в себе ссылки, перейдя на которые, мошенник получает необходимые данные о пользователе. Нажав на ссылку, человек попадает на фишинговый сайт. Стоит обратить внимание на доменное имя – злоумышленники часто используют похожие на оригинальные названия с опечатками. Протокол «https://» и значок замка в адресной строке, что указывает на безопасное соединение. Укороченные ссылки также должны вызывать подозрения.

Таким образом, знание лингвистических маркеров является критически важным элементом в системе защиты от фишинговых атак. Эти маркеры яляются самым надежным сигналом обманного письма. В отличие от технических ухищрений, которые могут быть незаметны для обычного пользователя, языковые особенности доступны для непосредственного восприятия и анализа. Поэтому развитие навыка их распознавания позволяет выявлять угрозы на самом раннем этапе, до перехода по вредоносной ссылке или раскрытия конфиденциальных данных. В конечном счете, лингвистическая грамотность становится не просто полезным умением, а необходимым личным навыком, значительно повышающим уровень цифровой безопасности как для отдельного человека, так и для организации в целом.

Список использованой литературы

1. Cambridge dictionary online [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/phishing
2. А. Н. Завьялов «Интернет мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения» [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-moshennichestvo-fishing-problemy-protivodeystviya-i-preduprezhdeniya/viewer
3. «РКН в октябре заблокировал более четырех тысяч фишинговых ресурсов» [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20251106/roskomnadzor-2053215667.html?ysclid=mho35bdy8392187746
4. «Positive Technologies: количество фишинговых атак выросло на треть за год» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ptsecurity.com/about/news/positive-technologies-kolichestvo-fishingovyh-atak-vyroslo-na-tret-za-god/
5. Nivedita James Palatty «81 Phishing Attack Statistics 2025: The Ultimate Insight» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.getastra.com/blog/security-audit/phishing-attack-statistics/
6. «Примеры фишинговых сообщений электронной почты» [Электронный ресурс]. – URL: https://habr.com/ru/articles/271123/?ysclid=mhrwnpdwn3820104459

7. Министерство цифрового развития Белгородской области «Фишинг от руководства» [Электронный ресурс]. – URL: https://czentrobrazovaniya1belgorod-r31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/Fishing.pdf
8. Диреев И. Д. «Социальная инженерия в контексте информационной безопасности» [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-v-kontekste-informatsionnoy-bezopasnosti/viewer
9. «Психология социальной инженерии: почему мы поддаемся манипуляциям» [Электронный ресурс] – URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/paragraph/354043.php?ysclid=mhs06c2o4z249669276
10. «Не попадись на крючок: 7 признаков фишингового письма или сообщения» [Электронный ресурс]. – URL: https://habr.com/ru/articles/902506/?ysclid=mhuopkxpsb882614345

УДК 81'25-26:811.111`373.2:811.161.1

Горшкова Виктория С., учащаяся 11 класса

ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Научный руководитель**: Т.Н. Дмитренко,** учитель английского языка

Брянский городской лицей им. А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода сложных лексических единиц (существительных и прилагательных) с английского языка на русский. Цель работы — анализ и систематизация основных переводческих приёмов на конкретных примерах. В результате исследования выделены и проиллюстрированы четыре ключевые технологии перевода: использование эквивалента, аналога, описательного перевода и компенсации. Делается вывод о том, что выбор оптимального приёма зависит от степени совпадения понятийных и коннотативных значений в паре языков, а также от контекста.

Ключевые слова: перевод, сложные слова, словосложение, эквивалент, аналог, описательный перевод, компенсация, английский язык, русский язык.

Gorshkova Viktoria S., 11th-grade student

TRANSLATION TECHNIQUES FOR COMPOUND NOUNS AND ADJECTIVES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Scientific Supervisor: **T.N. Dmitrenko**, English Teacher

Bryansk City Lyceum No. 1 named after A. S. Pushkin

Abstract. The article addresses the problem of translating compound lexical units (nouns and adjectives) from English into Russian. The aim of the work is to analyze and systematize the main translation techniques using specific examples. The study identifies and illustrates four key translation techniques: using an equivalent, an analogue, descriptive translation, and compensation. It is concluded that the choice of the optimal technique depends on the degree of coincidence of conceptual and connotative meanings in the language pair, as well as on the context.

Keywords: translation, compound words, compounding, equivalent, analogue, descriptive translation, compensation, English language, Russian language.

Перевод сложных слов представляет собой одну из значительных практических трудностей. Это связано с тем, что английский язык, особенно в области научно-технической, публицистической и разговорной лексики, отличается высокой продуктивностью словосложения – способа словообразования, при котором из двух или более основ создается новая лексическая единица с единым значением [4]. Сложным словом (compound word) принято считать устойчивое сочетание основ, функционирующее в языке как целостная семантическая и грамматическая единица (например, *baby-talk, bodyguard, long-suffering*).

Основная проблема при переводе таких единиц заключается в частом отсутствии прямых, готовых соответствий в русском языке, который, хотя и обладает механизмом словосложения (ср. *северо-запад, темно-зелёный*), пользуется им менее активно. Русский язык чаще компенсирует эту разницу с помощью словосочетаний или развернутых определений. Таким образом, переводчику необходимо не просто найти словарный эквивалент, а выбрать стратегию, которая наиболее адекватно передаст значение, стилистическую окраску и функцию исходной единицы в конкретном контексте.

В отечественной теории перевода (Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов) разработана система приемов для работы с лексическими единицами [4; 3; 2]. Анализ предложенного материала (картотека из 60 сложных слов) позволяет выделить и проиллюстрировать четыре основные технологии перевода сложных существительных и прилагательных.

Эквивалент – это постоянное, словарно закреплённое соответствие единице оригинала, практически не зависящее от контекста [4]. Данный приём применим, когда в языке перевода существует сложное слово или устойчивое словосочетание, полностью покрывающее значение исходного понятия.

Например, *bodyguard* → телохранитель (N+N → N), *balance-wheel* → маятник / маятниковый механизм (N+N → N / Adj+N), *long-suffering* → долготерпеливый (Adj+V-ing → Adj), *leading-wheels* →ведущие колеса (V-ing+N → Adj+N)

Как видно из примеров, структурное соответствие может быть как прямым (*bodyguard – телохранитель*), так и непрямым, где английскому сложному слову соответствует русское словосочетание (*leading-wheels – ведущие колеса*). По данным выборки, эквивалент является наиболее частотным приёмом (55% случаев), что характерно для нейтральной и терминологической лексики.

Аналог используется, когда прямого эквивалента нет, но можно подобрать слово или словосочетание, близкое по смыслу и стилистической окраске в данном конкретном контексте [3]. Этот приём требует учета коннотаций и эмоционального заряда слова. Например, *lion-hearted captain* → отважный капитан (досл. «львиное сердце»). Прямой калькой

(«львиносердый») значение было бы искажено, поэтому выбирается смысловой аналог.

lap-dog → всеобщий любимец (досл. «собачка на коленях»). Перевод передаёт функционально-переносное значение, утрачивая образ, но сохраняя суть описания человека.

baby-talk может переводиться как детский лепет, разговор с младенцами или детская речь в зависимости от контекста, что демонстрирует вариативность аналога.

Приём аналога применяется особенно важен для перевода образной и экспрессивной лексики.

К описательному переводу прибегают, когда ни эквивалент, ни аналог не подходят, особенно при работе с безэквивалентной лексикой или реалиями. Значение сложного слова передаётся с помощью развёрнутого поясняющего словосочетания. Например, *life-sized carving* → скульптура, выполненная в натуральную величину; *but-and-ben* (шотл.) → двухкомнатный коттедж; *lime-kiln* → печь для обжига извести**;** *land-grabber* → человек, захватывающий чужую землю**.** Этот приём точен, но часто ведёт к «утяжелению» текста. Его задача – кратко и ясно объяснить суть явления, незнакомого носителю языка перевода.

Компенсация – это комплексный приём, при котором утрата какого-либо элемента (образа, стилистической окраски, экспрессии) в одном месте текста восполняется в другом месте или с помощью иного средства [4]. Часто исходное сложное слово опускается, а его смысл или эмоция передаются контекстуально. Например, *hidden in the back blocks* → спрятанный в глуши / в окрестностях**.** Утрата образа (*back blocks*) компенсируется выбором стилистически окрашенного русского слова («глушь»). *a last-ditch attempt* → отчаянная / последняя попытка**.** Идиоматичность английского сочетания (досл. «попытка последнего рва») передаётся русским экспрессивным прилагательным. *to be more light-footed* → быть более свободным / легким на подъём**.** Переносное значение передаётся иным, но схожим по смыслу образом.

Компенсация – самый творческий и сложный приём, требующий от переводчика глубокого понимания целого текста.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее эффективным и распространённым приёмом перевода сложных слов является использование эквивалента**.** Он применим для большой пласта устоявшейся, нейтральной и терминологической лексики, где между языками существует прямое понятийное соответствие (например, *license-holder – лицензиат*, *blood-poisoning – заражение крови*).

2. Для передачи образной, экспрессивной и контекстуально окрашенной лексики оптимальным становится приём аналога**.** Он позволяет сохранить стилистику и эмоциональный посыл, жертвуя при необходимости буквальной формой (*lion-hearted – отважный*).

3. Описательный перевод и компенсация служат для работы со сложными случаями безэквивалентности. Первый даёт точное толкование,

второй – позволяет сохранить художественную целостность текста. Их эффективность определяется не на уровне отдельного слова, а на уровне всего высказывания или текста [1].

Таким образом, не существует единственно верной «технологии» перевода сложных слов. Выбор приёма зависит от триады «значение – контекст – функция». Успешный перевод предполагает последовательную проверку: существует ли готовый эквивалент? Если нет, можно ли подобрать контекстуальный аналог? Если и это невозможно, то какой из объяснительных или компенсаторных приёмов позволит наиболее полно и адекватно донести мысль автора до читателя на русском языке. Владение этой системой приёмов составляет основу переводческой компетенции при работе с продуктивными моделями английского словообразования.

Список использованных источников

1. Антонова, Т. В. Модель перевода культурно-маркированных единиц на примере британской прессы / Т. В. Антонова // Litera. – 2018. – № 4. – С. 306-314. – DOI 10.25136/2409-8698.2018.4.24867.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод : вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. - Изд. 2-е. - Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 235 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингв. аспекты), [На прим. англо-рус. переводов, Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.]. — М. : Высш. школа, 1990. — 250 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; испр. изд. с обновленными и расш. доп. Д. И. Ермоловича. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Auditoria, cop. 2016. – 244 с.

УДК 81’374.8

Горшкова Валерия С., учащаяся 11 класса

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Научный руководитель**: Т.Н. Дмитренко,** учитель английского языка

Брянский городской лицей им. А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматривается лингвистический феномен широкого распространения сокращений и аббревиатур в современных языках, обусловленный развитием технологий, увеличением информационного потока и процессами глобальной интеграции. Автор анализирует проблемы, возникающие при переводе английских аббревиатур на русский язык, основными из которых являются межъязыковая омонимия и столкновение с аббревиатурами-каламбурами. На конкретных примерах из экономической и научно-технической сфер демонстрируются трудности выбора корректного эквивалента и потенциальные источники переводческих ошибок.

Ключевые слова: аббревиация, сокращения, перевод, омонимия, каламбур, межъязыковая интерференция, английский язык, русский язык, терминология.

Valeria S. Gorshkova, 11th Grade Student

PECULIARITIES OF TRANSLATING ABBREVIATIONS AND ACRONYMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Scientific Supervisor: T**.N. Dmitrenko**, English Teacher
Bryansk City A.S. Pushkin Lyceum

Abstract. The article examines the linguistic phenomenon of the widespread use of abbreviations and acronyms in modern languages, driven by technological development, the increase in information flow, and processes of global integration. The author analyzes the problems arising when translating English abbreviations into Russian, the main ones being interlingual homonymy and encountering pun-like abbreviations. Using specific examples from economic and scientific-technical spheres, the difficulties in choosing a correct equivalent and potential sources of translation errors are demonstrated.

Keywords: abbreviation, acronyms, translation, homonymy, pun, interlingual interference, English language, Russian language, terminology.

В наше время наличие большого числа сокращенных языковых единиц, несомненно, стало общей тенденцией для большинства современных языков. В течение последних десятилетий в современных европейских языках увеличивается количество сокращений и возрастает частота их употребления. По большей части это связано с развитием науки, техники, увеличением потока информации и возросшей ролью международных интеграционных процессов. Следствием этого является возникновение новых слов, понятий и терминов. Примечательно то, что, зачастую, они выражаются сложными словами и словосочетаниями. В связи с этим и появляется стремление к сокращению, упрощению и компрессии языка. Этому способствуют многие языковые процессы, и аббревиация не является исключением. Для более детального изучения данного вопроса, необходимо, прежде всего, обратиться к толкованию термина «аббревиатура»

Аббревиатура – существительное, образованное из усеченных отрезков слов, входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова, а также из начальных букв или звуков слов, составляющих данное наименование [2].

Появление сокращенных слов-неологизмов, которые значительно расширили словарный состав английского языка в последнее время, свидетельствует об эффективности и продуктивности данного способа словообразования. Поэтому роль аббревиации в современной лексикологии трудно переоценить. Сокращения и аббревиатуры используются не только для экономии времени и печатной площади, но и для запоминания длинных наименований в официально-деловой и научно-технической сферах и повышения смысловой интенсивности речи.

Зачастую при переводе аббревиатур и сокращений с английского языка на русский переводчик сталкивается с рядом проблем. Остановимся на них подробнее:

Во-первых, аббревиатура, как правило, однозначна, чем перевод специальных текстов несколько облегчается. Однако даже среди сокращений экономических терминов нередко возникает омонимия. Сущность межъязыковой омонимии заключается в присутствии в переводящем языке слов, которые близки фонетически к реалиям, подлежащим переводу [1].

Например, аббревиатура *NAIS* имеет три значения [4]:

1. National Association of Insurance Commissioners – ‘Национальная ассоциация страховых уполномоченных;
2. National Association of Investment Clubs – Национальная ассоциация инвестиционныхклубов;
3. National Association of Investors Corporation – Корпорация национальной ассоциации инвесторов.

У аббревиатуры *M.P.* есть два значения [3]:

1. Member of Parliament – член парламента;
2. Military Police – военная полиция.

Также примером омонимии может послужить аббревиатура CMS которая имеет несколько значений [5]:

1. Cryptographic Message Syntax – Синтаксис криптографических сообщений;
2. Color Matching System – Система подбора цветов;
3. Color Matching System – Система управления (телефонными) вызовами;
4. Conversation Monitor System – Система контроля разговоров.

Такая множественность значений одной аббревиатуры может вызвать затруднения у переводчика и привести к переводческой ошибке.

Во-вторых, достаточно редко, но встречаются сокращения, которые могут по форме совпадать с полной формой другого, совершенно случайного слова, что может явится потенциальным источником ошибок, когда необходимо передать на язык перевода запутанный клубок значений и намеков, являющихся игрой слов. Яркими примерами таких аббревиатур каламбуров являются:

1. WAY — World Assosiation of Youth;
2. WAS —Washington Academy of Scienses;
3. WHO — World Health Organization;
4. HEAT — high explosive antitank shell;
5. BAG — Business Advisors Group;
6. EPIC — Electronic Privacy Information Center.

Таким образом, перевод аббревиатур требует от специалиста не только фоновых знаний в соответствующей предметной области, но и внимания к контексту, а также осведомлённости о потенциальной многозначности или игровом характере сокращённых форм.

Список использованной литературы

1. Коннова, А. В. Способы перевода сокращений с английского языка на русский (на материале газетных статей по экономике) // Огарёв-Online. 2015. №8 (49). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-sokrascheniy-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-na-materiale-gazetnyh-statey-po-ekonomike (дата обращения: 18.10.2025).
2. Куликова, М. С. Перевод аббревиатур англоязычных СМИ с английского языка на русский язык / М. С. Куликова // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 6.

Список использованных источников

3. Cambridge Dictionary online [Электронный источник]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mp
4. What does NAIS stand for [Электронный источник]. – URL: https://www.abbreviations.com/NAIS
5. What does CMS stand for [Электронный источник]. – URL: https://www.abbreviations.com/CMS

УДК 81’42:347.441

Кельмяшкин Ф.Ф., учащийся 11 класса

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПУБЛИЧНЫХ ОФЕРТ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ РОССИИ

Научный руководитель**: О.А. Жилинская,** учитель русского языка и литературы

Брянский городской лицей им. А.С. Пушкина

Аннотация. В научной статье рассмотрены лексико-синтаксические и стилистические особенности публичных договоров оферты, которые встречаются на сайтах российских маркетплейсов. Данное исследование показывает, как структура и язык пользовательских соглашений влияет на понимание потребителями своих прав и обязанностей при дистанционной купле-продаже. Отдельное внимание уделяется важности изучения как лингвистического, так и правового подхода изучения темы. Актуальность исследования обоснована необходимостью выработки лингвистического подхода в формулировании более прозрачного, юридически корректного и простого для понимания договоров публичных оферт, которые реально обеспечивают информированное согласие потребителя.

Ключевые слова: публичная оферта, интернет-магазин, лексико-синтаксический анализ, дистанционная купля-продажа, потребительское право

Kelmayshkin F.F., 11th-grade student

ABOUT LINGUISTIC FEATURES OF PUBLIC OFFERS OF RUSSIAN ONLINE STORES

Scientific supervisor: **O.A. Zhilinskaya**, Teacher of the Russian Language and Literature
Bryansk City A.S. Pushkin Lyceum

Abstractю This article examines the lexico-syntactic and stylistic features of public offer agreements published on the websites of Russian online marketplaces. The study demonstrates how the structure and language of user agreements affect consumers' understanding of their rights and obligations in the context of distance selling. Particular attention is paid to the importance of analyzing the issue from both linguistic and legal perspectives. The relevance of this research lies in the need to develop a linguistic approach to the formulation of clearer, legally correct, and more accessible public offers that enable genuinely informed consumer consent.

Keywords: public offer, online marketplace, lexico-syntactic analysis, distance selling, consumer law.

Активное использование маркетплейсов и увеличение количества сделок, которые заключаются онлайн, привели к закреплению публичных договоров оферты, размещаемых на сайтах интернет-магазинов. Подобные договоры обладают юридической значимостью и зачастую формулируются сложным юридическим языком, трудным для восприятия потребителем, у которого нет соответствующего образования. В тексте подобных договоров зачастую используются сложные формулировки, канцеляриты и речевые обороты, затрудняющие понимание содержания договоров оферты и своих законных прав потребителями.

Объектом исследования выступают лексико-синтаксические особенности публичных договоров оферты российских маркетплейсов Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет и других.

Целью исследования является выявление лингвистических и структурных особенностей языка публичных оферт с учетом их юридической значимости. В процессе проведения исследования были проанализированы договоры публичных оферт популярных российских маркетплейсов; изучены и сопоставлены положения публичных оферт с нормами гражданского законодательства РФ (ст. 434, 437, 438 ГК РФ) и Закона «О защите прав потребителей»; были разобраны синтаксические особенности договоров оферты, такие как влияние длины и структуры предложений , наличие вставок и прочих особенностей, влияющих на восприятие текста. Для проведения лингвистического анализа была составлена оригинальная картотека, включающая юридические термины (28 единиц), канцелярские обороты и стилистически-маркированные предложения, которые используются маркетплейсами в договорах оферты.

Публичные договоры оферты – это юридические документы, содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, признается офертой [1]. Язык подобных соглашений напрямую влияет на то, как потребители понимают свои права и обязанности. Текст оферты содержит множество юридических терминов (*акцепт* - ‘согласие на предложение, выраженное действием’ , *оферта* - ‘предложение заключить договор на определённых условиях’, *односторонний отказ* - ‘право одной из сторон прекратить обязательства без согласия другой стороны’), а также канцелярские обороты, характерные для официально-делового оборота. Стилистически-маркированные формулировки (*безоговорочно соглашается*) за счет добавления наречия *безоговорочно* – ‘без каких-либо оговорок или условий придают эффект давления‘ [8], создавая эффект хоть и добровольного, но единственно верного выбора и ставя пользователей в неравноправное положение.

Рассмотрим примеры договоров, содержащих лингвистические хитрости, позволяющие маркетплейсам получать выгоду и защищать свои интересы с точки зрения законности. Договор оферты платформы Wildberries [2] гласит: *«Продавец вправе в любое время в одностороннем порядке изменить условия настоящего Соглашения...»*. Неоднозначность данного постулата заключается в том, что юридически верно составленный договор предлагает пользователям добровольно взять на себя ответственность, которая по умолчанию должна быть возложена на маркетплейс и которая де-факто позволяет ему перенести свою ответственность на невнимательных покупателей, создавая юридически асимметричную ситуацию. Формулировки *вправе, в любое время, в одностороннем порядке* для неспециалиста звучат обыденно, юридически грамотно и не вызывают подозрений, но при этом являются очень важными, поскольку позволяют продавцу переписать договор без участия контрагента.

К сожалению, рядовые покупатели часто не читают пользовательское соглашение или пропускают его, нажимая на кнопку согласия с условиями оферты, что приводит к тому, что пользователи не знают важных ограничений и обязательств, которые на них возлагаются договором оферты, и не знают всей полноты своих прав. Именно используя это невнимание к содержанию договора и строится дальнейшая лингвистическая стратегия маркетплейсов.

Неоднозначный язык договоров оферты порождает у потребителя ложное чувство понимания содержания договора. Например, в договоре оферты маркетплейса Ozon можно прочитать следующую фразу: *«Совершая действия, направленные на оформление Заказа, Покупатель подтверждает, что ознакомлен и безоговорочно принимает условия настоящей Оферты...»* [4]. В этом примере используется термин

гражданского права *оферта*, то есть предложение, адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно выражает намерение лица считать себя заключившим договор с адресатом, которым это предложение будет принято‘ [7] и наречие *безоговорочно*, оказывающее скрытое воздействие на потребителя. Отсутствует уточнение, какое именно действие является акцептом, что оставляет юридические лазейки для двусмысленных толкований и споров. Формулировки звучат официально и корректно, но их реальный смысл может искажаться. Так, фраза о согласии с условиями договора оферты стала привычной для пользователей маркетплейсов. Однако, рядовые пользователи могут не знать, что, например, продавец снимает с себя ответственность за задержку товара. Согласно этой логике формулируются и другие фрагменты пользовательского соглашения, где конкретика замещается юридически корректными формулировками. Так, например, в условиях договора оферты, представленного на маркетплейсе Ozon указано: *«Ozon не несёт ответственности за возможные сбои при оплате или доставке Товара, вызванные действиями третьих лиц либо обстоятельствами непреодолимой силы».* С первого взгляда все выглядит грамотно и безопасно, но при ближайшем рассмотрении мы можем заметить детали, ускользающие от взгляда неспециалиста. Так, под *третьими лицами* могут пониматься как служба доставки, так и служба поддержки. Понятие *непреодолимой силы* нераскрыто и может толковаться как угодно. В итоге покупатель, не вникнув в суть договора оферты, может потерять свои деньги в связи с отказом в возврате и даже не знать о том, что его законное право было нарушено.

Если в предыдущем примере проблема заключалась в выборе отдельных слов и юридических терминах, то на синтаксическом уровне пользовательские соглашения становятся еще показательнее. На уровне построения стилистически-маркированных предложений их проблема заключается в том, что они перегружены. Публичная оферта – это не просто документ, а предложение заключить договор с кругом лиц. Поэтому она должна быть написана не только с точки зрения закона, но и легка для восприятия. Но, как правило, маркетплейсы ориентируются лишь на юридическую сторону – формулировки точны, но зачастую в одном предложении содержится несколько условий, пояснений и уточнений. Так, например, в договоре-оферте Wildberries встречается следующая конструкция: *«Покупатель, подтверждая оформление Заказа, выражает полное и безоговорочное согласие с условиями настоящей Оферты, включая положения о возврате, сроках доставки и правилах взаимодействия с Продавцом».* Это предложение объединяет в себе сразу несколько юридически значимых аспектов: согласие, условие возврата, сроки и взаимодействие с площадкой. Такие “громоздкие” фразы тяжело воспринимаются с первого раза, что влечет за собой ситуацию, в которой читатель без юридической подготовки не понимает, где основная мысль, а где уточнение или условие. Кроме того, договоры оферты зачастую

содержат неточные или обтекаемые формулировки, такие как: *«продавец оставляет за собой право”, “не несет ответственности»*. Формально формулировки таких договоров не нарушают закон. Они составлены в соответствии с гражданским кодексом (Статьи 434,437 и 438). Это означает, что такие договоры являются юридически действительными и все условия сделки в них отражены. Следовательно, язык оферт в первую очередь защищает продавца, но не учитывает интересы покупателей. Таким образом, одно предложение может содержать в себе сразу несколько юридических терминов и значимых условий, что формально корректно, но с точки зрения синтаксиса делает осмысление таких предложений трудными для восприятия неподготовленным человеком.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что договоры оферт написаны слишком сложно и непонятно. В них слишком много юридических терминов, лексических оборотов и запутанных предложений. Чтобы сделать такие документы легче для восприятия и защитить покупателей следует упростить их язык, а именно: разбивать длинные предложения, выделять ключевые моменты и давать пояснения сложным юридическим терминам. Это поможет покупателям лучше понимать свои права и повысит доверие к онлайн-сделкам.

Вместе с тем, некоторые компании начинают включать в свои приложения предупреждения простым языком, что становится определенной тенденцией в написании пользовательских соглашений и повышает доверие, способствуя уменьшению риска конфликтов.

Например, компания Ozon прямо обращается к пользователю: “Пожалуйста, внимательно прочитайте Условия до оформления Заказа. Если вы не согласны с какими-либо положениями Условий, вы можете отказаться от оформления Заказа”. Эта фраза, написанная на понятном каждому языке, повышает концентрированность пользователей, тем самым повышая осознанность согласия. При этом остальная часть пользовательского соглашения сохраняет перегруженный стиль написания.

Список использованной литературы

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.11.2025)
2. Договор публичной оферты компании Wildberries [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wildberries.ru/services/agreement
3. Пользовательское соглашение [Электронный ресурс]. – URL: https://forms.wb.ru/agreement
4. Публичная оферта [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.ozon.ru/legal/terms-of-use/
5. Пользовательское соглашение [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse/ru/

Список лексикографических источников

6. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.] ; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. - 2. изд., перераб. и доп. - Москва : ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 703 с.
7. Большой юридический словарь [Электронный источник] // URL: https://jurisprudence.academic.ru/
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. — 4-е изд., доп.. — М. : Азбуковник, 1997. — 939, [1] с.

УДК 81’42:070

Корячкин С.А., учащийся 11 класса

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК: АНАЛИЗ МЕДИАТЕКСТОВ О КРИПТОВАЛЮТЕ

Научный руководитель: **Селифонова Е.Д.,** кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

Аннотация: В данной статье исследуется роль языка медиа в формировании общественного восприятия и экономических трендов, связанных с криптовалютами. Цель работы – выявить, как с помощью лингвистических средств и нарративных стратегий медиатексты конструируют определённый образ цифровых активов, влияя на настроения инвесторов и массовую аудиторию. На основе анализа современных русскоязычных и англоязычных публикаций рассматриваются ключевые метафоры, фреймы и стилистические приёмы, используемые в дискурсе о криптовалютах. Делается вывод о том, что медиа выступают не просто регистраторами, но активными создателями экономической реальности, а их язык является инструментом формирования как ажиотажа, так и скепсиса.

Ключевые слова: лингвистика, медиадискурс, экономические тренды, криптовалюта, биткоин, финансовый нарратив, метафора, фрейминг.

Современная экономика все чаще характеризуется как «экономика нарративов» [5], где истории, ожидания и массовые верования оказывают на рынки влияние, сопоставимое с фундаментальными показателями. В этом контексте язык медиа перестает быть нейтральным посредником информации, становясь активной силой, формирующей реальность. Медиатексты не просто сообщают о трендах – они создают их, задавая рамки восприятия, формируя эмоциональный фон и предлагая готовые интерпретационные модели для сложных явлений.

Особенно ярко эта функция проявляется в освещении новых сложных феноменов, таких как криптовалюты. Биткоин и альткоины, будучи технологическими инновациями с высоким порогом вхождения для

понимания, особенно зависимы от того, как о них рассказывают. Аудитория, зачастую не разбирающаяся в тонкостях блокчейна, вынуждена опираться на упрощённые образы и аналогии, предлагаемые медиа.

Теоретической основой исследования выступают:

1. Теория фреймов (frame analysis) Э. Гоффмана [2] и ее применение в медиалингвистике (Т. ван Дейк) [1]. Фрейм – это структура знания, организующая понимание события. Медиа, выбирая один фрейм из множества возможных (например, «криптовалюта как технологическая революция» vs. «криптовалюта как финансовый пузырь»), предопределяют отношение аудитории.
2. Теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) [4]. Абстрактные понятия (например, «рынок», «стоимость») осмысливаются через более конкретные и телесные опыты («механизм», «живой организм», «путешествие»). Анализ метафор в экономическом дискурсе позволяет выявить скрытые ценностные установки [5].
3. Подход к экономике как к дискурсивной практике**,** развиваемый Д. Макклоски и Д. Грановеттером, который подчёркивает, что экономические действия встроены в социальные и языковые структуры [3].

Для достижения цели был проведен анализ массива публикаций за 2021-2024 гг. из источников разного типа:

- Деловые и общественно-политические СМИ: «Коммерсантъ», РБК, Forbes, BBC, The Economist.
- Специализированные крипто-издания: ForkLog, Bits.media, CoinDesk.

Анализ проводился по следующим параметрам:

1. Лексико-семантический уровень: Выявление ключевых слов, их валентности (положительной/отрицательной) и частотности (например, «инвестиция», «спекуляция», «хайп», «крах»).
2. Уровень метафоры: Классификация и анализ концептуальных метафор, используемых для описания крипторынка.
3. Уровень фрейма: Определение основных «рамок» интерпретации (фреймов), в которые помещается информация о криптовалютах.

Проведённый анализ медиатекстов позволил выявить несколько конкурирующих фреймов и связанных с ними языковых стратегий.

Фрейм *«Революция/Светлое будущее»* доминирует в специализированных изданиях и PR-материалах. Криптовалюта подается как сила, ломающая устаревшие системы. Можно выделить следующие метаффоры: «*двигатель финансовой инклюзии*», «*протокол следующего поколения*», «*децентрализованный механизм доверия*». Язык подчеркивает инженерную точность и объективность.

Метафоры «*евангелисты биткоина*», «*догма децентрализации*», «*верующие в blockchain*» создают образ сообщества избранных, обладающих истинным знанием. Метафоры, описывающие путь,

предполагают неизбежный прогресс и цель, например, «*биткоин на пути к массовому adoption*», «*дорога к цифровому золоту*».

В предложении «*Эфириум продолжает свое восхождение в качестве мировой децентрализованной вычислительной платформы, закладывая фундамент для Web 3.0*» сочетаются метафоры пути («восхождение»), строительства («фундамент») и технологической судьбы («Web 3.0»).

Фрейм *«Дикий Запад/Пузырь/Пирамида»* относится к классическим фреймам традиционных деловых СМИ в период рыночных падений или скандалов. К ключевым метафорам фрейма относятся метафоры, символизирующие природу или стихию, например, «*волатильная стихия крипторынка*», «*шторм обвалил курс*», «*бычий и медвежий разгул*». Рынок изображается как неконтролируемая, иррациональная сила при помощи метафор данного типа.

Метафоры «*криптолото*», «*ставки на альткоины*», «*рулетка майнинга*» имеют в своем основании указание на азартные игры или лотерии.

В предложении «*Рынок криптовалют вновь продемонстрировали свою экстремальную волатильность. После краткосрочной эйфории инвесторов настигла расплата, и цифровое золото в глазах многих снова превратилось в мыльный пузырь*» метафоры болезни («эйфория», «расплата»), нестабильности («мыльный пузырь») и обмана («превратилось») используются для создания драматического эффекта.

Фрейм *«Мейнстрим и легитимация»* активизируется, когда крупные корпорации (Tesla, MicroStrategy) или государства начинают работать с криптовалютой. К ключевым метафорам фрейма можно отнести метафоры взросления, например, *рынок взрослеет*», «*выход из подросткового возраста*», «*зрелость инфраструктуры*». Особенностью данного фрейма является институциональный язык, который помогает описывать криптовалюту языком традиционных финансов, например, «*хеджирование инфляции*», «*казначейский актив*», «*стратегическое размещение резервов*». В примере «*Институциональные инвесторы перестали воспринимать биткоин как экзотическую диковинку, все чаще включая его в свои портфели в качестве цифрового аналога золота для диверсификации рисков*» встречается ссылка на авторитет («институциональные инвесторы») и безопасную аналогию («аналог золота»).

Проведённый анализ подтверждает гипотезу о том, что медиа являются активными агентами формирования экономических трендов в сфере криптовалют, а не пассивными наблюдателями.

Понимание этих механизмов критически важно не только для филологов, но и для будущих инвесторов, экономистов и регуляторов. Медиаграмотность в эпоху цифровых активов включает в себя способность деконструировать финансовый нарратив, видеть за эмоциональными метафорами и модными фреймами реальные риски и возможности.

Таким образом, язык медиатекстов о криптовалюте выполняет перформативную функцию – он не описывает реальность, а участвует в её

создании. Экономические тренды рождаются не только в трейдинговых терминалах, но и в редакциях новостных порталов, в заголовках статей и в удачных (или пугающих) метафорах, которые подхватывает общественное сознание. Исследование этого процесса открывает новые перспективы для взаимодействия лингвистики, медиаведения и экономической науки.

Список использованных источников

1. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 310 с.
2. Анализ фреймов : эссе об организации повседневдневного опыта / Ирвинг Гофман – Москва : Ин-т социологии РАН, Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2003. – 750 с. :
3. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-deystvie-i-sotsialnaya-struktura-problema-ukorenennosti (дата обращения: 14.10.2025).
4. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : УРСС, 2004. – 252, [2] с.
5. Иррациональный оптимизм [Текст] : как безрассудное поведение управляет рынками / Роберт Шиллер. - Москва : Альпина Паблишер, 2013. - 418 с.

УДК 81’276:004.8.

Лубинская К.Е., учащаяся 10 класса

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный руководитель: **Медведева Е.С.,** учитель английского языка

МАОУ «Гимназия № 1» г. Брянска

Аннотация. В статье рассматривается проблема идентификации авторства текстов в условиях широкого распространения искусственного интеллекта. Целью исследования являлась экспериментальная оценка возможности различения текстов, созданных человеком и нейросетями. В ходе эксперимента был проведён сравнительный анализ идентификации авторства с помощью пяти нейросетевых моделей и группы экспертов-филологов. Результаты показали, что ни нейросети, ни эксперты не способны достоверно определять авторство текстов. Автор приходит к выводу о несостоятельности используемых критериев идентификации, так как они могут симулироваться ИИ или, наоборот, отсутствовать в человеческих работах. В заключении формулируются риски бесконтрольного использования ИИ в образовании и предлагаются рекомендации по смещению акцента в обучении на развитие творческого и критического мышления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, идентификация авторства, генерация текста, образование, нейросети.

K.E. Lubinskaya, 10th-grade student

TEXT IDENTIFICATION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DATA FROM AN EXPERIMENTAL STUDY

Supervisor: E.S. Medvedeva, English teacher

Bryansk Gymnasium No. 1

Abstract. The article examines the problem of text authorship identification in the context of the widespread use of artificial intelligence. The aim of the study was to experimentally assess the feasibility of distinguishing between texts created by humans and those created by neural networks. The experiment included a comparative analysis of authorship identification using five neural network models and a group of expert philologists. The results showed that neither neural networks nor experts are capable of reliably identifying text authorship. The author concludes that the identification criteria used are inadequate, as they can be simulated by AI or, conversely, absent from human works. The conclusion outlines the risks of the uncontrolled use of AI in education and offers recommendations for shifting the emphasis in education toward developing creative and critical thinking.

Keywords: artificial intelligence, authorship identification, text generation, education, neural networks.

Введение.

Сегодня человечество сталкивается с новыми этическими проблемами, связанными с определением авторства текстов, созданных нейросетями. Чем глубже технологии искусственного интеллекта интегрируются в нашу повседневную жизнь, тем сильнее ощущается необходимость разработать надёжные механизмы защиты интеллектуальной собственности и авторских прав. Выявление подлинного авторства текстов стало серьёзной задачей для сферы образования. Ежедневно миллионы школьников и студентов по всему миру стоят перед выбором: выполнить творческое письменное задание самим или переложить его выполнение на нейросеть. Возможно ли отличить работу искусственного интеллекта от творчества человека?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, мы провели исследование, целью которого было экспериментально оценить возможность идентификации авторства текстов, созданных человеком и нейросетями.

Что такое искусственный интеллект?

Под искусственным интеллектом (далее – ИИ) мы понимаем «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1]. Другими словами, это способ добиться

того, чтобы компьютер умел мыслить разумно, как человек. Многие талантливые авторы прошлого (Жюль Верн, Корней Чуковский, Леонардо да Винчи и др.) ещё несколько веков назад предсказывали в своих произведениях появление разумных машин. Уже в середине двадцатого века идею о «мыслящей вычислительной машине» выдвинул британский учёный Алан Тьюринг [2]. Он предложил снабдить машину органами чувств, научить её понимать и воспроизводить человеческую речь, после чего её можно будет обучать, как ребёнка [3].

Роль ИИ в сфере образования

То, что казалось фантастическим ещё пару десятилетий назад, сегодня становится реальностью в различных сферах жизни, в том числе в образовании. Внедрение ИИ помогает оценивать и прогнозировать успеваемость, разрабатываются персональные образовательные программы и учебные планы [4]. В то же время риски использования ИИ в образовательном процессе недостаточно изучены. одна из самых острых проблем в настоящее время состоит в том, что обучающиеся слишком часто стали обращаться к нейросетям для решения учебных задач. Из-за того, что искусственный интеллект так хорошо и быстро обучается и уже научился качественно имитировать человеческую речь, возникла проблема идентификации авторства текстов.

Экспериментальное исследование

До начала нашего эксперимента мы неоднократно слышали от многих людей, в том числе преподавателей, что выявить работу, созданную ИИ, не представляет особого труда. Мы решили проверить это предположение и выявить критерии, используемые для идентификации авторства творческих работ. Для этого мы сгенерировали пять сочинений на тему: «Могут ли машины создавать искусство?» при помощи нейросетей ChatMost, DeepSeek, Kampus, Mitup, Rugpt (заданный промт: «Напиши сочинение на 140-160 слов от лица 16 летнего десятиклассника по теме «Могут ли машины создавать искусство?», намеренно допусти пару пунктуационных, орфографических, грамматических или речевых ошибок»). Затем мы предложили это же задание пяти учащимся десятого класса МАОУ «Гимназия №1» г.Брянска. По условиям эксперимента участники работали под наблюдением и не могли пользоваться какими-либо источниками информации.

После этого мы попробовали определить авторство текстов при помощи нескольких нейросетей. Результаты оценивания представлены в таблице (см. Табл.1).

	Dee	Gig	Cha	Gee	Nic
Текст 1	ИИ	Чел	ИИ	ИИ	ИИ
Текст 2	ИИ	Чел	Чел	Чел	Чел
Текст 3	Чел	Чел	ИИ	ИИ	Чел
Текст 4	ИИ	Чел	Чел	ИИ	Чел
Текст 5	Чел	Чел	ИИ	ИИ	ИИ
Текст 6	Чел	Чел	Чел	Чел	Чел
Текст 7	ИИ	Чел	Чел	Чел	Чел

Текст 8	ИИ	Чел	ИИ	Чел	Чел
Текст 9	ИИ	Чел	Чел	Чел	ИИ
Текст 10	Чел	Чел	ИИ	ИИ	Чел
%	50	50	60	80	60

Таблица 1. Результаты идентификации авторства текстов нейросетями.

Анализ результатов

Как мы видим, точность оценивания не превышает 80%. Среди признаков работ, созданных человеческой рукой, нейросети предложили следующие: присутствие разговорных выражений, наличие грамматических неточностей, характерных для живой речи, отступления от темы, некоторое сумбурное изложение мыслей, текст отражает личное мнение и опыт, склонность к употреблению редких слов, оригинальных синтаксических структур и стилистических выразительных приёмов; в то же время для определения текстов от ИИ нейросети выдвинули такие критерии: типичные фразы и клише, использование вводных фраз, характерных для ИИ, обобщённые заключения, перефразирование одного и того же разными словами, чёткая, иногда излишне логичная структура, использование стандартных аргументов «за» и «против», отсутствие «человеческих» ошибок, таких как опечатки, стилистические погрешности или нелогичные переходы, простота языка, отсутствие яркой индивидуальности.

Продолжение экспериментального исследования

Мы решили проверить смогут ли люди справиться лучше. Мы привлекли экспертов, имеющих лингвистическое и филологическое образование, среди которых были преподаватель ФГБОУ ВО "Брянский Государственный Университет имени Академика И.Г. Петровского" (1 человек), учителя русского и английского языков МАОУ «Гимназия №1» г. Брянска (5 человек) и студенты первого и второго курсов магистратуры направления «Лингвистика» ФГБОУ ВО "Брянский Государственный Университет имени Академика И.Г. Петровского" (16 человек). Результаты оценивания представлены в таблице (см. Табл.2).

	ИИ (количество голосов)	Человек (количество голосов)	% правильных ответов
Текст 1	16	6	73
Текст 2	5	17	23
Текст 3	16	6	73
Текст 4	6	16	27
Текст 5	15	7	68

Текст 6	6	16	73
Текст 7	5	17	77
Текст 8	11	11	50
Текст 9	17	5	23
Текст 10	7	15	68

Таблица 2. Результаты идентификации текстов экспертами.

Подведение итогов

Как показал эксперимент, - ни нейросети, ни люди, не могут с точностью определять авторство текстов. Эта проблема отражает не только технологические достижения нашего времени, но и заставляет задуматься о новых границах креативности, оригинальности и авторского права.

Можно заметить, что у текстов под номерами 2 и 9 процент правильных ответов ниже остальных (23%). Как отмечают эксперты, отнести 2 текст, написанный ИИ, к творчеству человека побудили их такие критерии: ошибки в правописании, текст представляет собой отражение личной точки зрения автора (употребление фраз «я думаю», «мне кажется» и «я считаю»). При идентификации текста номер 9, написанного человеком, но отнесенного большинством экспертов к ИИ, были предложены такие пояснения: завершение текста без персонализации и выражения личного мнения, академический стиль и абстрактные формулировки, четкая структура и следование плану. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данные критерии не являются достоверными при идентификации авторства текстов. Примечательно также, что одни и те же показатели («ошибки разного вида») трактуются специалистами неодинаково: одни видят в них признак человеческой небрежности, другие относят их к результатам неполноценной или неправильно настроенной языковой модели.

Некоторые неочевидные пояснения от экспертов, по поводу их решения отнести текст к работе ИИ: «противоречивые утверждения», «кажется, что человек бы так не сказал», «поверхностные формулировки», «текст крайне выхолощенный и структурированный», «частые повторы, которые человеческий взгляд заметил бы», «длинное тире». Критерии, которые сподвигли экспертов отнести тексты к творчеству человека: «высказывается личное мнение через обороты», «не поверхностно написано», «задаются риторические вопросы», «очень эмоциональные рассуждения».

Выводы и рекомендации

Использование искусственного интеллекта школьниками и студентами может привести к ухудшению уровня образования, выполнение домашнего задания станет не способом закрепления пройденного материала

или изучения новой информации, а сплошным списыванием уже готового решения. Один из главных рисков заключается в снижении способности анализировать и самостоятельно мыслить, ИИ часто генерирует стандартные, повторяющиеся шаблоны, что подавляет развитие творческого потенциала учащихся. Дети могут привыкнуть использовать готовые решения, теряя способность создавать оригинальные идеи и концепции. Привыкнув получать мгновенные ответы и помощь от ИИ, учащиеся могут испытывать трудности в ситуациях, когда доступ к таким технологиям ограничен. Это формирует эмоциональную зависимость, снижающую самостоятельность и уверенность в себе. Все перечисленные факторы подчеркивают важность осознанного подхода к внедрению ИИ в образовательный процесс. Необходимо разрабатывать новые стратегии обучения детей, менять подход, стараясь максимально ограничить возможности детей списать готовую работу. Следует сделать акцент на творческое мышление и оригинальность, формирование критического восприятия информации, увеличить количество практических заданий, использования интерактивных форматов, так же следует большее внимание уделить заданиям, направленным на применение теоретических знаний в реальных жизненных ситуациях.

В процессе подготовки данной статьи использовалась языковая модель DeepSeek в качестве инструмента для мозгового штурма и преодоления творческих блоков. Все конечные формулировки, структура и смысловое наполнение были разработаны и утверждены автором.

Список использованной литературы

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/72838946/ (дата обращения: 6.11.2025).
2. Тьюринг, А. Вычислительные машины и разум / Алан Тьюринг ; [пер. с англ. К. Королева]. - Москва : Издательство АСТ, 2018. - 128 с.
3. Аблажей, А. М. Искусственный интеллект в образовании: возможности, вызовы и ограничения / А. М. Аблажей, Н. В. Абабков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2020. - № 2. - С. 5-13. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.kbncran.ru/wp-content/uploads/2020/05/Vis-2.pdf (дата обращения: 4.11.2025).
4. Малышева, Е. Г. Искусственный интеллект в высшем образовании: систематический обзор зарубежных исследований / Е. Г. Малышева, Е. В. Ткаченко // Университетское управление: практика и анализ. - 2024. - Т. 28, № 3. - С. 5-22. - [Электронный ресурс]. - URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/142137/1/UM_2024_28_3_005.pdf (дата обращения: 4.11.2025).

УДК 81’42:341.

Пасканов В.В., учащийся 11 класса

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научный руководитель: **Жилинская О.А.,** учитель русского языка и литературы Брянского городского Лицея № 1 им. А.С. Пушкина

Аннотация: В научной статье рассмотрены лексико-синтаксические аспекты международно-правовых актов, которые регулируют критически важную сферу государства – космическую деятельность, а именно принципы деятельности государств по исследованию космического пространства, ответственность за причинение ущерба космическими объектами и деятельность государств на Луне и других небесных телах. Актуальность исследования заключается в необходимости обеспечения юридической точности и единого толкования международно-правовых актов.

Ключевые слова: международное право, космическое право, лексико-синтаксический анализ, правовой дискурс.

Paskanov V.V., 11th grade student

INTERNATIONAL LEGAL ACTS: LEXICAL AND GRAMMATICAL ASPECT

Scientific Supervisor: **Zhilinskaya O.A**., Teacher of the Russian Language and Literature, Bryansk City Lyceum № 1 named after A.S. Pushkin

Abstract: The scientific article examines the lexical and syntactic aspects of international legal acts that regulate a critically important sphere of state activity – space activities, namely the principles governing states' exploration of outer space, liability for damage caused by space objects, and the activities of states on the Moon and other celestial bodies. The relevance of the study lies in the need to ensure legal precision and a uniform interpretation of international legal acts.

Keywords: international law, space law, lexico-syntactic analysis, legal discourse.

Космическое право активно развивается, что приводит к стабильному увеличению числа документов, которые не исследованы с лингвистической точки зрения в силу новизны данной отрасли права.

Объектом настоящего исследования являются лексико-синтаксические особенности «Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах» [1], «Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами» [2] и «Договора о принципах деятельности государств по исследованию и

использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» [3].

Особенности лексики и синтаксиса нормативно-правовых рассматривали Т. Е. Алексеева, Л. Н. Федосеева, О. Г. Поляков [4]. Они утверждали, что большой объем лексики, который используется при составлении юридических документов, является необходимым условием для грамотного изложения правовых норм.

А. Пал и С. Гхош [5] рассматривали соотношение юридических документов на основе сходства употребляемых лексики и синтаксиса.

Цель настоящего исследования – проанализировать лексико-синтаксические особенности международно-правовых актов, регулирующих космическую деятельность.

Исходя из поставленной цели, можно выделить ряд задач:

1. Изучить «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах», «Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами» и «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела»;
2. Выделить и проанализировать юридические, технические и международные термины;
3. Выделить синтаксические особенности.

Результаты исследования. Лексику, которая применяется в международно-правовых актах, регулирующих космическую деятельность, можно разделить на три группы: техническая, международная и юридическая. Это обусловлено сочетанием правового регулирования, сложных технических процессов и международного сотрудничества.

Международная лексика подчеркивает глобальность регулирования космической деятельности и необходимость межгосударственного сотрудничества. В анализируемых документах часто употребляются наименования международных организаций *(ООН, генеральный Секретарь ООН, межправительственные организации, государства-участники).* Также при помощи лексики данного вида устанавливаются принципы межгосударственного сотрудничества *(свобода научных исследований, общее наследие человечества, неприсвоение, сотрудничество и взаимопомощь).*

Техническая лексика обозначает механизмы, которые используются при освоении космоса, среду и характер деятельности в космосе. Также данный тип лексики обозначает космическую инфраструктуру *(космический объект, космические аппараты, станция, персонал)*. К понятиям, обозначающим космическую среду, относятся *Луна, космическое пространство, орбита*. Характер деятельности обозначают понятия и*сследование и использование,* и *эксплуатация природных ресурсов.*

Юридическая лексика специализируется на определении правового статуса космической деятельности государств, механизмах ответственности и разрешении споров, возникающих при взаимодействии стран-участниц

настоящих *Соглашения*, *Конвенции* и *Договора* (основные нормативно-правовые акты). Ответственность государств-участников характеризуют понятия *международная ответственность, ущерб, компенсация, претензия, комиссия по рассмотрению претензий.*

Синтаксическая структура исследуемых международно-правовых актов [1; 2; 3] тмеет высокую степень формальности, что проявляется в использовании большого количества обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами, например, «учитывая права и интересы», «соблюдая положения настоящего соглашения», и обособленных определений, которые выражены такими причастными оборотами как «государства-участники, принимающие участие», «ущерб, причиненный космическими объектами».

Для синтаксической архитектуры международно-правовых актов характерно использование большого числа однородных членов предложения, например, «над своим персоналом, космическими аппаратами, оборудованием, установками, станциями и сооружениям на Луне».

Таким образом, сочетание технических, международных и юридических терминов, а также чинтаксических конструкций определенного типа способствует точности и прозрачности международно-правовых актов.

Список использованной литературы

1. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml?ysclid=mhnu492j50473385695 (дата обращения: 06.11.2025).

2. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml?ysclid=mhnu9n0stp473408362 (дата обращения: 06.11.2025).

3. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // ООНю – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml?ysclid=mhnubbua60292918736 (дата обращения: 06.11.2025).

4. Алексеева, Т. Е. Структурно-семантические особенности и способы перевода англоязычных юридических терминов: терминосистема уголовного права / Т. Е. Алексеева, Л. Н. Федосеева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С. 344-347. – DOI 10.26140/bgz3-2019-0802-0084.

5. Bhattacharya P., Ghosh K., Pal A., Ghosh S. Legal case document similarity: You need both network and text. Information Processing & Management. Vol. 59, Issue 6. – 2022. – P. 103069 – URL: https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.103069 . (дата обращения: 06.11.2025)

УДК 81’373.43:687

Полугаевская С.А., учащаяся 11 класса

НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ МОДЫ

научный руководитель: **О.А. Жилинская,** учитель русского языка и литературы

Брянский городской лицей №1 имени А.С. Пушкина

Аннотация: В работе уточняется лингвистический статус неологизмов в индустрии моды и разграничиваются понятия *неологизм*, *новое слово*, *новообразование*, *окказионализм* и *потенциальные слова*. Анализируются десять терминов, отобранных методом сплошной выборки, по критериям степени новизны, словообразовательной модели, продолжительности существования слова в языке. Автор исследует стратегии первода неологизмов моды с английского на русский язык.

Ключевые слова: неологизм, новое слово, новообразование, окказионализм, потенциальные слова, темпоральность, перцепция, узус.

Polugaevskaya S.A., student of the 11th Grade

NEOLOGISMS IN THE FASHION SPHERE

Scientific supervisor: **O.A. Zhilinskaya**, Teacher of the Russian Language and Literature

Bryansk City Lyceum No. 1 named after A.S. Pushkin

Abstract. The study clarifies the linguistic status of neologisms in the fashion industry and differentiates the notions of neologism, new word, new formation, nonce word, and potential words. Based on the criteria of degree of novelty, mode of emergence, word-formation model, duration of existence, and usage status, a case study is conducted to analyze ten terms selected from advertising posters and influencer posts. The paper discusses strategies for translating fashion neologisms from English into Russian.

Keywords: neologism, new word, new formation, nonce word, potential words, temporality, perception, usage.

Появление новых лексем связано с необходимостью поиска способов наименования вещей, объектов, явлений, появляющихся в жизни людей в связи с развитием таких областей, как, медицина, спорт, техника, культура и искусство [2, с. 48].

Согласно Петрушиной О.И. и Тарасенко В.В., неологизм представляет собой слово или выражение, возникшее в языке вследствие появления новых реалий и понятий и потому воспринимается носителями как «новое» [1]. Ключевую роль здесь играет временной фактор, то есть отмеченность единицы коллективным сознанием в определённый период её существования. При этом термин «неологизм» в научной традиции остаётся

неоднозначным: в узком понимании речь идет о словах, создаваемых для наименования принципиально новых предметов и понятий, тогда как в широком - о любых новых лексических и фразеологических единицах, включая такие, что выражают уже известные смыслы в новой форме или с новым стилистическим оттенком.

Такая вариативность трактовок требует разграничивать «неологизм», «новое слово» и «новообразование», а также отделять их от окказиональных и потенциальных слов. Окказионализмы представляют собой разовые, ситуативные образования, созданные для конкретной коммуникативной задачи и не получившие широкого распространения. Потенциальные слова представлены в виде форм, теоретически возможных по правилам словообразования, но еще не получивших регулярного общественного употребления. Новообразования чаще возникают в письменной, преимущественно научно-технической сфере как первичные наименования новых понятий и нередко быстрее входят в широкий обиход. Неологизмы же преимущественно зарождаются в устной, публицистической, разговорной речи и могут либо закрепиться в повседневной практике, либо исчезнуть без дальнейшего распространения. При этом причины их появления бывают как внешними (социальными, культурными), так и внутриязыковыми.

Существуют различные взгляды в вопросе классификации неологизмов, что связано с неоднозначностью определения самого термина. Однако в настоящее время большинство исследователей выделяют следующие критерии отбора: степень новизны, способ появления, используемая словообразовательная модель, продолжительность существования, отношение к языку и речи [2, с. 51].

Говоря о новизне, принято разделять неологизмы на абсолютные (ранее не использованные в языке) и относительные (слова, уже используемые в языке, которые приобрели новые значения). По способу появления, выделяются лексические (неолексемы), фразеологические (неофраземы) и семантические неологизмы (неосememы). Говоря о способе словообразовательной модели, самыми распространенными в английском языке являются аффиксация (присоединение к корню или основе слова префиксов и суффиксов), конверсия (переход из одной части речи в другую), словосложение (соединение двух или более слов в одно), обратное словообразование (отделение аффикса для образования нового слова), аббревиатуры (соединение начальных букв слов), акронимы (сокращения слов путем соединения их заглавных букв), усечения (сокращение слов без изменения значений), слияния (соединения слов или их основ в одно).

Кроме того, лингвистический статус неологизма может определяться критерием продолжительности существования новых слов. Выделяются краткосрочные неологизмы, употребленные в речи однократно, среднесрочные, закрепившиеся в языке на небольшое время и долгосрочные, ставшие самостоятельными единицами и закрепившиеся в языке.

Заключительным критерием является отношение к языку. В данном случае выделяется две категории неологизмов - узуальные (укоренившиеся в языке) и неузуальные (потенциальные слова).

Говоря о моде, источниками языковых инноваций могут выступать несколько взаимосвязанных категорий. Процесс появления новых наименований может быть связан с продуктами и коллекциями, выпускаемыми профессиональными брендами. Далее медиа и обозреватели нормируют и разъясняют термины в обзорах, инфлюенсеры транслируют их в повседневных практиках. Кроме того, такие платформы как *Instagram* и *TikTok* ускоряют распространение нововведенных понятий за счет алгоритмов рекомендации. Маркетинговые коллаборации могут также выступать как отдельный механизм генерации новшеств, которые быстро получают широкий охват [3].

Также одним из ключевых аспектов является цикличность индустрии. Календари недель моды и выходы сезонных коллекций создают повторяющиеся периоды для появления и закрепления новых слов. Тренд-ярлыки, такие как, например, *quiet luxury* работают как компактные классификаторы стиля и одновременно как сигналы принадлежности, поэтому распространяются быстрее обычной терминологии [4]. Однако для таких ярлыков характерен сжатый жизненный цикл: за пиком внимания вокруг релизов и показов следуют либо стабилизация в профессиональной лексике, либо быстрое угасание, если ярлык не подхвачен медиа и массовым сегментом.

Кроме того, одной из особенностей модного дискурса является его мультимодальность [3]. Данная черта проявляется в том, что смысл неологизма формируется и поддерживается не только словом, но и визуальными рядами (лукбуки, клипы, сторис), типографикой и графикой написания (латиница/кириллица, дефисы), а также хэштегами, которые выполняют сразу функцию индексации и маркировки «нового». Таким образом, повторяющиеся шаблоны подачи усиливают узнаваемость и упрощают «пересборку» термина. В результате неологизмы в сфере моды проходят ускоренную фазу общественного обсуждения чаще, чем это происходит в других сферах, и либо быстро закрепляются через массовое употребление, либо также быстро исчезают из оборота.

Подавляющая часть неологизмов в индустрии моды изначально появились в Английском языке. В связи с этим необходимо определить специфику их перевода на русский язык.

Сажина Е. В. и Новикова Е. О. в своей работе выявили два способа перевода терминов в сферах дизайна одежды и моды: прямой и косвенный [5]. Говоря о прямых методах, таковыми являются транскрипция (звуковая форма лексической единицы остается неизменной), транслитерация (происходит изменение звуковой формы, однако семантика, структура и форма термина сохраняются), калькирование (частичный перевод слов, не имеющих непосредственного соответствия в языке перевода) и дословный перевод.

Если при помощи перечисленных выше методов можно перевести термин без использования специальных стилистических приемов, можно обратиться к косвенному (непрямому) переводу. В отношении безэквивалентных терминов, отражающих реалии определенной страны, применяется перевод описательной конструкцией. Существует также описательный перевод английского сокращения, означающий перевод лексической единицы с учётом её микро-контекста. Данный прием употребляется тогда, когда другие способы интерпретации становятся затруднительными, особенно при переводе отсутствующих в словарях сокращений.

Однако, как показал анализ практического материала, при осуществлении перевода в дискурсе моды с английского на русский язык и наоборот, наиболее распространенными являются прямые методы перевода, такие как транскрипция, транслитерация и калькирование.

Рассмотрим неологизмы в сфере моды, с учетом особенностей их перевода. Для наглядности исследования, неологизмы были взяты с рекламных постеров и постов инфлюенсеров в различных социальных сетях. Общая выборка составила 10 примеров. Исходя из полученных данных, будет проведена дальнейшая классификация неологизмов для подведения итогов об особенностях их появления и функционирования в языке. Для более точного перевода терминов, были использованы словари *Oxford Learner's Dictionary*, *Cambridge Dictionary*, *Collins Dictionary*, *Merriam-Webster Dictionary*.

На рекламном постере (1) использован неологизм '*drop'*, означающий "ограниченный выпуск товара или коллекции/коллаборации" [10, s.v. *drop*]. Заголовок *UPCOMING DROPS* совместно с логотипом компании выступают маркером события-релиза и визуально работают как триггер ожидания предстоящего запуска. В большинстве случаев, слово переводится на русский язык как "дроп" при помощи прямого метода перевода (транскрипции).

Постер (1)

Постер (2)

Неологизм *'trendsetter'*, использованный на рекламном постере (2), обозначает субъекта (человека, сообщество или бренд), запускающего и закрепляющего тренд [6, s.v. trendsetter]. Заголовок *Trendsetter's Bazaar* используется для позиционирования мероприятия как площадки для

генераторов трендов, тем самым привлекая посетителей. Неологизм может быть переведен на русский язык как при помощи приема транскрибирования и будет звучать как “трендсеттер”, так и с помощью описательного перевода - “законодатель трендов”.

Использованный в каталоге (3) неологизм ‘*oversize’* означает, что представленная вещь больше обычного размера [7, s.v. *oversized*]. На русский язык слово можно перевести при помощи приема транскрибирования как “оверсайз” или “свободный крой”, если его перевести при помощи описательного перевода.

Постер (3)

Постер (4)

В постере (4) термин ‘*capsule’* обозначает небольшую коллекцию одежды, вещи из которой можно сочетать по-разному и которая включает в себя все необходимые для носки вещи [9, s.v. *capsule wardrobe*]. Неологизм переводится на русский язык как “капсульный гардероб” при помощи приема калькирования или “капсула”, используя транслитерацию.

Неологизм-аббревиатура *OOTD (Outfit Of The Day) (*постер (5)) обозначает “образ дня” и чаще всего встречается в постах стилистов и инфлюенсеров в виде хэштега [8, s.v. *outfit*]. На русский язык может быть переведен с помощью описательного метода как “образ/лук дня”.

Постер (5)

Постер (6)

Неологизм ‘*haul’* в постере (6) используется по отношению ко всем вещам, которые человек покупает за один раз [11, s.v. *haul*]. Слово переводится при помощи приема транслитерации как “хаул”.

Согласно *Oxford Dictionary*, неологизм ‘*look’* (постер 7) означает стиль моды, которого придерживается человек. В основном переводится с помощью транскрипции как “лук” [7, s.v. *look*].

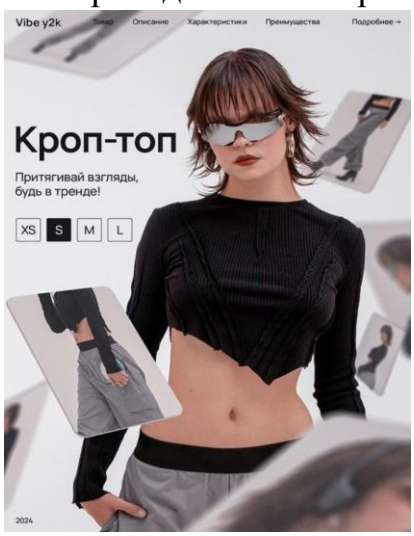
Постер (7)

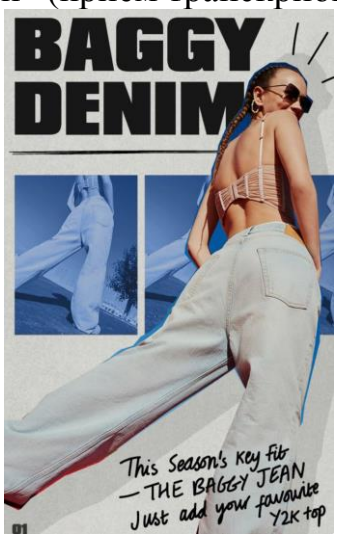
Постер (8)

Термин ‘*casual’* на постере (9) имеет значение “неформальный (об одежде), удобный, повседневный”. Может переводиться как “кэжуал” (прием транскрибирования) или “повседневный” (прием калькирования) [13, s.v. *casual*].

Согласно *Cambridge Dictionary*, ‘*crop top’* (постер 9) означает предмет одежды для верхней части тела, который не закрывает живот [14, s.v. *crop top*]. Исходя из представленной карточки товара, можно сделать вывод о том, что неологизм переводится как “кроп-топ” (прием транскрибирования).

Постер (9)

Постер (10)

Неологизм ‘*baggy’* (10) означает “свободный, мешковатый, висящий (об одежде)”, переводится как “багги” (транскрипция) [15, s.v. *baggy*].

Анализ отобранных на основе описанных выше принципов неологизмов позволил составить таблицу, отражающую все лингвистические характеристики анализируемых неологизмов (см. Табл. 1).

Таблица 1. Характеристики неологизмов тематической группы «Мода»

Термин	Степень новизны	Тип единицы	Словообразовательная модель	Продолжительность	Статус (укоренённость)
drop	абсолютный	лексический (неолексема)	конверсия (verb→noun: to drop → a drop)	долгосрочный	узуальный
trendsetter	абсолютный	лексический (неолексема)	словосложение + суффиксация (trend + set + -er)	долгосрочный	узуальный
oversize	абсолютный	лексический (неолексема)	аффиксация (префикс over-, у формы oversized - суф. -ed)	долгосрочный	узуальный
capsule wardrobe	относительный	фразеологический (неофразема)	словосложение (N + N)	долгосрочный	узуальный
OOTD	абсолютный	лексический (инициализм)	аббревиатура	среднесрочный	неузуальный
haul	абсолютный	лексический (неолексема)	конверсия (verb → n: to haul → a haul)	среднесрочный	неузуальный
look	относительный	семантический (неосемема)	-	долгосрочный	узуальный
casual	абсолютный	лексический (неолексема)	-	долгосрочный	узуальный
crop top	абсолютный	фразеологический (неофразема)	словосложение (V + N)	долгосрочный	узуальный
baggy	абсолютный	лексический (неолексема)	аффиксация (суффикс -y + bag)	долгосрочный	узуальный

Таким образом, анализ 10 единиц показывает, что ядро набора составляют абсолютные неологизмы (8/10), тогда как относительных лишь 2 (look, capsule wardrobe). По типу единицы доминируют лексические заимствования (7/10), при меньшей доле фразеологических сочетаний (2/10) и одной семантической инновации (look). На уровне словообразования доминируют такие модели, как словосложение, аффиксация и конверсия (по 2 случая каждая). По длительности преобладают долгосрочные единицы (8/10), что указывает на стабильный слой терминов кроя/моделей (oversize, crop top, baggy и др.), среднесрочные отмечены у платформенных жанровых меток (OOTD, haul). По степени укоренённости узуальные лексемы составляют также 8/10, неузуальными остаются именно сетевые теги (OOTD, haul), чья жизнеспособность зависит от медиаформатов. Полученные данные подтверждают, что модный дискурс русского языка пополняется прежде всего лексическими заимствованиями из английского.

Список использованной литературы

1. Петрушина, О. И. Проблема определения новых слов в языке / О. И. Петрушина, В. В. Тарасенко // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2014. – № 4. – С. 103-112.

2. Волкова, А. М. Критерии определения лингвистического статуса неологизмов / А. М. Волкова // Magistri et discipuli. Наследие и современность в студенческих исследовательских работах по англистике и американистике : Международный сборник студенческих научных работ / Науч. ред. К.М. Баранова, О.Г. Чупрына, сост., отв. ред. М.Н. Николаева. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – С. 48-56.

3. Rocamora A. Mediatization and Digital Media in the Field of Fashion // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture. 2016. Vol. 20, No. 5. P. 505–522.
4. Kawamura Y. Fashion-ology: An Introduction to Fashion Studies. 2-е изд. London; New York: Bloomsbury, 2018.
5. Сажина Е. В., Новикова Е. О. Особенности перевода терминов в сфере дизайна одежды и моды XX-XXI веков (на материале английского и русского языков). – 2022.
6. Oxford Learner's Dictionaries. Trendsetter // Oxford University Press [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/trendsetter (дата обращения: 07.11.2025).
7. Oxford Learner's Dictionaries. Oversized // Oxford University Press [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/oversized (дата обращения: 07.11.2025).
8. Oxford Learner's Dictionaries. Outfit // Oxford University Press [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/outfit (дата обращения: 07.11.2025).
9. Cambridge Dictionary. Capsule wardrobe // Cambridge University Press [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/capsule-wardrobe (дата обращения: 07.11.2025).
10. Merriam-Webster. Drop (informal) // Merriam-Webster.com Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/drop (дата обращения: 07.11.2025).
11. Cambridge Dictionary. **Haul** // Cambridge University Press. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/haul (дата обращения: 07.11.2025).
12. Oxford Learner's Dictionaries. **Look** (noun, sense 'style') // Oxford University Press. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/look_2 (дата обращения: 15.11.2025).
13. Oxford Learner's Dictionaries. **Casual** // Oxford University Press. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/casual_1 (дата обращения: 15.11.2025).
14. Cambridge Dictionary. **Crop top** // Cambridge University Press. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/crop-top (дата обращения: 15.11.2025).
15. Oxford Learner's Dictionaries. **Baggy** // Oxford University Press. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/baggy (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 82-343:82-132

Шипкова П.А, учащаяся 11 класса

СИНТЕЗ АНТИЧНОЙ И ВАЛЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В АРТУРИАНСКОМ ЦИКЛЕ

Научный руководитель: **О.А. Жилинская**, учитель русского языка и литературы
Брянский городской Лицей № 1 им. А.С. Пушкина

Аннотация. В рамках данной статьи будет рассмотрен процесс создания национальной идентичности Британии через рецепцию эпоса Гомера и Вергилия на примере историко-литературных мифов Англии. Статья стремится доказать связь таких

героев как Одиссей, Эней, Брут и Король артур путем рассмотрения характеристик героев, симбиоза традиций и культурных особенностей стран. Вопрос о предтекстах и реализации элементов различных культур в Артурианском (Артурском) цикле является основной темой статьи.

Ключевые слова: преемственность, мифологическая основа, Артурианский цикл, Одиссея, Энеида, античная литература

Shipkova P. A., 11th Grade Student

SYNTHESIS OF ANCIENT AND WELSH TRADITIONS IN THE ARTHURIAN CYCLE

Supervisor: **O. A. Zhilinskaya**, Teacher of Russian Language and Literature

Bryansk City Lyceum No. 1 named after A.S. Pushkin

Abstract. This article examines the process of creating British national identity through the reception of Homer's and Virgil's epics, using England's historical and literary myths as an example. The article aims to demonstrate the connection between such heroes as Odysseus, Aeneas, Brutus, and King Arthur by analyzing the characteristics of the heroes, the symbiosis of traditions, and the cultural specificities of the countries. The question of pretexts and the implementation of elements from various cultures in the Arthurian cycle is the central theme of the article.

Keywords: continuity, mythological foundation, Arthurian cycle, Odyssey, Aeneid, classical literature.

Констатация проблемы: Способы использования авторитета мифов Гомера и Вергилии (в частности «Одиссеи» и «Энеиды») для легитимности собственной истории и монархической власти? Как из сюжета о бегстве троянцев появился целый сюжетный паттерн? Как связаны Одиссей, Эней и Брут? Как работают механизмы литературно-идеологических заимствований, в котором «Энеида» - связующее звено между античностью и зарождающейся идеологией Британии?

«Одиссея». Хотя точно определить время создания «Одиссеи» не представляется возможным, можно предположить, что она была составлена в середине VIII века до н.э., а записана в VI веке до н.э. Писистратом. Существует множество теорий признающий существование Гомера как реальной исторической личности. Поэтому мы можем опираться на «Одиссею» как памятник авторства, литературы и истории.

Таким образом, Гомер закладывает фабулу мифа, основу сюжета: плавание, преодоление препятствий. Так же создается типизированный образ эпического героя, задается набор ценностей: храбрость, понимание возможной кончины, но достойное ее принятие в случае гибели.

В то время как существование Вергилия не является спорным. По мнению многих современников, именно его творчество являлось пиком культуры. Схожих взглядов придерживалось и его соотечественники, для

которых в веках он остался лучшим поэтом Рима. В мировоззрении греков Вергилий затмил Феокрита, Гесиода и Гомера. Но в мировоззрении римлян закрепилось восприятие себя как потомков побежденных троянцев. Это стало причиной временной потери интереса к Гомеровскому эпосу, вплоть до эпохи Возрождения. До этого мотив героического плавания становится популярной основой для сюжета (например, «Аргонавтика» Аполлония Родоссокого). Тем не менее Европа узнала о Гомере именно благодаря Вергилию. «Энеида» стала «латинским ответом Гомеру», несмотря на попытки автора сжечь ее перед смертью. Рецепция сюжета остается схожей, Первые 6 книг «Энеиды» являются отсылкой к «Одиссее», Вторые 6 – к «Илиаде». Это подтверждают и мотивы, открывающие повествование. Текст «Илиады» начинается так: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». «Одиссея» же: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который…» [2]. Вергилий объединяет два наиболее важных мотива из этих строк (мужи и гнев) : «Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои» [3]. Это подкрепляет тезис об «Энеиде» как результате синтеза Гомеровского эпоса и Римской культуры, Вергилий становится основоположником Римского эпоса, ориентируясь на Гомера. Стоит отметить, что с самого своего зарождения Римская литература активно пользуется приемом заимствования. В 240 году Ливий Андроник переводит «Одиссею», обрабатывая ее сатурническим стихом (была и противоположная точка зрения: Цицерон считал, что такие понятия как сатурнийский стих или балаганный театр – исконно римские). Примерно в эти же годы появляется и «Энеида», выделяющаяся на фоне других произведений Периода ранней республики: прозы, ораторских изречений, имеющих сугубо политическую и дидактическую направленность. Исходя из запроса общества, состоящего в желании политических текстов, можно прийти к выводу, что «Энеида» является далеко не только художественных произведением…Какую политическую ценность несет «Энеида»?

1. Сотворение «Национального мифа» и Божественного происхождения римлян. «Энеида» стала первой историей об основании Рима после легенды о Ромуле и Реме, которую общественность могла воспринять неоднозначно в контексте эпизода братоубийства. Вергилий же связывает уже «авторитетную», самодостаточную культуру Древней Греции с основанием Рима. Эней – сын богини Венеры, что дает всему римскому народу благородное происхождение. Более того, автор создает целое родословное древо, связывая вымышленных персонажей и реальных.

Венера (Афродита в греческой мифологии) – Эней – Юл – род Юлиев – Юлий Цезарь – Август.

«Род от Юпитера мой, в Италию отчую плыл я, Следуя воле судьбы. Мать-богиня мне путь указала. На двадцати кораблях я в просторы Фригийские вышел, Ныне осталось их семь, разбитых волнами и ветром. Я же, безвестен и сир, по Ливийским пустыням скитаюсь.» [3].

Это давало Августу преимущество: его власть была божественным правом, а он сам – прямым потомком основателей Рима.

2. В мифе о Ромуле и Реме римский народ – потомки разбойников и беглецов. В «Энеиде» римляне – потомки героев эпоса и богов. Это подкрепляет идеи абсолютной власти божьего помазанника и закрепляет в мировоззрении народа восприятие Рима как богоизбранного города.

3. Не менее популярным направлением античных текстов была дидактика – нравоучительные тексты. Формируется мировоззрение, главными ценностями которого являются благочестие и уважение к семье, почитание богов и уважение к предкам. Эти основы морали получают название pietas. Воплощением именно совокупности этих нравственных категорий является Эней.

4. «Энеида» служит оправданием мировой власти Рима. Вергилий описывает великую миссию Рима: «Властвовать народами будешь ты, о римлянин!» Эта фраза становится одной из основных для оправдания имперской идеологии Рима.

В «Истории бриттов» Г. Монмутского мы можем отследить неоспоримую связь Брута и Короля Артура. Первый к тому же был правнуком Энея. После убийства своего отца, героя изгоняют, после странствий он приплывает в Британию (название территории происходит от Брут-ейн). Факт родства связывает его с Энеем. Этот герой становится первым королем Британии, а основанный им город Триноватум (далее – Лондон) считается «Новой Троей».

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши - и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской. **[4]**

Согласно Г. Монмутскому спустя поколения династия, основанная Брутом, доходит до Утера Пендрагона – отца Артура. Так, благодаря «Истории королей Британии», образуется связь межу Брутом – мифическим основателем страны и мифологическим правителем Камелота, рыцарем круглого стола.

Для любого мифологического текста характерны архитипические образы, для любого литературного(художественного) – типические. Чем раньше создается литературный текст, тем выше степень смешения этих категорий. Образы Одиссея, Энея и т.д. стали архитепическим «фундаментом» мировой литературы и культуры.

Если обратиться к типизации героев, то можно также выявить некую закономерность их архетипов. Одиссея можно отнести к архетипу плута, об этом свидетельствует множество эпизодов, в которых именно его обман становится причиной движения сюжета. К примеру, это Троянский Конь, убийство женихов Пенелопы и т.д. При этом в греческой культура его хитрость была не однозначно порицаемой: Гомер, описывая Одиссея,

использует слово «polymetis» Это понятие, зачастую переводимое как «хитроумие» и «многоумие», включало в себя дар красноречия, стратегическое мышление и гибкость ума.

Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться

Таким образом, Одиссей – плут, но этимология и культура Греции косвенно одобряет это. Его «приемник» Эней относится к типу легендарного героя. Основой образа становится категория «piestas», характерная для Римской культуры и характеризующаяся ощущением чувства долга перед богами, семьей и Родиной. Эней готов жертвовать личными желаниями для более глобальной цели. Его предназначение было определено богами, но Герой достойно принимает свою судьбу, перенося испытания. Основой его образа является обширная внутренняя трагедия: он теряет близких, например жену, выносит из разрушающегося города на руках отца.

«Благочестивый Эней об отважном тоскует Оронте, Плачет тайком о жестокой судьбе Амиака и Лика Также скорбит Гиасе и храбром Клоанте,
Кончился пир; в этот миг с высоты эфира Юпитер
Парусолетных морей равнину, простертые земли»

Так, Эней является легендарным героем, основателем цивилизации. В нем воплощен идеал римской добродетели и нравственности. Правнук Энея, Брут – герой-завоеватель. Ключевыми особенностями архетипа является жажда расширения и преобразование. В отличии от Энея, которым движет долг и Одиссея, которым движут воспоминания, мотивацией Брута являются амбиции и воля. Но для Брута Британия становится «Землей обетованной», как ему говорит в предсказании богиня Диана. Насильственный мотив завоевания реализуется в завоевательном аспекте: Брут отвоевывает земли, побеждая местных царей и гигантов, чтобы осуществить предсказанное. Так же это путешествие становится путем очищения после преступления. Если Энея двигал фатум, ведь его судьбу избрали боги, то Брута - героя Васа двигает желание обрести дом и исполнить божественное пророчество. Брут преобразовывает непригодную для жизни местность, населенную потомками хаотических существ в цивилизацию. Спустя время появляется король Артур, относящийся к архетипу рыцаря. Он стремится привести свою страну к идеальному обществу, им движет чувство ответственности и долга, его ключевой идеей является власть через служение. Также именно Артур наиболее тесно связан с Духовным магическим миром. Итак, на протяжении смены четырех героев можно заметить, как в их архетипе воплощаются нормы и идеалы того времени, а так же как традиция предшествующей страны смешивается с традицией действительности героя. Например, Вас описывает божественное

откровение богини Дианы – существа Римского пантеона, но Брут все более походит на персонажа британского фольклора (это обусловлено тем, что первостепенная цель его создания – легитимация власти правящей династии)

Говоря о связи этих героев с мифическим, важно упомянуть схожесть греческой традиции и ирландского фольклора. Обе эти культуры восходят к Индоевропейской общности, что объясняет схожесть мифологий на структурном уровне. Например, замещением греческого Зевса в мифологии Ирландии выступает бог Дагда, оба они являются богами-отцами. Похоже также и видение потустороннего мир: Греческий Аид и Кельтский Сид схожи как подземные обители потусторонних существ. Связь с мифологией продолжается с Одиссея до Короля Артура. Артуриана является продуктом симбиоза трех традиций. Текст возникает на стыке кельтской, античной и французской традиции. От валлийской основы произведение берет основные идеи (мотив героя, сражающегося с чем-то ужасным (в «Романе о Бруте» Брут сражается с монстрами, напоминающими людей, в «Одиссее» - герой борется с человекоподобными существами(например циклопом Голифемом и хтоническими монстрами – Сцилой и Харибдой, а «Артуриане» - герой сражается со злом в человеческом обличии) , идею котла изобилия Дагды, которая трансформируется в Грааль). От ирландской основы приходит сам образ героя (впервые Артур изображается именно в валлийских поэмах («Y Goddodin») и прозаических циклах («Мабиногион»). Оттуда же приходят сюжеты о Мерлине (прообразом которого служит бард Мирддин) и прочие. «Король последовал указаниям Мерлина и во всем ему подчинился. Повелев приближенным не ослаблять осады, он доверился снадобьям Мерлина и преобразился в Горлоя. Преобразился и Ульфин в Иордана, а Мерлин в Бритаэля, так что у них не осталось ни тени сходства с самими собой.» **[4]**

Античная культура так же влияет на Артуриану в основном в изложении Г. Монмутского. Король Артур умышленно наделен «римским лоском», связывая его с Брутом, описывая его двор по образу императоров, а рыцарей как легионеров. Таким образом Артуриана вписывается в общеевропейскую культуру, восходя к римской. След французской куртуазной обработки проявляется в изменениях, внесенных Кретье де Труа и прочими авторами, добавившими тему служения Даме, культ любви и прочее. Также Артуриана является гибридом как магического начала так и христанского. Весь ранний Артур – герой магического мира, Мерлин – волшебник-прорицателем, восходящий образом к друидам и прочим персонажам кельтской мифологии. Из этой же традиции приходят Феи, волшебные предметы (У кельтов были магические предметы, связанные с землей обетованной, отсюда берется образ Эскалибура), сам Сид. Христианство является вторым «стержнем» зрелой Артурианы. Эта грань повествования отражены в сюжетах о Поисках Святого Грааля, рыцарском кодексе и морали. Она же является основой внутреннего конфликта героя:

христианский долг подталкивает Артура служить Богу, а человеческая натура жаждет страстей и любви.

В «Бруте» Вас вводит описание придворных пиршеств как важный сюжетный элемент. Это помогает легитимировать прошлое через актуальную современность. Такое описание героев делает их более понятными и релевантными для широкой аудитории, приобщая их к народу. Вес и авторитет тексту придает и иллюзия преемственности, отражающая единое строение что «Древней» Англии Брута что и «новой» Англии Артура. Порой это может также носить идеологическую цель. Автор подсознательно сравнивает бриттов и завоевателей англосаксов. В этом противостоянии именно рыцарский этикет бриттов становится фактом превосходства над вторыми. Помимо этого, изображение пиров может быть интерпретировано как инструмент усиления трагизма текста. Таким образом описания рыцарских праздников в «Бруте» не являются лишь экспозицией, но носят более глубокий смысл, сохраняясь и в Артуриане.

Список использованной литературы

1. Ищенко Д. В. «Благородные» и их система воззрений в формировании национальных идентичностей Западной Европы в средневековье и Новое время: постановка проблемы // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. №25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blagorodnye-i-ih-sistema-vozzreniy-v-formirovanii-natsionalnyh-identichnostey-zapadnoy-evropy-v-srednevekovie-i-novoe-vremya-postanovka (дата обращения: 10.11.2025).

Литературные источники

2. Гомер Одиссея [Электронный источник]. – URL: https://coinmuseum.ru/upload/library-alexandria/Homer_Odyssey.pdf

3. Вергилй Энеида [Электронный источник]. – URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1375300001

4. Г. Монмутский «История бриттов» [Электронный источник]. – URL: https://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/br_history.txt

научное электронное издание сетевого распространения

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

(Материалы межрегионального научного семинара,
20 ноября 2025 г.)

Подписано к использованию 26.12.2025 г.
Формат 60×84 1/16. Объем 3,68 Mb

«РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского»
Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20.